

Эвелина Пиженко

**ТЫ УСЛЫШИШЬ
МОЙ ГОЛОС—2**

Annotation

Этот роман — продолжение нашумевшего одноимённого романа Эвелины Пиженко «Ты услышишь мой голос». Те же действующие лица, но главный герой теперь — Женька Журавлёв...

Эвелина Пиженко

Ты услышишь мой голос — 2

ПРОЛОГ

— Ну, всё, до завтра! — бросив взгляд на небольшую сцену ресторанный зала, Женька поднял на прощание ладонь.

— Давай, Жека, — клавишник Олег Бородин кивнул в ответ и тут же, как будто что-то вспомнив, снова окликнул Журавлёва, — ты смотри, если что, звякни мне с утра домой, я прикрою.

— Да не... — уже стоя в дверях, Женька улыбнулся и махнул рукой, — Всё нормально, завтра отработаю. На субботу с парнями договорились, уже всё на мази.

— Ну, смотри. Всё-таки день рождения, интересно же день в день отметить.

— Вот завтра с вами и отмечу, после закрытия. Или что, не посидим?

— Какой базар, — Бородин радостно развёл руками, — посидим, было бы сказано!

— Что и требовалось доказать, — Женька обаятельно улыбнулся и показал два пальца, — Значит, аж два раза отмечу!

Выйдя из ресторана, в котором он подрабатывал по вечерам, Женька Журавлёв не торопясь направился к стоянке такси. Октябрь в этом году выдался на удивление сухим, золотисто-листопадным, таким, каким его хотелось бы видеть всегда. Опавшая листва скрадывала звук шагов, и парень, наслаждаясь ночной тишиной и вдыхая уже слегка морозный воздух, неожиданно остановился и уставился в звёздное небо. Какая-то непонятная радость нахлынула, заполнила всё его существо. Хотя, почему — непонятная? Всё очень даже понятно. Завтра — день рождения. Двадцать один год... Позади — служба в армии... Профессия уже есть — музыкальное училище по классу бас гитары и природный талант давно уже сделали его заметным музыкантом: приглашения поработать в различных группах он получал, и не раз. Возможно, дальнейшая музыкальная карьера будет удачной, но пока на первом месте финансовое положение, поэтому он и устроился в этот ресторан.

Завтра ему — двадцать один год... Вся жизнь впереди... Талант, незаурядная внешность, успех у женского пола — что может быть лучше для парня в этом возрасте? Девчонки... Их Женька любил всегда, и любовь эта была взаимной. Уже с четырнадцати лет он ловил на себе взгляды представительниц противоположного пола, при чём, многие девушки были гораздо старше его, поэтому сексуального опыта он набрался довольно рано. Каштановые, до плеч, волнистые волосы, светло-карие глаза, чуть вздёрнутый, «уточкой», нос и красивые, чувственные, застывшие в обаятельной полуулыбке губы — увидев его один раз, многие девчонки буквально сходили с ума, чем он частенько пользовался...

Пока не появилась она. Милена.

«Ленка» — он сразу стал звать её именно так. Они познакомились на новогодней дискотеке в педагогическом колледже, где Женька в тот вечер играл в составе музыкального коллектива. Сначала его внимание привлекло необычное имя девушки, в числе прочих подошедшей к молодым музыкантам с просьбой исполнить популярную песню — оно было созвучно с модным в тот год словом «миллениум». К тому же, она невольно задела его самолюбие, в отличие от остальных девчонок, не бросив на смазливом семнадцатилетнего парня почти ни одного восхищённого взгляда. Женька не мог не заметить этого, потому что, приглядевшись, сам так и не смог отвести глаз... Он даже подумал, что это совершенно посторонняя девчонка, настолько она отличалась от своих подруг какой-то невероятной

девичьей изысканностью. Стройная, с копной шикарных, светло-русых волос, обрамляющих красивое, чуть удлинённое лицо с высокими скулами, девушка смотрела на мир огромными карими глазами... Женька пытался поймать её взгляд, но она так почти и не взглянула на него... Озадаченный, он даже растерялся, не зная, как познакомиться с этой неприступной на вид девчонкой, и ушёл в тот вечер восвояси...

...Но на следующий день он снова поехал в этот колледж, чтобы найти её, не зная ни её фамилии, ни группы, в которой она училась.

Он её нашёл.

С тех пор прошло чуть менее четырёх лет, два года из которых он провёл на службе в армии. Провожая его, Милена долго вглядывалась в его глаза, как будто ища в них ответ на какой-то сокровенный вопрос.

«Дождёшься?» — спросил тогда Женька.

«Я-то дождусь...» — она как-то странно заморгала: быстро-быстро, но предательская слеза всё же скатилась по щеке.

...Она его дождалась — Женька ни на миг не сомневался в этом. Она просто не могла не дожждаться... Она, действительно, была необыкновенной. Её нельзя было назвать гордой, но в каждом её движении, в каждом сказанном слове чувствовалось достоинство — женское достоинство. Они были ровесниками, но, несмотря на свои семнадцать лет, эта девушка была исполнена взрослой женской мудрости — во всяком случае, именно так казалось самому Женьке. Встречаясь с ней, он совершенно забывал о других девчонках, которые, как и раньше, сходили по нему с ума и поджидали после концертов и дискотек. Где-то, на уровне интуиции, он понимал, что Миленка не простит измены, но не только поэтому сохранял ей верность. Женька влюбился... Влюбился по-настоящему. Свой восемнадцатый день рождения он встречал в тревоге — попадая под осенний призыв, он не представлял, как он расстанется с ней на целых два года...

В тот октябрь судьба смилостивилась над ними... Повестка пришла лишь полгода спустя.

Женька вдруг вспомнил, как Ленка приехала к нему в часть — без предупреждения, вдрызг разругавшись с матерью, которая была против этого путешествия. Уставшая с дороги, с огромным трудом отыскав его часть, она несколько часов ждала на КПП, пока он смог выйти к ней... Повиснув у него на шее, она молча ревела, а он лихорадочно сжимал в объятиях её обмякшее от усталости тело...

Вернувшись из армии, Женька сразу хотел жениться, но у Милены тяжело заболела мать, и они решили отложить свадьбу до её выздоровления, благо прогноз был положительным.

Это было в начале лета. А в конце августа матери вдруг стало хуже, и её срочно положили в больницу на операцию. Целый месяц Милена ухаживала за матерью, и с Женькой они виделись очень редко, а вскоре после выписки врачи посоветовали ей закрепить лечение в санатории. Отца у девушки не было, и единственной поддержкой для своей матери была лишь она сама. Предприятие, на котором работала Татьяна Николаевна, оплатило ей путёвку на черноморский курорт, а с путёвкой для сопровождающего лица помогли родственники — в начале октября Милена вместе с матерью улетели на юг.

Вспомнив сейчас всё это, Женька ещё раз глубоко вдохнул свежего воздуха и, потянувшись на носках, решительно шагнул в сторону стоянки такси. Осталось совсем немного... каких-то три недели, и Миленка вернётся. Они уже решили, что сразу после

поправки Татьяны Николаевны снимут квартиру, не дожидаясь свадьбы... А свадьба будет — скорее всего, под самый Новый год. Четвёртый год нового тысячелетия...

Потому, что он уже не может без неё... Потому, что кроме неё ему никто не нужен... Никто.

И та девчонка, случайно подвернувшаяся ему пару месяцев назад, совершенно стёрлась из его памяти... Глупо, конечно, получилось. Он был довольно выпившим, она на всё согласной... Сначала он даже не понял, что стал первым для неё... догадался только утром. С удивлением ловя себя на мысли, что впервые в жизни чувствует неловкость от того, что провёл ночь со случайной партнёршей, постарался выкинуть из памяти все подробности случившегося. Всё произошло случайно, и на его отношениях с Миленкой сказаться никак не могло... Это вообще ничего для него не значило. Ни-че-го. Через три недели приедет Миленка, и они будут вместе.

«Вернёшься — пойдём подавать заявление», — сказал тогда Женька, провожая на самолёт её и Татьяну Николаевну.

«Посмотрим...» — она как-то грустно улыбнулась ему в ответ. Женька неожиданно смутился... Ему на какое-то мгновение показалось, что Ленка что-то знает...

Да нет, откуда... всё — ерунда. Он даже не помнил ничего... значит, ничего и не было.

* * *

Ещё подходя к дому, он с удивлением увидел, что в квартире горит свет — обычно в это время родители уже спали. Поднимаясь по лестнице, вдруг ощутил в душе какой-то неприятный холодок... как будто предчувствие чего-то страшного и непоправимого...

Торопливо достал из кармана ключи...

— Явился? — взгляд отца не предвещал ничего хорошего.

— Чё случилось? — разуваясь в прихожей, Женька не сводил с того тревожного взгляда.

— Сейчас узнаешь... — сжав губы, отец развернулся и скрылся в гостиной.

Окончательно раздевшись, Женька последовал за ним.

— Здравьете, — он с удивлением смотрел на незнакомого мужчину лет сорока, сидевшего на диване — положив локти на колени, тот крепко сцепил пальцы рук и всем своим видом олицетворял ожидание чего-то.

— Здравьете, — процедил в ответ незнакомец, взглянув исподлобья на парня.

— Ну, что, сам догадаешься или напомнить? — отец буравил Женьку недобрым взглядом.

Он догадался уже с первой секунды, как увидел этого мужика у себя в квартире... Догадка обожгла сознание... Слова отца лишь подтвердили то, чего он так боялся и пытался вытравить из памяти все эти два месяца.

Кирилл Витальевич оказался отцом той самой девчонки. Кира — Женька тут же вспомнил её имя... Она «повесилась» на него сама... и, если бы не количество выпитого, он, возможно, ушёл бы тогда сразу... Впрочем, для расsvирепевшего отца это не послужило бы

оправданием... Оказывается, ей нет ещё восемнадцати. Впрочем, он всё равно тогда не стал бы спрашивать её о возрасте... Да и прошло уже целых два месяца — попробуй сейчас что докажи?

— Ну, и что будем теперь делать? — Кирилл тяжело смотрел на Женьку.

— А что нужно делать вообще? — попытавшись изобразить недоумение тот усмехнулся, — У вас лично какие претензии?

— Моя дочь беременна. И отец ребёнка — ты! — мужчина неожиданно вскочил и приблизился к Женьке.

— С какого праздника? — тот пожал плечами, — Почему именно я-то?

— Ты!.. ты!.. — не в силах совладать с собой, Кирилл Витальевич сжал кулаки. На мгновение Женька внутренне сжался, ожидая, что тот его ударит, но мужчина вовремя остановился.

Дальнейший разговор никакой ясности не внёс. Разъярённый отец девушки всё твердил про «единственный раз», когда его дочь была «наедине с мужчиной», и этим мужчиной был именно Женька. Слабо огрызаясь, Женька уже понимал, что вляпался в нехорошую историю... Масла в огонь подливал его собственный отец — приняв соответствующую позу, тот с пафосом заметил, что его сын в такой ситуации должен поступить как настоящий мужчина. Прислонившись к косяку, Женька с тоской думал о том, что утром ещё предстоит объяснение с матерью, которая сейчас была на работе в ночную смену... А Ленка?! Конечно, всё это ерунда... как-нибудь утрясётся... Но, если до неё дойдёт этот скандал?..

— Всем здравствуйте, — Генка, старший брат, хлопнул дверью и, раздевшись, удивлённо окинул взглядом гостиную, — Что-то случилось?

— Случилось, — отец сердито кивнул на Женьку, — у братца спроси.

— Чё? — Генка вопросительно кивнул брату.

— Потом... — тот устало махнул рукой и, опустив голову, уставился на свои носки.

— В общем, так... — Кирилл обвёл взглядом присутствующих и остановился на Женьке, — На сегодня я прощаюсь. Но предупреждаю... Если не захочешь всё уладить по-хорошему, статья за соращение несовершеннолетней тебе будет обеспечена. Когда Кира родит, отвертеться тебе уже не удастся. Я наизнанку вывернусь, но ты, поганец, за всё ответишь.

Проводив гостя, отец вернулся в гостиную. Узнав подробности, Гена попытался заступиться за брата, но все доводы и сомнения в правдивости полученной от девчонки информации были строго пресечены родителем.

— Сделал ребёнка — женись! — сказал как отрезал Владимир Сергеевич.

— Я женюсь на Ленке, — в ответ отрубил Женька, — Я всё сказал.

* * *

— Это правда?.. — она смотрела ему прямо в глаза.

— Ленка... давай спокойно поговорим... — он попытался взять её за локоть, но она выдернула руку.

— Это — правда?!

— Подожди... — попытка обнять её за плечи тоже не увенчалась успехом.

— Ты не ответил...

Едва справляясь с собой, она вглядывалась в его глаза... Напрасно он готовился к этому разговору — все слова и объяснения куда-то улетучились, одна-единственная мысль птицей билась в голове — только бы она сейчас никуда не ушла... только бы выслушала!..

— Ненавижу!.. — он так и не понял, что ударило сильнее — это её «ненавижу» или тёплая, ещё недавно такая родная и ласковая ладошка, сейчас так смачно впечатавшаяся в его щёку...

— Лена!.. — он попытался её догнать, но, развернувшись, она ещё раз ударила его по лицу.

— Не-на-ви-жу!.. — последний раз она произнесла это слово шёпотом, но в Женькином мозгу её шёпот отозвался набатом.

— Ленка, не уходи!.. — он понял, что догонять её бесполезно, и, остановившись, отчаянно выкрикнул в ночную темень единственные, пришедшие ему на ум слова. Он знал заранее, что ответа не будет... Его и не было, а налетевший ноябрьский ветер окончательно скрыл затихающий звук её шагов...

* * *

Весеннее апрельское солнце никак не хотело садиться за горизонт. Было уже около шести часов вечера, а оно упрямо освещало город, лучами цепляясь за кромку нежно-голубого неба...

Обрадованные весной, завсегдатаи городского парка неспешно прогуливались по его дорожкам, и лишь одна молодая девушка торопливо шла вдоль едва зазеленевшей аллеи, поглядывая через ажурные ветви на противоположную сторону примыкавшей к парку узкой улицы. Неожиданно остановившись, она свернула к ограде и, взявшись руками за её прутья, устремила взгляд на подъехавший к расположенному напротив ресторану свадебный кортеж. Кусты сирени, растущие по другую сторону ограды, частично загораживали картину, но она упрямо смотрела вперёд сквозь ветви...

...Выйдя из белого лимузина, жених подал руку невесте... Судя по всему, та была на последних месяцах беременности — её живота не смогло скрыть даже специально пошитое по такому случаю платье. Уже сделав шаг к крыльцу ресторана, жених вдруг остановился и, как будто почувствовав что-то, оглянулся назад... Девушка за оградой невольно сжалась, но распускающаяся зелень и слепящее парню в глаза вечернее солнце надёжно скрывали её от посторонних глаз... Скользнув светло-карым взглядом по сиреневым кустам, жених снова обернулся к своей невесте, потом движением головы откинул со лба каштановые волнистые пряди и решительно шагнул вперёд...

...Дождавшись, когда вся свадебная компания исчезнет за дверьми ресторана, девушка

за оградой медленно закрыла большие карие глаза и в изнеможении опустилась на корточки, прислонившись к чугунным прутьям...

«Вот и всё... — пронеслось у неё в голове, — Вот и всё...»

Глава 1

Будильник сигнализировал уже вторую минуту, но Журавлёву было лень вставать. С трудом проснувшись после вчерашнего веселья, он понадеялся, что сигнал вскоре утихнет, но противное жужжание никак не заканчивалось. Наконец, не выдержав, повернулся и сел в постели, потирая руками лицо.

— Слушай, выключи ты свой будильник, — сонно произнёс он лежащей с краю молодой женщине.

— Ты ставил, ты и выключай, — та недовольно приподняла голову от подушки, — Припёрся ночью, теперь тоже спать не даёшь...

— Могу больше вообще не приходить, — проснувшись окончательно, Женька перелез через женщину и направился ванную.

— Да не приходи! — та со злостью повернулась на другой бок, — толку-то... захотел — пришёл, захотел — ушёл... да и приходишь, только когда напьёшься...

Немного полежав, она всё же поднялась и, накинув на себя халат, вышла в кухню. Поставив с грохотом чайник на конфорку газовой плиты, взяла со стола пачку сигарет.

— Насть, ты что, мою зубную щётку выкинула? — Женькина голова показалась в дверном проёме.

— Угу, — глубоко затянувшись, Настя кивнула в ответ.

— Зачем? — Журавлёв удивлённо уставился на неё.

— А откуда я знала, что ты снова придёшь? — она пожала плечами и, затушив сигарету в пепельнице, шагнула к плите, на которой закипел чайник.

— Понятно... — Женькина голова снова исчезла.

Приняв душ, он снова вышел в кухню и присев к столу, взял чашку с горячим, дымящимся кофе, который Настя всё же налила ему в большую чашку. Сделав пару глотков, положил на стол локти и поднял на неё глаза.

— Ну, чего ты? Насть?..

— Да ничего, — та усердно дула на свой кофе, — Пей и проваливай.

— Я что-то сделал не так? — Журавлёв едва улыбнулся красивым ртом.

— А что ты вообще сделал так? — откинувшись на спинку стула, Настя скрестила руки на груди, — Вот скажи мне, что ты в этой жизни сделал так?

— Начинается, да? — вздохнув, он снова взял в руки чашку.

— Я могу и не начинать. Всё равно бесполезно.

— Ну, ладно тебе, чего ты... — он взял в руку её ладонь и слегка сжал, — Просто вчера с ребятами посидели. Даже Димон почти в ноль был, его Наташка еле домой увезла.

— Почему-то позавчера ты не пришёл, когда был трезвый...

— Позавчера мы в ночном клубе почти до трёх ночи играли. Не захотел тебя тревожить.

— Ага, — она насмешливо посмотрела на него, — а сегодня в два тридцать захотел... Да, Журавлёв?

— Ну, всё, больше не буду, — встав со стула, он подошёл к девушке и обнял её сзади,

прижался щекой к голове, — Правда, не буду...

— Зарекалась свинья... — Настя сердито тряхнула головой, — Женя, тебе уже тридцать лет стукнуло... А что за душой? Гитара и микрофон? Живёшь, как неприкаянный... то тут, то там... И я вместе с тобой не живу, а мыкаюсь.

— А что, тебе плохо со мной? — целуя её в шею, он одной рукой скользнул за ворот халата, а другой попытался расстегнуть на нём верхние пуговицы.

— А тебе со мной? — она перехватила его руку и оттолкнула.

— Мне с тобой нормально, — снова забираясь ей под полу, промурчал он.

— Вот именно — нормально, — с горечью произнесла Настя, — Господи... Сколько у тебя было баб... Неужели не хочется иметь нормальную семью?..

— А разве у нас с тобой не семья? — расстегнув, наконец, все пуговицы, он резким движением приподнял её со стула и, повернув к себе, начал целовать.

— Да какая семья?! — слабо уворачиваясь от его поцелуев, девушка попыталась оттолкнуть его от себя, — Какая семья, если ты ни меня к себе не зовёшь, ни сам ко мне не переезжаешь?! Третий год вот так... Приходящий сожитель... А мне уже двадцать восемь...

— Серьёзно?! — он подхватил её на руки и шагнул из кухни в спальню, — Сейчас разберёмся...

* * *

— Ну, и что вы вчера отмечали? — чуть позже, лёжа в постели, Настя грустно наблюдала, как Журавлёв, надев джинсы и свитер, заглядывает под кровать в поисках второго носка.

— Как что? — протянув руку, он тщетно шарил ею под кроватью, — Сегодня же открытие морозовского творческого центра. Вот, вчера были последние приготовления... ну, и мы приготовились...

— Морозов... — Настя усмехнулась, — он же младше тебя, кажется... А сколького уже добился в жизни... А ведь такой же музыкант, как и ты.

— Ну, ты вспомни ещё, что у него двое детей и жена красавица, — хмыкнул Женька.

— К которой ты до сих пор не равнодушен, — Настя язвительно усмехнулась в ответ.

— Не гони гусей, — он наконец-то нашёл второй носок и, усевшись на полу, натягивал его на ногу, — И Наташку ко мне не приплетай.

— Да я прекрасно помню, как она у нас в ресторане пела... Ты от неё ни на шаг не отходил. А ребёночек-то?.. До сих пор непонятно чей, Морозова или... или твой...

— Ну, чего ты несёшь?! — встав на ноги, Женька вдруг резко развернулся к ней, — Ты ещё где-нибудь вот это ляпни...

— А что ты так испугался, — Настя ехидно прищурилась, — Значит, правда?..

— Слушай... — сжав губы, он несколько секунд молчал, как будто боясь сказать что-то очень обидное для неё, — Наташку не трогай, поняла?! Я тысячу раз говорил, что между нами никогда и ничего не было... Да и пацана ты видела, вылитый Мороз... Чего языком мелешь? Ты ещё её дочку мне припиши.

— Всё равно ты к ней неровно дышишь, — Настя со злостью откинула одеяло и села на постели, — Журавлёв, меня не обманешь! Я почти всех твоих баб знаю... всё на моих глазах было. Но ни к одной из них я бы тебя сейчас не приревновала! А тут что-то нечисто...

— Нечисто... — он обернулся на пороге, — Но это совсем не то, о чём ты думаешь.

— А что тут думать?! — выкрикнула она ему вслед, — Что тут можно думать?! Опять уходишь?! Показался, как красное солнышко, и опять исчезнешь?! На день?! На неделю?! А, может, навсегда?!

— Может, и навсегда, — схватив куртку, он громко хлопнул дверью.

— Господи... — Уронив лицо в ладони, Настя горько расплакалась, — Как я устала... Господи... ну, помоги... помоги мне его разлюбить...

* * *

Выйдя из дома, в котором жила Настя, Женька направился к автобусной остановке. Неожиданное застолье, устроенное вчера вечером в новой студии, которую открывал Димка Морозов, к часу ночи «уложило» всех участников рок-группы «Ночной патруль», бессменным руководителем, солистом и композитором которой являлся Дима, поэтому, вызвав по телефону свою жену, он, запинаясь на каждом слове, честно признался, что не в состоянии вести машину. Приехав через полчаса на такси, Наташа каким-то чудом затолкала всех пятерых, не вяжущих лыка, «патрулей» в салон их нового «Ауди» и ещё минут сорок развозила по всему городу по домам. Когда в салоне остались лишь Морозов и Журавлёв, она решила по пути сначала закинуть домой мужа.

— Жень, подожди немного, я Димку домой отведу, ладно? Я детей одних бросила, душа разрывается... Хоть посмотрю, как там они... — кивнув Журавлёву, она вышла из машины возле своего дома.

— Ну, что, всё нормально? — спросил он, когда Наташа вернулась через несколько минут.

— Да, всё хорошо, спят, — кивнула девушка, — да и Дима протрезвел, если что...

— Ты уж прости нас, Наташка... — Женька виновато улыбнулся ей в салонное зеркало, — Я понимаю, что такое детей одних оставлять...

— Ну, не совсем одних, — она улыбнулась ему в ответ, — мы сегодня у Диминых родителей ночуем, они просто в комнате одни, а так — с бабушкой и дедушкой.

— А разве вы ещё не переехали к себе?

— Ой, мы и тут, и там, — рассмеялась Наташа, — Я же чуть ли не из роддома на сцену вышла. А детей куда?.. Хорошо, что квартиру через стенку с родителями купили, далеко не надо бегать. У нас теперь две спальни...

— Вам няня нужна, — вполне серьёзно заметил Журавлёв, — тем более, у вас сейчас такие дела заворачиваются.

— Нужна, — кивнув, Наташа нажала на газ, — Но страшно... Валера-то уже большой, ему три с половиной года... А вот Анечка совсем маленькая, три месяца... Ну, какой няне я смогу её отдать? У меня единственная няня — Анна Сергеевна... Вот, на неё только и надеемся.

Вспоминая сейчас прошедшую ночь, Журавлёв ловил себя на мысли, что Настя в чём-то права... Он, действительно, относился к Наташе Морозовой особенно, не так, как ко всем остальным женщинам. Глядя на неё сейчас, он часто вспоминал её восемнадцатилетней

девочкой, которую он впервые увидел на дне рождения у Димки Морозова пять лет назад, и потом, когда она вместе с ним работала в ресторане... Поссорившись, тогда они надолго расстались с Димой. Попытка завязать лёгкие отношения с белокурой стройной девушкой увенчалась абсолютным поражением, но почему-то Журавлёв по-братски прикипел к Наташе, узнав, что она беременна... он буквально опекал её все эти несколько месяцев, пока она пела вместе с ним в ресторане по вечерам, так, что ни у кого не оставалось сомнений, что Наташкин ребёнок — от него, Женьки... И только поразительное сходство родившегося Валерки с Димой рассеяло сомнения окружающих, благо, к моменту его рождения влюблённые родители снова были вместе...

Доехав на автобусе до своего дома, Женька поднялся в квартиру. Холостяцкое жильё было совершенно не обременено мебелью — большой угловой диван в комнате, как пристанище для него и случайных гостей, шкаф-купе, телевизор... Разведясь семь лет назад с женой, он так больше и не женился, ограничиваясь недолгими любовно-романтическими отношениями с представительницами противоположного пола. Исключение лишь составляла Настя — бывшая официантка ресторана, в котором он работал несколько лет назад. Их отношения нельзя было назвать прочными — вместе они не жили, но Журавлёв регулярно оставался у неё ночевать, каждый раз торжественно обещая переехать навсегда... Но, уходя утром, он напрочь забывал об обещании и мог не показываться по нескольку дней. Настя ждала его, потом проклинала, звонила и кричала в трубку, чтобы он больше не появлялся... но, стоило ему снова возникнуть на её пороге, как она кидалась к нему на шею... чтобы наутро снова проклинать и упрекать в непостоянстве...

* * *

Переодевшись, Женька выпил пару чашек крепкого кофе, после чего, взглянув на часы, набрал номер Морозова.

— Да, Жень, — трубку вместо Димы подняла его жена, — Димка в ванной, если что-то срочное, я сейчас отнесу ему трубку.

— Да не нужно, — Журавлёв махнул рукой, — Я только уточнить хотел, во сколько подъезжать? К началу или раньше?

— Дима с Сашкой поедут к трём часам, остальные ребята к началу, к шести... А ты сам смотри...

— А ты?.. — он не хотел, но вопрос вырвался сам собой.

— А я приеду позже, — как бы оправдываясь, произнесла Наташа, — как только Анна Сергеевна с работы придёт. Мне Аню не с кем оставить.

— Ну, тогда и я к трём, — сделал неожиданное заключение Журавлёв, — Помогу хоть после вчерашнего убратся...

— Да уж, — рассмеялась в трубку Наташа, — отметили вы здорово. Мало того, что насвинячили, так ещё и раньше времени... Но я знаю, кто провокатор...

— Кто? — усмехнулся Женька.

— Да Говоров с Мазуриком, кто ещё?

— А вот и не угадала...

— Да ладно... А то я их не знаю.

— В этот раз Саня с Викуном ни при чём... Это я нечаянно...

— Понятно, — Наташа снова рассмеялась, — Значит, одним провокатором в «патруле» стало больше.

Положив трубку, Женька какое-то время смотрел в окно. Декабрьский снег мягко ложился на крыши домов, на пешеходные дорожки, на голые ветви деревьев... казалось, что вся природа за окном исполнена зимнего умиротворения, и это умиротворение разливается по всему городу, наполняя собой улицы, дома, квартиры и души людей...

На какое-то мгновение Журавлёву тоже показалось, что покой посетил его мятежную душу... Но это было лишь одно мгновение.

Ещё раз посмотрев на часы, он решительно вышел в прихожую. Уже одевшись, вдруг снова представил себе Наташу Морозову... А, точнее — её глаза... Огромные, цвета крепкого чая... Точно такие же глаза были у Милены...

Тогда, пять лет назад, он не сразу сообразил, чем привлекла его эта белокурая девочка... Да, она понравилась ему, и однажды, сидя в машине, он попытался дать волю рукам... Но не только её признание в беременности остановило его тогда...

Наташка смотрела на него испуганно-умоляюще... Её глаза были так близко, что на миг ему показалось, что это Ленка сейчас сидит рядом с ним... И тогда, и потом, вспоминая тот вечер, он видел перед собой эти огромные карие глаза...

Наташа прочно заняла место в его душе... Но это была не любовь, не увлечение... Это было нечто другое...

Воплощение несбыточной мечты.

Далёкие воспоминания.

Неизгладимая вина, замолить которую перед самим собой он так и не смог...

Глава 2

Наташа тихонько прошла через всю спальню к детской кроватке и, наклонившись, взяла на руки трёхмесячную дочку. Потом подошла к кровати, присела на край и потянула вниз молнию домашнего халатика. Анечка крепко спала, но подходило время кормления, а ждать, когда девочка проснётся и сама запросит есть, было некогда. Конечно, можно было бы просто подогреть смесь и покормить её потом, в любое время, и не самой, а попросив Анну Сергеевну... Но Наташа очень боялась, что Анечка привыкнет к искусственному вскармливанию и бросит грудь, и поэтому прибегала к спасительной бутылочке с соской лишь в самых крайних случаях. Глядя на старшего Валерика, она буквально ощущала, как сжимается её материнское сердце... Из-за её болезни он уже на шестой день после рождения остался без грудного молока. Она часто печально вспоминала, как уже через пару часов после выписки из роддома с сыном её увозили обратно на скорой — практически без сознания... Если бы не Дима... Она с содроганием подумала, что было бы, если бы за месяц до этого они снова не помирились с Димкой... Что было бы с Валериком, если бы в тот день она была совсем одна?.. А что было бы с ней?.. А Дима... Дима тогда не испугался, оставшись один на один с новорождённым сыном. Он не отдал его в детскую больницу, как советовали многие знакомые. Он сам возился с крошечным с малышом, пока не приехали из отпуска его родители. Наташа вспомнила, как Анна Сергеевна противилась их примирению, когда сын привёл беременную Наташку в их дом... Она долго не верила, что Наташин ребёнок — Димкин ребёнок, слишком долго они были в ссоре — почти восемь месяцев... И как она изменилась, увидев внука, похожего на Димку как две капли воды...

...Глядя на полусонную дочку, припавшую к материнской груди, Наташа ласково улыбалась... Ожидая рождения Валерика, она была лишена того, что делает беременную женщину по-настоящему счастливой... Тоска... Слезы... Одиночество... Вот этого ей пришлось хлебнуть тогда в полной мере. Лишь в последний месяц ожидания ребёнка, когда к ней вернулся Дима, она почувствовала такую необходимую любовь и заботу.

С Анечкой же всё было по-другому... Дима и раньше, ещё до их ссоры, хотел детей, а когда родился Валерик, он тут же начал мечтать о дочке. Наташа долго не решалась сказать ему о диагнозе, который ей поставили в результате послеродового осложнения... И, если бы не трава, которую ей привёз её школьный товарищ по наставлению своей матери — известной в их маленьком городке травницы...

Вспоминая всё это, Наташа тяжело вздохнула. Да, с Анечкой всё уже было по-другому... Узнав, что жена ждёт второго ребёнка, Димка окружил её заботой и буквально не спускал с неё глаз... Он уже с четвёртого месяца хотел отменить все её концерты, и Наташе стоило огромных трудов убедить его, что она в состоянии петь и стоять на сцене. Сама же она не представляла себя, сидящую дома, и до последнего дня уезжала с ним в студию, где они репетировали и записывали свои песни. Единственное, на что она согласилась, это не ездить с ним на концерты «Ночного патруля», которые проходили поздно по вечерам. Но, даже зная, что она находится дома, рядом с его родителями, Дима без конца звонил ей на мобильный телефон и спрашивал, как она себя чувствует. Узнав, что у них будет дочка, он всю ночь просидел у синтезатора в наушниках, а наутро уже пел едва проснувшейся Наташке новую песню, посвящённую Анечке...

...Наташа наклонилась к малышке и ласково поцеловала её в голову, потом перевела

взгляд на часы... Половина второго. Скоро должна прийти с работы свекровь. Они с Димой почти три года жили вместе с его родителями, но этим летом им удалось купить свою собственную квартиру — по соседству. Ремонт в новом жильё ещё не был закончен, поэтому Дима с Наташей и детьми жили «на два дома» — по обстоятельствам, благо их двери располагались рядом, на одной лестничной площадке.

Выписавшись с Анечкой из роддома, Наташа лишь две недели была занята исключительно дочкой — бесконечные звонки от заказчиков возымели своё действие, и она, едва оправившись, начала усердно репетировать. Их с Димкой домашняя студия располагалась в их новой квартире — одну из четырёх комнат они отвели под творческие занятия, поставив там синтезатор, пульт и усилитель, и теперь Наташа, уложив Анечку в детской, шла в дальнюю небольшую комнатку и распевалась. Дима купил ей домашний тренажёр, чтобы она как можно скорее могла прийти в форму, и Наташа, начиная со второй недели, практически без отдыха совмещала обязанности молодой мамы с творчеством. Когда Анечке исполнился месяц, состоялся её первый после рождения дочки концерт, после чего они с Димой уже не отказывались ни от одного предложения выступить, благо, Анна Сергеевна помогала нянчиться с внучкой — Валеру молодые родители зачастую брали с собой и на выступления, и на репетиции.

Являясь руководителем группы «Ночной патруль», параллельно Дима вот уже четвёртый год усердно продвигал творчество своей талантливой жены, и небезуспешно. Наташин голос полюбился огромной армии её поклонников, как в их большом городе, так и за его пределами. Они неоднократно выезжали на гастроли в соседние области, выступали в ночных клубах, на корпоративах и городских мероприятиях. По приглашению знакомого музыканта, Константина Романова, они уже дважды гастролитовали в Германии — один раз вместе с «Ночным патрулём», а второй раз ездили только Наташа с Димой — она давала сольные концерты для русскоязычной публики.

Оба безгранично талантливые, они всегда были полны идей и проектов, и вот теперь сбывалась Димины давняя мечта... Уйдя несколько лет назад из продюсерского центра «Кри-Стар», он остался и без студии, и без материальной базы. На первое время выручил Романов — уезжая в Германию, он продал Димке свою собственную студию, где и поселился «Ночной патруль» после ухода из продюсерского центра. Но вскоре Димке стало не хватать места — его творческие амбиции и проекты требовали воплощения, а для этого нужны были помещения и новая аппаратура. Находясь в затруднительном материальном положении, он долго искал выхода из сложившейся ситуации, и вот теперь выход был найден.

Наташа ещё раз посмотрела на часы и тут же перевела взгляд на дверь.

— Ест? — пройдя на цыпочках, Дима присел на корточки возле жены и дочери.

— Да, — так же, шёпотом ответила Наташа, — Сейчас уже заканчиваем...

— Мне уже пора собираться, — Дима наклонился к ребёнку и ласково поцеловал в розовую щёчку.

— А гостей дождаться не успеешь?

— Не знаю, — он пожал плечами, — отец недавно звонил, сказал, что уже на вокзале, поезд скоро подойдёт...

Наташа что-то хотела ответить, но в это время дверь снова отворилась, и Валерик со

всех ног бросился к родителям.

— Тс-с... — приложив палец к губам, Дима другой рукой «поймал» сына, пока тот не помешал матери кормить сестрѐнку.

Прильнув к отцу, тот с интересом с минуту наблюдал за процессом кормления.

— Наши девочки, да?.. — посмотрев на маму и Анечку, Валерик поднял на отца синие-пресиние глязѐнки, — Да, папа?

— Да, наши девочки, — улыбнулся сыну Дима и потрепал его по белой пушистой макушке.

— Да! — в подтверждение Валерик с совершенно серьёзным видом кивнул головой, но буквально через несколько секунд все попытки сохранить мужскую серьёзность сошли на нет, и малыш, придвинувшись к маме, как бы невзначай подsunул голову под её свободную руку. Беззвучно рассмеявшись, Наташа ласково прижала его к себе.

— Ну, тогда и я... — лукаво улыбаясь, Дима обнял её колени и положил на них голову. Одной рукой держа дочку и всё ещё прижимая локтем другой руки к себе сына, Наташа свободной кистью приладила тѐмно-русые, рассыпавшиеся по её коленям, волосы мужа. В этот момент она подумала, что вот так была бы согласна сидеть всю оставшуюся жизнь — в окружении своих самых дорогих и любимых... Неделю назад ей исполнилось всего двадцать три года, а у неё уже есть всё, что нужно для настоящего счастья — творческая работа, успех, популярность... Но, самое главное, у неё есть её семья — Валерик, Анечка, и, конечно, Дима... её любимый Дима... Она его так любит, что заранее прощает ему все его слабости и недостатки... Впрочем, у него их нет!.. Он — первый и единственный мужчина в её жизни... любимый настолько, что она даже не умеет на него сердиться... Вот и сейчас, она совершенно забыла, что собиралась ещё с утра отругать его «за вчерашнее»...

— Да, Саня... — звонок нарушил из семейную идиллию, и Дима, нехотя поднявшись, достал телефон, — Ты уже там? Вот тебе не сидится... Пульт?.. А ты его включил?.. А пилот?.. А другой пилот, тот, что под рубильником?.. А центральный рубильник включил?.. Так с него и надо было начинать, — Дима негромко рассмеялся и обернулся к Наташе, — Наташка тут тебе привет передаёт... Нет, она позже приедет. Аню оставить не с кем... Сегодня к родителям гости приезжают, вот, пока встретят, накормят... потом уже и детей на них повесить можно будет... Гости?.. дядька мой с дочерью... Ага... Взрослая... Лет двадцать... — Дима снова рассмеялся, — Да я сам не знаю, красивая или нет, я её видел раза два, и то в детстве... А ты чего так громко спрашиваешь? Ирки рядом нет?..

Перекинувшись с Говоровым ещё парой фраз, Дима отключил телефон и снова посмотрел на Наташу.

— Сашка уже там, в студии. Наверное, я тоже уже поеду...

— Папа, я с тобой! — выскользнув из-под маминой руки, Валерка подбежал к отцу и, обняв его за ногу, запрокинул голову.

— Нет, сегодня ты останешься дома, — Дима погладил малыша по голове, — У нас с мамой очень важное мероприятие, там не до тебя будет.

— Я с тобой, — упрямо повторил Валерик, — на милоплятие.

— Нет.

— Мама... — не уговорив отца, Валерка подбежал к Наташе и просяще поднял на неё глаза, — Я с вами!

— Понимаешь, — Наташа постаралась придать лицу серьёзное выражение, — Нам, конечно, будет трудно без тебя, но ты очень нужен сегодня бабушке с дедушкой. К ним приезжают гости, и без тебя они никак не справятся. Понимаешь?

— Да... — Валерка был готов уже расплакаться и даже трогательно наморщил свою мордочку, но серьёзность маминого тона не оставляла ему сомнений: бабушка с дедушкой нуждаются в его помощи... А он — настоящий мужчина. Так всегда говорит ему папа... и поэтому... поэтому он должен остаться. Ну, хотя бы пока — остаться... Мама уйдёт позже, и уговаривать её всегда намного легче... Поэтому, кто знает...

Согласно кивнув, Валерик демонстративно громко вздохнул и покорно уселся рядом с матерью, по-отцовски сцепив маленькие пальчики рук. Украдкой взглянув на сына, Наташа переглянулась с мужем — оба едва сдерживались, чтобы не рассмеяться...

* * *

Дима всё же успел дожждаться гостей. Он уже одевался в квартире родителей, чтобы отправиться в новую студию, когда входная дверь открылась, и на пороге показался его отец, Александр Иванович, в сопровождении мужчины лет сорока пяти, очень похожего на него самого и молодой девушки, лет двадцати, с волнистой копной тёмно-рыжих волос, выглядывающих из-под капюшона светлого пуховичка.

— Ну, вот, успели, — Александр радушно развёл руками, — Узнали родственника?

— Ничего себе! — гость изумлённо посмотрел на высокого молодого человека, — Вот это вымахал, племянничек!..

— Как не вымахать, — усмехнулся Морозов-старший, — ты же его лет пятнадцать назад видел, кажется?

— Ну, да... — гость протянул Диме руку, — Здорово, Димка!

— Здравсьте, дядь Петь... — Дима, улыбаясь ответил на рукопожатие, — С приездом!

— Ой, Господи... А я в спальне с Наташей, и не слышу ничего... Здравствуй, Петя!

— Здравствуй, Аня, — мужчина расцеловался с Анной Сергеевной, — ты несколько не изменилась! Помню, как вы в последний раз приезжали с Сашкой в нашу деревню, вот какой была, такой и осталась!

— Ну, ты не преувеличивай, — слегка смутившись, Анна кокетливо махнула рукой, — Скажешь тоже...

Выбежав на шум в прихожую, Валерик сначала удивлённо застыл, но потом, увидев, что внимание гостей приковано к его бабушке и отцу, быстро подошёл к Диме и чинно встал рядом, запрокинув голову и переводя свои синие глазёнки с одного взрослого на другого.

— А это у нас кто такой? — повесив куртку на вешалку, Пётр наклонился к малышу, потом поднял глаза на Диму, — Димка, твой, что ли?

— Ну, да, — улыбнулся тот, — мой.

— Можно было и не спрашивать, — рассмеялся гость, — похож, как две капли воды.

Ну, рассказывай, как тебя зовут?

— Валела Молозов, — Валерка доверчиво смотрел на незнакомого дядю.

— А я тоже Морозов, — тот протянул ребёнку ладонь, — только Пётр. А для тебя дядя

Петя.

— Скорее — деда Петя, — рассмеялся Александр.

— Можно и так, — Пётр поднял голову и кивнул в сторону девушки, которая всё это время скромно стояла в углу прихожей, — а это — Алиса, моя дочь.

— Вот про дочь-то ты и забыл, — Анна решительно шагнула к той и обняла, — Здравствуй, Алисонька, здравствуй, моя девочка! Мужики есть мужики, всё внимание только на себя, а про тебя и забыли совсем!

— Здравствуйте, тётя Аня, — Алиса скромно улыбнулась Анне Сергеевне, — ничего страшного...

— Ну, вспомнила нас? — Анна отстранилась от девушки и, хитро прищурившись, посмотрела ей в лицо, — Сколько лет прошло...

— Конечно, вспомнила, — рассмеялась Алиса, — мама с папой о вас постоянно рассказывают.

— А Диму?.. Диму вспомнила? — не унималась Анна.

— Ну... да... — девушка почему-то смутилась и чуть исподлобья посмотрела на троюродного брата, — Вспомнила...

— Ну, и замечательно! — Анна Сергеевна обвела всех радостным взглядом, — Ну, и что мы тут все стоим? Проходите, почувствуйте себя как дома!

— Ну, вы почувствуйте себя как дома, а я побежал, — кивнув всем на прощание, Дима взялся за ручку двери, — До вечера, а, скорее всего, до ночи!

Наташа укладывала маленькую Анечку в их с Димой комнате в квартире его родителей, когда приехали гости, и поэтому не сразу смогла выйти к ним. Со слов свекрови она знала, что Пётр — двоюродный брат Александра Ивановича, который до сих пор живёт в том же родном посёлке на севере России, откуда Александр был родом, и что Алиса ему не родная дочь, а дочь его жены, и, что воспитывая девочку с двухлетнего возраста, он полностью заменил ей отца... окончив несколько лет назад школу, девушка поступила в технологический колледж, но, окончив его, не нашла занятия по специальности и весь прошлый год работала продавцом в магазине. В этом году, решив круто поменять свою жизнь, она поступила на заочные курсы модельеров именно в этот город, и теперь приехала сдавать экзамены. Созвонившись с Морозовыми, Пётр попросил по-родственному приютить на пару недель падчерицу, и, получив согласие, решил приехать вместе с ней, чтобы повидаться с двоюродным братом и его семьёй в преддверии Нового года.

Приезд родственников совпал с открытием новой творческой студии, и поэтому Наташа была вынуждена задержаться дома, чтобы помочь Анне Сергеевне принять гостей, а уж потом отправляться вслед за Димой.

Дождавшись, наконец, когда девочка уснёт, Наташа взглянула на себя в зеркало и, поправив волосы, торопливо вышла в гостиную.

— Здравствуйте, — закрыв за собой дверь, она приветливо улыбнулась.

— Мама! — прыгнув с колен бабушки, Валерик бросился ей навстречу, — У нас же гости, ты сто, не знала?!

— Ну, конечно, знала, — рассмеялась Наташа, — я же сама тебе говорила, что нужно помочь бабушке и бабушке, помнишь?

— Да! — серьёзно кивнул Валерка, — Я помогаю.

— Ну, вот... — Александр радостно посмотрел на невестку, — А это наша Наташа...

Познакомившись, Наташа поспешила на кухню. Помогая свекрови накрывать на стол, она не могла отделаться от странного чувства. Ей почему-то казалось, что Алиса неуловимо кого-то ей напоминает... она перебрала в памяти всех своих знакомых женщин с рыжими волосами и зелёными, пронзительными, как у этой девушки, глазами, но так и не нашла явного сходства ни с одной из них. Решив, что это ей просто показалось, она, уже в который раз, тревожно посмотрела на часы — они неумолимо показывали, что времени у неё остаётся всё меньше и меньше, поэтому, посидев со всеми совсем недолго, извинилась и ушла собираться.

Сбежав в свою, соседнюю, квартиру, она сняла с плечиков заранее приготовленное концертное платье, взяла туфли, косметичку, прихватила шубку и сапоги и вернулась в квартиру свекрови и свёкра. Войдя в их с Димой комнату, застала там Алису, которая с интересом разглядывала спящую Анечку.

— Ой, я думала, что ты здесь, вот и вошла, — слегка смутившись, девушка подняла на Наташу свои зелёные глаза, — ничего?

— Конечно, ничего, — Наташа приветливо кивнула гостье, — располагайся... Если хочешь, вон компьютер, интернет...

— Я потом... — Алиса с любопытством оглядывала уютную спальню, — А вы здесь спите?

— Мы спим везде, — тихо рассмеялась Наташа, — у нас своя квартира, через стенку, даже больше, чем эта... Но там ещё не закончен ремонт, мы, хоть и живём там, вроде, но часто спим здесь, когда детей приходится оставлять.

— Вы что, так часто выступаете? — Алиса показала Наташе искренне удивлённой.

— Ну, да... мы же артисты. У Димы своя рок-группа, плюс ещё и мой проект... Мы часто выступаем, уезжаем, уходим, улетаем... — Наташа рассмеялась, — Раньше оставляли на Анну Сергеевну одного Валерку, а теперь вот ещё и Аня... Правда, я пока никуда далеко не езжу, хотя приглашения есть. Жду, когда ей хотя бы полгода исполнится.

— А Димка? — Алиса стрельнула глазами на свадебное фото, стоявшее в рамке на компьютерном столе, — Он сейчас уезжает куда-нибудь?

— Да, бывает, — открыв косметичку, Наташа присела у туалетного столика, — Он очень занят в последнее время, открывает свой творческий центр... Вот, как раз сегодня презентация. Так что ты на меня не обращай внимания, я буду готовиться и с тобой разговаривать, хорошо?

— Хорошо, — согласно кивнула девушка.

— Ты не стесняйся, если что — спрашивай...

— Ага... А сегодня... вы тоже тут будете ночевать?

— Скорее всего, — Наташа весело усмехнулась, — дети, во всяком случае, точно здесь. Ой... — как будто вспомнив о чём-то, она вдруг повернулась на стуле, — Слушай... Как-то

неловко получается... мы и тут и там... А вы?.. Знаешь что, в таком случае, вы можете жить с твоим папой в нашей квартире, там вам никто мешать не будет! А мы пока поживём здесь, всё равно детей оставляем...

— Ну, хорошо... — пожалала плечами Алиса, — мне всё равно...

— Правда, у нас в той квартире студия... Дима там музыку пишет, а ещё мы там поём...

— Ой, как здорово!.. — оживилась Алиса, — Мне будет интересно, правда...

— Ну, ладно, — Наташа махнула рукой, — как-нибудь разберёмся. Места много, всем хватит!

— Да уж... — девушка как-то странно повела вокруг зелёными глазами, — Места у вас навалом...

— У меня ещё и своя квартира есть, — вспомнила Наташа, — правда, она маленькая, мы там когда-то жили с Димой, но потом переехали сюда, к его родителям.

— А сейчас?.. — Алиса резко повернула рыжую копну, — Сейчас там кто-нибудь живёт?

— Да, моя сводная сестра. Мы с Димой решили не продавать квартиру, потому, что Алинке негде было жить.

— Добрые вы... — Алиса как-то недоверчиво усмехнулась красивыми губами и слегка качнула головой, — квартиры раздаёте...

— Квартира всё равно стояла бы пустая, — пожалала плечами Наташа, — Какая разница...

— Ну, да... — гостья ещё раз обвела любопытным взглядом комнату, потом неожиданно перевела разговор на другую тему, — А машина у вас есть?

— Есть... — распустив белокурые волосы, Наташа взяла в руки расчёску, включила в розетку плойку.

— Классно... Одна?

— Что — одна? — не поняв вопроса, Наташа обернулась к девушке.

— Машина. Одна или две?

— Одна... — снова повернувшись к зеркалу, Наташа улыбнулась, — У меня тоже есть права, но водит в основном Дима.

— А ты? Почему не водишь?

— Ну, во-первых, у меня нет опыта... Во-вторых, я не очень люблю водить... А, в-третьих, иногда я всё же вожу, по обстоятельствам, — нахмурившись, Наташа вспомнила прошедшую ночь, когда ей пришлось забирать и развозить по домам всех «патрулей». Ещё утром, выслушав от Анны Сергеевны справедливый выговор за столь неосторожное поведение — та имела в виду ночную поездку на такси в студию — Наташа окончательно осознала, чем реально рисковала, «спасая» пьяных парней...

— Ой... А я бы водила... — Алиса закусила нижнюю губу и дерзко тряхнула волосами, — Так бы и летала по вашим проспектам...

— По проспектам не полетаешь, — усмехнулась Наташа, укладывая очередную прядь длинных волос, — скорость ограничена, кругом пешеходные переходы.

— Подумаешь... — улыбка у Алисы получилась вызывающей, — А я бы всё равно летала... Сидеть за рулём дорогой тачки и тащиться как черепаха?! Ну, уж нет...

— Слушай... помоги мне, пожалуйста... — не справляясь с волосами, Наташа через зеркало посмотрела на девушку, — Подержи вот здесь?..

— Давай... — та охотно протянула руку, — А ты что, сама себе причёски делаешь?

— Не всегда, — Наташа на секунду замерла, прислушиваясь к побряхтыванию просыпающейся дочки в детской кроватке, — У меня есть свой мастер, стилист. Но сегодня я к нему уже не успеваю, поэтому приходится самой...

— Свой стилист... — Алиса произнесла это с задумчивой улыбкой, — Здорово... Ты прям как сказочная принцесса... А поклонников у тебя много?

— Понятия не имею, — рассмеявшись, Наташа снова бросила взгляд на девушку через зеркало, — Надеюсь, что есть, а вот сколько... Не знаю...

— А у Димки?

— У Димки... — улыбка стала хитрой, Наташа сделала небольшую паузу, как будто собираясь с мыслями, — У Димки много поклонниц...

— И что... как он насчёт женского полу?

— Ну, ты задаёшь нескромные вопросы, — несмотря на то, что беседа принимала не совсем деликатный оборот, Наташа сохраняла дружелюбие и чувство юмора.

— Я пошутила, — догадавшись, что спросила лишнего, Алиса моментально сменила выражение лица: оно стало совершенно серьёзным, — Слушай, Наташ... А можно мне с тобой? На вашу презентацию? Я не буду мешаться, честное слово!

— Ну, конечно, — выключив плойку, Наташа обернулась к девушке и приветливо улыбнулась, — Собирайся и поедем! Посмотришь, что мы с Димой затеваем, познакомишься с нашими музыкантами...

— А известные музыканты там будут? — зелёные глаза загорелись азартным огоньком.

— Будут... И известные... И не очень...

— А «Ночной патруль»?..

— Ну, а как без них? — Наташа ловко вынула из кроватки Анечку, — Ты пока собирайся, а я её сейчас помою, переодену, покормлю, и сдам Anne Сергеевне. И сразу поедем...

Дождавшись, пока дверь за Наташей закроется, Алиса торопливо подбежала к зеркалу. Закусив нижнюю губу, повернулась одним боком... потом другим... сделала пируэт... подняла руками свою рыжую пушистую копну, повертела головой и, раскинув в разные стороны руки, зажмурила зелёные глаза...

— Ура... — под тихий шёпот пушистые пряди снова упали на плечи и спину, — Ура!..
Всё получается... Получается!..

Журавлёв напоследок бросил взгляд на своё отражение в зеркальной двери шкафа и, одёрнув модный свитер, вышел в прихожую. Нащупав в кармане тёплой куртки ключи от своего «ровера», вспомнил, что машина вчера так и осталась на стоянке возле студии после того, как Наташка развезла их, пьяных, по домам.

Выйдя из дома, он ещё с минуту постоял на крыльце, размышляя, не позвать ли с собой Настю, но потом, решив, что её присутствие на сегодняшней презентации лишит его свободы действий, направился на стоянку такси. Уже подъезжая к зданию, в котором располагался новый творческий центр, или, как они его кратко называли — студия, вспомнил, что забыл у Насти свою гитару, которую зачем-то вчера прихватил с собой. Возвращаться не было смысла, да и встреча с Настей сулила лишние упрёки и обвинения в непостоянстве, поэтому он решил не заморачиваться по этому поводу, тем более, что сегодня он должен был играть исключительно на клавишах.

В студии он застал одного Говорова, которому сегодня не сиделось дома — проснувшись около десяти часов утра, тот еле дождался двух, чтобы под предлогом договорённости удрать из дома, сократив к минимуму общение с приехавшей погостить тещей.

— Ну, ты красавец, — увидев, как Сашка старательно сметает в совок разбросанные по полу аппаратной фантики от конфет, Журавлёв ехидно ухмыльнулся, — Саня, тебе ещё фартучек ажурный...

— Да иди ты... — Сашка поднял на того измученное тяжким похмельем лицо, — тут теща с утра достала, теперь ты издеваешься...

— А теща-то чего?

— Иди поешь, да иди поешь... Я пива хочу, а она мне оладушки суёт... Слушай, — Говоров снова бросил на Женьку страдальческий взгляд, — А мы что, вчера конфетами закусывали? Откуда фантики-то?

— А ты что, не помнишь? — Журавлёв снова усмехнулся, — Вы же с Мазуром перегар конфетами заедали. Ну, типа, чтобы дома не заметили.

— Перегар?.. Конфетами?.. — Сашка недоверчиво покачал головой, — И кому эта дурацкая идея в голову пришла?

— Мазурику, конечно, — от нечего делать Женька сел за синтезатор и взял пару аккордов, — Он сам их, кстати, почти не ел...

— А я? — Сашкина голова удивлённо застыла.

— А ты... Ну, в общем, он тебя убедил...

— А я-то думаю, чё мне с утра так хреново... — Говоров как-то печально покачал головой, — А это я, оказывается, конфет обожрался...

— Ну, да, ну, да... — несмотря на то, что его состояние мало чем отличалось от Сашкиного, Женька выглядел намного лучше, и его «фирменная» обаятельная улыбка могла бы свести на нет любые «подозрения» в причастности ко вчерашнему ночному застолью.

Собрав в полиэтиленовый пакет пустые бутылки из-под виски и обёртки от закуски, Сашка подбоченился и огляделся вокруг.

— Ну, чё, нормалёк... Пузырей не видно, колбасной кожуры тоже... А пластиковые стаканы, надетые на микрофон, спишем на творческий беспорядок...

— Пластиковые стаканы — фигня, — всё-таки сняв с микрофона одноразовую посуду, Женька как в телескоп разглядывал потолочный светильник через прозрачное дно, — Когда я ещё в ресторане работал, у нас с Петровичем соревнование было — кто кого приколет ржачнее. То он мне клавиши прозрачным скотчем склеит, то я ему вместо микрофона свежий огурец в держатель вставляю... А один раз презик на микрофон надел, по пьяни, и нарочно его на полу так небрежно бросил. Забыл, что у Петровича назавтра выходной, и Наташка одна будет петь...

— И чё? — Сашка заинтересованно заржал, предвкушая развязку истории.

— До-о-о-лго она потом этот микрофон в руки взять не решалась, — рассмеялся в ответ Журавлёв, — Короче, сам надевал, самому и снимать пришлось.

Посмеявшись ещё какое-то время, парни отправились в небольшой концертный зал, в котором сегодня и должна была проходить презентация. Аппаратуру и инструменты на сцене должны были установить ещё вчера, но так и не успели, поэтому, когда через десять минут появился Морозов, Сашка с Женькой как раз собирали ударную установку.

Это помещение Дима выкупил совсем недавно, около трёх месяцев назад, когда Наташа ещё находилась в роддоме, и поэтому приводить его в соответствующий порядок пришлось в огромной спешке. Бывший магазин, который срочно продавали его бывшие хозяева, находился недалеко от центра города, и представлял собой отдельно стоящее двухэтажное здание, размером площади полностью подходящее под Димкин проект, который он вынашивал весь последний год. «Мы оба вынашиваем детей, — шутила по этому поводу Наташа, — я — Анечку, а ты — новую студию». Осмотрев здание, Дима пришёл к выводу, что расположение внутренних помещений соответствует его представлениям о творческом центре, и что переделывать почти ничего не придётся, ограничившись лишь необходимым ремонтом, который было решено делать поэтапно — сначала первый этаж, потом второй. Его планы требовали воплощения, но он решил не ждать, когда наберётся вся необходимая для этого сумма денег, а открыть центр уже сейчас, когда первые результаты были уже налицо: первый этаж, где должны были располагаться студия звукозаписи, концертный зал и репетиционный зал для вокалистов, был практически готов принять молодых артистов.

Зарегистрировав своё детище как юридическое лицо, Морозов устроил нешуточный конкурс на замещение вакансий, в результате которого должность режиссёра получил бывший Наташкин сокурсник Паша Рулёв, а должность главного бухгалтера досталась Светлане, которую Дима помнил по работе в «Кри-Старе». Должности преподавателя по вокалу и хореографа пока оставались свободными, хотя желающих было достаточно.

Своих, накопленных, денег у Морозовых было немного, покупка квартиры и новой машины обошлись недёшево, вобрав в себя значительную часть их гонораров, и поэтому Диме ничего не оставалось, как оформить кредит на воплощение своего проекта — под залог приобретаемого им здания, чем он немного успокоил свою мать, Анну Сергеевну, которая очень волновалась по этому поводу. «Ну, ладно... Не получится — отберут помещение, и дело с концом...» — с такими словами она махнула рукой и ушла гладить пелёнки для новорождённой внучки.

На ремонт первого этажа и покупку аппаратуры и оборудования ушли и все личные

средства, и те, что оставались от полученного кредита, поэтому приводить в порядок второй этаж Дима планировал постепенно, за счёт гонораров от предстоящих выступлений, а так же за счёт платы за аренду аппаратуры и помещений коллективами. Он долго не соглашался на то, чтобы «Ночной патруль» тоже платил деньги за пользование студией, но на этом настояли все участники группы, справедливо считая, что, если бы не Морозов, то группы не было бы вообще, и что в их нынешней популярности львиная доля заслуги принадлежит именно ему.

* * *

Артисты, занятые в сегодняшней программе, уже начали прибывать. Привычно проверив все выходы и соединения, собравшиеся, кроме Мазура, «патрули» вышли на улицу.

— Ну, что, все в сборе? — Юля, как всегда, шумная и весёлая, с профессиональной камерой наперевес, спешила от автомобильной стоянки, не дожидаясь, когда Витька вылезет из-за руля, — Привет, банда!

— Привет, — Сашка радостно кивнул девушке, — Юлька, помни, что Мазурик только благодаря тебе всё ещё живой.

— Ага, боитесь без собственного корреспондента остаться? — рассмеявшись в ответ, та сразу поняла, что имеет в виду Говоров, — Правильно делаете! Смотрите за ним получше, чтобы он мне верность сохранял... А то напишу о вас разгромный репортаж...

— А сам-то он где? — подал голос Журавлёв, — На басухе мне сегодня лабать придётся?

— Не дождётесь, — длинная фигура Мазура быстро приближалась от входных ворот.

— Чего так долго? — Сашка невольно хмыкнул, глядя на растрёпанную белёсую шевелюру товарища, — Ты, похоже, только встал?

— Да шаз... Кто бы ему позволил?.. Мы Мотьку пристраивали, как нарочно, сегодня все няньки заняты, — Юлька, год назад наконец-то ставшая мамой, озабоченно покачала головой, — Пристроили ненадолго, сразу после концерта сниму о вас репортаж, и придётся домой ехать.

— Не переживай, я за ним присмотрю, — Сашка деланно нахмурил брови, — научу, как моральный облик блюдить...

— Как вчера, да? — Юля тут же нашла, что ответить Говорову и обернулась к Диме, — А где Наташа?

— Только что звонил, сейчас подъедет, — тот не спускал глаз с автомобильной стоянки, освещённой вечерними фонарями, куда вот-вот должна была подъехать на такси Наташа, — А... вон, кажется, подъехала...

Вся компания дружно повернула головы.

— Папа!.. папа!.. — разглядев на крыльце отца, Валерка кинулся к нему со всех ног, но, споткнувшись, растянулся на снежной дорожке. Молча поднявшись, попытался стряхнуть снег с синего комбинезона, но потом, решив, что теряет время, снова устремился к крыльцу.

— О, Валерка, здорово, — Говоров протянул руку малышу.

— Здоово, — тот подал ему маленькую ладошку и, обведя взглядом всех рассмеявшихся взрослых, чинно произнёс, — Здластвуйте...

— Здорово, Дмитриевич... — Журавлёв, Мазур и Зимин тоже по очереди шутливо пожали детскую ручку.

— Так, значит, маму мы уговорили, — отряхнув сына, Дима поднял его на руки, — а где она?

— Вон идёт!.. — Валерик ручонкой показал на две приближающиеся женские фигуры, — Мама и Алиса...

Все как по команде снова обернулись.

— А это — Алиса, Димина троюродная сестра, — поздоровавшись со всеми, Наташа представила гостью, но в сгустившихся сумерках на ту мало кто обратил внимание, приковав его к самой Наташе.

— Натаха, ты чего Димона позоришь?! — Мазур сделал «страшные» глаза, — Юлька тут эскорт собралась снимать, а ты на такси, как лохушка, приехала... Звёзды так не появляются!

— Да какая я звезда?! — рассмеялась в ответ Наташка, — Я только по домам звёзд развожу...

— Зря ты этого крокодила вчера по дороге не выкинула, — Юля кивнула на Витьку, — в двери лбом звонил, прикидываешь?!

— Прикидываю, — веселилась Наташа, — ты думаешь, он один такой был? Я Димку домой заводила, так даже родители проснулись, мне из-за него от Анны Сергеевны влетело...

— Нормально, — хмыкнул Сашка, — Димон бухал, а влетело Наташке...

— Хорошо, ещё гаишники на дороге не попались, — Наташа всё ещё обращалась к Юле, — прикинь, остановили бы, а в салоне пятеро пьяных мужиков с гитарой...

— Представляю картинку, — усмехнулась Юлька.

— И блондинка за рулём... — всегда молчаливый, Вадим Зимин в этот раз не удержался от шутки.

— О, точно! — заржал Сашка, — Класс картинка!.. Они ей: «Девушка, дыхните в трубочку», а она им: «Да я народная артистка!..»

— Вот гад... — Наташа в шутку стукнула кулачком Сашку в плечо, потом сама рассмеялась ему в ответ.

Постояв ещё какое-то время на крыльце и дружно здороваясь с прибывающими гостями и участниками, вся компания уже приготовилась войти в здание, как, оглянувшись, Юля неожиданно присвистнула.

— Ба-а-а... Конкурирующая фирма... — произнесла она, глядя, как из подъехавшего на стоянку микроавтобуса с логотипом одного из местных телеканалов выходят трое молодых людей со штативом и видеокамерой.

— Эти мальчики по вызову? — Журавлёв удивлённо посмотрел на Морозова.

— Эти — нет, — Дима с интересом наблюдал за приближающейся троицей, — Я договаривался с прессой, они уже внутри, с «Культурным городом» — Юля тоже здесь... «Независимое» должно было подъехать, но это не они... Этих я точно не звал.

— Скандальные ребята, — произнёс Женька задумчиво, — Такие сами приходят, без приглашения...

— Да пусть идут, — усмехнулся Дима, — ответим на все вопросы, а пиар никогда не помешает, даже скандальный...

— Добрый вечер! — нагловатого вида молодой человек поднялся на крыльцо, — Телеканал «Всё про всех», меня зовут Сергей, это — мои помощники Лёша и Стас...

— Очень приятно, группа «Ночной патруль» и приближённые лица, — в ответ пошутил Дима, опуская на землю Валерика.

— Надеюсь, вы не против нашего присутствия на вашем замечательном мероприятии?

— Нет, конечно. И даже рады.

— Ну, и замечательно. Думаю, разговаривать на крыльце нет смысла, ла? — Сергей частил словами, — Лучше в помещении, да?

— Да, — угрюмо ответил Сашка, берясь за дверную ручку, — тем более, что уже пора...

* * *

Своё новое творческое «детище» Дима Морозов решил назвать никак не иначе, как «Творческая деревня». Такое название пришло ему в голову случайно и, подумав над ним несколько дней, он утвердился в своей правоте, считая его оригинальным и отвечающим творческим целям. Услышав слово «деревня», Наташа тут же поддержала мужа, так понравилось ей название, и, обсудив некоторые детали, они с Димой решили держать его в секрете — до поры до времени, чтобы не дать фору конкурентам, которые стали появляться у них в последнее время. После ухода Димы из «Кри-Стара», этот продюсерский центр просуществовал совсем недолго, его владелица, Кристина Лапина, не смогла обойтись без такого талантливого организатора, как Морозов, и, в конце концов, свернула все проекты и сдала помещения в аренду. Как только выгодные ранее проекты были закрыты, тут же нашлись люди, желающие их возобновить, и в последнее время в городе одна за другой стали появляться различные вокальные студии, школы эстрадного танца, но, чаще всего управляли ими дилетанты, считающие, что на первом месте должен быть бизнес. А талант и творчество — на втором. И хотя эти школы и студии как открывались, так и закрывались по причине некомпетентности руководителей, они всё же представляли собой угрозу на первых этапах становления «Творческой деревни», во всяком случае, так думал сам Дима, очень переживая за свой грандиозный проект.

Несмотря на свои двадцать семь лет, Морозов был очень талантливым организатором и руководителем, ответственным и удивительно работоспособным. Полтора года назад, ещё до рождения Анечки, Наташе едва удалось уговорить его съездить летом на юг: он был настолько занят своими музыкальными идеями, что даже не думал об отдыхе, и вот теперь пришло время, когда все его идеи могли воплотиться в жизнь...

Говоря вступительное слово, Дима с огромной радостью оглядывал полный зал. Несмотря на то, что зал был небольшой, и посадочных мест было немного, всего около ста, гостей было намного больше — они и сидели, и стояли в проходах. Среди них было много творческой молодёжи, которую в дальнейшем ждали в «Творческой деревне», а так же

представителей концертно-развлекательных организаций, клубов и домов культуры — потенциальных заказчиков «продуктов производства» «Творческой деревни»...

Стоя на сцене, он, казалось, впервые отчётливо осознал всю грандиозность дела, на которое решился пойти. И даже остатки вчерашнего «веселья», которые он всё ещё ощущал внутри, вдруг исчезли из его организма. Впервые за всё время ему вдруг стало страшно... Но это был не панический страх перед чем-то неизбежным... Это был страх ничего не упустить... ничего не забыть... Это был нормальный, «адекватный» страх здравомыслящего человека перед теми переменами, к которым он сам и стремился...

Глядя из-за кулис на сцену, где уже выступали приглашённые артисты, а так же студенты университета культуры, который окончили они оба с Наташей, Дима, казалось, забыл и о ней, и о Валерке, смиренно стоявшем рядом и вцепившемся в отцовскую руку, и о своей неожиданно приехавшей троюродной сестре...

...Сама же сестра, впервые попав в такую творческую обстановку, почти не моргая, буквально поела своими зелёными глазами молодых музыкантов, выступающих на сцене... Попросившись постоять вместе со всеми «патрулями» за кулисами, она украдкой бросала довольно заинтересованные взгляды на всех парней, как бы оценивая каждого, но, увлечённые происходящим, никто из них не обращал на неё внимания. Даже Журавлёв, который с самого начала проявлял интерес ко всем девушкам, выходящим на сцену — и вокалисткам, и танцовщицам, остался равнодушным к рыжеволосой красавице, скромно стоявшей рядом с Наташей Морозовой...

Да и сама Наташа, разволновавшись, тоже забыла обо всём на свете, гордясь за своего Димку... Когда её собственное выступление уже подошло к концу, она едва сдержалась, чтобы не расплакаться прямо на сцене — столько чувств захватили её сразу... И где уж было заметить ей в мелькании цветомузыки, с каким странным выражением смотрела на неё Димина зеленоглазая родственница... И восхищение, и зависть, и азарт — всё было в этом странном взгляде...

* * *

— Скажите, почему — деревня? — нагловатый Сергей направил микрофон на Морозова.

— Потому, что деревни ещё ни у кого не было, — улыбаясь, Димка пожал плечами, — были творческие, продюсерский центры, студии... А вот у нас — деревня.

— Довольно странное название, — Сергей откровенно скривил лицо.

— Ничего странного, — Морозов был абсолютно спокоен, — в данном случае слово «деревня» олицетворяет общность людей, населяющих её. Как и любая деревня, наша началась с нескольких домов-студий, дальше она будет расти, развиваться... И, как в любой другой деревне, все будут знать друг друга в лицо.

— У вас уже был опыт творческой организации, если мне не изменяет память, в продюсерском центре «Кри-Стар». Вас оттуда выгнали, вы не боитесь, что неудача постигнет вас и теперь?

— Ну, во-первых, меня оттуда никто не выгонял, у вас неверные сведения, — Дима пожал плечами, — Я ушёл по доброй воле, и даже вопреки создателям этого продюсерского

центра. А что касается неудач... То от них никто не застрахован.

— Создатели — вы имели в виду вашу бывшую жену Кристину Лапину и её отца Леонида Лапина?

— Да откуда у вас такие данные? — усмехнувшись, Дима невольно покосился на Наташу, которая стояла рядом с ним, держа за руку Валерика, — Кристина никогда не была моей женой, моя единственная жена Наташа перед вами...

— Говорят, вы взяли огромный кредит, вы не боитесь разориться? — совершенно не обращая внимания на ответы, корреспондент задал очередной неприятный вопрос.

— Говорят, волков бояться, в лес не ходить...

— Хорошо, тогда к вам вопрос как к музыканту. Не будет ли новое увлечение мешать вам, как участнику группы «Ночной патруль»? Ведь вы гастролите, репетируете...

— Не будет, — Дима снова улыбнулся краешком губ, — тем более, что все репетиции будут проходить здесь же, в нашей творческой деревне.

— А конкурентов не боитесь? Они же, как известно, не спят...

— Если они совсем не спят, то скоро заболеют... Так и передайте, — совсем уже рассмеялся Дима.

— Скажите, — Сергей неожиданно обратился к Наташе, — как вы думаете, зачем вашему мужу всё это? — он обвёл рукой вокруг, — это творческие амбиции, жажда славы или нехватка денег?

— Это талант и незаурядность, — моментально ответила Наташа.

— Тогда, выходит, все остальные музыканты, включая и ваших друзей — бездарность, серость и заурядность? Ведь они не замахиваются на такие грандиозные вещи... Вам не кажется, что своим ответом вы их оскорбляете?

— Нет, не кажется. Потому, что, если я скажу, что Виктор Мазур — гениальный бас-гитарист, Вадик Зимин — гениальный соло-гитарист, Саша Говоров — гениальный ударник, а Женя Журавлёв — гениальный клавишник, это не будет означать, что все остальные басисты, солисты, ударники и клавишники бездарны. Я говорю о конкретных людях. Точно так же, если я сейчас скажу, что вы — хам, это не будет означать, что кроме вас нет больше хамов... Они, конечно, есть, но я надеюсь, что их очень мало... — на последних словах Наташа обаятельно улыбнулась...

— Правильно сказала, — под общий хохот, Юлька укрепила на штативе и навела на Морозовых свою профессиональную видеокамеру, — Ну, а теперь несколько слов для тёти Юли... Вы начинаете грандиозный проект. Скажите, вы боитесь?

— Да, — утвердительно кивнул Димка.

— Нет, — одновременно с ним Наташа отрицательно качнула головой.

— Не боитесь?.. почему? — Юля направила на неё микрофон.

— Потому, что я с Димой.

— Тогда почему боитесь вы? — микрофон поменял направление в сторону Морозова.

— Потому, что Дима — это я...

Журавлёв с трудом разлепил глаза и попытался встать с постели, но от резкого движения потолок вдруг накренился, поехал куда-то вниз... Вернувшись в горизонтальное положение, Женька снова сомкнул веки и лежал так ещё несколько минут, адаптируясь к состоянию пробуждения, а оно сегодня было на редкость тяжёлым. И ведь не собирался вчера снова пить, тем более, что после презентации все как-то быстро рассосались по домам — Мазур с Юлькой уехали практически сразу, как только Юлька записала интервью; Морозов с Наташкой тоже долго не задержались — ей нужно было ехать кормить ребёнка, да и Валерку нужно было отправлять домой... С ними же уехал и Вадим Зимин. Вскоре Морозов ненадолго вернулся, но лишь для того, чтобы, дождавшись окончания стихийной дискотеки, устроенной для молодых гостей, выключить всю аппаратуру и закрыть все помещения...

...Вот чёрт... Не собирался он вчера пить, ну, не собирался же... И дёрнуло же перед тем, как уехать, сесть на минутку в салон к Говорову... С трудом вспоминая «вчерашнее», Женька предпринял ещё одну попытку приподняться — на этот раз получилось удачнее, и, присев на постели, теперь он с изумлением разглядывал спящее рядом с ним женское тело...

«Вот это номер...» — подумал Журавлёв, пытаясь по спине и затылку узнать свою гостью. То, что это была не Настя, он понял сразу, тем более, она никогда не приходила ночевать к нему домой. Напрягая замутнённую алкоголем память, он пытался восстановить фрагменты вчерашнего вечера, но последнее, что всплывало в его сознании, это глубокий сугроб возле его подъезда... Да, точно, сугроб!.. И пьяный женский смех...

Тот факт, что он был в джинсах, не оставлял сомнений в том, что дальше поцелуев и объятий дело не дошло... А, может, и до поцелуев не дошло, кто его знает?.. Хотя... Судя по очертаниям тела под простынёй, девушка была совершенно раздетой. Выходит, раздеть её он смог... А вот на остальное сил уже не хватило.

Ещё раз посмотрев на неё, Женька всё-таки слез с дивана и, слегка пошатываясь, вышел в кухню. Открыв дверцу холодильника, с удовлетворением обнаружил банку пива и, проткнув мембрану, тут же сделал несколько жадных глотков. Потом подошёл к окну и, открыв боковую фрамугу, подставил разгорячённое лицо под морозный воздушный поток. Дёрнуло же вчера... лучше бы к Насте поехал...

— Привет, — незнакомка неожиданно возникла в дверях кухни.

— Привет, — Журавлёв скользнул взглядом по девичьей фигуре, завёрнутой до подмышек в простыню, потом, взяв с подоконника пачку сигарет, закурил и снова бросил взгляд на девушку, — Курить будешь?

— Давай, — шагнув к нему, она протянула руку.

— Тебя как зовут? — затягиваясь, он смотрел на неё чуть исподлобья: невысокого роста, круглолицая, довольно миловидная... волосы выкрашены в чёрный цвет. Типичная тинейджерка. Прикинул возраст — не больше восемнадцати-двадцати.

— Лена... — взяв сигарету в рот, девушка удивлённо подняла на него глаза, — Ты же вчера ещё спрашивал...

— Где я и где вчера... — усмехнувшись, Женька снова обернулся к окну и, затянувшись в очередной раз, выпустил струйку дыма на улицу.

— А у тебя кофе есть? — девушка бросила взгляд на чайник, стоявший почему-то в раковине.

— Где-то был, — Журавлёв нехотя потянулся к навесному шкафу и, открыв, достал оттуда банку с кофе, — Вон чайник, вон вода... вон плита, включай, если хочешь.

— Ага, — девчонка охотно открыла кран, — А то голова тяжёлая.

— Тяжёлая... — снова усмехнулся Женька, подумав про свою голову, — Ты откуда взялась вообще?

— Как?.. — Лена застыла, удивлённо округлив голубые глаза, — С тобой приехала... Ты же сам позвал...

— Я?! — Журавлёв недоверчиво покрутил головой.

— Ну, да... Не, сначала мы все хотели поехать к Маре, у неё родки в отъезде, но потом ты сказал, что не хочешь им мешать, и мы поехали к тебе...

— Так, стоп, — затушив сигарету в пепельнице, Женька оседлал стул, — давай по порядку. Мара — это кто?

— Маринка, подруга моя, — пожала плечами девушка.

— А мешать им — это кому?

— Ну, им... Маринке и Саше.

— Какому Саше? — как будто начиная что-то припоминать, решил уточнить Женька.

— Ну, этому... Говорову... Вы же вчера вместе были... Он сначала хотел со мной... Но ты сказал, что со мной будешь ты, потому что я — Лена, а это твоё любимое имя.

— Подожди... Это что, выходит, Саня с Маринкой уехал?

— Н-ну да...

— Понятно... — Женька встал и, выключив кипящий чайник, кивнул на стол, — Короче, вот кипяток, вот кофе, вот чашка. Сахар в сахарнице... А я в ванную.

— Мне идти с тобой? — девчонка подняла на него глаза и мило улыбнулась.

— Зачем? — скорее машинально спросил Журавлёв.

— Ну, как... Ты что, не понимаешь?.. — она даже смутилась от его вопроса.

— Тебе сколько лет? — нахмурившись, парень внимательно окинул её взглядом.

— Восемнадцать, — Лена как-то охотно кивнула, как будто ожидала этого вопроса, — я же вчера сразу сказала, когда мы договаривались.

— О чём договаривались? — несмотря на частичное прояснение, память полностью так и не вернулась к Журавлёву.

— Ну, как... — она снова пожала обнажёнными плечами, — О том самом... Чтобы попасть в вашу студию...

— Чего?! — ему показалось, что он ослышался, и, прищурившись, Женька теперь в упор смотрел на девушку.

— Ну, мы же понимаем, что просто так в ваше шоу не попасть... В то, о котором вчера говорили на презентации. Туда же будут набирать участников? Кастинг, и всё такое... Ну, вот...

— Так вы... то есть, ты решила таким способом попасть в шоу? — до Женьки, наконец-то дошло, о чём говорит Лена, — Через меня?!

— Н-ну да... — она смотрела на него растерянно, широко раскрытыми глазами, — Мы же вчера обо всём договорились.

— Мы — с вами?.. Серьёзно, что ли?..

— Ну, да...

— И, что, я что-то пообещал?..

— Ну, да. Ты сказал, что можешь всё устроить...

— В общем, так, — Женька потёр ладонями лицо, — Насколько я понимаю, у нас с тобой ничего не было? Не было... Поэтому, собирайся и езжай домой. Извини, проводить не смогу.

— Ну, ты же обещал... — девушка казалась расстроенной.

— Никогда не слушай пьяных мужиков. И вообще, не связывайся с пьяными мужиками, а особенно с музыкантами.

— А как же мне теперь?.. Мне очень нужно попасть в ваше шоу... Я танцами занималась...

— Ну, во-первых, шоу не моё. Это Дима всё устраивает. Во-вторых, если хочешь участвовать — приходи на кастинг. Если подойдёшь — тебя и так возьмут...

— Слушай... — девчонка закусила губу, — А через Диму... никак?..

— В смысле? — сначала не понял Женька, но потом усмехнулся, — Через Диму это вообще глухой номер. Он ни с кем не спит, кроме жены. Так что, пей кофе. А я — в ванную...

— А можно с тобой?.. — сделав шаг к нему, Лена взглянула чуть исподлобья и, улыбнувшись краешком губ, провела ладонью по его груди.

— Ну, если только без последствий и обязательств, — приглушив голос, он взял её за плечи и притянул к себе, — И учти... Ты сама это предложила...

* * *

Предновогодние чёсы уже начались, Наташе с Димой предстояли рабочие вечера и даже ночи, поэтому разместить гостей было решено в их новой квартире — оставляя детей на бабушку и дедушку, молодые Морозовы всё равно ночевали у Диминых родителей. Глядя на Анну Сергеевну, Наташа каждый раз испытывала чувство благодарности и вины одновременно. Она даже представить себе не могла, насколько безотказной будет её свекровь, у которой, помимо домашних хлопот и хлопот с внуками была очень ответственная работа. Несмотря на огромную нагрузку в лицее, где Анна исполняла обязанности завуча, приходя домой, она тут же превращалась в заботливую и любящую бабушку. К счастью, Валерик рос спокойным и послушным малышом, и хлопот почти не доставлял, чего нельзя было сказать о маленькой Ане. Едва дождавшись, когда жена и дочь приедут домой из роддома, Дима буквально не спускал девочку с рук в те недолгие часы, когда он бывал теперь дома, занятый своим новым творческим центром. Несмотря на то, что общение его с маленькой дочкой происходило лишь по вечерам, было неизвестно, чьи руки она чувствует чаще — матери или отца.

— Дима, ты её уже избаловал, — говорила Наташа, когда Анечке исполнилось всего три недели, — она совсем не хочет лежать одна, требует, чтобы её постоянно держали на руках.

Как бы в подтверждение этих слов, девочка начинала громко плакать, материнское сердце сжималось, и, достав её из кровати, Наташа шла с ней на кухню или в их домашнюю студию.

— Давай её мне, — Дима на ходу забирал у неё дочь и, присев к синтезатору, одной рукой наигрывал ей свои мелодии.

К счастью, спала Анечка спокойно, и в эти часы Наташа могла заниматься домашними делами и своим творчеством. Рождение второго ребёнка придало ей сил, и, несмотря на то, что её день был загружен с утра до вечера, в первое время ей казалось, что она совершенно не устаёт. Но, когда она снова вышла на сцену, то уже через пару месяцев почувствовала, что отдых всё-таки необходим.

Открытие нового творческого центра сулило им с Димой дополнительные заботы и обязанности, к тому же, на предстоящую весну уже были расписаны гастроли, поэтому мысли о няне для детей всё чаще и чаще приходили Наташе в голову. Помимо прочего, ей очень хотелось освободить от нагрузки Анну Сергеевну, перед которой она считала себя в неоплатном долгу. Наташка часто вспоминала, как она боялась сказать ей о своей второй беременности, в душе понимая, что помогать им с детьми придётся не кому-нибудь, а всё той же Анне Сергеевне...

Выручил случай — неожиданно потеряв сознание, она очнулась на диване в гостиной, куда её положил Дима, и первые слова, которые она услышала, ещё не успев открыть глаз, принадлежали свекрови: «Дима... — видимо, догадавшись обо всём, та обращалась к сыну, — Никаких аборт. Ты меня понял?» — «Какие аборты, ма?.. — ответил Дима. — У нас должна быть девочка...»

Услышав этот диалог, Наташа с облегчением открыла глаза...

Она не случайно вспомнила сейчас всё это. Начиная с завтрашнего вечера и ей, и Димке предстояли ежедневные выступления на предновогодних корпоративах и концертах в ночных клубах. Кроме того, буквально сразу после Нового года они планировали начать подготовку её новой сольной шоу-программы, сценарий которой был уже готов, все песни написаны, и оставалось лишь набрать труппу, пошить костюмы и начать репетиции. Заявки на кастинг поступали уже сейчас, и Дима по ночам уже начинал прослушивать в записи голоса потенциальных конкурсантов. Кастинги по вокалу и танцам предполагались платные, но плата была умеренной, и, судя по всему, желающих принять участие было немало — в качестве бонуса для тех, кто не пройдёт отбор, предполагалось заключительное выступление на сцене «Творческой деревни», на которое могли бы прийти все желающие. Многие подавали заявки только ради этого выступления, заранее зная, что оно будет освещено в местных СМИ.

Наташа уже в который раз подумала, что Диме сейчас как никогда нужна её помощь... Планы были грандиозные, но обязанности молодой мамы очень ограничивали её время и возможности.

«Нужна няня...» — глядя на спящую Анечку, Наташа никак не могла представить себе, кому бы она смогла доверить этот крохотный родной комочек... Анна Сергеевна не справится с такой нагрузкой, да и совесть нужно иметь... Конечно, они с Димой посвящают своё время не отдыху и не развлечениям, это их работа, которая принесла им обоим достаточную популярность... Но, всё-таки... Это Димке легко, это его родители... А как быть ей, Наташе? Она ведь понимает, что бабушка и дедушка, хоть и безгранично любят своих внуков, но они совсем уже не молодые... Александру Ивановичу скоро пятьдесят, Анне Сергеевне — сорок восемь... И им тоже нужен отдых...

«Была бы жива мама...»

Пожинав в тесной компании с родственниками, Морозов уехал выступать в ночной

клуб, но Наташа осталась в этот вечер дома. Её очередное выступление должно было состояться только завтра, и она, проводив мужа, вернулась на кухню. Гости уже совсем освоились. Алиса днём посетила своё учебное заведение и теперь рассказывала о предстоящих экзаменах. Вскоре вся компания поднялась из-за стола и направилась в гостиную, к телевизору, только Наташа осталась: решив помочь Анне Сергеевне, она принялась убирать со стола.

— Ну, как тебе наши гости? — задержавшись, спросила вполголоса Анна, глядя, как Наташа складывает в мойку грязные тарелки.

— Гости замечательные! — искренне улыбнулась та, — А Пётр и Александр Иванович очень похожи.

— Да, знаешь, в первые годы, когда были живы Сашины родители, мы часто ездили туда, и я очень удивлялась этому сходству. Хотя, ничего удивительного нет, ведь их отцы были близнецами.

— Серьёзно? — Наташа изумлённо посмотрела на свекровь.

— Да, правда. Где-то у нас есть их фотографии, я потом тебе покажу. Они были похожи, как две капли воды. И Саша, и Пётр похожи на своих отцов...

— А ведь мы с Димой никогда не рассказывали друг другу о наших семьях... — Наташа покачала головой, — Только о родителях, и всё... А, ведь, это неправильно.

— Это беда всех молодых людей, — улыбнулась Анна Сергеевна, — И мы были такими же. Сейчас бы многое спросил, да не у кого.

— Вот когда-нибудь выберем время, и вы мне покажете фотографии и расскажете о Диминих предках, хорошо? Ему всё равно некогда, а я когда-нибудь расскажу Валере с Аней.

— Хорошо, — Анна благодарно кивнула невестке, — обязательно расскажу всё, что знаю сама. Только у меня к тебе просьба... Ты при Алисе ничего не говори о том, что знаешь, что Петя ей неродной отец...

— Да я и не собиралась, — Наташа пожала плечами.

— Она, конечно, знает... Но Пётр просил... В их семье на эту тему — табу, тем более, что Алиса очень похожа на свою мать, такая же рыжая. Да и он сам любит её как родную, и разницы между ней и своим сыном не делает.

— Конечно, — заверила Наташа, — вы не беспокойтесь. Я ничего не скажу.

— Она носит его фамилию и отчество, и для неё он всегда будет родным отцом, хотя, конечно, все в их посёлке знают, кто её настоящий отец.

— А кто он?.. — Наташа уже мыла посуду и, спрашивая, повернула голову к Анне, — С ним что-то случилось?

— Да... Но случилось позже. Дело в том, что мать Алисы не стала с ним жить и развелась уже через год после свадьбы.

— Почему?

— Он сильно пил. Распускал руки... Да и вообще был очень грубым человеком... — Анна как-то странно задумалась, — Вся их семья была такая. И мать, и отец... Особенно мать. Она обладала изощрённым характером, любила манипулировать людьми. И все трое сыновей пошли в неё...

— Вы так хорошо знаете их историю, — про себя Наташа подумала, что Анна рассказывает о чужих, по сути, для неё людях так, как будто она очень хорошо их знает... даже лучше, чем семью собственного мужа.

— Да, собственно, я ничего не знаю, — свекровь, как бы очнувшись от воспоминаний, развела руками, — я же говорю, там маленький посёлок, и все про всех всё знают. А Саша с Леонидом были друзьями...

— С Леонидом?! — намыленная тарелка выскользнула из рук и со стуком упала на металлическое дно мойки.

— Ну, да... — Анна вдруг поняла, что проговорилась о том, о чём совершенно не хотела говорить невестке, но отступить было поздно, и она придала лицу отвлечённое выражение, — С Леонидом. Они одноклассники, всегда дружили, и сюда приехали вместе. Правда, Саша после службы остался в армии, мы ещё несколько лет поехали по гарнизонам, но, когда вернулись, их дружба возобновилась.

— Вы имеете в виду Лапина? — как можно равнодушнее спросила Наташа.

— Да, Лёню... — ещё равнодушнее постаралась ответить Анна.

— Так что, отец Алисы... — Наташа не успела продолжить, как свекровь её перебила.

— Нет, настоящий отец Алисы не Леонид, а его родной брат Михаил, — Анна Сергеевна казалась расстроенной тем, что пришлось рассказать всю правду, — После развода он совсем спился и, в конце концов, повесился. Поэтому о нём никто не хочет вспоминать, ни бывшая жена, ни брат...

— Понятно... — До Наташи, наконец, дошло, кого напоминает ей рыжеволосая зеленоглазая гостя... Нет, она не была похожа на Леонида Лапина... Но глаза!.. Даже другого цвета, они смотрели так же, как глаза его дочери... Кристина!.. Вот о ком она совсем забыла, когда мучительно вспоминала, кого ей так напоминает Алиса. Пронзительный... насмешливый... дерзкий и высокомерный — таким был взгляд Кристины. Точно так же смотрела и Алиса...

«Они двоюродные сёстры», — подумала Наташа, вытирая руки вафельным цветастым полотенцем.

Успокоив Анну Сергеевну, что она никогда ничего не скажет в присутствии Алисы и её отца, она вышла вслед за той в гостиную.

— Мама, Анечка плюснулась! — чинно выйдя из спальни, объявил Валерик.

Невольно улыбнувшись, Наташа поспешила к маленькой дочке. Девочка, действительно, проснулась и, сморщив круглое личико, уже собиралась заплакать, но, почувствовав материнские руки, передумала и широко заулыбалась.

— Девочка моя хорошая, — ворковала Наташа, снимая ползунки и подгузник, — самая любимая... самая красивая...

— Мама, на плизышку! — Валерик двумя ручонками протянул ей банку с детской присыпкой.

— Ах ты, мой помощник! — рассмеялась Наташа, — Ну, что бы я без тебя делала?!

— К тебе можно? — дверь отворилась и на пороге спальни возникла Алиса.

— Ну, конечно, — Наташа приветливо обернулась от кровати, где переодевала Анечку, — проходи. Я сейчас...

— Да просто у них там свои старческие разговоры, — девушка кивнула головой в сторону гостиной, — скучно.

— Старческие?! — рассмеялась Наташа, — Ну, ты даёшь...

— А какие же? — пожалала плечами Алиса, — Конечно, старческие. Про цены на бензин,

на квартиры...

— Ну, мы с Димкой тоже про цены на бензин разговариваем, — Наташа свернула грязный подгузник и, показав на ребёнка, попросила на ходу, — посмотри за ней, хорошо? А я сейчас...

Проводив её взглядом, Алиса присела рядом с девочкой. Почувствовав, что мама ушла, та расплакалась.

— Ну, чего ты ревёшь? — девушка попыталась дать ребёнку пустышку, но Анечка обиженно сжала маленькие губки. Не решаясь взять её на руки, Алиса потрясла разноцветной погремушкой. Услышав знакомые звуки, девочка ненадолго замолчала, ловя глазами яркую игрушку. Пользуясь тишиной, Алиса с любопытством вглядывалась в крошечное личико.

— Плачет? — Наташа быстро вошла в комнату и, взяв дочку на руки, привычно расстегнула пуговицы на груди.

— Так, чуть-чуть поплакала...

— Она у нас капризуля, — ласково глядя, как дочка сосёт грудь, улыбнулась Наташа, — Димка её совсем избаловал, с рук не спускает, когда дома.

— Она очень похожа на тебя, — Наташе показалось, что в голосе девушки послышались нотки ревности, — только глаза синие.

— Да, так и есть... — взяв маленькую ладошку, Наташа поднесла её к губам.

Анечка, действительно, была очень похожа на неё... Ещё ожидая рождения дочки, Дима часто говорил, что она будет похожа на Наташу... Так оно и вышло. Как будто сделанные одним оттиском, мать и дочь были копиями друг друга... С той лишь разницей, что глаза у Анечки были не карие, а синие... Такие же, как у Анны Сергеевны и Димы... Такие же, как у Валерика. «Ну, вот... ты нарушила вашу семейную традицию, — пошутил тогда Дима, — блондинки с карими глазами не получилось...»

«Потому, что моя любовь к тебе оказалась сильнее семейных традиций», — она смотрела на него своими огромными глазами цвета крепкого чая так, что ему казалось, что он видит в них своё отражение.

«Зато ты у меня одна такая... — привычно зарываясь в её длинные белокурые волосы, прошептал Дима, — Таких больше нет...»

— Слушай, ты настоящая певица, а дома такая простая... — теперь тон Алисы стал вкрадчивым, — И Дима тоже... Вон, какой популярный, и поклонницы у него, и всё такое... И по телевизору вас показывают... А он дома обыкновенный...

— А какой он должен быть? — Наташа тихо рассмеялась от неожиданного вопроса, — Ты думаешь, если популярный артист, то он и дома, как на сцене себя ведёт? Нет, Алис, все артисты — обыкновенные люди, и дома у них те же проблемы, что и у остальных...

— Ну, я бы не сказала, — усмехнулась гостя, — у кого-то на новые сапоги денег нет, а кто-то эти деньги лопатой гребёт.

— Ну, вот, и ты завела стариковский разговор, — Наташу резанул тон собеседницы, но она решила не придавать этому значения и попыталась перевести всё в шутку, — Если ты имеешь в виду нас с Димой, то скажу тебе по секрету, что на сегодняшний день у нас денег нет вообще... Абсолютно!

— А куда же вы их деваете? — искренне удивилась девушка.

— Если ты имеешь в виду гонорары, то всё ушло на покупку и ремонт здания, оформление документов, рекламу... Кроме того, Диме пришлось взять кредит, который мы теперь должны отдавать. Вот на него пойдут все наши следующие гонорары...

— А зачем тогда было открывать эту вашу деревню? — Алиса недоверчиво покосилась на Наташу, — Если теперь у вас нет денег и не будет...

— Ну, почему не будет, — пожалала плечами та, — Дима ведь всё продумал. Это очень выгодный проект, просто теперь нужно очень много работать.

— Как это? — усевшись напротив на стуле, Алиса тряхнула рыжими волосами и с любопытством уставилась на Наташу.

— У Димки много разных задумок и проектов. Основной из них — моя новая сольная программа. Вот над ней и нужно будет работать в первую очередь. Это должно быть настоящее шоу, а для этого опять же, нужны средства.

— А зачем? — Алиса непонимающе приподняла брови, — Песни есть, вышла на сцену и пой под фанеру... Делов-то...

— Ты что, серьёзно так думаешь? — Наташа чуть не расхохоталась, но, взглянув на уснувшую дочку, только беззвучно улыбнулась, — Алиса, ты даже не представляешь, сколько нужно трудов, чтобы нормально сделать одну-единственную песню. А мы будем делать целую программу, улавливаешь разницу?!

— Не совсем... А подробнее можно?

— Ну, вот смотри. Ты думаешь, что вышла на сцену, спела, или, ещё лучше — рот открыла под фанеру, и всё? Но саму фанеру ещё нужно записать, а аранжировка и наложение голоса это очень сложный процесс. Потом, даже под фанеру, на сцене нужно правильно двигаться, и не только певцу. Шоу-балет — это ещё одна проблема. Потому, что это, как правило, целый коллектив, даже если в нём всего три человека. А у нас их будет больше... Нужны постановки всех танцев, при чём, чем больше коллектив, тем больше у него проблем — кто-то заболел, у кого-то дома что-то не так... И всё это нужно решать и иметь запасные варианты. Нужен грамотный звукорежиссёр, грамотный осветитель, потому, что освещение — это очень важно... От правильного освещения зависит восприятие зрителем каждого номера... Нужны декорации, костюмы, всё это нужно продумывать, придумывать... И придумывать всё это придётся нам самим, потому, что у нас нет сейчас таких средств, чтобы нанимать дорогостоящих специалистов. То же самое и со сценическим макияжем, причёсками... В общем, это очень кропотливая работа, которую нам предстоит сделать в кратчайшие сроки. Я уже не говорю о рекламе, которую нужно заказывать и оплачивать...

— А что, если у вас нет денег, то вы будете искать тех, кто пошьёт вам костюмы бесплатно?

— Ну, почему бесплатно? Всё будет оплачено, но не по высоким тарифам... Поэтому наша задача на сегодняшний день, искать таких мастеров, которые не гнут цены, но дело своё знают хорошо...

— А, между прочим, я — мастер по пошиву женской одежды, — как бы невзначай обронила Алиса, — и сейчас ещё учусь на курсах модельеров...

— Ну, вот видишь, как здорово, — снова улыбнулась Наташа, — значит, один мастер у нас уже есть.

— Ты — серьёзно?

— Если бы ты жила здесь, почему бы и нет?

— А... Если я останусь здесь?... — закусив нижнюю губу, Алиса пытливо посмотрела на

Наташу, — Возьмёте меня к себе?

— Вообще-то всё решает Дима, — Наташка уже пожалела, что так неосторожно ляпнула Алисе про работу, уж больно быстрой и напористой оказалась её реакция, — это нужно разговаривать с ним.

— Слушай... Поговори, а?

— Подожди, Алис... — укладывая Анечку в кроватку, Наташа говорила вполголоса, — Это всё несерьёзный разговор. С Димкой тебе нужно говорить только самой, ведь я не знаю ни твоих профессиональных качеств, ни опыта... К тому же, всё это будет после Нового года, когда он немного освободится. А на сегодняшний день... На сегодняшний день нам больше всего нужна няня... Вот это — проблема номер один, и я не знаю, как её решить...

— Ну, ладно, — в голосе Алисы прозвучала скрытая обида, — Спрошу у Димы...

— Спроси, конечно, — Наташа приветливо улыбнулась девушке, потом взялась за дверную ручку, — Ты пока посиди, а я пойду Валерку спать уговаривать, а то уж больно ему там нравится со взрослыми сидеть.

Дождавшись, пока за Наташей закроется дверь, Алиса встала со стула и, засунув руки в карманы брюк, посмотрела в сторону детской кроватки.

— Няня... — недовольно усмехнувшись, она постояла ещё несколько секунд и, резко развернувшись, подошла к зеркалу, — Вот ещё!.. Ты будешь там на сцене задницей крутить, а я твоим детям сопли вытирать?.. Ну, уж нет... Не за этим я сюда, Наташенька ехала... не за этим...

Алисе Морозовой было пятнадцать лет, когда она узнала, что Пётр ей не родной отец. Произошло это совершенно случайно, когда девочка, вернувшись из школы раньше обычного, услышала разговор своей матери по телефону.

«Я тогда ещё жила с Лапиным...» — эта фраза заставила Алису притаиться у двери. То, что у матери когда-то был другой муж, стало для неё открытием, но когда женщина назвала год, девочку словно окатили холодной водой — это был год её рождения... Она уже была достаточно взрослой для того, чтобы сообразить, что, родившись в марте, она уже никак не могла быть дочерью Петра, оказавшегося вторым мужем матери. Открытие стало настоящим потрясением, и Алиса долго не могла прийти в себя и поверить, что человек, которого она считала своим отцом, ей вовсе не отец. Заметив её состояние, мать попыталась выяснить причину, но в ответ получила лишь истерику... Девочка рыдала и никак не могла успокоиться, и даже вернувшийся с работы Пётр не смог её уговорить и, в конце концов, развёл руками и ушёл в другую комнату.

Позже Алиса и сама не могла понять, что задело её больше — тот факт, что у её младшего брата Ваньки есть родной отец, а у неё нет, или новость о том, что её родителем является кто-то из семьи Лапиных. Живя в небольшом рабочем посёлке, она, как и все её сверстники, знала практически всех в лицо. О самих Лапиных она знала немного, но и тех сведений, которыми она располагала, хватало для того, чтобы искренне огорчиться родству... Лапины не пользовались большим уважением — ни старики, которых давно уже не было на этом свете, но о которых ещё помнили земляки, ни их сыновья, одного из которых она знала в лицо. Это был мужчина средних лет, крепко пьющий, не имеющий ни семьи, ни детей, местный забулдыга, живущий случайными заработками. Жил он совершенно один, и, узнав, что первый муж матери тоже носил фамилию Лапин, Алиса пришла в ужас от такого возможного родства.

Успокоившись, она всё же рассказала матери о подслушанном разговоре. Сначала та отнекивалась и пыталась внушить дочери, что она ошиблась, но Алиса потребовала рассказать всю правду. Нехотя, мать поведала ей историю её рождения, попутно заверяя в том, что Пётр по-настоящему её любит и искренне считает своей дочерью. Несмотря на то, что всё это было чистой правдой, и отношение отчима к девочке ничем не отличалось от его отношения к родному сыну, в душе Алисы поселилась ревность... Теперь она всё время пыталась сравнивать себя и своего брата. Каждую похвалу, каждое ласковое слово, адресованное Ване, теперь она воспринимала болезненно, даже несмотря на то, что сама регулярно получала подарки от родителей. Боясь, что девочка, которую он искренне считал своей дочерью, отвернётся от него, совестливый Пётр старался теперь уделять ей больше внимания, чем сыну, но затаённая непонятно на кого обида прочно поселилась в душе Алисы...

Узнав, что её родной отец не забулдыга Лапин, а его родной брат, она не испытала облегчения... История брата оказалась ещё страшнее, и тот факт, что она родная дочь алкоголика-самоубийцы, стал очередным шоком. Несмотря на то, что взрослое поколение жителей посёлка знали о родстве Алисы с Лапиными, об этом за все годы никто не обмолвился с ней ни единым словом. Спросив у матери о третьем брате, девочка уже была готова к тому, что он тоже конченный пьяница, но мать сказала, что тот давно уехал из

посёлка, и она ничего о нём не знает. О том, что Леонид — бывший одноклассник и товариш двоюродного брата Петра, женщина предпочла не распространяться, скорее всего, из уважения к мужу и желания, чтобы дочь, как и прежде, считала Петра единственным, по-настоящему родным отцом.

В конце концов, страсти немного улеглись, и внешне Алиса успокоилась. Она окончила школу, потом колледж... Работу в городе искала долго, но так и не нашла — все предлагаемые должности казались ей слишком ничтожными, а зарплаты маленькими. Идея найти богатого жениха тоже не увенчалась успехом — все её сверстники только вступали в жизнь и не могли обеспечить ей достойное, по её меркам, существование, а серьёзные, обеспеченные мужчины интересовались лишь кратким времяпрепровождением, да и олигархов среди них тоже не было... В отчаянии она вернулась из районного городка в свой родной посёлок и была вынуждена пойти работать в магазин обыкновенным продавцом.

Как и в первый раз, всё произошло случайно. Нагрубив покупательнице, она в открытое окно услышала, как та жалуется своей знакомой на крыльце магазина.

«Вот ведь лаписка порода, — негодовала пожилая женщина, — ничем её не разбавить!»

Прислушиваясь к шумному разговору, Алиса затаила дыхание... Разговор двух покупательниц с неё переключился на семью Лапиных. Перебрав всех родственников, женщины добрались до третьего брата, Леонида Лапина, и девушка с огромным интересом для себя узнала, что он — единственный из братьев, «кто не спился, а, уехав, очень разбогател».

«Говорят, такими деньжищами ворочает, — с осуждением в голосе, произнесла женщина, — Миллионер!»

Вернувшись домой, Алиса под предлогом родственного интереса попыталась расспросить мать, но та отвечала уклончиво и толком ничего не рассказала, кроме того, что Леонид живёт в крупном областном городе. Сделав вид, что она удовлетворена ответом, девушка ушла к себе в комнату. Побродив по интернету, она уже в тот же вечер штудировала новостной портал города, в котором жил её родной дядя. Вводя его имя в поиск, она из хроники последних нескольких лет узнала, что он — владелец нескольких ночных клубов и казино, а так же, что чуть больше четырёх лет назад он открыл продюсерский центр, который потом передал своей дочери Кристине. Упоминание о некоем Дмитрие Морозове заставило её задуматься. Со слов родителей она знала, что у Петра есть двоюродный брат Александр Морозов, у которого, в свою очередь, есть сын Дима... Дима — музыкант певец и композитор, работает в довольно известной рок-группе, но, самое главное, все они живут в том же самом городе, что и Леонид!

Решив, что совпадение не случайно, Алиса пробежалась по соцсетям и уже через полчаса изучала профиль своего троюродного брата...

Дмитрий Морозов оказался настоящей знаменитостью, все его профили были отмечены «звёздным знаком». Алиса мысленно корила себя, что ещё раньше не наладила с ним связь, ведь они несколько раз виделись в детстве, когда он со своими родителями приезжал в их посёлок... Последний раз это было около пятнадцати лет назад, она была ещё совсем маленькой девочкой, а Дима двенадцатилетним подростком. Она его, конечно, не помнила, и как-то так сложилось, что больше они не встречались. Родители иногда упоминали о Морозовых, но всё их общение ограничивалось поздравлениями на новый год. Теперь же дело принимало иной оборот, и наличие знаменитого брата и богатого дяди не давали

девушке покоя... Считая, что судьба посылает ей какой-то неведомый шанс, она теперь дни и ночи напролёт придумывала, как этим шансом можно воспользоваться. Идеи возникали в её голове спонтанно... Их было так много, что она не знала, на какой остановиться... Решив, что всё в её руках, она целенаправленно поступила на курсы модельеров именно в этот областной город, и теперь, под предлогом экзаменов, приехала сюда с твёрдым намерением добиться успеха.

Успех, в понимании Алисы, заключался в обеспеченной и не обременённой заботами жизни, которую она себе уже давно мысленно нарисовала. Искренние чувства не играли для неё никакой роли, и цель была одна: деньги. Много денег. Она, молодая, красивая девушка, достаточно пожила в стеснённых условиях, и такая скромная жизнь не для неё. Она достойна большего. И, поэтому, она любой ценой должна достигнуть своей цели.

Так думала Алиса.

Погостив у Морозовых пару дней, она была удовлетворена тем радушием, с которым её и Петра встречали дальние родственники. Анна Сергеевна, несмотря на свою строгость, оказалась очень радушной и гостеприимной хозяйкой, не говоря уже об Александре Ивановиче. И Дима, их сын, в домашней обстановке был доброжелательным и, несмотря на свою природную аристократичность, простым в обращении. В первые дни Алисе даже не верилось, что вот этот молодой, красивый мужчина, талантливый музыкант, которого знают тысячи поклонников, может вот так, запросто сидеть рядом, что-то рассказывать, подавать соль за столом... И что он — её троюродный брат... Впрочем, это лишь формально. На самом деле никакой он ей не брат. А какие у него глаза... Синие-пресиние... Она впервые видела, чтобы глаза были такого чисто синего цвета...

А эта его Наташа... Она тоже довольно известная певица. Алиса изучила весь её репертуар в «ютубе». Она — обыкновенная лохушка. Сама попала сюда из провинции и, если бы не Дима... Впрочем, она для него слишком проста. Имея такого мужа, можно чувствовать себя звездой и жить по-звёздному... А она нарожала сдуру ему детей, а теперь не знает, как продолжить карьеру... Хотела удержать, что ли?.. Дурочка... Если бы самой Алисе так повезло, то всё было бы иначе...

* * *

Ночной клуб переливался разноцветными огнями. Веселье было в самом разгаре, но рыжеволосая девушка явно скучала. Её немолодые спутники прочно «приклеились» к барной стойке: решив, что гостей надо как-то развлекать. Анна Сергеевна мужественно отпустила сегодня «погулять» и супруга, и Петра, оставшись дома одна с детьми — Дима и Наташа тоже были здесь, но в качестве артистов. Глядя на сцену, где сегодня пела Наташа, Алиса думала лишь о том, что её планы на сегодня рухнули. Она почему-то думала, что все «патрули» будут сегодня здесь, но уже по дороге Димка разочаровал её, сказав, что выступать будет лишь Наташа со своей часовой сольной программой. Сам он тоже оказался занят — был за пультом во время её выступления, и Алисе ничего не оставалось, как слушать беседу уже подвыпившего отца и дяди и потягивать слабоалкогольный коктейль.

— А кто хозяин этого клуба? — наконец, не выдержав, обратилась она к Александру

Ивановичу.

— Ой, Алиска, не знаю, — тот виновато развёл руками, — я в таких заведениях не бываю, это вот сегодня ради Петра выбрался. А ты у Димки спроси, когда они закончат.

Алиса едва дождалась окончания Наташиного блока, но поговорить с Димкой оказалось весьма проблематично: выйдя в зал, они с Наташкой сразу оказались в окружении поклонников и поклонниц и еле успевали отвечать на слова благодарности. Наконец, добравшись до родственников, Дима радостно выдохнул.

— Ну, что, как тебе Наташино выступление? — обхватив сзади руками жену, он весело посмотрел на Алису.

— Очень понравилось, — постаравшись придать тону как можно больше искренности, та стрельнула своими зелёными глазами.

— Послезавтра сольник «Ночного патруля», если хочешь, я тебя с собой возьму.

— Хочу! — она ответила ещё до того, как Дима успел договорить.

— Ну, всё, договорились! — он радостно развёл руками, потом снова обнял Наташку.

— А как называется этот клуб? — теперь голос Алисы звучал равнодушно.

— «Золотой лев», — вместо Димы ответила Наташа.

— Ой, какое интересное название... А в городе много ночных клубов?

— Как грязи, — усмехнулся Дима, — учитывая, что город почти миллионник, на каждые пять тысяч жителей по ночному клубу.

— Так много? Ничего себе...

— Ну, это я так, примерно прикинул, — рассмеялся Дима, — но, в любом случае, много. Наш народ любит весело отдыхать.

— А вы как, с владельцем клуба договариваетесь о выступлении? — теперь интерес был уже не поддельным.

— С артдиректором. Но, вообще, это он с нами договаривается.

— А владелец?.. Он что, не знает, кто у него будет выступать?

— За всех не скажу, — пожал плечами Дима, — Но, например, владелица этого клуба — женщина, я с ней давно знаком, поэтому она точно знает, когда выступаем мы... Да и клубы — они разные. В некоторых собираются любители просто гитарной музыки, в некоторых любители попсы или джаза. Есть клуб байкеров, так там только металл...

— А твоя музыка как называется?

— Мелодический рок... Ты же слышала на презентации.

— Ну, да... — Алиса подумала, что на презентации её больше интересовали сами музыканты, нежели их музыка.

— А вот Наташка... — хитро улыбаясь, Дима сверху заглянул в лицо жены, — Наташка у нас поёт попсу!

— Которую ей пишет Димка, — тут же съехидничала Наташа.

— А ты что, все-все песни сам пишешь? — Алиса удивлённо приподняла брови.

— Конечно, — кивнул Дима, — и для «патруля», и для Наташи, и на заказ...

— Ничего себе, — девушка покачала головой, — я и не знала, что у меня такой талантливый братик... и поёт, и играет, и сам музыку пишет. Слушай... — как будто вспомнив о чём-то, она снова подняла на него глаза, — А вы только в этом клубе выступаете или ещё в других?

— Мы выступаем везде, куда нас зовут.

— Классно... — задумчиво произнесла Алиса.

Постояв ещё немного у барной стойки, молодёжь собралась домой — Наташе нужно было кормить Анечку.

— Если хочешь, оставайся с «дедами», — Дима шутливо кивнул Алисе в сторону Петра и Александра, — А я потом за вами приеду.

— Нет, не хочу, — девушка капризно выпятила губки, — они там о своём болтают, а мне неинтересно.

— А почему ты не танцуешь? — Наташа удивлённо посмотрела на неё, — Так и простояла с ними целый час.

— Да я не очень люблю, — поморщилась Алиса.

— Серьёзно?! Ой, а я как люблю... — Наташа мечтательно подняла глаза к потолку, — Если бы не Аня, я бы Димку уговорила остаться и потанцевать.

— Да уж, — со смехом подтвердил Дима, — танцевать у нас Наташка любит. Если бы не живое пение, она бы одна весь шоу-балет бы заменила.

— О, Димыч, здорово! — высокий длинноволосый парень в заклёпках протянул Морозову руку, — Ты по какому поводу сегодня здесь? Или «патрули» лабают?

— Привет, Михей, — ответил Дима на рукопожатие, — нет, я сегодня за звукорежа, Наташка выступала. Послезавтра наш сольник.

— Понял, — кивнул парень, — а мы завтра у Лапы в «Кристалле» лабаем.

— Ну, удачи, — кивнул Дима.

— Лапа, какое странное имя, — проводив взглядом Михея, Алиса удивлённо качнула головой...

— Это не имя, это фамилия, вернее, производное от фамилии, — нехотя ответил ей Дима, — ну, что, тогда едем домой?

— Производное? А как тогда полная фамилия? — девушка изобразила живой интерес.

— Лапин, — Дима как-то странно улыбнулся краешком губ и повторил, — Леонид Борисович Лапин.

* * *

...Выпытать у Наташи все их семейные тайны за несколько вечеров не удалось. Видимо, почувствовав в тоне гостыи какие-то подозрительные нотки, она на большинство откровенных вопросов отвечала довольно уклончиво или вовсе отделялась шутками. Последний экзамен был назначен на двадцать девятое декабря, времени до отъезда оставалось совсем немного, и Алиса решила сменить тактику, попытавшись вызвать на откровенность Анну Сергеевну.

— Тётя Аня... — почти дрожащим, робким голосом окликнула девушка Анну Сергеевну ранним субботним утром, выйдя в кухню, где та готовила завтрак, — Я хочу кое-что у вас спросить...

— Конечно, спрашивай, — Анна приветливо улыбнулась.

— Только вы ничего папе не говорите, пожалуйста... — на мгновение Морозовой

показалось, что в зелёных глазах блеснули слёзы.

— Ну, хорошо... Что-то случилось?

— Нет... Я просто хотела узнать... Я знаю, кто мой настоящий отец. Но я не хочу спрашивать у папы, чтобы его не обидеть...

— А что ты хотела спросить? — Анна присела за стол и участливо посмотрела на девушку.

— Я хотела спросить о брате своего родного отца. Я случайно узнала, что он живёт в этом городе... Его фамилия Лапин, а зовут... Зовут, кажется, Леонид Борисович... — Алиса решила не раскрывать все карты и сделала вид, что не знает о том, что Лапин богат, и что Дима работал в его продюсерском центре.

— Да... — помня о просьбе Петра, Анна слегка растерялась, не зная, что ответить девушке, — Леонид, действительно, живёт здесь... Но мы о нём сейчас совершенно ничего не знаем.

— Да я ведь просто хотела узнать, — как бы оправдывалась Алиса, — всё-таки он брат отца... Вдруг он болеет или нуждается в помощи... — она притворно вздохнула и потупила глаза.

— Не беспокойся, — Анна как-то сочувственно пригладила рыжие волосы племянницы, — он не болен и не нуждается... Поверь мне.

— Правда?! — Алисе едва удалось скрыть разочарование, — Ну, и хорошо...

Не добившись больше ничего от Анны, Алиса до самого вечера раздумывала над её ответом. Судя по тону, которым Морозова произнесла последнюю фразу, Леонид, действительно, ни в чём не нуждался, более того, Алиса поняла, что он и в самом деле очень богат. «Ну, хоть что-то подтверждается», — подумала она.

Вечером Наташа с Димой должны были отправиться на очередные выступления — Наташа на корпоративный вечер, а Дима в Дом Творчества, на сольный концерт «Ночного патруля». Под предлогом того, что «Наташу она уже видела», Алиса собралась ехать вместе с Димой. Наташа уехала рано — её выступление было назначено на девятнадцать часов. Усевшись в начале девятого вечера вместе с Димкой в салон его «Ауди», Алиса довольно улыбнулась. Возможность «засветиться» вместе со своим знаменитым братом, без его жены, подняла ей настроение. Решив, что о Лапине она спросит на обратном пути, девушка всю дорогу кокетливо болтала, предвкушая встречу с остальными известными музыкантами.

Пройдя вместе с Димой длинным коридором Дома Творчества, они оказались в раздевалке, в компании с другими музыкантами и артистами.

— О, Димон, здорово! — Говоров, почему-то без настроения, протянул руку.

— Привет, — Дима с удивлением разглядывал физиономию друга в чёрных очках, — ты чего в очках, решил имидж сменить?

— Угу, — угрюмо кивнул Сашка.

— У него теперь свой имиджмейкер, — сзади заржал Мазур, — зовут Ирка.

— Да пошёл ты, — вяло огрызнулся Говоров.

— Подожди... — догадавшись о причине, Дима неожиданно приподнял Сашкины очки, — А ну-ка... Ё-ё-ё-моё...

— Димыч, не трогай, — прищурился фиолетовое веко, тот недовольно поморщился, — всё

нормалёк.

— Да вижу, что нормалёк, — Морозов усмехнулся, — о причинах не спрашиваю, видимо, что-то сугубо лирическое... да, Саня?

— Да чё вы пристали?! — Сашка ещё раз поправил очки, — всё норм.

— Правда, что случилось-то?

— Да это они с Жекой кастинг проводили, — расчехляя свою «Ямаху», гоготнул Витька, — среди молодёжи.

— Да ладно, всем-то не рассказывай... — Журавлёв стремительно вошёл в помещение.

— А я не всем... Я только нашим... — ехидничал Мазур.

— Что за кастинг? — Дима с любопытством посмотрел на Говорова.

— Потом расскажу, — хмуро ответил тот, потом обернулся к Витьке, — слушай, Мазурик, Юлькин репортаж уже выходил?

— Ясный пень, — тот удивлённо обернулся, — Сразу, на следующий день по «Культурному городу» и по новостным каналам... ты что, не видел?

— Не видел, — Сашка снова поправил очки, — Я чего спрашиваю... Те мальчишки, что снимали Димона с Наташкой, ну, те, что «Всё про всех», так до сих пор свой материал нигде не показали. Мне пацан знакомый об этом сказал, он нарочно ждал, как они всё преподнесут.

— Ну, и чё? — Витька пожал плечами, — Не показали, и не показали. Вони меньше.

— Нехороший признак, — Говоров покачал головой, — эти не должны были смолчать...

— Да успокойся, Саня, — поправив свои длинные волосы, Дима обернулся от зеркала, — скорее всего, они не репортаж готовят, а что-то более грандиозное. Разгромный короткометражный фильм, например. Так что будьте морально готовы...

— Всегда готовы! — Мазур шутливо отдал пионерский салют.

Раздевшись, Алиса скромно присела в углу раздевалки. Вопреки её ожиданиям, на неё снова никто не обращал внимания, все парни были заняты либо своими инструментами, либо разговорами.

— Тебя в зале усадить, или ты за кулисами будешь стоять? — перед самым началом Дима, наконец-то, вспомнил о сестре.

— За кулисами, — кивнула Алиса.

— Не устанешь? Два часа стоять придётся.

— Не устану...

Уже к концу первого часа Алиса пожалела, что не пошла в зал, но одну без билета её бы туда сейчас не пустили, и девушка была вынуждена смотреть весь концерт, стоя на ногах. Появившаяся незадолго до конца выступления Наташка окончательно испортила ей настроение.

— Успела, — радостно шепнула она Алисе и, приобняв её одной рукой, другой помахала из-за кулис «патрулям». Увидев её, Говоров сделал жест барабанными палочками, а Журавлёв, который стоял у клавиш совсем неподалёку, обаятельно улыбнулся.

— Позвонила домой, Анна Сергеевна сказала, что Аньку уже смесью покормила, я и решила за Димкой заехать, — воспользовавшись кратким перерывом между композициями,

быстро проговорила Наташа, одновременно разглядывая Димкину спину в свете прожекторов и клубах дыма. Как будто почувствовав, он тоже обернулся и, увидев её, махнул рукой.

— Я вас всех люблю, черти! — негромко выкрикнула Наташа и беззвучно рассмеялась, рисуя в воздухе двумя указательными пальцами сердце.

Спев последнюю песню, Дима неожиданно подошёл к Вадиму и что-то шепнул. Согласно кивнув, тот тронул струны... Услышав первые гитарные аккорды и переглянувшись, остальные приготовились...

«Не задавала вопросов,
Слёзы — дуло к виску.
Я заплетал твои косы
Волосок к волоску.
А теперь на пределе
Бьётся бешено пульс.
В одинокой постели
Я проснуться боюсь...»

Закусив губу, Наташа счастливо зажмурилась...

— Ну, Димка...

— А что? — Алиса непонимающе посмотрела на неё.

— Это он для меня песню поёт... вне программы... — Наташка незаметно смахнула со щеки слезинку.

«Буду грешным пред тобой,
Меня прости,
Захочу уйти к другой —
Не отпусти.
Снова косы по плечам
Рас-пу-сти-и-и-и...
Но не дай ты их другому
Заплести...»

...Она еле дождалась, пока отвизжится и откритится зал, отпустив, наконец, своих любимых «патрулей»...

— Спасибо... — повиснув на шее у мужа, Наташа шепнула ему на ухо, — Я тебя люблю...

— И я тебя люблю... — сжимая её в объятиях, Дима зарылся лицом в её распущенные волосы.

— Давайте, вы дома интимными делами будете заниматься, — Мазур, как всегда,

состроил «страшные» глаза, — а на работе ведите себя культурно!

— Мазурик, иди нафик... — Наташка всё ещё счастливо улыбалась в Димкиных объятиях.

«Остаётся всего три дня... — глядя на них, лихорадочно думала Алиса, — Всего три дня... Нужно срочно что-то придумать... Срочно...»

* * *

— Что с тобой, Алисонька? — заметив, что племянница как-то странно шмыгает носом, Анна Сергеевна положила руку ей на плечо.

— Ничего... — состроив скорбное лицо, девушка как бы невзначай провела ладонью по щеке.

— Ну, ты же плачешь! Что случилось? — Анна повернула её к себе и заглянула в глаза, — Я же вижу! Рассказывай!

— Мне так не хочется от вас уезжать...

— Так ты приезжай к нам, когда захочешь...

— Я сегодня звонила домой... Магазин, где я работала, скоро закроют... У меня больше не будет работы... — Алиса окончательно расплакалась, уткнувшись Анне Сергеевне в плечо.

— Ну, подожди... может, ещё не закроют...

— Закро-ют... А в городе мне жить не-где... — ревела Алиса пуще прежнего.

— Так оставайся у нас... — Анна погладила её по голове, как маленького ребёнка, — Работа у нас есть... Может, Дима тебя в свой центр кем-нибудь возьмёт...

— А где я жить буду? — рука ещё раз скользнула по уже совершенно сухому лицу.

— Поживёшь пока с нами, а там видно будет...

— Вот это подарочек под Новый год... А я всё думал — ну, когда же... — сидя в аппаратной, Дима уже в третий раз пересматривал небольшой сюжет об открытии своей «Творческой деревни», снятый местным телеканалом «Всё про всех». От интервью, которое он и Наташа давали Сергею Кронскому, не осталось и следа, зато текст от автора пестрил всевозможными разоблачениями, догадками и сомнительными фактами, касающимися как самого Морозова, так и его музыкальных проектов, сделанными, видимо, в результате нескольких бессонных ночей скандального корреспондента. Захлёбываясь, тот буквально орал «за кадром», сопровождая видео с презентации собственными версиями обоснованности творческой идеи. Судя по его словам, новый творческий центр, который открыл музыкант Дмитрий Морозов, не что иное, как очередной проигрышный проект, основанный лишь на собственных амбициях, жажде денег и славы и не подкреплённый ни материальной, ни творческой базой. В доказательство своей позиции Кронский цитировал Димин ответ о том, что «волков бояться — в лес не ходить».

«Видимо, других аргументов у Морозова не было, поэтому единственное, что пришло ему в голову, эта пословица», — радостно верещал Кронский. Математические расчёты, сделанные им прямо в эфире, не давали Димке никаких шансов рассчитаться со взятым кредитом, а его ограниченное время неминуемо сулило творческий спад. В заключение Кронский, как бы невзначай, упомянул о предстоящих кастингах для нового шоу, которое задумал Морозов. Намёк на известный способ попасть в труппу был очень непрозрачным, и подтверждался словами некоей девушки, пожелавшей остаться неизвестной, которая «сказала по секрету и только этому телеканалу», что уже имела неприличное предложение от одного из участников рок-группы «Ночной патруль», лидером которой и был сам Морозов, в обмен на возможность участия в новой программе.

«Впрочем, — сказал в заключение Кронский, — идея не нова, а время покажет».

— Вот сука, даже Наташку зацепил, — Говоров, усмехнувшись, уставился на носки своих ботинок, — Может, на него в суд подать?

— Да ладно тебе, — закрыв компьютер, Дима повернулся на стуле, — слушай, Саня... Только не ври, ладно? Он что-то там про кастинг трындел... Это не ты, случайно, неприличные предложения делал?

— Да какие там... — Сашка машинально потрогал веко, на котором красовалось фиолетовое пятно, — Да мало ли я кому какие предложения делал...

— Значит, всё-таки, ты.

— Димыч, честно, ни фига не помню. Может, что и брякнул сдуру...

— А кому?

— Да тут после презентации две малолетки подвернулись, а мы с Жекой уже изрядно бухнули... Ну, и, достигли с ними консенсуса... видимо...

— Ну, вы даёте, — Морозов укоризненно покачал головой, — вы же меня подставляете, да ещё с малолетками.

— Да это не мы даём... — усмехнулся Сашка, — Ну, как малолетки... Лет по восемнадцать. Подошли сами...

— Ну, да, и, судя по всему, не просто так они к вам подошли, раз Кронский в курсе...

- Да чё теперь... — Сашка снова дотронулся до века, — назад не сыграешь.
- Это чем тебя Ирка огрела? — Дима сочувственно вглядывался в лицо друга.
- Ты будешь долго ржать... но... — Сашка тяжело вздохнул, — Сквородкой...
- Классика, — едва сдержавшись, чтобы не рассмеяться, Морозов нарочно отвернулся в другую сторону.
- Тебе — гы-гы... А мне — фонарь, хорошо, не во весь лоб... Не, она вообще-то по лбу и долбанула, просто синяк на веке получился.
- Так ты что, дома не ночевал? Или просто под горячую руку...
- Не ночевал...
- А где был-то на самом деле?
- А... Где был, там уже нет...
- Помирились с Иркой?
- Не-а... Я у матушки уже вторую неделю живу.
- Ничего себе... А чего не сказал?
- А зачем? — Говоров пожал плечами, — Сам накосячил, сам разберусь.
- А Новый год где встречать собираешься?
- Пока не знаю... Ещё двенадцать часов впереди, определяюсь.
- Если что, приезжай к нам.
- Разберёмся... — явно загрустив, Сашка опустил голову.
- Ну, разбирайся, — хлопнув его по плечу, Дима подошёл к вешалке, — Давай, до встречи в клубе.
- Давай, Димыч, — невесело кивнул на прощание Сашка, — до встречи.

* * *

Последнее выступление «Ночного патруля» в уходящем году проходило в ночном клубе «Золотой лев», там же, где несколько дней назад выступала Наташа. Весь двадцатиминутный перерыв Журавлёв провёл у барной стойки — его подруга Настя работала здесь барменом, и сегодня была её смена. Настя всё ещё сердилась на него, разговор не клеился, и Женька молча потягивал виски. Сделав последний плоток, поставил стакан на стойку и, облокотившись, устремил взгляд на девушку.

- Ну, я пошёл.
- Иди, — рассчитываясь с клиентом, она даже не посмотрела в сторону Журавлёва.
- Ну, пока... — он движением головы откинул назад волнистые волосы.
- Ты отсюда сразу поедешь домой? — увидев, что он серьёзно собирается уйти, Настя всё-таки окликнула его.
- Нет, к Морозу, — проводив взглядом двух девушек, Женька снова придвинулся к стойке. — Сегодня у него встречаем.
- Ну, конечно... — обиженно усмехнулась Настя, — О чём это я... Со мной ведь не остался бы...
- Насть, ты на работе, — пожал плечами Журавлёв, — чего я тебе мешаться буду?
- Вот именно, мешаться... — она со стуком поставила наполненный стакан перед очередным клиентом.

— Давай не будем ругаться перед новым годом? Сегодня встречу у Димы, а завтра я приеду к тебе.

— А ты мне нужен?..

— Я думаю, что нужен, — он обаятельно улыбнулся и снова положил на стойку локти.

— А я тебе? — встав напротив, девушка тоже облокотилась о столешницу и посмотрела ему прямо в глаза, — Я тебе нужна?.. Женя?..

— Давай, мы всё обсудим завтра? — он ладонью накрыл её кисть, — Мне ещё отделение отработать нужно.

— Отработаешь, — Настя резко выдернула свою руку, — Отработаешь и пойдёшь развлекаться, это мне ещё до утра пахать.

— Ты так говоришь, будто это я виноват, что ты именно сегодня работаешь.

— Да если бы даже не работала, можно подумать, ты бы приехал ко мне...

— Ну, если бы успел, то приехал бы, — Женька невозмутимо пожал плечами.

— Ну, да, если бы... — она опять усмехнулась, потом посмотрела на него с вызовом, — А с собой бы взял? К Морозу?..

— Ну, почему бы и нет? — он снова пожал плечами, — Взял бы.

— Да врешь ты! — почти выкрикнула она, пользуясь тем, что рядом никого не было, — Не взял бы! Ты только спать ко мне приходишь, этого ведь никто не видит. А вот пойти со мной куда-нибудь — это выше твоего достоинства! Да, Журавлёв?

— Настя, мне пора...

— Конечно, куда мне... Там же творческая аудитория, супер-пупер... — всё больше распаляясь, девушка с ожесточением принялась протирать стаканы, — А мы рылом не вышли...

— В общем, я пошёл, — хлопнув ладонью по стойке, Журавлёв ещё раз улыбнулся, — завтра, надеюсь, успокоишься. А я как раз подъеду, хорошо? — не дожидаясь ответа, он поднял на прощание руку, — Пока. С Новым годом.

— Скотина... — отвернувшись, она провела по глазам полотенцем — чёрные пятна от туши прочно впитались в белоснежную ткань, — Угораздило же...

Покидая Настю, Женька думал, что она, конечно, во многом права... Познакомившись с ней несколько лет назад в ресторане, в котором они оба работали, он не обошёл вниманием хорошенькую официантку. Его внимание к женскому полу обычно ограничивалось несколькими встречами, после чего неизбежно переключалось на другой предмет... Так получилось и с Настей. Поняв, что серьёзных намерений у Журавлёва нет, девушка очень сильно переживала, и вскоре уволилась из этого заведения. Следующая их встреча произошла через год, в ночном клубе «Золотой лев» — Журавлёв уже работал в «Ночном патруле» и на одном из выступлений узнал в симпатичной барменше свою бывшую мимолётную подружку. В этот раз их отношения затянулись — почти на три года. Женька, видимо, устал без постоянной подруги, а Настины чувства к нему возобновились с новой силой. Она его устраивала во всём — несмотря на упрёки в его адрес, любовь её была абсолютно бескорыстной. Она не ждала от него большего, чем он мог ей дать, не бегала за ним по пятам, не выслеживала и не устраивала публичных «разборок». За все эти годы она ни разу не заявила к нему домой, но в любое время дня и ночи открывала ему дверь своей квартиры... Единственное, на что она решалась от обиды — это на редкие звонки по телефону, да «выговоры» по утрам.

И в том, что он не взял бы её с собой встречать Новый год в компании друзей, она тоже была права...

— Привет! — Журавлёв уже подходил к сцене, когда сзади раздался девичий голос.

— Привет... — оглянувшись, он с удивлением узнал Лену — девушку, которая ночевала у него на днях.

— С Новым годом! — девчонка кокетливо заглядывала ему в глаза.

— И тебя, — кивнул Женька, — оттягиваешься?

— Тебя захотела увидеть...

— Зачем?

— Просто... — рассмеявшись, она развела руками, — Захотела вот, и всё!

— Увидела? — усмехнулся Журавлёв.

— Увидела.

— Ну, пока! — он уже повернулся, чтобы уйти, но она вдруг вцепилась в его руку.

— Подожди!.. — испуганно вскрикнула девушка, — Ну, куда ты? Я, правда, хотела тебя увидеть!

— Слушай... — Женька смотрел на неё, как на маленького ребёнка, который не понимает, что говорят ему взрослые, — Лена, тебе не кажется, что мы с тобой в разных возрастных категориях?

— А сколько тебе лет? — она удивлённо подняла на него глаза.

— Много.

— А я в прошлый раз не заметила... — девчонка игриво смотрела слегка исподлобья, — Да и ты о возрасте не говорил...

— Прошлого раза не было, усекла?

— Усекла... — она растерянно перевела взгляд куда-то вниз, но тут же снова подняла глаза, — А, хочешь, я с тобой сегодня останусь?

— Послушай, — положив руку ей на плечо, он пристально посмотрел на неё, — Сегодня я иду к друзьям. А к друзьям я всегда хожу один. Так что, не получится.

— Ну, и что, — Лена пожалала плечами, — наши девчонки с парнями из «Хеллоуина» везде таскаются... Мара даже с их Андрисом целую неделю жила... И на гастроли вместе с ними ездила...

— Ну, так то «Хеллоуин», — усмехнулся Журавлёв, — а мы — «Ночной патруль», и у нас другие правила.

— Ой! — Ленка ехидно усмехнулась и закатила глаза, — Знаю я ваши правила... Сам-то в прошлый раз не отказался...

— Так, короче, — шумно вздохнув, Женька подбоченился, — на этой весёлой ноте мы с тобой прощаемся. Договорились?

— Не-а... — она кокетливо закусила нижнюю губу, — Не договорились...

— Ну, как хочешь. Расстанемся по-английски. Бай! — сделав прощальный жест, Журавлёв развернулся и торопливо поднялся на сцену, где остальные музыканты уже собирались взять в руки свои инструменты.

— Я смотрю, вы с Саней пользуетесь популярностью у молодого поколения, — съехидничал Мазур, слегка наклонившись к Женьке, — того тоже сегодня девчонка у входа поджидала...

— А мы что, виноваты, что вы такие лопухи, — усмехнулся Журавлёв, — кому-то надо и марку держать.

— Саня вон подержал, — вполголоса, чтобы не услышал Говоров, произнёс Витька, — теперь дома не живёт.

— Ну, что я могу сказать... — Женька шутливо развёл руками, — Не свезло!

* * *

Часы показывали уже половину двенадцатого, а Морозова ещё не было дома. Отыграв сегодняшний вечер в одном из ночных клубов, он, прихватив Говорова и Журавлёва, уже направлялся домой, но, поехав привычным маршрутом, был вынужден повернуть назад: в связи с новогодней ночью, центральные улицы были перекрыты.

— Алёнка, привет! — прикинув, что ехать ещё долго, Женька достал телефон, — С Новым годом...

— Жека по алфавиту начал поздравления... — бросив взгляд в салонное зеркало, рассмеялся Дима.

— Это он дочке звонит, — вполголоса пояснил сидевший на переднем пассажирском сиденье Сашка.

— Точно... Я и забыл, что у него Алёнка... — поворачивая на перекрёстке, Дима внимательно оглянулся по сторонам — в связи с наступающим праздником, вероятность встречи с нетрезвыми водителями возрастала в разы.

— Твои-то как?

— Нормально... Сейчас сам увидишь.

— Увижу... — грустно произнёс Говоров и замолчал, глядя вперёд через лобовое стекло.

— Ты смотри, если что, я тебя домой отвезу, — Дима понимающе посмотрел на друга, — Я сегодня не пью...

— Вообще, что ли, не будешь? И шампусика не хлебнёшь за наступающий? — Говоров недоверчиво покосился, — А чего так?

— Мне дядьку ночью на вокзал везти. Билетов не было, только на новогоднюю ночь удалось купить. С нами встретит, и — на поезд...

— Понятно... А сеструха твоя?

— Сеструха... — припарковавшись, наконец, возле дома, Дима выключил двигатель, — Сеструха тут остаётся.

— Ничего у тебя сеструха, — хмыкнул Сашка, — сколько ей?

— Двадцать лет. А ты по какому поводу интересуешься?

— Да так... — Говоров многозначительно улыбнулся, — Люблю рыжих... Они темпераментные.

— У тебя жена вон, какая темпераментная, — Морозов ехидно прищурился, глядя на Сашкино веко, — ну, если только с целью имидж подправить...

Часы показывали половину третьего, когда, встретив Новый год вместе с детьми и их друзьями, Анна и Александр отправились к себе, прихватив с собой спящих внуков. Наташа и Алиса тоже вышли вслед за ними — попрощаться с Петром, который прямо из-за стола должен был отправиться на вокзал, чтобы уехать в свой родной посёлок. Одевшись в квартире брата, он прихватил свои вещи и, попрощавшись с дочерью и родственниками, вместе с Димой шагнул через порог.

— Димыч, я с вами, — Сашка, радостный, как никогда, выскочил из дверей Димкиной квартиры, где он оставался вместе с Журавлёвым, — на обратном пути домой меня подбросишь?

— Ирке звонил? — Дима от удивления приостановился, — Помирились?

— Сама позвонила, — Говоров не мог спрятать счастливую улыбку, — иди, говорит, домой, сволочь...

— Ну, вот, всё нормально! — Морозов хлопнул его по плечу, — Может, заберём её и — к нам?

— А Каринку куда? — развёл Сашка руками, — Тёща-то уже уехала... Да и поговорить надо. Не, мы, если что, завтра заедем. Или вы — к нам...

— Ладно, разберёмся!

Проводив Диму с Петром, Наташа заглянула в их спальню в родительской квартире.

— Мама, я плюснулся, — сидя на кроватке, Валерик шурился на свет из коридора.

— Ну, вот, здрастье, — Наташа шагнула к мальшу, — ты же спал!

— Ну, вот, плюснулся, — пожал плечами Валерка, — а где мой подалок?

— Дед Мороз ещё не приходил. Нужно подождать до утра... Поэтому ложись спать.

— А где папа? — Валерик явно искал причины отвертеться от сна.

— Папа поехал деда Петю провожать. А ты спи, — уложив ребёнка на подушку, Наташа укрыла его одеялом.

— Нет. Я буду папу ждать.

Расцеловав сына и погладив его по голове, Наташа обернулась к другой кроватке — заворочавшаяся Анечка тоже подала голос.

— Алис, ты, если хочешь, иди к нам, — выглянув из спальни, Наташа обратилась к Алисе, которая ждала её, присев на диване в гостиной, — все вдруг проснулись, придётся Аню кормить и Валерку укладывать...

— А ты долго будешь? — спросила Алиса.

— Не знаю, как получится, — развела руками Наташа, — наверное, не раньше, чем Дима вернётся. А ты иди, там Женька с Сашкой, споят тебе что-нибудь...

— Ну, ладно... — девушка охотно вскочила с дивана и направилась в прихожую.

Войдя в квартиру Морозовых-младших, она с удивлением и каким-то удовлетворением

обнаружила, что Журавлёв там совершенно один — проводив мужа, Наташа не видела, как Сашка уехал вместе с ним.

— А где Саша? — присев напротив, девушка стрельнула зелёными глазами.

— Домой уехал, — Женька отложил гитару, на которой что-то наигрывал, сидя за столом, — а ты что, одна вернулась? Где Наташка?

— Она детей укладывает. Сказала, не скоро придёт... — Алиса тоже присела за накрытый стол. Из всех «патрулей» ей больше всего понравились именно Морозов и Журавлёв... Но Дима был женат и откровенно влюблён в свою жену...

Ожидая приезда гостей, Алиса весь вечер осторожно выпытывала у Наташки всё, что можно, о парнях, и единственным, кто соответствовал её запросам, оказался именно Женька... По словам Наташи, он не был женат, у него была своя квартира, очень дорогая машина и неплохие гонорары. Кроме того, в свободное время он иногда заменял знакомых музыкантов в ресторанах, поэтому Алиса сделала вывод, что он довольно обеспечен. К тому же, внешность Журавлёва не могла оставить равнодушным ни одно женское сердце.

— Выпьешь? — Женька взял со стола бутылку с текилой, — Или чего-нибудь другого налить?

— Нет, мне текилу... — довольно улыбаясь, Алиса согласно кивнула.

— За Новый год? — подняв свой стакан, Журавлёв с нескрываемым интересом посмотрел на девушку. Порывшись в Наташином гардеробе, который та предоставила в её распоряжение, Алиса выбрала довольно откровенное платье — зелёная, переливающаяся ткань плотно облегла девичью фигурку, оставляя открытыми плечи и обширную часть груди, довольно пышной для остального хрупкого тела.

— За Новый год, — выпив, она закусилась долькой лимона.

— Ещё? — бросив на неё быстрый взгляд, Женька плеснул себе ещё текилы.

— Ещё, — подставляя стакан, Алиса игриво улыбнулась, — Сейчас как напьёмся...

— Тебе не стоит, — выпив, он тоже потянулся за лимоном.

— А ты давно в «патруле» играешь? — девушка положила локти на стол и посмотрела с каким-то странным интересом.

— Три года, — откинувшись на спинку дивана, он разбросал по ней руки.

— Может, потанцуем? А то как-то скучно... — услышав по телевизору медленную мелодию, Алиса снова распрямилась, глядя Журавлёву прямо в глаза. Текила лишь чуть-чуть ударила ей в голову, но, решив притвориться более пьяной, она слегка улыбнулась уголком губ и движением головы растрепала свои рыжие густые волосы, которые тут же рассыпались по нежным оголённым плечам.

— Ну, давай... потанцуем... — зелёные глаза смотрели на него так откровенно, что он не смог отказать.

Танцуя с Алисой, Женька не мог не отметить, что девушка обладала каким-то странным притяжением... То ли это был запах духов... то ли аромат её волос... то ли её собственные скрытые желания передавались ему посредством каких-то там флюидов... Но, так или иначе, уже через полминуты он огромным усилием воли подавлял в себе желание впитаться в её губы... а руки... скользя по гладкой ткани платья, они упрямо перемещались с пояса — всё ниже и ниже...

Он так и не понял, кто из них первым проявил инициативу... В считанные секунды их

губы встретились в по-настоящему страстном поцелуе... Окончательно дав волю рукам, одной он крепко прижимал её к себе, а другой стягивал с груди верхнюю часть платья.

— А сыграй мне что-нибудь, — неожиданно оттолкнув его от себя, Алиса кивнула на гитару, которую Женька поставил сбоку на полу, — пожалуйста...

— Вообще-то я уже наигрался, — тяжело дыша, он не выпускал её из объятий.

— Ну, тогда покажи мне несколько аккордов?.. — призывно глядя ему в глаза, она слегка подтолкнула его к дивану, — Я давно хотела научиться... Научишь?..

— По-моему, тебя и учить-то нечему... — промурчал Женька, припав губами к её шее, — Лучше ты меня поучи... Только дверь закрой?..

— А я уже закрыла, — опускаясь вместе с ним на диван, Алиса рукой нащупала ремень на его брюках и потянула его из пряжки.

— Ого!.. — Журавлёв не ожидал такой прыти от молоденькой девушки, и только в последний момент тень сомнения проскочила в его затуманенном алкоголем мозгу.

«Она же Димкина сестра...» — только и успел подумать он, но было уже поздно...

* * *

Расслабившись, Женька не заметил, как задремал — двухчасовой концерт, бессонная ночь и довольно изрядная доза алкоголя, подкреплённые неожиданным выбросом сексуальной энергии, сделали своё дело. В первый момент он даже не расслышал сигнал дверного звонка.

— Одевайся, — торопливо выскользнув из его объятий, Алиса лихорадочно приводила в порядок свой наряд — одёргивая платье, она нечаянно зацепила ногтём чулок на бедре и теперь пыталась аккуратно его подтянуть, чтобы образовавшаяся стрелка не «пошла» вниз. Наконец, поправив всю одежду, она быстрым шагом проследовала в прихожую.

— Господи, я уже не знаю, что думать, — Наташа испуганно смотрела на девушку, — вы не открываете, мои ключи дома, другие у Димы... Алиса... — приглядевшись к той, она тревожно взяла её за руку, — Что-то случилось? Ты как-то странно выглядишь...

— Всё нормально, — закрыв за ней дверь, Алиса стремительно скрылась в ванной, — я сейчас!

Войдя в зал, Наташа с удивлением обнаружила там Журавлёва, поправляющего ремень. Волосы его были слегка растрёпаны, и она, догадавшись, в чём дело, медленно приблизилась к нему.

— Наташ... — деланно-виновато улыбаясь, тот выставил вперёд ладони, — Только не убивай, ладно?..

— Женька... — взгляд не предвещал ничего хорошего, и, немного помолчав, она схватила диванную подушку и со всей силы огрела его по голове.

— Наташка... — шутливо закрываясь от неё, Женька плюхнулся в самый угол дивана, — Ну, ладно тебе...

— Женька, мне-то ладно, — Наташа говорила вполголоса, — А что я Анне Сергеевне скажу?..

— Так не говори, — он развёл руками, — кстати, ты на что намекаешь?

— На то! — она ещё раз запустила в него подушкой, — Ей двадцать лет, и она на моей ответственности!

— О-о... Наташка... — пытаюсь усадить её рядом с собой, Журавлёв усмехнулся, — Это тебя, в твои двадцать три года, можно на чью-нибудь ответственность... А этой девочке она уже не нужна. Можешь мне поверить...

— Давай без подробностей, — Наташа в шутку показала ему кулак, — а если Дима узнает? Жень?.. ты вообще понимаешь что-нибудь?!

— Понимаю, — обаятельно улыбаясь, Женька, не оставляя попыток обнять её за плечи, — Наташка, если ты меня ревнуешь, то я застрелюсь от счастья...

— Бабник! — подушка в очередной раз опустилась ему на голову, — Убить тебя мало!.. Кстати, — оглянувшись, она как будто о чём-то вспомнила, — А где Сашка?

— А ты только сейчас догадалась, что мы были вдвоём? — лукаво глядя на неё, Женька потянулся за бутылкой, — Сашка с Димой ещё уехал. Его Ирка простила и домой позвала...

— Одни бабники кругом, — Наташа укоризненно покачала головой, потом, прислушавшись к звуку стукнувшей входной двери, многозначительно посмотрела на Женьку, — значит, так. Я ничего не знаю. И не вздумай проговориться Димке, понял?

— Понял... — согласно кивнул Журавлёв, опрокидывая очередную порцию текилы.

— И лимон съешь, — Наташа всучила ему в руку маленькое блюдо с нарезанным лимоном, — а то рожа слишком довольная...

* * *

— Только что Костя звонил из Германии, — усевшись, наконец, за стол, Дима посмотрел на Наташу, потом на Журавлёва, — велел всех поздравить, и сказал, что, возможно, в июне сможет устроить нам тур по десяти городам. Концерт из двух отделений — в первом Наташка со своей программой, во втором — «Ночной патруль».

— Ништяк, — Женька показал большой палец, — кстати, как раз в июне в его городе будет проходить рок-фестиваль. Как насчёт совместить?

— Только за, — Дима развёл руками.

— А детей куда будем пристраивать? — Наташа обернулась к мужу, — Валера-то хоть в садик ходит, а Аню не на кого оставлять.

— Кстати, — Женька говорил и закусывал одновременно, — у меня знакомая певица есть, так она прямо с ребёнком ездила на гастроли. Брала с собой няню, и ехала.

— Думаешь, так можно? — Наташа с сомнением покачала головой.

— Так все поступают, — вместо Журавлёва ответил Дима, — я сам хотел тебе об этом сказать. Многие, кто занимаются гастрольной деятельностью, берут с собой детей и няню.

— Тогда будем искать няню, — задумчиво ответила Наташа, — Только где? Нужно, чтобы надёжная была. А я, как назло, никого не знаю из этой сферы. Алинка моя замуж вышла... Папа болеет, Светлана Петровна работает... А больше никто на ум не идёт.

— А вот Алиса, — Женька кивнул в сторону девушки, — Чем тебе не няня?

— На Алису у нас другие планы, — Дима шутливо подмигнул сестре, — да, Алис?

— Это какие же? — с интересом спросил Журавлёв.

— Всё тебе расскажи... Ты вообще не вздумай заглядываться на мою сестру, а то уволю...

— Ты что, Дима... — Женька приложил руку к груди, бросив недвусмысленный взгляд на Алису, — И в мыслях не было! Да и старый я для неё...

— То-то же... — рассмеялся Морозов, — Ну, что, может всё же выпьем за Новый год? И за новое счастье?

— Выпьем... — взяв фужер с шампанским, Алиса, наконец-то, подала голос, — За новое счастье...

«Малинина Милена Владимировна... — выйдя из дверей паспортно-визовой службы. Милена ещё раз раскрыла только что полученный новенький паспорт, — Вот так... В тридцать лет — развод и девичья фамилия...»

Не совсем весело улыбнувшись своим мыслям, женщина раскрыла сумочку и аккуратно положила туда документ. Первый рабочий день после новогодних каникул начался с перемен... Состоявшийся месяц назад развод с мужем Милена пережила на удивление спокойно, хотя инициатором расторжения брака был именно он — Николай.

Николай Залесский... С ним она познакомилась около восьми лет назад, в поезде. Молодой мужчина оказался единственным попутчиком в купе, в котором Милена ехала домой из Москвы. Познакомившись, они весело проболтали несколько часов подряд, пока поезд не подошёл к перрону его родного города.

«Я позвоню!..» — крикнул он ей, стоя на платформе, когда состав уже тронулся. Улыбнувшись на прощание, Милена махнула ему рукой из открытой двери вагона.

Приехав домой, она тут же окунулась в повседневные дела: работа, уход за больной матерью... Она совершенно забыла о своём случайном попутчике, поэтому, когда он позвонил через неделю, едва его вспомнила.

«Я к тебе приеду», — этого она совершенно не ожидала, поэтому не сразу нашлась, что ответить...

«Приезжай...» — немного подумав, Милена усмехнулась в трубку. Ну, какой дурак поедет за пятьсот километров после шестичасового знакомства? Шутит мальчик... Каково же было её изумление, когда буквально через день он уже звонил в двери её квартиры...

Руку и сердце он предложил почти сразу. Не зная, что сказать, Милена попросила подождать с ответом. Полюбить за такой короткий срок она его, конечно, не успела... Сам же Николай клялся и божился, что с тех пор, как он её увидел, ещё ни ночи не спал спокойно. Проведя у неё целый день, он отправился в гостиницу. Обескураженная неожиданным визитом, девушка не знала, что и думать... Парень был симпатичным, напористым, с хорошим чувством юмора. По его словам, работал в серьёзной фирме, имел жильё — двухкомнатную квартиру. Он показался ей надёжным...

«Я буду ждать твоего решения, но у меня всего три дня...»

Уже на следующее утро она мучительно ловила себя на мысли, что готова согласиться. Да, вот так — ни с того, ни с сего согласиться. А чего ей ещё ждать? После расставания с Журавлёвым она долго не могла прийти в себя. Его измена, расцененная ею как предательство, оказалась таким ударом, что даже сейчас, полтора года спустя, она не могла спокойно думать о нём...

Женька... Вычеркнув его из своей жизни, она и подумать не могла, что даже после расставания он не оставит шанса ни одному мужчине в её жизни... Он так и жил в её сердце всё это время, несмотря на все её усилия забыть его...

О скандале в доме Журавлёвых Милена узнала от Ритки — невесты его старшего брата Геннадия. Она долго не могла поверить услышанному, ведь Женька не мог... Решив спросить его напрямую, она мысленно себя уговаривала, что всё это неправда, и что вот сейчас он рассеет все её сомнения... Но, лишь взглянув ему в глаза, поняла — не врала Ритка...

Полтора года прошло с тех пор, а облегчения всё не наступало. После того он приходил к ней несколько раз, звонил, но она не открывала дверь и бросала телефонную трубку. А после... после шла реветь в ванную, чтобы не услышала мать. Вопреки положительным прогнозам врачей, Татьяне Николаевне вскоре вновь стало хуже, и Милена, как могла, скрывала от неё своё состояние.

Она не прощала его и ревела... ревела и с каждым разом всё больше и больше ощущала свою потерю... В отчаянии, где-то в глубине души, она стала ловить себя на мысли, что начинает его прощать... Она и боялась его простить, и желала этого одновременно... Ругая и даже ненавидя себя за эту слабость, она только и думала о нём... Ребёнок «на стороне»? Ну, и пусть... Это всё не по любви. Ритка сказала, что Женька твёрдо заявил родителям, что не женится ни на ком, кроме неё, Милены. Генка передаёт ей все их семейные разговоры... Да, он изменил, но любит-то он её... И она его любит. И, когда он ещё раз придёт просить прощения, то...

...Дни шли, а он больше не приходил. Напрасно она прислушивалась к шагам на лестничной клетке и срывала телефонную трубку... Через месяц та же Ритка поведала ей, что отец той девчонки поднял все свои связи в милиции, и что Женьке реально угрожает срок за соращение несовершеннолетней. Доказательств, кроме показаний «потерпевшей» не было, но, когда ребёнок родится, то генетическая экспертиза будет самым веским доказательством...

...Он долго сопротивлялся. Но, когда Кирилл привёл свою дочь в дом к Журавлёвым — уже на восьмом месяце беременности, не выдержала даже мать... Она была на стороне сына всё это время, понимая в душе, что расплата за ошибку будет слишком высокая — женитьба без любви не приведёт ни к чему хорошему. Но, увидев беременную девушку, вдруг резко изменила свою позицию.

Они добились своего... Свадьба состоялась. Милена вспоминала, как она, узнав дату и место, прибежала в городской парк... Она не знала, зачем она это делает. Но ноги сами несли её туда... туда, где за чугунной оградой остановился свадебный кортеж... Она стояла, вжавшись в прутья, не в силах отвести взгляда от Женьки... Ей тогда показалось, что вот именно сейчас она прощается с ним навсегда.

Но проститься навсегда не получилось. Они не виделись с тех пор, но не было дня, чтобы она не вспоминала о нём... Она так больше никого и не полюбила за всё это время.

«А, может, это судьба?» — думала она на следующее утро после визита Николая.

«Хороший парень, — мать, как будто догадавшись, только подтвердила её решение, — если согласишься, я умру спокойно».

Дав согласие выйти замуж, Милена поставила Николаю условие — она не сможет уехать от больной матери.

Первые полгода они так и жили — в разных городах, встречаясь раз в две недели. Работая без выходных, Николай брал сразу несколько отгулов и уезжал к жене. Но через полгода мать Милены скончалась, и она уехала к мужу насовсем. Ей даже казалось, что она полюбила Николая — редкие встречи и его мужское внимание потихоньку топили лёд в её сердце.

Она не стала продавать квартиру, хотя он и настаивал на этом, а пустила туда жильцов. Переехав на новое место жительства, устроилась на работу в частный детский сад — воспитателем, где и отработала все семь лет. Она частенько думала, что правильно сделала, выйдя замуж и уехав из родного города. Новая жизнь отвлекала, и она всё реже и реже

вспоминала Журавлёва. С Николаем они практически не ссорились, и единственное, что омрачало их брак — отсутствие детей. Врачи утверждали, что и она, и супруг абсолютно здоровы, и потомство не должно заставить себя ждать. Но годы шли, а они так и оставались вдвоём.

Гром грянул, как всегда — среди ясного неба.

«Слушай, я тут твоего на днях видела с какой-то кралей... — Ольга, подруга и коллега по работе, даже не скрывала своей тревоги, — в супермаркете продукты покупали... Я ещё подумала, что ошиблась... Потом пригляделась — точно, твой Колька...»

Милена тогда даже не поняла, чего было больше в её чувствах — оскорбления, обиды или недоумения. Она сразу вспомнила и его участившиеся в последнее время и задержки на работе, и командировки по выходным, и пониженное внимание к ней, как к женщине... Уверенная в его чувствах, она не придавала всему этому значения, списывая всё на его должность, загруженность и усталость.

Его она тоже решила спросить напрямую. Отнекиваться Николай не стал.

«Да, Миля... Я люблю другую женщину...»

Оказывается, это у него уже давно, и он буквально на днях собирался обо всём ей рассказать. Да, он любил её... Да, она замечательная жена и хозяйка... но он хочет детей. А она не может ему родить ребёнка... Конечно, он понимает, что она не виновата... Но жизнь мужчины без детей — бессмысленна...

«И что... Т а м тебе обещали родить ребёнка?» — поразившись невозмутимости, с которой он объявлял ей о разрыве, усмехнулась тогда Милена.

«Т а м не просто обещали, — уловив её горькую иронию, Николай всё же постарался сохранить спокойный тон, — через полгода у меня уже будет сын или дочь».

Переваривая этот разговор, Милена вдруг с удивлением обнаружила, что, кроме потрясения и обиды, естественных при таких обстоятельствах, она не испытывает главного — она не испытывает искреннего горя... Такого, какое она испытала тогда, почти десять лет назад, узнав об измене Журавлёва.

«Судьба, что ли, у меня такая... — усмехалась она про себя, — И Женьку потеряла из-за чужого ребёнка... И Николая... А сама так никого и не родила...»

Развод в начале декабря прошёл спокойно. К тому времени, на которое было назначено заседание, Милена смогла принять удар судьбы и где-то даже смириться с ним...

«Впервые за мою практику люди разводятся так спокойно и без имущественных претензий», — работник ЗАГСа, женщина средних лет, одобрительно покачала головой.

На крыльце Милена вновь столкнулась с теперь уже бывшим мужем — выйдя раньше, он поджидал её на улице.

«Прости, но квартиру делить, сама понимаешь... У тебя ведь есть жильё в твоём городе, так что ты не должна на меня обижаться».

«Что ты, Коля, — она улыбнулась ему краешком губ, — И в мыслях не было. Завтра я соберу вещи и уйду. Потерпи до завтра».

«Подожди... — он задержал её за руку, — Ты меня не поняла... Это касается только квартиры, всё остальное напополам... Всё-таки мы прожили семь с половиной лет».

«Успокойся, — всё так же слегка улыбаясь, она подняла на него свои печальные карие глаза, — мне ничего не нужно. Я заберу только свои вещи».

«Тебе не нужно торопиться», — имея в виду тот факт, что сам он уже месяц живёт у

своей новой женщины, сказал Николай.

«Я уйду завтра», — повторила Милена.

«Ты очень красивая...» — она так и не поняла, к чему он тогда произнёс эту фразу.

«В утешение, что ли...» — подумала она, но ничего не ответила и торопливо сошла с крыльца.

* * *

Придя после обеда на работу, она ещё раз вытащила новый паспорт.

— Привет! — Ольга заглянула в группу, — заведующая просила тебя зайти.

— Зачем? — оторвав взгляд от развёрнутого документа, Милена удивлённо посмотрела на подругу.

— Не знаю, — та пожала плечами, — злая какая-то... Ой, ты что, паспорт новый уже получила?

— Да, только что, — улыбнулась Милена, — смотри!

— Малинина... — Ольга задумчиво покачала головой, — И не лень тебе было фамилию менять?..

— Не лень. Мне моя девичья больше нравится.

— Через полгода снова замуж выйдешь, опять менять придётся, — махнула рукой подруга, — лишние заморочки.

— Всё, с замужествами покончено, — Милена ещё раз взглянула на своё фото и спрятала паспорт в сумочку.

— Ой-ой-ой!.. — шутливо заойкала Ольга, — Так тебе и дадут в девках сидеть... Знак двоих, которые только и ждали, чтобы ты с Залесским развелась.

— Мало ли, чего они ждали, — рассмеялась Милена, — у меня другие планы.

— Ну-ну, — Ольга недоверчиво хмыкнула, — посмотрим!

— Посмотрим! — взявшись за ручку двери, Милена снова обернулась, — Ладно, пойду, схожу к заведующей, пока тихий час.

Ступая по мягкой ковровой дорожке, устлавшей недлинный коридор, она прикидывала, что послужило причиной вызова. Заведующая частным детским садом, в котором работала Милена, была женщиной доброго склада, очень деликатной и тактичной, как с родителями, так и с персоналом, «на ковёр» вызывала лишь в самых крайних случаях, стараясь тушить всевозможные конфликты и другие нежелательные ситуации ещё до их возгорания.

Нареканий у Милены никогда не было, она отлично справлялась со своей работой и очень любила детей, которые отвечали ей взаимностью.

Так было все семь лет. Ровно до тех пор, пока к ней в группу не привели пятилетнего мальчика. Несмотря на то, что ребёнок был вполне взрослым и неглупым, он не умел делать элементарных вещей, а, точнее, не был к ним приучен.

«Пожалуйста, объясните Роме, что он уже большой и должен кушать сам», — терпеливо объясняла Милена молодой, кичливой маме, одновременно супруге довольно высокопоставленного чиновника. Но, вместо понимания, мама Ромы устроила истерику, когда на следующий день её отпрыск нарочно облил супом сидевшую рядом девочку.

«Я предупреждала, что моего сына нужно пока кормить с ложки, за что мы такие деньги платим?! Ребёнок остался голодным!» — верещала мать мальчика.

«Какой вы воспитатель, если не смогли уследить за ребёнком?!» — с другой стороны возмущалась мама девочки, разглядывая вечером испачканное платье дочери, а так же лёгкое покраснение у неё на коленках, возникшее при попадании на них горячего супа.

Разругавшись и между собой, обе дамочки, тем не менее, дружно накатали на Милену Владимировну «коллективную жалобу», которую должен был рассмотреть Совет родителей.

Она не ошиблась — её вызвали именно по этому поводу.

— Милена Владимировна, — заведующая произнесла эти слова как можно мягче, — у меня для вас не очень хорошая новость...

— Догадываюсь, — Милена грустно улыбнулась уголками губ.

— Да... — покачала головой заведующая, — За все годы, что вы у нас работаете, это в первый раз, но конфликт разгорелся нешуточный. Родители в основном люди адекватные, но, вы же понимаете, что в любом коллективе есть так называемые «заводилы». В общем, всё можно было бы уладить мирным путём, но мамочки очень сильно повздорили, и теперь требуют полного расследования происшествия.

— Господи, да какое расследование? — Милена чуть было не рассмеялась, но вовремя подумала, что смех сейчас будет крайне неуместен, — Ну, опрокинул ребёнок суп, ну, испачкали платье, это же дети, вы и сами понимаете.

— Я понимаю, — участливо кивнула заведующая, — но, дело в том, что у Даши лёгкая степень ожога. Очень лёгкая, я бы сказала, что легчайшая... Но тут уже вмешался её папа и требует наказать повара, который не остудил суп до нужной температуры, а заодно и вас, за то, что не проследили за этим, не говоря уже об остальном... Кроме того, мать Ромы настаивает на квалификационном экзамене — вашем... Естественно, вы сами должны его пройти, и за свой счёт. Её муж работает на телевидении, и она грозитя разоблачительным репортажем, который, естественно, ударит по имиджу нашего детского сада, а, ведь мы не государственное учреждение. Не говоря о всевозможных проверках, которые не преминут начаться, я даже не знаю, каким будет решение Эммы Васильевны... Она, кстати, уже всё знает.

— Я вас поняла, — опустив взгляд, проговорила Милена, — я в курсе, как исчерпываются такие конфликты. Я должна написать заявление по собственному желанию?

— Мне очень жаль... — заведующая и вправду смотрела с нескрываемой жалостью, — Но это был бы самый лучший выход из сложившейся ситуации. Вы же понимаете, что наш садик — не простой... Почти все родители имеют высокое положение в обществе, связи и прочее, и с лёгкостью могут испортить жизнь любой из нас, в том числе и мне. Они не просто доверяют нам своих детей. Они ещё и держат на постоянном контроле нашу с вами работу, и не всегда сами ведут себя адекватно, но... Вы же понимаете, что такие деньги, как здесь, просто так не платят.

— Да, я понимаю... Хорошо. Я сегодня же напишу заявление. Это как-то может помочь мирно разругать ситуацию?

— Естественно. Фраза «Виновный уже наказан» действует безотказно. С поваром всё сложнее — её уволить, естественно, придётся, и уволить за несоответствие. Кто-то должен быть принесён в жертву... Но вас я очень уважаю и ценю, как работника, поэтому вы можете

уволиться по собственному желанию, и я обещаю, что в трудовой книжке никаких порочащих записей не будет.

— Спасибо и на этом, — усмехнулась Милена, — я могу идти?

— Да, конечно, — кивнула заведующая, — и вот ещё что... Я бы хотела, чтобы этот разговор остался только между нами. Вы должны понимать, что здесь очень жёсткие условия работы и высокие требования, которые я должна исполнять.

— Я понимаю, — она не оставляла ироничного тона, — не беспокойтесь, вашей репутации ничто не будет угрожать. Я уйду очень тихо...

Все формальности, связанные с увольнением, заняли немного времени. «Быстро у нас такие дела делаются», — подумала Милена, укладывая в сумочке рядом с паспортом трудовую книжку. Идти домой одной не хотелось, и, решив подождать Ольгу, она почти полтора часа просидела в расположенном неподалёку кафе. После развода Николай почти настоял, чтобы она пока не выезжала из его квартиры, тем более, что выезжать было некуда. Решив, что за вырученные от продажи своей квартиры в родном городе деньги она сможет купить себе жильё здесь, Милена осталась дома и в тот же день дала объявление через интернет. Звонки от потенциальных покупателей стали поступать почти сразу, но вырваться, чтобы съездить на родину, не было никакой возможности, а в выходные и праздничные дни делать там было нечего — все нотариальные конторы не работали. Она уже договорилась о том, чтобы взять неделю за свой счёт... Но внезапное неприятное происшествие нарушило все планы...

— А, знаешь, наверное, всё к лучшему, — дождавшись Ольгу, Милена вместе с ней неспешно прогуливалась по вечернему заснеженному городу, — Мужа я потеряла... Работу потеряла... Больше меня здесь ничего не держит.

— Ты что, решила уехать?! — Оля глядела на подругу как-то испуганно, — Не выдумывай!

— Да, решила... Город наш огромный, работу найду... А квартира у меня есть. Тем более, что мне её было жалко продавать. Там жили мои родители.

— Ну, не знаю, — Ольга недоверчиво покачала головой, — А здесь-то чем хуже? Работа тоже есть, подумаешь, устроишься в обыкновенный садик... Правда, там зарплата совсем маленькая... Но ничего, как-нибудь...

— Не хочу я как-нибудь, — улыбнулась Милена, — всё происходит именно так, как надо. Понимаешь? Всё в этом мире происходит не просто так. Значит, судьба мне вернуться...

— А я как же? — Ольга обиженно прищурилась, — Бросаешь? Подруга называется...

— Да что тебя бросать, — Милена взяла подружку под руку, — ты же не одинокая. У тебя и Серёжка есть... И Мишка с Лерой... Это я — сирота казанская, ни мужа, ни детей...

— Нашлась сирота... — усмехнулась Ольга, — Да как только узнают, что ты одна, сразу женихи налетят. Такая красивая, что ты, Милька... если бы я была такая, как ты...

— Да ладно тебе, заладила... Обыкновенная я.

— Ну, да... — в голосе послышались нотки ревности, — Обыкновенная... У меня даже Серёга в первое время на тебя заглядывался.

— Серьёзно?! — расхохоталась Милена, — А я даже не замечала!

— Зато я замечала...

— А не боишься сейчас говорить, а? — лукаво подмигнув, Милена толкнула подругу локтем в бок, — Вдруг уведу?

— Ты же всё равно уезжаешь, — пожалала та плечами, — надеюсь, до отъезда не успеешь увести...

— Да не нужен мне твой Серёжка, — вздохнув, Милена подняла глаза к небу, — мне вообще сейчас никто не нужен. А вот подруги такой у меня точно не будет...

— Да... — как-то задумчиво произнесла Ольга, — Так мы с тобой в ночной клуб и не сходили... Всё собирались, собирались...

— Так я не завтра уезжаю, — снова рассмеялась Милена, — давай, ходим напоследок куда-нибудь?

— А давай! — подруге очень понравилась эта идея — она даже приостановилась, заглядывая Миленке в глаза, — Слушай... А, давай, на концерт какой-нибудь ходим?

— Например?..

— Ну, я не знаю... Артисты же постоянно приезжают. Вот, сейчас мимо дворца эстрады будем проходить, посмотрим афишу. Можно в газете посмотреть, кто когда и где выступает...

— А что... — Милена закусила нижнюю губу, — А давай! Всё же лучше, чем мы с тобой просидим весь вечер в ресторане или у барной стойки, а потом, в конце концов, напьемся и наревёмся...

— Так... что там у нас... — вглядываясь в огромные афиши на стенах дворца эстрады, освещённые вечерними фонарями, Ольга слегка прищурила глаза, — Скоморохи... это нам не подходит... Театрализованное представление... этого мы на новый год насмотрелись... Во! — радостно протянув руку в направлении большого рекламного щита с изображением пятерых музыкантов, она обернулась к Милене, — рок-группа «Ночной патруль»! Ты любишь рок?

— Не знаю, — пожалала плечами Милена, — Я просто люблю хорошую музыку, а какая она — рок или поп, или классика, для меня не так уж и важно.

— Ну, значит, решили? — Ольга ещё раз окинула взглядом щит, — Смотри... Они из твоего города... Ну, на земляков грех не пойти!

— Серьёзно? — подойдя поближе, Милена в полутьме старательно рассматривала увеличенное в десятки раз фото — на тёмном фоне даже в свете фонарей было трудно что-либо различить, кроме букв, написанных яркой светлой краской, — Да, действительно... А я и не знала, что у нас там такая группа есть.

— Да мы много ещё чего не знаем, — озорно воскликнула Ольга, — ну, что?! Пойдём на красивых мальчиков?

— Пожалуй... Если билеты ещё есть, — как будто в чём-то засомневавшись, Милена ещё раз бросила взгляд на изображение, — А когда это будет?

— Ну, вот же, написано, — подруга снова подняла руку, — послезавтра, начало в девятнадцать ноль, ноль.

— А что... И пойдём! Я теперь женщина свободная, так что с утра и за билетами сгоняю...

— Верное решение, девушка, — взяв её под руку, Ольга уверенно зашагала вперёд, — Отрываться так отрываться!

«Ночной патруль... Ночной патруль»... — вечером, ложась спать, Милена то и дело

вспоминала название группы. Что-то не давало ей покоя, но вот что — она так и не могла понять...

«Ночной патруль...» — силясь вспомнить не совсем чёткое изображение, она вдруг замерла, потом подошла к окну — ночной город пестрил яркими разноцветными огнями.

«Да нет... — напрочь отменяя осенившую её догадку, подумала Милена, — Нет... показалось...»

Глава 8

— Тридцать восемь и девять, — Настя, нахмурившись, положила градусник в пластмассовый футляр. Потом снова обернулась к Журавлёву, — ну, и как ты поедешь, такой больной?

— Как-нибудь, — едва справляясь с простудным кашлем, тот приподнялся, потом сел на диване, — петь не смогу, а так, концерт отработаю.

— А до концерта? Сколько часов ехать придётся?

— Часов восемь, — он взял из её рук таблетки и, проглотив, запил стаканом клюквенного морса.

— Восемь... — как бы прикидывая, она слегка задумалась, — Восемь... хоть бы поездом, всё легче. А автобусом тяжело. Может, не поедешь, Жень?

— Как ты себе это представляешь? — он снова лёг на диван, — Мы ведь под минусы не работаем, под фанеру не поём. Живой звук...

— А Морозов? Он же раньше сам на клавишах играл, что, не сможет сейчас тебя заменить?

— Раньше было раньше, — зевая, Женька потянулся, — раньше он на одних клавишах играл, а сейчас у меня целая установка... Дима просто физически не сможет петь и играть одновременно... да что я тебе рассказываю, сама, что ли не знаешь?

— А жена у него? Ваша Наташа... — присев рядом с ним, Настя открыла баночку с кремом для рук, — Помнишь, как-то она на клавишах играла вместо тебя? Ну, года полтора назад, когда тебе аппендицит вырезали?

— Наташка? — Журавлёв снова зевнул, — Это она старый репертуар работала. Новый она так не знает, это — во-первых. Клавиши были одни, сейчас — четыре синтеза, это — во-вторых. А, в-третьих, у неё грудной ребёнок, она сейчас никуда не ездит, только в городе выступает по местным туснякам.

— Ну, Жень... — втерев крем в кисти рук, Настя наклонилась к Журавлёву и положила ему голову на грудь, — Ну, останься... Как-нибудь отработают без тебя... Я так по тебе соскучилась...

— Да я тебе уже надоел, наверное, — обняв её, он вздохнул, — за пять-то дней...

— Пять дней, — она невесело усмехнулась, — всего-то пять дней... И то, потому что заболел, а то видела бы я тебя...

— Да ладно тебе, — улыбнулся Женька, — можно подумать, что ты меня не видишь. Тем более, без меня тебе спокойнее. Орать ни на кого не нужно... Кормить никого не нужно... лечить вон никого не нужно...

— Дурачок... — она привстала и, взяв в ладони его лицо, поцеловала в губы, — Какой же ты дурачок...

— Не целуй меня, а то сама заболеешь.

— Ну, и что... — она снова прикоснулась к его губам, — Заболею, лягу рядом с тобой... И будем вместе лежать...

— И помрём с голоду... Подожди... — отстранив её от себя, Журавлёв дотянулся до стола и взял в руки сигналящий телефон, — Привет, Алёнушка!

— Ну, вот, как всегда... — Настя встала с дивана и вышла в другую комнату. Несмотря на затаённую ревность, она всегда из деликатности оставляла его одного, когда он

разговаривал с дочерью. Девятилетняя Алёнка была очень похожа на отца, и Женька её любил и никогда не забывал. Выбирая ей подарки, он часто брал с собой Настю, как консультанта, и Настя сама уже заочно привязалась к девочке. Несколько раз она видела её, когда Журавлёв встречался с дочерью где-нибудь в кафе — бывшая жена привозила ребёнка, а потом забирала. Сама она как будто избегала бывшего мужа, общаясь с ним только по телефону, если не считать мимолётных встреч. Настя знала историю их женитьбы и жалела Женьку чисто по-женски, в глубине души прощая ему все его недостатки. Иногда она невольно сравнивала себя с его бывшей женой Кирой, с сожалением для себя отмечая, что «не дотягивает» по многим параметрам до её уровня: Кира была моложе, образованнее, обеспеченнее... Ревновать не было смысла: уже несколько лет Кира жила с другим мужчиной, и всё её общение с Журавлёвым сводилось к материальным вопросам. Официальная зарплата у него была небольшая, и Женька из чувства долга помогал дочери сверх положенных алиментов, но Кире всё время казалось, что бывший муж зарабатывает слишком много, и требования её всё время возрастали. Настя старалась обходить в разговорах эту тему, да и сам Женька никогда не жаловался. Выводы Настя делала сама, видя, какие дорогие подарки он покупает для Алёнки, но не считала для себя возможным давать ему советы кроме тех, о которых он просил сам. Все эти годы их отношений её не покидал какой-то дурацкий комплекс несоответствия... Рядом с ним она ощущала себя чуть ли не Золушкой... Ведь он такой талантливый, красивый... сейчас играет в такой популярной группе, имеет кучу поклонниц... а остановился на ней, Насте, простой официантке, которая и в музыке-то не разбирается, и живёт на свою не очень большую зарплату. Он ездит на гастроли; плакаты с портретами всех участников «Ночного патруля» пестрят по всему городу, а она обслуживает в баре посетителей ночного клуба... Он мог бы найти себе подругу повыше рангом, но предпочёл её, Настю... Ей он тоже иногда покупает подарки и помогает материально, хотя она этого совершенно не ждёт... Ей не нужны его подарки. Ей нужен только он.

Прислушавшись к наступившей в соседней комнате тишине, Настя решила, что разговор Журавлёва с дочкой окончен, и направилась к дверям. Она уже почти шагнула в проём, когда услышала его приглушённый голос.

— Нет, я не у себя... Нет, не буду... — Женька говорил почти шёпотом, и Настя поняла, что он не хочет, чтобы она услышала этот разговор, — Да, всё ещё болею... Слушай, мне некогда, нужно ещё сумку собрать. Не нужно приходить меня провожать... Да и звонить не стоит. Я сказал, не нужно... Алиса, всё, пока...

— Её зовут Алиса?.. — выйдя, наконец, из соседней комнаты, Настя насмешливо посмотрела на Журавлёва, — А я думала, что ты с Алёнкой всё разговариваешь...

— Настя, давай без дедукции? — он её не укрылось раздражение, с которым он кинул на стол телефон, — Куда ты мою сумку положила?

— Вот она, — выйдя в прихожую, Настя тут же вернулась с дорожной сумкой, с которой Женька обычно ездил на гастроли.

— Ну, что случилось? — заметив, как она что-то смахнула со щеки, он всё же подошёл к ней и повернул к себе её лицо, — Ну, чего ты плачешь?

— Знаешь... — ещё одна слезинка выкатилась из глаз. — Если у тебя появился кто-то ещё, ты мне лучше сразу скажи. Не мучай...

— Да никого у меня не... — новый приступ кашля помешал ему закончить фразу и,

отвернувшись, он отошёл к окну.

— Женечка... — Настя подошла к нему сзади и, положив руки на плечи, прижалась щекой к вздрагивающей от кашля спине, — Женечка... Плохо мне без тебя... если бы только знал, как мне плохо...

— Господи... — наконец, откашлявшись, он повернулся к ней, — Я же с тобой. Насть...

— Со мной, — она печально улыбнулась, — вот заболел, и со мной. А не заболел бы, где бы сейчас был? И с кем?..

— Ну, хватит уже... — обняв её, он потёрся щекой о её макушку, — Собираться пора.

— Ты меня хоть немножко любишь?.. — отстранившись, Настя заглянула ему в глаза, — Ну, хоть чуть-чуть?

— Если бы не любил, то не пришёл бы, наверное...

— Исчерпывающий ответ...

— Настя... Вот когда ты не задаёшь таких вопросов, у нас с тобой всё хорошо... Правда? — улыбнувшись, Женька взял в ладони её лицо, — Пусть всё будет хорошо. Хорошо?..

— А кто такая Алиса?..

— Ну не заморачивайся ты... Ладно? Ну, хорошо... — Настя хотела вырваться из его объятий, но он задержал её, — Это девчонка, из фанаток. Узнала мой телефон, теперь названивает...

— Поздравляю, — с иронией произнесла Настя, — наконец-то у тебя появились фанатки.

— Растём... — он засмеялся, — Вообще-то фанатки у нас были всегда, просто я тебе не говорил...

— Убью, Журавлёв... — Настя в шутку сжала его шею, — Честное слово, убью...

— Как артистам без фанаток и без группис?

— Группис? — Настя удивлённо посмотрела на него, — Что такое группис?

— Это девочки, которые следом на гастроли ездят. Выездная группа поддержки.

— Да?.. — Настя подозрительно прищурилась, — И как они поддерживают?

— Морально.

— А сексуально?

— Можешь быть спокойной, — Женька снова улыбнулся, — Дима не допустит морального разложения.

— Так уж и не допустит... — Настя недоверчиво усмехнулась, — И сам, наверное, не святой.

— Морозов? Морозов святой... — Журавлёв как-то обречённо кивнул головой, — Уникальная личность.

— Тяжело ему с вами...

— Это нам с ним тяжело. А ему — нормально...

* * *

Большой пассажирский автобус уже около часа стоял во дворе «Творческой деревни». Погрузив инструменты, Говоров, Зимин и Журавлёв болтали на улице, пока Морозов разговаривал по телефону с администрацией дворца эстрады города, в который группа

отправлялась на гастроли.

— Ну, чего там? — выйдя из здания, новый звукорежиссёр группы Андрей Порох подошёл к ребятам.

— Не знаю, Дима сейчас уточняет, — Зимин кивнул в сторону Морозова.

— Как всегда, всё выясняется в последний момент, — Порох засунул руки в карман брюк и демонстративно поёжился, — что-то не климатно стоять, может, в салон пойдём?

— Да сейчас... — Говоров, вытянув шею, вглядывался в подъехавшее к стоянке такси, — Ну, наконец-то...

— Привет, банда, — Мазур, как всегда, с нежным девичьим румянцем на лице, спешил к товарищам, — вы чего на улице мёрзнете?

— Так хотим, — проворчал Сашка, — Ты-то чего опаздываешь?

— Да я бы не опоздал. Забыл камеру, что мне Юлька подарила, решил вернуться. Вернулся — двери открыл, камеру взял, хотел уже уходить. Не могу вспомнить, куда ключи положил... Пока нашёл...

— Ты чё?.. — Говоров посмотрел на него как на сумасшедшего, — Кто же на дорогу возвращается?!

— Да ладно тебе, — заржал Витька, — больно суеверным стал.

— Мазурик... — сделав последнюю затяжку, Сашка бросил окурок в урну и поднял на Мазура прищуренный взгляд, — Если, не дай Бог, что на гастролях случится, тебе не жить. Я тебе ещё конфеты не простил...

— Давай-давай... — Витька улыбнулся ещё шире, — гноби друзей... Кстати... — он тоже прищурился и скосил взгляд куда-то вбок, — Это к тебе...

— Кто? — Сашка обернулся и, увидев двух девчонок, прыгающих от холода неподалёку, слегка усмехнулся, — Это к Жеке.

Стоявший до этого молча, Журавлёв нехотя повернул голову в ту же сторону. Заметив это, одна из девушек помахала ему рукой. Едва кивнув ей в ответ, он снова вернулся в изначальное положение, натянул поглубже капюшон на голову и спрятал подбородок в высоком вороте куртки. Настины труды не пропали даром, и он чувствовал себя намного лучше. Утром, едва уговорив её не провожать его на гастроли, Женька торопливо схватил сумку и выскочил из квартиры. Проведя у Насти целых пять дней, он уже к концу вчерашнего вечера чувствовал потребность сбежать, но плохое самочувствие и утренний отъезд вынудили его остаться ещё на одну ночь. Нет, в его отношении к Насте ничего не изменилось за эти дни, просто длительное совместное проживание почему-то всегда начинало его тяготить уже на второй день. Он бы и не пришёл к ней пять дней назад, сославшись на болезнь... Он прекрасно переболел бы и дома. Но повышенное внимание троюродной сестры Морозова, от которого он не мог никак отделаться, стало причиной его побега из собственного дома. После новогодней ночи, когда между ним и Алисой вспыхнула мимолётная страсть, девушка решила, что их любовное приключение к чему-то обязывает Журавлёва. Не дождавшись от него звонка ни на следующий день, ни через неделю, она каким-то образом вытащила его номер из Димкиного мобильного...

Женька удивился, услышав её голос в телефоне. С одной стороны, он привык к женскому вниманию. С другой же стороны, Алиса была не просто случайной партнёршей, она была родственницей Морозова... Он и так испытывал чувство неловкости, не

свойственное ему в таких делах, и поэтому не очень обрадовался её предложению встретиться снова... «Я не могу, малыш...» — по её тону, каким она ответила на эту его фразу, он понял, что Алиса ожидала совершенно других слов. Да, эта девушка могла дать фору любой опытной женщине, и при других обстоятельствах Журавлёв не отказался бы ещё от пары-другой свиданий... Но объяснения с Морозовым, которые не заставили бы себя ждать, совершенно не входили в его планы.

«Знаешь, я сейчас болею...» — он не врал, и даже был рад, что у него есть веская причина отказаться от встречи, но Алиса тут же ухватилась за эти его слова.

«Я сейчас к тебе приеду», — он не ожидал от неё такой прыти...

«Ты меня не найдёшь», — попытавшись перевести всё в шутку, ответил Женька.

«Найду, — по её уверенному тону, он понял, что шутка не удалась, так оно и вышло, — я знаю, где ты живёшь...»

«Малыш, я не дома... — он постарался изобразить искреннее огорчение, — Прости...»

Через полчаса он уже заводил свой «ровер», чтобы отправиться к Насте...

— Дима, что? — Сашка вопросительно уставился на подходившего к ним Морозова.

— Да, вроде, всё нормально, — кивнул тот, — пообещали, что аппарат будет соответствовать заявленному в райдере.

— А чего тогда воду мугили? — Порох недовольно покрутил головой, — Они что, сами не знают, что у них есть, чего нет?

— Да там у них человек, который изначально гастрольями занимается, уехал, а без него полный пушной зверёк.

— Ну, что, тогда по коням? — Мазур махнул рукой водителю автобуса, чтобы тот открыл двери, — И так на полтора часа задержались.

— Мальчики, а можно с вами? — увидев, как музыканты садятся в автобус, Маринка и Ленка торопливо пересекли двор.

— В смысле? — обернулся в дверях Дима, — С нами — куда?

— На гастроли, — девчонки просяще подняли на него глаза.

— Девчонки, к сожалению, нет, — довольно строго посмотрел Морозов.

— Ну, пожа-а-а-луйста...

— Извините, но... — он развёл руками и вошёл в салон.

— А мы всё равно поедем! — несколько не огорчившись, девчонки весело помахали вслед отъезжающему автобусу.

— Чего ты, Димыч, взял бы девчонок... — Сашка удобно устроился в кресле, — Веселее было бы ехать.

— Тебе проблем мало? — усмехнулся в ответ Морозов.

— Да они и так за нами уже с полгода катаются.

— Пусть катаются, если им делать нечего, — Дима пожал плечами, потом, услышав сигнал, достал телефон, — Да, Наташ... Вот, только что выехали... Проблемы решали. Да успеем... Кто звонил? А чего хотят? Понятно... Ну, вышли им свой райдер...

— Чего там? — дождавшись окончания разговора, Говоров с любопытством уставился на друга.

— Наташке насчёт концерта звонили.

— А кто и откуда?

— Ты будешь смеяться, но из того же города, куда мы сейчас едем, — усмехнулся Дима, — только на другой площадке.

— Слушай, а чего ты ей концертного директора не возьмёшь? Несолидно как-то.

— Пока сами справляемся. Нам бы няню Аньке найти...

— Так сеструху свою припаши... Пусть помогает.

— Алису? Да на неё, вроде, другие планы... Она же модельер. Будет костюмы шить.

— Понятно, — кивнул Сашка, — ну, хоть какая-то польза.

* * *

Сидя за компьютером, Алиса нервно кусала губы. Планы, которые она себе настроила, приехав в этот город, не спешили сбываться, так и ограничившись мимолётным успехом. Уже через пару часов после отъезда отца переспав с Журавлёвым, она вдруг решила, что парень полностью в её руках. Но, уехав утром первого января от Морозовых, Женька так ей и не позвонил, не говоря уже о том, чтобы позвать её к себе. Поняв, что он не собирается продолжать с ней отношения, девушка решила сама нанести ему визит. Узнав номер его телефона, она несколько раз звонила ему, но Журавлёв отделялся лишь общими фразами. С их новогодней встречи прошло уже более десяти дней, а они так больше и не виделись. Выпытав окольными путями у Наташи, что у Женьки есть женщина, с которой он, хоть и не живёт, но поддерживает очень близкие отношения, Алиса разозлилась. Она почему-то не предполагала такого варианта, уверенная в том, что, если Журавлёв не женат и живёт один, то совершенно свободен.

Придя утром к Наташе почти сразу после Димкиного отъезда, она присела за компьютер.

— Общаешься? — приготовив завтрак, Наташа заглянула в гостиную, где и находилась Алиса, — Идём, всё готово.

— Нет, не общаюсь... — та изобразила печаль, — Я ищу работу...

— То есть? — Наташа удивлённо застыла в дверях, — Тебя же Дима берёт...

— Знаешь, Наташ... — Алиса резко обернулась к ней, — Мне уже так неловко, что я осталась...

— Почему?!

— Ну... я ведь не работаю...

— Дима же тебя берёт на работу... Вот приедут завтра, и займёмся делом. Поедешь с ним в студию, на просмотр, там он тебя познакомит с хореографом, который будет ставить все танцы. По костюмам работать нужно будет с ним.

— Мне так неловко... — голос у Алисы дрогнул, — Хочется как-то помочь и Анне Сергеевне, и вам с Димой... Но я не знаю, как.

— Да успокойся ты, — рассмеялась Наташа, — придёт время, и поможешь.

— Мне ведь и самой хочется что-то заработать, — жалобно продолжала девушка, — одеться, обуться получше... Я дома думала, что хорошо одеваюсь, а приехала сюда, и в ужас пришла...

— Почему? — удивлённо улыбнулась Наташа.

— Потому, что по сравнению с вами я просто оборванка...

— Не говори глупости... Ты совсем не оборванка. Знаешь... — как будто не решаясь что-то произнести, Наташа ненадолго замолчала, — Мне неудобно тебе предлагать, но... Если хочешь, посмотри у меня вот в этом шкафу, может, тебе что-то понравится из одежды? Там и обуви всякой полно... Возьми себе, что захочешь.

— Ой... А можно?.. — Алиса как будто только и ждала этих слов.

— Ну, конечно. Я же сама тебе предлагаю... Идём, позавтракаешь, и за наряды... — Наташа кивнула ей на дверь и, прислушавшись к детскому голоску, донёсшемуся из спальни, добавила, — Тем более, Аня проснулась, так что, можно будет пошуметь.

— Ничего себе... — открыв огромный шкаф, Алиса окинула взглядом находившуюся там одежду, — Сколько у тебя тут всего...

— Тут и концертные платья, и просто одежда на выход, — взяв на руки дочку, Наташа подошла поближе, — Ты выбирай себе, что хочешь.

— А Димка не будет тебя ругать?

— Дима?! Ну, что ты... Нет, конечно. Кстати, некоторые платья покупал именно он.

— Платья?! — Алиса удивлённо обернулась, — Сам?!

— Да, представь себе, — рассмеялась Наташа, — он вообще любит делать подарки...

— Да, я заметила, что он не жадный... — выбрав одно из платьев, Алиса прикинула его на себя, — А что-нибудь дорогое он тебе дарил?

— Да... Вот эти серьги, что на мне. Это подарок за Валеру.

— Ничего себе... Это же бриллианты?

— Да, только очень маленькие.

— А за Аню он тебе что-нибудь подарил? — зелёные глаза смотрели с нескрываемым любопытством.

— А за Аню — вот... Наташка вытянула вперёд кисть левой руки, где на среднем пальце сверкнуло кольцо.

— Оно тоже с бриллиантом?..

— Да. А ещё он подарил точно такую же подвеску.

— Да... Балует тебя мой братец, — задумчиво произнесла Алиса.

— Знаешь... Даже если бы он не сделал ни одного подарка, в наших отношениях ничего бы не изменилось.

— Ты что, его и вправду любишь? — Наташке показалось странным удивление, с которым Алиса задала этот вопрос.

— Конечно, — пожала она плечами, — если бы я его не любила, зачем бы я выходила за него замуж, рожала детей?..

— Ну, не знаю... Затем, что он известный, обеспеченный...

— Ой, Алиска... — снова рассмеялась Наташа, — Да разве это главное? Тем более, когда мы стали жить вместе, он ещё не был ни таким известным, ни таким обеспеченным.

— Ну, ты же знала, что он будет таким...

— Откуда же я могла знать?! — Наташа не уставала удивляться выводам, которые делала Димкина родственница, — К тому же, если ты думаешь, что у жён известных людей сладкая жизнь, то очень ошибаешься. У них больше слёз, чем денег...

— Да ну... — недоверчиво хмыкнула Алиса, — Чего бы им плакать, если денег много?

— Потому, что образ жизни артиста специфический. Они всё время в разъездах, в

творческом процессе... У них куча поклонниц, любовниц, если уж на то пошло... У многих дети на стороне... Среди них много алкоголиков и наркоманов... Хорошего очень мало, Алис.

— А ты?.. Дима ведь тоже в разъездах.

— Да, — кивнула Наташа, — но раньше, до Ани, мы часто ездили вместе. Мы и сейчас в одном проекте, просто я временно выпала из плотного графика.

— А ты не боишься, что он тоже тебе изменяет? — Алиса пытливо посмотрела на Наташу.

— Знаешь... раньше я очень боялась его потерять.

— А сейчас?.. Сейчас не боишься?

— И сейчас боюсь, — улыбнувшись краешком губ, Наташа пожала плечами, — Но Дима, действительно, особенный. Я ему верю.

— Даже не верится, что у меня такой брат... — кокетливо произнесла Алиса, доставая очередной наряд.

— Кстати... Если тебе так хочется помочь, то попрошу тебя об одном одолжении...

— Каком? — Алиса с готовностью обернулась к Наташке, — Говори, я помогу.

— Детский сад, куда ходит Валерик, совсем недалеко. И, если бы ты смогла иногда забирать его домой, я была бы очень за это благодарна...

— Ну, конечно, — охотно кивнула Алиса, — Без проблем!

— Спасибо тебе огромное! — Наташа с искренней благодарностью посмотрела на девушку, — Мне бывает некогда, а Анна Сергеевна устаёт после работы, хотелось бы её немного разгрузить...

— Если хочешь, я могу и с Аней сидеть... Ну, если тебе в магазин, например, нужно...

— Правда?! — обрадовалась Наташа, — Это было бы вообще здорово!

— Обращайся, — Алиса изобразила улыбку.

— Слушай... А, можно, я прямо сейчас сбегаю? Димка очень любит фаршированную курицу, а у меня специи закончились... Я бы сейчас замариновала, как раз к его приезду бы и приготовили...

— Не вопрос... Беги, я посижу.

— Она сейчас уснёт, — Наташа осторожно положила девочку в кроватку, — только нужно, чтобы было тихо...

— Хорошо, — шёпотом ответила Алиса и на цыпочках отошла в сторону.

Дождавшись, пока за Наташкой закроется дверь, девушка снова вернулась в спальню и открыла заветный шкаф. Перебрав ещё несколько вещей, задвинула зеркальную дверцу и подошла к комоду. Порывшись в ящиках, вытащила найденную там коробочку. Подняв крышку, долго разглядывала дорогую бижутерию.

— По любви, говоришь, вышла замуж?.. — усмехнулась она, пряча коробочку назад, — Врёшь ты всё, Наташенька... И про то, что денег у вас нет, тоже врёшь... А, если не врёшь, то ты просто лохушка. Впрочем, так даже лучше...

Закрыв глаза, Женька дремал под ровный гул автобуса, прислонившись головой к холодному стеклу окна. Действие лекарств, которыми вчера его поила Настя, судя по всему, закончилось, и его снова бросало в жар. В сумке лежала упаковка растворимого жаропонижающего средства, и нужно было только разбавить его кипятком. Промучившись ещё какое-то время в тяжёлой полудрёме, он всё же решил принять лекарство и попытался встать. Сделав шаг к встроенному в вертикальную панель салона термосу, тут же сел обратно — от поднявшейся температуры тело казалось ватным, и не было сил сохранять равновесие на ходу автобуса.

— Дима, — Журавлёв тронул сидящего впереди Морозова, — попроси водителя остановиться... надо кипятку набрать, лекарство выпить...

— Сейчас, — тот понимающе кивнул и, встав с места, подошёл к водителю. Через минуту, подрулив к придорожной стоянке, автобус замер.

— Спасибо, я быстро... — достав кружку, Женька добрался до термоса. Набрав горячей воды, вернулся на место и достал упаковку с лекарством. Воспользовавшись остановкой, музыканты вышли на улицу — размяться и покурить. Вода оказалась слишком горячей, и Женька, поставив полную кружку на сиденье, тоже вышел на свежий воздух.

— Ребята, — они уже садились в автобус, когда невысокого роста мужчина, лет тридцати пяти, подбежал к ним, — вы, случайно, не в Сосновку едете?

— Нет, мы дальше, — оглянувшись, Вадим последним поднялся по ступенькам и вошёл в салон.

— Меня не подкинете? Тут буквально пара километров, — мужчина поставил ногу на нижнюю ступеньку и взялся рукой за закрывающуюся дверь, — машина заглохла, — он кивнул на стоявшую неподалёку старенькую «шестёрку».

— Чё, подкинем... — Сашка посмотрел на Морозова, потом на остальных ребят и, заручившись всеобщим молчанием, кивнул незнакомцу, — проходи, садись...

— Да ничего, я постою, тут недалеко, — тот поднялся на вторую ступеньку и, дождавшись, пока за ним закроется пневматическая дверь, окинул взглядом всех «патрулей», — вас что, шестеро?..

— С водителем семеро, — Сашка недоумённо пожал плечами, — А что?

— А то... — сунув руку во внутренний карман «аляски», мужчина вытащил оттуда какой-то предмет, потом, бросив молниеносный взгляд на водителя, который уже собирался тронуться с места, вдруг громко крикнул, — Стоять!.. Заглуши мотор!..

— Чего?! — обернувшись, водитель не глядя нажал на кнопку — дверь плавно подалась вперёд, потом так же плавно поехала в сторону, — А ну, выкатывайся отсюда!

— Двери закрой!.. — громко крикнул мужчина и, вытянув руку, слегка разжал ладонь, — Закрой, кому сказал, или сейчас все взлетим на воздух!..

— Э-э-э... Мужик, ты чё?.. — увидев в его руках боевую гранату, Сашка привстал с места.

— Сидеть! — резко повернувшись в сторону музыкантов, тот движением другой руки дёрнул за кольцо...

— На хрена ты чеку выдернул, псих?! — Говоров побледнел и машинально подался вперёд.

— Сидеть! — срывающимся голосом повторил мужчина, потом повернулся к

водителю, — Быстро закрыл дверь!.. Я сказал, дверь!..

— Закройте, пожалуйста, дверь, — побледнев вслед за Говоровым, Дима как можно спокойнее обратился к водителю, потом снова посмотрел на незнакомца, — Что вы от нас хотите?..

— Я всё скажу потом, — дождавшись, пока дверь снова закроется, тот снова сорвался на крик, — водитель, быстро перешёл в салон! Я сказал — быстро!.. Иначе сейчас мы все взлетим на воздух!..

— Миша, перейдите, пожалуйста, сюда... — Дима снова подал голос. Перебравшись через разделительный бортик, водитель оказался в салоне и под пристальным взглядом захватчика прошёл на заднее сиденье.

— Мужик, ты хоть скажи, чего ты хочешь? — Мазур, без привычного румянца, высунулся из-за сиденья.

— Заткнись! — мужчина нервно дёрнул головой в сторону Витьки, — Я всё скажу... Чуть позже. А сейчас отвечайте... Кто у вас главный? Быстро отвечайте!..

— Ну, я, — Морозов пристально посмотрел на него со своего места.

— Значит так, — тот быстро окинул взглядом весь салон, — вытаскиваем мобильники и бросаем на пол... Кроме тебя, — он снова посмотрел на Морозова, — Быстро!..

— А, если я не брошу? — Зимин усмехнулся, — Ты же чего-то добиваешься? Значит, не собираешься умирать?

— Вадик... — дождавшись, пока тот посмотрит на него, Дима молча отрицательно покачал головой, — Не надо... Брось ему мобильник...

— Я не собираюсь никого убивать просто так, — незнакомец смотрел, как «патрули» бросают на пол свои телефоны, — но самому мне всё равно не жить. Поэтому сидите тихо, если вам есть, что терять. А мне терять уже нечего... Ты, — он кивнул Морозову, — сейчас позвонишь по телефону, который я тебе назову, и скажешь, что ваш автобус захватил террорист... А потом бросишь свой телефон мне.

— Говорите номер, — стараясь быть невозмутимым, Дима вытащил свой телефон. Набрал под диктовку номер, дождался гудка, — Алло... Полиция?.. Меня зовут Дмитрий Морозов...

Представившись и объяснив вкратце суть, Дима бросил телефон на переднее сиденье.

— С вами говорит Роман Васильченко... — взяв мобильник, как эстафетную палочку, мужчина продолжил начатый Димой разговор, — Всё, что вам сейчас передали, чистая правда. Я, находясь в здравом уме и трезвой памяти, признаю, что захватил автобус с семьёй пассажирами и требую, чтобы были выполнены мои условия... В случае попытки освободить заложников или других не оговорённых мною действий, я немедленно взрываю гранату, которая находится у меня в руках. Никаких компромиссов или альтернативных решений. Только выполнение моих требований. В любом другом случае, я просто бросаю гранату, и она моментально взрывается... Мне терять нечего!.. Требование у меня одно. В настоящее время в отделении детской онкологии находится моя семилетняя дочь, которой нужна срочная операция. Денег на операцию у меня нет, и шансов, что она обойдётся без этой операции, тоже нет!.. Поэтому, я требую, чтобы её немедленно отправили за границу, в нужную клинику и немедленно прооперировали! Пока её не прооперируют, из этого автобуса никто не выйдет!.. Времени я вам даю до завтра, до шести утра... Повторяю, терять

мне уже нечего!..

— Слушай, Рома... — выслушав требования террориста, Говоров не удержался от реплики, — Ну, ты же понимаешь, что отправить за границу и прооперировать за несколько часов просто невозможно!.. К тому же, знаешь, чем такие дела заканчиваются?.. Всё равно тебя возьмут, не сейчас, так потом.

— А мне уже всё равно, понимаете?! — во взгляде мужчины были и тоска, и отчаяние, и решимость одновременно, — У меня дочь умирает!.. Вы это понимаете?! Вы не понимаете!..

— Почему не понимаю?.. Очень хорошо понимаю... У меня тоже есть дочь.

— Твоя дочь не умирает!.. — Сидеть!.. — заметив, как водитель пытается встать со своего места, Роман отреагировал молниеносно, — Предупреждаю, что выбора у меня нет!.. На любую вашу попытку выбраться отсюда я отвечу тем, что выпущу вот это, — он поднял руку с зажатой гранатой, — я выпущу вот это из рук! Единственный мой шанс спасти дочь заключается в том, чтобы вы находились здесь, внутри автобуса... Даже если предположить, что кто-то как-то обезвредит эту гранату, моему ребёнку никто уже не будет помогать, и она умрёт... Поэтому, прежде чем это произойдёт, я подорву и себя, и вас...

— Послушайте... — Дима говорил предельно спокойно, приглушённым голосом, — Почему вы раньше никуда не обратились? Есть же всякие фонды помощи, благотворители, просто люди, наконец...

— А я обращался, — вызывающе, с усмешкой смотрел на него Васильченко, — Год назад я похоронил жену... Она тоже умерла от рака... Я был предпринимателем, но, когда заболела Машенька, мне пришлось всё бросить и возить её по больницам... У меня остались невыплаченные кредиты, и на меня подали в суд. Доходов у меня больше не было, но была кое-какая сумма на счёте. Я надеялся прожить на эти деньги ещё какое-то время, пока Машенька была на лечении, но они арестовали этот счёт!.. А так же и деньги, которые поступали на лечение Маше... Они выставили на продажу мою квартиру. Больше у меня ничего нет, а времени у неё осталось совсем мало! Бесплатно лечить не будут, и времени у нас уже нет... Мне не оставили выбора!..

— А сколько нужно денег?

— Много... — мужчина снова горько усмехнулся, — Такие операции делают только за границей. Плюс послеоперационный уход столько же.

— Слышь, Рома... — Сашка, всё это время тревожно наблюдавший за Васильченко, нервно сжал губы, — Ты не расслабляйся, понял?.. Гранату крепче держи... Пока мы тут живы, у твоей Машеньки есть шанс...

Ответить мужчина не успел — несколько полицейских машин со включенными мигалками остановились неподалёку от автобуса, и в ту же минуту зазвонил Димин телефон, который Роман всё ещё держал в руках.

— Да... Это я... — он с минуту сосредоточенно слушал собеседника, потом, внезапно перевёл взгляд на Морозова, — Это — тебя...

Наташа сидела в гостиной Димкиных родителей, устремив невидящий взгляд куда-то вниз. Анечка так и уснула у неё на руках, но переключать ребёнка в кроватку она не собиралась. Ей казалось, что сейчас она не сможет оторвать от себя крохотное родное тельце и, прижимая к себе дочку, изо всех сил боролась со слезами, готовыми хлынуть из глаз.

Только что уехала скорая помощь, которую пришлось вызывать свекрови — узнав о том, в какую беду попал Дима, Анна Сергеевна потеряла сознание, и Александру стоило немалых усилий привести её в чувство. Но, и придя в себя, она не смогла больше встать, жалуясь на головокружение и слабость. Приехавший врач констатировал гипертонический криз.

Наташа и сама еле держалась на ногах после известия, которое ей сообщила Юля.

«Наташа, только держись... — позвонив под вечер, Юлька еле выговаривала слова, — Только что позвонил мой знакомый с телевидения... По дороге наших ребят взяли в заложники. Всех подробностей не знаю, но известно только, что их уже пять часов удерживает в автобусе какой-то человек с гранатой... и, судя по всему, нервы у него начинают сдавать...»

Сначала она не могла поверить. Такого просто не может быть. Нет, это какой-то сон... Какие заложники?.. Какая граната?..

Но ведь она уже несколько часов сама не может дозвониться до Димки. Гудки идут, но трубку он не берёт... То же самое говорит Ира. Телефона Насти они не знают, а Тане, жене Вадима решили пока не звонить — она на последнем месяце беременности.

Позвонив в первый раз Юльке и удостоверившись, что с Мазуром тоже нет связи, Наташа долго ходила по комнате из угла в угол, не в силах присесть. Нарастающая тревога заползала в каждую клеточку её существа... Решив пока ничего не говорить Димкиным родителям, она сходила за Валеркой в детский сад, потом погуляла с обоими детьми во дворе... Не выдержав, набрала номер администратора дворца эстрады, где должен был выступить «Ночной патруль»...

«Нет... пока ничего не знаем...» — её насторожили эти слова, ведь она лишь спросила, подъехали ли артисты — времени до начала концерта оставалось уже немного, но переспросить не успела: на том конце положили трубку. Она уже начинала догадываться, что что-то произошло, когда Юля перезвонила ей во второй раз.

«Как я скажу Анне Сергеевне?!» — было первой мыслью. Оставив детей на Алису которая сама не сводила с неё встревоженного взгляда, Наташа вошла в квартиру Морозовых-старших.

— Александр Иванович, — ей плохо удавался спокойный тон, но она старалась изо всех сил, — зайдите, пожалуйста, ко мне, я что-то с краном сделала... — сказала она первое, что пришло ей в голову.

— Что?! — мгновенно побледнев, Александр тоже не мог поверить в то, что сообщила ему невестка, — Наташа, может, это какая-то ошибка?! Нет... Это какая-то ерунда... Какие к чертям террористы?!

— Не знаю... — у неё задрожал подбородок, но она мужественно боролась со слезами, — Так сказала Юля... Они связались со СМИ, информация уже разошлась возможно, вечером будет репортаж...

— А что... что?! Что от них хотят?! — Морозов-старший вытянул вперёд дрожащие ладони, — Как вообще они попали?!

— Я не знаю, — Наташка покачала головой, — Юля сказала, что ребята и этот человек находятся в закрытом автобусе... Власти все уже на ногах, ОМОН тоже там, но связаться с ними больше не удаётся. Этот человек что-то потребовал от властей, и на переговоры больше не идёт... Он отобрал у ребят телефоны, только Диме приказал позвонить в полицию, а потом в мэрию и в местные СМИ. Вот и всё, что пока известно...

— Как же я скажу Ане?! — Александр как-то беспомощно посмотрел на Наташу.

— Мама! Там пло папу говолят!.. — Валерик выскочил из гостиной, где сидел с Алисой возле телевизора.

— Господи... Сейчас Аня увидит... — вспомнив, что жена смотрит местные новости, Александр Иванович выскочил из квартиры. Когда Наташа вышла следом за ним, Анна Сергеевна уже была без сознания...

Забрав детей и Алису, она снова вернулась в квартиру Морозовых-старших. Всё тело бил озноб, ей казалось, что оно сковано какими-то невидимыми цепями; прижимая к себе дочь, она долго сидела, не двигаясь и глядя перед собой.

— Мама, почему ты плачешь? — заметив, как по щеке матери скатывается слеза, маленький Валерик сочувственно сдвинул бровки.

— Я не плачу, — чувствуя, что сдерживаться больше нет сил, Наташа до боли закусила губу.

— Не пла-а-а-ачь... — малыш залез рядом на диван и ручонкой провёл по её голове.

— Я не плачу, — повторила Наташа и, прижав его к себе свободной рукой, попыталась улыбнуться, — Пойди, пожалей бабушку, а то она заболела...

— Бабушка... — теперь, усевшись рядом с Анной, Валерик гладил её по руке, — Ну, не болей, ладно?..

— Ах, ты, мой зайчик... — прижав к себе внука, Анна скорбно закрыла глаза.

Глядя, как страдает свекровь, Наташа не выдержала. Войдя в их с Димой комнату, она положила уснувшую дочку в кроватку и, упав плашмя на свою кровать, глухо разрыдалась.

— Наташа... — Александр вошёл следом и прикрыл за собой дверь, — Постарайся успокоиться... пожалуйста... Ничего непоправимого пока не произошло. И не произойдёт... — добавил он не совсем уверенно.

— Я не могу, — она подняла от подушки заплаканное лицо, — Если с Димой что-то... я не смогу без него жить... не смогу...

— Не говори так... — уговаривал Александр, — Наташенька, успокойся... И пойдём к Ане. Будем вместе. Так легче...

— Да... — присев на постели, Наташка вытерла мокрое лицо, — Я сейчас...

Вернувшись в комнату, она устроилась в кресле напротив Анны Сергеевны. Забравшись к ней на колени, Валерик притих в ласковых маминых руках... Приглаживая его белую

пушистую макушку, Наташа не сводила взгляда со своего телефона, лежащего на журнальном столике. Внезапно вздрогнув от дверного звонка, испуганно посмотрела на свёкра, потом, поднявшись, передала ему внука и вышла в прихожую.

— Не могу одна сидеть... — Юля с годовалым сыном стояла в дверях, — Не выгоните?

— Ты с ума сошла, — снова расплакавшись, Наташка бросилась к ней на шею, — как хорошо, что ты приехала... Так легче...

— Мотыку некуда деть, — Юлька тоже вытирала слёзы, — Витькина мать уехала к сестре, она ничего не знает, и я звонить пока не стала...

— Правильно сделала, — Наташа расстёгивала комбинезон на малыше, — сейчас мы их с Валеркой вместе спать уложим...

— Ира у Сашкиных родителей, — повесив пальто, Юля подхватила сына на руки, — а Танины родители сами к ней приехали.

— Я знаю, — кивнула Наташа, — я им сразу позвонила, как узнала... Хотела Насте позвонить, но не знаю её телефона.

— Подожди... — как будто вспомнив о чём-то, Юля замерла, — Я точно знаю, что у неё есть домашний. Если информация не скрыта, можно узнать через справочное.

— А как ты узнаешь без адреса?

— Я знаю адрес... — снова замерла Юля, — Женька как-то Мазурику при мне говорил, где его искать, если что...

— Юль, а, может, за ней сразу поехать? У неё тут никого нет, она сейчас одна совсем... — Наташа потянулась к вешалке, — Давай так. Ты иди детей укладывай, а я поеду за Настей...

— Куда тебе ехать... — Юля недоверчиво посмотрела на Наташкино зарёванное лицо, — Я сама поеду.

— Куда вы собрались? — Александр вышел в прихожую, — Здравствуй, Юля!

— Здравьете, дядь Саш... — кивнула девушка, — Вот, не выдержала, приехала к вам...

— Правильно сделала, — кивнул Морозов, — вместе горе легче переживать. Так куда вы ехать-то собрались?

— За Настей, — Наташа посмотрела на свёкра, — это Женькина девушка. Она живёт одна, у неё тут никого нет.

— Идите к Ане, — Александр взял с вешалки куртку, — я сам съезжу. Только адрес скажите.

* * *

Телевизор в этот день Настя не включала, и о том, что произошло по дороге с группой, она узнала только вечером, от подружки, с которой вместе работала в ночном клубе. Первым желанием было забиться в какую-нибудь щель и завывать от горя и бессилия. Родственников здесь у неё не было, близких подруг тоже... Самым дорогим человеком для неё был сам Журавлёв, и поэтому то, что случилось с ним теперь, она восприняла как огромное горе... Впервые в жизни Настя пожалела, что у неё дома нет ни одной иконы... Желание помолиться было таким сильным, что она просто встала на колени и, устремив взор куда-то вверх, запричитала, заревела, обращаясь одновременно и ко всем святым, и к Богородице, и к

самому Богу... Молитв она не знала, но слова вырывались из самого сердца, и единственным их смыслом было одно — только бы он был жив...

Она очень удивилась визиту Морозова-старшего, и вначале категорически отказывалась ехать с ним, но потом, представив тревожную, одинокую ночь, всё же согласилась, тем более, что, по словам Александра, все новости они должны будут получить первыми — Юля договорилась со знакомыми журналистами...

Попав в квартиру к Морозовым, Настя сначала очень смущалась. Позже смущение сменилось удивлением — её очень тепло приняли и родители Морозова, и его жена. И только рыжеволосая девушка с пронзительными зелёными глазами смотрела на неё как-то странно, но, убитая горем, Настя не придавала этому большого значения. Её лишь насторожило имя девушки — в самый первый момент...

«Алиса», — представила ту Наташа, и Настя ощутила неприятный холодок в груди. Перед отъездом Женька разговаривал по телефону с какой-то Алисой... Но невесёлые события, камнем лежащие на душе, вскоре увели её от всех посторонних мыслей. «Только бы он был жив... — мучительно думала Настя, сидя вместе со всеми в гостиной Морозовых, — Только бы жив...»

Александр Иванович всё же уговорил Анну уйти в их спальню — под действием лекарств ей очень захотелось спать. Проводив её, Наташа вернулась в гостиную. Подобрал под себя ноги, Алиса задремала в большом мягком кресле. Не выдержав эмоционального напряжения и выпив успокоительного, Юля на диване последовала её примеру.

— Хочешь посмотреть на наше богатство? — заметив, как Настя скованно сидит в другом кресле, Наташа решила как-то разрядить обстановку.

— Богатство? — удивлённо переспросила та.

— Ну, да, богатство, — печально улыбнувшись, Наташа приоткрыла дверь в свою комнату, — идём, покажу...

Тихо войдя вслед за ней, Настя тоже невольно улыбнулась: на большой кровати в ряд, укрытые одним одеялом, сладко сопели Валерик и Мотья, а рядом, в детской кроватке, спала Анечка. Казалось, мир и покой разливаются по самым дальним уголкам уютно обставленной комнаты.

— Мы решили их вместе уложить, а то Валерка никак спать не соглашался, — поправив на детях одеяло, Наташа обернулась к госте.

— Хорошо так у вас... уютно... — оглядевшись по сторонам, Настя чуть ли не впервые подала голос.

— В этой комнате вырос Дима... — Наташка старалась держаться, но голос всё же дрогнул, — А потом мы жили здесь с ним...

— А сейчас?

— А сейчас мы живём в соседней квартире, но это только так говорится, что живём. На самом деле мы все без конца пропадем здесь, у родителей. Если честно, я никак не могу привыкнуть к новому жилью, — Наташа снова грустно улыбнулась, — Так и тянет сюда...

— Наверное, вы дружно живёте? — Настя внимательно посмотрела на Наташу.

— Да, — кивнула та, — Димкины родители относятся ко мне как родной дочери, и я их люблю. О внуках и говорить не стоит...

— Надо же, как похож на папу, — разглядывая в свете ночника Валерку, Настя покачала головой, — а мы тогда всё гадали, кто же отец.

— И весь ресторан думал, что Женька, — разговор и умильные детские мордашки отвлекали от тяжёлых мыслей, и Наташа продолжала невольно улыбаться, — а я даже не догадывалась об этом.

— Даже я так думала, — усмехнулась Настя, — потом только поверила, когда мы с ним снова начали встречаться, уже через год.

— Прошло уже четыре года, а кажется, как будто вчера я там пела, — Наташа подошла к кровати, в которой спала Аня, и тоже поправила одеяльце.

— Я помню, как ты пела, — Настя тоже посмотрела на спящую девочку, — ты совсем молоденькая была, я думала тогда, что тебе лет шестнадцать... Да ты и сейчас совсем молодо выглядишь, и не скажешь, что у тебя двое детей.

— А мне и не верит никто, — кивнула ей в ответ Наташка, — недавно интервью брали для музканала, и, когда я сказала, что у меня двое детей, они даже микрофоны отключили, сказали, что лучше об этом не говорить, всё равно не поверят.

— А у меня нет детей, — грустная улыбка сползла с Настиного лица, — даже и не знаю, рожу когда-нибудь или нет.

— Конечно, родишь, — уверенно ответила Наташа. — вот сейчас они вернутся, и всё будет намного лучше...

— Только бы вернулись, — шёпотом сказала Настя, — только бы всё обошлось...

Внезапный телефонный звонок в гостиной обрушился ледяной волной... Почувствовав, как всё внутри замирает, Наташа и Настя испуганно переглянулись.

Алиса и Юля молча смотрели на журнальный столик, на котором лежали мобильные телефоны.

— Чей звонит?.. — пересохшими от волнения губами спросила Юля.

— Это мой... — дрожащим голосом проговорила Наташа и протянула руку, — Да...

Все присутствующие замерли в тревожном смятении, не сводя глаз с Наташкиного лица, по его выражению стараясь понять, какая новость их ждёт...

— Дима... — они не поняли, обращалась Наташа к звонившему или произнесла имя мужа в порыве эмоций, но спросить ничего не успели, — прислонившись спиной к стене, она так и сползла по ней на пол...

* * *

Жар от высокой температуры сменился жутким ознобом, но, даже не будь этой проклятой простуды, всё равно остывший до минуса салон автобуса не давал никаких шансов согреться. Засунув правую кисть в левый рукав, а левую в правый, Женька ещё глубже утопил лицо в высоком мягком вороте куртки, так, что из-под поднятого капюшона были видны только воспалённые от болезни глаза.

Они уже несколько часов находились в салоне автобуса, под нервным, обозлённым взглядом обезумевшего от свалившихся на него несчастий мужика, в буквальном смысле

между жизнью и смертью. Зажатая в его руке граната с выдернутой чекой могла сработать в любой момент — нервное напряжение всё нарастало, и он просто мог не справиться с эмоциями и разжать ладонь... в конце концов, он мог просто её выронить.

Так охотно рассказавший свою историю в самом начале, теперь Васильченко сохранял полное молчание и пресекал все попытки заговорить с ним. Журавлёв сидел с краю второго ряда, и, когда всё только началось, и окна ещё не затянулись инеем, хорошо видел и полицейские машины, и машины с высокопоставленными чиновниками, и микроавтобусы с логотипами СМИ, вскоре подъехавшие к месту происшествия. Несмотря на неоднократные попытки «поговорить» через двери, Васильченко никак не шёл на контакт, ограничиваясь лишь повторением своих требований. С психологом, позвонившим ему на телефон, он даже не стал разговаривать и, обозвав его нецензурно, нажал на отбой. Время шло, но прямого ответа на его требования так и не было, и мужчина заметно нервничал. Наконец, ответив на очередной звонок, он буквально заорал в трубку:

— Я ничего не хочу знать! Или моя дочь сегодня же будет отправлена в нужную клинику, или в шесть утра я взрываю и себя, и тех, кто находится в этом автобусе!

— Что вам сказали? — Морозов старался говорить негромко и как можно спокойнее.

— Ничего толком. Ур-р-роды... — сжав побелевшие губы, Васильченко вперил ненавидящий взгляд куда-то в замороженное стекло.

— Ну, хоть что-то обещают?

— Обещают. Но ничего не делают.

— Послушайте... У меня есть к вам предложение.

— Я не буду слушать никакие предложения! — он ещё сильнее сжал губы, — Все вы — уроды...

— Мы артисты, — не обращая внимания на нервозность собеседника, Дима продолжал говорить, — Сегодня у нас должен был состояться концерт. Билеты были проданы все, поэтому у нас должен быть очень хороший гонорар. Я предлагаю вам эти деньги. Всё, что мы заработаем за этот концерт, мы отдадим на лечение вашей дочке. А вы сейчас вставляете назад чеку и выпускаете нас из автобуса. Ничего не произошло, мы подтвердим ваше состояние и не будем свидетельствовать против вас.

— Ты что, думаешь, я сейчас тебе в ноги брошусь?! — мужчина медленно повернул голову, — Выпущу, а потом сдамся ментам?! А вы потом заберёте свои денежки и свалите к себе домой. Ты ведь именно так хотел поступить?!

— Нет, не так. Я даю вам слово, что все заработанные нами деньги мы переведём вашей Маше на лечение.

— Ну, и сколько вы переведёте? — Васильченко с сарказмом усмехнулся, — Двести тысяч?.. Триста?..

— Тысяч пятьсот будет.

— А ей нужно больше миллиона! — не оставляя своего тона, ответил Роман, — Так что засуньте свой гонорар себе куда подальше. Мне нужно либо всё, либо ничего.

— Так будет лучше. Я уверен, что этот случай уже не останется незамеченным, и вашу дочь прооперируют. И вам срок будет грозить не такой большой, и вы когда-нибудь с ней встретитесь... Ей не придётся жить с клеймом дочери убийцы.

— Слушай, ты... — мужчина снова поднял тяжёлый взгляд на Морозова, — Заткнись! И вы все! — он обвёл глазами остальных, — И вы все заткнитесь!.. Если кто-нибудь из вас

произнесёт хоть одно слово, я отпущу рычаг... Если я замечу хоть малейшее движение, я отпущу рычаг... Я отпущу рычаг в любом случае, если кто-то из вас захочет помешать мне...

...Ступни ног замёрзли настолько, что Журавлёв с трудом шевелил пальцами внутри ботинок. Приступы кашля одолевали его то и дело, и он еле с ними справлялся, краем глаза замечая нервные взгляды захватившего их автобус мужчины. Чувствуя, как коченеет всё тело, Женька с тоской вспомнил вчерашний день... Ещё сутки назад он лежал на Настинном диване, в тепле, окружённый её заботой и любовью...

«И чего не лежалось, придурку?» — думал он, вспоминая её ласковые руки и губы.

— Куда?! — истерично крикнул Васильченко, глядя в конец автобуса, — Я непонятно сказал?!

— Да нога затекла... — раздался голос водителя.

— Заткни-и-и-ись!.. Я сказал — заткнись!.. — подняв руку с зажатой в ней гранатой, Роман демонстративно разжал указательный палец, — Сейчас разожму остальные, если никто ещё не понял, что я не шучу!..

Глядя на него, Журавлёв внутренне сжался. Судя по тому, как мужик ёжился и откровенно дрожал от холода, замёрз он основательно, и гарантии, что его заледеневшие даже в перчатках пальцы не разожмутся сами собой, не смог бы дать никто. Для пущей убедительности Васильченко встал по центру салона в самом начале прохода, держа гранату в вытянутой руке. Вторую руку он держал в кармане, но, видимо, зачем-то решил вытащить, и Женька внезапно увидел, как какой-то небольшой предмет, зацепившись за трикотажную перчатку, падает на пол салона... Находясь в крайнем напряжении, мужчина этого не заметил.

«Чека...» — осенившая догадка заставила мозг работать в нужном направлении... Отбросив все ощущения и нахлынувшие чувства, теперь Журавлёв думал только об одном...

«Интересно, я один видел э т о?»

Очередной приступ кашля заставил его согнуться пополам.

— Заткнись! — заученно выкрикнул Васильченко.

— Чё заткнись, я же не говорю ничего... — простуженным голосом произнёс Журавлёв.

— Я сказал — ни единого звука!.. — сорвался на фальцет Роман, — Я не шучу!..

— Да ты задолбал... — сквозь кашель Женька нецензурно выругался, — Давай, я таблетку выпью, и не буду кашлять.

— Нет!.. — в порыве Васильченко было сделал шаг вперёд, но вовремя вспомнив о дистанции, попятился назад.

— Ну, тогда терпи... — сотрясаясь в собственных хрипах, Журавлёв полностью погрузил лицо в ворот куртки.

— Ладно, жри, только быстро и не сходя с места! — раздражение от звуков из простуженных лёгких только усиливалось, и мужчина решил пойти на уступку.

— Как я тебе без воды порошок сожру?.. — поняв, что едва заметный контакт налицо, Женька поднял глаза.

— У меня воды нет!

— Вода в термосе — сбоку от тебя, — кивнул Журавлёв, краем глаза косясь на кружку с

лекарством, так и стоящую на соседнем сиденье, которую он не успел выпить и которую не мог заметить Васильченко, стоя впереди, — набери, если не трудно, чтобы я с места не вставал.

— Больше тебе ничего не нужно?! — грубо возмутился Васильченко, — Иди, сам набирай, только быстро, без лишних телодвижений...

— Спасибо, — быстрым движением опрокинув полную кружку на мягкое сиденье, Журавлёв с трудом поднялся с места. Окаменевшие и затёкшие от многочасового сидения конечности не слушались и ныли. Демонстративно держа кружку на весу, он направился по проходу вперёд. Ему предстояло сделать всего несколько шагов, и он понимал, что времени на то, чтобы сконцентрироваться, было ничтожно мало... Но это был единственный шанс.

Освобождая ему дорогу, Васильченко отступил назад и вбок — к дверям, практически нависнув над нижней ступенькой. Термос был расположен чуть ближе, и это затрудняло задачу, но Журавлёв невозмутимо подставил кружку и нажал на кнопку.

— Примёрзла, что ли?.. — сделав вид, что не может пустить воду, он без паузы обернулся к Васильченко и правой рукой подал ему кружку, — Подержи?..

Уже поняв, что сейчас что-то произойдёт, все парни, не отрываясь следили за их руками — Журавлёва и Васильченко... В первый момент машинально протянув левую, свободную, руку за кружкой, Роман тут же её отдёргнул, но Женьке хватило и этой одной десятой доли секунды... Воспользовавшись тем, что внимание Васильченко на мгновение переключилось, он разжал пальцы — выпавшая из ладони кружка ещё не долетела до пола, как та же ладонь уже сжимала сверху кисть противника, которой тот держал гранату, а правое колено изо всех сил врезалось ему в пах...

— Парни, чека!.. — применив для верности и вторую руку, Женька завёл локоть согнувшегося от боли Васильченко за спину, — Там, недалеко от левого сиденья должна быть!

Морозов, который сидел ближе остальных, кинулся Журавлёву на помощь.

— Вот она! — Зимин поднял с пола за кольцо чеку.

— Вадик, усики сразу... усики... — от волнения и напряжения Женька забыл, что нужно сделать с усиками, и только повторил это слово.

— Нету усиков, — Вадим поднял чеку в руке — он их обрезал, видать...

— Давай, скорее... — вцепившись мёртвой хваткой в руку Романа, подгонял Журавлёв, — Дима, осторожнее... видишь отверстия?.. Чёрт, его перчатки мешают...

...Вконец обессилев, Васильченко не сопротивлялся, и, когда Морозову удалось вставить назад чеку, никак не мог разжать пальцы...

— Чека без усиков, закреплять нечем, Дима, положи её на панель... — высвободив, наконец, гранату, из рук Романа, Журавлёв из последних сил протянул руку к Морозову и тут же рухнул на сиденье... Осторожно приняв опасный предмет, Дима положил его на панель возле водительского места.

— Сейчас, ребятки, двери откроем... — Михаил, водитель, радостно перелезал через бортик, — Окончились наши мучения...

— Погоди, Миш, — кивнув ему, Говоров подошёл к сидевшему на полу Васильченко, — Дай, я этому пид...су без регламента пару слов скажу...

— Саня, прекрати, — заметив, как тот сжимает кулаки, Морозов схватил его за руку, — Говорить — говори, а рукам волю не давай.

— Слышишь, ты, мудака, — нависнув над горе-террористом со сжатыми кулаками, Сашка поджал синие от холода губы, — мы могли бы сейчас размазать тебя по стенке... Да скажи спасибо Диме. Он тебе реальную помощь предлагал, а ты нашими жизнями тут играл... Взорву-не-взорву... Ты не мужик. Ты — тряпка. Распустил соплю, так ведь легче, правда? У тебя горе, так почему бы и не у других, да? Рома?.. А у нас у всех есть родители, есть семьи, у всех дети... У Вадика жена вот-вот родить должна, а ты ей — могилку вместо мужа и отца?.. А у Димы — вообще двое... Что, так легче было бы, да? Вмазал бы я тебе сейчас с носака, чтоб мозги разлетелись по всему автобусу, да нельзя... А жаль. Мы вместо этого сегодня твоей дочке будем помогать.

— Будет с него... — Михаил нетерпеливо держал руку на панели, — И с нас тоже... Ну, что, я двери открываю?..

* * *

...Выхватив у Наташи из рук телефон, Юлька со всего размаху уселась рядом на полу.

— Алло!.. Кто это?! Дима?! — услышав в трубке голос Морозова, она подняла на остальных радостные глаза, — Наташка?.. Да она тут, в обмороке лежит... Дима, что?! Все живы?! А Витька?! Почему он до сих пор не позвонил, сволочь белобрысая?! Ну, и что, что руки греет... Скажи ему, что я его убью... Нет, дай ему трубку... Ви-и-и-ить... — услышав голос Мазура, она окончательно разревелась, — Витенька... Ты живой?.. Я тебя так люблю... Ой, слушай, а Женька-то где?! Женька-то?! Да что там у вас у всех с телефонами?! Настя же здесь!

Приняв из Юлькиных рук телефон, как эстафетную палочку, Настя отошла в сторону — разбуженный шумом Александр, услышав радостную новость, что все живы, помогал Юльке и Алисе приводить в чувство Наташу.

— Женя... — очередная порция слёз попала на Наташкин телефон, — Женька... Ну, ведь, говорила же тебе...

— Настя... — он не мог вставить ни слова сквозь её причитания, — Настя...

— Ну, что ты молчишь?! — выговорившись, она шмыгнула носом и провела ладонью по мокрой щеке, — Ну, скажи мне хоть что-нибудь?!

— Настя... — вконец простуженный голос послышался на том конце, — Ты меня спрашивала, но я не ответил. Вот, теперь отвечаю. Я тебя люблю...

— Что?! — не веря своим ушам, она смахнула очередную слезинку, — Женька, ты не врешь?..

— Не вру. Выходи за меня замуж...

Уже в гостинице, куда их поселила городская администрация, Женька почувствовал себя по-настоящему плохо. Все восемь часов невольного заточения в холодном автобусе он совершенно не думал о болезни, и единственным напоминанием о ней был приступ кашля, благодаря которому удалось обезвредить Васильченко. Сразу после освобождения, пробираясь сквозь толпу корреспондентов, успевших понаехать к месту происшествия, он мечтал и об ужине, и о горячей ванне, и о тёплой постели, но, оказавшись в номере, понял, что из всех желаний осталось лишь одно: поскорее лечь, потому что силы окончательно покинули больной организм.

— Боюсь, что у вас пневмония, — врач скорой помощи, которую прислала всё та же городская администрация, озабоченно покачал головой, — нужна госпитализация.

— Концерт перенесли на завтра, — прохрипел в ответ Журавлёв, — отработаю, тогда делайте со мной, что хотите.

Так и не добившись от него согласия на лечение в стационаре, врач выписал длинный рецепт и, пообещав, что завтра пришлёт медсестру, которая будет колоть ему целый день антибиотики, ушёл в соседние номера, осматривать остальных «патрулей».

«Мы уже лечимся, — Говоров кивнул на почти опустошённую бутылку коньяка, — давай с нами, док?»

Отчаянно махнув рукой, доктор осушил наполненный пластиковый стаканчик и, пообещав прислать медсестру и к остальным, распрощался с артистами.

«Спасибо, док! Можно просто студентку медвуза... А ролевые игры я люблю!» — заржал вслед ему Сашка.

Решив не мешать Журавлёву, «патрули» собрались в соседнем номере. Проведя сначала около восьми часов в дороге, потом столько же в обществе неадекватного «захватчика» с гранатой, они только к полуночи добрались до места назначения. Ни о каком концерте уже не могло быть и речи, но, подъехав к гостинице, парни с удивлением увидели целую толпу встречающих их фанатов. В ресторан можно было не идти — ужин был тут же доставлен в номера. Выступление было решено перенести на завтра, кроме того, утром должна была состояться пресс-конференция, которую собирались устроить местные СМИ — случай с захватом заложников приобрёл широкую огласку, и первый репортаж с места происшествия был показан по центральным российским телеканалам в ночных новостях.

— Мазурик, это ты во всём виноват, — наливая очередную стопку, Говоров бросил взгляд на Витьку, — если бы ты не вернулся, ничего бы не было.

— А чё я-то? — Мазур тряхнул белобрысой кудрявой шевелюрой, — Всё с Димона началось, если бы он не начал по телефону много базарить, мы бы раньше выехали и этого урода бы не встретили.

— Ну, давайте, валите всё на меня, — усмехнулся Морозов, — а что мне оставалось, если директор мне звонит с утра и говорит, что звук не сможет обеспечить? Нужно было что-то решать на месте — либо они ищут со свечкой, либо мы грузим свой аппарат и едем,

скрипя рессорами и сгибая диски...

— Да ладно вам, — Вадим протянул руку за бутербродом, — что случилось, то случилось. Главное, что всё хорошо закончилось, если не считать, что концерт перенесли.

— Интересно, сколько билетов уже сдали? — Витька покачал головой и повернулся к Морозову, — Не знаешь, Димыч?

— Пока немного, — Дима, который антибиотикам сегодня тоже предпочёл алкоголь, откинулся на спинку кресла, в котором сидел, — они завтра с утра снова будут в продаже, так что, пока об этом лучше не думать.

— Знаете, парни, если честно, я до сих пор в себя ещё не пришёл, — Андрей демонстративно поёжился, — хорошо, что у меня ни жены, ни детей, и родители далеко. А то нытья было бы...

— Ребята... — судя по выражению лица Морозова, он собирался сообщить о чём-то очень важном, — Я не хочу, чтобы вы поняли мои слова как побуждение к действию, я просто вам сообщаю, что свою часть гонорара, как и обещал, отдаю безвозмездно на лечение ребёнку этого Васильченко. Я по-другому поступить не могу, а вы решайте каждый для себя сам.

— Послушай, Дима, — Порох подался вперёд, положив локти на колени, — Я не думаю, что это вариант. Одно дело, когда ты обещал этому уроду отдать гонорар в обмен на наши жизни. Другое дело сейчас. Согласись, что мы и так пострадавшая сторона. Хорошо, если у всех нас завтра не будет воспаления лёгких, как у Женьки, я уже не говорю о моральном ущербе. По идее, мы должны подать на возмещение, а не жертвовать своими доходами.

— Андрюха, я же сказал... Это не побуждение к действию, это просто констатация факта. Своими деньгами ты можешь распорядиться как угодно, и это только твоё право, — Морозов держал в руках пластиковый стакан с коньяком, как бы раздумывая — выпить или нет. Несмотря на пережитое, выпито было немного, и все «патрули» выглядели абсолютно трезвыми.

— Я с тобой, Димыч, — Сашка «чокнулся» с Морозовым, потом выпил содержимое стакана.

— Обещал Юльке на её новый проект... но... — Мазур отчаянно махнул рукой, — Я тоже с вами...

— Я тоже согласен, — Зимин по обыкновению нервно сжал красивые губы, — если учитывать, что сегодня мы вообще могли там остаться, это такая мелочь...

— Ну, тогда решили, — кивнул Морозов, — завтра скажем на пресс-конференции.

— Ну, если только ради пиара... — усмехнулся Порох, — В принципе, это ход.

— Никакого хода, Андрей, — Дима поднял на него серьёзный взгляд, — такие вещи обязательно нужно оглашать, хотя бы для того, чтобы твои деньги пошли по назначению. Видал, сколько сегодня спецкоров было и на трассе, и возле гостиницы? Пиара и так достаточно.

— Ну, не знаю... — Порох недоверчиво скривил лицо, — Я, конечно, не хочу быть белой вороной, но, думаю, теперь его ребёнку и так помогут, вон какой шум подняли.

— Может, помогут, — Говоров пожал плечами, — а, может, и нет. Но тебя, Андрей, никто не заставляет, это твоё личное дело.

— Ну, да... Личное... — тот снова усмехнулся, — Только теперь вы будете героями, а я, вроде как, ребёнку на лечение пожалел, да?

— Слушай, Порох, кончай бузу гнать, — Мазур достал ещё одну бутылку коньяка, — Тут

ни героев нет, ни дезертиров. Если завтра все поголовно не сдадут билеты, отработаем как положено и получим свои кровные. А уж как ими распорядиться, каждый решает для себя сам. Мы решили свои отдать. Ты решил не отдавать. Что за проблемы-то?

— Проблем ноу, — Андрей поднял правую ладонь, — я с вами.

— Ну, вот, — развёл руками Витька, — ты всё правильно сделал, брат...

Не успев выпить, все дружно повернули головы в сторону внезапно приоткрывшейся двери.

— Здравсьте... — девичье лицо заглянуло в небольшой проём, — мальчики, а мы к вам...

— О, Мара... — Говоров удивлённо уставился на девушку, — А ты откуда?!

— Мы же сказали, что всё равно за вами поедем, — хитро улыбаясь, та пронырнула в номер и, пройдя к столу, уселась рядом с Сашкой, — мы поездом приехали, только не успели немного... А то рванули бы вас спасти!

— Спасительницы, блин, — хмыкнул Мазур, — хорошо, что Дима вас с собой не взял, а то с нами бы попали.

— А ты что, не одна? — Говоров подал девушке стаканчик с налитым коньяком, — Будешь?

— Буду, — та охотно протянула руку, — Мы с Ленкой и Птахой.

— С кем?! С Птахой? — подал голос Порох, — С канарейкой, что ли?

— Не, — Мара выпила и отчаянно покрутила головой, — Это Наташка. Сначала мы её звали Таха, а потом стали звать Птаха, так ржачнее.

— Ну, и где остальные? — Порох недвусмысленно ухмыльнулся, — Чего одна-то пришла?

— Так это... — зажёвывая коньяк ломтиком копчёной колбасы, Мара вытаращила на него свои голубые глазищи, — Ленка к Жене пошла... А Птаха... — она вдруг резко повернулась к Морозову и посмотрела на него как-то жалобно, — А можно вас попросить?..

— О чём? — улыбнувшись краешком губ, Дима посмотрел на девушку.

— Я скажу, только наедине.

— Я слушаю, — нехотя поднявшись, Морозов вышел вместе с Марой за дверь.

— А можно на ты? — она снова жалобно посмотрела ему в глаза.

— Ну, хорошо, можно на ты.

— Понимаешь... Птаха... ну, Наташка... Она твоя поклонница, — девушка говорила приглушённым голосом, как будто опасаясь, что в пустом гостиничном коридоре их кто-то услышит, — Она только ради тебя поехала... В первый раз, понимаешь?!

— Ну, и? — Дима терпеливо ждал, когда Мара, наконец, закончит свою мысль.

— Ну, она в тебя по уши влюбилась, понимаешь?! Давно уже, ещё в прошлом году. Она на все ваши концерты в городе ходит, во все клубы ночные, где вы выступаете, она даже знает, где ты живёшь. Просто она такая стеснительная, что никогда не подойдёт сама...

— А если покороче? — нахмурился Морозов.

— Ну, если покороче... — девушка закусилла нижнюю губу, потом подняла глаза на собеседника, — Если покороче, то её сейчас в гостиницу не пустили. Нас пустили, а её — нет. Она на улице стоит, и ей пойти некуда.

— И что ты предлагаешь? — усмехнулся Дима.

— Ты можешь её привести? Ну пожалуйста...

— Хорошо, допустим, я её проведу. Ей сколько лет?

— Ей семнадцать, — Мара торопливо зачастила словами, — Нет, ты не подумай, она ни с кем не спит... Просто она и взаправду в тебя сильно влюбилась. Знаешь, какая у неё истерика была сегодня, когда сказали, что вас взяли в заложники!.. Она там совсем уже замёрзла...

— Хорошо, идём, — Дима решительно шагнул вперёд по коридору.

Оставив Мару в холле гостиницы, он вышел на крыльцо. Оглянувшись, увидел неподалёку одинокую девичью фигурку, переминающуюся с ноги на ногу. Холодный январский ветер тут же пробрал насквозь ещё не успевшее толком согреться тело, но, сойдя с невысоких ступенек, он, как был, в одной футболке, приблизился к девушке.

— Это ты — Птаха? — в свете уличного фонаря ему было хорошо видно, как расширяются её глаза — за считанные доли секунды они вдруг стали размером с пятирублёвую монету.

— Да... — только и смогла вымолвить девчонка. Глядя на неё, Дима ощутил искреннюю жалость — девушка была невысокого роста и худенького, даже тощего телосложения. На вид ей было не больше пятнадцати лет, чему способствовало детское выражение удлинённого лица с чуть выдвинутой вперёд нижней челюстью. Увидев своего кумира вот так, запросто, в одной футболке и брюках на морозном ветру, она буквально остолбенела, не в силах поверить своему счастью.

— Идём со мной, — Морозов кивнул головой в сторону входа, — попробую договориться, чтобы тебя пропустили.

Увидев музыканта в сопровождении молоденькой девушки, администраторша понимающе ухмыльнулась.

— Мальчики, я всё понимаю, — женщина игриво повела бровями, — тем более, вы у нас как бы герои дня... Но всё же постороннее лицо, после двадцати трёх... Если бы она хотя бы номер сняла...

— У тебя есть паспорт? — обернувшись к девушке, спросил Морозов.

— Да... — снова произнесла она, почти шёпотом.

— А деньги?

— Только на обратную дорогу...

— Вы оформите её, пожалуйста, — обратился Дима к администраторше, — а я сейчас принесу деньги.

— Ой... не надо... — испуганно пропищала Птаха.

— А у тебя есть варианты? — улыбнулся Морозов.

— Нет...

— Тогда оформляйся.

Вернувшись через несколько минут, он протянул администратору купюру:

— Этого хватит?

— Да, — кивнула та и добавила заговорщическим тоном, — номер недорогой, но отдельный...

— Можно было и не отдельный, — пожал плечами Морозов, — ей лишь бы переночевать.

— Я всё понимаю, — многозначительно повторила женщина, — приятно вам отдохнуть!

Прежде чем отправить Птаху в её номер, Дима привёл её в свой, где всю продолжалось застолье.

— Давай, ужинай, — он кивнул на накрытый стол, — и иди спать.

— А куда это она пойдёт спать? — присев рядом с девушкой, Порох положил ей руку на плечо, — И, главное, с кем?

— Ни с кем, — не сводя изумлённых глаз с Морозова, Птаху откусила бутерброд.

— Ни с кем, это не интересно, — Порох слегка сжал её плечо.

— Ни с кем, — снова повторила девчонка.

— Ну, ты же не просто так сюда приехала, — будучи изрядно под хмельком, звукореж попытался заглянуть ей в глаза, но она их старательно отвела.

— Нет, я лучше пойду... — всё так же глядя на Диму, Птаху скинула с плеча руку Андрея и попыталась встать.

— Подруга твоя сидит, и ты сиди, — кивнув в сторону Мары, устроившейся рядом с Говоровым, Порох снова усадил Птаху на кровать. Немного поколебавшись, она взяла ещё один бутерброд.

Откинувшись на подушку, Морозов задремал на своей кровати. Зимин, которого поселили в один номер с Журавлёвым, тоже ушёл спать. Оставшиеся за столом Говоров и Мазур в деталях, уже в который раз, перебирали сегодняшнее происшествие, и Мара слушала их, открыв рот.

— Идём со мной? — Порох неожиданно поднялся и потянул за руку Птаху.

— Куда, — она попыталась вырвать руку, но он держал крепко.

— Как куда? Ко мне в номер. Там сейчас никого нет, — он кивнул головой в сторону соседнего номера.

— Нет, я не пойду, — девушка в отчаянии посмотрела на Морозова, но он лежал с закрытыми глазами.

— Идём, — Андрей нахмурил брови и снова рванул её за локоть, — Ты же за этим сюда пришла?

— Я не пойду, — жалобно произнесла девчонка, — отпустите меня!

— Э-э-э, не трогай её, — коньяк только взбодрил, и Мара решительно кинулась на помощь перепуганной подружке, — она с тобой не пойдёт!

— А ты сиди и не лезь, — изрядно захмелевший звукореж оттолкнул от себя храбрую защитницу.

— Она ни с кем не спит, понял? — схватив его за руку, та попыталась оттащить его от Птаху.

— А что она тогда здесь делает? — спор откровенно перерастал в скандал.

— Не твоё дело! — Мара попыталась встать между Порохом и Птахой, но мужчина довольно чувствительно задел её кулаком по плечу.

— Ты, козёл!.. — схватившись за ушибленное место, Мара возмущённо посмотрела на обидчика.

— Пустите меня! — со слезами в голосе выкрикнула Птаха, когда Порох насильно потащил её к выходу.

— Э, Андрюха! — Говоров наконец-то оторвался от разговора с Мазуром, — Оставь девчонку.

— Саша, я сам знаю, что мне делать, — огрызнулся Андрей, — тебе весело, я тоже хочу весело...

— Андрей, — открыв глаза, Морозов окликнул Пороха, — отпусти её!

— Дима, — обернувшись, тот уставился пристальным взглядом, — Ты спишь?.. Вот и спи. Завтра за бесплатно работать, дай хоть сегодня расслабиться.

— Андрей, ты не понял? — Дима сел на кровати, — Оставь девчонку.

— Слушай, Морозов... — повернувшись всем корпусом, Порох скривил рот, — Что ты за человек такой? И сам не ам, и другому не дам... Или всё же — ам?

Высвободившись из цепких рук звукорежа, Птаха испуганно отступила назад. Встав с кровати, Морозов подошёл к ней:

— Ты поужинала?

— Да, — снова односложно ответила девушка.

— Тогда иди в свой номер, закройся и ложись спать.

— Спасибо! — метнув перепуганный взгляд на Пороха, она тут же выскользнула в дверь. Выглянув вслед за ней и проследив, благополучно ли она дошла до своего номера, Дима снова улёгся на кровать.

— Пожалуй, и я пойду, — с обидой в голосе произнёс Порох и, обернувшись к Морозову, демонстративно попрощался, — ну, пока, Дима...

— Пожалуй, и я... — Витька потянулся вслед за Порохом, — А то, если сейчас не уйду, нажрётся не по-детски...

— Ты, пожалуй, тоже иди... — Сашка кивнул Маре, — На сегодня с меня хватит приключений.

— Сто двенадцатый номер, — подсказал ей Дима, — как-нибудь устройтесь с Птахой вдвоём?

— Ага, — снова ничуть не расстроившись, Мара выскользнула из-за стола, — пока, мальчики! Увидимся завтра!

— Добрая ты душа, Димыч, — Сашка покачал головой, когда дверь за девушкой закрылась.

— А что, лучше было бы, если бы девчонка замёрзла на улице? — пожал тот плечами.

— Завтра эта девчонка всем растрезвонит, как ты ей номер снял, да ещё приврёт с три короба, — усмехнулся Говоров, — а ещё лучше — даст интервью, как провела с тобой ночь после захвата... И, так как ты теперь у нас народный герой, то это интервью разлетится со скоростью звука. Как ты думаешь, Наталья Валерьевна очень обрадуется?

— Да ладно тебе, Саня, — рассмеялся Морозов, — даже если и так... Наташка не такая глупая, чтобы верить жёлтой прессе.

— А, ну... — с готовностью кивнул Сашка, — Ты просто хочешь лишний раз в этом убедиться.

— Ну, может и так.

— А знаешь, Дима... — тон Говорова вдруг стал серьёзным, — Если честно, то сегодня знаменательный день. Именно сегодня начинается наша настоящая слава. И, если я в этом хоть что-то понимаю, то все признаки уже налицо.

* * *

Тяжёлый, болезненный сон больше походил на бред, и, если бы не сильная жажда, Женька, возможно, не проснулся бы до самого утра — какой-то хитрый укол, который ему сделал врач скорой помощи, уложил Журавлёва наповал уже через пятнадцать минут. Тело горело — он ощущал это сквозь сон. Ему казалось, что его засунули в раскалённую печь... Жар обступил со всех сторон, он был и снаружи, и внутри его тела, и только чьи-то прохладные руки немного возвращали его к жизни... Руки... Он точно знал, что это — женские руки... Они блуждали по его голове, лицу, груди... «Настя...» — хотел позвать он, но почему-то не смог. «Значит, не она», — почему-то пришла в голову странная мысль.

— Ленка... Лена... — ему показалось, что он проснулся от собственного голоса...

— Я здесь...

— Лена?! — мгновенно открыв глаза, он дёрнулся с подушки.

— Да здесь я, здесь... — на него смотрели светло-карие смеющиеся глаза.

Ленка... Но не та.

— Ты что здесь делаешь?! — снова упав на подушку, спросил Журавлёв.

— С тобой сижу.

— Откуда ты взялась? — зажмурившись, он попытался потрясти головой, но комната тут же поплыла.

— Так мы за вами приехали. Только поездом, — усевшись на край его кровати, Ленка весело смотрела на Журавлёва, — Мара пошла к Саше, а я к тебе. А Таха на улице осталась, её не пустили...

— Делать вам нечего.

— Мы всё уже знаем: и что вас захватили, и что ты гранату обезвредил, и что концерт на завтра перенесли, и что у тебя воспаление лёгких, и что ты отказался от больницы...

— Слушай, дай попить, — перебил её Женька, — мне после этого укола пить сильно хочется.

— Сейчас... — она налила из графина воды в стеклянный стакан, — Держи.

— Всё... — напившись, Журавлёв в бессилии закрыл глаза, — Буду спать...

— Хочешь, я с тобой лягу? — она провела ладонью по его мокрому лбу.

— Нет, не нужно... — он едва качнул головой.

— Да не бойся, ты меня не заразишь.

— Всё равно не нужно.

— Почему? — удивление её было настолько искренним, что Женька ненадолго снова открыл глаза, — Почему не нужно?

— Потому, что я женюсь.

...Теперь и они знали, что такое проснуться знаменитыми. Пресс-конференция, «эксклюзивные» интервью различным изданиям и телеканалам, вперемешку с инъекциями антибиотиков и других лекарств, ударная доза которых должна была спасти сегодняшнее выступление, и бесконечные звонки... звонки... звонки... Всё это продолжалось вплоть до самого вечера, и только перед самым концертом им удалось немного отдохнуть. Все билеты, которые были сданы вчера, сегодня разошлись на ура среди желающих посмотреть на знаменитых музыкантов, а весть о том, что весь свой гонорар они жертвуют на лечение больной дочери их «захватчика» привёл в восторг буквально весь город.

Администратор Дворца эстрады непрозрачно намекнул, что, если бы группа решила дать ещё один концерт, то зал был бы снова полным. И только вчерашнее переохлаждение было причиной того, что второго концерта не состоялось — чувствуя, что он всё-таки простужен, Дима не рискнул согласиться отработать ещё два часа, опасаясь за связки. Он и так весь день подвергал свой организм натиску противопростудных препаратов, умудряясь в перерывах между интервью лечить горло всякими аэрозолями и таблетками.

На концерте толпа кричала и визжала, никак не отпуская артистов, и, только пообещав приехать в скором времени ещё раз, «Ночной патруль» покинул сцену...

Пожалев трёх девчонок, так самоотверженно приехавших вслед за своими кумирами, Дима разрешил им ехать назад вместе с ними, автобусом. Притихшие от счастья, они молча сидели на заднем ряду, рядом со сложенными инструментами и буравили восхищёнными взглядами затылки парней.

— Вот чёрт... — попытавшись встать, чтобы набрать горячей воды, Женька, не удержав равновесие, тут же плюхнулся назад, — Миша, — обратился он к водителю, — тормозни где-нибудь, хорошо? Воды наберу...

— Ну, уж нет, — поднявшись со своего места, Говоров сердито протянул руку, — давай кружку, я сам наберу, а то снова кто-нибудь подвезти попросит...

Нажав на «стоп», Милена и сама замерла на месте. Пресс-конференцию с группой «Ночной патруль» она видела уже несколько раз в течение дня: и по телевизору, и в интернете, но каждый раз внимание её было приковано лишь к одному участнику этого рок-коллектива...

Сходить на концерт у них с Ольгой не получилось. Придя на следующий после увольнения день во Дворец эстрады, Милена с огорчением узнала, что в продаже билетов уже нет. Позвонив подруге, она уже собралась спуститься с крыльца и направиться к стоянке маршрутного такси, но, как будто вспомнив о чём-то, прошла в противоположную сторону по широкой площадке, туда, где обычно вывешивались афиши.

Остановившись перед огромным плакатом с фотографией участников группы «Ночной патруль», она вдруг почувствовала, как внутри всё замерло... Она не ошиблась вчера: стоя с другими плечом к плечу, сложив руки на груди, прямо на неё со стены смотрел Женька... Даже если бы прошло не девять, а двадцать девять лет с тех пор, как они расстались, она всё равно узнала бы его. Из тысячи бы узнала. Из миллиона...

Она даже не поняла, огорчило её отсутствие билетов или обрадовало. Увидеть его, хотя бы на сцене, из зрительного зала?.. На какое-то мгновение — да. Но она совершенно не могла себе представить, смогла бы она смотреть на него в течение двух часов или нет...

«Наверное — нет...» — эта мысль, в конце концов, взяла верх, и Милена почти успокоилась. Наверное, к лучшему, что билетов нет. Да, она всё ещё любит его, хотя прошло уже столько лет... Но боль давно притупилась, и стоит ли ворошить чувства, доставая их из самых потаённых уголков души... Вряд ли удастся «уложить» их назад так же аккуратно и безболезненно.

Всё к лучшему. Тем более, теперь она в любое время сможет найти на «ютубе» записи этой группы и посмотреть на него, на Журавлёва. «Ночной патруль»? Раньше она никогда о них не слышала, но она и не интересовалась рок-музыкой... Скорее всего, этот коллектив из полуизвестных — такие достаточно популярны в своём и не только городе, но не мелькают на центральных музканалах.

Не удержавшись, Милена в тот же день нашла в интернете множество видеороликов «Ночного патруля», но посмотреть смогла только два... Набрав наугад в поиске имя «Евгений Журавлёв», с удивлением для себя обнаружила ещё один ролик, составленный из свадебных фотографий, на которых Женька был в роли жениха... Сопровождавшую ролик песню он исполнял дуэтом с неизвестной певицей.

«Евгений Журавлёв и Наталья Смольникова». Милена не столько слушала саму песню, сколько разглядывала белокурую девушку в свадебном наряде — она же и была исполнительницей. Судя по дате, этот ролик был снят четыре с половиной года назад.

«Интересно, это настоящие свадебные фото, или просто костюмированное действие?» — подумала Милена.

«Милька, ты телик не смотришь? — звонок Ольги прервал её размышления, — У нас в городе чрезвычайное происшествие, ты что, ещё не в курсе?!»

Нет, она не была в курсе. Узнав от подруги о том, что, не доехав до города всего пять километров, музыканты оказались заложниками неадекватного человека, Милена испытала

настоящий шок.

Все эти несколько часов она буквально не отходила от телевизора, со страхом и с надеждой ожидая очередного репортажа с места происшествия, но все репортажи сводились лишь к кратким отчётам корреспондентов, находящихся в ожидании развязки неподалёку от закрытого автобуса с заложниками внутри.

Услышав долгожданную весть о том, что всё закончилось благополучно и все живы и относительно здоровы, Милена еле сдержала себя, чтобы не одеться, выскочить на улицу и не поехать...

Куда?..

Справившись с первым порывом, она подумала, что даже не знает, куда нужно ехать, чтобы увидеть его... Утром, успокоившись окончательно, мысленно отругала себя. Дурочка... Ну, куда собралась?! Он и думать забыл о ней, наверное. Сколько лет прошло... Она давно ничего о нём не знает, но нетрудно предположить, что у него есть семья. Пусть не Кира... Скорее всего, не она... Но это неважно. У него давно другая жизнь. А она — что она скажет ему при встрече? «Здравствуй, Женя»? А он?.. Узнает ли он её — вообще?..

Представив себе сцену их предполагаемой встречи, Милена усмехнулась. Конечно, об этом не стоит даже думать.

Всё закончилось благополучно, он жив... Вон — сидит на пресс-конференции, отвечает на вопросы... Совсем не тот смазливый парнишка, которого она так любила... Красивый молодой мужчина, музыкант, у которого, скорее всего, целая толпа поклонниц. Найти его, чтобы, поздоровавшись, услышать в ответ заученное: «Привет... Ну, как ты?..»

Не стоит.

Жив, и слава Богу...

— Милька, говорят, что, возможно, этот «Ночной патруль» второй концерт даст, — Ольга, у которой сегодня был выходной, не оставляла надежды провести время весело, — Если что, попробуем прорваться?

— Оль, знаешь... Что-то мне на них расхотелось идти, — Милена представила расстроенное выражение лица подруги, — правда, не хочу...

— Ну, и как теперь? Хотели же развлечься напоследок, — Ольга и вправду расстроилась, — Ты когда уезжаешь?

— Хотела уже послезавтра, но жильцы в моей квартире попросили подождать ещё неделю, пока они съедут...

— Значит, неделка у нас с тобой в запасе есть, — Ольга тут же обрадовалась возможности подольше пообщаться с любимой подругой, — Давай тогда хоть в ресторан сходим?

— Ну, давай, — рассмеялась Милена, — а, ещё лучше, в ночной клуб. Я посмотрю, где более-менее интересная программа.

— Только теперь не раньше следующей пятницы, я работаю, — совсем весело сказала Ольга.

— Пятница так пятница, — в тон ей ответила Милена, — значит, договорились!

Вечером она всё же пожалела, что отказалась от попыток попасть на концерт. Ей вдруг ужасно захотелось увидеть его, хотя бы со стороны. Не в силах справиться с этим желанием Милена снова включила запись пресс-конференции и, приостановив просмотр, теперь

вглядывалась в знакомое до боли лицо...

«Женька... Женя...» — слушая, как он отвечает на вопросы журналистов, она не могла отвести взгляда от монитора. Прошое не просто «не отпускало»... С каждым жестом, с каждым словом Журавлёва оно неумолимо возвращалось, накатывая огромной, болезненной волной.

* * *

Все первые дни после возвращения музыканты испытывали на себе повышенный интерес как своих поклонников, так и представителей средств массовой информации. Своё первое интервью ребята дали, едва выйдя из автобуса, во дворе «Творческой деревни». Заученно отвечая на вопросы обступивших их корреспондентов, в душе все они хотели поскорее оказаться дома, в кругу своих родных и любимых... Родные и любимые стояли тут же, неподалёку, едва справляясь с желанием растолкать толпу наглых СМИшников и обнять, наконец, благополучно вернувшихся парней.

— Папа!.. — Наташа не успела и глазом моргнуть, как Валерка, которого она взяла с собой, вырвал из её ладони свою ручонку и бросился к отцу.

Пробравшись мимо ног взрослых, он с ходу дёрнул Диму за полу куртки. Подхватив сына на руки, тот прижался губами к румяной детской щёчке.

— Скажите, о чём вы думали, находясь между жизнью и смертью? — бойкий молодой человек направил свой микрофон в сторону Морозова, — Чего вам больше всего хотелось в эти минуты?

— Я думал о том, что хорошо, что в этот раз с нами нет моей жены. А насчёт желаний... Боюсь, что ничего оригинального я вам не скажу. Больше всего мне хотелось оказаться дома, вместе со своей семьёй. Впрочем, я и сейчас всё ещё хочу этого. Извините... — Валерка намертво вцепился в отцовскую шею, и, прижав его к себе одной рукой, другой Дима подхватил подбежавшую к нему Наташку.

— Ну, хватит!.. — махнув рукой корреспонденту, она прижалась к Димкиной груди, — Хватит уже... Он — мой...

— И мой... — уткнувшись в папин воротник, подал голос Валерка, потом, помолчав несколько секунд, добавил, — И Анечкин...

Вечером, лёжа в постели, Наташа, не отрываясь, долго смотрела в Димкины глаза, которые в свете ночника казались ещё более синими.

— Знаешь, если бы с тобой что-нибудь случилось, я не смогла бы жить...

— Со мной ничего не случится, — пригладив её белокурые волосы, улыбнулся Дима, — а, если, вдруг... Ты всё равно должна жить. Ради Валерки и Ани... Слышишь, Наташка?.. Ты в любом случае обязана жить.

— Я знаю. Я всегда буду жить ради детей... Но без тебя меня всё равно не будет... Понимаешь?

— Понимаю. И меня тоже не будет без тебя. Поэтому мы оба должны жить... Я тебе

когда-то уже говорил... Помнишь?

— Помню, — закрыв глаза, Наташа прижалась к груди мужа, — Знаешь, пока вы сидели в этом автобусе, я столько всего передумала...

— Я не могу сказать, что я много передумал... Не знаю, может, у кого-то и проносится вся жизнь перед глазами... Но у меня перед глазами были только вы. Ты и Валерка с Аней... Я даже о родителях почти не думал тогда, только о вас. Это — честно.

— А знаешь... — Закусив губу, Наташа какое-то время помолчала, как будто не решаясь что-то сказать, но потом, приподнявшись на локте, снова заглянула Диме в глаза, — Знаешь, когда вы уже ехали назад, я, чтобы быстрее прошло время, пошла в нашу студию и стала наигрывать разные мелодии. А потом поняла, что играю что-то своё, то, что у меня на душе...

— И — что? — он, улыбаясь, тоже смотрел на неё, как будто догадываясь, о чём она сейчас скажет.

— Мне кажется, у меня получилась песня...

— А, хочешь, я угадаю мелодию?..

— Как?! — Наташа удивлённо приподняла брови, — Как ты сможешь угадать мелодию?!

— Я попробую, — он сел в кровати и, достав со спинки наброшенный на неё халатик, подал его жене, — Идём?

— Идём, — одевшись, Наташа наклонилась над маленькой кроваткой — в силу возраста грудная Анечка спала рядом с родителями.

Заглянув в детскую и убедившись, что Валерик тоже спит, они тихонько прошли в свою домашнюю студию.

— Давай, сначала ты, — кивнув на синтезатор, Дима присел на стул и усадил Наташку к себе на колени.

— Слушай, — тронув клавиши, она сначала слегка пробежалась по ним, потом сделала несколько первых аккордов.

— А теперь — я, — продолжив начатую ею мелодию, он сыграл ещё несколько тактов и внезапно оборвал звук, — ну, что?..

— Дим... — Наташа казалась изумлённой, — Ну, я понимаю, что здесь логическое продолжение... но вот этот нюанс... — она повторила только что сыгранный им эпизод, — Откуда ты мог о нём знать?!

— Слушай дальше, — он снова положил руки на клавиши...

— Дима, как жаль, что нам с тобой никто не поверит... — Наташа обернулась к мужу, — Но это ведь чудо! Я именно эту мелодию сочинила... Вернее, думала, что сочинила... А, выходит, она — твоя?

— Наташка, — сжав её в своих руках, Дима тихо рассмеялся, — Ты ещё не поняла?! Это не моя мелодия, и не твоя. Она — н а ш а с тобой. Ты думала обо мне, а я думал о тебе. Мы сочинили одну и ту же мелодию. Я уже давно не удивляюсь нашим таким совпадениям.

— Никто ведь не поверит... — в ответ на его ласку она обвила руками его шею, — Димка... Ведь не поверят же!

— Ну, и не надо, — крепко прижимая её к себе, он лицом зарылся в белокурые пушистые волосы, — Главное, что мы с тобой знаем об этом.

— Тогда знаешь, что... — выскользнув из его объятий, Наташа встала и взяла в руки гитару, — Давай с самого начала...

— А ведь это будет хит, — взяв последний аккорд в их музыкальном экспромте, Дима обернулся к жене, — Наташка, ты уже поняла, что это будет хит?

— Да я сразу поняла, как только ты заиграл. Понимаешь, когда я играла сама, без тебя, я слышала всё по-другому... Но сейчас, особенно на два инструмента... Дима, это стопроцентный хит! Теперь нужен хороший текст.

— Над текстом подумаем. Кстати, ты отправила свой райдер?

— Да, отправила, мне как раз сегодня снова звонили. Предлагают выступление в следующую пятницу.

— А не страшно будет ехать в этот город? — он хитро улыбнулся.

— Нет, — она тоже улыбнулась ему в ответ, — Надеюсь, на поезд не будет нападения.

— Только как быть с Аней, — вспомнив о маленькой дочери, Дима озабоченно нахмурился, — тебе придётся оставить её больше, чем на сутки.

— Я уже договорилась с Алинкой. Она побудет с Аней, а Алиса — с Анной Сергеевной. Заодно девчонки подружатся.

— Ну, и хорошо, — он кивнул с облегчением, — только проблема с кормлением, да?

— Нет, Дим... — Наташа грустно посмотрела на мужа, — Одна проблема вытеснила другую...

— В смысле?

— У меня пропало молоко... Аня уже двое суток на смеси.

— А я удивился, что ты её из бутылочки кормишь, но подумал, что так нужно... Это из-за того, что случилось?

— Да...

— Прости меня... — он подошёл к ней и, обняв, прижался губами к волосам на макушке, — Прости, Наташ...

— За что?! — тяжело вздохнув, Наташа украдкой вытерла слезинку, — Разве ты виноват?..

— Виноват. В любом случае, здесь есть и моя вина.

— Ты ни в чём не виноват... Главное, что ты живой, а с остальным мы справимся...

Они уже почти уснули, вернувшись к себе в спальню, когда в приоткрывшейся двери появился сонный Валерка.

— Мама, — буквально с закрытыми глазами протопав к кровати родителей, он, пыхтя, карабкался между ними под одеяло, — мама... мне сто-то приснилось...

— Что тебе приснилось? — слегка отодвинувшись, Наташа освободила место сыну.

— Ну, вот, сто-то приснилось...

— Ты на горшок сходил? — нарочито строгим тоном спросил Дима.

— Да, — кивая, Валерик уютно устраивался в тёплой родительской постели.

— Тогда спи.

— Папа, я немножко с мамой посплю, а потом к тебе повелнись, ладно? — малыш окончательно притих в ласковых маминых руках.

— Ладно, — обняв их обоих, Дима улыбнулся и закрыл глаза, — повелнись...

Неожиданная оттепель, обрушившаяся на город, сбила с толку если не флору, то фауну — точно: сидя голых ветвях оттаявших деревьев, птицы заливались вполне весенними трелями, и, если бы не новогодняя ёлка, переливающаяся огнями посреди привокзальной площади, можно было бы подумать, что на дворе вовсе не середина января, а конец марта.

Стоя на перроне в ожидании поезда, Наташа сняла с головы капюшон.

— Надень, — Морозов тут же поправил капюшон жене, — Простудишься.

— Жарко, — она снова движением головы подставила волосы под лёгкий ветерок.

— Наташа... — сердито произнёс Морозов, — Ну, что ты, как ребёнок...

— Вот видишь, — она хитро прищурилась, — я ещё у тебя на глазах, а уже веду себя плохо... Не нужно отправлять меня одну.

— Ну, не получилось у меня в этот раз, — он развёл руками, — совпали концерты и у тебя, и у меня.

— Да ладно... — она шутливо обняла его за пояс, — Шучу... Знаю, что не получилось. Не переживай, всё будет хорошо.

— Да я и не переживаю, — он снова поправил ей капюшон, — тем более, ты не одна едешь. Вон вас сколько...

Обернувшись, Дима посмотрел на стоящих рядом звукорежиссёра Андрея Пороха и видея Виталия Кириченко — смазливого паренька лет двадцати пяти, обеспечивающего на концертах видеоряд.

— Нормально отработаем, — в ответ на их диалог Порох пожал плечами, — первый раз, что ли.

— Андрюха, в общем, ты за старшего, — обратился к нему Морозов, — вас там встретят, сразу в гостиницу, до вечера там отсидитесь... В клуб вас тоже и увезут, и привезут обратно. Утром снова на поезд, и — домой. Следующая поездка уже будет с концертным директором, а сейчас пока сами...

— Да не переживай ты, — Андрей лениво потянулся, — главное, чтобы у них аппарат был на уровне, остальное дело техники и личного таланта.

— Аппарат я не видел, но, обещали, что на уровне.

— А, даже если и не на уровне, — заложив руки в карманы брюк, Порох усмехнулся, — мы же профессионалы. Всё сделаем как надо.

— Так что там за дыра-то такая? — прищурившись на утреннее солнце, Виталий тоже посмотрел на Димку.

— Да я бы не сказал, что дыра, — ответил тот, — нормальный город. Поменьше нашего, конечно, но вполне... Мы во Дворце эстрады выступали, так довольно приличная площадка.

— Ребята, поезд!.. — кивнув парням, Наташа взяла в руки зачехлённую гитару, лежавшую поверх остальной клади.

— Всё будет хорошо... — целуя её на прощанье, Дима улыбнулся, — За нас не переживай, справимся...

— Алинка знает, как и что нужно делать, — торопливо проговорила Наташа, — но учти, что вечером к ней приедет муж, она только так согласилась с Аней посидеть...

— Какие проблемы, — подхватив её сумку, Дима глядывался в номера проезжающих мимо вагонов, — я их в гостиной устрою...

— Да, и не разрешай Анне Сергеевне брать к себе Валерку, а то она ещё не оправилась, а он и рад, когда бабушка его ночевать зовёт... Пусть выздоровеет как следует, тогда уже...

— Не переживай, Валерка со мной... А с мамой — Алиса... Ну, что, парни... — обернувшись к Пороху и Кириченко, Морозов шумно выдохнул, — Удачи! Жену вам доверяю.

— Всё нормально, Дима, — Порох шагнул к остановившемуся мягкому вагону, — Будем беречь как зеницу ока...

— Виталик, — Морозов окликнул Кириченко, — тебе особой удачи! Отсутствия подтанцовки никто не должен заметить на фоне твоего видеошоу.

— Постарайся, — махнув рукой, тот поставил ногу на ступеньку, — хотя... пару девчонок бы не помешало взять с собой, хотя бы в дорогу...

* * *

Недовольно закусив губу, Алиса уже с полчаса наблюдала, как сводная сестра Наташи Алина уверенно хозяйничает на кухне молодых Морозовых. Саму Алису, по словам Димки, уже ждали в новой студии как модельера, но болезнь Анны Сергеевны вмиг разрушила все планы. Вместо того, чтобы обсуждать и конструировать новые костюмы для участников шоу, ей приходилось ухаживать за больной тётушкой. Правда, ухода в прямом смысле этого слова ей не требовалось — Анна уже вставала и даже выходила ненадолго гулять, но Дима попросил Алису побыть с его матерью, пока ей не станет намного легче, тем более, что Наташа должна была уехать на два дня, чтобы выступить в другом городе в ночном клубе.

Нянчиться с маленькой Аней согласилась Алинка, и Алиса была уже рада и этому — подгузники и пелёнки вперемешку с кормлениями совершенно не отвечали её планам. Помощь Анне Сергеевне тоже в эти планы не входила, но тётушка уже шла на поправку и особых хлопот ей не доставляла.

В первый же вечер, как уехала Наташа, Алиса под предлогом знакомства с её сестрой отправилась к ним в квартиру и теперь молча сидела за кухонным столом, не сводя глаз с Алины.

— Слушай, по-моему, Наташа больше смеси кладёт, — подала, наконец, голос Алиса.

— Ничего не больше, — Алинка невозмутимо помешивала кашу в кастрюльке.

— Я точно видела, что больше, — упрямо повторила Алиса, — я уже сколько дней вместе с ней на кухне пропадаю.

— Сколько сказано, столько и кладу, — отрезала Алина.

— Сейчас Дима придёт, нарочно у него спрошу.

— Можно подумать, Димка знает, — усмехнулась Наташина сестра.

— Дима?! — Алиса нарочито вытаращила свои зелёные глаза, — Дима всё знает, абсолютно. Я уже три недели у них живу, и всё вижу...

— А я уже пять лет его знаю... — Алинка бросила на девушку насмешливый взгляд, — Ну, почти пять лет... Он готовить вообще не умеет и не интересуется даже.

— А твой муж... Интересуется?.. — в тон ей ответила Алиса.

— Не-а... — подув на ложку, Алина попробовала жидкую кашу, — Ванька тоже не интересуется. Ему главное, что в кастрюле, а уж как оно там получается, это не его проблемы.

— А ты давно замужем? — Алиса сменила тон с насмешливого на более дружелюбный.

— Уже целый год, — выключив плиту, Алинка взяла в руки чайник и обернулась к собеседнице, — может, чаю попьём, пока Анька спит, и Ванька с Димкой не пришли?

— Давай, — Алиса с готовностью кивнула головой и по-хозяйски открыла навесной шкафчик, — сейчас, печенье достану и конфеты.

Да, Алисе совсем бы не хотелось нянчиться с маленьким ребёнком, но и присутствие это Алины ей совершенно не нравилось. Алиса уже втянулась в роль дорогой гостьи, которая на правах близкой родственницы была допущена до всех семейных уголков и троюродного брата, и его родителей, и такое вот, даже санкционированное, вторжение вызывало у рыжеволосой девушки внутренний протест. Немного подумав, она всё же решила сменить тактику.

— А у вас своя квартира? — любопытничала Алиса, помешивая ложечкой свежесваренный чай в чашке.

— Сейчас своя, — кивнула Алинка, — а сначала мы жили в Наташкиной.

— А почему съехали? — Алиса бросила осторожный взгляд на девушку, — Неужели родственники настояли?

— Не-а... — усевшись поудобнее на стуле, Алинка закинула ногу на ногу, — Наташка бы нас никогда не выгнала, она добрая. Просто Ванька хотел своё жильё. Вот и влез в ипотеку...

— Так родите ребёнка, материнским капиталом погасите часть.

— Материнский капитал дают за второго, а у нас ещё и первого пока нет.

— Так надо подсуетиться, — Алиса улыбнулась уголками красивых губ, — сестра твоя вон как быстро подсуетилась...

— Нет уж, — Алина усмехнулась, — это не мой вариант.

— А чего так?

— Я не для того сюда из своей провинции вырвалась, чтобы сразу дома с детьми засесть. Это Наташке можно, у неё жизнь и так насыщенная, и свекровь помогает.

— Ну, да, — Алиса притворно вздохнула, — и муж вон какой достался...

— Какой? — Алинка недоверчиво усмехнулась, — Если честно, я бы не хотела такого мужа. Хотя... хотя он и мне нравился поначалу...

— Ну, и отбила бы, — Алиса сделала вид, что пошутила, — слабо было?

— Димку?! — Алина пожалала плечами, — Его бесполезно отбивать, да и цели такой не стояло. Хоть и неродная, а всё же сестра.

— Почему — бесполезно?

— Он Наташку сильно любит.

— И что, у него кроме неё никого не было?

— Почему... Была...

— Да?! — Алиса даже замерла на месте от любопытства, — Расскажи, а?..

— А чего ты у Наташки не спросишь?

— Да она не рассказывает... — Алиса придвинулась ближе, положив локти на стол, — Алин, расскажи... Она до Наташки была или Димка гульнул?.

— Не гульнул... — Алина ненадолго замолчала, как бы прикидывая, стоит рассказывать историю своей сводной сестры или нет, но потом желание рассказать всё же взяло верх, — Дима не гульнул, это не его стиль. Тут всё круче завернулось. Короче...

— ...Обалдеть... — едва улыбаясь уголками губ, Алиса покачала головой, когда Алинка закончила свой рассказ, — И где теперь эта самая Кристина?

— Понятия не имею. Я с Наташкой на эту тему никогда не разговариваю.

— Да... Интересная история любви у моего братца...

— На твоего братца больно много желающих всегда было, — услышав, как в детской заплакала Анечка, Алинка мгновенно вскочила и, обернувшись в дверях кухни, добавила, — вот поэтому мне такого мужа и даром не надо.

— Ну и дура, — вслед ей произнесла Алиса, — такая же лохушка, как и твоя сестра...

* * *

Милена отвлечённо смотрела на сцену ночного клуба, куда они с Ольгой пришли пятничным вечером. Ни выпитый алкоголь, ни громкая музыка не смогли отвлечь её от невесёлых мыслей. На память всё время приходил сегодняшний неожиданный визит новой жены Николая.

«Коля был против, но я, всё-таки, решила прийти, — женщина смерила Милену высокомерным взглядом, — дело в том, что я нашла жильцов на эту квартиру, и обещала им, что они смогут въехать сюда уже завтра...»

...Она не стала спорить. Да, она собиралась уехать лишь через три дня, ведь её собственная квартира в другом городе всё ещё была занята... Но вещи были собраны, и, собственно, больше её здесь ничего не держало... Ну, разве что обещание сходить напоследок в ночной клуб с подругой... Ничего, до утра она всё равно успеет сделать последние приготовления.

— Ты, вроде, говорила, что сегодня здесь будет чьё-то выступление? — Ольга, развеселившись, оглядывалась по сторонам, — Пока только местный стриптиз, и тот уже закончился...

— А вон, наверное, начинается, — Милена кивнула на опустевшую после стриптизёров сцену, где на огромных мониторах замелькало видеосопровождение, — Смотри, как здорово...

— Ага... — Ольга, не отрываясь смотрела, как под ритмичную музыку, в свете прожекторов, на сцену выходит стройная длинноволосая блондинка в блестящем коротком наряде, — Как там её, говоришь?..

— Наташа Морозова. Так написано в анонсе...

* * *

— Ну, что, всё прошло отлично, — проходя коридором гостиницы, Порох обернулся к идущим сзади Кириченко и Наташе, — До поезда времени уйма, можно и расслабиться.

— Ой, ребята, это без меня, — Наташа отчаянно замотала головой, — я уже и без алкоголя никакая, тем более, после ужина...

— А зря... Такой успех нужно закреплять.

— Ну, вот и закрепляйте, — остановившись у своего номера, она улыбнулась парням, — только на поезд не проспите, чтобы мне вас будить потом не пришлось.

Попрощавшись с парнями, Наташа вошла в свой номер. Она, действительно, сегодня очень устала, к тому же переживала за детей — маленькую дочку впервые пришлось оставить на целых два дня. Но, несмотря ни на что, концерт прошёл замечательно. В этом городе она выступала впервые, и очень волновалась, в первую очередь оттого, что рядом не было Димки. Она отгоняла от себя неприятные мысли, но недвусмысленные взгляды и шутки Пороха не могли укрыться от её внимания... Если в поезде он вёл себя более-менее прилично, то в гостинице, куда их привезли перед концертом, без конца напоминал о себе, а после концерта, под видом дружеского поцелуя, довольно откровенно сжал её в своих объятиях... Решив не заморачиваться, Наташа ещё раз испытала на себе его внимание в машине, по дороге в гостиницу — сидя рядом с ней на заднем сиденье, Андрей как бы невзначай положил руку ей на колено, но тут же убрал, сделав вид, что это произошло случайно.

— К тебе можно?.. — как будто нарочно, он постучал к ней в номер через полчаса.

— Да, проходи, — только выйдя из душа, Наташа куталась в мягкий махровый халат.

— Я всё же думаю, что успех нужно обмыть, — как бы извиняясь, Порох развёл руками, в одной из которых была бутылка коньяка, — ты как, не против?

— Против, — Наташа, улыбаясь, смотрела на него в упор, — тебе лучше пойти к Виталику.

— Да ну его... — звукореж махнул рукой, — С ним неинтересно.

— Думаешь, со мной интереснее?

— Конечно, — он прошёл в глубь номера и присел в кресло, — я не думаю, я знаю...

— Знаешь? — Наташа удивлённо посмотрела на него, — В каком смысле?

— В самом прямом, — он поставил на стол принесённую бутылку, — с красивой женщиной всегда приятнее отмечать успех.

— Андрюш... — Наташа попыталась перевести всё в шутку, — Красивая женщина очень устала и хочет спать.

— Да ладно тебе, Наташа, — он ловким движением открутил крышку, — давай немного посидим... Ну, честно, хочется выпить, а один не могу.

— Я не буду пить, — всё ещё надеясь, что он сейчас встанет и уйдёт, Наташа не решалась присесть, — Андрей, честно, я не любитель алкоголя, тем более в мужской компании.

— Ну, уж прям и в мужской, — ухмыльнулся Порох, — звукорежиссёр для певицы как гинеколог для женщины, пола не имеет...

— Андрюха, иди спать! — она сделала ещё одну попытку шутливо выставить непрошеного визитёра, — Я всё равно не буду пить.

— А зря... — нехотя встав, он пошёл было к дверям, но, поравнявшись с ней,

неожиданно остановился, — Зря ты так, Наташка...

— Андрюш... — начала было Наташа, но он вдруг приблизился к ней вплотную.

— Ну, чего ты заладила... Андрюш, Андрюш... — его руки обхватили её талию, — Как девочка... Как от тебя вкусно пахнет... — пытаюсь поцеловать, он наклонился к её шее.

— Ты пьяный, — почувствовав запах алкоголя, Наташа испуганно попыталась оттолкнуть его от себя, — уходи!

— Да я всего пару рюмок, — он ещё сильнее сжал руки у неё за спиной, — ну, хватит уже ломаться... Такая недотрога, что ли?..

— Я всё расскажу Диме, — отчаянно сопротивляясь, ей удалось вывернуться из его объятий, — ты что, с ума сошёл?! Уходи немедленно!

— Да твой Дима ещё не тем на гастролях занимается, — во взгляде Пороха мелькнула откровенная злость, — я мог бы тебе много чего рассказать.

— Ты совсем недавно работаешь у нас, что ты можешь знать о Диме и о других?! Как ты можешь себя так вести?! У нас так не принято, Андрей, — несмотря на все попытки сохранять спокойствие, Наташка повысила голос.

— Я много чего знаю, — он едко усмехнулся, — в том числе и о тебе...

— Уходи, — Наташа широко распахнула дверь номера, — Уходи, Андрей.

— Ну, смотри... — скривившись, он нехотя шёл к выходу, — Потом не пожалей.

Закрыв за Порохом дверь, Наташа снова вернулась в ванную — ей казалось, что она всё ещё чувствует на себе чужие руки и губы. Во второй раз встав под душ, она испытала настоящее облегчение.

— Да, Дим... — позже, услышав в телефоне голос мужа, она чуть не расплакалась, но вовремя взяла себя в руки, — У меня всё хорошо...

— Девушка, а других билетов нет? — Милена расстроено смотрела, как худенькая молодая кассирша в фирменной блузке бойко отстукивает ухоженными, наманикюренными пальчиками по клавиатуре.

— Нет... — девушка подняла на неё огромные голубые глазищи, — К сожалению, только люкс.

— А на другой поезд?

— Следующий поезд... — пальчики снова забегали по клавишам, — следующий поезд только в восемнадцать часов. Там купейные места... Но разница в цене не очень большая.

— Восемнадцать?.. — Милена ненадолго задумалась, потом решительно кивнула, — Тогда давайте на утренний, пусть будет люкс. Не хочется десять часов торчать на вокзале.

— Хорошо, берём люкс, — в свою очередь кивнула кассирша, — как раз есть место в женском купе...

Расплатившись, Милена обернулась к стоявшей рядом Ольге.

— Зря ты... — Ольга с грустью посмотрела на подругу, — Нужно было на вечерний брать. Поехали бы сейчас ко мне...

— Нет уж... — Милена улыбнулась в ответ, — уезжать, так уезжать. Меня как будто что-то выгоняет из этого города, так зачем сопротивляться?

— Вот крыса!.. — Ольга укоризненно покачала головой.

— Кто?!

— Да эта... Жёнушка... Чтоб ей самой так когда-нибудь пришлось... — от возмущения Ольга не могла придумать, что пришлось бы пережить новой жене Николая.

— Да ладно... Всё, что ни делается, к лучшему.

— Ну, уж нет! Если я когда-нибудь твоего Кольку увижу, я ему всё выскажу, что о них думаю!

— Не нужно, — Милена снова улыбнулась, — пусть живут спокойно.

— А я бы им обоим шею намылила, — всё никак не могла успокоиться подруга, — нашёл себе какую-то крысу, так ещё и тебя из дома выгнали!

— Это ты после вчерашнего такая храбрая? — рассмеялась Милена, — Кстати, как там Серёга? Домой-то сразу пустил?

— Да куда он денется? Ой... — взявшись за голову, Ольга внезапно скривилась как от боли, — Лучше не напоминай про вчерашнее... А ты молодец, хорошо выглядишь! Впрочем, ты и пила-то мало...

— Да, не до кондиции...

— Молодец, ты, Милька, — Ольга обняла подругу за плечи, — всегда тобой восхищалась! Муж бросил... Из дома выгнали... А ты только цветёшь!

— А я и правда цвету... — Милена весело согласилась, — Знаешь, единственное, о чём я буду жалеть, это что там не будет у меня такой подруги...

— Да ладно, — Ольга махнула рукой, — мужичка себе найдёшь классного, и подруги не будут нужны.

— Оля... — Милена немного помолчала, как бы собираясь с мыслями, — Помнишь, я

тебе о своём первом парне рассказывала? Ну, о Женьке?

— Помню, а что?

— А репортажи видела про захват заложников?

— Ну, да... А что? — Ольга подняла удивлённые глаза.

— Ну, вот тот музыкант, который гранату обезвредил, это же он и есть...

— Да ты что?! — глаза из просто удивлённых мгновенно превратились в изумлённые, — Милька... И ты мне об этом говоришь только сейчас?!

— А какая разница, когда сказать? — Милена пожалала плечами, — Вот, сейчас сказала...

— Да мы бы с тобой на их концерт по любому прошли!

— Даже если бы у меня был билет, я уже не пошла бы...

— Теперь я понимаю, почему ты так туда торопишься...

— Я совсем не из-за этого тороплюсь, Оль... Хотя, если честно... Когда я его увидела, что-то так защемило...

— Поэтому-то ты так спокойно с Залесским развелась, — усмехнулась Ольга, — значит, не любила ты его.

— А я и сама теперь ничего не знаю... Когда я шла на развод, у меня уже было предчувствие, что всё получилось неспроста, что так нужно... А потом, когда Женьку увидела, вообще всё в душе перевернулось... да так, что я сама себя испугалась. Поэтому и не пошла бы на их концерт...

— Ну, и зря, — пыл быстро угас, и Ольга снова погрузилась, — А я бы пошла... И пусть бы он попробовал нас не провести.

— Ну, вот так получилось, — рассмеявшись, Милена шутливо развела руками, — кстати, прибытие объявили... Идём?..

— И чего мы вчера с тобой в этот ночной клуб потащились? — подхватив одну из сумок, Ольга покачала головой, — Целый вечер протусовались, а толком-то и не поговорили... На вокзале душу выворачиваем.

— Зато потанцевали от души!

Брат носильщика не было смысла — Милена взяла с собой только одежду, и то не всю — половину личных вещей она оставила у Ольги на временное хранение. Решив, что размениваться на кастрюли и тарелки не стоит, она ушла из квартиры, в которой прожила семь лет, практически налегке.

«Ничего, всё необходимое есть дома», — успокоив себя этой мыслью, она без сожаления захлопнула дверь.

Поезд уже виднелся вдали и, стоя в ожидании, Милена вдруг почувствовала лёгкое волнение. «Съездила замуж на семь лет...» — подумалось ей.

— Смотри, смотри... — толкая её в бок, Ольга скосила глаза куда-то в сторону, — Девочка, что вчера в ночном клубе пела... Видишь?..

— Кто? — не поняла Милена, но, повернувшись, узнала в стоявшей неподалёку девушке вчерашнюю певицу, — А... Вижу...

— С артистами в одном вагоне поедешь, — съехидничала Ольга, — может, споют чего по дороге...

— Ну, да, нет худа без добра, — рассмеялась Милена, — ну, и в люксе хоть раз в жизни прокачусь, а то когда ещё придётся?

Милена никогда не любила быть первой, поэтому троих молодых людей, которые тоже подошли к её вагону, она пропустила вперёд. Помахав из тамбура Ольге, торопливо прошла в длинный вагонный коридор.

— Добрый день, — войдя в своё купе, Милена с удивлением увидела уже сидевшую там попутчицу — ею оказалась та самая певица, на концерте которой они так здорово оторвались вчера. Первым желанием было воскликнуть что-то вроде: «Ой, а я вас видела...», но она вовремя прикусила язык, подумав, что эту банальную фразу девушка слышит от каждого встречного-поперечного.

— Добрый день, — кивнула та в ответ и, сняв стильные солнцезащитные очки, тряхнула длинными белокурыми волосами.

— Наташ, ну, как ты тут? — заглянувший в купе мужчина лет тридцати, русоволосый, с едва заметной бородкой и колючим тёмным взглядом, упёрся локтями в края дверного проёма.

— Нормально, — едва взглянув на него, довольно сдержанно ответила девушка.

— Гитара не мешает? Давай, к себе заберу, — он кивнул на инструмент, стоявший на полке в углу.

— Нет, не мешает, — она явно не была расположена к разговору, и мужчина, постояв ещё несколько секунд, был вынужден удалиться.

Поезд тронулся, и Милена невольно засмотрелась в окно. Да, за эти годы она уже привыкла к этим местам, и нельзя было сказать, что ей легко их покидать... Но, в то же время, родной город, в котором прошли и детство, и юность, город, в котором был родительский дом, нестерпимо тянул к себе...

— Добрый день! — улыбчивая проводница возникла в открытых дверях купе, — Чай, кофе?

— Ой, мне бы кофе, — белокурая девушка сразу оживилась.

— И мне тоже, — кивнула Милена.

Прихватив полотенце, попутчица вышла из купе. Решив сначала дождаться её возвращения, а потом уже самой сходить помыть руки, Милена прислонилась к стене и закрыла глаза. Перестук колёс убаюкивал, и она едва не задремала, но, услышав в коридоре голоса, невольно прислушалась.

— Ну, что, ты уже на меня пожаловалась? — в голосе говорившего мужчины слышались не совсем искренние шутливые нотки.

— На что? — Милена узнала свою соседку по купе.

— Да ладно тебе, Наташка... Я же пошутил вчера, ты что, так и не поняла?

— Знаешь, Андрей, я всю ночь не спала, всё думала, пошутил ты или нет, — с долей иронии ответила девушка.

— Подожди... — видимо, она хотела войти в своё купе, но он задержал её, — Наташ, ну,

что ты, как маленькая? Дуешься на меня...

— Успокойся, Андрей. Если ты боишься, что я расскажу всё Диме, то зря. Я никогда не ябедничаю.

— Ну, вот и умница...

— Но для себя я делаю выводы.

— Ну, и какой же вывод ты сделала относительно меня?

— Выводами я тоже не делюсь. Извини, я пойду...

— Смотри, какая ты... — теперь в его голосе Милена услышала неприкрытую насмешку.

— Ты выбрал неправильный тон, — судя по шороху, девушка снова попыталась войти в купе, но собеседник не позволил ей этого сделать, — пропусти меня, пожалуйста...

— Всё-всё... — он всё-таки пропустил её, и она тут же показалась в дверном проёме, — Отдыхай, не буду мешать... — мужчина заглянул в купе, — Если станет скучно, приходи к нам...

— Ничего, если я закрою дверь? — девушка посмотрела на Милену и, дождавшись согласия, резко потянула за ручку; потом, присев к столу, взяла в руки чашку с кофе, принесённую проводницей. Милене показалось, что она чуть не плачет.

— Вот, угощайтесь, — Милена достала из сумки коробку печенья, — проводница предлагала купить, но я не стала брать, у меня своё очень вкусное.

— Спасибо, — Наташа благодарно кивнула, — у меня тоже есть и печенье, и конфеты... Сейчас... — открыв сумку, она тоже достала оттуда сладости, — вы тоже угощайтесь...

— Меня зовут Милена...

— А меня Наташа...

— А я знаю, — она всё же не удержалась от этой фразы и тут же пояснила, — я вчера была на вашем концерте.

— Правда? — радость, с которой Наташа задала этот вопрос, показалась Милене искренней. И, вообще, девушка, которая сначала произвела впечатление неразговорчивой и отстранённой особы, оказалась очень дружелюбной и простой в общении.

— Да, и мне очень понравилось, как вы поёте.

Разговаривая с Наташей, Милена не могла отделаться от мысли, что она где-то уже видела эту белокурую девушку с красивыми карими глазами... Но вот где — вспомнить так и не смогла. Нет, это был не вчерашний вечер... Она явно видела её где-то раньше.

— А вы часто ездите на гастроли? — она не знала, о чём можно спрашивать творческих людей, и поэтому вопрос о гастролях посчитала вполне уместным, — Вы раньше не приезжали в наш город?

— Нет, в первый раз.

— Мне кажется, что я вас уже где-то видела...

— В интернете много моих роликов, может, быть там?

— Нет... — задумчиво ответила Милена, — Если честно, ваше имя я услышала впервые... А недавно к нам приезжала рок-группа из вашего города. Наверное, в курсе, что с ними тут случилось?

— Не то слово, что в курсе... — усмехнулась Наташа, — моя свекровь до сих пор не может оправиться.

— Свекровь? — удивлённо переспросила Милена, — Ваша свекровь так переживала за этих ребят?

— Конечно. Ведь там был её сын... и мой муж.

— Ваш муж был среди тех ребят?!

— Да, он тоже в «Ночном патруле», поэтому я знаю всё из первых рук.

— Так вот оно что... — Милена вдруг сразу вспомнила, где она видела эту самую девушку... Ролик с Женькиной песней!.. На фото она была в свадебном наряде... Значит, она и есть — его жена?!

— Да... — взяв зазвонивший телефон, Наташа посмотрела на входящего абонента и радостно заулыбалась, — Привет! Мы едем, у нас всё хорошо! А у вас?..

Невольно слушая разговор, Милена откинулась в угол и, сложив руки на груди, оттуда разглядывала свою попутчицу. Молоденькая, наверное, чуть больше двадцати лет... «Если она Женькина жена, то неудивительно, — думала про себя Милена, — он всегда любил красивых девчонок, вот и себе выбрал...»

Почему-то стало тоскливо... Она даже пожалела, что решила уехать... Нужно было как-то решить проблему с жильём, и всё. Работа бы нашлась...

«Да нет, глупо. Разве я возвращаюсь ради него?»

Убеждать себя, что ей совершенно неинтересен разговор попутчицы, было бесполезно... Она довольно ревниво ловила каждое её слово, пытаясь представить, с кем она так ласково разговаривает. Особенно зацепило упоминание о детях.

— У вас есть дети? — она не хотела спрашивать, но вопрос вырвался сам собой, как только Наташа отключила телефон.

— Да, — та снова улыбнулась, — сын и дочка. Сыну три с половиной, а дочка совсем маленькая, всего четыре месяца... Я никак не решусь взять для неё няню... А у вас? — она решила тоже проявить интерес, — У вас есть дети?

— Нет, — Милена тоже улыбнулась, но улыбка получилась грустной, — у меня детей нет. Я одна...

— Совсем? — улыбка сползла с Наташкиного лица.

— Совсем. У меня ни детей, ни мужа... Родителей тоже нет. Даже единственная подруга и та осталась в этом городе.

— Вы решили уехать насовсем?

— Скажем, это решили за меня, — Милена снова улыбнулась, — но я была не против.

— Вы красивая женщина, вы не можете быть одна.

— Так вышло...

Все оставшиеся часы Милена исподтишка поглядывала на свою молоденькую попутчицу. «Надо же, какое совпадение, — думала она, — и с Журавлёвым, и с его женой... Да, видимо, это она и есть. Она сама сказала, что её муж играет в этом «Ночном патруле»... А их свадебные фото в ролике?.. Четыре с лишним года назад... сыну — три с половиной...

всё совпадает... Господи!.. — её как будто ударило током, — Он же придёт её встречать!..»

Первым порывом было убежать в другой вагон, чтобы не встретиться с Журавлёвым, если он придёт встречать свою жену... Но потом желание увидеть его перевесило все её сомнения и страхи.

— А скажите... Наташа Морозова — это ваш сценический псевдоним?

— Почему? — удивилась Наташа, — всё настоящее... мы думали над моим сценическим именем, но Дима не захотел, чтобы меня знали как какую-нибудь Барби или Натэллу. Он считает, что псевдонимы хороши для тех, кто поёт под фанеру электронную галиматью. А я пою всё живую, и не только попсу, но и романсы, баллады, поэтому выступаю под своим настоящим именем.

— Дима?! — Милена удивлённо приподняла брови, — Разве вашего мужа зовут Дима?!

— Ну, да... — пожала плечами Наташа, — Дмитрий Морозов. Он вокалист и автор всех песен.

— А я... — рассмеявшись, Милена махнула рукой, — А я почему-то подумала... Я видела ролик на песню... кажется, «Музыкант»?.. Ну, да, «Музыкант»! И мне показалось, что это вы на свадебном фото...

— А это я и есть, — в ответ рассмеялась Наташа, — но это просто фото. Я там пою с Женей Журавлёвым, он, кстати, в роли жениха... Но это просто песня. В жизни нас ничего не связывает, кроме дружбы, тем более, что Женька не женат.

— Вот как... — Милена, улыбнувшись, покачала головой, — Вы на этих фото очень натурально смотрите.

— Мы вместе работали в ресторане. А мои свадебные фото... — достав планшет, Наташа нашла в нём их с Димой свадебную фотографию, на которой она держит на руках Валерика, — Вот, смотрите...

— Ой, какая красота! — Милена от души рассмеялась, — Таких свадебных фотографий с младенцем я ещё не видела!

— Все так говорят, — весело кивнула Наташа.

— А можно у вас попросить автограф? — прилив радости буквально преобразил Милену, и она решила как-то отблагодарить Наташку за приятную новость, — А то скажу, что вместе с настоящей певицей ехала, а мне никто не поверит!

— А, давайте, я вам заодно и фото подарю? — Наташа вытащила из сумочки заранее приготовленную фотографию, на которой она стоит вместе со всеми «патрулями», — Я такие фотографии всем хорошим людям дарю... Здесь я с ребятами.

— Ой, спасибо... — Милена смотрела, как Наташа расписывается на обратной стороне.

— Я вам написала свой номер телефона, вдруг захотите сходить на концерт, мой или «Ночного патруля»... Вы не стесняйтесь, звоните, хорошо?

— Хорошо, — приняв фотографию, она сразу уставилась на Журавлёва, — может быть...

* * *

Поднимаясь по лестнице на свой второй этаж, Милена ощущала, как с каждой пройденной ступенькой всё громче стучит сердце... Последний раз она была здесь год назад.

— Если бы вы знали, Милена Владимировна, как нам не хочется съезжать, — жилица, женщина лет тридцати пяти, с мольбой в глазах смотрела на хозяйку квартиры, — и мне до работы недалеко, и сыну в школу близко... И цена нас устраивает. Мы вот уже месяц пытаемся найти равноценный вариант, но — увы...

— Ну, хорошо... — раздевшись, Милена прошла в комнату, — Я продлю вам ещё на недельку, чтобы вы успели найти что-нибудь подходящее.

Побыв недолго в своей квартире, Милена отправилась на окраину города, где жила её двоюродная тётка.

— Ой, Милечка! — пятидесятипятилетняя дама радостно обняла племянницу, — А почему ты не позвонила?! Ну, проходи, дорогая, проходи...

— Я хотела позвонить завтра, — раздевшись в прихожей, Милена прошла следом за тётушкой на кухню, — но мои жильцы уговорили меня продлить им срок ещё на неделю, я и решила приехать к вам. Не прогоните?

— Ну, что ты, что ты... — явно молодящаяся женщина всплеснула ухоженными руками, — Как же я тебя прогоню?! Прходи, сейчас ужином тебя накормлю...

— Вы прямо помолодели, тётъ Лида, — Милена восхищённо прицокнула языком, глядя на стильную причёску и довольно короткий халат родственницы, — хоть замуж отдавай...

— Ну, уж прям и замуж, — та слегка смутилась, суетясь у плиты, — за кого тут выходить-то?

— Да ладно, — рассмеялась племянница, — мужчины ещё не перевелись.

— Ну, не перевелись, конечно... — снова смутилась Лидия, — Ты присаживайся, сейчас я всё разогрею...

— Да вы не беспокойтесь, я не с пустыми руками, — вернувшись в прихожую, Милена взяла полиэтиленовый пакет с продуктами, которые она купила по дороге, — Вот, принесла с собой кое-что...

Ужин был в разгаре. Рассказав все новости о своих двоих сыновьях и их семьях, тётушка пристально уставилась на племянницу.

— Ну, а ты как, Милечка? Ты ведь не просто так приехала?..

— Я с мужем развелась, тётъ Лида, — подперев ладошкой лицо, та смотрела, как в чашке свежесваренного чая растворяется кусочек рафинада.

— Ай-яй-яй-яй... — Лидия не успела продолжить свою речь, как раздался дверной звонок. Поспешно встав, она буквально выскочила в прихожую.

— Привет... — до Милены долетел звук поцелуя и шелест целлофана.

— Ой, привет... — как-то жеманно произнесла Лидия, — спасибо, дорогой...
Раздевайся...

— Добрый вечер...

— Здравствуйте... — подняв глаза на вошедшего, Милена удивлённо застыла: перед ней стоял довольно молодой мужчина, лет тридцати восьми — сорока, хорошо одетый, с короткой стрижкой и небольшими, аккуратными усиками на круглом лице.

— Вот, Милечка, познакомься, Виктор Иванович, — Лидия, с букетом в руке, появилась

сзади гостя, — мой друг.

— Можно просто Виктор, — мужчина галантно улыбнулся.

— Очень приятно, Милена, — догадываясь об истинной цели визита тётушкиного кавалера, Милена понимающе улыбнулась.

— Проходи, Витя, присаживайся... — не скрывая своего смущения перед племянницей, Лидия придвинула Виктору стул.

Познакомившись с новым поклонником тёти Лиды, Милена и сама почувствовала себя неловко. Квартирка у тётки была небольшая, в одну комнату с кухней, и предполагаемый ночлег мог поставить под угрозу тётушкино счастье. По всему было видно, что Лидия откровенно влюблена. Разница в возрасте лет в пятнадцать, судя по всему, её мало смущала, чего нельзя было сказать о госте. Увидев Милену, мужчина весь вечер не сводил с неё жгучих глаз, так, что она почувствовала внутренний дискомфорт. Заметив, как Лидия начинает нервничать, племянница решительно встала из-за стола.

— Ну, тётъ Лида, рада была вас увидеть, — направляясь в прихожую, Милена пыталась изобразить веселье, — мне уже пора.

— Так куда ты, Милечка? — несмотря ни на что, тётушка искренне встревожилась за племянницу, — Тебе же негде ночевать!

— Почему негде? — она и вправду с трудом представляла, куда она сейчас пойдёт, но мешать чужому счастью совершенно не хотелось, — Мне есть, где ночевать, это я по вам соскучилась, вот и приехала сразу же!

— Ну, как же так... — Лидия растерянно наблюдала, как Милена одевается, — Ну, если есть где, то другое дело...

— Есть-есть, не беспокойтесь! — чмокнув тётушку в нарумяненную щёку, Милена улыбнулась, — Я на днях забегу!

«...Ну, вот, вернулась домой, называется», — усмехнулась она про себя, устраиваясь в недорогом гостиничном номере на одну ночь. Были ещё школьные подруги, но, понимая, что у каждой давно семья, она даже и не помышляла о том, чтобы заявиться к кому-нибудь из них с поздним визитом.

Решив, что завтрашний день она начнёт с поиска работы, Милена вздохнула и, свернувшись в постели клубочком, закрыла глаза...

Перенести болезнь на ногах не удалось — несмотря на все сопротивления, уже на следующий после возвращения вечер, вызванная Настей скорая увезла Журавлёва в стационар.

«А что вы хотите? — доктор в приёмном покое пожал плечами, — Двусторонняя пневмония сама по себе не проходит. Я вообще удивляюсь, как вы продержались без врачебной помощи целую неделю».

Оказавшись в отдельной палате, Женька сразу вкусил все прелести больничной жизни — антибиотики шесть раз в день, пузырьки с таблетками, постельный режим и бесконечные звонки...

Настя, которая всё ещё не могла отойти ни от переживаний в связи с их захватом, ни от его неожиданного предложения руки и сердца, теперь всё своё свободное от работы время проводила у него в палате, уезжая лишь для того, чтобы принять дома душ, «сходить на работу» и приготовить что-нибудь вкусненькое для больного. Так как работала она лишь три вечера в неделю, можно было смело утверждать, что живёт она теперь в больнице.

Журавлёв, чувствовавший себя поначалу очень плохо, спустя полторы недели вполне оправился и стал слегка тяготиться её заботой — молоденькие медсёстры то и дело заглядывали в палату, и он был совершенно не против обратить на некоторых своё мужское внимание. Наконец, уговорив Настю, что ей нужно отдохнуть, Женька приготовился провести целый день в относительном одиночестве — без её бдительного ока.

— Привет... — выкрашенные в чёрный цвет волосы закрывали половину девичьего лица, заглянувшего в двери.

— Привет, — отложив планшет, Журавлёв слегка усмехнулся, — ты меня и тут нашла?

— А чего тебя искать? — Ленка улыбалась во все тридцать два зуба, — Если вся больница в указателях «к Журавлёву»...

— Серьёзно, что ли?

— Да ладно, — девушка рассмеялась, — шучу! Ты забыл, кто я? Тебя ещё до больницы не довели, а я уже знала, в какой палате ты будешь лежать.

— Ну, если ты такая осведомлённая, скажи, когда меня отсюда выпишут?

— Ещё с недельку полежишь! — Ленка кивнула сама себе, — Это как минимум. А что?

— Да надоело уже, — Женька полулежал на кровати, откинувшись на спинку и подложив правый локоть под голову, — домой охота. Да и ребята без меня остались.

— Ничё, там ваш Морозов сейчас на клавишах, — Ленка махнула рукой, — мы вчера с Марой и Птахой вечером в «О-Зоне» отрывались, видели твоих.

— Ну, и как?

— Да ничё, нормально. Птаха только в расстроенных чувствах.

— Чего так?

— Так Мороз по сцене не бегал, как обычно, стоял за клавишами с микрофоном. Она же за ним умирает, особенно, когда он близко к краю подходит.

— Апельсин хочешь? — Женька кивнул на тумбочку, на которой в вазе лежали апельсины и яблоки.

— Не-а, — девчонка весело замотала головой и подняла в вытянутой руке полиэтиленовый пакет, — не хочу. Я сама тебе тут принесла...

— Забирай назад, — Журавлёв нахмурился, — мне ничего приносить не нужно.

— Ты же больной, — она невозмутимо выложила на тумбочку коробку сока и пакет с пирожными, — тебе положено носить передачи.

— Передачи в тюрьму носят, — пробурчал Женька, — а больным гостинцы. Но это не мой случай. Забирай...

— Не-а, — повторила она, — я и так еле дождалась, когда к тебе можно будет прийти...

— Укольчик, — дверь отворилась, и девушка в салатовом медицинском костюме стремительно вошла в палату. Остановившись напротив больного, она, улыбаясь, перевела взгляд на посетительницу. Одновременно с ней посмотрев на Ленку, Журавлёв весело кивнул ей на дверь. Хмыкнув, та просеменила через палату и скрылась в коридоре.

— Слушай, Оксан, может, куда-нибудь в руку уколешь? — не торопясь переворачиваясь, Женька вопросительно уставился на медсестру.

— Ложимся на животик, — всё так же улыбаясь, проворковала она, смачивая клочок ваты в бутылочке со спиртом.

— На животик, так на животик... — нехотя меняя позу, Журавлёв не сводил глаз с аппетитной части тела девушки, — Слушай, а что, вы теперь халатов совсем не носите?

— В нашем отделении — нет, — она ловко воткнула иглу в мышцу «ниже спины».

— А жаль... — он с сожалением покачал головой, — В халате мне больше нравится... В коротком...

— В коротком халате я хожу дома, — кокетливо улыбаясь, Оксана вытащила опустевший шприц, — Если это кого-то интересует...

— Дома... Дома это уже проблемно, — поправив шорты, Журавлёв снова сел на кровати, — Дома обычно родители, мужья там всякие...

— А я не замужем, — взявшись за ручку двери, медсестра стрельнула глазками, — и живу отдельно.

— Жаль... — он развёл руками, — после выписки я уже себе не буду принадлежать. Гастроли, репетиции, съёмки...

— А что, проблема только в халате?..

— Проблема только в обоюдном согласии, — подойдя к ней, Журавлёв недвусмысленно провёл рукой у неё вдоль спины. Ну, во времени, может быть...

— Через час у меня пересменка, — девушка непроизвольно подалась ему навстречу, — а потом я свободна...

— Ну, Оксан, это несерьёзно, — прижимая её к себе всё крепче, Женька перешёл на своё обычное в таких случаях мурчание, — я же творческий человек... Вдохновение нужно ловить сразу, или оно больше не придёт...

— Врачи уже ушли... — закусив губу, она слегка улыбалась, — Вдруг, кто из посетителей войдёт?

— Да ладно... — ещё раз стиснув её в объятиях, он выглянул в коридор.

Ленка сидела на диванчике напротив двери в палату. Присев рядом, Женька взял в руку её ладошку.

— Слушай, Лен, ты мне друг?

— Чё, покараулить, пока ты с этой толстозадой... — она ехидно усмехнулась.

— Да ладно тебе, — засмеялся Журавлёв, — минут десять посидишь тут? Если кто придёт, скажи, что у меня процедура...

— А чё, других вариантов нет? — Ленка обиженно опустила глаза.

— Ну, Лен, — он приобнял её за плечи, — у нас с тобой ещё всё впереди, а тут — лови момент...

— Ты же женишься, — снова съехидничала девчонка.

— Женюсь, — он охотно кивнул, — но организму пофик мои планы... Ну, что, договорились?

— Вали, — демонстративно отвернувшись, Ленка поджала губы.

— Я знал, что ты настоящий друг, — сжав напоследок её плечи, Женька обаятельно улыбнулся и, поднявшись, скрылся за дверью палаты.

Закинув ногу на ногу, Ленка скрестила на груди руки и исподлобья уставилась на захлопнувшуюся за Журавлёвым дверь. Ей стоило огромных трудов узнать, в какой палате лежит её кумир, и не меньших трудов попасть в эту самую палату — охранник на входе пропускал только тех, кого Журавлёв указал в списке предполагаемых гостей.

Поклонниц у всех участников группы было предостаточно, но самыми активными были они с Марой, да вот ещё недавно присоединившаяся к ним Наташка-Птаха... Вот уже почти полгода, как они посещали все концерты, ездили следом за музыкантами на все выступления в радиусе пятисот километров — на более дальние расстояния «патрули» обычно летали самолётом, а таких денег у девчонок, естественно не было. На открытии «Творческой деревни» Маре с Ленкой повезло — им удалось близко познакомиться с Говоровым и Журавлёвым. На серьёзные отношения девчонки не рассчитывали: не унывая, они были полны надежд восполнить свои порывы сопровождением на ближние гастроли, если повезёт — общением в гостиницах, а так же «случайными» встречами — вот как сейчас, в больнице...

— Привет, — Ленка достала из кармана звонящий телефон, — Чё?.. Не, я сегодня не смогу... Я в больнице... Да у Женьки! Да я и так столько ждала, пока его подруга свалит... Не, Птах, не смогу... Ой!.. — внезапно уставившись в даль коридора, Ленка перешла на громкий шёпот, — Слышь меня?! Тут т в о й!.. Сюда идёт!.. Ага... Подъезжай, если чё, я звякну, когда выйдет... Только это... Слышь?! Он не один... Да, со своей...

Не сводя глаз с Морозова, который вместе с Наташей приближался к Женькиной палате, Ленка вскочила им навстречу:

— Здрасьте!

— Привет, — удивлённо усмехнулся Дима.

— Вы — сюда? — кивнув на дверь, девчонка встала у них на пути.

— Вообще-то да, — Морозов не переставал улыбаться уголками губ.

— А туда пока нельзя...

— А почему?

— У него процедуры...

— Какие процедуры? — теперь удивилась Наташа.

— Медицинские, — тут же нашлась Ленка.

— Понятно... — произнесла Наташа, провожая взглядом выскользнувшую из Женькиной палаты медсестру, — Я почему-то так и подумала...

* * *

Сидя в гостиной Морозовых-старших, Алиса исподлобья смотрела на экран телевизора. Вот уже третью неделю она была «на подхвате» в обеих семьях, что ей совершенно не нравилось. Пока болела Анна Сергеевна, ей приходилось ходить по магазинам, готовить под тётушкиным руководством, пылесосить, мыть посуду и заниматься прочими домашними делами. Собственно, самих дел было немного, большая часть времени всё же оставалась свободной, и она надеялась в скором времени попасть в Димкину «Творческую деревню», но неожиданно возникли новые препятствия. Происшествие с группой получило очень большую огласку, и неожиданные предложения о выступлениях, участиях в рекламных акциях и других мероприятиях посыпались одно за другим. При чём, внимание пало не только на «Ночной патруль», оно пало и на Наташу — её имя постоянно мелькало рядом с именем Дмитрия Морозова, чему способствовали и её незаурядный талант, и незаурядная внешность, и их с Димкой совместная творческая деятельность. Звонок от одного из центральных музканалов с предложением снять фильм о «Ночном патруле» стал сигналом к серьёзным приготовлениям, и теперь не только Дима, но и Наташа постоянно уезжали в «Творческую деревню», оставляя маленькую Анечку на Алису. Анна Сергеевна чувствовала себя уже хорошо, но Наташа не хотела нагружать свекровь лишними хлопотами, и, отводя по вечерам детей к Морозовым-старшим, все наказания оставляла Алисе. Скрепя сердце, девушка послушно кивала, в душе злясь на Димкину жену. Обещая в скором времени найти для детей няню, Наташа в благодарность заваливала Алису нарядами и бижутерией, которых у неё было в избытке.

Но не только домашние обязанности тяготили рыжеволосую родственницу. Её планы на Журавлёва терпели полный провал: после возвращения он серьёзно заболел, и вот уже сколько времени находился в больнице, куда для неё вход был закрыт...

— Алиса, идём ужинать! — Анна выглянула из кухни, — Я всё разогрела. И дядю Сашу позови, а то он уже, наверное, задремал.

Окликнув Александра, который, и действительно, уже дремал в своей спальне, Алиса направилась следом за Анной.

— Что бы я без тебя делала, — Анна Сергеевна улыбнулась девушке, — ты мне так помогаешь...

— Ой, тётя Аня, — Алиса притворно махнула рукой, — что я там помогаю. Не выдумывайте.

— Ничего я не выдумываю. Вот сейчас просто разогрела ужин, и всё... А так пришлось бы готовить.

— Мне это не тяжело, наоборот, только в удовольствие, — присаживаясь за стол, Алиса смиренно опустила глаза.

— Если честно, я очень устала в последнее время, — Анна покачала головой, — в лицее нагрузку увеличили, а возраст даёт о себе знать.

— Да какой у вас возраст?! — Алиса вытаращилась на тётушку, — Вы отлично выглядите! Если бы я вас не знала, то подумала бы, что вам лет сорок, не больше.

— Спасибо, — Анна расплылась в улыбке, — если бы сорок... Да здоровья побольше.

— Это у вас от переутомления, тётя Ань, — положив локти на стол, Алиса подняла на Анну зелёные глаза, — но ваша работа тут ни при чём.

— А что при чём? — в ожидании супруга Морозова выглянула в дверной проём, — Работа и при чём, Алисонька. Да вот ещё этот кошмар, что мы пережили...

— Нет, — Алиса отрицательно замотала головой, — не работа. Вы устаёте дома. Конечно, Димка очень занят, он вообще — талант!.. Но, если честно... — она помолчала какое-то время, потом, как бы собравшись с духом, снова посмотрела на Анну, — Если честно, на вас просто повесили внуков.

— Ну, как это повесили, — пожалала плечами Анна, — мы ведь живём одной семьёй, а дети занимаются творчеством... Если бы я не видела, какой у них потенциал...

— Да... Димкой я просто восхищаюсь! — Алиса подняла взгляд куда-то вверх, — Это такой талант, что мне даже не верится, что он мой брат!

— Да, Дима очень талантливый, — Анна довольно кивнула, — знаешь, ведь ни я, ни Саша к музыке никогда не имели никакого отношения, и я раньше всё удивлялась — ну, откуда у него всё это?! А потом я случайно узнала, что в моём роду по отцовской линии был не один композитор.

— А раньше вы не знали о своих родственниках?

— По отцовской линии — нет... — Морозова покачала головой, — Дело в том, что мой отец в войну потерял своих родителей, и очень долгое время ничего не знал о своём происхождении, кроме имени и фамилии. Сначала он искал мать и отца, но безуспешно, и только несколько лет назад я получила ответ на его запросы, уже после его смерти... Так вот, оказалось, что моя бабушка была пианисткой, а дед — и певцом, музыкантом, и композитором. Они жили в Ленинграде, и погибли при бомбёжке. Их талант передался только через два поколения — он весь воплотился в Диме... И, я так понимаю, что и Валера унаследовал их музыкальный дар. Представляешь, он уже в два года пытался играть на фортепьяно, при чём, он не просто нажимал на клавиши, а именно играл — что-то своё, неосознанное, но играл, а не баловался.

— Да, я и это заметила, — с готовностью кивнула Алиса, — он очень похож на Диму... И именно от Димки он и перенял свой талант.

— Не только. Наташа тоже очень талантливая. Знаешь, я ведь была против их брака... Дело в том, что у Димы была невеста... — Анна едва не произнесла имя Кристины, но решив, что не стоит называть его при Алисе, промолчала, — Но у них не сложилось, и вот тогда он и привёл к нам Наташу.

— Ну, она, конечно, талантливая... — как-то странно пожалала плечами Алиса, — Но не настолько, чтобы всё бросать на ваши плечи. Вы извините меня, тётя Аня, но я долго молчала... Я ведь всё вижу, и я вам скажу... Наташа могла бы спокойно пересидеть дома, пока не подрастут дети, и не бросать их на вас. Без неё искусство бы точно обошлось. Это я вам честно говорю... Мне просто очень жалко вас.

— Спасибо тебе за заботу, Алисонька, — улыбнулась Анна, — я, конечно, не могу судить о Наташином таланте объективно, может, искусство без неё бы и обошлось... но... что уж теперь говорить. Теперь они с Димой в одной упряжке.

— Да, я понимаю, — Алиса изобразила грусть, — но мне вас очень жалко. Вам бы сейчас спокойно пожить, а у вас в доме постоянное движение — то они прибежали, то убежали... То у себя ночуют, то у вас... Ой!.. — как бы опомнившись, она испуганно прикрыла ладошкой рот, — Простите меня, тётя Аня!.. Я не имела в виду что-то плохое, правда... Я только переживаю за вас!

— Ну, что ж поделаешь, — Анна развела руками, — конечно, иногда хочется тишины и покоя, но... Это же дети. Валеру мы вырастили чуть ли не с первого дня, Анечка тоже всё время с нами. А тебе — спасибо. Ты очень добрая девочка...

— Мне уже так хочется в Димину «деревню»... — Алиса потупила глаза, — Скорее бы они нашли няню.

— Завтра я поговорю с Наташей, — Анна нахмурилась, — конечно, это не дело, сами пригласили тебя остаться, и усадили дома со своими детьми...

— Ой, что вы, — девушка изобразила смущение, — я же не в том смысле...

— Зато я — в том, — отрезала Анна, — и ты правильно сделала, что напомнила мне об этом.

— Я нечаянно, правда... — Алиса подняла на тётушку умоляющий взгляд, — Пожалуйста, не говорите ничего Наташе, а то она неправильно поймёт... Или снова будет звать свою сестру, а этого делать не нужно...

— Почему? — Анна удивлённо посмотрела на племянницу.

— Ой... — та снова махнула рукой, сделав вид, что проговорила нечаянно, — Я не хотела говорить...

— Что ты не хотела говорить?

— Да я даже не знаю... Может, мне просто показалось...

— Алиса, если ты что-то скрываешь, то я тебя прошу всё рассказать. Дело касается моих внуков... Или ты имела в виду что-то другое?

— Внуков?.. Ну, да, и это тоже...

— Господи, Алиса, не томи, говори, как есть!

— Просто эта Алина... Я немного понаблюдала за ней... Она любит рыться в их вещах... Понимаете? В комоды, в тумбочках, даже в Димкиных ящиках... — Алиса говорила как бы нехотя, с долей смущения, — Вы не подумайте, я не нарочно подглядывала за ней, но она даже не стесняется меня.

— Да... Это, конечно, не очень деликатно со стороны Алины, — Анна покачала головой, — это, в первую очередь, признак плохого воспитания. Хотя, многие молодые девушки страдают этим.

— А ещё... ещё она много болтает... Мне много чего рассказала, я представляю, что она своим знакомым рассказывает про Диму...

— А почему именно про Диму?

— Не знаю... Но она не очень хорошо о нём отзывалась... Ой... — ладошка снова прикоснулась к губам, — Я совсем не хотела вам ябедничать!

— Ничего страшного, — Анна кивнула, — ты ведь не постороннему человеку рассказываешь... И, потом, как бы я узнала, что от этой девочки нужно держаться подальше... Хотя, вот нужно было остаться с детьми — она согласилась.

— Я сейчас вас, наверное, напугаю... Но всё равно скажу, — Алиса поджала губы, — Я бы больше не оставляла с ней Аню. Во-первых, она не умеет варить смесь. И не то, что не умеет... Она не хочет учиться! Я сделала ей замечание, что каша получилась слишком жидкой, но она махнула рукой... Боюсь, Анечка тогда осталась голодной...

— Почему же ты мне ничего не сказала?! — Анна схватилась за сердце, — Алиса, такие вещи нужно говорить сразу, это же ребёнок!..

— Вы болели, я просто не стала вас огорчать... А потом пришёл Дима, и она ещё раз накормил Аню, видимо, совесть проснулась, так что тогда всё обошлось. Да она и подгузники менять не любит. Если бы не я...

— Да... — Анна Сергеевна задумчиво барабанила пальцами по столу, — вот что значит, нет никакого контроля... Если бы не моя болезнь!.. А ты — молодец, я тебе очень благодарна, что ты мне всё рассказала. Я понимаю Наташу, что она всё прощает своей сестре, но ведь дело касается грудного ребёнка!..

— Вот и я так же подумала...

Поджав губы, Анна озабоченно смотрела куда-то перед собой.

— Девочки, а почему меня никто не будит на ужин? — Александр Иванович показался в дверях кухни.

— Ой, Саша, а мы тут заболтались... — Анна поспешно встала и направилась к плите.

— Тётя Аня, я всё сделаю сама! — Алиса стремительно опередила тётушку, — А вы сидите!

— Саша, ты не представляешь, какая у нас замечательная племянница! — повернувшись к мужу, Анна приложила руку к груди, — Я и представить не могу, как бы я теперь обходилась без её помощи!

— А я что говорил? — Морозов развёл руками, — Находка!

* * *

На очередное выступление в один из городских ночных клубов Наташа собиралась без настроения. Дима, по каким-то своим собственным соображениям, прочно «прикрепил» к ней в качестве звукорежиссёра Андрея Пороха, и на все её возражения отвечал твёрдо и коротко: «Не капризничай».

На первый взгляд, её несогласие, действительно, было похоже на обыкновенный каприз: Порох был очень грамотным звукорежем, именно «клубным», и, если бы не его пристрастие к алкоголю, он до сих пор бы работал в одной, известной всей стране, группе. Музыканты этой группы тоже не чуждались застолий и возлияний, но то, как это делал Андрей, повергало в шок даже бывалых запойных «рокеров». После того, как ему пришлось уйти из прежнего коллектива, он работал с другими исполнителями, но недолго — страсть к алкоголю брала своё. Год назад, решив «завязать» окончательно, он какое-то время ещё пытался устроиться в известные коллективы, но прежняя репутация мешала этой затее. Он уже было снова чуть не подсел «на стакан», но тут его подобрал Морозов — по рекомендации знакомого музыканта. Придя в «Ночной патруль», Порох никак не мог избавиться от былой «звёздности» — новый коллектив был довольно популярным, но это

была совсем не та популярность, которую имели его прежние коллективы. Считая себя достойным более высокого уровня, новый звукореж довольно скептически относился к творчеству «патрулей». Какое-то время он старался этого не показывать, но вскоре почувствовал, что его собственный внутренний конфликт только разгорается. Он всё чаще и чаще спорил с Михаилом — студийным звукорежиссёром, с которым ребята работали ещё в «Кри-Старе», пытаясь «учить» нерадивого, по его мнению, звукача, на что спокойный от природы Миша только посмеивался. Последней каплей «терпения» Пороха стало привлечение Морозовым ещё одного звукорежиссёра — Сергея Весницкого, у которого был большой опыт работы на открытых площадках. Тот сразу и прочно влился в коллектив, чем вызвал жгучую творческую ревность у Пороха. В последнее время Андрей снова стал «употреблять», но старался держаться, ограничиваясь несколькими рюмками. Правда, с каждым разом ему становилось труднее и труднее контролировать себя, и в гастрольной поездке с Наташей он «расслабился» на всю катушку.

Проявив «внимание» к красивой девушке, Порох имел своей целью не только приятное времяпровождение. Он никак не мог простить Морозову последние гастролы с «Ночным патрулём», когда он был вынужден вместе со всеми отказаться от своего гонорара в пользу больного ребёнка. Виня во всём Морозова, Порох очень хотел хоть как-то отомстить, ну, хотя бы флиртом с его женой... Флирта не получилось, но он с каким-то удовлетворением согласился работать с Наташей и дальше.

Чего нельзя было сказать о самой Наташке.

Ане только что исполнилось пять месяцев, и молодая мама окончательно вернулась на сцену. Все недели были расписаны — выступления в клубах, на корпоративных мероприятиях, кроме всего прочего ей предстояло сняться в нескольких клипах на новые песни, но самое главное — впереди была подготовка новой клубной шоу-программы, которая по всеобщему мнению причастных людей должна была принести огромный успех. Единственное, что огорчало её в этой ситуации — неопределённость с детьми... Анна Сергеевна окончательно поправилась, и за Валерика Наташа была спокойна. От Ани свекровь тоже не отказывалась, но тут уже сама Наташа не хотела нагружать бабушку, и по привычке просила посидеть с маленькой дочкой Алису, пока Анна Сергеевна в довольно жёсткой форме не отчитала их с Димой...

«Вы что, из девочки решили сделать няньку?!» — Наташка даже не ожидала такой реакции и, пообещав, что это «в последний раз», уехала выступать в смятённых чувствах...

На упоминание об Алинке Анна Сергеевна ответила не менее жёстко. «Наташа, ты не обижайся, но я против. Алина — девочка хорошая, но она слишком молодая, к тому же вы сейчас люди очень популярные... Поверь моему опыту — в такой ситуации родственники хуже чужих людей... Мне кажется, не стоит привлекать Алину».

«Но почему?!» — никак не могла понять Наташа.

«Потому, что чужого человека легче поставить на место. Со своими намного сложнее...»

Не став спорить, Наташа расстроилась. Во-первых, чужим людям страшно доверять своего ребёнка. А, во-вторых... во-вторых, ей показалось странным, что, отстраняя Алинку, Анна безоговорочно доверяла своей племяннице — Алисе, как будто родственные связи на неё не распространялись.

Решив, что с Анной Сергеевной лучше не вступать даже в малый конфликт, она «в последний» раз оставила Анечку на неё и Алису, окончательно решившись с завтрашнего дня заняться поисками няни.

Перспектива присутствия Пороха на её выступлениях окончательно испортила настроение... Молодой мужчина был ей неприятен, и его недвусмысленные намёки в их прошлой поездке никак не добавляли оптимизма... Наташа не могла рассказать обо всём Димке, просто в силу своего характера — не могла.

— Андрей, в чём дело? — пользуясь небольшим перерывом, пока подтанцовка исполняла «go-go», Наташа подошла к Пороху.

— Что случилось, малыш? — он поднял на неё довольно невинный взгляд.

— Ты что, сам не слышишь?!

— Нет, а что?..

— Ты меня слышишь?

— Конечно...

— Ты хочешь сказать, что слышишь вокал?

— Да в чём проблемы, Наташ? — со стороны он и в самом деле казался искренне непонимающим, о чём она говорит.

— Андрей, в зале меня не слышно!

— Малыш, тебе это кажется, — улыбнувшись, он наклонил голову вбок, — просто колонки, которые выведены на голос, стоят впереди тебя...

— Я что, в первый раз тут выступаю? Я что, не знаю, как идёт звук?! — в её взгляде была и обида, и отчаяние, и бессилие от того, что она понимала — это не просто техническая накладка... Это — месть.

— Наташенька, не усложняй, — он всё так же улыбался ей в глаза, — народ пляшет, все довольны...

— Народ пляшет под минусовку, а меня никто не слышит!

— Да какая тебе разница-то? — рассмеялся Порох, — Слышат тебя, или не слышат...

Ты же не Бьорк, в конце концов, и не Милен Фармер. Гонорар заплатят, чего переживать?

— Андрей, я пою живую! Я выкладываюсь, а меня никто не слышит!

— Зачем ты поёшь живую? — он говорил с ней, как с маленьким ребёнком, — Ну, кому это нужно? Даже звёзды первой величины давно работают под фанеру, а ты далеко не звезда первой величины...

— Знаешь, кто ты?.. — Наташка смотрела на него в упор, — Сказать?

— Ну, скажи...

— Сделай нормальный звук, — сделав над собой усилие, она не стала говорить обидных слов.

— Пожалуйста... — он поправил бегунки на микшере, — Как скажешь.

Она не удивилась, когда, запев, поняла, что он сделал — на фоне очень тихого музыкального сопровождения вокал теперь звучал очень громко. Кое-как исполнив песню, Наташа снова ушла со сцены.

— Ты что, издеваешься?! — подойдя к Пороху вплотную, она была готова чем-нибудь стукнуть наглого звукорежа.

— Издеваешься ты, — он скользнул по ней насмешливым взглядом, — ты бы определилась, чего хочешь, а потом предъявляла претензии.

— Я петь не буду, пока ты не отрегулируешь звук.

— Объясняться с артдиректором тоже будешь ты.

Кое-как отработав программу, Наташа вернулась домой почти в слезах. Дима с ребятами работали в этот вечер на другой площадке, и вернулись позже. Решив не нагружать его на ночь, Наташка ничего не рассказала ему о своём сегодняшнем неудачном выступлении. Утром он уехал в студию, и она зашла на городской портал объявлений.

«Услуги няни» — она перечитала уже не одно объявление в этом разделе, но так и не решилась никому позвонить.

— Наташ, что у вас вчера случилось? — Димкин звонок прозвучал ближе к обеду, — Андрей сказал, что ты вчера к нему придиралась, капризничала...

— Это он тебе так сказал?

— Ну, да. Что произошло?

— Это не телефонный разговор, Дим.

— Тогда приезжай, ты мне нужна здесь. Скоро танцоры подойдут, я хочу, чтобы ты тоже поприсутствовала.

— А куда я дену Аню? Анна Сергеевна на работе, Алиса уехала с тобой.

— Вот чёрт... забыл... — он на какое-то время замолчал, — Слушай, Наташ, ну, это уже несерьёзно. Ты же знала, что тебе сегодня нужно в студию. Позвони Алине...

— С Алиной не получится...

— Почему?

— Неважно.

— Наташа, ну, что за загадки?!

— Дим... Я приеду, но позже. Анну Сергеевну дождусь, хорошо?

Дождавшись, пока свекровь придёт с работы, она виновато попросила посидеть её с внучкой.

— Ну, что там у вас с Порохом случилось? — сходу спросил Дима, как только она появилась в аппаратной.

— Я не буду с ним работать.

— Почему?

— Вчера он запорол звук.

— Это ты сама так решила?

— Дим, — она удивлённо смотрела на мужа, — я тебя не совсем понимаю. Порох вчера откровенно сорвал мой концерт. А ты мне не веришь...

— Я звонил Костюку, тот сказал, что всё прошло нормально...

— Костюка там и близко не было! Дима, полный танцпол, все под кайфом, может, им и непонятно было, но я-то знаю, что меня они не слышали! А потом Андрей дал голосовой канал на всю катушку, а минус практически убрал...

— Наташка, я не знаю, что там у вас произошло, но ты — единственная, кто остался недоволен. Порох — звукач высшего класса, у него не должно быть таких косяков.

— Ну, значит, это мой косяк, — резко развернувшись, Наташа вышла из аппаратной.

В репетиционной ещё никого не было, и она, не включая свет, присела на стул и расплакалась. Было очень обидно, что Дима ей не поверил. Такого ещё никогда не было, и она не знала, как объяснить его упрямство.

— Так... тут тоже никого?.. — заглянув в помещение, Журавлёв сначала её не заметил.

— Привет, Жень, — вытерев мокрые глаза, Наташа обернулась к нему.

— О, Наташка! — он обрадованно шагнул вперёд, — Ты чего в темноте сидишь?

— Да так... — она тоже обрадовалась Журавлёву, которого только вчера выписали из больницы, — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — он щёлкнул выключателем и подошёл к ней, — ты чего, плачешь? Наташка?!

— Ага... — кивнув головой, она не стала отнекиваться.

— Что случилось?! — заглядывая ей в лицо, Женька тревожно нахмурился, — Кто тебя обидел?

— На меня Димка наорал... — она снова шмыгнула носом.

— Да ну... — Женька недоверчиво скосил глаза, — Не поверю.

— Ага... — Наташка вздохнула, — Правда...

— А за что? — подвинув другой стул, он присел рядом.

— А, неважно... — ещё раз проведя ладонью по лицу, она вздохнула, но уже спокойнее, — Ерунда всё.

— А хочешь, я тебя рассмешу?

— Ну, давай, попробуй... — улыбнулась Наташа.

— Я женюсь.

— Серьёзно?! — не сдержавшись, она, действительно, рассмеялась.

— Ну, вот, видишь, рассмешил.

— Нет, Жень, правда?!

— А разве Настя не сказала ещё тогда, когда мы в заложниках были?

— Нет... — Наташа покачала головой и, всё так же улыбаясь, чуть склонила голову, — Не сказала.

— Наверное, сама не поверила, — хмыкнул Женька, — ну, неважно. Значит, ты — первая, кто об этом узнал.

— Поздравляю, — она встала, но сказать больше ничего не успела — дверь неожиданно открылась, и на пороге показалась Алиса.

— Здравсьте... — девушка с интересом обвела взглядом Наташу и Журавлёва, которые, с застывшими улыбками на лице, повернулись к ней одновременно.

— Привет... — коротко поздоровавшись, Женька чуть нахмурил тёмные брови.

— Наташ, там Дима тебя зовёт, — не сводя глаз с Журавлёва, произнесла Алиса.

— Хорошо, иду, — направляясь к выходу, Наташка ещё раз обернулась к Женьке, — ещё увидимся!

— А куда мы денемся?.. — он снова улыбнулся ей в ответ и, дождавшись, пока за ней закроется дверь, уставился на зеленоглазую неожиданную гостью, — Какими судьбами?

— А такими... — она не спеша подошла к нему почти вплотную, — Я теперь здесь

Когда Наташа вернулась в аппаратную, то застала мужа за компьютером.

— Наташ, послушай вот этот трек... — не оборачиваясь, произнёс Дима, одной рукой подавая ей наушники.

Молча надев их, она стояла в ожидании музыкальной роковой композиции, но совершенно неожиданно услышала звуки скрипки...

«Наташка моя... — Димкин голос звучал не менее неожиданно, — Я хочу, чтобы ты знала... Даже если я на тебя накричал, я всё равно тебя очень люблю... И, даже если ты на меня всё ещё обижаешься, я всё равно тебя очень люблю...»

— Ну, как? — сняв с неё наушники, он обхватил её руками, — Что скажешь?

— Чего-то не хватает, — едва улыбаясь уголком губ, она бросила на него карий взгляд.

— Ты тоже заметила? — он ещё сильнее сжал объятия и, наклонившись, слегка тронул губами её губы, — И, что?

— Что?.. — шёпотом переспросила Наташа.

— А вот что... — неожиданно приподняв её, он шагнул в тон-зал.

Не успев и глазом моргнуть, Наташа оказалась в закрытом помещении — поставив её на пол, Димка так же молниеносно выскочил назад и повернул в дверях ключ. Присев напротив стеклянной перегородки, взял в руки микрофон...

— Пока не скажешь кодовую фразу, дверь не открою, — услышала она из динамика.

Она с минуту смотрела на него сквозь стекло... Потом подошла к микрофону.

— Я тоже тебя очень люблю...

С тех пор, как Милена вернулась в родной город, прошло уже больше двух недель, а найти работу так и не удалось. Вернее, работа была, но заработной платы, которую предлагали воспитателям в муниципальных детских учреждениях, вряд ли могло хватить на достойное существование, а устроиться в частный детский сад без знакомств оказалось делом практически нереальным. Если бы она могла и дальше сдавать квартиру жильцам... Но, в этом случае, ей самой негде было бы жить.

Тем не менее, она снова продлила им срок — ещё на месяц, в основном из-за денег. Сбережений у неё было немного, поэтому каждая копейка была на счету, а до первой зарплаты было ещё очень далеко. Выручила всё та же тётя Лида. «Миля, моя приятельница уезжает в санаторий на двадцать один день, но ей не с кем оставить своего кота. Она согласна тебя пустить пожить, но с условием, что ты позаботишься об её цветах и Мурзике. Я дала тебе самые лучшие рекомендации!»

Поблагодарив тётушку, Милена прямо из гостиницы поехала к Галине Васильевне, с которой была немного знакома, и у которой и осталась в эту же ночь. Если с жильём было хоть на какое-то время улажено, то с работой проблема так и не решилась.

«Да, мы ищем воспитателя, но нам нужны рекомендации с вашего прежнего места работы, — заведующая очередным частным детским садом строго посмотрела на Милену, — эта вакансия конкурсная. Кроме вас на неё претендуют ещё несколько человек. У вас в запасе один день. Успеете?»

«Успею...»

Она тут же позвонила на свою бывшую работу. Увольняясь, она и не подумала брать рекомендательное письмо, понимая, что после того, что произошло, вряд ли оно будет положительным. Но теперь другого выхода не было. А вдруг?..

«Милена Владимировна, — её прежняя заведующая говорила как бы извиняясь, — если бы всё зависело только от меня... Но вы сами знаете, что все рекомендации у нас подписываются членами родительского Совета. Я, конечно, всё напишу в лучшем виде, но вот согласятся ли остальные?..»

Вернувшись вечером на квартиру, она в отчаянии открыла газету с объявлениями.

«Требуется няня»...

Позвонив по нескольким номерам, снова растерянно отложила телефон.

Чёртовы рекомендации... Их нужно было предъявлять везде. А деньги, между тем, заканчиваются.

Перелистнув ещё несколько страниц, пробежалась по другим колонкам.

«Услуги педагогов». Из интереса перечитав несколько объявлений, невольно задержала внимание на одном из них.

«Творческой Деревне» Дмитрия Морозова требуется педагог по вокалу...

Морозов... Дмитрий Морозов... Её недавняя попутчица сказала, что так зовут её мужа...

Милена вспомнила их дорожный разговор. Кажется, Наташа говорила о том, что ищет няню для детей... Да, она, действительно, говорила... Телефон!.. Она записала на фото номер своего телефона!..

Без какой-либо надежды на удачу, скорее, по инерции, Милена набрала номер.

Да?.. — голос на том конце звучал несколько удивлённо — входящий абонент был незнакомым.

— Добрый вечер. Это Наташа?

— Да... С кем я разговариваю?

— Это Милена. Мы вместе ехали в поезде... Наверное, вы уже меня забыли?

— Здравствуйте, Милена! — голос зазвучал уже дружелюбно, — Нет, я вас не забыла.

Вы по поводу концерта?..

— Нет-нет... — торопливо ответила Милена, — Я по другому поводу.

— Я вас слушаю...

— Вы говорили, что ищете няню для детей... Да?.. Или я ошиблась...

— В общем, да... — Наташа снова заговорила удивлённо.

— Если вы ещё никого не нашли... то у меня высшее педагогическое образование и опыт работы с детьми.

— Вы предлагаете себя в качестве няни?.. — ещё больше удивилась Наташа.

— Ну, да.

— Знаете что... — видимо, звонок застал её врасплох, и она на ходу принимала решение, — Сейчас я в студии, а когда освобожусь, я вам перезвоню. Хорошо?

— Хорошо, — Милена была готова к тому, что вряд ли её предложение будет встречено на ура, поэтому положила трубку, будучи почти уверенной в том, что получит отказ.

Но, вопреки её уверенности, через пару часов раздался звонок.

— Это Наташа. Я не поздно?..

Да какая разница — поздно или нет, если она уже потеряла надежду. Конечно, завтра она сможет подъехать. Конечно, она согласна на все условия. Частичное проживание?.. Да, это возможно... Оплата достойная, но окончательную сумму можно будет оговорить завтра? Она не претендует на большие деньги... Проживание, питание плюс оплата — это именно то, что ей сейчас нужно.

Наташа Морозова была первой, кто не спросил у неё рекомендательного письма... Она даже не спросила про санитарную книжку. Сначала Милена хотела сама сказать, что у неё нет этого чёртова письма, но потом решила отложить признание до завтра.

«Откажет, так откажет... — подумала она, поудобнее устраиваясь на диване с ноутбуком, — но пусть это произойдёт завтра...»

Всё вышло довольно спонтанно, и она только сейчас начала осознавать, к чему может привести эта работа... А если туда приходит Журавлёв? Хорошо это или плохо?

«Господи, о чём я?.. Меня ещё не взяли окончательно...»

Наутро она уже звонила в дверь Морозовых.

— Проходите! — Наташа улыбалась ей, как старой знакомой.

Раздевшись, Милена прошла в квартиру. Детская ей сразу понравилась: большая по площади комната была очень светлой и уютной. Большой мягкий диван, детская кровать, расписной детский уголок, мягкие игрушки — от огромных, сидящих на мягком ковре, до маленьких, уютно устроившихся на подушке.

— Это кровать Валеры, — показала рукой Наташа, — а Анечка спит в нашей спальне. Но, если вы согласитесь у нас работать, мы перенесём сюда её кроватку. Дело в том, что мы работаем во второй половине дня, а, когда выступаем, то приезжаем поздно ночью. Вы будете спать на этом диване... Но это лишь тогда, когда мы будем заняты оба с Димой. А так — вы можете жить дома.

— Дело в том, что пока у меня нет дома, — Милена грустно улыбнулась, — вернее, есть, но я вынуждена сдавать квартиру. Пока я живу у одной женщины, но через неделю она вернётся, и мне придётся съехать.

— Так живите у нас, — в домашней обстановке Наташа показалась Милене ещё более простой в общении.

— А можно?..

— Конечно. Так даже удобнее. Валера спит спокойно, а Анечку мы будем забирать к себе.

— А где они? — Милена обвела глазами детскую, — Мы всё обсудили, а с детьми я так и не познакомилась.

— Валера в детском саду, а Аня вместе с Димой в нашей домашней студии. Слышите музыку?

— Да... — прислушавшись, Милена уловила негромкие звуки, доносившиеся откуда-то из квартиры, — У вас дома студия?

— Да, в дальней комнате. Дима каждое утро играет Ане свои мелодии, — улыбнулась Наташа, — он, наверное, не слышит, что вы пришли. Сейчас я его позову.

— Как интересно, — Милена ещё раз прислушалась к музыке, — вы приобщаете детей к искусству практически сразу после рождения?

— Да, — кивнула Наташа, — сразу же. Валерик в два года уже пытался сочинять музыку, а сейчас у него есть пара собственных песенок. Конечно, ему помогал Дима, — она рассмеялась, — но идеи всё равно принадлежат Валерке.

— У нас гости? А мы не слышим... — папа с дочкой на руках заглянул в детскую.

Дмитрия Морозова Милена лицезрела и по телевизору, и на фото, но, увидев его живую, сначала застыла... потом невольно поправила волосы — вблизи молодой мужчина показался ей ещё более красивым...

Познакомившись и с ним, и с маленькой Анечкой, она почувствовала себя спокойнее — молодые родители оказались очень доброжелательными.

— Знаете, Наташа, я должна вам признаться... — Милена собралась с духом, — у меня нет рекомендательного письма.

— А что, это обязательно? — Наташа посмотрела на неё с недоумением.

— Вообще-то, да...

— Я не знала, — девушка пожалала плечами, — если честно, я совершенно не в курсе, как

нужно брать няню для детей...

— Наташа, вы можете не беспокоиться. У меня нет своих детей, но я люблю чужих.

— Я не беспокоюсь... Почему-то мне кажется, что я могу спокойно оставлять на вас дочь.

* * *

К Наташиному огорчению, Анна Сергеевна была другого мнения. Вечером, отчитав невестку за то, что она не потребовала у новоиспечённой няни рекомендации, она ещё с полчаса лично беседовала с Миленой, выспрашивая у той все подробности её работы с детьми.

«Я сама педагог, и вы не должны обижаться на мою дотошность», — закончив «допрос», Анна смягчила тон. Милена ничего не утаивала. Историю со своим увольнением она рассказала в деталях, внутренне приготовившись к любому результату. Но Анна совершенно неожиданно согласно кивнула головой.

«Да, такие ситуации мне знакомы», — произнесла женщина, и по её тону Милена поняла, что бабушка не будет противиться ей в роли няни для внуков, во всяком случае, пока. Знакомство с дедушкой было намного приятнее — Александр Иванович добродушно улыбался и шутливо отпускал комплименты молодой красивой женщине.

В конец концов, почувствовав себя совершенно спокойно, Милена с облегчением вздохнула. Проведя весь день у Морозовых, она уже могла составить кое-какое впечатление о каждом члене этой семьи. Взяв на руки пятимесячную Анечку, в первый момент она испытала некий страх — девочка была ещё очень маленькой, и ответственность, которую Милена брала на свои плечи, была поистине огромной. Как бы почувствовав это, Аня подняла на неё свои синие-пресиние глазищи и заулыбалась.

— Надо же! — Наташа удивлённо всплеснула руками, — Даже не заревела! Знаете, она боится чужих... Валера не боялся, а Анечка боится, и всегда плачет, когда к нам кто-нибудь приходит. А вам улыбается... Это просто чудо!

— Значит, с няней ты угадала, — Димка кивнул жене, потом, обернувшись к Милене, — к нам часто ребята приходят, наши, из «Ночного патруля», и она уже их помнит, но всё равно каждый раз такие концерты закатывает...

— Да, это правда, — улыбнулась Наташа, — в прошлый раз Женька Журавлёв даже на гитаре ей играл, чтобы она успокоилась.

— А Саня сказал, что в следующий раз придёт с барабаном, да?.. — Дима шутливо обратился к дочери, — Вот так мы развлекаемся...

Услышав имя Журавлёва, Милена почувствовала, как горит её лицо... Да, он здесь бывает. Ну, что ж... Если им судьба где-нибудь встретиться, то почему не здесь? Она уже не в том возрасте, когда можно обманывать себя... Она не будет себе врать — да, она хочет его увидеть... Наташа сказала, что он не женат. Конечно, это совсем не значит, что тридцатилетний мужчина должен быть совсем один... Но она ничего не может с собой

поделать. И разве это не судьба, что она случайно оказалась попутчицей вот этой молодой мамы, которой срочно понадобилась няня для её детей?..

Конечно, это судьба. И, если что, она не будет ей противиться. Во всяком случае, если он, и вправду, сейчас совсем один.

— Смотри, сто у меня есть, — Валерик потянул Милену за руку в сторону домашней студии.

— Не «смотри», а «смотрите», — Наташа поправила сына, — ко взрослым нужно обращаться на вы.

— Ничего страшного, — Милена покачала головой, — даже будет лучше, если Валера будет звать меня по имени и на ты. Так у нас будут более доверительные отношения.

— Понимаете, он привык всех ребят называть на ты, да ещё и по именам, — как будто извиняясь за сына, пояснила Наташа, — а они его поощряют, вот он и с вами так же...

— Пусть называет так, как ему удобнее. Так он будет воспринимать меня как члена семьи.

— Я не знаю... — пожал плечами Дима, — Вам, конечно, виднее, а нам лучше так, как лучше для всех.

— Ну, вот и договорились, — Милена улыбнулась и снова обратилась к Валерику, — ну, а теперь показывай, что там у тебя есть.

В этот вечер она уехала ночевать на квартиру тётушкиной приятельницы — кот по воле случая целый день находился в нелюбимом им одиночестве. Всё складывалось удачно — дети ей понравились, а о такой сумме, которую пообещали платить Морозовы, она даже не мечтала. Да, всё складывалось хорошо, если не считать недоброго зелёного взгляда племянницы Анны Сергеевны... Но девушка, которая тоже пришла знакомиться с новой няней, жила в соседней квартире, поэтому Милена не придавала никакого значения её демонстративному недовольству. Да мало ли, может, она просто поссорилась с женихом...

— А ты не боишься? — дождавшись, когда Милена покинет квартиру, Алиса прошла на кухню и присела за стол.

— Чего? — Наташа, улыбаясь, обернулась к ней от плиты, где варила дочери кашу.

— Этой Милены, — девушка, искоса наблюдала за Наташкиной реакцией.

— А чего я должна бояться? Мы заключим с ней договор, так что... Если ты имеешь с виду материальные ценности, то у нас их не столько много, чтобы за них опасаться, — ещё раз помешав в кастрюле, Наташа выключила плиту, — к тому же, Милена внушает доверие. Мы вместе ехали в поезде, и я немного с ней пообщалась.

— Я не об этом, — Алиса произнесла эти слова многозначительно, как бы намекая на что-то такое, о чём Наташа должна была догадаться сама.

— А о чём? — присев напротив, Наташка удивлённо уставилась на девушку.

— Молодые няни любят соблазнять папочек, — с нескрываемой иронией произнесла та.

— О, Господи! — Наташа рассмеялась, — Алиса, откуда у тебя такие познания?

— Об этом нетрудно догадаться.

— Ну, во-первых, не нужно всех под одну гребёнку... А, во-вторых, наш папочка не такой.

— Угу, — сама себе кивнула Алиса, — он-то не такой... А, если она всё же — такая? Положит глаз, и будет Димку охмурять. Она ведь красивая, эта Милена...

— Красивая... — Наташа невольно задумалась, потом снова весело посмотрела на Алису, — Ты меня не пугай!

— Кто тут тебя пугает? — Димка показался в дверях кухни.

— Я пугаю, — Алиса бросила кокетливый взгляд на троюродного брата, — вот уведёт тебя Милена у Наташи...

— Меня?! — Морозов изумлённо уставился на них обеих, — А что, уже есть предпосылки?

— Да не слушай ты её, Дим! — Наташа, смеясь, махнула рукой, — Это Алиса меня дразнит за то, что я вчера Пашку с ней по магазинам не пустила ткани выбирать.

— Да?! — ещё больше изумился Дима, — А что у нас с Пашкой? Я что-то пропустил?!

— А с Пашкой... — хитро поглядывая на Алису, Наташа закусил губу, — А с Пашкой у нас то, что Пашка, кажется, влюбился...

— В кого, в Алису?! Почему я не знаю?

— А ты многого не знаешь, — Наташа подпёрла ладошкой щёку, — за нашу Алису идёт целая война!

— Да ты что?.. Деревня-то хоть уцелеет? — весело усмехнулся Дима.

— Не зна-а-а-ю... — заметив, что Алисе приятен этот разговор, Наташа решила подыгрывать ей и дальше, — Но теперь мальчики из шоу-балета на репетиции не опаздывают!

— Ого! — Димка покачал головой, — Это за две недели такой результат? А что будет дальше?

— Вот и я думаю... — кивнула ему Наташа, — Что дальше-то будет?

— Да больно они мне нужны, — девушка не смогла скрыть довольной улыбки, — малолетки...

— Вот так, — прищёлкнув языком, Наташа как бы подтвердила слова Алисы, — малолетки... Но к Паше, по-моему, это не относится.

Ещё немного поболтав с родственниками, Алиса ушла.

— Ну, как тебе Милена? — ложась спать, уже более серьёзно спросила мужа Наташа.

— Я не очень разбираюсь, но, по-моему, это то, что нужно, — он кивнул головой, — судя по тому, как Валерка сразу повёл её в студию показывать инструменты, она ему понравилась. И Анька не заревела...

— Я тоже так думаю. Дети вообще чувствуют людей.

— Да, мне показалось, что она добрая.

— И красивая... Да? — Наташа замерла в ожидании ответа, — Да?..

— Да, — сказав это нарочно громко, он кивнул. Потом, едва улыбаясь уголком губ, незаметно скосил взгляд на жену.

— Да, Милена красивая... — Наташа вздохнула, тоже нарочно громко, потом повернулась к нему, — Ей тридцать лет, она не замужем...

— Да?.. А мне замужние больше нравятся... — она тут же почувствовала его руки и губы на своём теле, — особенно одна...

Было решено, что в первые дни, независимо от надобности, Милена будет приезжать к Морозовым с самого утра, чтобы Аня могла к ней поскорее привыкнуть. Пользуясь её присутствием, Наташа уже более спокойно занималась в домашней студии, а после обеда уезжала в «Творческую деревню», где её ждал Дима. Вернувшись с работы, Анна Сергеевна в первые дни спешила в квартиру сына, чтобы проконтролировать новую няню, но вскоре убедилась, что Милена вполне справляется со своими обязанностями, и успокоилась окончательно.

Через неделю, дождавшись возвращения хозяйки квартиры и сдав ей её любимого Мурзика, Милена окончательно перебралась к Морозовым. Жильцы её собственной квартиры были несказанно рады тому, что она снова продлила им аренду — теперь ещё на два месяца.

Она сразу привязалась к девочке — маленькая Анечка была похожа на Наташу, только глаза у неё были синего цвета. Вопреки предупреждениям родителей, ребёнок оказался вполне спокойным — Анечка легко засыпала и просыпалась, много улыбалась и с аппетитом уплетала кашу. Гуляя с девочкой во дворе, Милена в первое время ловила на себе удивлённые взгляды соседей по подъезду, но вскоре к ней привыкли и даже стали здороваться.

Уложив Анечку спать, она тоже могла отдохнуть, но чаще всего выходила в интернет со своего ноутбука и общалась с Ольгой — оставшись без подруги, та очень скучала и звала Милену приехать «хоть на денёк»...

Детская находилась по соседству со спальней взрослых, но комнаты были изолированные, и няня не должна была испытывать никакого стеснения. Несмотря на это, в первое время Милена чувствовала себя всё же довольно неловко в чужом доме, но молодые хозяева относились к ней как к члену семьи — практически с первого дня, и даже строгая Анна Сергеевна всё чаще зазывала её к себе по вечерам — «на чай», вместе с Наташей и Димкой, а, когда тех не было дома, сама приходила на чай к Милене. Сначала Милена понимающе улыбалась — такое внимание она принимала как неусыпный контроль, но вскоре поняла, что за строгостью Анны кроется обыкновенная женская душа, требующая общения.

А ещё она немного стеснялась Димы... И, хотя парень производил впечатление порядочного человека, старалась не оказываться с ним наедине в гостиной или на кухне, даже если Наташа была где-то рядом, в другой комнате...

Впрочем, эти предосторожности были излишними — Морозов любил свою жену, и это проявлялось во всём — в его словах и поступках... Несколько раз, внезапно войдя в комнату, Милена невольно становилась свидетельницей и объятий, и поцелуев, искренне удивляясь тому, что муж и жена вели себя, как влюблённые. Вспоминая свою жизнь с Николаем, Милена не могла похвастаться такими чувствами. Да их, наверное, и не было вовсе. Она не помнила, чтобы хоть раз за все семь лет замужества у неё возникло желание просто приласкаться к мужу...

Слушая разговоры супругов, Милена с жадностью ловила любое упоминание о

Журавлёве, разговаривали они исключительно о творчестве или о детях, а спросить Наташу про Женьку напрямую она не считала для себя возможным.

— Слушаете нашу с Женькой песню? — зайдя в детскую, Наташа увидела в раскрытом ноутбуке Милены свой ролик.

— Да, мне очень нравится эта песня, — та осторожно покосилась на Наташу, — а кто её написал?

— Её написал сам Женька, вместе с одним музыкантом. Он тоже здесь есть, на фото. Мы репетировали в его студии, а потом нарядились в жениха и невесту и сделали этот ролик...

— А со стороны можно подумать, что вы настоящие жених и невеста.

— Да, многие так и думали. Но у Женьки не было ни жены, ни невесты. Он любит женщин, но мне всегда казалось, что у него в жизни произошло что-то такое, что оставило неизгладимый след...

— Что вы имеете в виду? — затаив дыхание, Милена ждала ответа.

— Я не знаю... Но в душе у него печаль. Я это чувствую...

— Вы так хорошо его знаете?

— Да... Но я никогда не спрашивала, а он не рассказывал.

— Вы, наверное, дружите со всеми?

— Да, — кивнула Наташа, — мы все дружим. Завтра приезжает съёмочная группа из Москвы, снимать фильм о «Ночном патруле», и один из эпизодов будут снимать у нас дома. Так что сами всё увидите.

— И, что... все придут к вам?.. — пересохшими от волнения губами спросила Милена.

— Конечно, все придут.

— И Журавлёв?..

— И Журавлёв.

В свои двадцать восемь лет Настя ещё ни разу не выходила замуж. Внешность была тут ни при чём — среднего роста, с миндалевидными голубыми глазами, круглолицая, русоволосая девушка была довольно привлекательна, но как-то так сложилось, что все её прежние мужчины предпочитали свободные отношения, и, даже прожив с одним из них около трёх лет, она так и не дождалась официального предложения руки и сердца. Впрочем, большого горя из этого не вышло — расставшись с ним, она вздохнула спокойно: не нужно было вскакивать по ночам от звонка в дверь и мчаться открывать, потому что гражданский муж имел привычку поднимать на неё руку «за неповоротливость». Да и те, кто были до него, не отличались аристократизмом. Почему-то на мужчин Насте не везло — или гуляка, или любитель алкоголя.

Журавлёв не был исключением. К моменту встречи с Настей он редко отказывался от выпивки, а о его любви к женщинам можно было слагать легенды. Однако, увидев его однажды, Настя почувствовала, что пропала раз и навсегда... Высокий, смазливый парень с длинными волнистыми волосами завладел её сердцем так, как ни один другой мужчина. Поэтому, когда Женька, по обыкновению, «подкатил» к новенькой симпатичной официантке, та не смогла устоять и в ту же ночь оказалась в его объятиях.

Родом Настя была из небольшого провинциального городка, и сюда приехала несколько лет назад, в поисках лучшей доли. Профессии у неё не было, поэтому работать приходилось то на рынке, то в магазинах. В первое время она жила вместе с подругой, снимая на двоих комнату, но потом переехала к гражданскому мужу, от которого и сбежала три года спустя. Не желая смириться с её «вольностью», мужчина приезжал к ней на работу и устраивал скандалы, что и послужило причиной её очередного увольнения... Знакомая официантка подсказала, что в ресторане, где она работает, есть свободные вакансии, и Настя, недолго думая, устроилась в «Дворянской гнездо» — благо, заведение расположено было в другом районе, и шансов разыскать её «бывшему» становилось намного меньше. Там же, неподалёку, она сняла небольшую комнатку.

После третьей, проведённой с Журавлёвым ночи, она уже вполне серьёзно рисовала себе их совместное будущее. Но их встречи прекратились так же внезапно, как и начались — судя по всему, у Журавлёва появилась очередная пассия.

«Я же тебя сразу предупреждала, — знакомая, которая привела её в ресторан, сочувственно смотрела, как Настя утирает слёзы, — обыкновенный кобель».

Сначала она грешила на молоденькую певицу, с которой Женька постоянно общался — и на работе, и на репетициях, к тому же вскоре стало заметно, что девушка беременна. Попытка «поговорить» не привела ни к чему — Журавлёву удалось отшутиться так виртуозно, что, хоть Настя ничего так и не поняла, но вопросов к нему больше не возникало... Через некоторое время она так и уволилась — с твёрдым убеждением, что причиной их разрыва с Женькой стала Наташа, белокурая певица с глазами цвета крепкого чая...

Она уже стала его понемногу забывать... Устроившись работать барменом в ночной клуб, она поменяла жильё — теперь на однокомнатную квартиру. Очередной поклонник не заставил себя ждать... и она уже почти влюбилась в очередной раз...

В ту ночь была её смена. Привычно отпуская спиртное, она подняла глаза на очередного

клиента...

«Привет...» — в стоявшем перед ней парне она едва узнала Женьку — «фирменная» бандана «Ночной патруль», повязанная на голове, почему-то больше всего привлекла её внимание.

«А так?» — решив, что девушка его не узнаёт, Журавлёв стащил с волос косынку.

«Привет», — она не знала, радоваться ей или огорчаться этой встрече... Оказывается, он теперь выступает в составе этой группы, и сегодня у них здесь «сейшн»...

Домой они возвращались вместе — зависнув после выступления в клубе, Журавлёв к утру окончательно напился, и Насте стоило больших трудов предотвратить намечавшиеся «разборки» между ним и другим «рокером», возникшие, отнюдь, не на музыкальной почве. Вызвав такси, она загрузила его в салон и увезла к себе домой... То ли из благодарности, то ли от чего другого, но, проснувшись утром, Женька не торопился сбежать, а провёл у Насти целых два дня...

С тех пор она больше строила планов относительно него, но, на удивление, их отношения держались вот уже три года, без объяснений в любви и обязательств, но — всё же держались...

Теперь же, услышав от Журавлёва и признание, и предложение выйти за него замуж, Настя не то, что не поверила... Она просто не спешила радоваться — наученная горьким опытом, она привыкла, что счастье упорно обходит её стороной. Но, вернувшись из больницы, Женька и в самом деле больше не сбегал от неё, и даже перевёз кое-что из вещей. То, что он не позвал её жить к себе, а предпочёл её съёмное жильё, могло бы насторожить, но только не Настю. Зная его «вольную» натуру, она была счастлива уже и тем, что теперь он постоянно звонил ей по телефону, и даже собирался взять с собой на съёмки эпизода из фильма о «Ночном патруле», который планировался на завтра в квартире Дмитрия Морозова. Но самым важным для неё было то, что именно завтра они собирались подать заявление в ЗАГС.

— Жень, ты на съёмку что наденешь-то? — открыв шкаф, Настя посмотрела на висевшую в нём одежду.

— Чего-нибудь надену, — не отрываясь от компьютера, Журавлёв махнул рукой.

— Ну, ты скажи, что... Я приготовлю...

— Тебе делать нечего? — обернувшись, он улыбнулся.

— Ну, почему... Может, погладить нужно, или постирать.

— Да не заморачивайся ты... Надену что-нибудь.

— Же-е-е-нь... — она подошла к нему и обхватила сзади руками, — Неужели ты не понимаешь?..

— Чего?

— Просто мне хочется заботиться о тебе... По-настоящему.

— Да ладно... — он отвёл руку назад и прижал к себе её голову, — Ещё надоест.

— Не-а... не надоест...

— Да это ты сейчас так говоришь, — он шутливо нахмурился, — а потом скажешь: «Иди ты, Женя, лесом...»

— Дурачок... — чмокнув его в щёку, Настя счастливо заулыбалась, — Дурачок ты мой...

На следующее утро, по дороге к Морозовым, они заехали в районный ЗАГС. Затаив дыхание, Настя заполнила заявление.

— Расписывайся, — поставив свою подпись, она подвинула ему листок.

— Крестик пойдёт? — хитро прищурившись, Женька взял в руки авторучку.

— Ну, Жень... — она шутливо-укоризненно посмотрела на него.

— Ну, ладно, — притворно вздохнув, Женька размашисто расписался на бланке, — охомутила...

— Так в чём же дело? — в тон ему ответила Настя, — ещё не поздно порвать...

— Ну, уж нет... — поднявшись со стула, Журавлёв протянул заявление секретарю, — теперь это дело принципа!

По пути они заехали в кондитерскую и, выбрав самый красивый и большой торт, отправились на съёмку.

— Проходите, — радостно улыбаясь, Наташа открыла дверь, — Говоровы уже здесь, вы вторыми будете.

— О, а я-то думаю, чей там во дворе «меринок» стоит, знакомый такой, — раздеваясь, Женька говорил довольно громко, в сторону гостиной, чтобы его было слышно, — а это Саня!

— Чего ты орёшь?! — Настя сердито толкнула его в бок, — Ребёнок маленький, вдруг, спит?

— Спит, но не здесь, — Наташа кивнула в сторону соседней квартиры, — Анечка вместе с няней у родителей. Мы их нарочно туда отправили.

Дождавшись остальных «патрулей», которые сегодня почти все приехали вместе со своими жёнами, оператор и режиссёр начали съёмки эпизодов. Все ребята, по одиночке, дали по небольшому интервью, после чего долго снимали самого Морозова.

— Дима, скажи, вот как тебе, такому молодому, пришла в голову такая «зрелая», по сути, идея создания творческого центра? Обычно такие идеи приходят, когда артист уже наездился по гастролям, чего-то добился и, как правило, начал терять былую популярность. А ты в самом расцвете творческих сил... Сил-то не жалко? — Слава Рожков, известный диджей одного из ведущих музыкальных каналов, удобно устроился напротив Морозова в его домашней студии.

— Сил не жалко, — слегка облокотившись на синтезатор, рассмеялся в ответ Дима, — потому, что их много. А много их потому, что, когда ты погружаешься с головой в творчество, ты сам и являешься главным генератором своих сил и идей. Ну, а, если совсем серьёзно, то идея создания своего центра возникла уже давно. Нам, как любой группе, необходима своя репетиционная база, а репетировать на арендованном аппарате — это уже не наш уровень.

— Но можно было просто выкупить какое-нибудь небольшое помещение и устроить там студию. Это было бы проще и дешевле, но вы пошли другим путём. Почему?

— Потому, что у меня в жизни два главных дела. Первое — «Ночной патруль».

— А второе?

— Второе — моя жена, певица Наталья Морозова. Вот, собственно, ради неё я и

задумал свой творческий центр.

— А подробнее?

— Если подробнее, то Наташа человек очень многогранный в плане творчества. Она поёт как поп-музыку, так и более серьёзные вещи — романсы, баллады, даже рок, — на этом слове Дима улыбнулся, — поэтому она выступает и с нами, и даёт свои собственные концерты, а так же участвует в клубных шоу. Вот всё это мы и готовим в нашей творческой деревне. Кстати, на днях мы открываем ещё и видеостудию.

— Будете снимать клипы?

— Возможно, даже мюзиклы, — пряча улыбку, Морозов пристально посмотрел на Рожкова.

— У вас грандиозные планы.

— У меня очень талантливая жена. Кстати, можете сами убедиться, в интернете есть её ролики.

— Вы меня заинтриговали. Такой яркий талант, а мы в Москве о нём не знаем, — пошутил Рожков.

— Теперь будете знать, — в тон ему ответил Морозов.

— Кстати, ваша деревня как-то называется? Например, деревня «Морозовка»...

— «Морозовка»?.. — Морозов слегка задумался, — Это как водка, да?.. Нет, тогда лучше «Морозово».

— «Морозово» — довольно колоритное название... — Слава продолжал шутить, — А барин — кто? Судя по всему, ты?

— Нет, на барина я точно не тяну, — рассмеялся Димка, — наша деревня, скорее, демократического устройства.

— Дима, а как насчёт самоокупаемости? Ну, я в том смысле, что вы не пашете и не сеете...

— Ну, почему... Мы сеем... Разумное, доброе, вечное... А окупаемость — она есть. Мы сдаём в почасовую аренду репетиционную студию, занимаемся аранжировками на заказ, а так же звукозаписью. Скоро мы открываем свой танцзал, где будут репетировать все, кто пожелает, тоже за почасовую оплату...

— Получается, что твоя деревня целый день живёт своей творческой жизнью?

— Совершенно верно. Если учитывать, что мы открылись совсем недавно, то результаты уже довольно приличные. К тому же, у нас есть своё ивент-агентство, со своей базой данных. Мы в состоянии обеспечить любой городской праздник.

— Ты всем занимаешься сам?

— Я не занимаюсь, я организываю. Это — пока. На сегодняшний день у меня уже есть кандидатура на место директора, которому я уже скоро сдам все дела.

— Сдашь управление деревней?

— В организационном и хозяйственном отношении — да.

— А сам?

— А сам буду заниматься чисто творчеством, своим и своей жены. Всё, как и раньше.

— Но хозяином-то... хозяином-то будешь всё-таки ты? — со смехом спросил напоследок Рожков.

— Ну, вот дался тебе этот хозяин, — Морозов весело заулыбался, — тогда лучше музыкальный староста.

— Вот такой он, Дима Морозов, — повернувшись к камере, которая их всё это время

снимала, Слава развёл руками, — талантливый музыкант, композитор, певец, лидер группы «Ночной патруль», а так же музыкальный староста своей «Творческой деревни».

— «Морозово»! — подняв указательный палец, уточнил Дима.

— Точно. «Морозово»! — повторил Рожков и помахал в камеру открытой ладонью.

Вернувшись в гостиную, он снова обратился к Морозову:

— Дима, вот этот эпизод с тобой, он в самом фильме будет заключительным, но завтра, когда будем снимать твою «деревню», я сделаю ещё один сюжет, с твоей женой. По времени он пока не вписывается в формат, но, если что, где-то подрежем, возможно, и получится вставить.

— Спасибо, — кивнул Морозов, — если честно, без неё «патруль» не полный...

— Да я понял, — рассмеявшись, Рожков хлопнул его по плечу, — порешаем!

* * *

Милена аккуратно завезла детскую коляску в подъезд и, закатив её на передних колёсах на три ступеньки вверх, прошла к лифту. Напрасно она всё утро готовилась к возможной встрече с Журавлёвым... Чтобы шум взрослых не мешал ребёнку, она с Анечкой сегодня отправилась в квартиру Морозовых-старших.

— Спасибо, Миленочка, мне помогать не нужно, — Анна Сергеевна хлопотала на кухне, и на предложение Милены помочь, пока девочка спит, только замотала головой, — если что, я Алису попрошу. Ты на нас сегодня не обращай внимания, такое событие нужно обязательно отметить, так что после съёмки ребята придут к нам, а вы с Аней уже спокойно пойдёте отдыхать к себе.

— Тётя Аня, вот опять вы всё на себя, — Алиса со скрещенными на груди руками вошла в кухню, — пусть бы там и накрывали стол, у Димки...

— Да у них и стола такого большого нет, — закрыв духовку, Анна махнула рукой, — и готовить у меня удобнее... Да и убирать потом Наташе некогда будет, а мы тут потихонечку справимся... Зря я сегодня отгул брала, что ли?

— Вот-вот, — Алиса поджала губы, — вы свой выходной посвятили не отдыху, а домашним делам.

— Что ты, Алисонька, это дела радостные... Это же такой успех! Про Диму фильм снимают!

— И правда, Анна Сергеевна, — Милена не удержалась от реплики, — это такое событие... Но ваши дети должны быть вам очень благодарны. Я, хоть и недавно у вас, но не устаю удивляться, как вы дружно живёте. У вас всё подчинено детям и внукам. Знаете, Валера постоянно путается, когда рассказывает о своих игрушках — он забывает, в какой их двух детских они лежат.

— Да уж, — хмыкнула Алиса, — вот именно, всё подчинено... А Анна Сергеевна постоянно жертвует собой.

— Кажется, Аня проснулась, — услышав детский плач, Милена кинулась из кухни, но в дверях снова обернулась, — если я тут не помощница, тогда мы с Аней пойдём гулять!

И вот теперь, погуляв с ребёнком около часа, она на лифте поднялась на четвёртый этаж.

— Миленочка, вот хорошо, что вы вернулись, мы уже с Алисой всё накрыли, сейчас ребята придут, — Анна Сергеевна была в приподнятом настроении, и широко жестикулировала руками.

— Так, может, я сразу пойду к себе? — Милена задержалась в прихожей, вопросительно уставившись на Анну.

— Потом пойдёте, а сейчас мы все сядем за стол, — увидев, что Милена хочет что-то возразить, она тут же отрицательно замотала головой, — нет-нет, это обязательно! У нас семейный обед, а вы — тоже член семьи! Хоть полчаса, но побудьте. Аня всё равно уже выпалась.

Она не стала возражать... Раздев ребёнка, прошла в детскую и, посадив Аню в кроватку, повернулась к зеркалу...

* * *

— Вадик, ну останься хотя бы ненадолго, — провожая в прихожей Зимина, Наташа смотрела на него шутливо-умоляюще, — ты и так реже всех у нас появляешься!

— Наташ, не могу, правда, — Зимин развёл руками, — Тане нужно на приём к врачу, а сына не с кем оставить...

— Нужно было приезжать с ними обоими, — Наташа говорила с сожалением, — сейчас бы и пообедали все вместе...

— Я бы с радостью, — приложив руку к груди, Вадим посмотрела на неё с улыбкой, — но у вас своих кучка, ещё моего горлопана не хватало!

— А если бы мы свою Каринку взяли, то тут живых бы уже не было, — заржал Сашка, выходя из гостиной, — мозг выносит начисто!

— Потому, что вся в тебя, — голова Ирины показалась в дверном проёме, — такая же мозгокрутка!

— А надо было взять, — вопреки остальным, Наташа говорила на полном серьёзе, — мы бы Валерку сегодня в сад не отводили, пусть бы играли вместе.

— Ты что?! — Ира вытаращила на неё глаза, — они бы все съёмки заporоли. Наша заноза только и выдёргивала бы шнуры и спрашивала: «А эта сто?»

— Не выдёргивала бы, — рассмеялась Наташа, — у нас теперь есть няня!

— Да Сашка говорил, — кивнула Ира, — только не родилась ещё та няня, которая бы справилась с нашей Каринкой.

— Наша Милена бы справилась, — шутливо кивнула Наташа, — это педагог высшего класса. Даже Анька сразу к ней пошла...

— Милена? — повторила Ира, — Какое интересное имя...

— Кто тут у нас Милена? — Женька вышел в прихожую и, услышав последнюю фразу, невольно насторожился, но сумел придать голосу шутливый тон.

— Нашу няню зовут Милена, — обернулась Наташа, — вот поженитесь с Настей, может, и вам пригодится!

...Он буквально ощутил, как при упоминании этого имени сердце чуть не выпрыгнуло из груди... Вот уже сколько дней он не вспоминал о ней... Впервые за много лет не вспоминал... Невольно оглянувшись, выдохнул почти с облегчением — Настя в гостиной разговаривала с Юлькой и Мазуром, и не слышала ничего. Когда-то он рассказал ей обо всём. Она знала, что его первую и единственную любовь тоже звали Милена...

— Ну, что, всё готово, — нарисовавшись в дверях квартиры, Алиса кокетливо окинула взглядом всех, кто в этот момент находился в прихожей, — Анна Сергеевна всех зовёт обедать!

— Вот мы чукчи! — Ира укоризненно покачала головой, — вместо того, чтобы здесь сидеть, нужно было пойти помочь тёте Ане...

— Не переживай, — улыбнулась Наташа, — Анна Сергеевна на кухне никаких помощников не любит, это я тебе как повар повару...

Невольно косясь на рыжеволосую Димкину сестру, Журавлёв в сопровождении Насти и остальных «патрулей» перешагнул порог соседней квартиры. Из гостей только Вадим уехал домой, и оставшихся было вполне достаточно, чтобы «семейный», как его назвала Анна, обед можно было смело назвать многолюдным застольем. Женьку это радовало как никогда — интерес Алисы к его персоне никак не угасал, напротив, после его выздоровления девушка постоянно демонстративно попадалась ему на глаза в «творческой деревне», где она исполняла обязанности помощника модельера. Направляясь сегодня к Морозову вместе с Настей, он в глубине души ощущал какое-то волнение от предстоящей встречи с Алисой — она, по его мнению, была довольно непредсказуемой, и могла выкинуть что-нибудь такое, после чего ему пришлось бы долго объясняться с Настей...

— Ребятки, проходите, — Анна радушно суетилась, принимая гостей.

— Знакомьтесь, моя мама, — Дима представил её всей съёмочной группе, которую не пришлось долго уговаривать, чтобы остаться на обед.

— А это — наша Алисонька, — познакомившись с московскими гостями, Морозова указала рукой на девушку, — это Димина троюродная сестра... А вот это — наша Милена, — она повернулась в другую сторону, — она воспитывает моих внуков.

— Боже, сколько красивых женщин! — Рожков шутливо схватился руками за голову, — Я как та мартышка, не знаю, куда мне, налево или направо!

— Кстати, Милена ещё и с нашими ребятами не познакомилась, — Анна продолжала представлять молодую женщину, — Миленочка, это — Саша, это — Ира... Витя с Юлей... А это Женя с Настей...

...Она ничего этого не слышала... Чувствуя, как подгибаются колени, Милена молча смотрела в одну точку. Туда, где в глубине прихожей стоял о н...

Она даже не сразу поняла, что Анна представила его вместе с той русоволосой девушкой... Она вообще ничего не видела и не слышала... Не видела никого и ничего... кроме е г о г л а з...

Она очнулась только уже сидя за столом. Она даже не помнила, как она там оказалась. Всё происходило, будто во сне. Женька сидел напротив, не сводя с неё своего светло-карего взгляда... Она и сама с трудом отводила от него глаза. Она так и не заметила, как странно смотрит на неё его спутница.

— Сейчас придёт Димин папа, — поговорив по телефону с мужем, Анна обратилась к москвичам, — и не один. Он по дороге забрал из садика Валеру, это сын Димы и Наташи. А Анечка — это их младшая дочь... — она показала на девочку, которую Наташа держала на руках. Вопреки обыкновению, Аня не капризничала, а с удивлением разглядывала окружающих, смешно шевеля пустышкой.

— Так, по-моему, скоро дойдёт до семейных фотографий, — рассмеялся Дима, подмигнув остальным.

Милена машинально подняла бокал с шампанским и, едва пригубив, поставила назад. Кажется, она что-то ела... она даже что-то отвечала Наташе, которая, немного выпив, окончательно развеселилась сама и веселила других.

...До неё только сейчас дошёл смысл очередного тоста, который поднял один из «патрулей», Саша, кажется... «За Жеку с Настей! — с этими словами он залпом выпил содержимое рюмки и добавил, — Горько!»

«Ещё рано», — подцепив вилкой дольку лимона, Журавлёв, не морщась, отправил её в рот.

— Пожалуй, нам пора, — Милена выдавила это из себя пересохшими губами и, забрав у Наташи Анечку, несмотря на уговоры «посидеть ещё», ушла с ребёнком в соседнюю квартиру.

Оказавшись в тихой детской, вдруг почувствовала, как тело охватывает озноб... Как она сразу не поняла?! Эта девушка рядом с Журавлёвым — его невеста!.. И, судя по репликам, сегодня они подали заявление в ЗАГС...

«Господи!.. Водевиль отдыхает!..» — она сама не смогла бы сейчас сказать, чего в этом возгласе было больше — горечи или сарказма... На что она надеялась?! На то, что молодой, красивый, талантливый и популярный мужчина будет один?!

«Вот дура...»

Вместе с тем, она совершенно не удивилась, когда, спустя полчаса, в двери раздался звонок...

— Привет... — Женька стоял в тёмном проёме.

— Привет... — ещё идя открывать, она почему-то знала, что это именно он...

Открыв дверь, Милена так и осталась стоять, не в силах сдвинуться с места. Гулкие удары сердца отдавались где-то выше левой ключицы, переходя в плечо и дальше — в предплечье... Женька был так близко от неё, что она ощутила тепло, идущее от его тела.

— Может,пустишь? — негромко произнёс Журавлёв.

Молча посторонившись, она пропустила его в прихожую и закрыла дверь.

— Ну, здравствуй, — ещё раз поздоровался он.

— Здравствуй... — глядя на него во все глаза, она снова застыла на месте. Тёплая, щемящая волна прокатилась по всему телу... Они снова стояли близко друг от друга, и она подумала, что, если он сейчас дотронется до неё, она просто рухнет в его объятия...

Но он тоже стоял, как вкопанный, только глядя ей в глаза. Несмотря на то, что она ждала эту встречу и готовилась к ней все последние дни, Милена онемела. Все слова мгновенно куда-то улетучились, и всё, на что она была способна в этот момент, это смотреть на него, не отводя глаз. Видимо, с Журавлёвым происходило то же самое. Неизвестно, сколько они стояли бы вот так, молча, если бы из детской не раздался плач ребёнка.

— Аня плачет, — не сводя с Женьки пристального взгляда, прошептала Милена.

— Ты совсем не изменилась.

— Я сейчас... — сделав шаг назад, она повернулась и выскочила из прихожей. Склонившись над проснувшейся девочкой, взяла её на руки...

— Ленка... — войдя следом за ней, он остановился в дверях детской, — Ленка...

Повторяя её имя, он поймал себя на мысли, что произносит его впервые за все эти девять лет после их расставания... Да, именно — впервые... До этого «Ленка» в его устах звучало просто словом... а вот именем — только сейчас...

— Тебя будут искать... — обернувшись к нему, Милена прижимала к себе хныкающую девочку, — Тебя же будут искать...

Она хотела сказать, что, если кто-нибудь войдёт в квартиру и увидит его здесь, с ней наедине, то возникнут ненужные вопросы, но все слова перепутались в голове, осталась только эта фраза... «Тебя будут искать».

— Скажи мне свой телефон... — когда-то он уже говорил ей эти слова... Пользуясь своей феноменальной памятью, Журавлёв мог с одного раза запоминать любые комбинации цифр, и телефоны своих пассий зачастую хранил не в телефонной, а в собственной памяти.

— Телефон?... — от волнения она не смогла сразу вспомнить свой номер, и, растерявшись окончательно, торопливо схватила свой телефон и подняла на Журавлёва растерянный взгляд, — Лучше говори свой... я сделаю дозвон...

— Набирай, — он внимательно смотрел, как она под его диктовку с трудом пытается

набрать на сенсорном дисплее цифры. Одной рукой получалось плохо, и Милене пришлось несколько раз скидывать набранное — от охватившего её волнения пальцы дрожали и постоянно попадали не туда.

— Давай, я... — решив, что у него это получится лучше, Женька протянул руку.

— Подержи... — вместо телефона она подала ему ребёнка. Машинально подхватив девочку, он не сводил глаз с рук Милены...

Оказавшись в руках чужого человека, Анечка зашлась в плаче — слёзки катились по розовым щёчкам, а любимая пустышка упала на пол. Подобрал пустышку, Журавлёв тут же услышал звонок своей «нокии» в левом кармане брюк. Лево́й рукой он держал ребёнка, поэтому попытался достать телефон правой. Зажатая в пальцах пустышка мешала, и он почему-то сунул её в правый карман и снова потянулся за мобильником.

— Давай её мне, — догадавшись, что их действия скорее бестолковы, чем оправданны, Милена протянула руки к ребёнку. Снова оказавшись у няни, Анечка чуть поутихла, только всё ещё обиженно морщила своё хорошенькое заплаканное личико.

— Всё, забил... — отправив телефон назад в карман, Женька снова посмотрел на девушку, — Я вечером позвоню...

— Ты уходишь? — она смотрела на него с каким-то отчаянием, как будто в последний раз, — тебя, наверное, ищут?..

— Подожди... — он шагнул к ней — видно было, что уходить ему совершенно не хочется...

— Мне нужно накормить ребёнка... — она сказала это как-то обречённо и крепче прижала к себе девочку.

— Ты живёшь там же, или...

— Я живу здесь.

— Здесь?! У Димы?!

— Да.

— Ленка... — он снова назвал её по имени, но сказать что-нибудь существенное так и не смог — не было ни слов, ни фраз...

— Женя... Я должна сейчас её накормить...

— Да, я понял, — он постоял ещё несколько секунд, — Я уже уйду.

— Ты позвонишь?..

— Позвоню.

Закрыв за ним дверь, Милена вернулась в детскую. Достав из подогревателя бутылочку с детским питанием, присела на край дивана... Колени дрожали, и, глубоко вздохнув несколько раз, она попыталась успокоиться.

Он пришёл к ней... Значит — не забыл?.. Но у него скоро свадьба... Милена невесело усмехнулась. Неужели снова смотреть со стороны на его свадебный кортеж?..

«Это уже не смешно».

Она ждала эту встречу, но, увидев его, всё же испытала настоящее смятение и растерянность. Только сейчас, после его ухода, Милена вдруг начала осознавать, что она его увидела... Увидела спустя столько лет...

Немного успокоившись, она уложила ребёнка и подошла к окну. Февральские сумерки уже сгустились над городом, и, глядя, как по виднеющемуся за стоящим напротив домом проспекту проезжают автомобили, Милена почувствовала щемящее одиночество...

«У меня есть квартира, но нет дома... Есть любимый человек, но нет семьи... Мне тридцать лет, а я нянчу чужих детей...»

Какая злая шутка судьбы — встретиться именно в тот день, когда он решил снова жениться...

«И, всё же, он сказал, что вечером позвонит...»

* * *

Они виделись всего десять минут. Но ему показалось, что за эти десять минут перевернулась вся его жизнь...

Вернувшись в квартиру Морозовых-старших, он молча присел на своё место за столом.

— Где ты был? — в голосе Насти явно слышалась настороженность.

— Курить выходил, — Журавлёв выглядел довольно взволнованно; голос его звучал глухо, но он был не в силах натянуть на лицо маску непринуждённости.

— Ты столько времени курил?! Один?! — Настя внимательно смотрела на него сбоку.

— Один, — он налил себе рюмку водки и взял в руку.

— На лестнице? А почему не на лоджии?..

— Настя, ну, что ты как маленькая... — повернувшись, наконец, к ней, Женька понизил голос, — Зашёл в туалет, потом сразу на лестницу вышел...

— Да?.. — она недоверчиво посмотрела на него, потом вздохнула с облегчением, — Ну, ладно.

— Поддай мне лимончик, — он кивнул на небольшую тарелочку с нарезанным лимоном.

— Ты на водку не налегай, — Настя подала тарелку, — назад как поедем?

— Как все, — опрокинув рюмку, Журавлёв взял дольку лимона, — доедем, не бойсь.

Атмосфера за столом была радостно-приподнятая. Всегда общительная, Юля что-то оживлённо рассказывала московским коллегам. Сначала те только слушали, вежливо улыбаясь, но по-настоящему семейная обстановка подействовала, в конце концов, и на них: вспомнив несколько казусов на съёмках, Рожков, в свою очередь, заставил смеяться почти всех присутствующих. Исключением был Женька... Вернувшись, он никак не мог прийти в себя от встречи с Миленой, и почти не воспринимал услышанное... Собственно, он и не слышал ничего, погружённый в свои мысли. Подняв глаза, он случайно встретился с зелёным взглядом Алисы. После того, как Журавлёв выписался из больницы, она постоянно нарочно попадалась ему на глаза, когда он приезжал в студию на репетиции. Но все попытки вызвать его на общение терпели неудачу. Парень в лучшем случае отшучивался, а то и просто обходил её стороной. Другая бы на её месте давно оставила его в покое, но Алиса была не того склада. Она никогда не мирилась с поражениями и в любом случае доводила задуманное до конца — или получая то, что хотела, или отчаянно мстя за свою неудачу... В любом случае, последнее слово она привыкла оставлять за собой.

Наблюдательная от природы, сегодня Алиса не могла не заметить взглядов, которыми обменивались Журавлёв и новая няня Морозовых... Не будучи в курсе их прежних отношений, она сразу поняла, что между ними есть какая-то связь... Кроме того, новость, которую сообщили Женька с Настей, тоже стала для неё неприятным сюрпризом, от чего

настроение её окончательно испортилось.

Между тем, веселье за столом достигло наивысшей точки. Даже Наташа, которая употребляла алкоголь очень умеренно, находилась в крайне приподнятом настроении после двух больших фужеров шампанского. Когда москвичи, разгорячившись спиртным, попросили «чего-нибудь сыграть», она принесла свою гитару.

— Ну, что слабаем? — взяв у неё инструмент, Мазур провёл большим пальцем правой руки по струнам, — что-нибудь из классики мирового рока?..

— А из своего? — Артур, оператор, откинулся на спинку стула, — Классику мирового рока мы слышали... а «Ночной патруль» — нет...

— Что-нибудь из нашей классики?.. — переспросил Витька, на пробу перебирая струны.

— Пло косы! — протиснувшись вдоль стола, Валерка положил ручонки ему на колени и просяще заглянул в глаза, — Спой пло косы!

— Про косы?.. — Мазур улыбнулся малышу, — Про косы это к папе...

— Папа! — Валерик обернулся к Диме, — Спой пло косы!

— Димыч, а помнишь, как мы её хором тут пели? А потом ещё на улице орали... — вспомнив события пятилетней давности, Мазур гоготнул, — Когда Наташка от тебя в комнате закрылась?

— Та-а-а-к... — Анна Сергеевна шутливо нахмурила брови, — Когда это такое здесь было?!

— Димыч... я не хотел... — заржал Витька, приложив руку к груди, потом обернулся к Морозовой, — Тётъ Ань, как на духу, всё было очень давно, мы были трезвые, а соседи всё соврут!

— Понятно, — Анна укоризненно покачала головой.

— Начинай, — Дима махнул ему рукой, — пусть Валерка споёт.

— Дмитрич, споёшь? — обращаясь к Валерику, Мазур сделал серьёзное лицо.

— Да! — не менее серьёзно кивнул малыш.

— Тогда поехали... — Ещё раз тронув струны, Витька торжественно объявил, — Песня про косы!

Едва сдерживая улыбки, взрослые слушали, как маленький Валерик старательно поёт легендарную песню своих родителей. Мелодия выходила отлично, но со словами было сложнее — их трёхлетнему малышу для чёткости приходилось выговаривать чуть ли не по буквам, от чего исполнение становилось ещё трогательнее. Решив помочь сыну, второй куплет Наташа спела с ним дуэтом, а припев подхватили остальные.

— Валела и Натаса, и Дима Молозовы, и глуппа «Ночной патлуль»! — Валерик поднял вверх зажатый кулачок, когда за столом стихли бурные аплодисменты.

— Вот такие у нас подрастают таланты! — рассмеялся Дима.

Опрокинув очередную рюмку, сидевший всё это время молча Журавлёв поднялся из-за стола.

— Ну, что, покурить никто не хочет? — скорее утверждая, чем спрашивая, он смотрел куда-то вниз, себе под ноги.

— Я хочу, — Настя решительно встала следом за ним, — в подъезд пойдём?

— Зачем, — пожав плечами, Женька шагнул в сторону кухни, — на лоджии приятнее...

* * *

— Зачем ты так напился?! — вечером, дома, помогая раздеться, Настя сердито посмотрела на Журавлёва, — Говорила же — аккуратней... Все ребята трезвые, один ты в зююю...

— Да ладно тебе, — он вяло махнул рукой, — концерта нет, репетиции нет, расслабиться нельзя?

— Жень, ну, правда, стыдно же, — она попыталась расстегнуть на нём брюки, но он отвёл её руку, — даже Говоров с Мазуром вполне нормальные...

— У меня повод... — он потянул вниз молнию и, сняв брюки до колен, шлёпнулся на диван, — Я сегодня подал заявление... Я — жених...

— Ты — алкаш... — стягивая в него штанины, Настя привычно завела «старую песню», — Жень, неужели ты не понимаешь, что ты — алкоголик?!

— Я — рок-музыкант... А рок-музыканту без алкоголя нельзя... — послушно поднимая ноги, бормотал Журавлёв.

Он, действительно, сегодня напился... Сначала опьянения не чувствовалось вовсе, но, когда все начали собираться домой, он вдруг понял, что не может встать из-за стола. Морозову, который по причине «руля» не пил вообще, пришлось везти их с Настей на Женькином «ровере» домой, а самому добираться назад на такси.

— А ты сегодня, действительно, ходил курить на лестничную площадку? — Настя складывала его брюки, но вдруг резко повернулась.

— Угу, — прикрыв глаза, Женька начал дремать, и на её вопрос ответил скорее автоматически, не вдаваясь в смысл.

— А вот это у тебя откуда?.. — она держала в вытянутой руке детскую пустышку, — Откуда, Женья?!

— Что — откуда? — приоткрыв один глаз, он с трудом фокусировал зрение.

— Вот это! — она поднесла к его глазам свою находку, — Откуда в твоём кармане пустышка?

— На полу валялась... я подобрал...

— Зачем?! — присев рядом с ним, Настя внимательно следила за его выражением лица, но, кроме полусонного равнодушия лицо Журавлёва сейчас ничего не выражало.

— Не знаю... — произнеся это, он вдруг резко сел на постели и, сдвинув брови, слегка прищурился, как бы что-то вспоминая, — Слушай, а где мой телефон?

— Не знаю, в куртке, наверное, — она не сводила с него пристального взгляда, — А что?..

— Где он?.. — Женька попытался встать с дивана, но Настя тут же надавила ему на плечи и уложила назад.

— Он в куртке. Спи давай.

— Принеси...

— Слушай, Журавлёв... Если ты сейчас не уснёшь, я тебя чем-нибудь огрею. Не посмотрю, что ты герой дня, понял?

— Понял... Телефон принеси?..

— Завтра же пойду и заберу назад заявление... — она вскочила, и, громко топая, пробежала в прихожую. Пошарив по его карманам, достала из куртки телефон...

Весь вечер её не покидало ощущение, что с Журавлёвым что-то творится. Это началось с того момента, как они переступили порог квартиры родителей Морозова. С ним тут же что-то произошло, она почувствовала это. Неужели имя этой женщины так всколыхнуло его память? Настя была в курсе его неудавшейся любви... Его девушку тоже звали Милена. Но прошло уже столько лет... Неужели, просто услышав это имя, он впал в такую протрацию?!

Стоп!.. А, если дело не только в имени?.. Няня сидела с ними совсем недолго, но Настя заметила несколько пристальных взглядов, которые Милена бросила на Журавлёва... За ним она не следила, а, может, зря?..

А, что, если это и есть — т а с а м а я Милена?..

И он ходил вовсе не курить... он ходил — к н е й?! Откуда у него в кармане оказалась детская пустышка? Впрочем, может, он, действительно просто подобрал её с пола в квартире Морозовых... Но зачем тогда положил в карман?.. Зачем?!

Лихорадочно открыв меню, Настя нашла во входящих звонках незнакомый номер — он был не из телефонной книги Журавлёва. Впрочем, зная о его способностях, Настя не удивилась бы, если бы узнала, что его телефонная книга не содержит и трети номеров тех, с кем Женьку связывали очень тесные отношения...

Посмотрев на время звонка, девушка про себя усмехнулась — это было время, когда они вместе были у Морозовых. При ней Журавлёву не звонил никто... Значит, звонок был сделан тогда, когда он выходил покурить...

«Господи... Чего я себя накручиваю?! Да мало ли кто ему позвонил?! Ему без конца звонят знакомые музыканты, что тут особенного? — думала Настя, разглядывая неизвестный номер, — Но, с другой стороны, он как-то странно вспомнил о телефоне... Как будто хотел кому-то позвонить, или сам ждал чьего-то звонка... А это его непонятное состояние?..»

Вернувшись в комнату, она застала Журавлёва спящим. Кое-как успокоив себя, она тоже разделась и легла рядом с ним. В темноте уставившись в потолок, долго не могла уснуть. Мысли роились в голове, сменяя одна другую...

«Алкаш... бабник... сволочь...»

Она могла бы придумать ему ещё тысячу эпитетов... Но, вместе с тем, Настя твёрдо знала, что ни за что на свете не смогла бы расстаться с этим бабником и алкашом...

Проворочавшись с пару часов, она встала и, выйдя на кухню достала из пачки сигарету. Приоткрыв фрамугу, выпустила струйку дыма за окошко. На ум опять пришло странное поведение Журавлёва. И эта пустышка в его кармане... И этот номер в его телефоне... Почему-то он не давал Насте покоя больше всего.

Вернувшись в комнату, она взяла Женькин телефон и какое-то время просто держала его в руке. Потом зачем-то вышла в прихожую... Соблазн позвонить этому абоненту был так

велик, что Настя всё-таки не удержалась...

— Я слушаю... — голос на том конце был женским... но не это больше всего насторожило её... Уж как-то слишком взволнованно женщина ответила на звонок... как будто она его ждала...

Нажав на отбой, Настя присела на тумбочку. По телу пробежала неприятная дрожь... Такая дрожь у неё бывала только от плохих вестей.

Неожиданно телефон завибрировал в руках... Раздавшаяся следом мелодия заставила очнуться от невесёлых мыслей. Взглянув на входящий номер, Настя несколько секунд колебалась, но потом решительно нажала на клавишу:

— Алло...

* * *

Наташа несколько раз прибегала проведать дочку, и, когда девочка проснулась, позвала Милену снова присоединиться к их праздничному столу, но та отказалась. Радости от встречи с Журавлёвым Милена не испытала... Разочарования тоже не было, но появилась печаль... Печаль от того, что её мечтам снова не суждено было сбыться.

Да и мечты ли это?.. Сама себе что-то навывдумывала... Что это — не угасшая с годами любовь или прихоть неудовлетворённой женщины?.. Сама виновата... Не нужно было выходить замуж без любви. Лучшие годы прошли без страсти и головокружений, а вот теперь... Но, с другой стороны, она сама больше ни в кого не влюбилась за эти годы. А уж мужчин вокруг неё вилось всегда предостаточно. Даже Серёга — муж Ольги... И тот в самом начале их дружбы явно намекал на «левак»... Вспомнив об этом, Милена усмехнулась. Интересно, а если бы муж подруги пришёлся ей по сердцу... Смогла бы она закрутить роман?..

Вряд ли. Это она знает точно. Верность — своя или чужая, она свята. Она сама не смогла простить Женьку — тогда... Ей казалось, что это чудовищно... Его измена сидела в её сердце как осиновый кол, убивая все чувства...

Да, его измена убила в ней всё... Всё. Кроме любви. Любовь умирать никак не хотела... Она начала поднимать голову тогда, когда Милена справила по ней последние, как ей казалось, поминки... Она беспощадно добивала её... а любовь всё оживала и оживала...

Пока не ожила окончательно.

Но было уже поздно. Журавлёв женился. Вернее, его женили. Но теперь Милена знала что, прости она его тогда, всё вышло бы по-другому.

«Так чего же я теперь-то?..» — мучительно думала она, не сводя взгляда с того места, где всего пару часов назад стоял Женька. Да, пожалуй, нужно выкинуть всю эту чепуху из головы. В конце концов, она не ради него вернулась в родной город.

Щёлкнула дверь, и Наташа, весёлая, с румянцем на щеках, ворвалась в квартиру. Забежав на кухню, поставила на стол блюдо с большим куском торта и тут же примчалась в детскую.

— Всё, моя маленькая... всё! — подойдя к кровати, в которой сидела Анечка, она взяла на руки дочь и расцеловала её в обе щёчки, — Мама уже пришла!

— Все уже разошлись? — грустно улыбнувшись, Милена посмотрела на мать и дочь.

— Давно! Я помогала Анне Сергеевне со стола убрать, потом посуду перемыла, и — домой...

— А Валерик?

— Валерка с дедушкой сказку смотрит. Дима поехал Журавлёвых отвозить, вернётся и приведёт Валерку.

— Журавлёвых?.. — переспросила Милена.

— Да, Женьку с Настей. Женька выпил лишнего, ему нельзя за руль. А Дима не пил совсем, потому, что ему сегодня ещё нужно в студию ехать.

— Так поздно?

— А там допоздна открыто. Коллективы репетируют. А Дима — он может совершенно спокойно вообще не пить, даже на Новый год, — весело болтая и держа на руках ребёнка, Наташа выкатила из детской Анечкину кровать — та плавно передвигалась на четырёх колёсах и была очень мобильным предметом детской мебели. Поставив её, по обыкновению, в своей спальне, снова вернулась в детскую.

— Я Аню только что покормила и переодела, — отчиталась Милена.

— Спасибо вам огромное! — Наташка не знала, как благодарить девушку, — Вы просто клад, честное слово! Мне даже неловко, что вы столько времени проводите с нашими детьми...

— Я для этого и пришла к вам работать, — улынулась Милена.

— Нет, — Наташа замотала головой, — это не работа... Знаете, у меня такое чувство, что вы — родной человек, правда!

— Спасибо... Я тоже себя очень хорошо у вас чувствую.

— Сейчас я уложу Аню, и мы пойдём пить чай. Я принесла торт.

Звонок в дверь прервал их беседу.

— Дима позвонил, чтобы мы сами привели Валерика, потому, что он сразу поехал в студию, — Алиса стояла на пороге, держа за руку Валерку.

— Ну, и ладно, — закрыв за ними дверь, Наташа весело махнула рукой, — тогда сейчас обоих спать уложим, и — на кухню...

Уложив детей, все три девушки уютно устроились за кухонным столом. Исподтишка поглядывая на Милену, Алиса усиленно думала, как выудить побольше информации об их отношениях с Журавлёвым. Эта загадка целый день не давала ей покоя...

— Вкусный торт! — разглядывая кусочек бисквита на чайной ложке, Алиса деланно нахмурила бровки, — Недаром свадебный!

— Не свадебный, — поправила её Наташа, — а помолвочный...

— Какой?! — услышав странное слово, Милена удивлённо посмотрела на неё.

— Ну, это я так сама придумала, — рассмеялась Наташка, — просто этот торт Женька с Настей принесли в честь поданного заявления. А он такой огромный, что его не съели даже наполовину...

— Да, они сегодня подали заявление, — Алиса снова пытливо посмотрела на Милену, — Они встречаются уже целых три года, а пожениться решили только сейчас.

— Свадьба — это хорошо, — Милена едва улыбнулась уголками губ, — значит, люди любят друг друга.

— Ну, не знаю... — ковыряя ложкой крем, Алиса скривила лицо, — По-моему, они вообще — не пара...

— С чего бы это? — Наташа удивлённо приподняла брови.

— Ну, она какая-то слишком приземлённая, что ли... — Алиса снова бросила молниеносный взгляд на Милену, — Женьке нужна другая жена.

— Какая же? — подала голос Милена.

— Ну-у-у... Вот, например, такая, как вы, — теперь Алиса посмотрела на неё открыто, — Утончённая, красивая, интеллигентная...

— Браки совершаются на небесах, — ответила ей Наташа, — там виднее...

— Не всегда, — Милена снова грустно улыбнулась уголками губ, — вернее, не всегда люди это понимают и сопротивляются судьбе...

— А разве вы со мной не согласны? — Алиса старалась выглядеть искренней, — Вы же сидели напротив, видели, Женю... Вы его должны были хорошо разглядеть. Настя против него не тянет.

— Я как-то его не разглядела, — Милена внимательно посмотрела на девушку.

— Странно... он сидел напротив... — не унималась Алиса, но Милена больше не стала говорить на эту тему.

Немного посидев, зеленоглазая родственница ушла к себе. Оставшись вдвоём с Миленой, Наташа первая нарушила возникшее было молчание.

— Вы сегодня очень грустная... Что-то случилось?

— Нет-нет, — Милена постаралась придать лицу весёлое выражение, — у меня всё замечательно.

— Знаете, мне так неловко... Мы целый день веселились, а вы сидели с Аней...

— Наташа, я хочу вам сказать... Мне у вас очень комфортно, это правда. Я человек абсолютно независтливый, и чужая радость мне тоже в радость, как и чужое счастье. Вы — счастливая семья. И я немного счастлива рядом с вами...

— Вы такая добрая... И одна...

— Я была не одна. Я рассказывала вам свою историю...

— Я помню. Вы любили своего мужа?

— Когда-то я любила одного человека... Но не простила ему измену.

— И... вы любите его до сих пор?..

— Да... — Милена утвердительно покачала головой.

— А где он сейчас?

— Он здесь... в этом городе.

— Он женат?

— Почти...

— Простите меня, — решив, что она зашла слишком далеко в своих расспросах, Наташа дотронулась ладошкой до руки Милены.

— Ну, что вы... Знаете, Наташа, вы очень молодая, но с вами легко разговаривать.

— Дима пришёл! — услышав, как открывается дверь, Наташка выскочила из кухни. До

Милены донесли радостное «привет» и звук поцелуя.

Решив, что не стоит мешать молодым супругам, она отправилась к себе, в детскую. Она только сейчас почувствовала, как навалилась усталость и, раздевшись, с наслаждением легла в постель. Закрыв глаза, попыталась уснуть, но сразу не получилось — перед глазами стоял Женька... Она ясно видела его так, как днём, когда он пришёл сюда...

«Наваждение...»

А ещё эта тупая головная боль, разыгравшаяся так внезапно... Полежав с полчаса, Милена встала и, накинув на себя халат, достала таблетку и вышла с ней на кухню. Несколько минут назад Дмитрий и Наташа прошли в свою спальню — она слышала их шаги за дверью, поэтому она была уверена, что они уже легли спать. Включать свет в кухне Милена не стала — потолочные светильники из прихожей доставали своими лучами и сюда. Набрав воды в кружку, она уже собралась запить таблетку, как услышала шаги и негромкий смех Наташи...

— Учти, я сегодня пьяная... — в ночной тишине Милена хорошо разобрала её полушёпот. Подойдя к дверям ванной, девушка повернулась к мужу и, положив руки ему на плечи, поднялась на цыпочки.

— И что делают пьяные женщины?.. — улыбаясь, он сжал её в объятиях и поцеловал в губы.

— Они пристают к красивым мужчинам... — подставляя лицо для поцелуев, промурлыкала Наташа, — и не спрашивают их согласия...

— Мужчина уже согласен... — он резко подхватил её и, дёрнув на себя дверь, быстро шагнул в ванную.

— Ой!.. — тихонько пискнув, она обхватила руками его шею и уткнулась в неё лицом — длинные распущенные волосы упали ему на спину...

Дождавшись, когда за ними закроется дверь, Милена быстро выпила лекарство и торопливо вернулась к себе... Случайно подсмотренная сцена разволновала её... Она сама — молодая женщина, и у неё уже давно не было мужчины...

На память снова пришёл Журавлёв... Она представила его рядом с собой... Когда-то они так же вдвоём принимали ванну... Как давно это было. Ей вдруг до боли захотелось снова увидеть его, почувствовать его руки и губы... Если бы он оказался сейчас рядом, она отбросила бы все сомнения и условности...

Он обещал позвонить, но так и не позвонил... Наташа сказала, что он был сильно пьян. Возможно, не позвонил только поэтому?

Как бы отвечая её мыслям, телефон рядом завибрировал и засветился голубым светом...

— Я слушаю... — она с удивлением услышала лишь короткие гудки — позвонив, Журавлёв тут же сбросил звонок.

Немного подождав, Милена решила перезвонить сама. Длинные гудки шли совсем недолго...

— Алло?.. — вместо Женьки ответила женщина. От неожиданности Милена застыла. Она не сообразила даже, что нужно нажать на отбой... — Ну, что молчим?.. — женщина на

том конце явно осознавала, кому она позвонила.

Догадавшись, наконец, отключиться, Милена в изнеможении откинулась на подушку. Как же так?.. Неужели он всё рассказал Насте? Почему она решила вдруг позвонить? Нет... На него это не похоже...

Головная боль утихла, и она задремала. Сон был беспокойным, это был даже не сон, а полусон. Она не знала, сколько прошло времени, когда, услышав возню Валерика, проснулась. Сопя, полусонный малыш слез с кровати и, достав из угла горшок, молча уселся на него. Встав через минуту, натянул трусики и привычно направился к дверям.

— Ты куда?! — Милена мгновенно поднялась в постели.

— К маме... — Валерка потянул на себя дверную ручку и потопал в коридор. Поймать его она успела, когда мальчик уже открыл дверь в спальню родителей.

— Идём в свою кроватку, — подхватив ребёнка, Милена невольно скользнула взглядом по комнате — в свете ночника было хорошо видно, как молодая женщина спит в объятиях мужчины.

«Неужели так и вправду бывает?..» — тихонько прикрыв дверь, она поспешила скрыться в детской — сообразив, что его не пустили к маме, Валерка приготовился разреветься.

— Спать нужно в своей кроватке, — уложив ребёнка, Милена ласково гладила его по голове.

— Я к маме хочу, — он обиженно сморщил мордашку, — мама всегда лазесает...

— Мама разрешает, когда ты спишь один. А ты теперь не один, ты со мной. Хочешь, я посижу рядом, пока ты не уснёшь?

— Ну, ладно... — вздохнув, Валерик повернулся на бок, — Посиди, а когда устанес сидеть, я пойду к маме...

Проснулся Журавлёв от жуткой жажды. Сначала ему приснилось, что он хочет пить. Пытаясь позвать пересохшим ртом Настю, он не услышал своего голоса. Он снова и снова пытался произнести её имя, но все попытки разбивались о тишину, окутавшую всё вокруг... Наконец, решив, что кричать бесполезно, и нужно её, Настю просто найти, он дёрнулся вперёд и... проснулся.

Настя спала рядом, отвернувшись от него, и Женька, как можно осторожнее встал с постели. В кухне, залив в себя сразу две чашки тёплой воды из-под крана, тут же потянулся за сигаретой. Покурив в приоткрытое окно, распахнул холодильник и, не найдя в нём пива, уныло вернулся в комнату.

Часы показывали половину шестого утра. Взглянув на лежащий на столе телефон, тут же вспомнил события вчерашнего дня... Ещё раз бросив взгляд на Настю, снова скрылся в кухне. Он уже несколько раз просмотрел папки с входящими и исходящими звонками, но номера Милены в памяти телефона почему-то не было. Вернувшись в комнату, присел на диван возле спящей женщины и усиленно потёр ладонями лицо.

— Чего тебе не спится? — Настя сонно повернулась к нему.

— Курить вставал.

— Так ложись...

— Слушай, у нас пива, что, нет?

— Нет, — Настя села и сердито посмотрела на него, — Какое пиво?!

— Например, «Карлсберг». Можно и «Балтику» на худой конец...

— Жень, ну, может, хватит?! — Настя неожиданно повысила голос, — Тебе пить вообще нельзя! Ты уже по три дня остановиться не можешь, скоро по неделе бухать начнёшь...

— Да ладно тебе, все бухают...

— Не ври! Ты говорил, что Говоров с Мазуром алкаши...

— Я не говорил, что они алкаши... базар фильтруй... — перебив её на полуслове, Журавлёв резко поднялся и начал одеваться.

— Да ты всё время рассказывал, как вы с Саней зависали... и про Мазура тоже... А я вчера на них посмотрела — нормальные ребята, выпили по чуть-чуть, и всё... Морозов вообще не пил. А ты...

— Что — я?.. Морду кому-нибудь набил? — усмехнулся Женька, расправляя на себе футболку.

— А ты куда собрался? — не ответив на его вопрос, Настя встала, уперев руки в бока.

— За пивом, — расчесав перед зеркалом волосы, Журавлёв снял в прихожей куртку с вешалки.

— Ты не пойдёшь! — метнувшись к дверям, Настя загородила ему выход.

— Почему не пойду? — он невозмутимо пожал плечами и нагнулся, чтобы застегнуть ботинки, — Пойду.

— Ты не пойдёшь! — снова выкрикнула девушка.

— Подвинься, — он попытался отодвинуть её от дверей, но Настя упёрлась разведёнными руками в коробку, — Настя, ты же понимаешь, что я всё равно уйду. Не в

дверь, значит, в окно...

— Ну, почему ты такая скотина?! — она в отчаянии толкнула его в грудь, но он почти не шелохнулся; щёлкнув замком, она в сердцах распахнула перед ним дверь, — Вали ко всем чертям! Можешь вообще больше не приходиться!

— Я скоро, — протиснувшись мимо неё, Журавлёв торопливо сбежал с лестницы.

На улице было ещё темно. Выйдя на крыльцо, он полной грудью вдохнул морозный воздух и огляделся вокруг себя. До ближайшего ночного магазина было далековато, и он какое-то время стоял, размышляя, стоит ли заводить машину или отправиться пешком. Наконец, решив прогуляться, шагнул в темноту. Пройдя метров тридцать, Журавлёв внезапно остановился. Милена... Он хорошо помнил, как она делала ему дозвон — её номер должен был сохраниться в памяти... Но почему-то не сохранился.

«Значит, Настя стёрла», — подумал Журавлёв. Он ещё постоял с минуту, засунув руки в карманы. Если сейчас похмелиться, сегодня он уж не остановится... Вечерний концерт он отработает — так бывало уже не раз. Но Милена... Нужно как-то раздобыть её телефон. Да какой там телефон... Ему нужно её увидеть... Сегодня увидеть...

Резко развернувшись, Женька пошёл в обратном направлении.

— Ты что, машину заводил?! — Настя возмущённо встретила его дома, — Журавлёв, ты что творишь?! Ты ещё не проспался, отберут права к чертям собачьим!..

— Да не заводил, успокойся, — раздевшись, он прошёл сразу в ванную.

— Пешком, что ли, ходил? — она подозрительно наморщила лоб, — Так быстро?

— Никуда я не ходил, — Женька нетерпеливо смотрел, как наполняется ванна, — успокойся...

— И пива не купил?..

— Не-а...

— Ну, ладно... — она подошла сзади и, обняв за пояс, прижалась к нему, — И правильно...

— Угу... — развернувшись, он мягко отстранился от неё и прошёл в комнату.

— Ты за бельём? — Настя просеменила следом, — Подожди, я сейчас всё достану...

— Слушай, мне вчера никто не звонил? — открыв шкаф, Женька замер, глядя на полку.

— Нет, — не совсем уверенно ответила Настя.

— Понятно... — её неуверенный тон только подтвердил его догадку. Да, она порылась в его телефоне и удалила номер Милены. Но почему? Она не знает, чей это номер... Или она перезванивала?..

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Еле дождавшись, когда часы, наконец, покажут десять часов утра, Журавлёв набрал номер Говорова.

— Саня, здорово. Напомни, что за новый магазин по запчастям для «роверов» открылся? Вроде, ты вчера говорил?.. В каком районе?.. Это недалеко от ледового дворца?.. Всё, благодарю...

— Ты что, опять куда-то собрался? — Настя, с кухонным полотенцем через плечо и деревянной лопаткой в руке вышла из кухни, — Жень?

— Да, — он достал из ящика стола пачку денег и, отсчитав несколько купюр, положил

их в бумажник, — надо в запчасти съездить. Саня сказал, в их районе новый магазин открыли.

— Что-то с машиной? — она почему-то очень пристально вглядывалась в его глаза.

— Масляный фильтр нужно купить.

— Ты же на днях покупал...

— Я воздушный покупал. А теперь нужно масляный...

— Жень... — Настя заметно волновалась, но он не обратил на это внимания, — А зачем тебе в новый магазин? Старый ближе...

— Ну, что за допрос, Настя? — повернувшись в её сторону, Журавлёв усмехнулся, — Я еду в запчасти, что тут такого необычного? Куплю фильтр, заодно узнаю, сколько у них тормозные колодки стоят. Вдруг, дешевле... Пора уже менять.

— А когда мы поедem в свадебный салон?

— На днях. Сегодня у меня рожа не для свадебного салона...

— А что, для салона запчастей твоя рожа подойдёт? — съязвила Настя.

— Для запчастей — самое то.

* * *

Всю дорогу до дома Морозовых Женька усиленно пытался шевелить мозгами, придумывая, чем оправдать столь ранний визит. Но, неподвижные «после вчерашнего» мозги так и не выдали ни одной правдоподобной идеи, поэтому, заглушив машину в знакомом дворе, он просто шагнул в подъезд, ведомый лишь вспыхнувшими вчера чувствами.

— Привет! — Наташа приветливо улыбнулась, открыв перед ним дверь, — Заходи. Ты к Димке?

— Да я, в общем-то к тебе, — он переминался с ноги на ногу, — у меня вчера пакет с новыми струнами в кармане был, не знаю, где выронил... Может у вас?..

— Струны?.. — Наташа призадумалась, как бы вспоминая о чём-то, — Я не видела, но сейчас поищем... Я ещё не убиралась, так что, может, где-нибудь и лежат. Ты проходи.

— Угу, — раздевшись, Журавлёв прошёл в квартиру.

Сидя на диване в гостиной, куда его пригласила Наташа, он с угрызениями совести наблюдал, как она заглядывает во все уголки большой комнаты, в поисках придуманных им гитарных струн.

— Здесь точно нет, — Наташа растерянно развела руками, — А в студию ты не заходил?

— Не-а...

— А в кухню?

— Нет... А где Димон?

— Дима уехал в студию. Там почему-то сработала пожарная сигнализация, хотя пожара никакого не было. Вот он поехал разбираться. Слушай, а, может, ты у Анны Сергеевны струны выронил?

— Может быть, — закивал Женька, — хотя, может, я их ещё раньше потерял.

— Я сейчас к ним схожу, — Наташа торопливо вышла из комнаты. Дождавшись, пока за ней захлопнется дверь, Журавлёв подошёл к дверям детской, но, заглянув туда, разочарованно вернулся в гостиную — ни Милены, ни ребёнка там не было. Не было их и в

кухне...

— У родителей твоих струн я тоже не нашла, — Наташа смотрела на него так виновато, будто это она потеряла эти струны...

— Ты что, одна дома?..

— Ага, — кивнула Наташа, — Милена с Анькой ушли гулять, а я завтрак готовлю. Оставайся? Сейчас они вернуться, и вместе позавтракаем.

— Не, — он почему-то торопливо схватил свою куртку, — в другой раз. Побегу...

— Ну, беги, — улыбнулась Наташа, — Насте привет!

Выскочив из квартиры, Журавлёв спустился на первый этаж. Взявшись за ручку входной двери, он уже начал её открывать, как тут же снова захлопнул за собой и, встав чуть левее, притаился...

Распахнув широкую металлическую дверь, Милена попятилась, протаскивая следом за собой коляску.

— Ой!.. — почувствовав, как чьи-то руки сомкнулись у неё на талии, она испуганно вскрикнула, и чуть было не отпустила ручку коляски.

— Привет... — до боли знакомый голос раздался у неё над ухом.

— Ты?! — обернувшись, она изумлённо смотрела на Журавлёва снизу вверх, — Господи...

— Ты чего так испугалась? — он улыбался, глядя на неё.

— Я не ожидала... а если бы я сейчас коляску выпустила?! Здесь под уклон...

— Извини... — взяв коляску за ручку, Женька окончательно затянул её в подъезд, — Я помогу.

— Ты приходил к Морозову? — всё ещё не оправившись от испуга, Милена говорила чуть дрожащим голосом.

— Вообще-то я приходил к тебе.

— Ты что... Так им и сказал?

— Конечно, — пряча улыбку, соврал Журавлёв.

— Подожди... наверное, так нельзя... Что они подумают?

— Да пошутил... — рассмеялся он, — Я же понимаю. Я сказал, что струны потерял.

— Мне нельзя терять эту...

— Ты замужем?.. — он перебил её на полуслове.

— Нет... Уже нет, — Милена с тревогой посмотрела на входную дверь — с минуты на минуту кто-нибудь мог войти и застать их в полутёмном подъезде, перегородившими коляской небольшой лестничный пролёт.

— Давай встретимся? — Женька тоже повертел головой, — Ты сможешь сегодня?

— Да... наверное... — она лихорадочно соображала, сможет ли сегодня отлучиться на несколько часов. По всему выходило, что — сможет, — А где?

— Я заеду за тобой, — чувствуя, как его охватывает волнение, Журавлёв смотрел на неё во все глаза. Милена выглядела очень молодо, и ему показалось, что этих девяти лет не бывало вовсе, и что перед ним всё та же девочка, которую он помнил все эти годы.

— Во сколько? — она тоже почувствовала, как во рту всё пересохло, — Вечером я

должна быть дома...

— Я знаю, — кивнул Женька, — давай, через час... Сможешь?

— Не знаю... Я сейчас спрошу Наташу.

— Позвони мне.

— Я вчера звонила...

— Ответила Настя?

— Да...

— Сегодня отвечу я. Да... Скажи мне свой номер.

Поднявшись в квартиру в смятённых чувствах, Милена разделась сама и раздела девочку. Почему-то ей было неловко отпрашиваться у Наташи, хотя та целый день была свободна. Наконец, решившись, она изложила свою просьбу отлучиться до вечера.

— Ну, конечно! — Наташа пожала плечами, — только в восемь мы с Димой должны будем уехать. Мы сегодня выступаем в одном клубе. Сначала мой блок, потом блок «патрулей», но я его дождусь, так что приедем мы очень поздно.

— Я буду дома уже в семь.

* * *

Наташа с удивлением проводила взглядом Милену — буквально за полчаса та полностью преобразилась. Укладка, макияж, стильные сапожки... и лёгкий аромат духов, оставшийся после её ухода, не оставляли сомнений: молодая женщина собралась на свидание...

Журавлёв ждал её в машине, недалеко от дома.

— Куда мы едем? — устроившись на переднем сиденье, Милена повернула к нему голову.

— Ко мне, — вырвав на проезжую часть, он оглянулся по сторонам.

— К тебе?! — она изумлённо уставила на него свой карий взгляд, — Ты хочешь меня познакомить...

— Ко мне на квартиру, — он уже в который раз за сегодняшний день перебил её на полуслове, — там никого нет.

— Ты здесь не живёшь? — через полчаса, войдя в тёмную прихожую, Милена остановилась у двери.

— Нет... — повернув её к себе лицом, Женька уверенно расстёгивал молнию на её пуховике. Он нарочно не стал включать свет, а она не напомнила ему об этом...

Ощувив его близость, она, казалось, утратила способность двигаться... Она только чувствовала его руки — сначала на своих плечах, поверх шуршащей ткани... потом — на теле... Всё произошло так быстро, что она не успела даже возразить... Впрочем, она и не собиралась ему возражать...

Забывший запах его тела, его волос... Всё сейчас было по-другому. И лишь

прикосновения рук и губ — они остались прежними... Слабый запах перегара не смогли перебить ни жевательная резинка, ни лавровый лист, но она не обращала на это внимания, с головой кидаясь в свою страсть, охватившую её, кажется, впервые в жизни.

— Сколько времени?.. — положив голову ему на грудь, Милена боялась открыть глаза — ей казалось, что, открыв она глаза, это внезапно нахлынувшее чувство исчезнет...

— Половина шестого, — пошарив рукой на полу, среди разбросанной одежды, Женька нашёл свой мобильник и посмотрел на дисплей, — тебе что, уже пора?

— У меня ещё минимум полтора часа, — она всё же разомкнула ресницы и, привстав, посмотрела на него, — а у тебя?..

— Так же.

— Твой телефон звонил несколько раз...

— Знаю, — Журавлёв отвечал лаконично, глядя куда-то в потолок.

— Тебя ищут?..

— Наверное, — он сказал это равнодушно, думая о чём-то совершенно другом.

— Она может сюда прийти?

— Нет...

— Послушай... — она резко села в постели, — Если ты жалеешь, что...

— Иди сюда... — он тут же снова потянул её к себе и, уложив на подушку, наклонился к её лицу, — Ленка... все эти годы я только и думал о тебе... я только и мечтал о тебе...

— Почему же ты меня не нашёл?.. — прошептала она, глядя прямо ему в глаза.

— Ты не оставила мне шансов.

— Я оставляла тебе шансы... Я ждала, что ты снова придёшь...

— Я приходил к тебе тысячу раз, и что?..

— Я ждала тебя в тысячу первый...

— Прости, я этого не знал...

— Я простила ещё тогда...

— Почему ты не пришла сама?

— Я приходила... Пятнадцатого мая... Ресторан «Париж»...

— Ты была там?!

— Да... Твоя невеста была в платье с высокой талией.

— Это разговор без конца.

— Женька... — выдохнула Милена, притянув его за шею, — Женька...

...Она не узнавала себя. Впервые в жизни тайные желания взяли верх над разумом. Окунаясь с головой в свою страсть, Милена как будто брала реванш за все годы холодного супружества... Чувства её подстёгивались ещё и тем, что эту страсть она испытывала к любимому мужчине. Сейчас ей было всё равно, что у него есть другая женщина, и что он хочет на ней жениться... Она совершенно об этом не думала, погружённая в свои чувства... При других обстоятельствах Милена ни за что не позволила бы себе такой поступок... но сейчас она совершенно не могла совладать с собой... А, вернее — не хотела.

Они снова не заметили, как пролетели ещё полтора часа...

Одеваясь, она думала только об одном — что он скажет ей сейчас... Назначит ещё

встречу или молча отвезёт назад?

Остановившись недалеко от дома Морозовых, Журавлёв повернулся к девушке и, наклонившись, поцеловал.

— Лена... Ленка... — он блуждал губами по её лицу и шее, крепко сжимая в объятиях, — Завтра у меня нет выступлений... Ты сможешь уйти вечером?

— Я не знаю... — закрыв глаза, она тонула в его поцелуях, — А ты... разве ты сможешь уйти?..

— Смогу...

...Когда она скрылась из виду, он вдруг положил сложенные локти на руль и уронил на них голову...

* * *

Целый день Настя проходила из угла в угол. Уехав, якобы, в магазин запчастей, Женька неожиданно перезвонил через час и сказал, что ему срочно нужно заехать к родителям, а потом — в студию, на звукозапись.

«Приеду поздно», — с этими словами Журавлёв отключился.

Несмотря на то, что они были близки уже четвёртый год, со своими родителями он Настю до сих пор не познакомил. Они знали о ней ровно столько, сколько сообщил им Женька, и то под напором матери. «Ты жениться-то собираешься?» — неизвестно в какой раз спрашивала его Валентина Васильевна, на что сын неизменно отвечал: «А как же... С временем — всенепременно!..»

С Настей родители никогда не пересекались и не перезванивались, да и сам Женька виделся с ними всё реже и реже, с головой уходя в концерты и гастроли, разбавленные частыми застольями и откровенными загулами.

Но сегодня, прождав его пол дня, после серии безответных звонков, она вдруг, впервые, набрала номер квартиры родителей Журавлёва.

«Женя?! Нет, не приходил», — удивлённая её звонком, Валентина Васильевна хотела что-то уточнить, но Настя спешно попрощалась и положила трубку. Тоска, щемящая и безнадежная, змеей заползала в самое сердце. Его враньё было настолько неприкрыто, что можно было не проверять и не сомневаться — у него что-то на уме... Что-то своё, далёкое от Насти... Далёкое, если не сказать хуже.

Узнавать, был ли он в студии, она не стала. Из всех «патрулей» она знала лишь телефон Говорова, и то он попал к ней случайно, и девушка постеснялась звонить Сашке и спрашивать про Журавлёва.

«Может, что-то случилось? — подозрение сменилась тревогой, — Или где-нибудь пьёт?..»

Она уже выкурила пачку сигарет, но дозвониться до него так и не смогла.

Промаявшись почти до восьми вечера, она снова, почти наугад, набрала его номер, даже не надеясь, что он ответит, но, к её удивлению, услышала в трубке Женькин голос...

«Сейчас приеду, — голос показался ей абсолютно трезвым, — приготовь мне концертный костюм...»

Она была рада уже тому, что он был трезв как стёклышко, и что не собрал свои вещи — мысленно перебрав абсолютно все причины его сегодняшнего отсутствия, Настя была готова уже и к этому варианту... Приготовив ему костюм, она сама собралась в этот вечер на работу — Журавлёв сначала завёз её в «Золотой Лев», а потом уехал выступать в другой клуб. Под утро, в конце смены, он даже порадовал её тем, что приехал забрать её с работы — вернувшись домой, вконец успокоенная Настя заснула в его объятиях со счастливой улыбкой на лице...

Весь следующий день Женька провёл дома. Он снова был абсолютно трезвым, и Настя от радости не знала, чем его ещё побаловать, выдавая шедевры кулинарного искусства. Когда вечером он снова повёз её на работу, и даже остался там же, в клубе, она была готова к тому, что уж сегодня-то он напьётся... Но, к её очередному удивлению, в одиннадцать вечера Журавлёв всё ещё не выпил ни одной рюмки.

— Что-то ты сегодня какой-то подозрительный, — пряча улыбку, Настя наливала ему томатный сок в широкий стакан, — трезвый, смирный... А, Журавлёв?

— Тебе что, не нравится? — сделав глоток, он снова повернул голову в сторону сцены, где сегодня выступала Наташа Морозова.

— Почему, — облокотившись на стойку, Настя смотрела на него любящим взглядом, — нравится... Непривычно только.

— Привыкай, — он не сводил глаз со сцены.

— Или всё же причина в ком-то другом?.. — скосив глаза в ту же сторону, Настя попыталась пошутить, — Наташа выступает, и ты тут крутишься... Вон, только и смотришь туда...

— Не пойму, что у них со звуком... — Женька нахмурился, как будто усиленно прислушиваясь к музыке.

— А что со звуком? — Настя пожала плечами, — Звук как звук... Один грохот, как обычно.

— Ну, вот, грохот и есть. А голоса нет...

— Ну, наверное, так задумано, — она снова пожала плечами и принялась протирать стаканы.

— Пойду, узнаю, в чём проблема, пока у них перерыв, — поставив стакан на стойку, Женька двинулся в сторону сцены.

Наташку он нашёл в гримёрной — та плакала.

— Что у вас со звуком? — Женька удивлённо смотрел, как она аккуратно, чтобы не размазать тушь, вытирает слёзы с глаз.

— А это у Пороха спроси, — Наташа в очередной раз шмыгнула носом, — Он мне вот так уже третье выступление запарывает.

— А что говорит?

— А ничего, — она развела руками, — говорит, что это мои капризы. А Дима ему верит...

— Ну, в общем-то, я тоже не глухой... — Женька покачал головой, — А чего Димон сам не приехал послушать?

— Он сейчас в аэропорту, родителей провожает на отдых, — Наташа присела на стул и вытянула уставшие ноги, обутые в туфли на высоком каблуке, — а оттуда заедет за мной, но концерт к тому времени уже закончится.

— Надо было на час позже твой блок ставить, чтобы он всё сам услышал.

— Нам сегодня нужно домой попасть пораньше — наша няня попросила отпустить её до утра...

— Ясно... — Женька загадочно улыбнулся, но Наташа не обратила на это внимания, — Слушай, а зачем Пороху такие косяки? Это же серьёзные косяки...

— Да он просто мне мстит, — не удержалась Наташа, — тупо глушит голосовой канал. Я с ним ругаюсь, а ему хоть бы что... Ещё и Димке на меня первым жалуется.

— Ну, а причина-то какая-то есть? — Женька недоверчиво хмыкнул, — Для таких косяков причина должна быть веская, он же свою репутацию звукача мочит.

— Есть... — немного поколебавшись, Наташа решила рассказать всё Журавлёву, — Понимаешь, он ко мне пристаёт.

— Серьёзно, что ли? — Женька удивлённо уставился на девушку, — Натурально пристаёт?

— Натурально, — кивнула та, — ещё с той самой поездки. Я его из номера выгнала, вот он и мстит.

— А Диме почему не расскажешь?

— Я не могу... — Наташка грустно потупила глаза, — Как я ему скажу, ну, вот как?!

— Очень просто, — Женька пожал плечами, — Как есть, так и скажи. Я могу и сам ему сказать, только как это будет выглядеть?

— Я не знаю...

— О, у вас интимная встреча? — заглянув в дверь, Порох ехидно прищурился, — Я не помешал?

— Не помешал, — Журавлёв развернулся к нему всем корпусом, — Андрюха, что за лажа со звуком?

— А что у нас со звуком? — Порох сделал невинное лицо, потом повернулся к Наташе, — Наташенька, ты уже на меня своим бойфрендам жалуешься?

— Андрей, я никому не жалуюсь, — повысив голос, начала было Наташа, но Журавлёв, снова усадил её на стул, слегка нажав на плечи.

— Т-с-сс... — приложив палец к губам, он перевёл взгляд с неё на Пороха, — Андрюха, я и сам пока не глухой.

— А я не слепой, — усмехнувшись, Порох взялся за ручку двери, — у вас две минуты, пока подтанцовка не пришла...

— Вот видишь? — Наташа возмущённо кивнула на дверь, за которой скрылся звукорежиссёр, — И так каждый раз. А завтра он нажалуется на меня Диме, а Дима позвонит Костюку, и Костюк ему скажет, что всё нормально, потому что его опять здесь не было...

— Завтра я сам скажу Диме, — Женька успокаивающе кивнул девушке, — но только про звук. Об остальном скажи ему сама...

Настя всю оставшуюся ночь тщетно выглядывала Женьку в толпе посетителей — после концерта Наташи Морозовой он куда-то загадочным образом исчез... Позвонив ему на

мобильный, она поняла — вчерашняя история повторяется. Телефон оказался отключенным. Выйдя в пять утра из клуба, она не увидела на стоянке его автомобиля, и вынуждена была взять такси. По дороге она мысленно готовилась отругать его за то, что он не дождался её, или, хотя бы, не предупредил, что уйдёт раньше, но, войдя в квартиру, догадалась: Журавлёв дома ещё не появлялся...

Сделав ещё пару безответных звонков, она устало присела на край дивана... Подозрения, которые ей вчера удалось прогнать из своего сердца, неумолимо возвращались...

...Когда около десяти утра в замке повернулся ключ, она ещё не спала...

— Ты куда?.. — Женька удивлённо смотрел, как Настя решительно поправляет перед зеркалом макияж.

— В ЗАГС, — взбив причёску, она кинула в сумочку мобильный телефон и сняла с вешалки куртку.

— Зачем? — нахмурившись, он застыл в дверном проёме.

— Заявление забирать, — она ещё раз посмотрелась в зеркало и, переступив порог квартиры, процокала каблучками по лестничной площадке.

Останавливать её он не стал. «Вернётся», — подумал Женька, как только за Настей захлопнулась дверь, и не ошибся. Не прошло и десяти минут, как она снова вошла в квартиру и, не раздеваясь, присела рядом.

— Знаешь, Журавлёв, что самое плохое в наших отношениях?.. — положив руки на колени, Настя опустила голову.

— Знаю, — он лежал на диване с закрытыми глазами, подсунув под голову ладони, — самое плохое — это я.

— Самое плохое, это то, что от тебя невозможно уйти.

Настя говорила тихо, в её голосе слышалась настоящая скорбь, и Журавлёв ощутил, как в душе что-то сжимается... сжимается от чувства вины перед этой худенькой, абсолютно не счастливой женщиной, которая любила его настолько искренне, что была способна прощать до бесконечности. При других обстоятельствах он бы нашёл способ успокоить её и найти себе оправдание, но сейчас язык не поворачивался ни соврать, ни сказать правду...

Вчера, поздно вечером, дождавшись, пока Морозовы вернутся домой и отпустят Милену, он, ничего не сказав Насте, уехал из ночного клуба. Встретив Милену возле подъезда, усадил её в машину и снова увёз в свою холостяцкую квартиру... Если позавчерашний день они в буквальном смысле безвылазно провели в постели, то за сегодняшнюю ночь успели наговориться и уснули только под самое утро. Видимо, Милена заранее поставила будильник, потому, что, проснувшись от телефонного звонка, Журавлёв не обнаружил её рядом с собой. Звонок оказался от неё же — встав около восьми утра, она бесшумно оделась и покинула его дом.

— Почему ты ушла?.. — услышав её голос в трубке, Женька посмотрел на подушку, на которой она совсем недавно спала, — Ты где?!

— Я уже возле дома, — её голос звучал как-то печально, — решила позвонить, чтобы ты не проспал и не искал меня...

— Почему ты ушла?! — резко поднявшись, он снова повторил свой вопрос.

— Я подумала, что так будет лучше.

— Кому?..

— И тебе, и мне.

— Разве что-то не так?

— Тебе нужно идти домой...

— Я дома.

— Ты понял, что я имела в виду...

— Лена... — начал было он, но она его перебила:

— Послушай меня... только не перебивай. Я всё понимаю. Ты не один... А я ни на что не претендую.

— Я не хотел, чтобы ты ушла вот так...

— А как? — она усмехнулась, — Мне всё равно нужно было уходить. Какая разница — как?

— Ты сбежала.

— Да, я сбежала, — она сказала это, уже открывая входную дверь подъезда, — и я думаю, что сейчас нам нужно какое-то время, чтобы прийти в себя.

Вспоминая этот утренний разговор с Миленой, Женька в глубине души ловил себя на мысли, что теперь он совершенно не знает, что делать... У него всегда было много женщин, и, собираясь связать свою жизнь с Настей, он вовсе не готовился отказываться от прежних и будущих подруг. Но Милена не могла быть штатной подружкой на стороне... За позавчерашний день и сегодняшнюю ночь он окончательно убедился, что она осталась его единственной по-настоящему любимой женщиной. Женщиной, с которой он был готов засыпать и просыпаться каждый вечер и каждое утро... Женщиной, которую он желал видеть рядом с собой всю оставшуюся жизнь. После её неожиданного утреннего бегства он ещё около часа валялся в постели, не в силах вылезти из-под одеяла, которое, как ему казалось, всё ещё хранило тепло и аромат её тела...

Он лежал и мучительно думал, как будет объясняться с Настей. Домой Журавлёв ехал с твёрдым намерением всё ей рассказать и, собрав вещи, вернуться в свою квартиру. Но, взглянув ей в глаза, увидел в них настоящую боль, и... не смог произнести ни слова.

Если бы Женьку спросили, любит ли он Настю на самом деле, он и сейчас не смог бы сказать твёрдое «нет». Настя для него была не просто удобной «подушкой». Она была для него и подушкой, и плечом, и лекарством от одиночества. За эти годы она стала неотъемлемой частью его жизни — частью незаметной, но абсолютно незаменимой.

Он смотрел, как вздрагивают её худенькие плечи, и понимал — вот именно сейчас он не сможет ей признаться.

— Настя... — он провёл рукой вдоль её позвоночника, — Не плачь.

— Где ты был? — всё так же, глядя куда-то вниз, глухо спросила девушка.

— У себя на квартире, — он решил её не обманывать хотя бы в этом.

— Что ты там делал?

— Спал, — его рука ещё раз скользнула по её спине — в этом жесте было больше дружеского участия, чем мужской ласки.

— С кем?

— Один!.. — у него получилось очень искренне, с долей некой обиды, так, что она, кажется, сразу поверила.

— А зачем?.. — повернув к нему заплаканное лицо, Настя спросила уже спокойнее, — Зачем ты туда поехал?!

— Хотел струны гитарные забрать. Потом телевизор включил и уснул... Почему-то устал вчера.

— Правда?.. — она вытерла остатки слёз с лица.

— Правда.

— Потому, что нужно отдохнуть! Какого чёрта ты вчера вообще поперся со мной?! Я что, сама бы не доехала?

— Ладно, не ори... — закрыв глаза, Женька сделал вид, что начинает дремать, но Настя наклонилась и положила голову ему на грудь.

— Жень... — тихо позвала она его, — не бросай меня...

— Ну, всё, всё... — он провёл ладонью по её волосам, — Всё...

— Не бросишь?

— Чего ты не раздеваешься? — понимая, что не сможет ответить ни да, ни нет, сонным голосом спросил Журавлёв.

— Ты так и не ответил, — как будто подводя итог их разговору, Настя грустно усмехнулась и, встав, сняла куртку.

— Ты же знаешь, что я не люблю все эти муси-пуси, — Женька отвернулся к стене и, натянув на себя одеяло, зевнул, — я ещё посплю с часик, ага?

* * *

Вернувшись в квартиру Морозовых, Милена торопливо разделась и заглянула на кухню.

— Доброе утро! — Наташа, улыбаясь, кивнула ей от стола, где она нарезала батон, — Как раз к завтраку.

— Доброе утро, — Милена почему-то слегка смутилась, — спасибо, я не очень...

— Нет-нет, сейчас все будем завтракать, — Наташа утвердительно кивнула головой, — ещё Алиса должна прийти...

— А Валерик?.. Его уже отвели в садик?

— Да, я отвела. А Дима с Аней ещё спят, — Наташа вдруг рассмеялась, — если бы вы видели, как мы сегодня спали! В два часа ночи притопал Валерка, а потом и Аня разревелась, пришлось её тоже к себе брать... В шесть утра Диме позвонили из Москвы, он проснулся и говорит — я перезвоню, я в детях с ног до головы...

— Наверное, это самые счастливые минуты, когда вот так — все вместе... — чуть улыбаясь, Милена присела за стол.

— Да, — Наташа открыла холодильник и достала оттуда нарезанный тонкими ломтиками сыр и сливочное масло, — это самые счастливые минуты. Кстати, как у вас дела? Всё хорошо? Если честно, я беспокоилась, где вы будете ночевать...

— Всё замечательно, — Милена вдруг погрузилась, — и вы не беспокойтесь... Больше я не собираюсь злоупотреблять вашим сочувствием к моим проблемам.

— Почему?! — Наташа весело-удивлённо посмотрела на девушку, — Злоупотребляйте! Когда мы дома, вы можете в любое время уходить по своим делам. Главное, чтобы вы не остались на ночь на улице.

— Нет, сегодня я спала не на улице...

После завтрака Милена одна ушла в детскую — Наташа сама решила прогуляться с дочерью, а Дмитрий уехал в студию.

Ночью она спала всего два часа, и сейчас с огромным удовольствием припала бы к подушке... Но зеленоглазая родственница Морозовых не торопилась покидать квартиру и, постучав, заглянула в дверь.

— Заходи, Алиса, и без стука, — Милена приветливо кивнула девушке, — ты сегодня не едешь на работу?

— После обеда, — Алиса вошла в комнату и, присев на край дивана, внимательно посмотрела на Милену, — мы работаем после обеда, когда приезжает главный модельер.

— Тебе нравится твоя работа?

— Ну... — девушка слегка замялась, — Вообще-то мне хотелось бы именно моделировать костюмы, а я просто снимаю мерки и крою.

— Ничего, всё, наверное, впереди?

— Ну, может быть... — по всему было видно, что Алису терзает какой-то вопрос, который она никак не решится задать, — Вообще это работа временная. Я просто участвую в создании костюмов для нового шоу. Как только мы их пошьём, моя работа закончится.

— Я думаю, Дмитрий позаботится о тебе. Он очень внимательный и хороший брат. Я не ошиблась?

— Ну, да-ааа... Димка хороший... И Анна Сергеевна тоже. Вчера они уехали в отпуск, и мне так грустно без них... — Алиса притворно вздохнула, — Всю ночь не спалось. Сидела и смотрела в окно... Даже видела, как вы ночью куда-то уходили...

— Да, мне нужно было отлучиться по делам, — Милена исподтишка посмотрела на девушку — она уловила в её тоне неискренние нотки, но решила удовлетворить её любопытство, — но Наташа была на выступлении, а Дмитрий провожал родителей. Мне пришлось сначала дожидаться, пока они вернутся домой.

— По ночам так романтично... — Алиса мечтательно подняла глаза вверх, — Жаль, что мне некуда пойти ночью...

— У тебя ещё всё впереди, — рассмеялась Милена, — и ночью, и днём...

Проводив девушку, которая так ничего и не выяснила по поводу её ночного ухода, Милена всё же прилегла. Она могла бы с полным правом сказать, что сегодняшняя ночь была для неё самой счастливой... Счастливой — несмотря ни на что. Несмотря на то, что в их отношениях с Журавлёвым стоял огромный вопросительный знак. Зная, что у него есть невеста, Милена не смогла удержаться от того, чтобы не броситься в его объятия и не оказаться в его постели... Это было против её собственных принципов. Но она ничего не могла поделать с собой. Она, всегда свято чтившая верность, просто не смогла поступить по-другому... Не смогла, ясно осознавая, что это внезапное счастье может окончиться так же неожиданно, как и возникло.

Вечером, перед тем, как уехать на очередное выступление в ночной клуб, Наташа заглянула в детскую:

— Диме только что позвонили из другого города. Меня приглашают выступить на юбилее одного крупного предприятия, и послезавтра я улечу.

— Вы улетите вдвоём? — присев на корточки возле манежа, Милена наблюдала, как Аня учится ползать и, услышав Наташу, повернулась к ней.

— Нет, у нас сейчас предпраздничные чёсы. Восьмое марта — это, как и новый год, сплошные концерты. У меня в этот день тоже должно быть выступление, всё уже оговорено, но Димка не смог отказать, потому, что предприятие очень крупное, и они такой гонорар предложили, что мне его за три выступления в клубах не заработать.

— И как же теперь?..

— Дима выступит вместо меня. У него есть своя запасная вокальная программа.

— Без «Ночного патруля»?

— Да, без ребят. Он же сам певец, у него всегда есть запасные варианты на случай, если

я вдруг не смогу допеть или заболелю. Тогда он выступает сам.

— А что он поёт?

— Да обыкновенную попсу, — рассмеялась Наташа, — например, песни 90-х, это на ура всегда проходит. В крайних случаях он поёт и под фонограмму.

— Да? — Милена улыбнулась, — А я думала, что певцы могут петь только что-то определённое...

— Не всегда. Это наш заработок, поэтому мы поём всё, что поётся. Но, конечно, рок для него на первом месте. Это уже не бизнес, это его жизнь.

— Не волнуйтесь, — поднявшись во весь рост, Милена посмотрела на Наташу, — выступайте спокойно, дети будут со мной.

— Спасибо вам, — Наташа приложила руку к сердцу, — к сожалению, вам придётся быть с ними все дни до праздника, и даже 8 марта мы будем выступать в ночном клубе, но днём я вас обязательно отпущу!

— Спасибо, — Милена грустно улыбнулась, — но это не нужно... Мне всё равно некуда идти.

* * *

Когда Морозову позвонили с предложением устроить концерт Наташи на юбилее крупного предприятия в северном городе за несколько сот километров, он сразу был вынужден отказать звонившему — все предпраздничные дни у них были уже расписаны, и именно в этот день она должна была выступать на другом корпоративе в своём городе. Но когда буквально через десять минут прозвучал другой звонок и тот же голос повторил свою просьбу, предложив гонорар, намного превышающий сумму, заявленную в райдере, Дима сказал, что подумает и перезвонит. Думал он недолго — буквально пару минут. Связавшись с организаторами местного корпоратива, предложил вместо Наташкиного своё выступление — благо оно должно было состояться после обеда, и до вечернего концерта «Ночного патруля» времени было достаточно. Заручившись их согласием, набрал номер северного города...

Ему никак не хотелось отпускать её одну, а ещё больше не хотелось одному оставаться дома, но деваться было некуда, лишний гонорар никак бы не помешал, тем более, что буквально несколько дней назад он купил путёвку своим родителям на заграничный курорт, в честь дня рождения Анны Сергеевны, и брешь в семейном бюджете получилась серьёзная.

Успокоив себя тем, что Наташка, в конце концов, едет не совсем одна — теперь у неё был свой концертный директор в лице молодой, энергичной двадцатипятилетней дамы по имени Элеонора, Дима сказал заветное «да». К тому же, с ними должен был поехать звукорежиссёр и шоу-балет в составе трёх человек — двух парней и одной девушки.

В качестве звукача Дима снова посылал Андрея Пороха, и Наташка, узнав об этом, сначала категорически отказалась ехать с ним, но Дима заверил, что больше никаких фокусов с его стороны не будет — он серьёзно поговорил с Порохом и тот пообещал, что такого безобразия, как на последнем концерте, не повторится...

«Я с температурой был, извини, Дима, наверное, поэтому такой косяк вышел», — оправдывался Порох, сосредоточенно соображая, кто всё-таки пожаловался Морозову — сама Наташа или Журавлёв.

«Ну, тогда всё нормально», — хлопнув его по плечу, Дима кивнул. Он не стал говорить,

что Журавлёв полностью подтвердил слова Наташки о том, что Андрей неправильно выводит звук на её концертах, объяснив свои претензии мнением посетителей ночного клуба.

Успокоившись, Наташа спешно собралась на неожиданное выступление, и уже через день, утром, сидела в аэропорту со своей командой в ожидании вылета.

— Удачи, — Дима поправил белокурую прядку, выбившуюся из-под накинутого на её голову капюшона, — Элеонора в курсе, что и как, так что тебе остаётся просто выступить, и всё... Я за тебя спокоен.

— А вот я не очень спокойна...

— Почему?

— Остаёшься один с двумя красивыми женщинами, — Наташа улыбалась, но в её взгляде была заметна лёгкая тревога.

— Если ты об Алисе, то не забывай, что она моя родственница. А Милена... Милене точно будет не до меня с Валеркой и Аней.

— А тебе?..

— Не скажу, — он весело рассмеялся и, крепко прижал её к себе, — Наташка... ты всё ещё такой ребёнок...

Проводив жену, Морозов заехал в свою «Творческую деревню».

— Дима, здорово! — Журавлёв сидел в студии с гитарой, — Ты чего в такую рань?

— Наташку провожал, — тот присел за пульт, положив на край локти, — улетела выступать.

— Понятно. Теперь свободный, как птиц?

— До четырёх дня.

— А после четырёх?

— А в четыре я на корпоратив вместо Наташки петь иду...

— О, Дима... Белые розы?..

— И они тоже, — рассмеялся Морозов, — корпоратив для работников крупного офиса, так что репертуар неограниченный.

— Хорошо, что не в колонии строгого режима, — усмехнулся Журавлёв, — а на сколько тебя ангажировали? На час, на два?

— Вообще, на час. Но, ты же знаешь, как на восьмое марта выступать... Можно и до ночи зависнуть.

— Да уж знаю, — хмыкнул Женька, — плавал...

Приехав домой, Дима позвонил Наташе и, узнав, как они долетели, собрался на концерт.

— Когда ждать папу? — Милена, улыбаясь, вышла проводить его с маленькой Анечкой на руках.

— Не раньше, чем через три часа, — усмехнувшись, Дима взял на руки дочь и расцеловал, — но не позже восьми, потому, что вечером мы ещё и в клубе выступаем.

— Хорошо, я приготовлю ужин к семи, — кивнула Милена, забирая ребёнка, — удачного выступления!

Когда за Дмитрием захлопнулась дверь, Милена прошла в детскую и посадила девочку в манеж. Журавлёва она не видела уже третий день. Он звонил ей несколько раз, с улицы, потому, что дома была Настя. Милена не надеялась, что он сразу порвёт все отношения со своей невестой, но в глубине души она всё же ждала от него какого-то поступка... Какого — она не знала... Но — ждала.

Поступка не было. Журавлёв звонил украдкой, ничего не говоря об их будущем и ни о чём не спрашивая. Будь на его месте кто-нибудь другой, она давно бы послала его ко всем чертям. Но с Женькой она не могла так поступить. Она была просто не в силах убить своими руками мечту, которую вынашивала в себе столько лет...

Все эти предпраздничные дни он работал, а загруженность и отъезд Наташи не давал им никаких шансов на новое свидание, поэтому, когда, вскоре после ухода Морозова в дверь позвонили, она никак не ожидала, что это Журавлёв.

— Привет... — Открыв дверь, Милена едва не отпрянула, увидев Журавлёва, облокотившегося о дверной наличник.

— Привет, — после секундного замешательства, она всё же радостно улыбнулась, пропуская его в прихожую, — ты откуда?

— Оттуда, — заключив её с ходу в объятия, Женька уткнулся прохладными с улицы губами в её тёплую шею, — ты ведь одна?

— Одна, — она прижалась к его груди, — откуда ты узнал?

— Я всё знаю, — он целовал её лицо, шею, волосы, вдыхая лёгкий аромат духов, — Дима сказал...

— Как — Дима?! — отстранившись, она испуганно посмотрела на него снизу вверх, — Он что, знает?!

— Нет, но он сказал, что Наташка уехала. Я так соскучился по тебе...

— И я... — она снова прижалась к нему, потом, потянув за молнию, расстегнула на нём куртку, — Раздевайся...

— Никто ведь не должен прийти? — повесив куртку, Женька взял её за плечи.

— Нет... Их родители улетели. Если только Алиса...

— У неё есть ключ?

— Ключ есть в квартире родителей... Но она им обычно не пользуется. Она приведёт Валеру, но это будет через полтора часа...

— Значит, у нас есть полтора часа... — увлекая её в гостиную, проговорил Журавлёв...

Услышав через двадцать минут звонок в дверь, Милена испугалась не на шутку. Чужие к ним прийти не могли... Дима в это время уже должен был стоять на сцене, и, в любом случае, у него был ключ.

— Это, наверное, Алиса... — приподнявшись на локте, Милена тревожно прислушивалась к мелодии звонка, — Сейчас Аню разбудит...

— Открой ей, — Женька быстро встал и начал одеваться, — а я в другую комнату уйду...

— А, если она тебя увидит?.. Я тогда не смогу объяснить, почему ты здесь...

— А, если она двери своим ключом откроет? — застёгивая джинсы, Женька кивнул головой в сторону прихожей, — Может такое быть?

— Вообще-то от неё можно ждать всё, что угодно...

— Сейчас... — звонки прекратились, но Журавлёв, пройдя на цыпочках в прихожую, тихонько снял с вешалки куртку и, прихватив ботинки, вернулся к Милене, — Давай, я спрячусь в Диминой студии, а ты посмотри, что там...

Милена уже шла к дверям, когда внезапно зазвонил её телефон.

— Да, — увидев, что это звонит Алиса, Милена лихорадочно придумывала, что сказать, если окажется, что она не открыла дверь именно ей.

— Милена Владимировна, а вы дома? — Алиса спрашивала с каким-то непонятным вызовом.

— Да, дома... — Милена постаралась говорить как можно спокойнее, — А что?

— Я звонила в дверь, вы не открываете.

— Я была в ванной, не смогла сразу открыть.

— Понятно... Я хотела взять запасные рукавички для Валеры. Вчера я его забирала, у него были сырые рукавицы... Вот я и подумала...

— Да, конечно, — разговаривая на ходу, Милена торопливо прошла в детскую и раскрыла шкаф, — заходи, я сейчас найду...

Глядя на выражение лица Алисы, которая через минуту уже была в квартире, Милена поняла, что этот визит девушка нанесла неспроста, и что сухие рукавицы — это лишь повод. Алиса была настолько раздражена, что с трудом скрывала своё состояние. Она сразу прошла в гостиную, по пути окидывая всё пронизательным взглядом, как будто ища какие-то улики. Милена была неплохим психологом для того, чтобы понять — девушка увидела что-то такое, что заставило её прийти к ней с «проверкой», и это «что-то» имело непосредственное отношение к Журавлёву, сидевшему сейчас в дальней комнате.

— А что, Димка начал курить? — заметив на диване зажигалку, выпавшую у Женьки из кармана, Алиса подняла на Милену насмешливый взгляд.

— Нет, это не Дмитрий, — Милена улыбнулась ей в ответ, — это я курю. Но очень редко, поэтому об этом мало кто знает.

— Вы что, курили в гостиной?

— Нет, зажигалка выпала у меня из сумки... — Милена еле сдерживала себя, чтобы не прекратить допрос каким-нибудь дерзким ответом. Несколько бесед с Алисой ей вполне хватило, чтобы составить представление об этой девушке, поэтому она предпочитала вести себя с ней крайне осторожно.

— Понятно... — поджав губы, Алиса кивнула, потом, как будто что-то вспомнив, снова подняла свои зелёные глаза, — Ну, что ж, я тогда пойду, чтобы вам не мешать.

— Что ты, Алисонька, ты мне вовсе не мешаешь, — Милена приветливо улыбнулась, — с чего ты взяла?

— Вы даже помыться не успели, — в голосе девушки послышалась неприкрытая ирония, — у вас волосы сухие...

— Ничего, ещё успею.

— Ну, ладно... — Алиса ещё раз окинула комнату придирчивым взглядом, — пойду...

Милена уже почти обрадовалась, что Алиса уходит... Но та внезапно вынула из кармана телефон.

— Кажется, смс-ка пришла... — делая вид, что читает сообщение, Алиса нашла в телефонной памяти номер Журавлёва и незаметно нажала на вызов. Услышав через несколько секунд звонок его телефона, удивлённо посмотрела на Милену, — Ой!.. У вас в той комнате телефон звонит...

— Да... — Милена моментально побледнела, — Ничего, я потом отвечу...

Проводив девушку, она закрыла за ней дверь и прошла в студию.

— Она ушла... — Женьке показалось, что Милена очень испугана, — Можешь выходить.

— Как по дурачки... — усмехнулся он, — И всё из-за меня.

— Я не ожидала, что она придёт...

— Не переживай, — Журавлёв обнял её и прижался щекой к голове, — если вдруг что, с Димой я сам поговорю, а Наташка... она никогда не скажет ничего против тебя, я её знаю. Тем более, ничего не произошло. Я тебя люблю.

— Я не переживаю ни за Наташу, ни за Диму, — Милена тревожно нахмурилась, — Алиса может рассказать всё Анне Сергеевне, а та имеет тут веское слово. Няня не должна приводить мужчин...

— А кто здесь видел мужчин? — Женька отстранился и, глядя ей в глаза, лукаво улыбнулся уголками губ, — Мужчин никто не видел, а звонок телефона ещё ничего не доказывает.

— Знаешь... У меня сложилось впечатление, что это Алиса позвонила на твой телефон...

— Это лишь впечатление... — Женька подумал, что, узнай Милена, что это так и есть, он не нашёл бы объяснения тому, что у Алисы есть его номер.

— И пришла она не просто так... Она как будто наверняка знала, что у меня кто-то есть.

— Мне кажется, ты себя накручиваешь, — подойдя к окну, Журавлёв подумал, что впопыхах оставил свой «ровер» на стоянке прямо перед подъездом, так, что Алиса без труда могла узнать его машину.

— Я не за себя боюсь, — Милена долго колебалась, сказать ему это или нет, — я боюсь за тебя.

— За меня?! — он искренне удивился, — Почему?!

— Если твоя... твоя Настя узнает...

— Подожди... — обняв её, он прижал к себе её лицо, так, что она не могла сказать ни слова, — Вот это... вот это пусть не тревожит тебя вообще... и... давай не будем говорить на эту тему.

...Его догадки оправдались. Через полчаса, распрощавшись с Миленой, он уже заводил машину, когда в телефоне раздался звонок.

- Да, — ответил Журавлёв.
- Привет, — Алиса не скрывала ехидного тона, — а мне понравился твой рингтон.
- Серьёзно?.. Ты его где-то слышала? — он попытался отшутиться.
- А у твоей машины красивый цвет...
- Ты что-то хочешь мне сказать? — догадавшись, что она смотрит из окна, усмехнулся

Женька.

- Хочу. Но не по телефону.
- У меня нет времени говорить не по телефону. Так что, слушаю тебя...
- Придётся найти.
- Не могу. Говори так.
- Тогда я поговорю не с тобой.
- А с кем? — он уже знал, что она ему ответит. И не ошибся.
- С Миленой... — глядя в окно на его автомобиль, Алиса выдержала паузу, — Или с Настей. А, ещё лучше, с ними обеими...

Когда Наташа узнала, куда её приглашают выступить и какой гонорар готовы заплатить организаторы, она, честно говоря, очень удивилась. Несмотря на свой незаурядный талант, она всё же не была звездой ни первой, ни даже второй величины. Её ролики в интернете пользовались большой популярностью, но, несмотря на это, её гастрольная жизнь ограничивалась близлежащими областями, и то выезжать ей приходилось нечасто, в основном она выступала в своём городе.

«А как они на меня вышли? Это же далеко...» — этот вопрос она задала Диме в первую очередь.

Он развеял все её недоумения. Просто её ролик посмотрел кто-то из организаторов праздника и позвонил по номеру, который прилагался к ролику.

«Это успех, Наташка, — сказал Дима, — такие крутые предприятия могут заказать любого зарубежного артиста, а выбрали тебя. Радуйся».

Она и радовалась, но всё же какое-то тревожное чувство не покидало её всю дорогу. То ли она не верила, что так бывает, то ли воспоминания о неудачном выступлении в доме Игоря Фишера, состоявшемся несколько лет назад, не давали ей покоя, но, как только она пыталась закрыть глаза и уснуть во время полёта, ей сразу рисовались картины, что, на самом деле, её там не ждут, а приглашение — чей-то розыгрыш. Но, выйдя через полтора часа из самолёта, Наташа облегчённо вздохнула: их там и ждали, и встретили, и поместили в приличную гостиницу, чтобы артисты могли отдохнуть перед выступлением.

— Всё по высшему разряду, как и обещали, — устроившись в своём номере, Элеонора заглянула к Наташе.

— Да, действительно, — доставая из дорожной сумки концертный костюм, та попутно обвела номер восхищённым взглядом, — если честно, на гастролях в таких номерах жить ещё не приходилось, один раз только был люкс, и то его Дима снял...

Стук в дверь прервал их беседу. Бросив голубое, блестящее платье на кровать, Наташа прошла к двери. Мужчина, лет тридцати пяти, в светлом костюме, который встречал их в аэропорту, улыбался на пороге номера.

— Как устроились, всё в порядке? Разрешите войти?

— Да, конечно, — посторонившись, Наташа закрыла за гостем дверь.

— Я думаю, нужно поближе познакомиться, — мужчина выглядел уверенно; было заметно, что он знает, как вести себя в таких ситуациях, — я представился по дороге, но лучше повторить ещё раз: меня зовут Юрий Евгеньевич, я — сотрудник отдела по связям с общественностью, занимаюсь организацией концертов.

— Юрий Евгеньевич, на будущее, по поводу концертов Натальи звоните мне, потому что я — её концертный директор, — Элеонора явно заигрывала с симпатичным мужчиной, — а зовут меня Элеонора.

— Вот как?! — он радостно-удивлённо перевёл на неё взгляд, — Простите, я был не в курсе... Я звонил по тому телефону, который был указан в соцсети... Я разговаривал с Дмитрием, но на будущее обязательно учту.

— Да, учтите, — неприкрытое кокетство шло Элеоноре, было видно, что кокетничать

девушка любит и делает это профессионально.

— Собственно, я хотел бы сейчас поговорить с вами, — Юрий многозначительно посмотрел на Наташу, которая всё это время молча стояла рядом.

— Если ко мне вопросов нет, то я пойду, нужно ещё посмотреть, как устроились наши танцоры, — Элеонора ещё раз бросила заинтересованный взгляд на мужчину и взялась за ручку двери.

Проводив её взглядом, Наташа так же молча уставилась на Юрия Евгеньевича.

— У меня к вам большая просьба, — Юрий сразу взял быка за рога, — как только вы выйдете на сцену, то озвучьте вот этот текст.

Он протянул ей листок бумаги, на котором было что-то напечатано. Наташке не совсем понравился тон, которым Юрий Евгеньевич произнёс свою просьбу — без «пожалуйста», и с лёгким нажимом, давая понять, что выбора у неё нет и быть не может. Тем не менее, она взяла листок и пробежалась глазами по четырём строчкам, отпечатанным крупным шрифтом.

— Что это? — она подняла на мужчину удивлённые глаза, — Мне сказали, что я лечу выступать на юбилее предприятия, а, выходит, что это день рождения какого-то Андрея Викторовича?

— Во-первых, не какого-то, а генерального директора нашего предприятия, — Юрий говорил торопливо, но довольно твёрдо, при этом обаятельно улыбаясь, — во-вторых, не день рождения, а именно юбилей, потому, что ему исполняется пятьдесят лет, а, в-третьих, у предприятия тоже дата — сорок два года со дня основания.

— Я так и не поняла, для кого я буду выступать, — Наташа растерянно улыбалась, глядя то на мужчину, то на текст.

— Вы будете выступать для всех, — Юрий Евгеньевич сделал успокаивающий жест, — дело в том, что день рождения предприятия и день рождения генерального директора — практически в один день. Это совершенно случайное совпадение, а ещё одно совпадение в том, что всё это происходит накануне международного женского дня, шестого марта... — он сделал небольшую многозначительную паузу, — Теперь вы можете представить, какой кошмар для нас этот день? Тройной праздник! Ради этого наше предприятие раз и навсегда объявило шестое марта укороченным днём, а седьмое и вовсе — выходным. И все эти дни у нас сплошные мероприятия. Всё, что посвящено женщинам, мы оставляем на седьмое, а вот шестое — это у нас и день рождения Андрея Викторовича, и день рождения нашего предприятия. Обычно мы разбиваем всё на две части, и Андрея Викторовича чествуем в узком кругу друзей и коллег. Но сегодня — юбилейная дата, и он у нас на первом месте.

— Понятно, — улыбнулась Наташа, — я всё скажу, не волнуйтесь.

— Да, пожалуйста, скажите. Вы — это наш подарок ему.

— Я?! — от неожиданности Наташа медленно подняла на Юрия немигающие, широко раскрытые глаза, — Я — подарок?! В каком смысле?!

— Ой, не пугайтесь, — он замахал руками, как бы пытаясь успокоить её, — всё в самом лучшем смысле! Понимаете, Андрей Викторович — с самой юности поклонник, а, если точнее, фанат шведской группы «АББА». Его поколение выросло на этой музыке, а он не

только вырос, а до сих пор слушает... И несколько лет назад он совершенно случайно увидел по телевизору запись с регионального конкурса исполнителей песен этой группы. Победителями там стал квартет...

— Да, так и было, — Наташа окончательно успокоилась и заулыбалась, — первое место там дали квартету, как наиболее достоверно скопировавшему исполнение... Я помню...

— Ну, вот, видите... События семилетней давности привели вас сегодня к нам...

— Но я тогда заняла лишь пятое место, — Наташа смущённо пожала плечами, — только потому, что пела одна...

— Совершенно верно! Видите, я знаю вашу историю, — Юрий дружески пожал Наташкину ладошку, — И знаю из уст Андрея Викторовича. Оказывается, он был очень возмущён решением жюри, потому, что как истинный меломан, уже тогда оценил ваш потенциал. И, каждый раз, когда судьба сводила его с друзьями, в отвлечённой обстановке и речь заходила о музыке, а он не только меломан, а и сам замечательно играет на гитаре, — Юрий поднял указательный палец правой руки, — так вот, каждый раз он вспоминал о девочке из провинциального городка, девочке с необыкновенным голосом, которую несправедливо обидели на этом конкурсе... Поэтому, когда мы стали готовиться к его юбилею, один из его школьных друзей вспомнил эту историю, и позвонил бывшим организаторам конкурса, и на студию, и всем, кто был причастен... он-то и уточнил все детали, потому, что с тех пор прошло уже семь лет... Он искал вас через интернет, но не нашёл, потому, что теперь у вас другая фамилия. Тогда он вышел на городской клуб, от которого вы ездили на этот конкурс, нашёл человека, который знает вас лично, и который сказал, что после школы вы уехали учиться в университет культуры, и что вы всё так же поёте, и даже весьма популярны там, у себя, и теперь выступаете под именем Натальи Морозовой...

— Это целая детективная история, — Наташа была несколько шокирована рассказом Юрия, она даже не догадывалась, что её участие в конкурсе семилетней давности, о котором она и сама-то уже забыла, запомнилось взрослому, серьёзному человеку.

— Мы нашли ваши нынешние ролики и записи, послушали и пришли к выводу, что Андрей Викторович был прав — вы исполняете эти песни так, как не удалось ещё исполнить никому после самих участников «АББА». И, если честно, я и сам удивлён, что вы до сих пор не известны широкой публике... У вас потрясающий талант, поверьте. В общем, мы решили сделать генеральному сюрпризу... Визит какой-нибудь заезженной звезды для нас — не проблема, но хотелось всё же, чтобы подарок оказался оригинальным. Вот такой я вам раскрыл секрет...

— Я даже не знаю... — Наташа была настолько потрясена, что не могла никак сообразить, что нужно говорить в таких случаях, — У меня сейчас совершенно другая программа, те песни я сейчас исполняю редко...

— Сегодня будет выступать ещё один коллектив, но после вас. Если нужно, то я пришло за вами машину чуть раньше, чтобы вы смогли порепетировать перед концертом, — Юрий снова успокаивающе махнул рукой, — я настоятельно попрошу вас прочитать вот этот самый текст и спеть любимую песню Андрея Викторовича в самом начале, а потом уже отработаете основную программу...

— Любимую песню? Какую именно?

— «Mi love, Mi live».

— Хорошо... — Наташа задумалась, вспоминая, есть ли у неё с собой минусовка этой

песни, — Я сейчас поговорю со звукорежиссёром... Он должен быть в курсе, чтобы настроить заранее звук именно на эту композицию.

— Да, и вот ещё что... — бросив осторожный взгляд на девушку, Юрий на несколько секунд замялся, — Я так понимаю, что фамилию вы сменили не просто так...

— Да, а что?

— У меня к вам ещё одна просьба. При личном общении с Андреем Викторовичем, пожалуйста, не упоминайте ни о муже, ни о детях, если они у вас есть...

— У меня будет с ним личное общение?! — Наташка снова вытаращила глаза.

— Ну... Я думаю, что — да... Вернее, возможно.

— Зачем?!

— Вы, главное, не волнуйтесь, — Юрий снова обаятельно улыбнулся, — видимо, вы впервые выступаете на таких мероприятиях...

— Нет, не впервые. Но никакого личного общения в мои обязанности не входило и не входит. Это исключено.

— Вы меня неправильно поняли. Под личным общением я подразумевал лишь короткую беседу, в том случае, если Андрей Викторович захочет что-нибудь вам сказать. И всё, — улыбка вновь озарило лицо мужчины.

— Понятно, — несмотря на его объяснения, у Наташи испортилось настроение.

Проводив гостя, она какое-то время раздумывала, позвонить ли Диме и рассказать всё, что сообщил ей Юрий, но потом, вспомнив, что он сейчас, скорее всего, собирается на выступление, решила сделать это вечером, после концерта.

* * *

Банкетный зал, в котором должен был состояться её концерт, пестрел разноцветными гирляндами из воздушных шаров. По количеству столиков, застеленных белыми ажурными скатертями, Наташа сделала вывод, что к мероприятию будет допущено ограниченное число лиц — где-то около пятидесяти человек, видимо, из «верхушки» руководства и приглашённых высоких гостей. Она и остальные артисты приехали чуть раньше, чтобы Порох мог проверить аппарат и прогнать минусовку на песню, которую Наташе нужно было спеть «сверх» программы.

— Андрей, — глядя ему прямо в глаза, Наташа говорила очень серьёзно, — у меня к тебе крупнейшая просьба. Даже не просьба. Сегодня звук должен быть безупречным.

— Наташа, мы же профессионалы, — чуть прищурился глаза, он улыбнулся уголками губ, — безупречность — наше всё.

— Очень хорошо, — кивнула она, — я на тебя надеюсь.

— А можно вопрос? — всё так же улыбаясь, он окликнул её, когда она уже собралась отойти, — Сегодня какой-то особенный концерт?

— Можно сказать, что — да, — оглянувшись, она многозначительно улыбнулась, — сегодня — особенный концерт.

Генеральный директор оказался видным мужчиной, с правильными чертами лица и

ясным взглядом. На первый взгляд, ему можно было смело дать лет сорок, и лишь густые седые волосы, уложенные в ровную причёску, наводили на мысль, что мужчина несколько старше. Выйдя на сцену, Наташа почему-то оробела, но, тут же взяв себя в руки, произнесла поздравление. Сидя за своим столиком, мужчина слегка откинулся на спинку стула и, когда она закончила поздравительное слово, едва улыбнулся и кивнул головой.

Глядя на юбиляра, она начала петь... Её нежный голос разливался по залу, эхом отдаваясь в дальних углах, и, услышав мелодию и слова, мужчина слегка наморщил лоб, будто что-то вспоминая... Когда прозвучал последний аккорд и раздались аплодисменты, на его лице блуждала странная улыбка — в ней было и восхищение, и недоумение, и лёгкая растерянность. Он не отбил ладони, хлопнув несколько раз, но по нему было видно, что он как-то радостно удивлён.

Остальную программу Наташа отработала уже совсем уверенно. Когда время концерта подошло к концу, высокопоставленная публика успела несколько раз и выпить, и закусить, и поэтому аплодировала более горячо, чем в самом начале.

— Спасибо, ребята, — вернувшись в помещение, выделенное под гримёрку, Наташа обвела радостным взглядом остальных артистов, — всё замечательно прошло, мы молодцы!

— Простите, можно вас ещё на одну минуточку? — заглянув в комнату, Юрий Евгеньевич улыбнулся Наташе.

— Да... — выйдя в коридор, она вопросительно подняла на него глаза.

— Всё прошло просто замечательно, — приложив руку к груди, мужчина частил словами, — вы — талант, я совершенно не жалею, что пригласил именно вас. Всем очень понравилось, очень!

— Я рада, — улыбнулась Наташа, — спасибо, что пригласили...

— Вот спасибо не мне... не мне...

— А кому?

— Идёмте... — приобняв за плечи, Юрий слегка подтолкнул её в сторону зала, — Андрей Викторович хочет лично поблагодарить вас...

Понимая, что отказываться нельзя, Наташа покорно шагнула вперёд.

— Нет-нет, не сюда... — заметив, что она собирается вернуться в зал, Юрий Евгеньевич задержал её за локоть и рукой показал на одну из дверей.

Помещение, куда он её привёл, было небольшим, похожим, скорее, на комнату отдыха — везде стояла мягкая мебель. Андрей Викторович сидел на одном из кожаных диванов, и, как только за сопровождающим закрылась дверь, радушно пригласил её присесть напротив. Несмотря на то, что в комнате было тепло, Наташа невольно поёжилась. Мужчина был в костюме, и ей почему-то стало неловко — её концертное платье с совершенно открытыми плечами было довольно коротким и воздушным, и только длинные распущенные волосы служили подобием ширмы. На сцене Наташа не стеснялась своих костюмов, но в другой обстановке чувствовала себя в них раздетой.

— Хочу вас поблагодарить, — генеральный директор смотрел на неё в упор, — если честно, то совершенно не ожидал такого сюрприза от своих друзей.

— Мне рассказали, — Наташка смущённо улыбнулась, — я даже не знала, что меня кто-нибудь помнит по тому конкурсу. Мне было всего шестнадцать лет.

— Такой талант невозможно не запомнить, — мужчина откинулся на спинку дивана и положил ногу на ногу, — и, я, действительно, рад, что у вас сложилась музыкальная карьера.

— Спасибо, — она опустила глаза, — мне очень приятно.

Наташа совершенно не знала, о чём можно и нужно говорить с генеральными директорами. Андрей Викторович о чём-то спрашивал её, что-то уточнял, не сводя с неё пристального взгляда, и, судя по всему, отпустить никуда не собирался. Разговаривая с ним, Наташа удивлялась, что такой высокопоставленный человек в свой юбилейный день рождения столько времени посвящает какому-то бесполезному разговору с обыкновенной певичкой. Ей было неуютно ещё и от того, что её ожидали ребята, но она стеснялась сказать об этом, надеясь, что их беседа с Андреем Викторовичем вскоре закончится.

— Всё готово, — предварительно постучав, Юрий Евгеньевич заглянул в дверь.

— Хорошо, — кивнув ему, гендиректор снова повернулся к Наташе, — я ещё раз благодарю вас за выступление. Я получил настоящее удовольствие.

Она уже собралась с облегчением покинуть кабинет вслед за ним, как вездесущий Юрий перегородил ей дорогу.

— Наташенька, последняя просьба...

— Я слушаю.

— Несмотря на свой пост, Андрей Викторович человек очень скромный, поэтому он промолчал, но я такой скромностью не отличаюсь, — Юрий лукаво улыбнулся, — поэтому прошу вас сейчас остаться и спеть ещё несколько его любимых песен. Только его любимые песни!

— Но... — начала было она, но он перебил:

— Сразу вставить в вашу программу все эти песни мы не могли, потому что время было рассчитано, и должна была выступить следующая группа. Но после них регламент совершенно свободный, поэтому...

— Но я не готовилась, — Наташа растерянно развела руками.

— Я думаю, что ваш талант позволяет петь без подготовки. Ваш звукорежиссёр уже создал плейлист из минусовок...

— Плейлист?! — она изумлённо смотрела на Юрия, — Андрей?! Откуда он знает...

— А мы ему всё сказали, — мужчина успокаивающе кивал головой в подтверждение своих слов, — он сам сказал, что все минусовки у него с собой.

— Ничего себе, — Наташа покачала головой, — оперативно... Но меня ждут ребята.

— Они уже в гостинице, включая звукорежиссёра и вашего концертного директора. До самолёта у вас три часа, так что время есть.

Она снова хотела позвонить Диме, но его телефон был отключен — видимо, он был на очередном выступлении. Спросить о дополнительной оплате Наташа даже и не подумала. Она справедливо решила, что, заплатив большой гонорар, организаторы уже предполагали, что она будет отрабатывать его столько, сколько они захотят. Сама уйти она не могла, добраться

до гостиницы тоже, поэтому ей ничего не оставалось, как снова отправиться на сцену. Порох, действительно, за считанные минуты создал ей новый плейлист, но настроить аппаратуру не успел — сразу после Наташи выступала довольно известная группа, и аппарат был занят.

— Вот видите, кто выступает у вас на разогреве, — рассмеялся Юрий.

— Сначала на разогреве выступала я, — усмехнулась Наташа, думая о том, что ей ещё нужно успеть попасть в гостиницу, чтобы переодеться и собрать вещи.

Когда она снова вышла на сцену, до отлёта оставалось всего два часа. К счастью, с аппаратом оказалось всё в порядке, и Наташка, исполнив около десятка «аббовских» композиций, сломя голову убежала одеваться.

— Наташенька, спасибо! — Юрий Евгеньевич приложил руку к сердцу, — Прохоров просто в восторге!

— Прохоров? — она торопливо обувала сапоги, — Кто это?

— Андрей Викторович. Наш дорогой юбиляр. Прохоров — его фамилия.

— А, понятно, — помня лишь о том, что нужно успеть в гостиницу, Наташа схватила пальто. Ей вдруг пришло в голову, что, будь она более известной артисткой, с ней вряд ли бы так поступили... А она — не настолько известна, чтобы относиться к ней не как к музыкальной шкатулке — завели, и пусть играет, пока завод не кончится...

— Вы не переживайте, — Юрий подхватил её сумку, — вас сейчас отвезут прямо в аэропорт.

— А мои вещи? Они остались в гостинице...

— Ваши вещи уже в аэропорту, как и ваши ребята... — он снова мило улыбался, — Всё просто замечательно! А вас ждёт машина.

Когда Наташа села в салон дорогого внедорожника, на котором её срочно должны были отвезти в аэропорт, она машинально обернулась назад — всё заднее сиденье было уложено букетами цветов, из-под которых виднелась большая корзина белых роз...

«Наверное, юбиляру надарили», — подумала Наташа.

— Я помогу, — водитель, молодой парень, торопливо вышел из машины перед зданием аэропорта.

— Спасибо, не нужно, — решив, что он хочет донести её сумку, Наташа махнула рукой, — она не тяжёлая.

— Вам будет неудобно, — распахнув заднюю дверь, парень собрал в охапку все букеты и прихватил корзину, — я донесу.

— Что донесёте? — глядя на такое количество цветов, Наташка опешила.

— Цветы, — бутоны загораживали его лицо так, что были видны одни лишь глаза.

— Это не мои цветы...

— Ваши, — парень чуть ли не в зубах держал корзинку, и, кое-как закрыв машину на электронный замок, двинулся в аэровокзал.

Вся артистическая бригада с удивлением наблюдала, как Наташа в сопровождении огромного ходячего букета появилась в стеклянных дверях.

— Ого, — Порох как-то ревниво покачал головой, — ты на весь гонорар купила миллион алых роз?

— Да! — радостная от того, что она успела на регистрацию, Наташка весело рассмеялась, — и не только на свой, я и ваш прихватила!

* * *

Выйдя через терминал в зал прибытия, Наташа долго вертела головой в поисках мужа, но Димки нигде не было видно. Она посмотрела на часы — второй час ночи... Выступление в клубе обычно заканчивалось около двенадцати, и он должен был сразу поехать в аэропорт, чтобы встретить её. Последний раз она разговаривала с ним вчера — он сам позвонил ей перед выступлением. Больше поговорить им так и не удалось, и даже перед вылетом она не смогла до него дозвониться.

Постояв ещё минут десять, она решительно достала телефон. Длинные гудки шли долго, но трубку он почему-то не брал. Отключившись, она снова тревожно посмотрела на часы. Решив идти на стоянку такси, уже было подхватила сумку и корзину с розами, но в этот момент услышала долгожданный звонок.

— Наташ... — голос Димки был одновременно сонным и испуганным, — прости меня, ради Бога, я нечаянно уснул... Сейчас я приеду!

— Я могу взять такси, — ей стало почему-то обидно, она даже почувствовала, как в глазах появилась слёзная резь.

— Наташенька, не нужно, — она слышала, как он топает по комнате, видимо, одеваясь на ходу, — я скоро...

Отключившись, она присела на кресло. Все ребята, включая и Элеонору, уже разъехались по домам, только она всё ещё торчала в аэропорту. «Хорошо, что цветы раздала девчонкам», — подумала Наташа, прикидывая, как бы она добиралась домой с такой охапкой.

Она совсем приуныла в ожидании мужа. Почему-то ей показалось подозрительным, что он после клуба решил заехать домой — это было совсем не по пути в аэропорт, да и времени у него оставалось немного, во всяком случае, ложиться спать было глупо... А он сказал, что проспал. Он даже не сразу проснулся от телефонного звонка.

«Не сразу проснулся, или... Или он не спал, а просто не мог подойти... Не мог или не хотел?!»

Чувствуя, что ещё чуть-чуть, и она далеко зайдёт в своих домыслах, Наташа откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Очень хотелось спать, и она быстро задремала.

Она даже не почувствовала, как Димка присев рядом с ней на корточки, осторожно потянул у неё из рук сумочку. Но, когда он чуть отставил в сторону корзину с цветами, которая стояла у её ног, Наташа немедленно открыла глаза.

— Наташка... — виновато улыбаясь, он смотрел на неё снизу вверх, — Я проспал... Ты меня простишь?

— Представляешь... Там меня провожали с морем цветов и аплодисментами... — она обиженно посмотрела на него, — А здесь я сижу, как сирота, уже второй час...

— Наташка моя... — он прижал её ладошку к губам, потом к щеке, — Я так по тебе соскучился...

— Так соскучился, что вместо аэропорта поехал домой спать?

— Вырубился свет. Концерт пришлось прервать, я рано вернулся. Хотел полежать, а Валерка коварно подлез под бок... Мы оба с ним уснули.

— Я не могла до тебя дозвониться... — уже садясь в машину, вспомнила Наташа.

— Во всём районе не было ни света, ни связи.

— Почему?

— Не знаю. Но уже всё в порядке.

— Правда? — она с облегчением улыбнулась.

— Правда...

— А мне подарили целую машину цветов...

— КАМАЗ?!

— Не-е-е-т, — рассмеялась Наташа, — меньше. Но я их все раздарила. Оставила себе только эту корзину, — она кивнула на заднее сиденье, куда Дима поставил цветы.

— Жаль, что не КАМАЗ, — он хитро усмехнулся и нажал на газ, — сейчас бы... Да куда же ты!..

Он уже начал набирать скорость, когда в свете фар увидел собаку, перебегающую дорогу прямо перед машиной и резко затормозил. Проводив взглядом невредимого пса, с облегчением выдохнул.

— Ой, Дим, корзинка упала! — услышав сзади характерный звук, Наташа испуганно посмотрела на мужа, — Розы, наверное, поломались... Подожди, я подниму...

— Я сам, — он вышел из салона и, открыв заднюю дверь, поднял корзину и выпавшие из неё цветы, — а это что?

— Что там? — Наташа оглянулась назад.

— Вот это, — подняв с пола вместе с цветами открытку, Дима показал её жене.

— Не знаю, — она пожала плечами, — я не заметила. А что там написано?

— Сейчас... — развернув открытку, он прочёл и, сжав губы, хмуро протянул её Наташке, — Читай.

«Наташенька, я очень рад, что снова увидел тебя и услышал твой чудесный голос. Спасибо за прекрасную встречу через столько лет! А.В.»

— Дим... — она не знала, плакать ей или смеяться, — Я сейчас тебе всё объясню...

Утром, за завтраком, Милена с удивлением наблюдала за молодыми супругами. Вопреки обыкновению, они почему-то почти не разговаривали друг с другом. Ей даже показалось, что Наташа молчит лишь потому, что не хочет демонстрировать молчание мужа в ответ на свои слова... Она показалась Милене расстроенной. Дмитрий же выглядел слишком серьёзным, и, выпив лишь чашку кофе, тут же ушёл в свою студию.

— Милена, вы, пожалуйста, поставьте вот эти цветы в вазу и заберите к себе, в детскую, — выйдя ненадолго из кухни, Наташа вернулась с большой корзиной белых роз и выложила половину цветов в раковину.

— Боже... — Милена замерла, глядя на цветы, — Какая красота... Это вам подарили на концерте?

— После концерта, — вздохнув, Наташа направилась с оставшимися в корзине розами к дверям, — а я такая растяпа... Ночью забыла их поставить в воду.

— А эти цветы? — Милена кивнула на корзинку, — Их не нужно в воду?

— Я унесу их Алисе... — грустно улыбнувшись, Наташа вышла.

Напольная ваза, которую Наташа тоже принесла в кухню, была довольно объёмной, и, налив воды, Милена поместила в неё все цветы. Полюбовавшись на них с минуту, унесла в детскую. Потом взяла на руки проснувшуюся Анечку и снова вернулась в кухню.

— Ну, вот, цветы пристроила, — деланно-весело произнесла Наташа, показавшись на пороге.

— А себе? Всё раздали, а себе не оставили? — Милена посадила ребёнка в подвесной стульчик и достала бутылочку с кашей.

— Если бы вы видели, сколько у меня вчера было цветов... — Наташа опять невесело улыбнулась, — в машине всё заднее сиденье было занято.

— А где же они? — Милена удивлённо подняла на неё глаза.

— Я их тоже раздала...

— Почему?! — ещё больше удивилась няня.

— Мне было неловко, что мне одной надарили столько цветов. Я отдала их девочкам из балета и Элеоноре.

— У вас доброе сердце... Давайте, поставим вазу с цветами в вашу спальню? Это будет справедливо...

— Дима на меня обиделся из-за этих цветов.

— Но почему?!

— В корзинке была записка... я сама попросила его прочитать, что там... А он прочитал и обиделся.

— Записка от поклонника? — улыбнувшись, Милена снова бросила на Наташу взгляд, отвлекшись от ребёнка. Аня сосредоточенно тянула жидкую кашу через соску, и няне приходилось держать бутылочку на весу.

— В том-то и дело, что нет... — Наташа протянула руку к бутылочке, — Давайте, я сама покормлю, а вы отдыхайте.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — Милена махнула свободной рукой, — почему же он обиделся?

Вздыхнув, Наташа рассказала Милене о вчерашнем дне. Почему-то она чувствовала, что может вполне доверять этой красивой, утончённой, умной женщине с такими же, как у неё самой большими, карими глазами. Ей очень хотелось поделиться с кем-нибудь вчерашним происшествием.

— Вот так закончились мои гастроли... Дима даже не дослушал, что я ему хотела рассказать.

— Он вас очень любит.

— Я знаю. Но иногда он бывает ревнивым. Хотя я никогда не подавала повода...

— Вчера я видела, как он переживал, когда не мог вам позвонить вечером... Не было света, и Алиса принесла свечку — у Анны Сергеевны были свечи. И мы сидели здесь, за столом. Потом Дмитрий ушёл к себе, а мы с Валериком отправились спать... Я не думала, что он уснёт.

— Да?.. — Наташа как-то странно посмотрела на Милену, — А он сказал, что спал с Валеркой.

— Это Валерик, — рассмеялась Милена, — он дождался, пока я усну, и ушёл к папе. Вообще я ему не разрешаю ночью уходить к вам, но он постоянно пытается...

— А вы разрешайте! Потому, что он так привык. Он под утро любит прийти к нам досыпать. Я даже подозреваю, что, когда Аня научится ходить, они будут прибегать к нам вдвоём...

Звонок в дверь прервал их беседу.

— Приветтики! — Алиса, в хорошем настроении, сразу прошла в кухню, — Я цветы поставила в гостиной, такая красота! А где Димка?

— Он в студии, — ответила Наташа, — мы сегодня уедем после обеда и до поздней ночи. Предпраздничный сумасшедший дом... У Димы на двух площадках выступления, у меня на трёх. А вечером ещё и в ночном клубе...

— Да, кстати... — Алиса сделала вид, что вспомнила о чём-то важном, — Вы уже придумали, что подарите Журавлёвым на свадьбу?

— Слушай, Алиса, спасибо что напомнила! — Наташа посмотрела на девушку, — Мы совсем замотались, а пора уже что-то присматривать...

— Когда у них свадьба? — Алиса сосредоточенно разглядывала пушистый помпон на своих тапках.

— Через два месяца, — Наташа взяла на руки дочку и направилась к выходу, но в дверях оглянулась, — девочки, я буду вам очень благодарна, если вы сможете нам придумать подарок. Не хочется дарить что-то банальное.

— Хорошо, — Алиса охотно кивнула, — вот сейчас ещё по кофейку, и подумаем... да? — эти слова относились уже к Милене.

— А мы с Аней пойдём прогуляемся, — Наташа прижалась губами к нежной щёчке девочки, — а если наш папа всё же выйдет из студии, покормите его получше, пожалуйста...

Оставшись вдвоём с Алисой, Милена молча поставила на плиту турку. У неё сложилось твёрдое мнение о характере зеленоглазой родственницы Морозовых. «Хитра и изворотлива» — если бы Милену попросили охарактеризовать девушку в двух словах, то ответ звучал бы именно так. Она не могла понять, чем привлекла немилость Алисы. Её внезапный визит именно тогда, когда здесь был Журавлёв, её частые разговоры о нём в присутствии Милены — всё это было настолько демонстративно, что сомнений не оставалось — у Алисы есть личные причины невзлюбить няню.

— А, вот вы... — Алиса бросила пронизательный взгляд на Милену, — Что бы вы подарили молодым на свадьбу?

— Не знаю, — та пожала плечами, — глядя, что это за пара...

— Ну, вот Жене Журавлёву...

— Не знаю, — Милена нарочно отвернулась, чтобы Алиса не заметила выражения её лица.

— Наверное, что-то полезное, да? — не унималась Алиса, — Что-то для дома... Да?

— Наверное, — снова односложно ответила Милена.

— Он уже был женат, у него и ребёнок есть, — ещё один зелёный взгляд был брошен в её спину, — вы не знали?

— Нет, не знала... — Милене с трудом давался этот разговор, и она очень обрадовалась, когда в кухню вошёл Дима.

— Привет, Алиса, — поздоровался он с троюродной сестрой, потом обратился к Милене, — А где Наташа?

— Они с Аней пошли гулять... Я собиралась сама, но она решила подышать свежим воздухом и строго-настрога наказала вас накормить...

— Да, пожалуй, можно, — по Димкиному виду можно было заключить, что он уже не сердится, и огорчён отсутствием жены.

— Вот надо же, как бывает в жизни! — Милена возилась с завтраком и говорила так, будто все в курсе того, о чём она говорит, — Если бы я услышала эту историю от другого человека, я бы не поверила...

— Какую историю? — присаживаясь за стол, Дима удивлённо поднял на неё глаза.

— Историю вчерашних гастролей. Это просто удивительно! — понимая, что Морозову неловко от того, что он не в курсе, Милена пересказала всё, что узнала от Наташи по поводу её вчерашней поездки, обращаясь исключительно к Алисе.

Слушая её, Морозов, казалось, чувствовал себя всё более неловко... Когда Милена закончила свой рассказ, молча вышел и через пару минут, одевшись, уже спускался по лестнице... Выйдя на улицу, огляделся вокруг и, заметив фигурку жены с коляской, быстрым шагом направился ей навстречу.

— Да-а-а... — оставшись вдвоём с Миленой, Алиса недоверчиво покачала головой, — Вот это история... Но я бы свои цветы никому не раздавала... Это точно!

Женька торопливо взбежал на крыльцо небольшого кафе и, открыв дверь, прошёл в зал. Раздевшись, повесил куртку на вешалку и направился к угловому столику.

— Привет... — довольно сдержанно поздоровался он и присел на мягкий диванчик.

— Привет, — подложив кисть руки под подбородок, Алиса, напротив, ответила ему довольно приветливо.

— У меня мало времени, так что давай сразу к делу, — Женька положил локти на стол и уставился на девушку.

— У тебя концерт только в четыре... Я в курсе, так что времени ещё достаточно, — она говорила, слегка улыбаясь.

— Это у тебя времени достаточно, а мне ещё кучу проблем нужно разрулить.

— Да... — и не собираясь торопиться, Алиса многозначительно покачала головой, — Ты парень проблемный. Это я уже заметила...

— Послушай... — он тоже едва улыбнулся и придвинулся вперёд, — Ты зачем-то меня сюда вытащила. Я изменил своим принципам и пришёл... Давай сразу к делу?

— О... У тебя есть принципы? — она игриво тряхнула рыжими волосами, — Интересно...

— Есть. Я никогда не хожу на свидания по приглашению женщин.

— Серьёзно?! А, если женщина тебе нравится? Тогда как?

— Если женщина мне нравится, то я всегда успеваю пригласить её первым.

— А вчера мне показалось, что ты пришёл по приглашению...

— Куда?

— Ты был у Димы в квартире. Я видела твою машину во дворе. И твою зажигалку в гостиной...

— И о чём это говорит?

— Тебя что-то связывает с их няней?

— Послушай... — по Журавлёву было заметно, что он сохраняет спокойствие из последних сил, — У меня есть ещё один принцип: не грубить женщинам. Не заставляй меня изменить и ему.

— Хочешь, чтобы Настя узнала о Милене? Или Милена — обо мне... Или Анна Сергеевна о том, что няня водит мужиков в квартиру её сына?..

— Чего ты добиваешься?

— А ты догадайся.

— Я не догадливый.

— Завтра женский день... Всем будут дарить подарки... А мне никто не подарит... — девушка изобразила на лице шутливую печаль.

— Ты хочешь подарок? — усмехнулся Женька.

— Конечно. Настя получит... Милена получит... Какая тебе разница — два подарка покупать или три?

— Разницы нет. Я могу и четыре подарка купить. Разница — в том, кому дарить. Тут срабатывает ещё один принцип. Я не дарю подарков по принуждению. Так что, прости... Я побежал.

— У меня тоже есть принцип, — глядя, как он встаёт из-за стола, Алиса подняла на него прищуренные глаза, — я всегда добиваюсь того, чего захочу.

Проводив колючим взглядом Журавлёва, Алиса раздражённо откинулась на спинку диванчика. Шантаж, с помощью которого она хотела как-то компенсировать свою неудачу с Женькой, не удался. Парень оказался крепким орешком в вопросах отношений с женщинами. Собственно, свою идею насчёт романа с Журавлёвым Алиса оставила уже давно. В его объятия она бросилась, будучи ошарашенной всей той незнакомой ей творческой жизнью родственников, в которую она окунулась два с половиной месяца назад. Но, справившись с первой эйфорией, она уже вскоре совершенно по-другому начала оценивать окружающих её людей, и после нескольких дружеских разговоров с Наташей имела более реальное представление о перспективах отношений с Журавлёвым. Красивый, талантливый парень, на самом деле был далеко не завидным женихом, даже несмотря на наличие собственной жилплощади и неплохого материального положения. Узнав, что Женька — любитель алкоголя, а так же отъявленный любитель женского пола, не привыкший быть зависимым от кого-то, Алиса сама была готова распрощаться с этой мечтой — но распрощаться красиво... В её жизни всё должно было быть эффектно, включая и неприятные моменты. Она уже видела в своих мечтах, как даёт от ворот поворот Журавлёву, а он страдает от этого, ищет встреч, возможно, посвящает ей песни, но... Страдать Журавлёв не собирался вообще. Напротив, он сам стал избегать Алису и игнорировать её телефонные звонки, вместо того, чтобы пытаться продолжить их отношения. Такого поворота она не ожидала. И неважно, что он теперь ей не был нужен... но он должен был быть наказан за равнодушие к её женским чарам...

Сама никогда и никого не любившая, Алиса не могла взять в толк, чем она хуже его простушки Насти, которой удалось завоевать сердце музыканта, и не только завоевать, а удерживать его возле себя вот уже сколько времени... Когда же на горизонте появилась ещё и Милена, самолюбие разыграло не по-детски. Теперь Алиса знала наверняка, что не сможет спокойно спать, пока не почувствует удовлетворение от того, что Журавлёв понёс достойное наказание. Так было всегда со всеми её обидчиками. Так было, и так будет впредь. Иначе она — не Алиса Морозова.

Теперь она сидела и сосредоточенно обдумывала план мести. Просто рассказать Насте про Милену, как она грозила Журавлёву, было, по её мнению, примитивно. Прямых улик Алиса не имела, да и что это могло дать? В самом лучшем случае — увольнение няни за недостойное поведение, и всё. И снова заботы о детях могли свалиться на её же, Алисину голову. А что Журавлёв?.. Да ничего. Эта дурочка Настя обязательно его простит. И выйдет за него замуж. И всё у него будет в шоколаде... Нет... Месть не должна оставлять шансов на благополучный исход. Она одним ударом должна убивать как минимум двух зайцев...

Сегодня она вместе с другими ребятами из «Творческой деревни» едут в ночной клуб, где будут выступать Наташа и Дима вместе с «Ночным патрулём». И, если не сегодня, то завтра она обязательно придумает, как отомстить Журавлёву...

* * *

В предпраздничный вечер Настя, как всегда, работала, и Женька, дождавшись, когда она скроется в дверях «Золотого льва», вырулил со стоянки. До его вечернего выступления оставалось около двух часов, и он, недолго раздумывая, повернул в сторону дома Морозова.

— Ты с ума сошёл... — открыв дверь, Милена тут же оказалась в его объятиях, — Валерик ещё не спит... Он же расскажет, что ты приходил...

— Ленка... — он целовал её лицо, шею, плечи, — Я не могу без тебя... Я больше не могу...

— Ты с ума сошёл... — она повторяла это сквозь его поцелуи шёпотом, — Ты с ума сошёл...

— Нужно что-то решать.

— Подожди... — слегка отстранившись, Милена посмотрела ему в глаза, — Подожди... Женька... Я тебя очень люблю... Но я понимаю, что прошло столько лет... Ты должен разобраться окончательно.

— Я уже разобрался.

— Но у вас подано заявление...

— Ну, и что... — он снова привлёк её к себе, — Я тогда не знал, что снова встречу тебя...

— Я... я не знаю, что нам делать...

— Я хочу пить! — Валерка, обиженно надув губы, показался в дверях прихожей, — Ты куда усла?

— Я здесь! — метнувшись к ребёнку, Милена тут же увлекла его назад, — Сейчас... компотик будешь?

— Бу-у-у-ду... — донеслось до Журавлёва. Прислонившись к входным дверям, он прикрыл глаза. Он давно уже понял, что нужно что-то делать. Жалость к Насте не избавит его от любви к другой женщине. Рано или поздно всё придёт к своему логическому концу...

«Нужно что-то делать».

А, собственно, что делать? Свадьбы ещё не было. Формально он свободен, Милена — тоже... Никто не сможет помешать их счастью. Сегодня он всё скажет Морозову и заберёт Милену к себе. А утром... утром придётся объясниться с Настей. Это — неизбежно. Чем дольше он тянет, тем тяжелее будет это признание. И жалость к ней тут ни при чём... Он больше принесёт ей боли потом... когда будет бегать от неё к Милене... в конце концов, он всё равно уйдёт к ней.

«Стоп!»

Он вдруг вспомнил, что завтра — праздник. Несмотря ни на что, он не такая сволочь, чтобы уйти от Насти именно в этот день. Да, он, скорее всего, проведёт его с Миленой... Но все объяснения оставит на потом. Да, по-другому он поступить не сможет...

— Всё, уложила... — Милена снова показалась в прихожей, — Сколько у тебя ещё времени?

— Уже мало... Пора ехать. Ты сможешь сегодня переночевать у меня?

— Я не знаю... Что я скажу Наташе?.. Что мне в час ночи приспичило уйти?..

— Ты скажешь, что ты взрослая женщина, и должна быть счастливой...

В гримёрной никого не было, и Женька, подойдя к зеркалу, аккуратно причесал свои длинные волнистые волосы, потом осмотрел себя с ног до головы. Выступление Наташи Морозовой уже заканчивалось, и следующими на сцену ночного клуба должен был выйти «Ночной патруль». Судя по верхней одежде, висевшей на вешалах, ребята были уже здесь. Догадавшись, где их искать, Журавлёв направился в бар и не ошибся: Говоров с Мазуром, оседлав высокие стулья, держали в руках по стакану и, повернув головы на девяносто градусов, не сводили глаз с глубокого выреза на груди платья Элеоноры — нового концертного директора группы и Наташки. Сидя с ними в ряд, Элеонора буквально положила пышный бюст на барную стойку. Парни сидели справа от женщины, и Женька, решив, что так им будет удобнее общаться, занял место слева от неё.

— Добрый вечер, — промурчал он, слегка приобняв Элеонору за талию и заказал бармену виски.

— Добрый вечер, — развернув бюст в его сторону, Элеонора игриво заулыбалась, — мальчики собираются.

— Что такое мальчики без девочек? — Женька обаятельно улыбнулся ей в ответ.

— Вадим ещё не подошёл? — пытаюсь отвлечь внимание Журавлёва от пышногрудой директрисы, Говоров выглянул через три головы.

— Не видно, — Женька глотнул из стакана, — сейчас подойдёт.

— Вся деревня в сборе! — Паша Рулёв, довольно весёлый, в обнимку с Алисой подошёл к барной стойке, — Всех прекрасных дам с наступающим праздником!

— Мне мохито, — бросив на Женьку победный взгляд, Алиса довольно бесцеремонно дёрнула Рулёва за край рубашки, — Па-а-а-ша-а... Я хочу мохито!

Усмехнувшись, Женька допил виски и вместе с Говоровым и Мазуром вышел из бара. Он уже собирался пройти следом за ними в длинный коридор, где находилась гримёрная, но вдруг обо что-то споткнулся.

— С праздником! — прямо в ухо крикнул девичий голос. Повернув голову, Журавлёв увидел Ленку — подставив ему подножку, девчонка радостно прыснула.

— Ты чё?! — от неожиданности он не знал, обматерить её или засмеяться, — Кто артисту подножку ставит перед концертом?!

— Ой-ой-ой... — Ленка ехидно засмеялась, — Ты же неуязвимый!

— Ладно, я побежал, — дружески хлопнув её по плечу, Женька собрался уже идти, но девушка схватила его за руку и умоляюще заглянула в глаза.

— Слушай... Ты можешь сделать доброе дело?

— Какое? — Журавлёв нехотя остановился.

— Слушай... ты это... вызови Морозова? Ну, пожалуйста... — девчонка смотрела так жалобно, что Женька невольно рассмеялся.

— Куда я его вызову? Он ещё за пультом стоит...

— За каким пультом?! — она удивлённо заморгала длинными ресницами.

— Сцену видишь? — он кивнул на сцену, где Наташа исполняла одну из последних в программе песен, — Это его жена поёт. А он — за пультом, за звукорежа. Усекла?

— Усекла... — она разочарованно поджала губы, — А варианты есть? Ну, потом

вызвать...

— Да зачем тебе?!

— Не мне... Птахе... Она ж от него без ума. Самая преданная поклонница... Она даже с парнями не встречается, ему верность бережёт...

— И — чего теперь? Это её проблемы... У Димы поклонниц миллион, но он жену любит...

— Да мы знаем, — Ленка нетерпеливо махнула рукой, — но он бы взял, с праздником её поздравил... Ну, чисто символически. Она же сама сроду не подойдёт! Это мы с Марой без комплексов... А Птаха — она в этом отношении на всю голову больная... Ну, чё, вызовешь?

— Ладно, — усмехнувшись, Женька покрутил головой, — сейчас, их блок закончится, попробую... Но результат не обещаю.

— Она тут будет ждать, возле выхода! — крикнула Ленка ему уже вслед.

* * *

Всё выступление Дима невольно натёкался взглядом на худенькую девичью фигурку, маячившую у самой сцены. Девчонка была не одна, а с двумя подружками. Все трое зажигательно танцевали под песни «Ночного патруля», но худенькая Птаха без конца оглядывалась на сцену, туда, где в это время находился Морозов. Как только прозвучал последний аккорд и стихли аплодисменты, девчонка метнулась к выходу со сцены.

— Ну, привет, — помня о просьбе Журавлёва, Дима остановился перед Птахой, — как дела?

— Привет! — обалдевшая от свалившегося счастья, девчонка во все глаза смотрела на своего кумира, — Нормально!

— Ну, что, с наступающим праздником? — глядя на её выражение лица, Дима не мог скрыть улыбки.

— Спасибо... — она нерешительно переминалась с ноги на ногу, — А можно взять у вас автограф?

— Запросто! — Дима похлопал себя по карманам, потом снова посмотрел на девушку, — Только у меня нет ручки...

— У меня есть! — она кивнула с готовностью и вытащила из кармашка фломастер, — Вот!

— Где расписаться? — Дима с готовностью поднял руку.

— А можно на плече?.. — как будто испугавшись, что он откажет, она молниеносным движением руки оголила плечо.

— Без проблем, — едва нажимая, чтобы не сделать ей больно, Морозов что-то старательно написал на нежной девичьей коже.

— А можно ещё сфотографироваться? — она торопливо достала телефон и подала его стоявшей неподалёку Ленке, — Сфоткай?

— Можно, — Димка выглядел радостно-добродушным, приобняв девушку перед камерой, — Всё?

— Всё... — забрав телефон со снимком, она сначала посмотрела на дисплей, потом

снова подняла глаза на Морозова, — Не всё...

— Не всё?! — со смехом переспросил Дима, — А что ещё?

— Можно я тебя поцелую?..

Наташка, которая во время выступления «патрулей» танцевала в компании «деревенских», неторопливо подходя к сцене, с удивлением наблюдала, как, расцеловавшись с Мазуром, Говоровым и её Димой, три девчонки радостно переговариваются, показывая друг другу что-то в мобильных телефонах.

— Ну, вот, Птах, и у тебя теперь фота с твоим есть, — обращаясь к худенькой девушке, которая только что целовала Диму, другая хлопнула её по плечу, — ой, извини!.. Я забыла, что он у тебя на плече расписался...

— А чё написал-то? — третья попыталась отодвинуть ворот джемпера, — Ну, Птах, чё написал-то?

— Любимой Птахе от Димона, наверное, — прыснула вторая, — да, Птах?

— Ой, ну вас, — худенькая смущённо поправила одежду, — не скажу...

— Ну, точно, в любви признался, — дразнили девчонки, — следующий раз уже не номер, а виллу тебе снимет, на берегу моря...

Наташа молча прошла мимо дурачившихся девчонок и направилась к гримёрке, в которой за несколько минут до этого скрылся Дима.

— Наташ, ты где была? Я тебя потерял, — увидев жену, он обрадованно шагнул навстречу, — одевайся, поедem домой.

Ничего не ответив, она натянула на ноги сапоги, надела шубку и пулей вылетела из гримёрной. Он догнал её только на стоянке, возле машины. На все его вопросы Наташа не отвечала, только обиженно кусала губу. Ничего не понимая, Морозов завёл машину и, дождавшись Алису, нажал на газ...

Просьбу Милены отпустить её сегодня до утра молодые супруги восприняли почему-то с плохо скрываемой радостью — у каждого на то была своя причина.

— Может, вас отвезти? — единственное, о чём спросил Дима, когда Милена уже одевалась.

— Нет, спасибо, за мной сейчас заедут, — улыбнувшись, та взялась за ручку двери.

— Ну, вы нас потом познакомите?.. В смысле — с тем, кто за вами заедет... — Наташа тоже вышла в прихожую.

— Обязательно, — охотно кивнула та и выпорхнула из квартиры.

— А теперь рассказывай, что случилось... — вернувшись в спальню следом за Наташей, Дима повернул её к себе лицом, — Почему ты со мной не разговариваешь?

— Ты со мной вчера тоже не разговаривал, — наконец, нарушила она молчание.

— Ничего себе, — он, прищурившись, посмотрел на неё, — тебе такие охапки цветов дарят... такие открытки пишут...

— Да?! Зато я ни с кем не целуюсь, и не пишу автографы на... на... — она никак не

могла придумать, на чём ещё можно написать автограф, и, не найдя ничего более подходящего, выдала, — на пузе!

— Ах, вот оно что! — он рассмеялся, и, несмотря на её попытки вырваться, ещё крепче сжал её в руках, — Это ты обиделась за то, что я расписался у той девочки на плече?!

— И расписался, и целовался, и сфотографировался, — обиженно бубнила Наташка, — и это только то, что я видела...

— Ну, давай, я с тобой сфотографируюсь, хочешь?

— Хочу... — как-то шутливо-зловеще проговорила Наташа и, дождавшись, когда он выпустит её из своих объятий, толкнула его обеими руками — от неожиданности Димка не удержал равновесие и упал на кровать. С гордым видом прихватив халат, она быстро вышла из комнаты.

...Стоя под душем, Наташа не услышала, как дверь ванной отворилась. Она стояла к ней спиной, поэтому не видела, как Дима, прислонившись к стене, смотрит на неё... Наконец, почувствовав что-то, оглянулась...

— Ну, что, один — один? — целуя её под упругими струями воды, тихо спросил Дима.

— Лучше ноль — ноль... — растворяясь в его ласках, в ответ прошептала Наташа.

* * *

Где-то ближе к утру, Женька оставил спящую Милену и тихонько вышел из комнаты. Запершись в туалете, набрал номер Насти.

— Я тут случайно с пацанами завис... Не убивай меня ладно?.. Возьми такси, ага?.. — Журавлёв старался говорить как можно тише, — Ага?.. Настя?.. Ну, утром буду, честно...

Покурив на кухне, снова вернулся в комнату. Милена казалась спящей, но, как только он лёг рядом, тут же обняла его и прижалась к его груди.

— Спи... — он поцеловал её и тоже закрыл глаза.

Проснувшись Милена тоже от его поцелуя. В первый момент ей показалось, что она находится в квартире Морозовых, и спит на своём диване в детской, но, открыв глаза, увидела Женьку — он, улыбаясь, сидел рядом...

— С праздником!.. — повернув голову, она ахнула — на соседней подушке лежал букет цветов...

...Проводив её домой около восьми утра, Журавлёв без особой охоты ехал в квартиру Насти. Несмотря ни на что, праздник ей портить не хотелось, Настя этого совершенно не заслужила... Но, в то же время, в глубине души Женька ловил себя на мысли, что, если она заведёт разговор или спросит его напрямую, он не удержится и скажет ей всю правду именно сегодня.

Открывая ключом дверь, он внутренне приготовился к обычным упрёкам.

Настя, действительно, не спала. Услышав характерные звуки, Журавлёв заглянул в ванную — Настя стояла, нагнувшись над раковиной...

— Ты чего? Перепила что ли? — он удивлённо смотрел, как она умывает лицо.

— Вообще не пила... — едва успев произнести эти слова, она снова бросилась к раковине.

— А чего?.. — уже догадываясь, «чего», он всё равно задал этот дурацкий вопрос.

— Того... — закрыв кран, она сняла с вешалки полотенце и прижала его к лицу; потом, повернувшись, посмотрела на Журавлёва, — Кажется, у меня для тебя есть свадебный подарок...

Глава 21

Настя ещё какое-то время смотрела на него, ожидая реакции на свои слова, но Женька молчал.

— Что же ты молчишь?! Не радуешься... не хватаешь меня в охапку... — в её словах было столько горькой иронии, что, будь у него припасено тысячу слов на этот случай, Журавлёв всё равно не смог бы их произнести.

Не дождавшись от него ответа, Настя вышла из ванной. Он стоял ещё с минуту на одном месте, где-то в глубине души удивляясь тому, что в голове нет совершенно ни одной мысли. В этот момент его мозг можно было сравнить с чистым файлом. Скорее по инерции, засунув руки в карманы брюк, он медленно двинулся вслед за Настей.

Она сидела в комнате, на краю дивана, склонившись и обхватив руками плечи.

— Вот только не ври мне... Ладно?.. — подняв голову, она посмотрела на него полными слёз глазами, — Не ври!

— Что я не должен врать? — он как будто оттягивал время перед тяжёлым разговором.

— Ничего не ври. Не ври, что ты бухал с пацанами... Ты совершенно трезвый...

— Ну, и что...

— Ты позвонил и сказал, что ты с ребятами завис...

— Да... — он медленно покачал головой, — Я завис.

Повернувшись, он вышел в кухню и открыл холодильник. Бутылка водки, которую Настя собиралась выставить на праздничный стол, показалась ему сейчас как нельзя кстати... Налив полный двухсотграммовый стакан, Женька выпил его, не отрываясь и без закуски. Посидев несколько минут, понял, что алкоголь почти не берёт. Снова потянулся за бутылкой, но, подержав её несколько секунд на весу, поставил назад. Он так и не разделся, войдя в квартиру, и теперь, почувствовав, что становится жарко, лишь расстегнул молнию на куртке. Покури в открытое окно, вернулся в комнату. Настя сидела в той же позе, низко наклонив голову.

— За что?.. — она произнесла это как-то глухо, обречённо.

— Настя, прости меня...

— За что?.. — как будто не слыша его, она повторила свой вопрос.

— Прости меня.

— Ну, за что, Женья?! — она медленно повернула к нему лицо. Они много раз ссорились, ругались до хрипоты, но никогда ещё Журавлёв не видел столько неподдельного горя в Настиных глазах.

— Ты говори сейчас всё, что хочешь. Я знаю, что я гад.

Видимо, она всё-таки таила надежду, что он попытается что-нибудь соврать... В этом случае, можно было быть уверенной, что он не собирается уходить именно сейчас... Но врать он не собирался.

Поднявшись, она близко подошла к нему.

— Это... Это — она?! Да, Журавлёв?! — схватив его за полы куртки, Настя изо всех сил сжала их в кулаках, — Только не ври... Да?!

— Да, это она, — Женька вдруг почувствовал какое-то облегчение от того, что смог, наконец, признаться, пусть и под напором.

— Я ведь знала... — слёзы покатались по щекам, но она их не вытирала, всё так же держась за его куртку, — Я сразу догадалась... Ты думал, что я такая дурочка?.. Да, Журавлёв?! Ты думал, что я такая тупая?! А я сразу всё поняла... И пустышка в кармане... И тот номер... И ты, как пришибленный... И твои ночные отлучки...

— Настя, успокойся...

— Ну, почему?! Почему — так?! Почему?! — рыдая, Настя трясла его за куртку, — Почему именно сейчас?!

— У меня нет ответа на твои вопросы... — он мягко постарался отвести её руки от себя, но она ещё крепче сжала кисти.

— Где она была все эти годы, где?! Ну, где?..

— Пожалуйста, успокойся, — ему всё же пришлось с силой оторвать её от себя, — она ни при чём...

— Ни при чём?! — попятившись назад, Настя перешла на крик, — Да пропади она пропадом!..

— Замолчи... — Женька угрюмо смотрел на носки своих ботинок, — Она ни в чём не виновата. И ты не виновата... Виноват только я. Меня проклинай.

— Тебя?! Нет... тебя я не буду проклинать! А вот она... Пропади она пропадом! — глядя прямо на него, Настя с расстановкой, зло выкрикнула эти слова.

Понимая, что все объяснения сейчас бесполезны, Журавлёв снова ушёл на кухню. Второй стакан водки он налил лишь наполовину, и уже собирался выпить, когда на пороге появилась Настя.

— Налей мне водки, — кивнув на бутылку, она достала с полки пачку сигарет и зажигалку.

— Не налью, — оставив свой стакан, он взял в руки бутылку и стал запихивать её во внутренний карман куртки, — тебе нельзя...

— Нельзя? — усмехнувшись, она быстрым движением схватила его стакан и торопливо выпила.

— Что ты делаешь?! — глядя, как она, сморщившись, пытается вдохнуть в себя воздух, Журавлёв быстро налил ей воды, — Запивай...

— Пошёл ты, — стакан вылетел из его руки и завертелся на полу, оставляя за собой небольшие лужицы. Нервно шагнув к окну, Настя рванула фрамугу на себя, — не твоё дело...

— Это моё дело, — он исподлобья смотрел, как она пытается закурить, — ты беременна.

— Твоё какое дело?! — повернув к нему заплаканное лицо, Настя сделала глубокую затяжку, — Ты сделал выбор.

— Если ты, действительно, беременна, то это и моё дело. И неважно, какой я сделал выбор.

— Чего?! — она выдавила подобие усмешки, — Твоё дело?! Нет у тебя здесь больше

никаких дел. Понял?! Уходи.

— Курить ты тоже бросишь.

— Твоя сумка на антресоли... — глядя в окно, теперь она выпустила струйку дыма, —

Вещи сам соберёшь.

— Настя... — как можно мягче произнёс Журавлёв, — обещаю тебе, что ни пить, ни курить ты больше не будешь.

— Не пообещаю.

— Пойми, что, даже если я сейчас останусь, то это уже ничего не решит... Настя...

— Уйди...

— Послушай...

— Уйди-и!.. Ты понимаешь?! — повернувшись к нему всем корпусом, она скорбно сдвинула брови, — Я прошу тебя, уй-ди!.. Неужели ты не понимаешь, что мне тяжело тебя видеть?!

...Вещи он собрал за несколько минут. Настя из кухни так и не вышла, прощаться было как-то глупо... Положив ключи на стол, Женька подхватил свою сумку и вышел из квартиры. Уже в машине достал телефон.

— Привет, — услышав в трубке голос Милены, Журавлёв улыбнулся, — когда за тобой заезжать?

* * *

Ещё рано утром, находясь в Женькиной квартире, Милена ощутила жуткое чувство голода. Такого с ней уже давно не было, она всегда была умеренна в еде. Но, видимо, нахлынувшие чувства сыграли свою роль. В Женькином холодильнике, кроме купленного торта, она ничего не нашла, поэтому завтрак у них получился сладким — и в прямом и в переносном смысле. Тем не менее, есть всё равно хотелось...

Добравшись до квартиры Морозовых, она тихонько разделась и заглянула в детскую — кровать Валерика была пуста, а Анечкиной вовсе не было, дети ночевали в спальне родителей. Судя по тишине, все ещё спали, и, недолго поколебавшись — позавтракать или лечь спать, Милена отправилась на кухню. Особых правил в семье Морозовых не было: и завтраки, и обеды, и ужины проходили скорее спонтанно, «по обстоятельствам», чему способствовал особый режим жизни творческих людей. И теперь, во многом благодаря Милене, семейные приёмы пищи приобрели более-менее системный характер. Однако, в любом случае, дверца холодильника хлопала регулярно, независимо от времени суток, и эта привычка распространялась и на няню детей, как на полноправного члена семьи.

Согрев чайник, Милена налила себе чашку кофе, сделала бутерброд и удобно устроилась за столом. Сегодня она окончательно решила для себя, что самообман и сдерживание чувств — не лучший выход, и что она не будет противиться никаким подаркам судьбы, а встречу с Журавлёвым через столько лет она считала именно подарком. Он сказал, что на днях всё решит и перевезёт её к себе... Ей стоило немалых трудов, чтобы уговорить его пока не ставить в известность Наташу с Дмитрием относительно их отношений. Женька пообещал, и, судя по всему, своё обещание выполнил — Морозовы были явно не в курсе, к кому

отправляется их няня вот уже вторую ночь.

Настроение было приподнятое — праздничное утро было по-настоящему праздничным с самого пробуждения, и, несмотря на то, что им с Женькой пришлось расстаться на некоторое время, она всё равно была счастлива — он обещал позвонить и приехать за ней снова после обеда. Она даже совершенно не ревновала его к Насте... Она чувствовала его любовь... Она знала, как он может любить.

— Доброе утро! — Наташа, вся сияющая, заглянула на кухню, — Всё хорошо?

— Доброе утро, — Милена слегка смутилась оттого, что завтракала, не дождавшись остальных, — да, всё хорошо... Вы извините, но я что-то так проголодалась...

— Да кушайте на здоровье! — Наташа радостно махнула рукой, — Я сейчас приведу себя в порядок, и позову Алису. Дима будет нас поздравлять!

— Бедный, — улыбнувшись, Милена покачала головой, — один против трёх женщин... Вам и так, наверное, некомфортно. Вы совсем молодые, а в доме всегда посторонние люди...

— И совсем нет! Мы привыкли жить с родителями, поэтому и квартиру купили рядом с ними. Нам совершенно комфортно и удобно в плане творчества. Дима — он весь в музыке, он просто живёт своими идеями. Мы сейчас много времени проводим вместе, у нас совместные планы, проекты... поэтому вокруг нас много людей. И эти люди нам совсем не посторонние.

— Знаете, Наташа, я смотрю на вас — вы удивительно добрые люди. Правда. В вашем доме всегда светло, даже в тёмное время суток. У вас есть друзья...

— Это всё Дима. Всё, что у меня есть — всё только благодаря ему... — Наташа тепло улыбнулась, — у него всегда были друзья. Самое интересное, что они совершенно не похожи. Вот Сашка с Витькой — такие дворовые пацаны, и загулять могут, и в драку полезть... А Дима — он совершенно другой, но их водой не разольёшь.

— А... Журавлёв? — едва улыбаясь уголками губ, Милена решила задать этот вопрос, — Он — какой?

— Женька... — Наташа слегка задумалась, — Женька, он совершенно не такой, каким может показаться на первый взгляд. Он может запросто пуститься все тяжкие, но может и спасти кого-то ценой собственных интересов. У него благородное сердце и собственный кодекс чести. Правда, он очень любит женщин... Но у меня такое впечатление, что это не столько черта характера, сколько защитная реакция.

— Защитная реакция? — переспросила Милена, — От чего?

— Не знаю... Мы когда-то вместе работали в ресторане. Я тогда очень хорошо его узнала... но у него в душе есть какая-то тайна, что ли... Во всяком случае, мне так всегда казалось.

...Женькиного звонка Милена ждала с нетерпением, и, когда он позвонил, была готова лететь к нему сию же минуту. Но Наташа обещала отпустить её лишь после обеда, поэтому сначала ей пришлось пройти «процедуру» поздравления, когда Дмитрий торжественно вручил ей и Алисе по подарку и даже спел песню под Наташин аккомпанемент, погулять с детьми и посидеть за семейным праздничным столом.

Она опасалась, что Женька не выдержит и приедет к Морозовым, тем самым раскрыв их тайну, и поэтому, когда Наташа, наконец, отпустила её, тут же собралась и убежала из дома.

Женька подъехал минут через двадцать после её звонка — она даже не успела замёрзнуть.

— Ты что, выпил? — целуясь с ним, Милена почувствовала запах алкоголя, — ты же за рулём!

— Да ладно, ерунда... — рассмеялся Журавлёв, — я же звезда... Кто же звёзд штрафует?

Она не стала отчитывать его, но, пока они ехали к его дому, испуганно смотрела на каждую машину ДПС.

— Я ушёл от Насти, — уже дома, в прихожей, он снова заключил её в объятия, — и ты переезжаешь ко мне.

— Женька... — Милена счастливо улыбалась, прижимаясь к его груди, — Это какой-то сон...

— Ты переедешь? — отстранившись, он заглянул ей в глаза.

— Переду...

Время до вечера пролетело незаметно. Они сходили в близлежащий магазин за продуктами, и в холостяцкой квартире Журавлёва, наконец-то, запахло домашней пищей. Сидя за столом с Миленой, он практически не пил, лишь чуть пригубил сухого вина. Впервые за много лет он чувствовал себя по-настоящему счастливым.

— Знаешь, о чём я жалею? — взяв её ладонь в свою руку, Женька вглядывался в её красивые, карие глаза.

— О чём?.. — едва улыбаясь уголками губ, спросила она.

— Что ты не можешь ездить со мной на концерты...

— Ты можешь петь мне дома...

— Ты не поняла... Петь со сцены и знать, что в зале тебя слушает любимая женщина... для любого музыканта это самый лучший стимул.

— Думаю, это поправимо. Я поеду с тобой, когда Наташа будет дома. И буду слушать тебя из зала...

— Такое бывает редко. Дима специально так договаривается, чтобы Наташка вместе с нами выступала...

— Но я у них не навсегда...

— А, давай, ты уволишься? И будешь ездить со мной?

— Подожди... — расхохоталась Милена, — ты слишком быстро решаешь мою судьбу...

— Не твою, а нашу...

...Уже по дороге к Морозовым, куда он возвращал Милену, Женька почувствовал, как в груди что-то предательски начинает щемить. Забыть утренние разборки с Настей не удавалось. Зная её, он не сомневался, что она не обманывает и, действительно, беременна. Но даже не это известие убивало его напрочь... Убивало то, что история повторялась один в один... Повторялась лишь с той разницей, что теперь это не было следствием его собственной глупости... Теперь это было просто роковым стечением обстоятельств. Он

понимал, что Милене придётся рассказать всё... А как с Настей?.. Её беременность служила залогом того, что отношения с ней будет невозможно прервать ни при каких обстоятельствах... Она беременна его ребёнком. Он не может больше жить с ней, но и бросить её без помощи — тоже... Сейчас ситуация представлялась ему неразрешимой.

Заехав по пути в супермаркет, Женька купил литровую бутылку водки и, вернувшись домой, не раздеваясь, прошёл на кухню и достал стакан...

* * *

Едва за Миленой закрылась дверь, как раздался звонок от Говорова. Проезжая мимо, они с Ириной решили нанести праздничный визит Морозовым. Сашка с Димой сразу же ушли в студию — Дима писал новую песню, и хотел показать её другу, а Ира с Наташей устроились в гостиной.

— Опять вы без Каринки, — Наташа уютно устроилась в мягком кресле напротив Ирины, которая весело возилась с Анечкой, — нужно было взять, а то Валерка все уши прожужжал, когда Карина к нам придёт.

— Она у бабушки, — Ира махнула рукой, — мы хоть немного от неё отдохнём. Это такая юла, что слов нет!

— А с няней удобно, — улыбнулась Наташа, — знаешь, я так рада, что у нас теперь Милена!

— Я бы на твоём месте не очень радовалась, — недоверчиво хмыкнула Ира, — няня, да ещё красивая и молодая, это такая бомба замедленного действия...

— Да что ты! Милена очень добрая, она с детьми как родная мама обращается.

— Вот это истораживает, — Ира не оставляла недоверчивого тона, — так вот приучит к себе детей, а потом за папу примется...

— Ну, ты как наша Алиса, — рассмеялась Наташа, — та тоже меня всё пугает.

— Правильно пугает, — кивнула Ира, — зря смеёшься! Она же не замужем?

— Нет.

— А лет ей сколько?

— Тридцать...

— Самый возраст, — Ирина говорила со знанием дела, — тридцать лет, мужика своего нет... А тут такой мужчина в соседней комнате... Наташ, ты меня просто поражаешь!

— Ирка, прекрати! — пошутила Наташа, но в её голосе промелькнули тревожные нотки, — Милена спит с Валеркой, Дима — со мной. Глупости какие-то...

— Ну, вот будут тебе глупости. Сама видишь, бабёнка какая из себя... Утром на кухне в халатике... вечером из ванны вышла, с Димой в коридоре невзначай встретила... Неужели тебе в голову такое ни разу не приходило?!

— Не приходило, — Наташа прислушалась к разговору парней в студии — то громко над чем-то смеялись, — если так думать, то с ума можно сойти. Милена порядочная женщина. А Дима... Дима тоже порядочный... Ир, ну, прекращай меня пугать!

— Порядочная, — Ира поджала губы, — ты позавчера на гастроли улетала... А они тут вдвоём... Неужели даже не переживала?

— Нет... — Наташа пожалала плечами, — Не переживала... Даже больше тебе скажу. И в

мыслях не было, хотя, как оказалось, у нас отключали свет, и Милена рассказывала, как они с Димой и Валеркой сидели в кухне при свечке.

— Не обижайся, Наташ... — Ира сделала многозначительную паузу, — Но ты — дура.

— Ну, и ладно, — с трудом проглотив обидное слово, Наташа улыбнулась, — дура так дура... Только у нашей Милены кто-то есть. Она уже не в первый раз отпрашивается, и именно на ночь.

— На ночь?.. — Ирина покрутила головой, — А анализы у неё есть?

— Есть. Всё в порядке.

— Нужно, чтобы она их сдавала каждый месяц. Это не шутки — твои дети.

Наташка была несказанно рада, когда из студии показались Сашка с Димой. Общение с ворчливой и подозрительной Ириной всякий раз доводило её чуть ли не до слёз, и единственной причиной того, что Наташа терпела подобные разговоры, было то, что Ира искренне переживала за их с Димкой семейное счастье. Но делала это единственным, известным ей способом...

— Кстати, вы уже придумали, что подарите Журавлёву на свадьбу? — провожая гостей, вспомнила Наташа о волнующей её проблеме, — Я никак не придумаю...

— Та же ерунда, — кивнула Ира, — но время ещё есть, так что... Кстати, возможно, подарков придётся делать два...

— Почему два? — застёгивая пальто, Сашка повернулся к жене, — В смысле — каждому по подарку?

— Нет, — Ира хитро улыбнулась, — не поэтому...

— А почему?

— Заткните уши с Димой, тогда скажу...

— Считай, что заткнули, — рассмеялся Морозов, приложив к ушам ладони.

— На днях Настя спрашивала, есть ли в моей аптеке электронные тесты на беременность... — понизив голос, Ира обратилась к Наташе, — Думаю, что не просто так...

— Да-а-аа... — Наташа весело посмотрела на парней, — всё, можете уши открывать!

— А я всё слышал, — Сашка прищурился, — пусть Жека попробует сегодня не проставиться!

— Э, ты не вздумай ему сказать! — Ира дёрнула его за рукав, — Может, он ещё и не в курсе... Весь сюрприз испортишь!

* * *

В ночной клуб Женька приехал уже изрядно выпившим. Отработав первое отделение, он ушёл в бар на весь перерыв, так, что, когда снова нужно было выходить на сцену, Димке пришлось его разыскивать.

— Жека, ты в порядке? — глядя, как тот неуверенно устраивается за клавишами, спросил Дима, — Работать можешь?

— Обижаешь... — чуть не заваливаясь на синтезаторы, Журавлёв еле шевелил языком.

— Давай, ты поедешь домой? — Дима положил ему руку на плечо, но Женька упрямо

замотал головой.

— Всё нормально... Дима... всё нормально...

— Ну, смотри... — Морозов нехотя отошёл в сторону, то и дело посматривая на пьяного Журавлёва.

Уже после первой исполненной композиции всем стало ясно, что клавишник сегодня играть не в состоянии. Женька и сам понял, что больше не в силах сохранять вертикальное положение, одновременно выдавая правильные аккорды. Наташа, которая после своего блока осталась вместе с Димкой, тоже почувствовала неладное и после первой песни встала за клавишную установку рядом с Журавлёвым.

— Жень, иди в гримёрку, — негромко сказала ему Наташа, — я отработаю за тебя.

— Наташка... я бухой сегодня... — обняв её одной рукой за плечи, Журавлёв кивнул сам себе.

— Я вижу. Жень, ты иди, ладно? Пауза затягивается...

— Наташка... ты хорошая девчонка...

— Я знаю... — Наташа тихонько выталкивала его из-за клавиш, — Мы с тобой потом поговорим... Хорошо?..

— Всё... Я ушёл... — Женька нетвёрдой походкой, наконец, покинул сцену.

Когда, после концерта, ребята вернулись в гримёрную, то нашли Журавлёва спящим на небольшом диванчике.

— Интересно, Жека на своём «ровере» приехал, или на такси? — Мазур, подбоченившись, разглядывал Женькину спину.

— На такси, я видел, — обычно немногословный Вадим подал голос.

— Да мы все на такси, — усмехнулся Говоров, — я сам сегодня от руля шарахаюсь...

— Мы на машине, — Дима успокаивающе кивнул друзьям, — так что доставим в лучшем виде. Кстати, Настя сегодня работает?

— Она все выходные работает, — ответил Сашка, — и сегодня, скорее всего, тоже.

— Жень... — Наташа осторожно потрясла парня за плечо, — Просыпайся... Мы тебя домой отвезём.

Заворочавшись, Журавлёв кое-как сел. По его лицу было видно, что он с трудом понимает, где находится. Наташа ещё раз потрясла его за плечо.

— Жень... Поехали...

— Куда?.. — он ладонями потёр лицо и поднял на неё глаза.

— Домой. Настя дома или на работе?

— Не знаю... — как будто вспомнив о чём-то, он энергично замотал головой, — не надо к Насте...

— А куда тебя отвезти? — Наташка присела перед ним на корточки, — Жень, ну, одевайся... Мы тебя отвезём, куда скажешь.

— К Насте — нет... — повторил Женька, — Не надо...

— А куда?.. Куда тебя отвезти? К тебе?

— К тебе... — он кивнул Наташе, — к себе меня отвези?..

— Так, Жека, я, вообще-то здесь, — Дима отодвинул жену от Журавлёва, — так что вспоминай, куда тебе нужно.

— К тебе... — теперь глядя на Морозова, повторил Женька, — Мне нужно к тебе...

— Димыч, да вези ты его домой, Настя утром разберётся, куда его — к тебе или к нему, — гоготнул Витька, — видишь, неадекват налицо.

Когда Морозов подъехал к дому Насти, Женька сладко спал на заднем сиденье его машины. Перед тем, как отвести его в квартиру, Наташа поднялась на нужный этаж и позвонила в двери — никто не открыл. Решив, что Настя на работе, они с Димкой кое-как разбудили Журавлёва и проводили до дверей. Но все попытки открыть их ключами, которые были у Женьки в кармане, оказались напрасными — ключи к Настиным дверям не подходили.

— И что теперь делать? — глядя, как Женька стоит, прислонившись к стене, с закрытыми глазами, Наташа растерянно развела руками, — И куда теперь с этой недвижимостью?

— Куда-куда... — окинув «недвижимость» взглядом с ног до головы, Дима решительно обнял товарища, — к нам, а куда ещё? Я по всему городу не буду искать двери, к которым его ключи подойдут. Проспится, сам уедет.

...Милена с изумлением смотрела, как вернувшиеся супруги заводят в квартиру абсолютно пьяного Журавлёва. Женька перебирал ногами, но глаза его были закрыты — он буквально спал на ходу.

— Что-то случилось?! — Милена со страхом наблюдала, как Дима, сняв с Женьки куртку, укладывает того на диване в гостиной.

— Всё нормально, — улыбнулся Морозов, — погулял Женька на радостях.

— На радостях? На каких?..

— Мы точно не знаем, — подложив Журавлёву под голову подушку, Наташа доверительно посмотрела на Милену, — но, возможно, перед нами — будущий отец...

— Хотя мы не уверены, знает ли он сам об этом, — тихо рассмеявшись, Дима на всякий случай ещё раз потормошил Женьку за плечо, — поэтому, поздравления оставим на потом.

* * *

Уснуть Милена не могла. То, на что намекнули ей Морозовы, могло быть правдой... Но, почему тогда Женька ничего ей не сказал?

Прикинув по времени, что Наташа с Дмитрием уже уснули, она тихонько вышла из детской... Пройдя в гостиную, осторожно присела возле спящего Журавлёва. Провела рукой по его волосам...

— Ленка... — он позвал её во сне, но довольно громко, — Ленка... не уходи...

— Женя... — она снова гладила его волосы и плечи, — Женечка... я здесь, с тобой...

— Ленка?! — внезапно повернувшись, он приподнял голову, — Ты здесь?!

— Здесь, — наклонившись к нему, она прислонилась губами к его лбу, — я — здесь...

— Ленка-а-аа... — полусонный, он обхватил её руками и притянул к своей груди.

— Женька, ты что?! — возникнув в дверях, Наташа подбежала к дивану и попыталась «освободить» Милену из его объятий, — Ты с ума сошёл?! — следующие слова относились уже к няне, — Вы его простите, он просто пьяный, видимо, подумал, что вы — его Настя...

— Дурочка ты, Наташка... — Женька ещё крепче прижал к себе женщину, — Это же моя Ленка...

Картина получилась впечатляющая — няня, обнимающаяся в тёмной гостиной с пьяным Журавлёвым, испугали Наташку и привели в замешательство Морозова, который тоже проснулся и поспешил на шум. Сам Женька отчётливо мог произносить только три слова: «Это моя Ленка». Никаких вразумительных пояснений тому, что увидели хозяева квартиры, на этот момент он дать был не в состоянии, поэтому Милена обречённо поняла, что ответ держать придётся ей одной. Во всяком случае, сейчас...

Кое-как оторвав от себя не вяжущего лыка Журавлёва, она ещё какое-то время упорно укладывала его назад, в горизонтальное положение — тот то и дело пытался подняться, видимо, для того, чтобы внести ясность в ситуацию. Наконец, сдавшись, он бухнулся на подушку и, подобрав под себя ноги, закрыл глаза со словами: «Ты со мной».

— Дима, иди спать, — Наташа слегка подтолкнула мужа к дверям, — видишь, всё хорошо...

— Видимо, мне придётся всё вам объяснить, — проводив взглядом Морозова, Милена встала с дивана — схватив её за подол халата, Женька потянул его на себя, но тут же ослабил хватку, и рука безжизненно повисла.

Праздничный день и вечерние концерты почти выбили Наташу из сил, поэтому в ожидании рассказа Милены она поставила варить кофе. Рассказ получился не коротким. Видимо, желание выговориться зрело не один день, и Милена рассказала всю историю их с Журавлёвым отношений, начиная с самого знакомства, более тринадцати лет назад.

— Теперь вы меня уволите? — глядя, как Наташа задумчиво помешивает в чашке кофе, Милена грустно улыбнулась.

— Почему?.. — та подняла на неё удивлённый взгляд.

— Наверное, потому, что я разбила будущую семью вашего друга...

— Это не имеет никакого отношения к тому, что вы воспитываете наших детей. Думаю, и Дима того же мнения. Просто всё, что вы рассказали, очень неожиданно... если не сказать больше...

— Вы очень добрая. Я, кажется, уже это говорила... Но скажу ещё не один раз.

— Вы же не знали, что встретите здесь Женьку.

— Я... знала... Но я не поэтому пришла к вам работать. Мне, действительно, было негде и не на что жить. Так вышло. Если в моих действиях и была корысть, то она была просто сопутствующим фактором. И я совершенно не собиралась уводить Женю от Насти. Всё произошло в считанные дни. Я не настаивала ни на чём, это было его решением.

— Но, если Настя и вправду беременна?.. — Наташа тревожно посмотрела в глаза Милене, — Не подумайте, что я лезу в ваши дела... Конечно, это только ваше решение... Это я сама с собой разговариваю.

— Я теперь не знаю... — глядя куда-то вниз, Милена покачала головой, — Женя ничего мне не сказал об этом... Если бы я знала раньше, то... то, наверное, я...

Ей хотелось сказать, что, если бы она знала о том, что Настя ждёт ребёнка от

Журавлёва, то не бросилась бы в его объятия, как только увидела... Она хотела сказать эти слова, но они почему-то комом застряли в горле. В этот момент Милена вдруг поняла, что нет на свете силы, которая бы удержала её от этого поступка... И его предстоящая свадьба, и будущий ребёнок — все эти обстоятельства не могли выдержать напора её чувств... Когда-то она не простила ему ошибки и столько лет жалела об этом, даже не мечтая, что судьба подарит им ещё один шанс. Она никогда не была ни стервой, ни хищницей, но теперь любовь оказалась сильнее всех её моральных устоев.

— Теперь я знаю, какую тайну хранил Женька в душе... — Наташа так и не выпила ни глотка кофе, и теперь грела в ладонях остывшую полную чашку, — вы и есть его тайна.

Когда она вернулась в спальню, Димка тоже не спал — взяв к себе Аню, он о чём-то тихонько с ней разговаривал — в свете ночника девочка в ответ улыбалась и что-то лопотала на своём языке, совершенно не собираясь спать.

— Дима, зачем ты её разгулял?! — несмотря на строгий тон, Наташке не удалось спрятать счастливую улыбку — так трогателен был этот ночной диалог папы с дочкой.

— Нам не спится, — повернувшись к ней, ответил Дима, — без тебя не спится...

— Дим... — чуть позже, уложив ребёнка, Наташа уютно устроилась у мужа под мышкой, — А ты смог бы бросить женщину, которая ждёт твоего ребёнка? Не просто бросить, а бросить ради другой женщины...

— Не знаю. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно самому побыть в этой ситуации.

— А, если эта другая женщина — любимая?

— А зачем тогда жить с нелюбимой женщиной, и, тем более, заводить детей?

— Ну, ведь, всякое бывает. Допустим, не жил, а встречался...

— Тем более. Если встречаться без любви, о каких детях может быть речь?

— Но дети иногда появляются... — она запрокинула к нему голову и лукаво улыbnулась.

— Ну, что ты, как маленькая... О том, как избежать детей, знают даже сами дети, что говорить о взрослых?

— А что же это ты со мной детей не избегал?! — привстав на локте, она изобразила на лице весёлое возмущение.

— Я же тебя люблю. И детей всегда хотел... и... хочу.

— Хочешь?! Ещё хочешь?! — она еле сдержалась, чтобы не рассмеяться громко и не разбудить дочку.

— Хочу.

— Димка... — Наташа вдруг села в постели и, наклонившись к нему, провела рукой по его длинным волосам, — Ты, правда, меня любишь?.. Только не отшучивайся... Честно, правда?

— От моего ответа что-то зависит? — пряча улыбку, он слегка дёрнул её за свесившуюся косу.

— Зависит... Зависит, получишь ты сейчас подушкой, или нет!

Утром, едва проснувшись, Милена заглянула в гостиную, но Журавлёва там уже не было. Оказалось, что они с Димой закрылись в студии.

— Вот такие дела, Дима, — Женька, довольно потрепанный с похмелья, посчитал своим долгом в первую очередь объяснить с Морозовым, — судьба совершила крутой разворот.

— Твоя судьба, тебе решать, — Дима пожал плечами, — только как теперь с Настей? Девчонки сказали, что она в положении.

— Девчонки? — Журавлёв удивлённо нахмурился, — Я сам только вчера узнал... Они-то откуда...

— Наши девчонки всё знают, — усмехнулся Морозов, — Ирка Говорова сказала, вроде Настя у неё что-то там спрашивала.

— Понятно. Разберусь как-нибудь. Вы только Ленку не вините ни в чём.

— Так никто и не винит. Это только ваше дело.

— Ну, а как бы ты поступил на моём месте?

— Ну, вот, и ты туда же, — снова усмехнулся Морозов, — меня Наташка пол ночи пытала, как бы я поступил... А кто его знает, как...

— Хорошо тебе, Дима... Одна Наташка. И ты её любишь, и она тебя... А у меня второй раз те же грабли. И, главное, всё в один момент. Настю замуж позвал — Ленку снова встретил... С Ленкой всё сложилось — оказалось, что Настя в положении... Прям мелодрама «Из жизни Жени Журавлёва»... — Женька укоризненно покрутил головой сам себе, — Ладно, Дима, не буду тебе больше мозги парить. Спасибо, что приютили...

— Идём, Наташка уже кофе сварила, наверное, — Морозов встал со стула, — кстати, ты в курсе, что мне звонили из одной крутой брендовой фирмы?

— Не в курсе, — поднявшись вслед за ним, Женька засунул руки в карманы, — и чего они хотят?

— Они предлагают нам сняться в рекламе их продукции.

— Зубной пасты? — хмыкнул Журавлёв.

— Ну, в общем, ты почти угадал! — рассмеялся Дима, — В рекламе шампуня.

— Всем, что ли?

— Ну, да, всем. Даже Наташке.

— Тогда Сане хаер надо отрастить. Выбивается из общего фона, — Женька зачесал пятернёй назад свои длинные волосы, — или он будет рвать на себе последние волосы, потому, что не моется этим шампунем?

— Что-то типа этого, — Дима взялся за ручку двери, — съёмки через месяц. А сейчас пошли кофейку врежем.

— Я бы сейчас пива врезал, — Журавлёв почесал макушку, — но, пожалуй, ограничусь кофейком...

* * *

Второе приглашение выступить в северном городе поступило от самого Прохорова, и было настолько неожиданным, что Наташа сначала хотела категорически отказаться — они только что начали подготовку нового клубного шоу, и работы было очень много. Но, как оказалось, Элеонора уже обо всём договорилась, и выступление было назначено на конец марта. Сам Морозов в этот раз тоже был занят и поехать не мог, но его родители уже

вернулись с отдыха, и Наташа была спокойна за детей — и дедушка с бабушкой, и няня были на месте.

Сама няня теперь у них не жила. Вот уже две недели, как она всё свободное время проводила с Женькой — она практически переехала к нему, приходя к Морозовым днём или вечером, когда они оба были заняты на выступлениях или в студии. Женька хотел, чтобы Милена уволилась и сопровождала его в поездках, но Наташа упростила и его, и её подождать хотя бы до лета, пока Милене не найдётся достойная замена.

Милена относительно спокойно приняла известие о том, что у Насти будет ребёнок. «В этот раз я не позволю тебе уйти», — утром, после того, как они всё рассказали Морозовым, Женька зашёл к ней в детскую. «Я не собираюсь уходить, — прижимая к себе проснувшуюся Анечку, Милена смотрела на него широко распахнутыми глазами, — теперь я сама не смогу без тебя...»

Новость о том, что Журавлёв неожиданно бросил беременную Настю и сошёлся с няней Морозовых, повергло в шок не только членов семьи, но и «патрулей». Даже Мазур, который обычно в чужих сердечных делах придерживался нейтралитета, в этот раз несколько дней хмуро здоровался с Женькой, не подавая тому руки. Став отцом чуть больше года назад, Витька неожиданно посерьёзnel, и теперь даже игнорировал своих поклонниц на гастролях, и всё реже зависал с Сашкой после концертов. Правда, через несколько дней он снова первым подал руку Журавлёву, и у Женьки, который обычно не поддавался на чужое мнение, в этот раз отлегло на душе.

Больше всех негодовала Алиса, но не жалость к бедной Насте была причиной этого негодования. Подставить Милену в связи с её отношениями с Женькой теперь не представлялось возможным, и новый план мести уже вертелся в её рыжеволосой голове.

— Ты едешь на гастрологи без Димы? — улучив момент, когда Милена ушла гулять с Аней, Алиса зашла к Наташке.

— Да, — с сожалением ответила та, — у них свой концерт в этот день. Вообще, мы теперь с ним везде вместе выступать должны, я в первом отделении, «патрули» — во втором. Но тут пригласили только меня, а гонорар очень хороший, так что отказываться не стоило.

— И что, ты оставишь Милену вдвоём с Димой?..

— Оставлю, — кивнула Наташа, — это будет пятница, и Анна Сергеевна будет на работе. А вечером вернётся Дима, и Милена уедет к себе. В принципе, она может и заночевать у нас, если Анна Сергеевна очень устанет. Женька, конечно, будет ворчать, но...

— Заночевать? В одной квартире с Димой... Да? — Алиса отправила в рот кусочек пирожного.

— Алис, если ты на что-то намекаешь, то зря. Милена любит Женьку... А Дима — меня.

— Странно, что это я так переживаю за вашу семью, а не ты сама, — Алиса поджала губы, — ты что, не знаешь, как это всё происходит?..

— Не-а, не знаю, — улыбнулась Наташа, — тем более, они уже оставались вдвоём, и тогда не было Анны Сергеевны.

— А ты уверена, что Димка, действительно, проспал тогда с Валеркой?

— Ты что, сомневаешься в своём брате? — несмотря на то, что Наташа шутила, в её голосе слышались тревожные нотки... Почему это Алиса так настойчиво намекает на какие-то отношения между Димой и Миленой? Ревность к Журавлёву? В новогоднюю ночь у

них случился секс, Наташа в этом не сомневалась, судя по тому, в каком виде она застала и Алису, и Женьку... Но Алиса сейчас всю крутит роман с Пашкой Рулёвым...

Наташке было невдомёк, что, даже имея сейчас десяток горячих поклонников, Алиса не успокоится, пока не отомстит Журавлёву за его равнодушие.

— В Димке?.. — Алиса удивлённо приподняла бровки, — В Димке — нет. Но такие, как Милена, знают толк в охмурении. Смотри, как она Женьку у Насти увела, в считанные дни!

— С Женькой у них была любовь.

— Ты что, веришь, что она вот так, столько лет его любила?! Да в ней порядочности ни на грош! — распалившись, Алиса повысила голос, — Ну, вот, разве ты смогла бы вот так, как она, увести у ещё не родившегося ребёнка отца?! Ну, скажи, Наташа, смогла бы?!

— Не знаю... — Наташа невольно призадумалась. Раньше она об этом не думала, вернее, думала, но с другой точки зрения — с мужской, и не раз спрашивала Диму, смог ли бы он вот так, как Женька... А вот себя на место Милены она не ставила... А, правда, смогла бы она, Наташа, выйти замуж за Диму, если бы его прежняя женщина была в положении?.. Проигрывая ситуацию в голове с разных позиций, Наташка всё больше склонялась к мысли, что — не смогла бы... То есть, возможно, потом... когда ребёнок уже родится... Но тогда ему ещё больше будет нужен отец!.. Глядя на спящих Валерика и Анечку, она даже представить себе не могла, что у них кто-то мог бы отобрать такого любящего папу, как Димка... Нет, она бы — точно не смогла...

Выходит, Алиса — права?..

Нет... Несмотря ни на что, она верила Милене. Это — замечательная женщина. Добрая утончённая, умная... Если она поступила именно так, значит, других вариантов у неё не было!

«А как же теперь Настя?..»

Помня о том, как они все переживали здесь за ребят, когда те находились в заложниках, Наташа почему-то испытывала чувство вины перед этой худенькой, симпатичной девушкой... Общее горе сближает, и они тогда, действительно, сблизились, за те несколько тревожных часов ожидания развязки. И вот теперь они все счастливы... все — кроме Насти.

Выступая в очередной раз в «Золотом льве», Наташа в перерыве прошла к барной стойке.

— Добрый вечер, — кивнула она незнакомому юноше, который ловко разливал спиртное в стаканы, — а Настя сегодня не работает?

— Настя? — парень удивлённо посмотрел на неё, — Она здесь больше вообще не работает. Уволилась.

— А где она сейчас, вы не знаете? — Наташа растерянно посмотрела ему в глаза.

— Не знаю, — развёл тот руками, — адреса не оставила.

Мобильный Насти тоже не отвечал, и, решив, что, как только появится свободная минутка, она навестит её дома, Наташка снова отправилась на сцену.

* * *

— Привет, — Журавлёв попытался войти в квартиру, но Настя лишь слегка приоткрыла дверь на его звонок.

— Зачем пришёл? — она явно не была расположена к разговору.

— Пришёл узнать, как ты.

— Узнал? До свиданья, — она попыталась захлопнуть дверь, но он её удержал, подставив ногу.

— Я тебе денег принёс.

— Подавись ты своими деньгами. Понял?

— Настя...

— Что — Настя? Ты ушёл? Ушёл. Вот и катись.

— Возьми деньги. Это для ребёнка.

— Нету никакого ребёнка. Понял?

— Как нету?..

— Я сделала аборт. Не приходи больше.

— Не обманывай.

— Слушай, Журавлёв... — она подняла на него глаза, — Это ты там теперь разбирайся, обманывают тебя, или нет. А здесь тебе сказали — значит, так и есть. Всё, проваливай.

Вторая попытка захлопнуть перед ним дверь тоже закончилась неудачей — поперев танком, Женька буквально ввалился в прихожую. Насте ничего не оставалось, как отступить.

— Покажи выписку, — он бесцеремонно прошёл в комнату и уселся возле стола.

— Какую тебе ещё выписку? — войдя за ним следом, Настя остановилась в дверном проёме со сложенными на груди руками.

— Из больницы. О том, что ты сделала аборт.

— Я ничего тебе показывать не собираюсь. Так что радуйся. Алименты платить не придётся.

— Ты что, с работы уволилась?

— Какое твоё дело? Ты зачем пришёл?! За ребёнка переживаешь? Так его больше нет. А за меня вообще нечего переживать.

Дальнейший разговор ни к чему не привёл — Настя твердила только о том, что сделала аборт, и что Журавлёв теперь может спокойно катиться на все четыре стороны. Женька не знал, верить ей или нет... Закрыв за ним дверь, Настя обнаружила на столе оставленный им пакет с деньгами, но догнать его не стала. Открыв ящик компьютерного стола, бросила их туда. Потом вышла на кухню и, открыв фрамугу, нервно закурила...

* * *

Выступить в этот раз Наташе пришлось в закрытом элитном клубе, на дне рождения друга Прохорова. Вывод о высоком положении именинника можно было сделать по сказочному изобилию столов, а так же по убранству самого клуба, посещаемого лишь вип-персонами. Юрий Евгеньевич встретил артистов, как старых знакомых. Проводив в гостиницу, он тут же постучал в Наташкин номер.

— Вот видите, как вы понравились гостям Андрея Викторовича, — довольно улыбаясь,

он остановился перед Наташей, — не успели выступить у него, а тут уже новый заказ. От себя хочу добавить, что уровень мастерства, как вашего вокального, так и балета очень высокий, а уж я посмотрелся многих... Так что, возможно, это далеко не последнее приглашение. Единственное, о чём попрошу и в этот раз — при личной беседе не упоминать ни о муже, ни о детях.

— Хорошо, — Наташа пожала плечами, уже ни о чём не беспокоясь — прошлая «личная беседа» прошла в дружеской обстановке, и никакой угрозы не представляла. Немного отдохнув и пообедав, они с ребятами вышли из гостиницы — на стоянке их уже ждал шикарный микроавтобус.

— Да... — вальяжно развалившись в кресле, Порох оглядывал салон, — Машинка — новьё... Видать, понравилась ты тут не по-детски, Наташа...

Ничего не ответив, она достала телефон и отзвонилась Димке, после чего закрыла глаза и стала настраиваться на выступление.

После концерта, как и в прошлый раз, всех артистов, кроме Наташи, отвезли назад в гостиницу. Поймав на себе недвусмысленную прощальную усмешку Пороха, она вернулась в зал. Юрий заранее предупредил её, что всё пройдёт по прежнему сценарию — сначала её основная программа с участием шоу-балета, а потом, после перерыва, небольшой блок из «аббовских» песен, но уже в более интимной обстановке, лично для именинника и его близких друзей, включая и Прохорова.

Когда всё было позади, она с огромным облегчением раскланялась с vip-публикой. В этот раз петь ей было тяжело. Тяжело не физически, а морально. Несмотря на то, что гости вели себя очень прилично, приём был очень сдержанным. Сначала Наташа подумала, что не угадала с репертуаром, но потом, бросив взгляд на генерального, вдруг успокоилась. То, что она приняла за сдержанность, было просто умением слушать. Не зря Прохоров пригласил именно её, он знал вкусы своих друзей, и сам во все глаза смотрел на исполнительницу, слегка шевеля губами. Она догадалась — он ей подпевал!.. Щедрые аплодисменты в самом конце выступления тоже говорили о многом...

Зная заранее, что отсюда её сразу увезут в аэропорт, Наташа взяла с собой свою дорожную сумку, и, вернувшись в гримёрную, собралась уже переодеться, когда дверь снова открылась.

— Отметь вот здесь, что будешь пить, — молодой парень, который обслуживал гостей за столом, протянул ей меню со списком спиртных напитков.

— Спасибо, я ничего не буду пить, — бросив мимолётный взгляд на папку с меню, Наташа слегка улыбнулась, — я уже уйду.

— Мне сказали, чтобы я узнал, что ты будешь пить, — парень упрямо протягивал ей список.

— Это, наверное, не ко мне. Я уже выступила и уезжаю в аэропорт.

— Нет. Сейчас ты ужинаешь в vip-комнате. Это такой порядок.

— Ужинаю?! — Наташа растерянно посмотрела на парня, — У меня самолёт через два с половиной часа...

— Насчёт самолёта я не в курсе. Я в курсе насчёт ужина.

— Нет-нет, — Наташка рассмеялась, — я не хочу, меня ждёт машина...

— Тебя ждут в вип-комнате, — он посмотрел на неё, как на капризного ребёнка, который не хочет слушаться, — давай, быстрее думай, что будешь пить, мне стол накрыть нужно.

— Ждут?.. Кто?

— Там увидишь.

— А почему вы так со мной разговариваете?.. — Наташа подчёркнуто перешла на вы, — Я ни с кем об ужине не договаривалась.

— Тут таких, как ты, не спрашивают, — парень снисходительно усмехнулся, — нужно было договариваться раньше, ещё до того, как сюда приехала. А, раз приехала...

— Таких?! — Наташка возмущённо вытаращила на него глаза, — Каких — таких?

— Слушай, — он нетерпеливо сморщился, — время идёт... Ты скажешь, что будешь пить, или будешь ломаться?..

— А ну, посторонись, — она решительно шагнула в коридор. Пробежавшись вдоль ряда дверей, заглянула в комнату, в которой до этого находился Юрий Евгеньевич, но его там не было. Повернувшись, Наташа уже хотела снова выйти в зал, но на выходе лоб в лоб столкнулась с самим Прохоровым.

— Прощу прощения, — тот приветливо улыбнулся и приложил руку к груди.

— Послушайте, — Наташку начинала бить нервная дрожь, от охватившего её отчаяния дыхание стало глубоким, и она решительно посмотрела на генерального, — я очень благодарна вам за такое внимание и приглашение... Но я — не проститутка. У меня есть муж, которого я люблю, и которому не изменяю ни за какие гонорары! Можете не выплачивать мне мой гонорар, но я ни с кем не собираюсь проводить время! Можете не отвозить меня в аэропорт, я сама вызову такси!

Она чеканила слова так твёрдо, что Прохоров буквально застыл на месте. По нему было видно, что такого сердитого монолога от хрупкой, скромной девушки он совершенно не ожидал.

— Подождите... — выслушав её гневную тираду, Андрей Викторович дружески положил ей руку на плечо, — Подожди, Наташенька...

— Меня зовут Наталья Валерьевна! — если бы Наташа в этот момент увидела себя со стороны, то она не поверила бы, что это — она. В её взгляде и словах было столько справедливого гнева, что мужчина неожиданно растерялся.

— Наташенька... Наталья Валерьевна... — в его голосе, напротив, звучала искренняя доброжелательность, — Наташа... Видимо, произошло какое-то недоразумение. Я, действительно, распорядился накрыть для тебя стол, и, возможно, побеседовать... Но никаких шальных мыслей в голове совершенно не держал. Слово джентльмена! — улыбнувшись, Андрей Викторович снова приложил руку к сердцу.

— Простите, я, наверное, не так поняла... — смутившись, Наташка покраснела, — У меня скоро самолёт, и я...

— Полчаса! Буквально полчаса...

Ужин занял целый час, но Наташа, как и в прошлый раз, успела на регистрацию.

— Да... — помогая ей выйти из машины в аэропорту, Юрий Евгеньевич

многозначительно улыбнулся, — Сегодня вы поразили всех не только своим талантом...

— А чем ещё? — обернувшись к нему, Наташа настороженно ожидала его ответа.

— Вы накричали на генерального директора крупнейшей компании нашей отрасли... Такого себе ещё никто и никогда не позволял! Мало этого... Такого он сам ещё никому не позволял!

— Я не нарочно... — она виновато вздохнула, — Я уже извинилась.

— А вы хоть понимаете значимость ситуации? — Юрий, прищурившись, буравил Наташку пронизательным взглядом.

— Нет... — она пожала плечами, — А в чём её значимость?

— Вы очень наивная девушка, — он усмехнулся, — и даже не задумались, что такая глыба, как Прохоров, приглашает на праздник никому не известную певицу... да, очень талантливую, но — никому не известную... Больше того — он собирается с ней поужинать! Он — свободный, богатый, крупный руководитель, и вдруг — какую-то девочку... при чём, безо всяких намерений, а, действительно, только поужинать...

— Он — свободный? — она спросила это с каким-то испугом.

— Да, он вдовец. Год назад у него умерла жена.

— Спасибо вам, что проводили, — Наташа торопливо взялась за свою сумку, — побегу, а то на регистрацию опоздаю...

Весь обратный полёт она вспоминала этот неожиданный ужин. Даже недвусмысленные шуточки Пороха по поводу её отсутствия не могли отвлечь Наташу от своих мыслей. Беседуя за ужином с Андреем Викторовичем, в этот раз она уже не так смущалась, вернее, не смущалась вообще, напрочь забыв о том, насколько он высокопоставленная персона, и как она наорала на эту персону сегодня вечером. Мужчина оказался интересным собеседником, не просто меломаном, а настоящим знатоком музыки, о которой, собственно, они и проговорили целый час.

— Я никогда не думал, что есть такие таланты, мало известные широкой публике. Но у тебя высочайший уровень... Тебе приходится искать разные студии? Если что, мы спонсируем запись твоих песен.

— Спасибо, — улыбнулась Наташа, — не нужно. У нас с мужем целая творческая деревня...

— Деревня?! — откинувшись на кресло, Прохоров изумлённо округлил глаза, — это как — деревня?

— Это мы так назвали, — рассмеялась в ответ Наташа, — на самом деле, это большая творческая мастерская, мы там пишем песни, делаем звукозапись, снимаем клипы... проводим кастинги, там же репетирует наш балет. В общем, мы там живём... практически.

— Замечательно... Я никогда бы не подумал, что у тебя уже есть муж.

— Мне запретили вам об этом говорить, — она озорно блеснула карими глазами, — но я проговорила...

— Запретили?! Кто?..

— А, неважно! — Наташа снова рассмеялась. Ей было на удивление легко беседовать с этим человеком, несмотря на огромную разницу и в возрасте, и в положении.

— Ну, если спонсорская помощь не нужна, то... То проси сама, что хочешь! Исполню любое желание! — Андрей Викторович положил на стол сцепленные пальцы рук, — Раз уж сам назвался, то, как говорится...

— Желание? — она растерянно пожала плечами, — Не знаю... У меня нет желаний.

— Ты сказочная девушка, Наташа... Тогда у меня есть желание. Исполнишь?..

— Какое? — чуть нахмурившись, она подняла на него глаза.

— Я хочу пригласить тебя ещё раз. В конце мая моя дочь выходит замуж. Я хотел бы, чтобы ты спела у неё на свадьбе.

— Ну, конечно... Это моя работа...

— Нет, — он перебил её, — я хочу, чтобы ты пела не как на работе, а от души.

— Я всегда пою от души. У меня в репертуаре есть песня для молодожёнов. Мы исполняем её вместе моим мужем.

— Тогда я приглашаю тебя вместе с мужем.

* * *

— Ты сегодня без цветов? — встретив её дома, в аэропорту, Дима лукаво улыбнулся, — Наверное, плохо выступила?

— Цветы летят отдельным самолётом, — пошутила Наташа, подумав, что в этот раз ей, действительно, не подарили ни букета.

Приехав глубокой ночью домой, они застали у себя сонного Журавлёва — сидя в гостиной на диване, тот терпеливо дожидался приезда Морозовых, чтобы забрать Милену.

— А чего без цветов? — зевая, Женька посмотрел на вошедшую Наташу, — Сказали, чтобы сама купила, из гонорарных?

— Цветы летят отдельным самолётом, — съехидничала она ему в ответ и показала язык.

Проводив Журавлёва с Миленой, молодые супруги легли спать. Раздавшийся в семь утра звонок разбудил обоих.

— Интересно, кого несёт? — Наташа с полузакрытыми глазами протопала в прихожую.

— Это вам, распишитесь... — парнишка в форме курьера протянул ей бланк.

— Расписаться? — она шире открыла глаза, — За что?

— За цветы, — парень поставил через порог огромную корзину роз.

Поставив корзину на кухонный стол, Наташа с недоумением разглядывала нежные розовые бутоны.

— Ого!.. — войдя следом, Дима тоже уставился на цветы, — А я думал, ты пошутила...

— Я пошутила... — она медленно повернулась к нему, — Но раздавать в этот раз я их никому не буду!

Сашкины слова, которые он сказал Морозову после освобождения, оказались пророческими. Буквально за три месяца их творческая жизнь переполнилась новыми событиями. И интервью с музыкантами, по воле случая оказавшимися заложниками, и фильм о «Ночном патруле», снятый одним из ведущих музыкальных каналов, и даже скандальный репортаж Кронского, который он сделал после открытия Морозовым «Творческой деревни», привели к росту популярности группы. Ребята чаще стали ездить на гастроли, и Дима даже иногда нервничал по этому поводу — работы в «деревне» было хоть отбавляй, а частые выступления отнимали драгоценное время, так, что ему приходилось работать в домашней студии по ночам. Благодаря тому, что у детей появилась няня, Наташа тоже много времени проводила вместе с мужем, участвуя во всех его проектах, кроме этого активно записывала новые песни и клипы. В гастрольных поездках она теперь работала на разогреве у «Ночного патруля» со своим сорокаминутным блоком, и была очень рада тому, что теперь они с Димкой почти не расстаются. Предложение сняться в рекламе шампуня показалось ребятам апогеем свалившейся на них славы, но оказалось, что это ещё не все сюрпризы судьбы. Звонок от диджея одной из популярных российских радиостанций с приглашением принять участие в одной из радиопередач и «запуске» новой песни в эфире поступил Морозову в начале мая, и уже через несколько дней Дима улетел в Москву. Наташка с волнением ждала прямого эфира, первого всероссийского эфира в их жизни, и, когда услышала Димкин голос по радио, тихонько завизжала от радости.

— Дима, вот скажи как на духу... — звучал голос диджея, — Мелодический рок, который вы играете, он же сейчас не в моде... Тогда — для кого всё это?

— Ну, почему не в моде? На каждый стиль всегда найдётся свой слушатель. У нас слушатель есть. Вернее, слушатели. А ещё зрители, и все вместе они — довольно внушительная армия. А мелодизм в роке ценился всегда. Возьмите Ричи Блэкмора. Мощь, драйв, и всё это невероятной силы... Но силы, заключённой в такую мелодическую оболочку, я бы сказал, в изысканную мелодическую оболочку, что иногда слушаешь, и ловишь себя на мысли, что невозможно так написать и исполнить... невозможно совместить несовместимое... Но ведь написано и исполнено, и совмещено! Мелодизм высшего класса. Эти вещи никогда не постареют и не умрут.

— Если честно, то я взял тебя на испуг! Да, мелодизм в любом музыкальном стиле ценился всегда, и мелодический рок — не исключение.

— Мелодический рок — это классика рока.

— Согласен. Ну, а планы какие-нибудь есть? Ты же, наверное, сейчас от нас выйдешь в приподнятом настроении, тебя, наконец, услышит не только твоя обычная аудитория, а услышит вся страна... Так встанешь на крыльце, потянешься, и скажешь: «А жизнь-то идёт вперёд»!

— А жизнь и идёт вперёд. Я вот на рок-оперу замахнулся.

— Серьёзно?

— Вполне. Текст, сценарий уже есть. Осталось написать музыку.

— И спеть... Или?..

— И сделать хорошую аранжировку, и сыграть, и спеть!

— Ну, тогда удачи. А вам, дорогие радиослушатели, напоминаю, что у нас в гостях был музыкант, композитор, певец, лидер рок-группы «Ночной патруль», продюсер и ещё много-много чего, Дмитрий Морозов.

Из аппаратной Дима выходил с чувством окончания победного марша и желанием завалиться спать со спокойной совестью. Но цепочке знаменательных событий и на этот раз не суждено было оборваться... Он уже собирался покинуть соседнее помещение, где весело болтал со звукорежиссёром после прямого эфира, как в дверях столкнулся с похожей на мальчишку девушкой.

— Привет! — он сначала подумал, что она поздоровалась не с ним, но серые, чуть раскосые глаза смотрели именно на него.

— Привет... — слегка нахмурившись, Дима сосредоточенно вспоминал, где он мог видеть эту небольшого роста девушку, лет двадцати пяти — двадцати семи, с короткой мальчишеской стрижкой и удлинённым лицом с высокими скулами...

— Подожди меня, хорошо? — она сделала ему жест рукой, как старому знакомому, и, перешагнув через порог, ещё раз обернулась, — Одну минуточку, я сейчас!

Засунув руки в карманы брюк, Дима ещё с минуту размышлял, кто эта незнакомка, как вдруг неожиданно вспомнил...

Ника Самойлова, или «Niksa», как она сама себя называла, была известной рок-исполнительницей, с которой Дима и ребята познакомились ещё несколько лет назад, на одном рок-фестивале. С тех пор карьера Ники стремительно взлетела вверх. Её песни постоянно крутились по всем музканалам и радиостанциям, а имя было на слуху у музыкально продвинутой молодёжи. Впрочем, у музыкально непродвинутой — тоже.

— Ты что, меня не узнал? — рассмеялась она, выйдя через несколько минут к Морозову.

— Узнал, — Дима улыбнулся ей в ответ, — не ожидал встретить.

— Я на запись пришла, смотрю — ты...

— Ну, да, я. Тоже приезжал на запись.

— Ты один, без банды?

— Без. Песню привёз — взяли.

— А, — Ника брезгливо скривилась и махнула рукой, — они брать-то берут... они всякую чушню берут, что им интересна. А как что-то шедевральное, у них одна отмаза — неформат.

— Не знаю, — Дима пожал плечами, — мне сами предложили. Отказываться как-то несерьёзно. Мы и так долго шли к такому результату.

— А я теперь одна, — вложив руки в карманы ветровки, девушка взглянула куда-то вверх.

— Одна? Почему?

— Мальчики заболели звёздно болезнью, — Ника усмехнулась, — сказали, что они теперь самостоятельные и обойдутся без меня.

— Бывает. Соберёшь другую команду.

— Слушай... — подбоченившись, она встала напротив Морозова, — а ты не хочешь

записать песню со мной? Выходы на радиостанции у меня есть... Не залежится.

— Ну, в принципе... — он пожал плечами, — А что за песня?

— Песни как таковой ещё нет. Предлагаю написать... — Ника пытливо смотрела на Морозова, ожидая его реакции на свои слова, — У меня есть хороший текст. Но что-то в последнее время с музыкой засада. Застой. Не пишется...

— Нужно подумать... А писать где? Мне совершенно некогда летать в Москву.

— Ну, ты даёшь... — они вышли на улицу, и девушка затянулась сигаретой, бросив пронзительный взгляд на Диму, — Тебе такое предложение делают... Я же, вроде как, звезда...

— Но мне и, правда, некогда, — он развёл руками, — и гастролы, и съёмки, и запись, и клубное шоу...

— Клубное шоу? — она удивлённо приподняла брови, — Интересно...

— Это программа моей жены.

— Ах, так ты ещё и продюсер? — Ника усмехнулась, — Студия есть?

— Студия?.. У меня свой продюсерский центр. Называется «Творческая деревня».

— О, так у тебя всё серьёзно?..

— Очень серьёзно. И много планов.

— Тогда ноу проблем! — она развела руками, — Я могу к тебе приехать. У меня всё равно пока ступор. Ни записей, ни гастролей...

— Ну, тогда, действительно, ноу проблем.

— Созвонимся?

— Созвонимся...

— А сегодня... ты как насчёт вечера?

— Никак, — Дима посмотрел на часы, — у меня самолёт, а вечером сейшн.

— Где лабаете?

— В ночном. Мы постоянно по клубам лабаем.

— Ну, тогда до встречи! — Ника чуть прищурилась на полуденное солнце, — Жду твоего звонка!

* * *

Наташа в отчаянии закрыла ноутбук. Все объявления, предлагающие услуги няни, она проштудировала от и до, но позвонить ни по одному снова не решилась. Ей казалось, что такую няню, как Милена, им уже никогда не найти. И, тем не менее, проблема становилась с каждым днём всё острее. Лето, до которого Женька разрешил Милене работать у Морозовых, приближалось неумолимо, впереди были гастролы по Германии, которые им вот уже в третий раз устраивал Константин Романов, кроме того и её, и «патрулей» ждали городские летние площадки, а детей было оставлять не с кем. Анна Сергеевна работала и могла взять на себя лишь Валерика, который ходил в детский сад. Но Анечке исполнилось только восемь месяцев, и она нуждалась в круглосуточном уходе.

Можно было обратиться к Алисе — работа над созданием костюмов закончилась, и девушка какое-то время болталась без дела, но Дима предложил ей возглавить ивент-агентство именно с июня, и кандидатура Алисы на роль няни отпала сама собой.

Алинка?.. Она ждёт ребёнка, и возиться с Аней ей уже тяжело... Вспомнив о сводной

сестре, Наташа решила позвонить той, узнать о здоровье и новостях в родительском доме — Алина с мужем недавно ездили в гости к родителям. Наговорившись, Наташа уже собиралась положить трубку, как вдруг Алина решила продолжить разговор.

— Слушай... — как будто вспомнив о чём-то, торопливо воскликнула девушка, — У вашего клавишника... Жени... как звали жену? Ну, ту, что он бросил в положении?

— Настя, а что?

— Кажется, я вчера видела её в женской консультации.

— В женской? — Наташа задумалась, — наверное, ты ошиблась. Она живёт в другом районе и у них своя консультация.

— Вот-вот! — кивнула на том конце Алина, — как раз вчера в нашу консультацию пригнали взвод беременных из другой районки, у них там аппарат УЗИ полетел, и всех беременных, кому надо было срочно на УЗИ, направили к нам.

— Тогда ты точно ошиблась. Она сделала аборт, так сказала Милена...

— Ну, не знаю, — Алина пожалала плечами, — я, конечно, могла ошибиться, я её видела-то всего один раз... Но, по-моему, это была она!

Поговорив с сестрой, Наташка целый день не могла успокоиться. Она дважды пыталась навестить Настю, но оба раза безуспешно. То ли Настя была на работе, то ли съехала с этой квартиры. Телефон её тоже был отключен — видимо, Настя поменяла номер. Загруженная своими делами, Наташа больше туда не ездила, но теперь, услышав от Алинки такую новость, не могла найти себе места. Если сестра не ошиблась, и это, действительно, была бывшая невеста Журавлёва, выходит, она его обманула и никакого аборта не делала?.. Алинка сказала, что живота у женщины заметно не было, но она шла по «беременной» очереди.

Решив никому ничего не говорить, на следующий день Наташка оставила на Милену дочку и, вместо того, чтобы ехать в студию, где её ждал Дима, взяла такси и назвала совершенно другую улицу...

Позвонив в ставшую уже знакомой дверь, она скорее ожидала, что ей не откроют, но, на удивление, вскоре услышала чьи-то тяжёлые шаги.

— Здравствуйте, — удивлённо взирая на мужскую, с коротким ёжиком, голову, высунувшуюся из-за двери, Наташа поздоровалась.

— Здравсьте, — хмуро ответила голова.

— А... мне бы Настю... она живёт здесь?

— Ну, живёт... — парень с ног до головы окинул неожиданную гостью, потом нехотя оглянулся и крикнул в глубь квартиры, — На-а-астя! Тут к тебе...

— Кто? — Наташа узнала Настин голос.

— Да фифа какая-то... — уже по пути к комнате ответил парень, — вся такая из себя...

Решив, что можно войти, Наташа переступила порог квартиры.

— Привет... — увидев её, Настя поздоровалась как-то настороженно.

— Привет! — Наташка, наоборот, обрадованно шагнула ей навстречу, — Наконец-то я тебя застала!

— А ты что, приходила, что ли? — глядя исподлобья, Настя, отнюдь, не излучала радости от встречи.

— Да, уже два раза, но тебя не было дома. И телефон не отвечает...

— У меня другая симка, — девушка говорила угрюмо, и Наташа про себя отметила, как она осунулась и потемнела лицом. Она не приглашала её пройти в дом и, судя по всему, не проявляла особого интереса к цели её визита.

— Я хотела бы с тобой поговорить, — Наташка произнесла эти слова как можно веселее, но это получилось у неё плохо: глядя на Настю, ей, скорее, хотелось расплакаться, — может, пройдем?

— Проходи, — равнодушно ответила та и, повернувшись, первой направилась в кухню, — давай, на кухне? В зале не прибрано.

— Давай! Какая разница? — проходя мимо комнаты, Наташа невольно зацепила взглядом разобранный диван и полулежащего на нём парня, который открыл ей дверь. Парень был в джинсах и с голым торсом; короткая стрижка, широкий, мясистый нос и пухлые, застывшие в нервной мине губы придавали его лицу неприятное выражение.

— Присаживайся, — Настя кивнула на стул и, подойдя к раскрытому окну, привычно достала пачку сигарет.

Присев за стол, Наташа какое-то время молчала — она не знала, с чего начинаются такие разговоры.

— Настя... — решившись, наконец, Наташа подняла на ту свои большие карие глаза, — Я не знаю, что нужно говорить в таких случаях... просто я захотела тебя увидеть...

— А что тут говорить? — усмехнувшись, Настя стряхнула пепел в пепельницу, — Если ты насчёт того, что Журавлёв от меня уйдёт, так всё нормально... Видишь, я не одна, так и передай ему.

— Я пришла к тебе сама... правда. Я никому не сказала, что еду к тебе, — Наташка говорила торопливо, как будто опасаясь, что Настя прервёт её речь, — я знаю, что у тебя будет малыш...

— Никого у меня не будет, — выпустив струйку дыма, Настя прищурилась и посмотрела в окно.

— Я знаю, что будет... — Наташа говорила тихо, чтобы парень в комнате её не услышал, но, видимо, Настю это совершенно не заботило, — моя сестра видела тебя в женской консультации...

— Ну, и что, — Настя пожала плечами, — в женскую не только беременные ходят. Я медосмотр проходила.

— Неправда... Настя, я, действительно, хочу помочь. Я сама знаю, как ждать ребёнка в одиночестве.

— Не нужно мне помогать. Спасибо, Наташа... У меня всё нормально. Видишь — муж у меня есть... — она кивнула на парня, который в этот момент вошёл в кухню.

— Чё за базар? — тот подошёл к плите и демонстративно громыхнул кастрюлей, — Ты чё, жрать ещё не сварила?

— Сварила, — не глядя на него, Настя подошла и приоткрыла духовку, — вот.

— А почему не на столе?.. — нервно сжимая губы, парень буравил её небольшими глазками, нарочито «не замечая» Наташу, — Время скока?!

— Чё ты орёшь, не видишь, у меня гости?

— Тем более, — ухмыльнувшись, тот присел за стол, — познакомь с подругой...

Бутылочку достань!

— Меня зовут Наташа, — Наташка улыбнулась как можно приветливее.

— Вячеслав, — откинувшись на спинку стула, тот снисходительно прищурил и без того небольшие глазки, — приглашаю пообедать...

— Спасибо, я уже уйду, — вставая из-за стола, Наташа невольно бросила взгляд на наколку, красовавшуюся во всё левое плечо Вячеслава, — Настя, проводи меня, пожалуйста.

В прихожей, глядя на Настю, Наташка снова ощутила, как на неё волной накатывает жалость.

— Настя, прости меня, пожалуйста... Я, наверное, не вовремя. Я не знала, что ты не одна.

— Да ничё. Всё нормально.

— У меня осталось много детских вещей, но не ношенных, а новых. Я тебе всё привезу...

— Спасибо, мне ничего не нужно, — уже не отнекиваясь, что она не беременна, Настя усиленно замотала головой, — я не одна. Ты же видишь...

— Вижу... — Наташа недоверчиво покосилась на дверь кухни, — А он — знает?..

— Ну, а как ты думаешь?.. — усмехнулась Настя, — Конечно. Я сразу сказала... Славик меня любит, говорит, что ему всё равно.

Выйдя из Настиного дома, Наташа ощутила настоящее облегчение. Обстановка в квартире была какой-то удручающей, семейным счастьем там даже не пахло, да и сам Славик показался ей совсем не тем мужчиной, на которого можно было бы опереться.

Дойдя до стоянки такси, она взяла машину и отправилась, наконец, в студию.

— Наташа, ты где была?! — Дима куда-то мчался по коридору, — Я тебя уже целый час жду! Подтанцовка собралась, тебя нет!

— Я уже готова! — на ходу расстёгивая лёгкий плащ, Наташа пулей промчалась в небольшое помещение — Димкин «кабинет», где они всегда раздевались.

После репетиции, перед тем, как собраться домой, она всё рассказала мужу.

— Что мне теперь делать? Рассказать всё Женьке?

— Думаю, что да, — кивнул Дима, — если бы ты не знала, другое дело... Но, раз знаешь, нужно рассказать. Ему или Милене...

— Нет. Милене пусть рассказывает он сам. Кстати, ты не забыл, что мы через две недели летим к Прохорову?

— Я не забыл, — Дима посмотрел на неё как-то виновато, — но я вряд ли смогу... Придётся тебе снова одной лететь.

— Почему?.. — Наташа растерянно посмотрела на мужа.

— Помнишь, я говорил о Нике Самойловой? Так вот она как раз должна приехать записывать песню. Музыку я уже написал, аранжировкой Сашка занимается...

— Жаль... — Наташа расстроено вздохнула, — Я думала, вместе выступим на такой громкой свадьбе...

— Вся слава — тебе, — рассмеялся Дима, — так что пользуйся!

— А ты что, меня уже не ревнуешь?.. — закусив губу, Наташка подошла к нему близко и обвила руками шею, — В прошлый раз даже корзину с цветами не обыскал... А вдруг там снова — открытка?..

— А я посмотрел на твоего Прохорова в интернете — больно старенький, чтобы тебя к нему ревновать, — Дима хитро улыбнулся, — я-то думал, он молодой... А ему уже полтинник.

— Ну, и что... — дразнила Наташка, — зато он генеральный директор... богатый... всемогущий...

— Скорее всего, у него молодая жена... Так что, если я и буду переживать, только за твою косу... — он еле сдерживался, чтобы не рассмеяться, но Наташкин ответ стёр улыбку с его лица.

— А у него нет жены. Прохоров — вдовец...

— Серьёзно?

— Да...

— И, что, он каждый раз приглашает тебя поужинать?

— Нет, только в прошлый раз... — теперь улыбку сдерживала Наташа, — Ну, что, ты всё-таки полетишь теперь со мной?

— Нет, не получится. До Германии нужно успеть записать песню с Никой.

— Дима, а что тебе даст это сотрудничество? — уже на выходе из здания, Наташа обернулась к мужу.

— У неё больше возможностей попасть на радиоканалы.

— А чья это будет песня?

— Это будет совместная композиция «Ночного патруля» и Niksa. Сейчас это модно...

— А авторские права?..

— Наташка, что ты переживаешь? Всё сделаем.

— Ребята говорили, что у неё какие-то проблемы с прежним коллективом именно на почве авторских прав возникли. Вроде, поэтому разбежались.

— Наташ, не нагоняй страхов. Садись в машину, — Дима щёлкнул электронным замком.

— А, можно, я за руль?.. — Наташка обежала машину и взялась за ручку с водительской стороны.

— Ты же не любишь, — усмехнулся Дима, открывая пассажирскую дверь.

— А я через «не люблю»...

* * *

Приехав домой, Наташа почему-то смутилась при встрече с Миленой. Она вдруг поняла, что, если смолчит сейчас о том, что узнала и расскажет только Журавлёву, то будет чувствовать себя перед няней очень неловко. Немного поколебавшись, она вошла в детскую и, закрыв за собой дверь, рассказала ей о сегодняшнем визите к Насте.

— Вы не обижайтесь на меня... — пытаюсь заглянуть няне в глаза, Наташа взяла ту за локоть, — Просто, когда с ребятами случилась беда, Настя была здесь, с нами... Мы вместе ждали и переживали... Поэтому, после того, что рассказала мне Алина, я не смогла поступить иначе.

— Я не обижаюсь, — несмотря на спокойный вид, голос Милены слегка дрогнул, — наверное, я поступила бы точно так же. Я всё скажу Жене, вы не переживайте.

— Я подумала, что должна сначала всё сказать вам...

— Да... Спасибо, Наташа. Я всё передам Жене...

На следующий день, встретив Наташу в студии, Журавлёв за руку утащил её в пустую репетиционную.

— Я всё знаю. Ленка сказала...

— Жень, я не смогла промолчать...

— Ты всё правильно сделала. Настя хотела скрыть. Я её знаю.

— А как Милена?..

— Ленка?.. — он слегка задумался, — Нормально. Это её никак не коснётся... только моя проблема.

— Вряд ли она так думает.

— Кто там у неё, говоришь? — вспомнив о Настинном сожителе, Женька нахмурился и посмотрел на Наташу, — Ну, что за мужик?

— Какой-то Вячеслав, — она невольно поёжилась, — В наколках... Знаешь, он мне совсем не понравился.

— Ну, ещё бы тебе Славик понравился, — усмехнулся Журавлёв.

— Ты что, его знаешь? — удивилась Наташа.

— Да так... очень поверхностно. Судя по всему, это Настин бывший... Она говорила, что его года два назад посадили. Видимо, освободился, и сразу к ней... Как знал, что она одна... — Женька нервно сжал губы.

— Я думаю, она нарочно его приняла. Назло тебе, что ли...

— Да ясен пень, нарочно, — Женька нервно встал со стула и, вложив руки в карманы, подошёл к окну...

— Ты не переживай... — Наташа встала рядом и дружески дотронулась до его плеча, — Жень...

— Наташка, — он положил свою кисть поверх её ладошки и, улыбнувшись, повернул к ней лицо, — хорошая ты девчонка... Наверное, самая хорошая из всех, кого я знал.

— Не ври, — Наташа тихо рассмеялась, — я-то знаю, кто для тебя самая хорошая...

— Ленка?.. Ленка — самая любимая.

— Это одно и то же...

— Понимаешь, я не так за Настю переживаю. Это её выбор, хотя и не самый лучший, если не сказать больше. Но ребёнок-то мой... Она курила при тебе?

— Курила, — Наташа обречённо кивнула головой, — а что ты можешь сделать, Жень?

— В том-то и дело, что ничего. Ладно, — он, в свою очередь, слегка сжал её плечо, — спасибо тебе, Наташка. Обоим вам с Димой — спасибо.

— Я соберу детские вещи, у меня много осталось и от Валерки, и от Ани... Отвезу Насте.

— Тогда вот, — он вытащил из кармана брюк конверт, — передай ей от меня деньги... А то, если я сам поеду, то будет скандал со Славиком... Мы с ним уже один раз махались, поэтому лучше не создавать прецедент.

— Хорошо, я всё передам, — забирая конверт, кивнула Наташа.

Следующий визит Насте она нанесла через несколько дней.

— Вот здесь — всё новое, — Наташа поставила на пол прихожей два полных полиэтиленовых пакета, — ползунки, распашонки, пелёнки... Я всё думала, кому отдать, и вот... Было больше, но я поделила пополам — своей сестре и тебе.

— Спасибо, — Настя благодарно кивнула, — от Журавлёва бы не взяла, а от тебя возьму.

— Что ты тут набираешь?! — неожиданно появившийся Вячеслав был настроен довольно агрессивно, — Чужие обноски?! А ну, отдай назад!..

— Это не обноски, — по виду парня, Наташа поняла, что тот был нетрезвым, — всё новое, даже с бирками...

— Ты чего тут приваживаешь?! А?.. — игнорируя Наташкины слова и её саму, Славик навис над Настей, — Это что, этот п...ор тебе прислал?!

— Нет, — стараясь сохранять спокойствие, Настя попыталась взять в руки пакеты, но парень пнул по одному из них ногой, — что ты делаешь?! Это Наташа принесла, у неё от детей новые вещи остались. Иди в зал... Слава, слышишь?

— Пусть передаст этому пи...ру, чтобы деньгами давал, а тряпки мы и сами купим!.. — несмотря на агрессивное настроение, Славик, тем не менее, развернулся и направился в комнату.

— Настя... — Наташа тревожно посмотрела на девушку, — Он тебя не бьёт?..

— Кто?! Славик?.. — Настя говорила бодро, но бодрость эта была явно искусственной, — Да нет... Это он так... шутит.

— Я не стала при нём... — достав из сумочки конверт, который передал ей Журавлёв, Наташа протянула его Насте, — Вот, возьми, пожалуйста...

— Что это? — та не спешила протягивать руку за конвертом.

— Деньги.

— Кто передал? Журавлёв?

— Да.

— Не возьму.

— Что не возьмёшь? — Славик снова неожиданно появился в дверном проёме — у Наташи сложилось впечатление, что он подслушивал их разговор, — Бабло?! Бабло бери.

— Слушай, сгинь! — Настя сердито посмотрела на него, — Это не твоё дело.

— Я чё сказал?! — Наташа вздрогнула от его крика, — Бабло берём! — быстро шагнув в прихожую, он выхватил из её рук конверт и помахал им перед Настиним лицом, — Бабло чтобы всегда брала! Он заделал?! Пусть теперь кормит! Когда я заделаю — я буду кормить!

— Ты накормишь!.. — вырвав у Славика конверт, Настя быстро скрылась в комнате.

— А что, я тебя не кормил?! — всё так же крича, он двинулся следом, — Я тебя никогда не кормил?!

Наташе ничего не оставалось, как покинуть квартиру Насти. Закрыв за собой дверь, она с тяжёлым сердцем спустилась по лестнице и вышла на улицу.

— Я уже хотел за тобой идти, — Дима тревожно посмотрел на неё, когда она села в машину, — всё в порядке?

— Знаешь... — она смотрела на него глазами, полными слёз, — Я знала, что я — счастливая... Но только сейчас я поняла, насколько я счастливая...

— Тогда почему ты плачешь? — улыбнувшись, он вытер слезинку с её щеки, — Сама говоришь, что ты счастливая...

— Да, счастливая, — Наташа прижала его руку к своей щеке, — Потому, что у меня есть ты...

Идею записать новую песню вместе с Niksa ребята приняли неоднозначно.

— Димыч, а оно нам надо? — Сашка недоверчиво посмотрел на Морозова, когда тот рассказал о встрече с известной певицей, — У нас что, своего репертуара недостаточно?

— Ты что-то имеешь против? Аргументируй, — Дима, по обыкновению, сжал пальцы рук.

— У меня уже баварское пиво на уме, а тут новая аранжировка...

— Железный аргумент, Саня, — рассмеялся Морозов, — у меня даже ни одного довода против...

— Ну, вот, видишь, — заржал, в свою очередь, Говоров, — тем более, что одну вещь как-то беспонтово делать. Я понимаю, заниматься альбомом.

— А как насчёт сингла?

— А разница? Одна песня плюс... Если писать, то сразу альбом.

— Ладно, не заморачивайся, — успокоил Морозов, — уже решили. Будем писать альбом.

— Ну, не знаю, Дима... Я вообще не любитель чужой славы, да и свою ни с кем делить не люблю.

— Мы не будем делить, мы будем преумножать. Есть реальная возможность засветиться ещё больше. В конце концов, с самой Никсой работать будем. Тебя даже это не вдохновляет?

— Не знаю, Димыч, — Сашка уныло почесал подбородок, — но что-то меня настораживает, если честно. Девушка с громким именем... и вдруг предлагает сотрудничество, более того, согласна писаться в нашей студии и прилетать к нам из самой Москвы?.. Странно... Всё же мы с ней в разных коридорах.

— Она сейчас без музыкантов осталась, что-то не срослось с прежним коллективом. Да и мы, вроде, сейчас на слуху. И девушка на вид самая обыкновенная. У меня Наташка намного эффектнее выглядит, хоть и не такой величины звезда.

— Да видел я её, — хмыкнул Говоров, — не то, что Наташка, даже Ирка моя и то эффектнее...

— Саня, ну, мы же не модельное агентство.

— Да, понятно... Ладно, завтра как обычно?

— Да, как обычно. Партии инструментов пропишем. Я рабочую версию первой песни Нике уже скинул, ей понравилось.

— И когда она приедет?

— Послезавтра. Прикинь, Саня, с какими звёздами работать будем?

— Я сам — звезда, — пробурчал Говоров.

— Не спорю. Ты у нас самая звездатая звезда!

Допустить, чтобы заезжая звезда жила в гостинице, Морозовы, естественно, не могли, поэтому гостеприимно предложили пожить у себя. Нике на выбор предоставили гостиную и студию, в которой стоял диван, и она, как истинная творческая личность, выбрала студию, тем более, что после репетиций они с Димой работали ещё и дома — идея записать не одну песню, а целый альбом пришлась певице по душе. Музыку писал Дима, а Ника, устроившись

рядом, прослушивала фрагменты и либо одобрительно кивала, либо бросала короткое «фигня». В первый же вечер Морозов позвал на помощь Наташу — она всегда была для него и советчиком, и первым слушателем, и критиком одновременно. Теперь, отпустив Милену, Наташа укладывала Валерика в детской и открывала дверь настежь, чтобы случайно проснувшийся ребёнок мог найти своих «заблудших» родителей в студии, заодно сквозь негромкие аккорды чутко прислушивалась, не заплакала ли Аня.

Писал Дима в своём обычном стиле, но, судя по тому, что Ника сосредоточенно хмурила брови и всё чаще говорила «фигня», вскоре стало понятно, что ей почему-то не нравится то, что выходит из-под его клавиш. Сама она советов не давала, лишь отвергала всё, что он предлагал. Критической точкой преткновения стал музыкальный переход, и все трое изрядно измучились, понимая, что, чем дальше, тем получается всё хуже.

— Дим, а если такой вариант? — Наташа лёгкими движениями пальцев по клавишам воспроизвела несколько звуков.

— Фигня, — Ника замотала ладонью, — нет-нет, полная лажа.

— Ничего не лажа, — Наташа вскочила из-за синтезатора и схватила стоявшую у стены гитару, — смотри, как это будет звучать... Выйдет классный соляк.

— Полное дерьмо! — Ника презрительно скривила губы и отрицательно покачала головой, — Полнейшее!

— Ну, как полнейшее?! — Наташка застыла в справедливом возмущении, — ты слушай! Это же вкусно!.. Понимаешь?.. Вкус-но! Самое то!

— Блевотина, — отрезала Ника и, достав пачку сигарет, обратилась к одному Морозову, — идём, покурим?

Проводив их взглядом, Наташа поставила гитару на место и молча ушла в спальню. Звёздная гостя на деле оказалась девушкой грубоватой, и частенько демонстративно игнорировала хозяйку. Правда, это относилось только к творчеству — Наташа чувствовала, что Ника едва терпит её рядом с собой, и вот-вот взорвётся. Она даже подозревала, что причина всех её капризов — именно она, Наташа, и несколько раз порывалась бросить участие в творческом процессе, но, видя, что Димке самому тяжело работать с такой неуравновешенной личностью, как Ника, не могла равнодушно взирать на его напрасные, по сути, усилия. Да и сам Димка по привычке без конца теребил Наташку на предмет «слушай, что получилось». Краем глаза Наташа замечала, как Ника недовольно морщится от её присутствия, но стойко держалась, иногда чисто из женской вредности. Если первая песня, которую написал Дима, была одобрена Никой, то со второй получалась полная засада, как сказал бы Сашка Говоров, и получалась она вот уже который день.

Очередные ночные творческие «посиделки» столичная «звезда» прервала ударом ладони по клавиатуре синтезатора.

— Фигня! При чём, полная, — уставившись в упор на Морозова, Ника поджала губы, — я думаю, нам нужно заниматься в твоей студии. Не в этой, — она обвела указательным пальцем комнату, — а только в той, — палец показал куда-то в сторону окна.

— В общем-то, я могу уйти, — Наташа встала со стула, — тем более, мне собираться надо. У меня утром самолёт.

— Дело не в тебе, — Ника бросила на неё быстрый взгляд, — нужен настрой. А его

здесь нет... Во-первых, дети спят, и постоянно боишься сыграть громко, во-вторых, в три пары рук такие вещи не пишутся...

— Вещи и в четыре пары пишутся, — парировала Наташка, — если знаешь, чего конкретно хочешь. А, если сама не знаешь, то смысла нет писать вообще.

— А ты знаешь? — Ника пригладила короткие волосы и чуть насмешливо посмотрела на собеседницу.

— Ну, хорошо. Димкин вариант тебе не понравился, мой тоже, — Наташка упрямо подала ей гитару, — покажи, как ты сама видишь вот это место? То, на котором мы уже третий день спотыкаемся...

Нехотя взяв предложенную гитару, Ника расположила левую кисть на грифе. Лениво пройдясь пальцами правой руки по струнам, внезапно накрыла их ладонью.

— Нет, на сегодня я — всё, — отставив инструмент, девушка недовольно нахмурилась, — перебор.

— Ну, тогда спокойной ночи, — Наташа пожала плечами, — завтра меня не будет, может, к вам, наконец, вдохновение придёт.

В спальне, укладываясь в постель, Димка то и дело бросал на жену удивлённые взгляды.

— Ну, ты даёшь... Наорала на российскую рок-звезду... Кому скажи — не поверят...

— Дима, — Наташа присела на край кровати и уставилась на мужа, — а ты ничего не заметил?

— Ты о чём?

— О том, что твоя звезда не умеет строить доминантсептаккорд...

— Ну, в общем, заметил, — он улыбнулся, — но на то она и звезда, чтобы быть загадочной...

— Ты считаешь, что это нормально?.. Как она на сцену попала вообще?!

— Наташ, некрасиво обсуждать гостей...

— Некрасиво грубить хозяйке, — отрезала Наташка, — а ещё прикидываться звездой.

— Звёздами не прикидываются. Звёзд назначает зритель...

— Ты сам-то себе веришь? — Наташка весело рассмеялась, — Хотя... в чём-то ты и прав. Звезду назначает зритель... Один зритель с большими деньгами.

— Ну, вот, мы и добрались до истины, — улыбался Дима.

— А кто у неё был продюсером?

— Насколько я знаю, она сама и была.

— Значит, у неё был спонсор. Что-то я засомневалась, что она могла пробиться сама.

— Наташа...

— Что — Наташа?! Ты видел, как она гитару держит?! — покрывшись от возмущения довольно милым румянцем, Наташка разговаривала громким шёпотом, чтобы её не было слышно в других комнатах.

— В общем-то, Ника — певица, а не гитаристка. Ты же слышала её вещи, высочайший профессионализм.

— Согласна. Но что-то мне не нравится...

— Ты что, ревнуешь? — лукаво улыбаясь, Морозов откинулся по подушку, — Вот разошлась-то!

— Дима, она позиционирует себя как автора всех своих песен, а сама не представляет, как эти песни пишутся?! Ты можешь мне объяснить, как она попала в категорию «звезда»?! Я понимаю — Юта, Арбенина, Земфира... Но — Ника?.. Кстати, вокал у неё тоже требует шрифтовки, если уж на то пошло!

— Ты смотри, какая... — он притянул её и, перевернувшись сам, уложил на постель, — На Нику накричала... На меня накричала... А ты мне такая нравишься...

— Подумаешь... — Наташка тихо рассмеялась, — Я недавно на генерального директора крупнейшей компании наорала, и то ничего...

— На кого? — Димка удивлённо нахмурил брови, — Это на Прохорова, что ли?

— Ага, — понимая, что зря сболтнула и теперь придётся рассказать, почему она, на самом деле, накричала на Прохорова, Наташа лихорадочно придумывала, как бы обойтись без объяснений.

— А за что? — укрыв и себя, и её тонким одеялом с головой, он поцеловал её в нежную шейку.

— А много вопросов задавал, — прошептала Наташа, растворяясь в его ласках, — вот как ты сейчас...

* * *

Алиса уже собиралась уходить домой и открыла шкаф, чтобы снять с плечиков ветровку. Конец мая был, отнюдь, не жарким, и, уходя в обед из дома налегке, вечером можно было замёрзнуть, стоя на остановке маршрутного такси. Дима, с которым она чаще всего уезжала домой, в последние дни оставался в студии допоздна, работая над новыми песнями вместе с Никой, и Алисе приходилось пользоваться общественным транспортом. Паша Рулёв, с которым она встречалась вот уже второй месяц, своей машины не имел, но зато имел своё собственное жильё, поэтому девушка прощала ему отсутствие транспортного средства.

Она уже потянула ветровку с вешалки, как вдруг услышала в коридоре громкое мужское ржанье. Судя по голосу, это был Сашка Говоров. Репетиции, как таковой, сегодня не было, и Алису удивил его поздний визит в студию, тем более, был он явно не один. Осторожно выглянув в коридор, она увидела, как Говоров в сопровождении каких-то трёх девчонок ввалился в репетиционную.

— Ну, что, идём? — спустившись со второго этажа, Паша шёл к ней по коридору.

— Подожди... — махнув ему рукой, Алиса на цыпочках пробежала к дверям репетиционной и застыла, приложив к ним ухо.

— Ты чего?! — Рулёв осторожно двинулся следом, — Лисёнок, что там?

— Там Говоров с тремя тёлками... прикинь? — девушка обернулась к нему.

— Ну, и что? — Паша флегматично пожал плечами, — Это же Говоров...

— Сюда! — услышав, как хлопнули входные уличные двери, Алиса метнулась назад, к своему кабинету и отчаянно замахала Рулёву рукой, — Быстрее!

— Ну, чего?! — поспешив за ней, Пашка удивлённо оглянулся, — Мы что, в детектив играем?

— Ага... — прикрыв за собой дверь, Алиса выглядывала в оставленную щёлку, — Интересно, чего они припёрлись?

— А Морозов ещё здесь?

— Да... Он в аппаратной с Никой. Должны тоже скоро уйти... Прикинь, это Журавлёв сейчас пришёл... И он тоже пошёл в репетиционную... Они что, договорились сюда баб привести?..

— А нам-то какое дело? — пожал плечами Пашка, — поехали домой...

— Если хочешь, езжай, — всё ещё выглядывая в щёлку, отмахнулась от него Алиса, — а мне интересно, что это за тёлки... Журавлёв, что, за старое взялся? Одну беременную бросил, теперь и другой рога наставляет?

— Ну, хочешь, пойду, посмотрю? — не зная, как увести её домой, Пашка был согласен принять участие в расследовании.

— Посмотри! — кивнув, она открыла перед ним дверь.

Проводив Рулёва, Алиса в раздумье застыла посреди комнаты.

— Вот это удача... кажется... — произнесла она вслух. Затем, открыв сумочку, порылась и достала из неё какой-то пузырёк с прозрачной жидкостью. Повертев его в руках, снова положила назад.

— Там три девчонки, те, что с ними на гастроли ездят... Группис, — вернувшись, доложил Пашка, — я заглянул, они в репетиционной сидят, у них пивасик двухлитровый на столе...

— Пивасик, говоришь?.. — подбоченившись, Алиса ещё с минуту поразмышляла, потом решительно повернулась к Рулёву, — Мы же не торопимся? Идём, посидим с ними?

— Морозов увидит, орать будет. Говорову-то с рук сойдёт, а мне точно влетит. Дима не любит, когда народ с улицы приводят.

— Да не влетит. Да и он не орёт. Мы же не бухать с ними будем, а типа случайно зашли... Тем более, сам Димка ещё здесь, он, скорее всего, долго будет сегодня. Наташа на гастроли улетела.

— В принципе... А потом... может, ко мне сегодня поедем?

— Поедем, — торопливо пообещала Алиса и потянула его за руку, — идём...

Веселье в репетиционной было в самом разгаре. Сашка, изрядно подвыпивший, уговаривал выпить и Журавлёва, но тот мужественно отказывался, ссылаясь на то, что за рулём. В одной из трёх девчонок, которые были с парнями, Алиса с удовлетворением для себя узнала Ленку — ярую Женькину фанатку, с которой у него до недавнего прошлого были, отнюдь, не чисто дружеские отношения.

— Привет, — войдя в репетиционную, Алиса изобразила на лице радость, — у вас так весело, что мы тоже к вам.

— О, Алиска! Паша!.. — Сашка радостно развёл руки, — Бухнёте? А то этот ненастоящий друг ваще не пьёт, — он кивнул на Журавлёва.

— Не, — Пашка заулыбался и замотал головой, — у меня на вечер другие планы.

— А я бы выпила... — Алиса томно посмотрела на него, — Но только что-нибудь безалкогольное...

— Я бы тоже. Пива безалкогольного, что ли... — Журавлёв сладко потянулся, — Саня, чего мне пивка не купил? Безалкогольного?.. Раз уж зазвал.

— Стоняй? — Алиса обернулась к Пашке, — В супермаркет, тот, что напротив?..

— Мне пару банок, — Женька достал из бумажника купюру, — желательно «Карлсберг».

— Сейчас, — пряча деньги, кивнул Паша, — один нога тут, другой — там...

— Только Димычу не говори, что мы здесь, — крикнул вдогонку Говоров, — увидит, опять лекции начнёт читать о вреде пьянства и случайных половых связей...

«Карлсберга» безалкогольного в продаже не оказалось. Поводив глазами по прилавку, Паша решительно уложил в корзину несколько бутылок «Велкопоповицкого козела» с нулевым содержанием алкоголя и, расплатившись на кассе, вышел из магазина.

— Купил? — Алиса уже поджидала его на крыльце «Творческой деревни», — Дай мне сразу пару бутылок... Сильно пить хочется. Остальное неси Журавлёву, а я сейчас...

Метнувшись в свой кабинет, она торопливо достала из сумочки всё тот же пузырёк и, открыв одну из бутылок, вылила в неё всё содержимое.

— Ой... — в неожиданно отворившуюся дверь заглянула девичья голова, — А где у вас тут туалет?.. Я прошла по коридору, и не нашла...

— Иди в другую сторону, — Алиса ещё держала пузырёк в руках, и, увидев девушку, торопливо бросила его назад, в сумку, — Подожди!

Закрыв за вошедшей дверь, Алиса придирчиво осмотрела ту с ног до головы. Худенькая, если не сказать — тощая, она, кажется, была поклонницей Морозова... Алиса не раз замечала её возле сцены ночных клубов, когда ездила вместе с Димой на их выступления. Да, это она — девчонка, умирающая от любви к её троюродному брату...

— Как тебя зовут? — как можно приветливее спросила Алиса.

— Вообще — Наташа. А так — Птаха... — девчонка подняла на Алису глаза, — А что?

— Тебе Дима Морозов нравится? Хочешь, я тебе что-нибудь из его вещей достану? Футболку, например? Будешь носить... Или бандану, которую он на концертах надевает? Они же сейчас настоящие звёзды... Ещё пару месяцев, и уже так с ними пива не попьёшь. А вещь будешь хранить и знакомым показывать...

— Ой... Футболку?! Да... лучше футболку, — Птаха радостно захлопала длинными ресницами, — если можно, конечно...

— Можно. А можно и то, и другое...

— А... я что-то должна буду для этого сделать?

— Догадливая... — усмехнулась Алиса, — Да, сущий пустяк. Постарайся увести Говорова и эту... ну, что с ним...

— Мару?

— Ну, да, Мару. Если Дима, и вправду, сейчас вас здесь увидит, то сильно разозлится... А зачем его злить? Правда?

— Хорошо постараюсь. А Ленку? Уводить?

— Ленка пусть останется. А этих уведи... И о том, что я тебя просила — ни единой душе. Поняла? А то больше никогда близко к Димке не подойдёшь, я это смогу устроить. А, если всё сделаешь, как надо, можешь на меня рассчитывать. И автографы, и вещи — всё без

проблем. Я — его сестра... Понятно?

— Понятно, — Птаха быстро закивала головой, — я всё поняла.

— Ну, тогда я на тебя надеюсь, — улыбнувшись краями губ, Алиса прищурила зелёные глаза, — а туалет в противоположной стороне, в конце коридора.

Дождавшись, пока девушка скроется из виду, Алиса взяла приготовленную бутылку пива и выскользнула из кабинета. Вернувшись в репетиционную, она с удовольствием для себя отметила, что Журавлёв свою бутылку лишь открыл, но, если и отпил из неё, то не больше глотка. Дождавшись, когда он поставит её на стол, она, воспользовавшись тем, что Сашка что-то пьяно показывал ему на пальцах, незаметно поменяла его бутылку на свою.

— А Дима ещё здесь? — снова взяв со стола пиво, Женька обратился к Рулёву.

— Ага, — Пашка тоже отхлебнул из горлышка нулёвки, — они там, с Никсой, в аппаратной.

— Пойду, узнаю, во сколько он за Наташкой поедет в аэропорт, — столкнувшись в дверях с вернувшейся Птахой, Женька вышел из репетиционной.

— Ну, что, пора, наверное, по домам? — делая глазами знаки, Алиса посмотрела на Птаху, — Женя всё равно Морозова будет ждать... И нам пора, да, Паш?

— Слушай, Мар, — Птаха посмотрела на подругу, — а поехали ко мне?

— Куда — ко мне? — Сашка весело обнял Мару, — А если — ко мне?

— Ты за рулём? — Алиса изобразила тревогу, — Как поедешь-то?

— Да шучу я... Мы на такси приехали. Да, девчонки?

— Да, мы на такси, — кивнула Мара, — он нас в клубе увидел, говорит, поехали в одно место, пива попьём... А сам сюда привёз.

— Вообще, его лучше домой, — Алиса сочувственно смотрела, как Сашка неуверенно ищет по карманам сигареты и зажигалку, — девчонки, я сейчас такси вызову, вы его увезите, ладно? За машину мы сами заплатим...

Несмотря на все сопротивления, Говорова всё же удалось уговорить сесть в подъехавшее через несколько минут такси. Помогая ему благополучно добраться до автомобиля, Паша вышел вместе с ним и девчонками на улицу.

— А ты останься, — Алиса подмигнула Ленке, когда та тоже собиралась уходить вместе с подругами, — ты же Женьку хотела дожидаться, да? Да ладно, что я, не понимаю, что ли?

— Так он ушёл куда-то, — Ленка пожалала плечами, — может, домой уехал?

— Нет, он у Димы, в аппаратной. Если хочешь, дожись...

— А можно? — Ленка недоверчиво посмотрела на Алису, — Ругаться не будут?

— А кто? Сиди здесь тихо, Дима тебя не увидит... А Женька всё равно сюда зайдёт, вон, его телефон лежит... Так что, лови момент.

— Меня девки в такси ждут...

— А я им скажу, чтобы не ждали.

Войдя в аппаратную к Морозову, Женька сразу уселся рядом с ним, наблюдая, как тот, сидя за синтезатором, что-то записывает в нотную тетрадь.

— Ну, как успехи? — поставив пиво на стол, Журавлёв бросил взгляд на Диму.

— Что-то никак... — Тот устало поднял глаза, — У меня такого никогда не было. Третий день бьёмся, никак не придём к музыкальному консенсусу.

— А что такое? — Женька заглянул из-за его руки на нотный стан, — С текстом проблема или с мелодией?

— С мелодией. Ника меня уже всеми матами обложила, — Дима улыбнулся и кивнул в сторону девушки, — что-то хочет от меня, а что — не говорит.

— Бывает... — Журавлёв внимательно вглядывался в нотные знаки, — Покажи?

— Ну, вот слушай... — Дима уже, кажется, в тысячный раз за эти дни взял привычные аккорды.

Прослушав несколько раз «проблемное» место, Женька тоже вставил свои «пять копеек», пробежавшись пальцами по клавишам.

— А так?

— Ну, вот, даже Наташка то же самое предлагала, и я... — Дима развёл руками, — Я вообще других вариантов не вижу...

— Фигня! — молчавшая до этих пор Ника, наконец, подала голос, — Дима, это полная фигня!

— Вот видишь, — Димка рассмеялся из последних сил, — что ни покажу, всё фигня... Меня жена так не доставала за пять лет, как вот эта барышня за три дня...

— Барышни, они такие... Так... — похлопав себя по карманам, Женька встал и направился к выходу, — Надо Ленке позвонить. Телефон в репетиционной оставил... Когда тебе в аэропорт за Наташкой ехать? Может, я сейчас к вам поеду? Дождусь, когда ты её привезёшь...

— Езжай, Жека... Самолёт в два ночи. Мы ещё тут повоюем с часик. Потом я Нику привезу и за Наташкой поеду.

— Барышней меня ещё никто не обзывал, — усмехнулась Ника, — ты — первый...

— Может, поедем домой? — Дима устало потёр ладонями лицо, — И есть охота, и пить... И спать...

— Тебе же в аэропорт, — девушка бросила на него мимолётный взгляд, — некогда спать...

— Часика полтора можно. Если прямо сейчас уехать домой.

— Ты так хочешь домой?.. — она снова как-то странно посмотрела на него.

— Если честно, то да, — кивнул Морозов, — и кого-нибудь съесть.

— Меня, например...

— Нет, — не поняв её намёка, он снова рассмеялся, — я бы курицу целиком... Там, кстати, в холодильнике Наташка оставила. А ещё пить охота.

— Ты как маленький ребёнок, — Ника повернулась к нему всем корпусом, — Есть хочу... пить хочу... Вон, пиво на столе, попей.

— Я за рулём.

— Тогда я попью... — она взяла в руки бутылку и отпила несколько глотков, — Ой, это же нулёвка!

— Нулёвка? — Дима протянул руку, — Точно? Тогда давай... Я тоже хочу...

— На... — протянув ему бутылку, Ника неторопливо прошла к двери и щёлкнула внутренним замком.

— Будешь допивать? — оторвавшись от напитка, Дима кивнул ей на бутылку.

— Буду... — она снова присела рядом и, допив содержимое, пристально посмотрела ему в глаза, — Знаешь, почему у нас с тобой ничего не получается?

— Почему?

— Нет взаимности.

— В смысле?

— В том смысле, что нас ничего не связывает.

— И... что нужно делать? — он слегка нахмурил брови.

— Нужен секс. Или наркотики.

— А без них — никак?.. — пошутил Дима.

— Никак. Либо наркотики, либо секс.

— А ещё варианты есть?..

— Алкоголь. Но он, как и наркота, отпадает... Ты же за рулём...

Вернувшись в репетиционную, Журавлёв сразу прошёл к столу и, взяв с него свой телефон, собрался было уже позвонить Милене, но, случайно оглянувшись, удивлённо вытаращил глаза.

— А ты чего тут?

— Тебя жду, — сидя в углу на стуле, Ленка весело смотрела на него.

— Меня? Зачем? — отложив телефон, он огляделся вокруг, — Куда это моё пиво делось?

— Вот это? — она кивнула на колонку, на которой стояла запечатанная бутылка «Козела».

— У меня открытая была... А! — вспомнив, он хлопнул себя по лбу, — Я же с ней в аппаратную ходил. Там оставил... Ладно, не отбирать же у Димы, — потянув за язычок, он сорвал крышку с бутылки и сделал несколько глотков из горлышка.

— Расслабиться не хочешь? — девушка вытащила из сумочки небольшой пакетик.

— Это что у тебя трава, что ли? — кивнул на пакет Женька.

— Ага. Хочешь?

— Не хочу, и тебе не советую. Бросай это дело, пока не втянулась, — он снова взял в руки телефон, — я серьёзно.

— Да ладно те... — Ленка засмеялась, — Это лёгкая травка. Практически табак.

— Дай сюда, — он протянул к ней свободную руку, — дай, говорю.

— Не-а, — она игриво спрятала руку с зажатым в ладони пакетиком за спину, — а ты что, никогда не баловался, что ли?

— Вот чем не баловался, так это наркотой, — он всё ещё держал на весу руку, но, поняв, что она не собирается отдавать ему пакет, убрал ладонь в карман и снова приложился к бутылке.

— Ну, и зря, — Ленка пожала плечами, — вот «Гоблины», те музыку без наркоты вообще не пишут. Так у них такие вещи классные выходят... и молодняк валом валит.

— У них, может, таланта не хватает без наркоты писать, а мы народ одарённый... Мы и без этой гадости шедевры выдаём.

Дозвонившись, наконец, до Милены, Журавлёв пообещал приехать через полчаса и отключился.

— Чё, уезжаешь? — спрятав травку в карман, Ленка активно двигала челюстью, жуя «Орбит».

— Да, — коротко ответил он и, приоткрыв дверь, многозначительно посмотрел на девушку.

— Ну, ладно, — она неохотно встала со стула и двинулась на выход, — я думала, расслабимся, пообщаемся.

— Ну, может, когда-нибудь... — он дружески хлопнул её по плечу, — Понимаешь, жизнь сделала крутой разворот...

— Да знаю, — улыбаясь, она продолжала жевать, — одну бросил, теперь с другой

живёшь.

— Не бросил, а ушёл. Я никогда никого не бросаю, запомни это.

— А какая разница?.. — они уже вышли на улицу, и она повернулась к нему на крыльце, — Ушёл, значит, бросил.

— Разница огромная, — подойдя к стоянке, Женька посмотрел на стоящий рядом с его «Ровером» «Ауди», — а Дима ещё здесь... Ну, ладно, дома дождусь.

— А меня не подвезёшь? — Ленка смешно сморщила лицо, — Пожалуйста...

— Слушай... — взявшись за ручку двери, Журавлёв посмотрел на девушку, — А зачем вы тогда, зимой, сказали Кронскому, что мы с Саней пообещали вам помочь попасть в шоу-балет?

— Кому?! — нахмурившись, Ленка вопросительно уставилась на него, — Кто это — Кронский?

— Это скандальный корреспондент. Хочешь сказать, что ты его не знаешь?

— Впервые слышу, — пожала она плечами, — так ты меня подвезёшь?

— Ладно, садись, — он махнул рукой, — и чего вас сюда принесло на ночь глядя? И меня Саня выдернул... Я думал, по делу, а ему пиво не с кем было пить.

— Он сказал, что ему скучно стало. Вы же не выступаете сегодня нигде.

— Так мне-то совсем не скучно было, — усмехнулся Женька.

— Спасибо, — девушка заняла пассажирское место.

— Ты где живёшь? — Женька завёл машину и посмотрел на Ленку, — Тебя же домой?

— Нафик?! — она смотрела на него, как на умалишённого, — Чё я дома забыла вечером в пятницу? К Маре!

Алиса с удивлением наблюдала в окно, как в свете ночного фонаря Журавлёв с девушкой стоят возле его автомобиля и о чём-то разговаривают.

— Странно... — глядя в небольшую щель между створками жалюзи, она достала из кармана телефон и сделала снимок через стекло. Взглянув на результат, недовольно поморщилась, — Ничего не видно... Странно...

— Что — странно? — Пашка, которому не терпелось увезти её к себе домой, обречённо стоял у двери.

— Да так, ничего, — Алиса всё ещё наблюдала за происходящим на улице, — прикинь, Журавлёв тёлку куда-то собирается везти, кажется.

— Может, он её просто по пути подбросить хочет, — пожал плечами Рулёв, — ну, что, идём?

— Сейчас... — дождавшись, пока Женька с девушкой усядутся в автомобиль и отъедут от студии, Алиса взяла сумочку и посмотрела на Пашу, — Теперь идём.

Закрыв помещение, они двинулись на выход, но возле репетиционной Алиса вновь замедлила шаги. Приоткрыв дверь, заглянула в тёмную комнату, затем вошла и включила свет. Ничего не понимающий Рулёв следовал за ней по пятам.

— Что ты ищешь? — глядя, как она смотрит за стульями и по углам, Паша не переставал удивляться сегодняшнему поведению любимой девушки, — Лисёнок, ты что-то потеряла?

— Угу, — буравя взглядом пол, стол, колонку и все предметы, ответила Алиса, — я тут

пиво оставляла...

— Вот это? — он вынул из угла бутылку, которую совсем недавно открыл Журавлёв, — Там почти ничего нет. Подожди... Ты же со своим пивом уходила к себе... Оно у тебя в кабинете. Принести?

— Да ладно... — Она с удовлетворением смотрела на практически пустую бутылку, — Точно, я и забыла. А это — Журавлёва бутылка, или твоя?

— Я свою в урну на улице выкинул. Это Женькина.

— Ну, что за мужики, — притворно сетуя, Алиса взяла бутылку и, подойдя к дверям, оглянувшись, — подожди, я схожу, в раковину вылью остатки.

Войдя в туалет, она вылила остатки пива в унитаз и, промыв бутылку изнутри водой, спрятала её в свою сумочку.

— Что, Женечка, попил пивасика? — усмехнулась девушка, глядя на себя в зеркало, — Странно, что ты сразу не уснул, в объятиях фанатки... Доза была лошадиная. Ладно, надеюсь, что аварии не будет...

По пути к выходу, она ещё хотела зайти в аппаратную к Диме, но дверь туда оказалась закрытой.

— Интересно, когда это они успели уехать? — обернулась Алиса к Пашке, который покорно топал за ней следом, — Дима, случайно, нас тут не закрыл с тобой?

— Не знаю, — снова пожал плечами Паша, — если закрыл, будем тут ночевать.

— Ещё чего, — Алиса решительно толкнула входную дверь, — смотри, открыта... А где Дима?

— Где-то здесь, — выйдя на улицу, Рулёв кивнул на автомобиль Морозова, — машина стоит.

— Странно... А аппаратная закрыта, — Алиса покрутила головой, — сплошные загадки...

— А свет в аппаратной горит? — Пашка вытянул шею в сторону окна студии, — непонятно...

— Окно выходит в тон-зал, в аппаратной нет окна, — Алиса тоже выглянула с крыльца, — не увидишь.

— Может, они на втором этаже? — Рулёв ехидно ухмыльнулся, — Танцы репетируют?

— Там тоже света нет... — девушка посмотрела на верхние окна, — Да и что они там делали бы? Они в студии, больше нигде. Только зачем-то закрылись.

— Ну, дело молодое, — ухмыльнулся Паша, — мало ли чего они с Никой закрылись?

— Обалдеть... — Алиса остановилась перед ним, — Если это то, на что ты намекаешь... Я такого от Димки не ожидала...

— А чего тут такого? Они уже какой день вдвоём там заседают?

— Почему вдвоём? Они днём записывают инструменты, там постоянно кто-то бывает из ребят. Сегодня вокал писали... Там Миша был, потом ушёл.

— Ну, вот, — Пашка весело развёл руками, — Миша ушёл, к ним случайно любое пришёл... Тем более, Наташка на гастролях.

— Точно, — кивнула Алиса, — Наташки дома нет, она прилетит только ночью...

— Сегодня девчонки из шоу-балета что-то говорили, что на неё какой-то богатый дяденька запал? Ты ничего не слышала такого?

— Насчёт «запал» не знаю... — выйдя со двора, Алиса посмотрела по сторонам в поисках свободного такси, — Но, то, что её уже в третий раз приглашает генеральный директор очень крупной компании, это правда. При чём, там такая история... будто он её запомнил по какой-то телепередаче, а друзья разыскали и сделали ему подарок на юбилей... Прикинь?

— Хорошенький подарок, — хмыкнул Паша, — и, видимо, понравился, раз такая масть пошла... Девчонки перед отъездом говорили, что она основную программу отрабатывает, а потом их всех увозят в гостиницу, а Наташка остаётся... И её привозят перед самым самолётом прямо в аэропорт.

— Да уж... Немудрено, что теперь Димка пустился во все тяжкие, — опустив голову, Алиса улыбалась с каким-то злорадством, — вот тебе и Наташа... а выглядит такой любящей женой...

— Значит, теперь они в расчёте, — подвёл итог Пашка и, заметив горящие пашечки на припаркованном у проезжей части автомобиле, потянул Алису за руку, — вон, кажется, такси. Побежали?

* * *

Женька вот уже целый час сидел в квартире Морозовых, а Дима с Никой так и не появились.

— Может, позвонить ему? — Милена уютно устроилась на диване в гостиной в объятиях Журавлёва, — Вдруг, они прямо из студии хотят в аэропорт ехать?

— Сейчас попробуем, — Женька нехотя снял руку с её плеча и достал телефон, — странно... Не отвечает.

— Может, едет домой?

— Может... — убрав телефон, он снова обнял Милену, — Ладно, не маленький. Нам всё равно ждать, пока он Наташку привезёт.

— Знаешь, — она, улыбаясь, прижалась головой к его плечу, — я раньше не думала, какая насыщенная жизнь у артистов. Я привыкла жить тихо — дом, работа... Была у меня одна подруга... но мы вместе работали, поэтому как-то всё спокойно было, без особой беготни... А здесь — такая суета! Постоянные отъезды, приезды, в доме всё время кто-то гостит...

— Ничего, уволишься, будет спокойнее. А у Димы — да, у них всё время как в том огурце, полна горница. Но они сами виноваты. Слишком душа открыта, что у него, что у Наташки. Боюсь, когда-нибудь это им выйдет боком.

— А где мама?.. — сонный Валерка показался в дверях, — Она сто, не приехала?

— Ещё нет, — Милена встала и взяла малыша на руки, — идём спать. Проснёшься, а мама уже дома.

— А где папа?

— Папа тоже ещё не приехал, — она вошла в детскую и положила ребёнка на

кроватьку, — давай-ка, засыпай.

— А мама мне спинку гладит, — было похоже, что Валерик и не собирается снова засыпать, — стобы я заснул.

— Я тебе тоже поглажу, — улыбнувшись, Милена ласково провела ладонью по Валеркиной спине, — но ты должен уснуть... Хорошо?

— Это кто тут не спит?! — шутливо нахмутив брови, Журавлёв заглянул в двери детской, — Дмитриевич, ты же мужик?

— Да, — вполне серьёзно ответил малыш.

— Ну, вот. Все мужики по ночам спят.

— А ты? — Валеркина голова приподнялась с подушки, — Ты же не спишь?

— Так я твоего папку жду.

— Вот и я зду.

— И ничего не возразишь, — усмехнулся Женька и снова посмотрел на часы, — Слушай, до самолёта полчаса. Странно, что Дима мне не перезвонил на мой неприкрытый.

— Ну, попробуй позвонить ещё, — Милена поднялась и подошла к кровати Анечки, — представляешь, дети такие спокойные, привыкли спать при разговоре. Такая редкость...

— А ты здорово смотришься возле детской кровати, — Женька подошёл сзади и обнял её, — хочу, чтобы это был не чужой ребёнок, а наш с тобой...

— Ты опять торопишь события, — обернувшись, она улынулась ему, — всему своё время. Звони лучше Диме.

Второй звонок, как и первый, тоже ничего не дал. Решив подождать ещё, они снова ушли в гостиную. Положив голову на колени откинувшейся на спинку дивана Милене, Журавлёв задремал. Раздавшийся спустя какое-то время телефонный звонок разбудил их обоих.

— Да... — Женька сонно провёл пальцем по дисплею, — Наташ, ты, что ли? Как не приехал?.. Подожди... — он сел и переложил телефон из руки в другую руку, — ты будь там, я сейчас подъеду...

— Что такое? — Милена встревоженно смотрела, как он торопливо приглаживает пятёрней свои длинные волосы, — Жень, что случилось?

— Это Наташка. Она прилетела.

— А Дима?..

— А Димы нет... — нахмурившись, он вышел в прихожую и накинул лёгкую куртку, — Его в аэропорту нет, и на звонки он не отвечает... Чёрт... Надо было мне ехать сразу туда...

— Куда?

— В студию. Когда я уезжал, его машина ещё стояла...

— А ты что, в студии был?

— Да, — нехотя признался Журавлёв, — я тебе оттуда звонил.

— Ты говоришь, машина стояла... А ты что, самого его не видел?

— Видел, но чуть раньше... Ладно, я потом всё расскажу, — Женька схватился за ручку двери, — будем надеяться, что это всего лишь недоразумение.

— Господи... — Милена испуганно прижала руку к груди, — Ты сейчас в аэропорт?

— Да, надо Наташку забрать сначала. Если, конечно, Дима раньше меня не объявится.

Проводив Журавлёва, Милена зашла в детскую. Удивлённо посмотрев на пустую кровать Валерика, вышла и заглянула в спальню его родителей — малыш, трогательно обняв подушку, лежал на большой кровати, свернувшись, клубочком.

— Валера, что ты здесь делаешь? — Милена попыталась взять его на руки, чтобы снова унести в детскую, но ребёнок ещё крепче вцепился в подушку.

— Маму с папой зду...

* * *

Из самолёта Наташа выходила с чувством тревоги. Несмотря на то, что выступление прошло удачно, и ей сегодня не пришлось петь для vip-персон отдельный репертуар, она ещё при посадке в самолёт ощутила какой-то холодок в душе. Последний раз она разговаривала с Димой вечером, после выступления на свадьбе дочери Прохорова. Приехав в гостиницу, она набрала его номер — он ещё был в студии, но сказал, что скоро поедет домой. Они проговорили около пятнадцати минут, и Наташка весело рассказала ему, как пела для молодожёнов в шикарном банкетном зале. Он посетовал, что без неё у них с Никой никаких творческих сдвигов не произошло, и что, наверное, вторую песню в этот раз записать не удастся...

Она ожидала, что он позвонит ей сам, перед её вылетом, но Дима молчал. Набрав его номер, Наташа долго слушала длинные гудки и, решив, что он в дороге, перезвонила Милене. Та ответила, что Дима с Никой пока не вернулись... Все остальные попытки дозвониться до мужа тоже не увенчались успехом, и, сев в самолёт, Наташа с сожалением отключила телефон. Она не стала звонить ни Анне Сергеевне, ни Алисе, из опасения огорчить свекровь у которой в последнее время были проблемы со здоровьем. Успокоив себя, что Дима просто был в дороге или случайно отключил на телефоне звук, она пристегнула ремень и закрыла глаза...

Но встречать её Димка тоже не приехал — в аэровокзале его не было, не было и на автомобильной стоянке. Нажав на вызов, Наташа услышала уже знакомые длинные гудки. К её удивлению, Милена тоже не ответила...

Она заволновалась ещё больше, но, вспомнив, что Милена, скорее всего, отключила на телефоне звук, чтобы не будить детей случайными звонками, открыла телефонную книгу и нашла номер Женьки.

— Привет, — он приехал в аэропорт уже через полчаса и старался казаться бодрым, но Наташа уловила в его глазах тревогу.

— Привет, — она смотрела, как будто пытаюсь прочитать его мысли, — Женя, что-то случилось?

— С чего ты взяла? — Журавлёв нахмурил брови, — И с кем что-то должно случиться?

— Что у нас дома?

— Всё нормально, — он пожал плечами, — дети спят, Ленка ждёт... Я сегодня даже Валерку укладывал, во!

— А Дима?..

— Дима?.. Димы пока нет.

— Он не отвечает на звонки... Женя, ты что-то знаешь?!

— Наташ, успокойся... Я ничего не знаю, правда. Я видел его вечером.

— Где?..

— В студии.

— Во сколько?

— Около десяти. Потом я уехал, они с Никой ещё оставались. Он сказал, что скоро приедет. Но не приехал... — оставив бодрый тон, Журавлёв осторожно посмотрел на девушку, — Я тоже звонил. Но он трубку не берёт.

— Господи... — захлопнув дверь Женькиной машины, Наташка нервно сжала кисти рук, — Что с ним?..

— Да нормально всё будет, слышишь... — видя, в каком она состоянии, Женька потянулся за её ремнём безопасности, — Давай, пристегну... Помнишь, как у меня когда-то ремень не выезжал? Я тебя всё время пристёгивал...

— Поехали сразу в студию... — не обращая внимания на его слова, Наташа повернулась к нему, — Может, они ещё там?

— Давай, так. Я везу тебя домой, а сам еду в студию. Идёт?

— Нет... Я поеду с тобой.

Димкину машину они увидели ещё издалека — на пустынной ночной улице стоянка «Творческой деревни» хорошо просматривалась. Уличная дверь оказалась незапертой — потянув на себя за ручку, Наташа с тревогой оглянулась на Журавлёва.

— Давай, я сам всё посмотрю, — опередив её, он двинулся вперёд.

Дверь в аппаратную оказалась закрытой. Пробежав по остальным кабинетам и, на всякий случай, заглянув на второй этаж, они вернулись назад.

— У тебя ключа нет? — постучав и не дождавшись ответа, Женька обернулся к Наташе.

— Нет... — дрожащим голосом ответила она, — Запасной есть дома...

— Если что, придётся за ним ехать.

— Если — что? — она подняла на него испуганные, полные слёз глаза.

— Если сейчас не достучимся... — он достал телефон и, набрав номер Морозова, застыл на месте. Услышав через несколько секунд звук мелодии Диминого телефона из-за закрытой двери, нахмурился.

— Он — там... — Наташа отчаянно заколотила в дверь аппаратной, — Дима!.. Дима!..

— А телефон Ники у тебя есть? — вспомнил Женька.

— Нет... — она с отчаянием пожалела, что не взяла у Димы её телефон, — Жень... поехали за ключом!..

— Подожди... — приложив ухо к двери, Журавлёв поднял указательный палец.

— Женя, что-то случилось!..

— Наташ, ты иди, на улице погуляй?.. — Журавлёв как-то странно посмотрел на неё, — Может, Димка откроет...

— В смысле?.. — она непонимающе вытаращила глаза, потом, как будто о чём-то догадавшись, перевела их на дверь, — Ты думаешь...

— Я ничего не думаю, — Женька всё ещё прислушивался, потом сделал несколько громких ударов, — но одно могу сказать точно — живые там есть...

— Постучи ещё... — как-то глухо произнесла Наташа, но стучать Журавлёву больше не пришлось.

Она и сама уже услышала, как в аппаратной кто-то зашевелился — судя по звукам, человек встал с дивана и нетвёрдой походкой подошёл к дверям. Щелчок замка — и в открывшейся двери показалось заспанное лицо Морозова. Судя по выражению, он плохо соображал, что происходит, поэтому, открыв дверь, вернулся и с размаху снова уселся на диван...

— Твою мать... Ты мне ноги отдал... — узнав голос Ники, Наташа быстро шагнула в помещение...

Ника лежала на боку, спиной прижавшись к спинке дивана... Судя по всему, до этого она спала, но Морозов, усевшись ей на ноги, разбудил рок-звезду... Выглядела рок-звезда довольно пикантно — в брюках и бюстгальтере; свободное же пространство рядом с ней говорило только о том, что совсем недавно кто-то лежал возле неё, и этим «кто-то» мог быть только Дима... Сам Морозов был одетым — футболка и брюки были на месте, и Наташку могло бы успокоить это обстоятельство... если бы не обувь, аккуратно стоявшая рядом с диваном — видимо, «отдых» был, отнюдь, не спонтанным... Во всяком случае, так подумала Наташа.

Она молча смотрела на мужа и не знала, что сказать. Её как будто парализовало... Что-то предательски зануло внутри, мешая вздохнуть полной грудью... То, что Димка с Никой спали здесь всё это время, не подвергалось никаким сомнениям. Более того — они спали на одном диване. Правда, если не считать скинутого Никой джемпера, оба были одетыми... Но, что стоило им одеться уже после... после т о г о, к а к... оденься и уснуть.

— Ты мне ничего не хочешь сказать?.. — произнесла, наконец, Наташа, глядя в упор на мужа.

— Наташка... — он поднял на неё замутнённые глаза, — Что случилось?..

— Это ты у меня спрашиваешь? — с горечью спросила она, — А что тогда должна спросить я?

— Ты... ты уже прилетела?.. Когда? — он явно пытался сосредоточиться, но у него это плохо получалось.

— Только что. Но, думаю, тебе это неинтересно... Женя, — Наташка повернулась к Журавлёву, — отвези меня, пожалуйста, домой...

— А Диму? — Женька участливо смотрел, как Морозов трёт ладонями лицо, — А Нику?.. Давайте, я вас всех отвезу. Они пьяные, по-моему.

— Я не пьяный... — Димка попытался встать, но, пошатнувшись, снова плюхнулся на диван и с трудом посмотрел на Нику, — разве мы что-то пили?..

— Нет... Я же сразу сказала, что алкоголь и наркотики отпадают... — она лежала с закрытыми глазами и вставать не собиралась, — только секс... Слушай, там, на столе мои сигареты, подай?

Кое-как поднявшись, Дима стянул со стола пачку сигарет и подал её девушке.

— А зажигалку? — с трудом поднявшись, Ника села на диване рядом с Морозовым и взяла сигарету в рот. Чтобы избавить друга от лишних телодвижений, Женька чиркнул своей зажигалкой.

— Наташа... — снова посмотрев на жену, которая молча наблюдала за происходящим, Морозов наморщил лоб, — Я не знаю, как всё получилось... Правда...

— Я рада, что у тебя всё получилось, — с горечью в голосе произнесла Наташка и снова обратилась к Журавлёву, — Жень, поехали, пожалуйста...

— Ты не поняла... — Морозов, кажется, только сейчас начал приходит в себя, — Наташа... ты меня не поняла.

— Я всё поняла. Идём, Жень.

— Дима, давайте в темпе, я вас на стоянке жду... — начал было Журавлёв, но Наташка его перебила:

— В таком случае, ты повезёшь только их. Я пойду пешком.

Женька еле догнал её на улице — не видя дороги, Наташка быстро удалялась от «Творческой деревни», размазывая по щекам слёзы. Ему пришлось чуть ли не силой тащить её назад, на стоянку и усаживать в машину. Еле успокоив её тем, что, кроме неё, он никого везти не собирается, Журавлёв завёл двигатель.

— Наташка, ты как хочешь, но я сейчас тебя отвезу и за ними поеду. Не знаю, что они после меня пили, но они явно не в себе. Диме нельзя за руль однозначно.

— Ничего, поспят ещё и придут в себя... Диван у них есть, — она невидящим взглядом смотрела в одну точку.

— Да как-то странно они спали... Если спали вообще. Ты горячку не пори. Поняла?

— Женька... — глотая слёзы, она еле выговаривала слова, — Ты же сам всё видел... Какая тут горячка?! У меня больше нет мужа... Был — и нет! Понимаешь?.. Нет...

Узнав от Журавлёва, в чём дело, Милена хотела остаться с Наташкой до утра, но та категорически отказалась.

— Не нужно... Я в порядке... — еле слышно прошептала Наташа, присев на свою кровать рядом со спящим Валеркой, — Вы езжайте. Правда, всё в порядке. Я сейчас лягу спать...

Дождавшись, пока за Миленой и Журавлёвым захлопнется дверь, она в изнеможении опустила голову на ладони. Всё произошедшее сегодняшней ночью казалось дурным сном... Ей так хотелось уснуть и, проснувшись, счастливо улыбнуться, увидев, что всё ей только приснилось...

Она даже задремала вот так, сидя, уронив голову на ладони... Она не знала, сколько она просидела вот так — минуту или полчаса, а, может быть, и несколько часов...

Она подняла голову лишь тогда, когда услышала, как в замке поворачивается ключ.

— Наташ... — пройдя в спальню, Дима тяжело уселся рядом и, положив локти на

колени, чуть подался вперёд, — Я не знаю, что тебе сказать...

Он и вправду не знал, что говорить. Попытки вспомнить хоть какие-нибудь детали приводили только к одному результату: их последний разговор с Никой и сразу — тяжёлое пробуждение. Что происходило в течение нескольких часов между этими событиями, Морозов не помнил совершенно.

«Алкоголь и наркотики отпадают — ты за рулём. Остаётся секс...» — эти слова Ники он помнил отчётливо. Кажется, он что-то ей ответил... Да, что-то вроде: «Похоже, у нас нет шансов...»

Что он имел в виду?.. Её неприкрытый намёк?.. Скорее всего — да. Были ещё какие-то слова... Но они начисто стёрлись из его памяти. Впрочем, Ника кое-что прояснила сама. После того, как Женька увёз Наташу, она наконец-то с удивлением обнаружила, что верхняя часть её тела прикрыта лишь бюстгалтером.

«А когда ты меня успел раздеть?» — выпятив нижнюю губу, девушка оглядывала свои плечи и грудь.

«Я не помню, — потеряв ладонями лицо, Морозов медленно покачал головой, — ты можешь мне сказать, что произошло?»

«Без понятия, — Ника достала ещё сигарету и закурила, — по ходу, мы вырубались. Но вот как, полный провал в памяти».

«У меня ужасно болит голова».

«Та же фигня. Слушай, что мы пили? — девушка взяла в руки пустую бутылку из-под пива и усмехнулась, — Это нас так с нулёвки расколбасило?»

«Дай-ка, — Дима забрал у неё бутылку и понюхал горлышко, — пивом пахнет... Ничего постороннего, а впечатление такое, как будто снотворного подсыпали».

«Судя по состоянию — так и есть, — кивнула Ника, — только кто и зачем?»

Они ещё какое-то время сосредоточенно вспоминали детали вчерашнего вечера, но провал в памяти был налицо.

«И сколько мы проспали?» — Ника оглянулась в поисках сумки с телефоном.

«Часов пять, — Дима мрачно смотрел себе под ноги, — я самолёт проспал... Как теперь всё объяснять Наташке, не знаю».

«М-да, — девушка, наконец-то, встала и натянула на себя свой джемпер, — одного не пойму, почему я раздетая? Ты же так категорически отказывался от секса... Неужели?..»

«Я ничего не помню», — снова повторил Дима.

«А я помню, — она слегка нахмурилась, — я сейчас вспомнила... Ты сказал, что сильно хочешь спать, и, наверное, сейчас ляжешь, но мебель новая, поэтому нужно разуться...»

«А дальше?»

«Дальше... ты разулся... лёг... сказал, что поспишь буквально полчаса, потому, что скоро ехать в аэропорт...»

«А потом?»

«Вот потом — всё... чёрный квадрат. Но я точно помню, что ты лёг первым. Почему я у стенки оказалась? — Ника пожалала плечами, — Да, какая разница... Легла, потому, что больше некуда было».

«Да, теперь уже какая разница...» — мрачно усмехнулся Морозов.

«Теперь тебе не жить, да? — улыбнувшись уголком губ, она повернулась было к нему, но тут же сморщилась от головной боли, — Твою мать... башка трещит нереально...»

Состояние у обоих было ужасное, и они ещё некоторое время приходили в себя, пока не приехал Журавлёв — забрав Милену, он увёз её домой, а потом снова отправился в студию. Ехать к Морозову Ника отказалась наотрез, и Женьке ничего не оставалось, как привезти её к себе — открыв дверь, Милена всё сразу поняла и, ничего не спрашивая, ушла стелить гостье постель.

«Ну, и ночка, — Женька снова уселся за руль и посмотрел на Морозова, дремлющего рядом, на пассажирском кресле, — и, главное, я не при делах! Прямо впервые со мной такое».

Разговаривать Димке не хотелось. Он никак не мог осмыслить произошедшее. Ничего, кроме безалкогольного пива они с Никой не пили, значит, дело именно в этом напитке? Ещё в студии он рассказал обо всём Журавлёву — обо всём, о чём смог вспомнить.

«Так утuhnуть можно только от снотворного, — Женька тоже повертел бутылку в руке, — только бутылка эта — моя... Я её сам открывал, а потом здесь оставил».

«Я врать не буду, — Дима пожал плечами, — Жень, кроме этого «козла» мы не пили ничего. Я вчера даже минералку не покупал, забыл».

«Вариантов два, — Ника показала два пальца, — Либо снотворное подсыпала я, чтобы усыпить Диму, либо это Дима подсыпал снотворное, чтобы усыпить меня... А смысл?»

«Ну, тогда есть и третий вариант, — хмыкнул Журавлёв, — снотворное подсыпал я, чтобы усыпить вас обоих. Вопрос всё тот же: а смысл?»

Услышав, как завёлся двигатель, Морозов открыл глаза. Он совершенно не мог себе представить, что сейчас скажет Наташке. Да и что тут скажешь, если все улики — налицо? Она прекрасно видела, что они с Никой спали вместе, на тесной половинке дивана... «Чёрт... ведь не хотел же этот диван ставить в аппаратную, не хотел... Саня уговорил...»

«Ладно, Дима, не парься. Как-нибудь утрясётся, — Женька нарушил молчание, — мне вот интересно, кто это сделал и зачем?»

«Не знаю. Что Наташке говорить?»

«Правду. Что ты ещё скажешь?»

Когда Женька привёз его домой, было уже раннее утро. Заходя в дом, Дима не сомневался, что Наташа не спит.

«Наташ... Я не знаю, что тебе сказать...»

Валерик сладко сопел на их постели, и будить его «разбором полётов» не хотелось, поэтому, посидев с минуту, Дима встал и, пройдя к двери, оглянулся:

— Идём на кухню... А то Валерку разбудим.

— Я никуда с тобой не пойду, — глядя в одну точку, она сидела неподвижно, только слегка покачала головой.

— Идём, Наташа, — постояв несколько секунд, он шагнул за порог, — Нам всё равно нужно поговорить.

Она пришла в кухню спустя несколько минут. Положив локти на стол, Дима сидел и смотрел на дверной проём, видимо, ожидая, когда она придёт. Подойдя к окну, Наташа смотрела на улицу сквозь прозрачный тюль, и, глядя на её стройную фигурку, Морозов боролся с желанием подойти, схватить её в охапку и, прижав к себе, привычно зарыться лицом в распущенные волосы... Он понимал, что сейчас она никак не ответит ему взаимностью, поэтому, всё, что ему оставалось — откровенно рассказать ей обо всём. На протяжении его монолога Наташка так и стояла, молча отвернувшись к окну и слегка опустив голову. Она не перебивала его, не кричала и ни в чём не обвиняла.... но, даже не видя её глаз, Морозов чувствовал, сколько сейчас в них боли...

— Ты ведь никогда меня не обманывал... — наконец, негромко произнесла Наташа, — зачем ты сейчас врёшь?

— Да я не вру! — он вскочил со стула и подошёл к ней, — Наташ, ну, клянусь, не вру!

— Да! Ты не врёшь, что вы вместе работали допоздна... Ты не врёшь, что ты проспал и поэтому не встретил меня... Ты даже не врёшь, что вы спали... — голос предательски дрогнул, и, повернувшись к нему всем корпусом, Наташка подняла на мужа полные слёз глаза, — Вместе спали! Но, всё равно, ты в р ё ш ь!.. Как же так, Дима?! Я верила тебе... Я не ревновала тебя ни к одной женщине... Я всегда знала, что я тебе нужна... Как же так?!

— Ты мне нужна, — он взял её за плечи, но Наташка скинула его руки, — Наташа... Тут какое-то недоразумение.

— Ты обнимал другую женщину. Никогда больше не дотрагивайся до меня!..

— Я никого не обнимал.

— Перестань врать!.. — выкрикнула она и, не выдержав, всё же расплакалась, — Что ты наделал?!.. Ты хоть понимаешь, что ты наделал?! Как нам жить после этого?! Ты ведь всё... всё!.. — не договорив, она всхлипнула и выскочила из кухни.

Проводив её взглядом, Дима вложил руки в карманы и сделал несколько нервных кругов по кухне. Потом решительно шагнул через порог. Наташку он нашёл в детской — она сидела на ковре, возле кровати, в которой спала Аня, прислонившись к тонким боковым прутьям и обняв руками подогнутые колени.

— Послушай меня, — Димка с размаху уселся рядом, — Наташка, ну, послушай... Всё было, действительно так, как я рассказал. Я не обманываю тебя. Ну, поверь мне... Пожалуйста, поверь! Я ещё разберусь, почему мы так резко уснули с Никой, но я тебе не изменял... Поверь, Наташа! Я тебя очень люблю. Для меня не существует других женщин, и ты знаешь об этом.

— Ты даже не понимаешь, что ты наделал... — Наташка казалась совершенно обессиленной, и говорила очень тихо, почти шёпотом, глядя куда-то вперёд, — Дима... люди могут быть счастливы, только когда между ними нет обмана... Я жила с уверенностью, что между нами нет никакой лжи... нет измен... Вокруг нас всегда было очень много людей, но я знала, что ты любишь только меня... я думала, что я — самая счастливая, потому, что у меня есть ты... Что у меня — твои дети... и они растут в любви. Они и росли в любви... в

абсолютной любви. Как же — теперь?! Дима?! — она медленно повернула к нему голову и с горечью посмотрела в глаза, — Как они — теперь?! Как Валера?.. Аня?.. Я же больше не смогу быть с тобой!

— Ты будешь со мной, — он молча и терпеливо выслушал всё, что она говорила, и теперь заговорил сам — горячо, убедительно, — ты будешь со мной, Наташа, потому, что нет причин для трагедии. Всё это — просто недоразумение. Я тебя никуда не отпущу. Всё, в конце концов, прояснится, я всё равно докопаюсь до истины, кто так над нами так подшутил.

— Не отпустишь?.. Нет, Дима. Наверное, ты для меня — непосильное счастье. Чтобы удержать такого мужчину, как ты, нужно быть либо отъявленной стервой, либо ведьмой. Я — ни то, ни другое.

— А мне не нужна ни стерва, ни ведьма. Мне нужна именно ты — ласковая, добрая девочка, — он попытался взять в руку её ладошку, но Наташа её вырвала, — Наташа...

— Ласковая и добрая... Наверное, такие быстро надоедают, — она обречённо кивнула сама себе, потом снова подняла на него взгляд, — всё закономерно. Я видела всё своими глазами... Мне даже не пришлось выслушивать сплетни. Я всё увидела сама. Вы спали вдвоём. Там было настолько тесно... И ты говоришь, что ты никого не обнимал?.. А зачем мужчина и женщина ложатся в одну постель, тем более, если они не муж и жена? Или ты хочешь сказать, что вы только обнимались?..

— Наташа, я всё тебе рассказал. Подействовало какое-то снотворное. Мы ничего не соображали, просто нам очень захотелось спать... и там больше некуда было лечь. Ну, отбрось все эмоции! Просто представь ситуацию. Мы, действительно, просто уснули, и всё!

— «Мы»... «нам»... — новая волна болючей обиды захлестнула Наташку, она задыхалась глубоко, судорожно, и, вскочив с пола, тут же взяла на руки проснувшуюся дочку, — Ты слишком часто произносишь эти слова! Но не по отношению к нам с тобой! Я не собираюсь тебя ни с кем делить, слышишь?! Не собираюсь! Я тебя отдаю!

— Я не вещь, чтобы меня отдавать, — он тоже устало поднялся и, подойдя к двери, ещё раз обернулся, — я сам решаю, с кем мне жить и кого любить.

— Я видела твоё решение ночью, — Наташа крепче прижала к себе хнычущую спростонья девочку.

— Моё решение — это вся моя жизнь в последние пять лет. Вот — моё решение, — он кивнул на неё и ребёнка, — а в соседней комнате спит другое моё решение.

— Твоё решение?! Твоё решение — там, в студии, на том диване... — Наташа отвернулась и, уткнувшись в тёплое детское тельце, снова всхлипнула, — Всё, Дима... всё... жить с тобой я не буду!..

— А я с тобой — буду.

Валерик спал на родительской постели, но, когда Дима присел рядом, тут же открыл свои синие глазёнки.

— Папа, — пробормотал мальш, — узе утло?

— Утро, — Дима улыбнулся сыну и потрепал его белую пушистую макушку, — встаём?

— Да. А мама приехала?

— Приехала. Она там, с Анечкой.

— Мама! — ребёнок тут же вскочил с постели и, резво топая, выбежал из спальни.

Откинувшись на подушку, Дима подложил под голову руки и закрыл глаза. Болела голова и всё ещё хотелось спать, но мысли не давали покоя — вспомнив про Нику, которую забрал Журавлёв, он никак не мог придумать, как правильно поступить. Она собиралась уехать только послезавтра, но ночное «приключение» ставило под угрозу всю их дальнейшую творческую деятельность. Первая песня была полностью записана, осталось только свести инструментальную часть и вокал. Со второй получилось лишь наполовину — они так и не сошлись в деталях, но и это не было большой бедой. Ника все эти дни жила у них с Наташей, здесь были её вещи, но пикантность возникшей ситуации требовала от всех максимального терпения и деликатности. За себя он был спокоен, за Нику — относительно, учитывая её свободный нрав, но Наташа...

По сути, ничего страшного не произошло, и, как бы ни сложились обстоятельства, Наташку можно и нужно было понять. Редкая женщина смогла бы вот так, как она, обойтись без громкого скандала, а Наташка смогла. И от этого было ещё тяжелее. Морозов ощущал перед ней свою вину. Вину за то, что не устоял перед перспективным, на первый взгляд, предложением от Ники Самойловой, довольно известной рок-певицы, о совместном творчестве. В результате же этого совместного творчества оказалось, что девушка слишком амбициозна и довольно далека от творческого процесса. То, что он вначале принял за Наташкину ревность, было ревностью лишь отчасти: Ника, действительно, не имела ни музыкального вкуса, ни особой одарённости в написании песен. Оставалось лишь догадываться, как она создавала все свои предыдущие, ставшие довольно популярными, композиции.

И, всё же, несмотря ни на что, Ника была их гостьей, и нужно было как-то мириться с её пребыванием в их доме и жизни, во всяком случае, до послезавтра. Дима понимал, что нужно всё спокойно обсудить с Наташкой. Но она сейчас слишком остро воспринимала всё, что касалось Никсы и её сотрудничества с Морозовым.

Ника, совершенно неожиданно, сама решила эту проблему. В тот же день она приехала к Морозовым вместе с Женькой и Миленой. Скрепя сердце, Наташа вышла к гостям...

— Я подумала, что вам нужно отдохнуть, — Милена приветливо улыбнулась, — вы, наверное, не спали? Я могу погулять с Аней и Валериком.

— Гулять! — услышав заветное слово, Валерка радостно выбежал в прихожую.

— Если только можно, — Наташа, и вправду, чувствовала себя полностью разбитой после бессонной ночи, — а я пока что-нибудь приготовлю. Потом пообедаем вместе.

Собрав детей, она отправила их с Миленой на улицу, а сама ушла на кухню. С Димой они больше не разговаривали, и приход гостей её даже обрадовал... Она старалась не смотреть на Нику, в душе удивляясь бесцеремонности, с которой та явилась в их дом. Закатывать скандал, тем более при посторонних, у Наташки не было ни сил, ни желания. Где-то в глубине души она чувствовала, что Димка говорит правду... Но лишь ту правду, которую он знает, вернее, помнит. А что там было на самом деле, если они, действительно, уснули под воздействием какого-то лекарства?.. Возможно, он просто не помнит всего, что было.

«Быть могло в с ё».

— Мне кажется, я тоже должна кое-что объяснить, — прервав её мысли, Ника вошла в кухню, — мы можем поговорить спокойно?

— Можем, — не глядя на неё, Наташа открыла морозильник и, достав оттуда мясо, поставила его в микроволновую печь. Появление Ники отозвалось внутренней дрожью.

— Ты ничего такого не думай, — та присела за стол, — у нас с Димой ничего нет. Там реально какая-то фигня произошла. Похоже на снотворное, при чём, доза была лошадиная. Скорее всего, оно было подмешано в нулёвку, которую мы с ним вдвоём выпили. Но вопросов больше, чем ответов. Пиво было Женькино. Он забыл его в аппаратной, а мы сильно захотели пить и выпили... Больше мы не пили ничего, поэтому вариантов нет. Так что на меня ничего плохого не думай. Мы уснули, просто потому, что уснули. Между нами ничего не было, стопудово.

— Ника... — Наташа медленно повернулась к ней, — Лично к тебе у меня претензий нет. Всё, что касается наших с Димой отношений, я буду обсуждать только с ним. И, если меня что-то будет тревожить, все вопросы будут только к нему. И ты зря не приехала утром. Тем более, раз ничего не произошло.

— А у тебя железные нервы, — глядя на Наташу, Ника покачала головой, — я бы так точно не смогла.

— Не смогла — что? — внутренняя дрожь предательски перешла в пальцы, и Наташка с силой сжала в руке картофелину.

— Вот так спокойно разговаривать. В волосы бы точно вцепилась...

— А за что? — карие глаза пристально смотрели на предполагаемую соперницу.

— Ну... — не ожидавшая такой постановки вопроса, девушка замялась, — За то!

— А разве было т о? — говоря спокойно и членораздельно, Наташа нарочно сделала ударение на последнее слово.

— Хм... — Ника снова усмехнулась и покрутила головой, — Т о г о не было.

— А за что тогда — в волосы?

Было похоже, что гостя несколько обескуражена. Она ожидала всего — ссоры, угроз, оскорблений, но вместо этого слышала лишь короткие и ёмкие фразы. Ответить она не успела — Морозов с Журавлёвым заглянули в кухню.

— Наташа, — обращаясь к жене, Дима говорил несколько настороженно, — нам нужно ехать в студию. Ты поедешь со мной?

— Нет, — в душе всё клокотало, но, сделав над собой усилие, она сохраняла внешнее спокойствие, — сегодня я никуда не поеду.

На самом деле ей хотелось крикнуть, что она вообще больше никогда и никуда не поедет с ним... и что он свободен, и может делать всё, что захочет... Но вместо этого она с трудом отвела от него полный боли взгляд и посмотрела на Женьку:

— Подождите немного, я сейчас приготовлю обед.

— Меня Ленка с утра обкормила! — тот похлопал себя по животу, — Так что, я пас, если только Диму и Нику накорми, я подожду.

— Милена и меня обкормила, — кивнула Ника, — так что и я — пас.

— Я лучше потом, — Морозов не сводил взгляда с жены, — вечером, хорошо? Наташ?..

— Хорошо, — еле сдерживая слёзы, Наташка отвернулась к плите, — как хочешь.

В аппаратной царил лёгкий беспорядок, но единственным предметом, который интересовал сейчас всех троих, была пивная бутылка. Она была практически пуста, но, слегка наклонив её, Дима с удовлетворением заметил на дне несколько капель напитка.

— Интересно, этого хватит для анализа? — он посмотрел бутылку на свет.

— Хватит, — Женька махнул рукой, — там и смыва со стенок хватит. А ты уже знаешь, где можно сделать анализ? И вообще, его можно сделать в частном порядке?

— Ира — заведующая аптекой, — Дима поставил бутылку на стол, — я Сашке звонил, он сказал, что она может устроить через знакомых в лаборатории. Вечером с ней самой поговорю.

Как будто услышав, что говорят о нём, в дверь неожиданно заглянул сам Говоров:

— Ну, чё, банда? В сборе? Димыч, я установку привёз. Кто самый смелый разгружать?

— Пошли, — Журавлёв охотно направился к выходу, но тут же оглянулся на Морозова, — ты не ходи, мы сами. А то ещё грохнешься с барабаном, тогда я точно от Наташки не отмажусь.

Дождавшись, пока парни уйдут, Ника присела на диван и закинула ногу на ногу.

— У твоей жены железные нервы, — исподлобья глядя на Морозова, усмехнулась она, — прикинь, она меня даже проституткой не обозвала.

— Ты с ней разговаривала?

— Ну, да. Вроде, как надо было.

— Если честно, в такой ситуации я ещё никогда не был. По-разному было, но, чтобы вот так...

— Да ладно тебе. Ничего же не было... — она снова бросила на него мимолётный взгляд, — А жаль...

— Что — жаль?

— Что ничего не было. Хоть не обидно было бы.

— Знаешь, я люблю свою жену.

— Так люби... Кто мешает? Любовь и секс — разные понятия.

— Разве? — впервые за утро Димка улыбнулся, — Для меня это одно и то же.

— Да ладно... — девушка махнула рукой, — Любовь это одно. А физическая потребность — совсем другая категория.

— Когда ты один — возможно. Я — не один.

— А я одна... — она с сожалением вздохнула, — И, если честно, у меня уже давно не было мужика.

— Прости, но ничем не могу помочь, — снова улыбнулся Морозов.

— Принципы? — усмехнулась Ника.

— Нет. Я так устроен.

— А жаль, — повторила она, — мог бы быть классный пиар-ход.

— В смысле?

— Прикинь... Если бы мы вчера с тобой переспали по-настоящему, а потом Наташа устроила бы настоящий скандал... У меня есть знакомые журналюги, они бы не отказались от такого материала. «Известная рок-звезда увела полуизвестную рок-звезду у законной жены»... И всё это — на новостной шоу-бизнесовской ленте... «Всё произошло во время работы над новым альбомом...» Ты представляешь, какой интерес был бы потом к этому альбому? Твоё имя рядом с моим... «Ночной патруль» — на языке у всех рокеров страны... Как тебе фейк?

— Никак. Прости, но я музыкант... Занимаюсь только творчеством, и именем своим не торгую.

— А тебе пока и торговать нечем, — Ника насмешливо скривила губы, — твоё имя не той громкости, которую ты заслуживаешь. Скандал был бы вокруг моего имени, а ты со своими «патрулями» шёл бы уже прицепом.

— Прости, но семья мне дороже, чем самое громкое имя.

— Я не призываю тебя бросить семью! Главное — скандал. А он, по сути, уже есть. Его только нужно подразжечь... А?

— Не получится.

— Ну, и дурак. Такая возможность... Подумай. А с Наташей я бы сама поговорила. Это был бы всего лишь пиар-ход.

— Не вздумай. Ей и так тяжело.

— Да ты понимаешь, что только так зарабатывается настоящее бабло?! Кроме этого — ты выходишь на главные подмостки страны! Ты же сам знаешь, как это всё делается! Лично мне без разницы. Я этот сценарий могу с кем угодно обыграть, мне по любому будет на пользу... Но тебе такая возможность уже вряд ли представится! Ну, если только к тебе случайно Юта не заедет по пути на гастроли по Соединённым Штатам...

— Нет, это даже не обсуждается.

— Ну, и зря, — она обиженно улыбнулась уголком губ, — тебе и твои парни спасибо сказали бы.

— Нет, Ника... прости, но...

— Ну, и дурак.

* * *

Наташа с Миленой вот уже второй час сидели за столом. Кофе в чашках давно остыл, пирожные лежали нетронутыми, и только Валерка то и дело забегал на кухню, многозначительно поглядывая на лакомства, пока Наташа не отправила его спать после обеда.

— Он такой сладкоежка, — улыбаясь, она вернулась за стол, — приходится всё время следить, а то он готов слопать всё, что на столе лежит.

— Да, я заметила, — Милена улыбнулась в ответ, — по-моему, он этим похож на папу.

— Да, Дима любит сладкое, — улыбка сползла с лица, и Наташка снова чуть не разревелась, вспомнив про мужа.

— Всё будет хорошо, — заметив её состояние, Милена положила свою ладонь на

Наташкину руку, — так получилось, что я всё знаю... По-моему, Дима не обманывает. Они, действительно, случайно попали в эту ситуацию.

— Я не знаю. Понимаете, он никогда меня не обманывал... Я была в нём так уверена... — Наташа почувствовала острую потребность с кем-то поделиться своим горем, и Милена была именно тем человеком, которому можно было доверить свои горести, — Дима — видный мужчина, у него всегда было много поклонниц. За него девчонки дрались... Но он такого склада, что, если любит, то больше ни на кого не обращает внимания... Так было всегда. А теперь я не знаю, что мне думать. Или я его не знала... Или... Или просто он меня разлюбил.

— Наташа, — Милена снова улыбнулась, — вы же сами себе не верите... Дима вас, действительно, любит. Просто... я, конечно, знаю вас недавно, и могу ошибаться... Но, мне кажется, он очень доверчивый.

— Да... Со стороны можно подумать, что у него слишком большие амбиции и жажда славы. Он постоянно весь в идеях! Но это — только его желание реализовать себя. Он очень талантливый, творческий человек, понимаете? И уже не раз попадал в ситуации, когда кто-то пользовался его талантом. А он снова с дорогой душой... Я ведь сама люблю его больше жизни. А теперь... Я не знаю, как мне жить дальше. У меня всё время перед глазами та картина... И сомнения... Я не знаю...

— Когда-то я не простила настоящую измену, — опустив голову, Милена вздохнула, — и жалела потом много лет... Эти годы для меня потеряны напрасно... Я могла бы жить с любимым человеком, у нас были бы уже дети... Сейчас приходится всё начинать заново.

— Что мне делать?.. — уронив голову в ладони, Наташка уже в который раз за день расплакалась.

— Наверное, нужно поспать, — Милена встала из-за стола, — вы идите, а я побуду с детьми. Тем более, они тоже спят.

Примерно через час Журавлёв привёз Димку и забрал Милену с Никой — та собрала свои вещи и уехала в гостиницу, несмотря на уговоры остаться либо у Морозовых, либо у Журавлёва. Проводив гостей, Дима тихонько прошёл в спальню. Наташа всё ещё спала и, присев рядом, он долго смотрел на неё, снова борясь с желанием сжать её в объятиях...

Но он только молча сидел рядом и смотрел, как она спит — такая родная и такая любимая...

Весь следующий день Алиса просидела в своём агентстве, как мышка, боясь высунуться. Расследование, которое затеял Дима, вскоре стало достоянием гласности всей «Творческой деревни». Несмотря на то, что открыто никому ничего не сообщалось, информация всё же вышла за пределы студии звукозаписи — Рулёву пришлось рассказать, как он ходил за пивом в соседний магазин, сколько купил бутылок и кому их отдал. Узнав о том, что вместо Журавлёва снотворное попало самому Димке и знаменитой Нике Самойловой, Алиса испытала настоящий страх. Этого она совершенно не хотела, и теперь тревожно ожидала результатов расследования, узнавая все новости через Пашку, который и сам пребывал в недоумении. Получалось, что пиво покупал он, злополучную бутылку открывал Журавлёв, а выпили её Морозов и Ника. Мало того, из обрывков фраз, которыми обменивались Дима с Женькой, вскоре стало ясно, что Морозов уснул вместе со своей знаменитой гостьей и поэтому не встретил жену, и, что ещё хуже, Наташа «застукала» их в аппаратной.

Из всего этого следовало, что на кон поставлено семейное счастье, и Морозов не успокоится, пока не докопается до истины — кто же, на самом деле, подсыпал в пиво лошадиную дозу снотворного и зачем.

От того же Пашки Алиса узнала, что Дима собирается отдать бутылку с остатками пива на анализ, и уже почти договорился с работником лаборатории. Всё было бы ничего, и, даже получив результат экспертизы, было очень сложно восстановить картину позавчерашнего вечера — в репетиционной было достаточно народу, и бутылку трогали несколько человек, и доказать, кто именно был виновником произошедшего, было крайне сложно. Если бы не одно обстоятельство...

Снотворное Алиса купила ещё зимой, когда только вынашивала план мести Журавлёву. Идея пришла ей в голову, когда они вместе с Анной Сергеевной смотрели фильм о частном детективе. Сюжет с уснувшим клиентом, которого «подставила» бывшая любовница, запал ей в голову, и буквально на следующий день девушка, проходя мимо аптеки, решила туда заглянуть. Это был единственный препарат, который продавался без рецепта, и был в жидком виде. Такие препараты есть почти в каждой аптеке, и покупает их масса народа — попробуй, вспомни, кто и когда покупал лекарство. Но, не продумав все детали, Алиса расплатилась с помощью банковской карты... Она плохо представляла себе процесс расследования, да и Морозов пока не подавал официального заявления и не обращался к частным детективам, но она реально испугалась — в истории операций с картой остался код товара и номер аптеки, где была сделана покупка. При большом желании опытному следователю не составило бы труда выйти на неё, как подозреваемую...

Теперь же, сидя у себя в кабинете, она лихорадочно соображала, как избежать возможного разоблачения. Единственным способом прекратить расследование было уничтожить главную и единственную улику — ту самую бутылку с остатками «сонного» пива... Так думала Алиса. Пузырёк из-под снотворного и пустую бутылку, которую выпил Журавлёв, она выбросила в тот же вечер, в урну возле Пашкиного дома, воспользовавшись тем, что он покупал в киоске сигареты. А вот с бутылкой, в которой, на самом деле, оказалось снотворное, получилась засада — она находилась в аппаратной, и стащить её оттуда не было никакой возможности: уходя, Дима всегда закрывал дверь. Из разговора она узнала, что он должен увезти бутылку в лабораторию через два дня. И за эти два дня нужно

было срочно что-то придумать.

План созрел быстро, и в надежде, что его удастся осуществить, вечером, по пути домой, она купила точно такую же бутылку «Великопоповецкого Козела».

— Алисонька, — Анна Сергеевна вышла навстречу племяннице, — зайди, пожалуйста, к Наташе, отдай таблетки, а то она что-то приболела сегодня. А у меня мясо в духовке, боюсь, подгорит.

Взяв протянутую упаковку таблеток, Алиса поставила сумку на тумбочку тут же вышла из квартиры.

— Ты что, заболела? — озабоченно взглянув на открывшую ей дверь Наташу, она тут же проследовала в гостиную, — Анна Сергеевна лекарство передала.

— Спасибо, — кивнула Наташа, — ужинать со мной будешь?

— С тобой? А Димка?

— Димы ещё нет, — Наташка упомянула мужа довольно сдержанно, — не знаю, когда придёт.

— А, точно... — сделав вид, что о чём-то вспомнила, Алиса слегка нахмурила брови, — Он же поехал к Нике в гостиницу, ещё после обеда.

— Да? — как можно равнодушнее спросила Наташа.

— Да, около пяти часов... — Алиса исподтишка следила за её реакцией на свои слова, — Разве он тебе не звонил?

— Нет.

— А когда она уезжает? Может, он её провожать поехал?

— Она уезжает завтра, — Наташа нарочно отвернулась, чтобы Алиса не заметила выражения её лица.

— Да?.. А я почему-то думала, что сегодня... Слушай, а почему она от вас в гостиницу переехала? — девушка изобразила крайнее недоумение, — Наверное, не хотела стеснять? Да?..

— Я не знаю. Она сама так решила, — пожав плечами, Наташа достала тарелки и поставила их на стол, — присаживайся, а я Валеру позову.

Валерик в детской играл с Анечкой, забравшись в манеж, и Наташа грустно улыбнулась, глядя на родные мордашки. Приехав с гастролей, она ещё ни разу не была в студии. После вчерашнего разговора с Димкой она почувствовала уже привычный жар — как всегда, в сложных ситуациях, поднялась температура. Но не только поэтому она осталась дома. Почему-то ей казалось, что вся студия уже знает о том, что произошло между Никой и её мужем... Ехать туда было тяжело, тем более, с Димкой она почти не общалась, и он, видя её состояние, больше разговорами не донимал.

Она не знала, что сегодня он уехал в гостиницу к Нике... Если бы не Алиса...

«Интересно, сказал был он об этом сам, или нет?»

Она уже выходила из детской с Анечкой на руках, когда услышала, как в двери поворачивается ключ.

— Привет! — Дима кивнул ей с порога и, улыбаясь, подошёл и поцеловал дочку.

— Привет, — увидев отца, Аня замахала ручками и что-то залопотала, и Наташа задержалась на минутку, стараясь не смотреть на него.

— А я есть хочу, — Морозов виновато улыбнулся жене, — накормишь?

— Накормлю, — он хотел её обнять, но она ловко увернулась от его рук и губ, — иди, руки мой.

— А, между прочим, вот здесь — он показал ей на принесённый с собой пакет, — моё алиби.

— Какое? — Наташа чуть насмешливо улыбнулась уголком губ.

— Та самая бутылка, из которой мы пили то самое пиво. Завтра я увезу её в лабораторию, и мне скажут, что там было подмешано.

— Это ничего не изменит.

— Почему?

— Я так решила.

— А я приглашу тебя в ресторан... На романтический ужин.

— Мне некогда ходить по ресторанам. У меня дети.

— Ах, вот как!.. — он снова попытался её обнять, и в этот раз Наташка сопротивлялась намного слабее, — Значит, по ночным клубам у тебя есть время ходить... А в ресторан с любимым мужчиной — нет?..

— У меня нет любимого мужчины, — одной рукой было неловко отбиваться, и она, улучив момент, чуть присела и выскользнула из его объятий, — и по ночным клубам я не хожу, я там работаю. Кстати, во сколько Ника завтра уезжает?

— Самолёт в восемь утра. А что?

— Я поеду с тобой её провожать. Ты же поедешь её провожать?

— Хорошо, поедем. Кстати, я только что бы у неё в гостинице. Она не приезжала в студию, а мне нужно было уточнить кое-какие детали.

— Уточнил? — несмотря на то, что она немного успокоилась, Наташка вдруг ощутила, как глаза предательски наполняются слезами.

— Уточнил, — кивнул Дима, — всё нормально. Следующую песню будем писать, когда мы вернёмся из Германии. Сейчас ни времени, ни сил уже не осталось.

— Я за вас рада, — Наташа резко повернулась и шагнула в сторону кухни, но на пороге снова обернулась, — и я пошутила насчёт завтра. Я не поеду её провожать.

— Почему? — Морозов растерянно смотрел на жену, — Ты же сама захотела...

— Расхотела. Передашь ей от меня привет. Утром мне некуда девать детей.

Алиса чутко прислушивалась к разговору супругов, и, когда Наташа с Анечкой вошла в кухню, тут же вскочила со стула.

— Давай, я тебе помогу, — протянув руки к ребёнку, Алиса заулыбалась, — ах ты, папина доча!

— Нет! — вбегая в кухню, Валерка крикнул с порога заученную фразу. — Это я папин, а Анечка — мамина! Только глазки синие!

Накрыв на стол, Наташа позвонила свекрови и пригласила их с Александром Ивановичем на ужин. Отказываться те не стали и вскоре уже открывали дверь. Воспользовавшись суматохой, Алиса под каким-то незначительным предлогом снова

убежала в квартиру Морозовых-старших и, достав купленную бутылку пива, вылила содержимое в раковину. Вернувшись в Димкину квартиру, она тихонько открыла принесённый им пакет и поменяла бутылки, предварительно протерев свою носовым платком...

— Алиса, иди скорее, по музканалу Димин клип показывают! — услышав, как хлопнула дверь, крикнула Анна Сергеевна.

Уйти, чтобы унести свой «трофей», Алиса уже не могла, и, наскоро засунув его в угол шкафа в прихожей, поспешила на зов тётушки.

— Класс! — глядя в экран настенного небольшого телевизора, Алиса показала большой палец, — Я этого клипа ещё не видела. Когда это вы снимали?

— Этому клипу уже почти пять лет, — Димка нехотя посмотрел на экран, — это самый первый клип «Ночного патруля».

— А как песня называется? — проявляла интерес Алиса.

— «Не моя», — Дима осторожно перевёл взгляд на Наташку.

— Мы его в Москве снимали, — та невозмутимо подала голос, — специально ездили в студию звукозаписи, жили там целых пять дней.

— И ты ездила? — обернулась к ней Алиса, — Я тебя тут не вижу... А кто это с Димой? Артистка какая-нибудь, да?

— А меня там не видно, — Наташка старательно делала вид, что любит происходящим в телевизоре действием, — меня там только слышно. Бэк-вокал — моё всё.

— Ой, а Мазурик какой смешной! — глядя на Витькины развевающиеся белёсые кудри, Алиса весело рассмеялась, — А где Вадим?

— Ни Женьки, ни Вадика ещё не было, — Наташа продолжала пояснения, — здесь ещё Никита Белов на соло-гитаре играет. Он потом ушёл, Вадик вместо него.

— А кто эта девушка? — повторила свой вопрос Алиса, — Она мне кого-то напоминает...

— А это Кристина Лапина. Бывшая невеста Димы.

Задавая эти вопросы, Алиса явно лукавила. Она давно, ещё у себя дома, нашла и посмотрела все клипы с участием «Ночного патруля», в том числе и этот. Единственное, чего она не знала тогда — что за девушка снялась в главной роли вместе с Димкой...

— Какая я дура... — притворно посетовала Алиса, вернувшись вместе с Морозовыми-старшими в их квартиру, — И надо же мне было спросить, кто это!

— Ты ни при чём, — Анна Сергеевна замотала головой, — это я не подумала... Нужно было молча пропустить, но я всегда так радуюсь, когда Диму или Наташу показывают по телевизору!.. Это же ведь только по нашему, местному каналу идёт... Я хотела, чтобы ты тоже посмотрела, но забыла, что там Кристина снималась... Хорошо, что Наташа не обидчивая.

— А как же так... Наташа и Кристина — они что, вместе ездили? А с кем тогда Дима был?..

— Дима был уже с Наташей. Он сделал ей предложение перед самой поездкой. Но спонсором клипа был отец Кристины... И он хотел, чтобы она снялась в главной роли. Вот

так и получилось... Но Наташа очень умная девочка. Она всё поняла правильно.

— Да... — Алиса покачала головой, — Лапина... Лапина... Фамилия как у моего дяди...

— Знаешь, Алисонька... — Анна Сергеевна вздохнула и пристально посмотрела на племянницу, — Я не знала, нужно ли тебе говорить... Но теперь я тебя знаю, и знаю, что ты тоже очень умная и понятливая девочка. Дело в том, что отец Кристины — и есть Леонид Борисович Лапин. Твой родной дядя.

— Да вы что?! — Алиса вытаращила на Морозову свои зелёные глаза, — Значит, эта девушка — моя двоюродная сестра?!

— Да, — кивнула Анна Сергеевна, — Кристина — твоя двоюродная сестра. И бывшая Димины невеста.

— Как тесен мир... — Алиса чуть улыбнулась уголками губ, — А мне ни Дима, ни Наташа не говорили...

— Дима не знает всех семейных подробностей... Мужчины редко этим интересуются. Знает Наташа... Я всё ей рассказала, когда ты приехала к нам. Но она не будет поднимать эту тему, и ты должна её понять... У них с Димой всё было непросто, и многое было связано именно с Кристиной. Диме пришлось работать в её продюсерском центре, когда они поженились с Наташей.

— Ах, вот оно что!.. — «догадалась» Алиса, — Вот о какой Кристине иногда вспоминают ребята. Теперь я понимаю...

— И, пожалуйста, не говори Наташе о нашем с тобой разговоре. Мне сегодня показалось, что они поссорились с Димой...

— Ни за что на свете! — приложив руку к груди, торжественно заверила девушка, — А, кстати, где сейчас эта Кристина?

— Точно не знаю... Но, кажется, в Москве. Она закрыла свой продюсерский центр и уехала около трёх лет назад. Мы как-то виделись с бывшей женой Леонида, мамой Кристины, и она сказала, что Леонид купил ей квартиру в Москве.

— Ну, и пусть они живут в своих «москвах»... — Алиса почему-то радостно повисла у Анны на шее, — А нам и здесь неплохо, правда?

— Правда, моя золотая! — Анна в ответ обняла племянницу, — Нам и здесь хорошо, тем более, когда у нас такие замечательные дети!

Пол ночи Алиса не могла уснуть. Этому мешали две причины. Первой причиной были несметные, по её понятиям, богатства её родного дяди, Леонида Лапина, в наличии которых она ещё раз убедилась, увидев дорогой клип, который на его деньги сняли «патрули», и узнав о том, с какой лёгкостью он купил квартиру дочери в Москве. «А в нас что-то есть общее», — глядя на себя в зеркало, Алиса вспомнила Кристину Лапину, мелькавшую в музыкальном клипе в Димкиных объятиях.

Вторая причина была не такой волнительной, но более важной на сегодняшний день: пустая бутылка из-под пива, которую она поменяла, и которую ей так и не удалось сегодня забрать с собой — после ужина все сразу вывалились в прихожую, и открыть шкаф не представлялось никакой возможности.

«Завтра как-нибудь заберу», — передумав все варианты похищения, она под самое утро всё же провалилась в глубокий сон...

Дима мрачно зарулил на стоянку перед домом и заглушил двигатель. Не торопясь выходить, открыл «бардачок» и, порывшись, достал пачку сигарет. Курил он крайне редко, «по случаю», и вот такой случай был налицо. Анализ остатков содержимого бутылки из-под «Великопоповецкого Козела» не показал абсолютно ничего.

«Сколько я должен?» — ничего не понимая, он поднял глаза на девушку, проводившую анализ.

«Да ничего не должны, — та игриво улыбнулась, — если только автограф».

«Тогда вот так, и без возражений», — несмотря на её протест, он всё же вернулся через полчаса с несколькими коробками конфет и шампанским.

Всю дорогу он ломал голову — как могло выйти, что в пиве, от которого они уснули убойным сном, не оказалось никаких примесей?.. Отчего тогда они с Никой отключились на несколько часов? Надежда на алиби растаяла как дым — он обречённо поднимался в квартиру, где его ожидало нелёгкое объяснение с женой. Наташа ни на какие попытки к примирению не отвечала, более того, она ушла «жить» в детскую, и спала на диване Милены. В студию с ним она тоже больше не ездила, ссылаясь на то, что ей там нечего делать, и что, отработав заявленные концерты, она уйдёт со сцены и вообще — из его жизни... Зная её характер, он ждал, что она «отойдёт», тем более, узнав о результатах анализа. А вот теперь...

— Наташа... — он тяжело уселся рядом с ней, — Ты будешь смеяться, но в пиве ничего не обнаружили.

— А разве могло быть иначе? — она горько улыбнулась, — Дим... было бы намного лучше, если бы ты рассказал мне всю правду. Во всяком случае, было бы честно.

— Я ничего не понимаю... Понимаешь?! Ни-че-го!

— А вы курили что-нибудь? — она пристально посмотрела на него, — Я знаю, что Ника — наркоманка.

— Я ничего не курил. И я не знаю, наркоманка она или нет. При мне она не курила и не кололась.

— Она курит траву. Я видела...

— Но я-то не курю!

— Дима, я не знаю, как распутывать клубки и разгадывать твои загадки. Тебе интересен этот проект с Никой Самойловой — воплощай его в жизнь! Сколько вы будете писать этот альбом? Полгода?.. Год?.. Сколько треков? Десять? Вам предстоит тесное сотрудничество. Удачи! А я не хочу больше переживать. Вам будет нужен мощный пиар? Делайте, но только без меня. Я не хочу быть разменной монетой.

— Что ты имеешь в виду? — он удивлённо повернулся к ней, — Какой разменной монетой?

— А вот такой, — Наташка встала и, подойдя к компьютеру, пошевелила мышкой — заставка исчезла и на мониторе появилась новостная страничка, — почитай, если ты ещё не в курсе. Опубликовано полчаса назад.

Он присел за стол и уставился на монитор. Статья Кронского на городском новостном портале была поистине убийственной...

«Сенсациями в наше время никого не удивишь, — писал скандальный журналист, — но то, что в нашем городе почти неделю жила знаменитая Niksa, или Ника Самойлова, это не сенсация. Это — тщательно скрываемый факт, и, если бы не некоторые пикантные обстоятельства, мы с вами, дорогие почитатели таланта рок-звезды, возможно, никогда бы об этом не узнали. Но начнём по порядку. О её приезде мне сообщил один очень достоверный источник ещё несколько дней назад, но встретиться с ней не представлялось никакой возможности, и вот почему. Ника Самойлова приехала сюда не просто так. Некоторое время назад она случайно встретила в Москве с нашим чуть менее знаменитым земляком — певцом, музыкантом, лидером группы «Ночной патруль», Дмитрием Морозовым. Говорят, что решение записать общий альбом было обоюдным, и Дима пригласил Нику в наш город. Скромность столичной звезды не позволила ей обозначить свой приезд, более того, она, из опасений быть узнанной, не захотела снимать номер в гостинице, а приняла приглашение Морозова пожить у него дома, где, собственно, и протекал творческий процесс. Музыканты — люди одарённые, с трепетными, романтическими натурами, и им, чтобы создавать свои музыкальные шедевры, просто необходимо быть на одной волне. Видимо, такая волна и захлестнула Дмитрия и Нику... Банальный любовный треугольник стал камнем преткновения для творческого, и не только, союза. Супруга Дмитрия, Наталья Морозова — известная в нашем городе исполнительница его песен, естественно, такого потерпеть не могла. Всё тот же источник сообщает по секрету, что эта история, похоже, имеет под собой все основания, и доказательство тому — срочный и неожиданный переезд Ники в гостиницу, где, собственно, мы с ней и встретились в последний вечер её пребывания в нашем городе. Говоря откровенно, сначала девушка неохотно делилась со мной возникшими проблемами, но, узнав, с какого я канала, дала эксклюзивное интервью. Прямо не упоминая о своих отношениях с Морозовым, она лишь посетовала, что дальнейшая работа над альбомом теперь под большим вопросом.

«Можно ли узнать причину?» — спросил я.

«Причина стара как мир: у неё три угла и три стороны, — многозначительно ответила рок-звезда и обаятельно улыбнулась, — и даже этот, самый грандиозный в моей жизни проект не заставит меня быть помехой чужому счастью».

Можно только восхититься благородством, совершенно не присущим другим звёздам нашего шоу-бизнеса. Но, мне кажется, точку в этой истории ставить рано, как и рано хоронить такой интересный музыкальный проект... Ведь, несмотря ни на какие препятствия, некто, очень похожий на Дмитрия Морозова был замечен входящим в номер, который снимала Ника...»

— Что за бред?! — прочитав весь материал, Дима обернулся к жене, — Я понятия не имею, как эти сплетни попали к Кронскому. Я даже не знаю, был ли он у Ники на самом деле? Она мне ничего не говорила.

— А ты позвони?.. — Наташа насмешливо улыбнулась, — Узнаешь.

— Позвоню, конечно, — он растерянно перечитывал статью, — нет, ну, что за бред?! И

кто это — достоверный источник?

— А какая разница? — голос её дрогнул, — Ведь это же — правда?

— Я сейчас поеду и набью этому Кронскому морду, — Димка решительно встал из-за стола, — вот это и будет — правда.

— А это будет ещё один пиар-ход? Тогда он напишет вторую статью: «Любовь к известной рок-звезде довела до тюрьмы». А потом третью: «Ника Самойлова ездит к любимому на свидания и там они пишут свои песни»... Да, Дима?

— Я не шучу! — он обернулся в дверях, — Я поехал бить морду Кронскому.

— Ты куда?! — метнувшись за ним, Наташа остановила его уже возле дверей.

— Я сказал, — он вырвал свою руку, в которую она вцепилась, — мне уже надоела эта загадочная история.

— Попробуй только выйди, — она загородила собой входную дверь, — слышишь?

— Слышу. Аня плачет.

— Вот пойд и возьми её.

— Хорошо... — он нехотя прошёл в детскую и взял на руки плачущую девочку, — Привет, моя маленькая принцесса...

— Прежде чем сделать очередную глупость, вспомни о них... — войдя следом, Наташа кивнула сначала на Анечку, потом на Валерика, который возился на полу с яркими кубиками, — А так же о том, что сегодня пятница, и у тебя концерт. И уже пора собираться.

— Ты всё-таки за меня переживаешь? — радостно улыбнулся Морозов, — Наташка?

— Я переживаю за детей. Они всё равно — твои... — она отвернулась от него, но вновь дрогнувший голос выдал её волнение, — Как бы мы с тобой ни жили дальше, но ты — их отец. Я в любом случае хочу, чтобы они тобой гордились, а не слушали анекдоты, как их папа бил морду какому-то придурку... тем более, за чужую тётю.

— Не за тётю... — он подошёл ближе и, обхватив её одной рукой, прижался губами к макушке, — А за их маму.

— Но ведь напишут — за тётю... — Наташка обернулась и посмотрела на него полными горечи глазами, — Дима... ты можешь любить кого угодно... Жить с кем угодно... Спать с кем угодно... Но для них ты должен быть святым. Понимаешь?! Они только тогда будут чувствовать себя счастливыми, когда будут знать, что их папа — самый лучший... Даже если он живёт отдельно. Понимаешь?!

— Они только тогда будут счастливыми, когда мы будем жить вместе и перестанем ссориться... — он пытливо вглядывался в её глаза, — Наташа...

— Мы не будем жить вместе, — отчеканила Наташка, — а ссориться... Я согласна. Ссориться мы больше не будем. Мы расстанемся, но тихо. Сразу после гастролей по Германии.

— Тогда гастролей не будет, — он сунул ей в руки дочь и стремительно прошёл в прихожую.

— Почему?! — Наташа выскочила следом.

— Потому, что я сейчас набью морду Кронскому и получу месяц ареста.

— А я всё равно уйду от тебя! — в отчаянии крикнула она в закрывающуюся дверь.

— Ты будешь носить мне передачи! — донеслось до неё с лестницы.

Приехавшая через час Милена застала Наташку в слезах. Журавлёв, который тоже поднялся в квартиру, с удивлением выслушал всё, что она им рассказала, и прочитал статью

на новостном канале.

— А где он сейчас? — имея в виду Морозова, спросил Женька.

— Не знаю... Он отключил телефон, — шмыгнув носом, Наташа вытерла щёки.

— Вот так и бывает, когда мужиков бросают, — Журавлёв многозначительно посмотрел на неё, — ты же его бросила? Бросила. И чего теперь ревёшь?

— А вдруг с ним что-то случилось?! Вдруг, он и вправду этому дураку морду поехал бить?! Его же посадят!

— Всё может быть... — Женька философски наморщил лоб и прищурил свои светлоглазые глаза, — Но и в этом можно найти положительные стороны.

— Какие?! — хором спросили Милена и Наташа.

— Научится писать тюремный шансон. Это сейчас модно!

— По-моему, вам с Димычем нужно купить один коттедж на две семьи, — увидев Журавлёва вместе с Наташкой в гримёрке ночного клуба, Сашка заржал, — ну, никак не расстаетесь в последнее время.

— Лучше пистолет и застрелиться, — усмехнулся в ответ Женька, — я с ними и так скоро с ума сойду.

— Женья, — девушка из персонала заглянула в гримёрку и, поискав глазами, остановилась на Журавлёве, — там тебя какой-то парень спрашивает. У нас вызывать, вообще-то не принято, но он уже всех задолбал. Выйди, а?

— Кто там ещё?.. — Женька нехотя двинулся на выход.

Оставшись вдвоём с Говоровым, Наташа подняла на него тревожный взгляд:

— Тебе Димка не звонил?

— Дима? — тот удивлённо уставился на неё, — Так он здесь. Вы что, потерялись?

— Здесь?! — она метнулась к дверям, — Где?

— Он давно здесь. Они с Витькой и Вадиком в зале, клуб на новые комбики разорился, вот, устанавливают. Подожди, — Сашка остановил её жестом, — Наташка, ты не бузи насчёт Димы. Я читал эту статью этого чудака на известную букву. Всё ерунда, при чём, полная. У Димы с Никой ничего не было. Я не успокаиваю, это так.

— Саша, я сама разберусь.

— Я уже вижу, как ты разбираешься. Димыч аж за два часа до начала примчался... Сказал, что ты сегодня выступить отказалась.

— Он сказал, что поехал бить морду Кронскому, — вздохнув, Наташа присела на стул, — А что я должна делать, Саш? Он снова нашёл себе проблему. Неужели с самого начала не было понятно, что в предложении Ники есть какая-то подоплёка? Она из топов не вылезала, из эфиров, с центральных площадок... И вдруг — ни с того, ни с сего предложение группе «Ночной патруль»? Да с какого перепугу? Ей что, гонорары захотелось с кем-нибудь делить?

— Я в теме, Наташа... — Сашка присел рядом, — И я сразу ему сказал свою персональную ноту «фи»... Но Дима, если упрётся, его с места танком не сдвинешь. Загорелся идеей.

— Вот именно, идеей... — Наташка пристально разглядывала маникюр на пальчиках, — Он только и живёт этими идеями. Хочет объять необъятное... Если бы мы вместе не работали, я его вообще бы не видела. Ну, ладно, «деревня», это была его мечта, он её осуществил... Рок-оперу задумал написать. Всё это — его. Я готова вместе с ним сутками от инструмента не отходить! Но совместный проект с Никой... Меня сразу многое насторожило. Только не говори, что я ревную.

— А чего говорить, — Сашка весело покосился на неё, — я и сам знаю, что ревнуешь.

— Я не ревную... — Наташа медленно повернула голову, — Если ещё раз скажешь, что я ревную... я тебя огрею чем-нибудь.

— Ну, ладно, ладно, — он примирительно поднял обе ладони, — не ревнуешь... И ты права. Есть такая инфа, что эта самая Ника лишилась поддержки очень богатого спонсора. И, как следствие — её коллектив сразу дружно отвалил. Её можно было бы записать в

жертвы, если бы не одно но... Насколько я понял, песни, которые она выдавала за свои, писал кто-то другой. Скорее всего, кто-то из её парней, с которыми она работала. Видимо, что-то отстёгивала за присвоение авторства. Как только отстёгивать стало нечего — и автора не стало. Вот тебе и подоплёка... А тут Дима подворачивается как красное солнышко. А кто ещё с ней будет теперь работать? Вокал — да, мощный вокал... Но и всё! Предложений, видимо, ни от кого не поступало. Да и не поступит — она же позиционирует себя как суперзвезду, кто же покусится?.. Спонсоров новых нет. Была бы у неё внешность, как у тебя, сразу бы нашлись. Но и с этим не свезло. В общем, понять её можно. Нужно второе рождение на пустом месте, пока ещё имя не стёрлось из памяти рок-меломанов. Лучше всего примазаться к какой-нибудь группе. Но супер-группам она нахрен не нужна. Совсем неизвестные — ей нахрен не нужны. Вот и остаётся — к таким, как мы. С ограниченной, но довольно широкой популярностью. Чтобы было не стыдно на сцену выйти, а потом ещё и упрекнуть, типа «я вас из грязи вытащила»...

— Ты озвучил мои мысли, — усмехнулась Наташа, — я сразу так и поняла. Я знаю, что у Димки к ней ничего нет, иначе бы я почувствовала. Но этот случайный скандал — он сыграл на неё... и против меня. Мало того, что я всё сама увидела... Меня ещё и выставили на всеобщее обозрение, как брошенную жену. А в следующей статье напишут, как я выгоняла её из дома.

— Да ладно тебе париться, Наташа... лучше привыкай. Ещё не то напишут. А нам любой пиар на пользу.

— А я не хочу, — Наташа резко встала и, пройдя несколько шагов, обернулась к Говорову, — Я не хочу так, понимаешь?! Мы с Димкой работаем день и ночь, в буквальном смысле! Мы выкладываемся полностью, мы не халтурим, поём вживую... Мы даже за столом... да что там за столом — мы даже ночью говорим только о своих проектах; у нас дома — бесконечные распевки, репетиции, и плюс ещё двое маленьких детей... Мы не отказываемся ни от одного выступления, хоть в маленьком клубе, хоть на корпоративе, хоть на большой площадке, не набиваем себе цену! Да, мы очень продвинулись в последнее время. Только, чем выше, тем ступеньки всё круче. И уже оказывается, что мало просто работать, заниматься творчеством! Оказывается, нужны скандалы, перемывание костей и грязное бельё — напоказ... И всё лишь для того, чтобы вскарабкаться ещё на одну ступеньку вверх. Я знаю, что ты скажешь! Что это — закон шоу-бизнеса, и я всегда об этом знала. Да, знала. Но т а к я не хочу!

Ответить он не успел: буквально влетев в дверь, запыхавшаяся Мара вытаращила на них глаза:

— Скорее! Там, у входа, Журавлёв с какими-то мужиками дерётся!

* * *

Картина, которая предстала перед глазами Говорова, была, что называется, маслом: на заднем дворе клуба, у служебного входа, куда он прибежал вслед за Марой, Журавлёв энергично отмахивался от двух нападавших на него парней. Несмотря на то, что численный перевес был не на его стороне, держался он великолепно, успевая отбиваться от соперников

и не позволяя им повалить себя на землю. Сашка подоспел как раз в тот момент, когда один из них, запрыгнув на Женькину спину, обхватил того за шею. Из всех сил пытаюсь разжать его руки, Журавлёв одновременно работал длинными ногами, не подпуская к себе второго нападавшего.

— Вы чё, бля!.. — Говоров с ходу врезался в драку.

— Ну, ссук-ка... — получив удар в пах, второй согнулся от боли и схватился руками за ушибленное место, — Падла-а-а-а!..

— Ща и ты встанешь буквой «зю»... — Сашка переключился на первого, всё ещё висевшего на спине Журавлёва, — Иди сюда, родной!..

Наташа, которая выбежала вслед за Говоровым, уже хотела повернуть назад, чтобы позвать остальных ребят, но тут же замерла, заметив, как второй, с трудом распрямившись, вынул из кармана небольшой, продолговатый предмет... Она не услышала щелчка, но увидела, как в свете уличного фонаря сверкнуло что-то металлическое...

— Женька!.. — она даже не подумала, как сможет защитить стоявшего спиной Журавлёва... всё произошло, скорее, инстинктивно: бросившись наперерез хулигану, она в последний момент встала как вкопанная — в его руке, и в самом деле, был нож. Он уже готовился броситься на Женьку, но, услышав её крик, резко повернулся в её сторону.

Парень с ножом был где-то в метре от неё, и Наташка ощутила, как внутри медленно разливается волна ледяного ужаса — от подбородка до груди... и дальше — по рукам и по ногам, до самых кончиков пальцев... Она почувствовала оцепенение, в то же время понимая, что любое её движение может спровоцировать пьяного парня на какой-нибудь поступок.

Увидев перед собой беззащитную девушку, тот какое-то время вглядывался в её лицо... Наташке было страшно, но она не могла отвести от него огромных от ужаса глаз...

— А!.. Подруга!.. — парень пьяно усмехнулся, — Настькина подруга...

— Здравствуйте, Вячеслав, — узнав в парне Настиного сожителя, Наташа дрожащим голосом выдавила из себя эти слова.

— Ты что... С ними? — ухмыльнувшись, тот кивнул в сторону Журавлёва и Говорова, которые, заломив его «подельнику» руки за спину, тоже тревожно наблюдали за таким неожиданным поворотом событий.

— Да... То есть, нет... — Наташа не знала, что было бы правильнее — сказать, что она «с ними» или не говорить, чтобы как можно меньше разозлить Вячеслава, — Вы бросьте, пожалуйста, нож... Пожалуйста...

— Нож брось... — Журавлёв отпустил руку парня и, распрямившись, сделал осторожный шаг вперёд.

— Слышь, Славян... — кажется, вмиг отрезвев, тот поднял голову, — Мы так не договаривались... Ты сказал, только поговорим по душам, на мокрую договоры не было! Спрячь нахрен... Слышь?..

— Чё, испугались? — Славик снова ухмыльнулся и, кнопкой убрав лезвие выкидухи, обвёл взглядом всех присутствующих, — А зря... Славик баб не режет... Славик баб... сами знаете, что...

— Вы бросьте нож, пожалуйста... — Наташа уловила за своей спиной какие-то звуки — как будто, кто-то выбежал на крыльцо клуба, — Вячеслав...

Она понимала, что снова выкинуть лезвие и дотянуться до неё ему не составит никакого труда, и догнать, если она вздумает бежать — тоже, и поэтому стояла, обречённо ожидая развязки и дрожа от страха.

— А чё ты к Настьке больше не приходишь? Западло, да?.. — Славик скривил верхнюю губу и укоризненно качнул головой.

— Я приду... — Наташа охотно кивнула и попыталась отступить назад, — Обязательно! Вы нож спрячьте, хорошо?

— Куд-да?! — теперь всем был слышен характерный щелчок — снова «выкинув» лезвие, парень шагнул за ней следом, — Стоять!.. Я нож спрячу, а тут и менты налетят?

— Не налетят, — снова замерев, она замотала головой, — полицию никто не вызывал, правда! Вы спрячете нож и уйдёте.

— Слушай, Славик... — Журавлёв сделал ещё один осторожный шаг, — Отпусти девушку. Пусть она уйдёт.

— Это чё, твоя? — Вячеслав перевёл взгляд с Наташи на Женьку, — И как я сразу не догадался?

— Это не моя девушка. И поэтому пусть она сейчас спокойно уйдёт, — Журавлёв сделал ещё пол шага вперёд, — а мы с тобой сами закончим свой мужской разговор.

— Не свисти, — Славик фамильярно свободной рукой обхватил Наташу за шею и грубо притянул к себе, — твоя... Она к Настьке приходила... бабки приносила... ты же приносила бабки?..

— Приносила, — Наташа почувствовала, как во рту всё моментально пересохло, — и ещё принесу... вы только спрячьте нож...

— Вот видишь! — Славик удовлетворённо кивнул Женьке, — Говорит, принесёт. И это справедливо... Я на зоне парился, а ты с моей бабой жил... Жил, жил, а потом бросил. А теперь я с твоей поживу... И тоже брошу! — Наташа вздрогнула от его пьяного раскатистого хохота; развеселившись от собственной шутки, он не расслышал тихих шагов позади себя — кто-то осторожно вышел из-за угла здания...

...Сказать, что она тысячу раз пожалела, что так необдуманно кинулась навстречу Славiku, вместо того, чтобы просто предупредить Журавлёва, значило бы не сказать ничего. С того момента, как она выбежала вслед за Говоровым, прошло не более пяти минут, но ей казалось, что прошёл час, а может, и больше. Славик держал нож в правой руке, опущенной вниз, но Наташка всем своим существом ощущала холод, идущий от выпущенного на волю остро отточенного металлического жала. Страх, который она испытывала в эти минуты, не имел к ней самой никакого отношения. Все мысли были только о детях... и Димке... Ей было страшно за них... Страшно и больно за собственную глупость, которая в любую секунду могла обернуться трагедией.

...В первый момент она не поняла, что случилось. Хватка, с которой Славик сжимал её шею, внезапно ослабла... С каким-то непонятным рычанием, он странно изогнулся и присел на корточки...

— Наташа, быстро уходи!.. — она сразу узнала Димкин голос, но не могла понять, как он оказался здесь — навалившись на Славика, он завёл его руку за спину и теперь пытался вырвать из неё нож. Ещё мгновение — и Журавлёв с Говоровым помогли уложить вооружённого хулигана на асфальт.

— Ну, как всегда, вовремя, — увидев выбегающих из-за угла полицейских, пробурчал Сашка, — всё самим приходится... всё самим!..

Несмотря на Димкин окрик, Наташа лишь отступила на несколько шагов назад. Увидев, как «вяжут» пьяных парней, она перевела взгляд на мужа и ощутила новый прилив холодной волны: распрямившись, Морозов с удивлением рассматривал свою ладонь, из которой на землю в буквальном смысле стекала кровь.

— Дима!.. — решив, что удар ножа пришёлся куда-то в туловище, и что Димка просто разглядывает кровь, попавшую на руку из раны, она сломя голову кинулась к нему, — Куда он тебя ранил?! Ну, скажи!.. Димочка, не молчи!..

— Да никуда, — тот сжал ладонь, — нормально всё...

— Как нормально?! — она осторожно ощупывала его грудь, бока и живот, — А кровь?..

— Руку порезал, когда нож отнимал. Всё нормально.

— Ой, мамочки!.. — она с испугом разглядывала огромный, через всю ладонь, порез, — Нужно срочно обработать и перевязать!

— Как ты здесь оказался?! — он вдруг вспомнил, что она должна быть дома.

— Я ждала, что ты вернёшься... Потом позвонила Журавлёву. Он привёз Милену, она осталась с детьми, а я поехала с ним в клуб, тебя искать. Больно? — она подставила свою ладошку под его кисть, — Очень больно?

— Не больно... Ты сама — как? — он здоровой рукой обхватил её за плечи и прижал к себе, — Испугалась?

— Угу... — Наташка часто закивала головой.

— Он тебе ничего не сделал?

— У-у...

— Наташа... пообещай мне, что ты больше никогда в жизни не полезешь в мужскую драку...

— Не полезу... — уткнувшись ему в грудь, она шмыгнула носом, — Больше — не полезу...

— Нужно было просто нас позвать, и всё.

— Я хотела... а он нож достал. Он бы Женьку в спину ударил. А кроме меня никто не видел...

Хоть и с опозданием, но выступление «Ночного патруля» в этот вечер всё же состоялось. К тому моменту, когда группа вышла на сцену, благодаря Маре с Ленкой и Птахой, многие в зале уже знали, что произошло на заднем дворе клуба и встретили ребят визгом и аплодисментами. Держать микрофон забинтованной рукой было неудобно, и Морозов прицепил его к стойке. Из-за этого он не передвигался, как обычно, по сцене, а стоял на одном месте. Наташка ловила себя на мысли, что, несмотря ни на что, толпа поклонниц, загородившая собой все подходы к сцене, вызывает у неё некую ревность...

Девчонки танцевали, махали руками Морозову, выкрикивали его имя между песнями... Всё это было не в первый раз, но Наташа почему-то именно сегодня очень болезненно воспринимала его ответные жесты и улыбки своим фанаткам.

Приехав после выступления домой, она попрощалась с Миленой и, ничего не говоря мужу, ушла в детскую. Дети сладко спали, и, глядя на них, Наташа заулыбалась. Присев на диван, она даже не повернула голову, когда Дима вошёл за ней следом.

— А мы ужинать будем? — присев перед ней на корточки, он сложил на её коленях руки.

— Сейчас разогрею.

— А ты?.. — чуть позже, на кухне, увидев, как она ставит одну тарелку, он удивлённо поднял на неё глаза, — Я без тебя ужинать не буду.

— А придётся... — отрезав хлеб, Наташа положила его перед мужем и вернулась в детскую.

— Наташ, ну, ты чего?.. — войдя через несколько минут, он застал её уже лежащей там на диване, — Мы же, вроде, помирились?..

— А я передумала, — она нарочно закрыла половину лица одеялом, чтобы он не заметил, как она еле сдерживает улыбку.

— Так нечестно. Из-за тебя я остался голодным.

— Ужинай. Кто тебе не даёт?

— Один не буду. Кстати, — он потянул вниз молнию на модной рубашке, — спать один я тоже больше не собираюсь.

— А придётся, — Наташка демонстративно отвернулась.

— Посмотрим... — раздевшись, он в считанные секунды забрался к ней под одеяло, — А будешь возражать — разбудишь детей...

* * *

Всю дорогу домой Журавлёв мрачно молчал. Искоса поглядывая, как он поджимает губы, Милена не задавала вопросов, решив, что он сам всё расскажет. О том, что что-то случилось, она поняла по его подавленному настроению и по перебинтованной руке Морозова. Наташа уговаривала их остаться на поздний ужин, но Женька отказался, сославшись на головную боль.

Голова у него и вправду болела — удар от Славика он получил именно по голове, внезапно, когда уже собрался уходить после их недолгой «беседы». Усмехаясь про себя, Журавлёв прокручивал в мыслях подробности сегодняшней встречи с Настиным сожителем.

— Ну, и чё будем делать? — Славик сразу взял быка за рога, как только Женька вышел к нему в коридор ночного клуба.

— В смысле? — засунув руки в карманы брюк, Журавлёв терпеливо ждал, пока собеседник разродится на разговор.

— Ну, чё — в смысле? — тот пьяно развёл руками, — Детей-то надо как-то кормить! Дети кушать хотят!

— Какие дети?

— Маленькие. Настька беременная. Ребёнок — твой? Твой, — сам себе ответил

Славик, — Ещё вопросы есть?

— Есть, — выслушав его бессвязную речь, Женька кивнул на служебные двери в конце коридора, — ты сам выйдешь или тебе помочь?

— А что я такого сказал?! — парень еле выговаривал слова заплетающимся языком, — Я всё правильно сказал! Гони бабки на ребёнка!

Поняв, что сам Славик не уйдёт, Женька буквально вытолкнул его к выходу.

— Вали, чтобы я тебя больше не видел, — выйдя на крыльцо, он для верности схватил Славика за рубашку на спине и, толкая перед собой, вывел в центр заднего двора.

— Ты чё, отказываешься?.. — Женька сначала не обратил внимания на приближающуюся к ним фигуру, — Серый!.. Иди сюда... Прикинь, он отказывается платить!.. Настька, сука... с кем связалась?!

Всё дальнейшее происходило, как в плохом кино: «Серый» неожиданно накинулся на Журавлёва, и Славик тут же пришёл ему на помощь...

Он всё-таки рассказал об этом Милене. Предстояли повестки и визиты к следователю, и скрывать драку со Славиком было бессмысленно.

— Я должен съездить, — утром, выйдя из ванной, он тут же начал одеваться.

— К Насте? — Милена спросила как можно равнодушнее.

— Да, — нагнувшись, Журавлёв обул с помощью ложечки туфли, затем распрямился и посмотрел ей в глаза, — мне нужно. Но ты не волнуйся. Я скоро...

Он не знал Настиного нового номера телефона, поэтому визит решил нанести утром, в надежде, что она ещё дома. Позвонив в дверь, он ждал с минуту, пока не услышал её шаги.

— Привет, — не дожидаясь, пока она пригласит, Женька переступил через порог.

— Привет, — нахмурившись, Настя закрыла за ним дверь и, сложив руки на груди, посмотрела исподлобья.

— Нужно поговорить, — Женька так же бесцеремонно прошёл в комнату и уселся на стул. Неторопливо проследовав за ним, Настя встала в дверях и облокотилась о наличник.

Она ничего не говорила, лишь смотрела на него всё так же, исподлобья.

— Славика вчера забрали в ментовку, — без предисловий сообщил Женька.

— И что дальше? — казалось, Настя не удивилась такой новости.

— Не факт, что его закроют. Он может вернуться.

— А тебе то что? — усмехнулась девушка, — ты же возвращаться не собираешься.

— Настя, — подавшись вперёд, он сцепил пальцы рук, — ты взрослый человек, и сама выбираешь, с кем тебе жить... Но...

— А у меня есть выбор? — брови поползли вверх, она снова усмехнулась его словам, — У меня есть выбор?.. Вот с этим? — она положила руку на живот, и Женька, наконец, обратил внимание, что он слегка округлился.

— Зачем ты с ним сошла? — он смягчил тон, — Он же конченный придурок.

— А что, нужно было оставаться одной? Лить слёзы в подушку по ночам? — Настя насмешливо улыбнулась уголком губ.

— А сейчас... ты их не льёшь?

— А не твоё дело! — она внезапно сорвалась на крик, — я их лью не по тебе, и это главное!

— Это — моё дело. Потому, что это мой ребёнок, и я не хочу, чтобы он жил в одной квартире с этим уродом!

— Не хочешь?! — она вдруг нервно расхохоталась, — А кто ты такой, чтобы не хотеть?! Ты первый бросил этого ребёнка!.. И не тебе указывать, с кем мне жить!.. ты теперь этой, своей, указывай, а ко мне ты не имеешь никакого отношения!

— Я не бросил. Я ушёл, а это разные вещи. Ребёнка я никогда не брошу.

— Бросил!.. — в голосе Насти послышались истеричные нотки, — Бросил, Журавлёв!.. Как хочешь называй, а слово одно: бро-сил!.. А Славик... Славик меня даже с ребёнком взял... Кто после этого ты, и кто — он?!

— Обещай мне, что, если его отпустят, ты его больше не примешь, — Женька упрямо нахмурил брови, — я буду тебе помогать. Слышишь, Настя? Можешь не сомневаться.

— Подавись ты своей помощью!

— Настя, пойми... ты встретишь нормального мужика... Понимаешь?! Нормального! Но не этого ублюдка.

— А это только мне решать — ублюдок он, или нет, — она демонстративно вышла в прихожую, — уходи!

— Вот, возьми, — Женька потянулся к нагрудному карману, — я буду каждый месяц тебе давать деньги. Хорошо?

— Журавлёв... — она взялась за ручку двери и щёлкнула замком, — Ты не понял?.. Уходи!

— Уйду, — он никак не мог расстегнуть пуговицу на кармане, — сейчас, только деньги достану.

— Да уйдёшь ты или нет?! — крикнула Настя, — Не нужны мне твои деньги!.. И не приходи больше!.. Никогда не приходи!..

— Послезавтра мы улетаем в Германию, на десять дней, — он всё же расстегнул пуговицу и, достав свёрток с деньгами, положил его на тумбочку, — может, что-то привезти? Подумай, если что, позвони.

— Убирайся... — бледная, как мел, она дрожащей рукой вцепилась в дверную ручку, — Убирайся, Журавлёв...

— Хорошо... — он шагнул на лестничную площадку, но в дверях вдруг обернулся, — А... ты уже знаешь, кто? Мальчик или девочка?

— Кто ты такой, чтобы спрашивать? — с силой рванув на себя дверь, Настя поспешно повернула замок.

— Я?.. — по привычке засунув руки в карманы, Женька несколько секунд помолчал, как бы раздумывая над ответом, — Я — отец...

Гастрольная поездка по пяти городам Германии прошла более, чем успешно. Пять концертов «Ночного патруля» и три сольника Наташи, плюс участие в ежегодном международном рок-фестивале, ради которого ребята задержались на несколько дней, принесли молодым музыкантам ещё несколько монет в копилку популярности.

«Вы третий раз гастролируете в нашей стране и уже завоевали здесь свою армию поклонников. Скажите, а у себя, в России, вы насколько популярны?» — журналист и ведущий известного музыкального издания неплохо говорил на ломаном русском.

«Скажем так, мы широко известны в узких кругах», — рассмеялся в камеру Морозов.

«У вас очень высокий профессиональный уровень, это отметило и жюри. Какую награду вы получили на фестивале?»

«Да, мы получили специальный приз за следование традициям классического рока и очень довольны результатом!», — Мазур, в последние пару лет превратившийся из вечного ехидного подростка в довольно серьёзного молодого мужчину, поднял вверх два пальца, изображая знак виктории.

«Как в России относятся к тому, что вы выбрали классическое направление в рок-музыке, в то время, когда появляются новые стили, более популярные у молодого поколения?»

«Рок сам по себе безграничен, как вселенная, — Журавлёв явно позировал перед камерой, — а русский рок вобрал в себя практически все традиционные черты мирового рока, и неважно, как будет называться то, что мы играем — мелодик, панк, хард, брит, или даже грайнкорд, вся эта музыка в нашем исполнении будет с приставкой «по-русски». А, значит, найдёт своего слушателя в России, и даже за её пределами».

«Я слышал, вы здесь с женой. Она рада за вас?» — журналист снова обратился к Морозову.

«Было бы странным, если бы она не была рада, — усмехнулся Дима, — тем более, что она выступает с нами. Вы видели её на сцене в составе группы. Кроме того, она давала три сольных концерта».

«Когда объявили вашу группу, я слышал, как раздались аплодисменты и возгласы ваших поклонников. В России вас, наверное, встречают овациями?»

«Я больше склонен думать, что и здесь нас встречали наши же, русские поклонники, которые приехали специально на этот фестиваль. Хотя, если окажется, что среди них есть хоть несколько местных жителей, для нас это будет приятной неожиданностью», — всегда серьёзный, Вадим и здесь остался верен своему образу.

«Вы слишком скромно оцениваете себя. Я знаю нескольких немецких любителей рок-музыки, которые приехали сюда именно на вас».

«Это ещё приятнее».

«Каковы ваши планы на будущее?»

«Наши планы неизменны — писать музыку и исполнять свои песни», — Говоров, всё это время разглядывающий проходящих мимо девчонок, наконец, решил вставить свои пять копеек.

Наблюдая, как взрослые дают интервью, маленький Валерка без конца порывался

подбежать к отцу, но Наташа и Милена крепко держали его за обе руки, так, что ему оставалось только обиженно надувать губы и хмурить светлые бровки.

— Ему так хочется постоянно быть рядом с Димой, — рассмеялась Наташа, бросив на сына взгляд, — на их последнем концерте он снова чуть на сцену не выскочил, я еле поймала у самых кулис.

— Не зря они так похожи, — в ответ улыбнулась Милена, — и папа его очень любит. Впрочем, ваш папа вас всех очень любит, а особенно Аню.

Вспомнив про маленькую дочку, которую пришлось оставить дома с бабушкой и дедушкой, Наташа слегка загрустила. Взять с собой на гастроли Валерика было решено сразу, как только стало известно о приглашении Кости. Наличие няни облегчало присутствие ребёнка во время поездки, и поэтому документы на выезд Милены были оформлены вовремя. Больше всех радовался Журавлёв, ведь он так мечтал, чтобы она сопровождала его во всех гастрольных поездках. Спокойный характер Валерика позволял брать его с собой за кулисы, и поэтому Милена не сидела в гостиничном номере, а отправлялась вместе со всеми на выступления «Ночного патруля», которые проходили, в основном, в рок-клубах. Наташа, которая тоже выступала в составе группы на бэк-вокале, а так же исполняла несколько сольных композиций, краем глаза наблюдала за сыном, который весь концерт не отходил от кулис, и даже уговоры няни уйти в гримёрную, чтобы отдохнуть, на него не действовали. Более того, он то и дело пытался выскочить на сцену, чтобы спеть вместе с Димой те песни, которые слышал дома и знал наизусть. Милена крепко держала его за ручонку, но в один момент, дождавшись вступления очередной песни, он ловко вывернул ладошку и в считанные доли секунды оказался на сцене. Остановившись в свете софитов, огляделся и важно подошёл к отцу. Воспользовавшись тем, что тот уже запел первые строки и не мог отправить его назад, малыш принял серьёзную позу и стал подпевать... Валерка пел без микрофона, но настолько выразительно открывал рот и делал заученные жесты руками, что публика приняла его восторженными криками. В самом конце песни Дима присел рядом с сыном и чуть придвинул к нему микрофон — последние слова они спели вдвоём, под бурные аплодисменты зала.

— Следующий раз я тоже с собой Юльку возьму, — сидя в аэропорту, перед отлётом, Витька наблюдал за счастливыми Женькой и Миленой, — пусть хоть интервью для нашего, местного канала возьмёт прямо с места событий.

— Друзей теряю... — Сашка мрачно усмехнулся, — одного за другим.

— Так бери Ирку, и снова будешь с нами, — заржал Мазур, — свой аптекарь тоже не помешает.

— Да я лучше об стену головой убьюсь, — Говоров вытаращил на него глаза, — нетушки! Берите своих, и завидуйте мне. Кстати, зря вчера со мной не пошёл... Мы с Мишей неплохо отдохнули.

— Ну, и как там красные фонари?

— Как-как... Горят...

— Снова звонили от Прохорова, — Элеонора, которая вместо зарубежных гастролей осталась в «Творческой деревне», начала встречу с новостями.

— Опять чей-нибудь юбилей? — Наташа с размаху уселась в мягкое кресло Димкиного кабинета.

— На когда? — услышав о приглашении, Морозов нахмурился, — У нас репетиции, пока народ по морям не разбежался.

— На середину июня, на начало июля, на конец июля и на середину августа, — Элеонора положила перед ним заявку, — он просит, чтобы Наташа выступила в их пансионате в Сочи, в разные заезды. Всего четыре концерта. Проживание там же, всей труппе будут предоставлены номера, но, если Наташа захочет, то она может остаться на неделю за счёт предприятия, просто как гость, в любой заезд.

— Интересно... — нахмурившись ещё больше, Морозов разглядывал листок, — А что у нас с ребятами по гастрольному графику на июнь?

— Вот... — Элеонора положила перед ним очередной лист, — в основном городские мероприятия, два выезда на день города... Юбилей торговой сети... Рок-фестиваль...

— И что у нас получается? Мы с ней совпадаем?

— Дима, нет, — Элеонора как-то виновато посмотрела на него, — июнь — точно не совпадает. Потому, что именно в июне ей дают только восемнадцатое число. Видишь? А у тебя восемнадцатого как раз рок-фестиваль.

— А нельзя с ними созвониться и перенести её концерт хотя бы на пару дней позже?

— Не думаю, — Элеонора покачала головой, — Это же Сочи, всё заранее спланировано... Ты представляешь, каких они звёзд могут пригласить, эти парни, вроде Прохорова? Так что Наташе никак нельзя отказываться. А уже на июль дают несколько чисел на выбор.

— Я думал, мы с тобой теперь всё время будем вместе, — Морозов посмотрел на жену, — все твои сольники планировались под «Ночной патруль». А тут — засада...

— Это говорит лишь о том, что Наташа поднимается всё выше, — Элеонора игриво улыбнулась Морозову, — при чём, исключительно на своём таланте.

— Дима, но там всего один день, — Наташа встала и, подойдя к мужу, сзади обняла его за шею, — я отработаю и прилечу к тебе на фестиваль!

— Мы же хотели взять с собой Валерку...

— Возьмём в следующий раз, — нагнувшись, она чмокнула его в щёку, — Ну, разве можно отказываться от концерта в Сочи?

— Тем более, с таким гонораром, — многозначительно добавила Элеонора и, что-то написав на листочке, подвинула его к Морозову.

— Тогда так... Элеонора, ты летишь с Наташей. Думаю, за пару дней здесь без тебя ничего не случится, всё равно ты на связи.

— Я с удовольствием, тем более, что моё присутствие уже оговорено! — приподняв со стола свой шикарный бюст, концертный директор расплылась в радостной улыбке, — В Сочи — в любое время дня и ночи!

* * *

второй половине июня, собрал тысячи зрителей. Три дня и три ночи под открытым небом казались нипочём истинным рокерам, приехавшим со всей страны, чтобы встретиться со своими кумирами. «Ночной патруль», вот уже в который раз подряд, собирался выступить на уже знакомых подмостках. С другими музыкантами ребята встречались как с родными, обнимаясь и пожимая руки.

— Димон!.. — среднего роста, довольно «накачанный» парень, в украшенном заклёпками жилете, надетым на голый торс, широко раскинул руки, — Здорово!

— Здорово, Макар! — Морозов радостно обнялся со старым знакомым, — Давно тут?

— Да с самого утра, — Макар кивнул на заполняющееся людьми пространство огромной зелёной лужайки, — мы уже пивца с народом напились, пока вы собираетесь.

— Мы только с самолёта, — Дима развёл руками, — пока в гостинице устроились, пока у жюри регистрацию прошли...

— Где твои молодцы?

— А вон, тусуются, — усмехнувшись, Дима показал рукой в сторону сцены, — у нас ещё пара часов до выхода.

— Слышал, вы с Никсой теперь работаете?

— Нет, — Дима удивлённо пожал плечами, — не работаем.

— А разведка донесла, что работаете.

— Разведка дезу донесла, — рассмеялся Дима, — мы только одну песню записали.

— Так чё, она не с вами?

— Нет... Мы сами по себе, она — сама по себе.

— Ну, понятно, — Макар удовлетворённо кивнул головой, — значит, всё фигня.

— Что именно — фигня?

— То, что болтают.

— А что болтают?

— Что вы теперь с ней работаете.

— Чисто в студии. Хотели записать альбом, но пока только одну песню осилили.

— А как насчёт... — Макар сделал характерный неприличный жест, — Тоже деза? Или ты её всё же...

— Деза, Макар, деза, — махнув рукой, Морозов рассмеялся, — интересно, откуда только эта деза аж до вас докатилась?

— Так не только до нас. Вчера с парнями в баре сидели, все в курсе.

— Да говорю тебе, деза. Ничего личного.

— Ну, понятно, — парень хлопнул Димку по плечу, — давай! Ещё увидимся!

Попрощавшись с Макаром, Дима двинулся в сторону сцены, на которую уже выходила первая группа. Все «патрули», кроме Говорова, находились в отведённом артистам месте, весело общаясь с другими музыкантами. Юлия, Милена и даже Ира в этот раз приехали поболеть за своих мужей. Не было только Наташи и Татьяны, жены Вадима, которая нянчилась с грудным ребёнком. Ещё раньше, краем глаза Дима заметил неподалёку Мару и Ленку с Птахой. Верные группис и в этот раз поехали следом за своими кумирами, нисколько не огорчаясь присутствием их законных подруг.

— А где Саня? — Дима обвёл всех взглядом и остановился на Ирине.

— Сейчас придёт, — та сердито нахмурилась, — это же Саня! У него тут из десяти — девять знакомых, и со всеми надо пообщаться.

— Ирка, не бубни, — Мазур поправил висевшую на плече гитару, — гордись, какой он популярный.

— Угу, популярный, — та всё же «бубнила», — впервые за четыре года поехала с ним, а его и близко нет.

— Да придёт, куда он денется? — Витька нарочно оглянулся, но, как будто кого-то заметив, застыл на месте, — О, знакомые лица...

— Привет, мальчишки! — широко улыбаясь, Ника Самойлова пробиралась к «патрулям» сквозь толпу других артистов, попутно кивая знакомым, — Привет... Здорово... привет...

— Привет-привет... — пробормотала вполголоса Юля, исподлобья наблюдая за рок-звездой, — И тебя принесло...

— Ну, как вы? — Ника по очереди радостно обнималась с парнями. Дойдя до Морозова, она так и осталась стоять рядом, демонстративно приобняв его за пояс.

— Нормалёк, — Мазур ответил за всех, — а ваше звёздное как?

— Лучше всех, — девушка просто сияла, излучая радость, — кстати, Дима, у меня к тебе есть серьёзный разговор. Какие планы на вечер?

— На вечер? — он задумчиво почесал макушку, — Хотели с ребятами знакомыми пообщаться.

— Думаю, общение со мной будет тебе больше на пользу, — она лукаво стрельнула глазками, — у тебя номер тот же? Не сменил?

— Тот же.

— Ну, жди звонка. Бай!..

— Слышь, Димыч, — подойдя к ребятам, Говоров взглядом проводил удаляющуюся «звезду», — я там с парнями из «Кунсткамеры» немного потрещал... Говорят, её бывший гитарист подал на неё в суд. За присвоение авторских прав... Я давно эту инфу слышал, но сейчас подтвердили. Не ходил бы ты к ней...

— А я и не собирался, — пожал плечами Дима, — тем более, утром Наташка прилетит.

Поздно вечером, после выступления, «патрули» заехали в клуб местных рокеров.

— Я почему-то так и думала, что вы сюда придёте, — Ника бесцеремонно под села к Морозову, — тебе что, не интересно, о чём я хотела с тобой поговорить?

— Давай, поговорим. Или здесь — не вариант?

— Не совсем вариант.

— Прости, но никуда больше не хочется. Давай лучше здесь.

— Ну, хорошо... — девушка взяла в руку высокий стакан, наполненный пивом, — Варлама знаешь?

— Это который диджей на «И снова — рок»?

— Да.

— Только понаслышке. Лично не знаком.

— Познакомиться хочешь?

— С какой целью?

— Ты что, действительно, такой наивный?! — Ника сделала несколько глотков и подняла на Морозова слегка прищуренный взгляд, — Хотя, да... Ты — наивный. Это я заметила.

— Ну, так всё-таки? С какой целью я должен познакомиться с Варламом?

— Он может сделать эфир со мной и тобой. Ты ещё не догадался?

— Эфир со мной лично или с «патрулями»?

— Только с нами. «Мороз и Никса», — девушка пытливо вглядывалась в лицо собеседника, пытаясь угадать его реакцию на своё предложение, — как тебе название?

— Ты ещё добавь «день чудесный», — рассмеялся Дима, — эфир — дело неплохое. А почему только я и ты?

— Ну, зачем тащить всю банду? — пожав плечами, Ника закинула ногу на ногу, — Мы с тобой прекрасно ответим на все его вопросы.

— Боюсь, не получится.

— Почему? Это всероссийский телеканал! Понимаешь, теле-канал! — Ника специально произнесла слово «телеканал» отдельно, как бы подчёркивая значимость своего предложения, — Это даже не радиоэфир, это — телеэфир! И ты говоришь — не получится?!

— Не получится. У меня очень плотный график.

— Ты, вообще, понимаешь, о чём мы с тобой сейчас говорим?! Туда готовы попасть тысячи исполнителей!.. А тебе предлагают — просто так, как кофе выпить! Ты что, Дима?! Это пиар такой мощности, что все слова лишние!

— Это будет пиар чего? «Ночного патруля»?

— Господи, да какая разница?! Это будет пир творчества! Нашего с тобой совместного творчества!

— Тогда у меня вопрос, — подавшись чуть вперёд, Морозов положил на стол локти, — какого именно творчества? Той одной песни, которую мы записали?

— Нет, ты меня просто поражаешь!.. — у Ники даже перехватило дыхание от возмущения, — Какая нафик разница, сколько песен мы записали на сегодняшний день?! Мы собираемся выпустить альбом, и, чем раньше начнём о нём говорить, тем лучше будет результат, когда он выйдет!

— У меня к тебе ещё один вопрос... Скажи, только честно... Зачем тебе сотрудничество с «Ночным патрулем»? Ты прекрасно можешь набрать новую команду и дальше петь свои песни. Только свои песни.

— Ну, да... могу... — казалось, что вопрос застал Нику врасплох, — Я не хотела говорить... Понимаешь, с моим старым репертуаром проблемы.

— Какие? Если не секрет...

— Это долгая история. Кстати... — она снова прищурилась и слегка улыбнулась уголками губ, — Мы можем поехать сейчас ко мне в гостиницу... я тебе всё расскажу.

— Не вариант, — он тоже едва улыбнулся и покачал головой, — исповедь за сигаретой в постели о том, как тебя кинули твои парни, не вариант.

— А что ты имеешь против исповеди? — она тоже подалась вперёд и уставилась ему прямо в глаза.

— Я против постели. Дело ведь не в исповеди, а в том, чтобы переспать? И вместе выйти из номера солнечным утром, под вспышки фотокамер?

— Впервые встречаю такого мужика. Которого нужно уговаривать...

— Я тоже думаю, что не стоит уговаривать.

— Слушай... а это ещё круче... Если напишут, что ты — педик... Ведь только педики отказываются от связи с женщиной? Это будет классный ход!.. Жёсткий, но — классный... И песни для альбома можно написать в тему. Инфа о твоём разводе с женой... о связи со мной... И, как финальный аккорд: девочки, я никого из вас не люблю... Я — голубой!

— Мне кажется, наш разговор перешёл все допустимые пределы, — Морозову едва удавалось сохранять спокойствие, — давай, прекратим эту тему.

— Давай... — она собиралась ещё отпить из стакана, но в последний момент вдруг прыснула, — Но мне очень понравилась эта идея... Кстати, моё предложение отправиться ко мне ещё в силе.

— Зачем?

— Чтобы я окончательно убедилась в своей неправоте насчёт твоей ориентации. И потеряла желание рассказать об этом в каком-нибудь интервью.

— В интервью Варламу? — усмехнулся Дима.

— И ему тоже.

— А на какую тему будет интервью? На тему несостоявшегося альбома?

— Почему несостоявшегося? Ты что, отказываешься работать со мной?

— К сожалению...

— Ты... — не находя слов, чтобы выразить своё изумление и возмущение, Ника запнулась и вытаращила на Морозова глаза, — Ты... хорошо подумал?

— Да, хорошо.

— И о том, что твоё восхождение может закончиться так же внезапно, как и началось, ты подумал тоже?

— Знаешь... Есть вещи, через которые невозможно переступить.

— Жаль... — резко выдохнув, Ника подняла руку со стаканом, как будто чокаясь, — А мальчик был таким талантливым!..

— Да блефует она, — Сашка махнул рукой, когда Морозов, снова подсев к ребятам, рассказал ему о разговоре с Никой, — я всё больше убеждаюсь в том, о чём рассказали парни. Ей нужен новый автор и аранжировщик. И заодно — скандальный пиар. Потому, что за душой ничего нет. Этот самый Варлам тоже ведь не за красивые глазки сделал бы эфир. Ника, сама по себе, ему не интересна. Ему интересен скандал, связанный с ней. А не будет скандала — не будет эфира. Так что плюнь и разотри.

— Я всё это понимаю, Саня. Знаешь, я понял одно, что все эти «пиарастические» игры не для меня.

— А мы в курсе, — гоготнул Говоров, — и, если «патрулю» будет нужен пиар, мы его сами организуем. Ты только скажи! Левые похождения беру на себя!

— Это какие ещё левые похождения?! — услышав последние слова мужа, Ирка грозно обернулась, — Ты мне что обещал?!

— Ирка-а-а-а!.. — не растерявшись, он размашисто обнял её и поцеловал в засос под общий хохот «патрулей».

— Не подлизывайся!.. — оттолкнув его от себя, она дала ему увесистый подзатыльник, окончательно развеселив друзей, — Вот, гад!.. я ещё дома с тобой разберусь!

— Ир, ты не поняла! — Морозов, смеясь, махнул рукой, — Это припев новой песни!

— Да-да!.. — подхватил Мазур, — По чесноку, Ирка! Песня так и называется «Беру на

себя»!

— Не, парни, — в игру вступил уже Журавлёв, — мне кажется, рабочее название звучит лучше!

— Рабочее? — Милена удивлённо посмотрела на него, — Это как?

— Ну, если сразу не определяешься с окончательным названием песни, то ей даётся рабочее, то есть временное название, — Женька старательно изображал лектора, одновременно дирижируя себе руками.

— А какое у этой песни рабочее название?

— Очень простое, — Журавлёв обвёл всех присутствующих смеющимся взглядом, — «Левак»!

* * *

Наташа приоткрыла глаза и посмотрела на салонные часы. До окончания полёта оставалось около получаса, и она снова закрыла веки. Элеонора и остальные артисты улетели домой, другим рейсом, довольные гастрольной поездкой. Сама Наташка была тоже очень довольна. Пансионат для работников предприятия Прохорова оказался в полном смысле слова элитным — шикарные номера, бассейны, собственный пляж и, самое главное, оборудованная всей необходимой аппаратурой, довольно большая концертная площадка.

Зрители из числа отдыхающих принимали неизвестную им певицу с восторгом, танцуя под зажигательные песни и красивые, мелодичные баллады. Она сама не заметила, как пролетели два часа на сцене — южный морской воздух придавал силы и воодушевления. Наташа пела и танцевала вместе со своим шоу балетом, под дружные аплодисменты развеселившейся толпы. Даже добравшись до своего номера, она не почувствовала обычной усталости и, посидев немного, снова вышла на улицу. Побродив по пустынному пляжу, пожалела, что рядом нет Димки... Не решившись искупаться, вернулась в номер и легла спать.

Не в пример ей, танцовщики и концертный директор Элеонора прогуляли до самого утра, явившись только ко времени отъезда в аэропорт. Администратор пансионата рассыпалась в словах восхищения и благодарности, всё время повторяя, что не может понять, как она до сих пор не знала о такой талантливой исполнительнице, и перед самым расставанием попросила сфотографировать их с Наташей и взяла у той автограф. Пообещав прилететь ещё через пару недель, артисты уселись в поданный микроавтобус и отправились в аэропорт. От Наташки не укрылись страстные взгляды, которыми обменивались Элеонора и Влад, высокий, мускулистый парень из подтанцовки. Улыбаясь, она проводила их на самолёт, отправляющийся в родной город, и пошла на свою регистрацию. Рейс в город, где проходил рок-фестиваль, был позже на полтора часа, и, созвонившись с Димой, она, наконец, облегчённо вздохнула... Расставаясь с мужем даже на один день, Наташа начинала скучать сразу же, как только поезда или самолёты уносили их друг от друга.

...Зал незнакомого аэровокзала был полон пассажиров, и она, выйдя из прохода, остановилась, нерешительно озираясь по сторонам. Несмотря на то, что утром он обещал не опаздывать, Димки не было видно.

«Наташа, не сердись. Я не хотел», — получив неожиданное СМС, она растерянн

смотрела на дисплей своего айфона.

«Пройди, пожалуйста, в зал ожидания», — она уже собиралась написать ему ответное сообщение, но не успела, услышав новый характерный сигнал. Стало почему-то одиноко и обидно... Но она всё же направилась в соседний зал.

«Пройди в центр зала!» — после очередного СМС ей ужасно захотелось написать ему что-то такое в ответ... что-то такое!.. Но она и сама не знала — какое... Поэтому нехотя потопала по направлению к центру.

«Повернись направо и сделай десять шагов вперёд», — она уже догадалась, что он где-то неподалёку, и, в надежде увидеть его, завертела головой. Сделав десятый шаг, остановилась, уже привычно ожидая сигнала...

«Ещё два шага...» — она подумала, что сразу убьёт его, как только он обнаружится.

«Поставь сумку на пол». Поставив сумку, она сердито подбоченилась...

«Руки держи перед собой...» — Наташа удивлённо посмотрела на свои ладони, догадываясь, что «развязка» близка...

«А теперь посмотри наверх!»

Ну, как она не догадалась сразу!.. Запрокинув голову, она посмотрела вверх — над металлическими перилами второго уровня аэровокзала, которые были прямо над ней, виднелось улыбающееся Димкино лицо.

— Лови! — огромный букет белых роз летел ей прямо в руки...

«Ты всё ещё хочешь меня убить?» — от охватившего её восторга она даже не заметила, когда он успел написать это последнее сообщение...

— Нет!.. — спрятав айфон в карман, она радостно замотала головой, снова посмотрев наверх, — Спускайся!..

Но это были ещё не все сюрпризы. Повиснув у Димки на шее, Наташа услышала за спиной какой-то странный и до боли знакомый смех...

«Три — четыре!»

— С при-ез-дом! С при-ез-дом! С при-ез-дом! — не совсем дружно проскандировал разноголосый хор прямо в уши, распутивая стоявших неподалёку авиапассажиров.

— Ой, ребята!.. — увидев знакомые лица не совсем трезвых «патрулей» и Юли, Иры и Милены, Наташка радостно кинулась в дружеские объятия, — Вы что, все здесь?!

— А что нам оставалось делать? — Женька развёл руками, — Дима бухать на поле больше не разрешил, спать ложиться смысла нет... мы ему так отомстили! Пусть теперь смотрит на наши пьяные рожи рядом с собой! Кстати, как тебе флэшмоб?

— Здорово, — Наташа ещё раз поднесла к лицу цветы, — ребята... Как я вас всех люблю!..

— Разве нас можно не любить?! — Сашка сделал дирижёрский жест, — Мы же — кто?

— Ноч-ной пат-руль! — дружно проскандировала вся компания.

— Говоров... — Ира, прищурившись, посмотрела на мужа, — Ты всё равно не обольщайся... Пока не споёшь мне эту песню, я тебе не поверю. Сковородки у меня ещё не перевелись.

— Во встрял... И чё теперь делать?.. — Сашка уморительно скорчил плаксивую рожу, обернувшись к товарищам.

— Спокуха, Саня! — Мазурик вытянул перед собой ладонь, — Напишем!

— Когда?! Она требует, чтобы я спел сегодня!

— Сейчас и напишем! — Женька достал из-за спины гитару, — На обратном пути в город!

— А успеете? — Милена хитро улыбнулась, поддержав шутку.

— А то! Мы же профессионалы!..

Звонок от самого Варлама с предложением принять участие в телеэфире, который прозвучал спустя неделю после того, как «патрули» вернулись с российского рок-фестиваля, был более чем неожиданным, и Дима в первый момент принял его настороженно, помня о последней встрече с Никой Самойловой. Но, как оказалось, опасения были напрасными.

«Слышал о вас давно, ещё до всех приключений и захватов в заложники, — Варлам оказался в курсе всех событий из жизни музыкантов, — видел фильм о вас, слышал радиопередачу с твоим участием, а на днях смотрел трансляцию с рок-фестиваля. С вашей музыкой знаком. Хочу сделать с вами эфир, запись через неделю. Жду».

— Элеонора, нужны восемь билетов на Москву на третье июля! — переступив порог «Творческой деревни», Морозов не мог сдержать радости, — едем на съёмки эфира «И снова — рок»!

— Класс! — Элеонора кокетливо повела бровями, — Сейчас закажу. А назад когда?

— Назад на пятое, я связался с одним рок-клубом, договорился о выступлении. К моему удивлению, они сразу согласились и дали нам целых полтора часа. Днём съёмка, вечером концерт, а утром — домой.

— Гостиницу заказываем?

— Само собой! Четыре двухместных номера.

— Так... — Элеонора взяла листок бумаги и ручку, — Записываю данные на билеты и бронь. Морозов... Говоров... Журавлёв... Мазур... Зимин... Кто ещё?

— Морозова, — улыбнулся в ответ Дима, — Мазур Юлия... Малинина Милена... Наши данные у тебя есть, А Юлия и Милена пришлют копии своих паспортов тебе на электронку.

— Малинина? — Элеонора покачала головой, — Какая красивая фамилия... А детей с кем оставляете? Другую няню нашли?

— Пока нет. Но родители вышли в отпуск, Аню с Валеркой с ними оставляем.

— А как себя чувствует мама?

— Спасибо, хорошо, — Дима удовлетворённо кивнул, — После курса лечения ей намного лучше. Кстати... Билеты на Сочи ещё не выкупали?

— Деньги перевели только вчера. Сегодня сделаю заказ на восьмое.

— Значит, так, — Морозов снова кивнул на ручку и Элеонора с готовностью приготовилась записывать, — в этот раз Андрей не летит, за звукорежиссёра лечу я. Не перепутай.

— Ну, что ты, — Элеонора бросила ещё один кокетливый взгляд, — больше никаких изменений не будет? В смысле, все артисты те же?

— Ты имеешь в виду танцоров?

— Ну, да... — опустив глаза, женщина стряхнула невидимые крошки с выбивающегося из откровенного декольте пышного бюста.

— Танцоры те же: Марина, Егор и Влад.

— Хорошо... — при имени Влада Элеонора едва слышно, с облегчением, вздохнула, — Просто замечательно!

Вечером, накануне поездки, уложив необходимые вещи, Милена подошла к зеркалу. Она и сама не могла не заметить, как изменилась в последнее время. Счастье так и светилось в больших карих глазах... Она поменяла и цвет помады, с тёмного на нежно-розовый, и причёску — пышная каштановая копна вместо стянутых на затылке волос так шла к её новому образу счастливой женщины, что она то и дело невольно смотрела на своё отражение, проходя мимо зеркального шкафа. Она полностью поменяла свой гардероб — оказавшись однажды с Наташей в модном бутике, она не смогла удержаться, чтобы на следующий же день, прихватив с собой Журавлёва, снова не поехать туда и не купить себе новые наряды.

— Я даже подумать не могла, что когда-нибудь стану подругой настоящей рок-звезды... — глядя через зеркало на Женьку, который подошёл и встал позади неё, Милена улыбнулась.

— Почему — подругой? — он обхватил её руками и, прижав к себе, тоже посмотрел на её отражение, — Не подругой...

— А кем?

— Женой.

— Это что, официальное предложение? Я правильно понимаю?

— Ты правильно понимаешь. Я официально предлагаю тебе руку и сердце. Ну, и всё остальное...

— А где шампанское?..

— А шампанское будет позже. Ты согласна?

— Согласна... — повернувшись, Милена обвила руками его шею и, привстав на цыпочки, потянулась к губам... Наклонившись к ней навстречу, Женька ещё крепче сжал руки у неё за спиной...

...Она почему-то проснулась среди ночи. До поезда было ещё много времени, и можно было спокойно выспаться, но сон больше не шёл. Журавлёв спал, и Милена тихонько вылезла из-под одеяла. Она давно ждала, что Женька сделает ей предложение, в этом не было никаких сомнений. Правда, он не спешил, но она понимала, что виной тому не его чувства, а сложное положение, в которое он попал, бросив Настю. Нет, она его совершенно не ревновала к прошлому... но, всё же, иногда ловила себя на мысли, что где-то, в глубине души, боится того часа, когда Настин ребёнок появится на свет. Зная Журавлёва, Милена не сомневалась, что он будет навещать своего сына или дочь и помогать материально. Но, если материальная сторона вопроса её не тревожила совершенно, то встреч Женьки с Настей и ребёнком она всё же опасалась.

— Ленка!.. — выйдя на лоджию, она всматривалась в ночной город, когда услышала его голос, — Ты где?

— Я здесь, — вернувшись в комнату, Милена присела возле него, — Спи...

— Ложись, — он сонно обхватил её рукой за талию и потянул к себе, — ещё рано.

— Я привыкла просыпаться ночью, — она прилегла рядом и ласково пригладила его

рассыпавшиеся по подушке волосы, — знаешь, у Валерика есть привычка: он просыпается среди ночи и идёт досыпать к родителям. Первое время я ловила его в дверях и укладывала назад. Но потом просыпалась утром и снова не находила его в кроватке — он всё равно украдкой пробирался в родительскую спальню. А потом Наташа сказала, чтобы я не беспокоилась... Они так привыкли. И, знаешь, что я подумала...

— Что?.. — он ещё крепче прижал её к себе, уткнувшись лицом в упругую женскую грудь, — Ты рассказывай... ты так сладко рассказываешь... прямо убаюкиваешь...

— Я подумала... — пальцы зарылись в его шевелюру; Милена губами прижалась к Женькиному лбу, — Я подумала, что я тоже хочу вот так... проснуться ночью рядом с тобой от того, что кто-то маленький, похожий на тебя и меня, забирается к нам под одеяло... устраивается там уютно, обнимая своими ручонками нас тобой... и говорит...

— Что говорит? — полусонно промурчал Журавлёв.

— «Мама, мне сто-то плиснилось»... — Милена проговорила эти слова, имитируя детский голосок, — Наташа говорит, что это обычные слова Валерика.

— Нет... Наш сын будет говорить не так.

— Не так? А как?..

— Он будет говорить... «Папа, научи меня играть на гитаре!»

— Ночью? — рассмеялась Милена.

— Ну, и что? Ночью...

— И что ты ему будешь отвечать?

— Ничего. Я буду учить его играть на гитаре!

— Ночью?!

— А почему бы и нет? Я буду показывать ему аккорды, а ты будешь ворчать на нас... и говорить, что утром выкинешь гитару в мусоропровод...

— А вы?..

— А что мы... мы сочиним песню в твою честь, и будем петь её тебе каждое утро!

— А я?.. — продолжая улыбаться, она закрыла глаза.

— А ты... Ты нас, конечно, простишь... и каждый вечер будешь тайком ставить гитару к нашему изголовью...

— Жень... Как я хочу, чтобы так и было...

— Так и будет.

— Правда?..

— Правда.

* * *

И снова дорога оказалась весёлой. Собравшись в одном купе тесной компанией, «патрули» вспоминали свою поездку пятилетней давности, когда они ездили в Москву на съёмки клипа песни «Не моя».

— Вот эти двое всю дорогу мне волосы полотенцем к полке привязывали, — рассказывая, Наташа весело кивнула сначала на мужа, потом на Мазура, — пока я не пообещала, что на них гитара сверху упадёт.

— И чего меня с вами тогда ещё не было? — Юля «для истории» снимала на камеру всё,

что происходило и на вокзале, и в вагоне, — У вас столько всяких событий было, судя по рассказам!

— А самое интересное было на обратном пути, — Витька хитро прищурил на неё светлые глаза, — прямо историческое событие...

— Что за событие? — Женька что-то искал в дорожной сумке, стоявшей на верхней полке и, услышав эти слова, с интересом обернулся.

— Димыч сделал Наташке предложение. И мы всю обратную дорогу его обмывали. В смысле — предложение.

— Серьёзно? — Юля перевела взгляд на Наташу, — он сделал тебе предложение прямо в поезде?

— Нет, — Наташка почему-то смутилась и слегка покраснела, — предложение было ночью, перед поездкой...

— Ага... они проснулись... Димон Наташке — мож, поженимся?.. А Наташка ему — давай, только сначала познакомимся... Я — Наташа!.. — под общий смех Мазур изобразил описываемую им картинку в лицах, заодно уворачиваясь от Наташкиного кулачка, — Димыч, она опять дерётся!..

— Вот представляешь, как мне с ними было весело?! — Наташа хохотала вместе со всеми, — Целых пять дней!

— Да, — улыбаясь, Юля отложила видеокамеру, — жаль, что никто не снимал. Такие события прошли мимо!..

— Почему — мимо? — поставив на стол бутылку шампанского, Женька, наконец, уселся на место, — События продолжаются!

— Продолжаются? А конкретнее? — Юлька снова протянула руку к камере, — Что за события?

— Ну, в общем-то, всё старо, как мир, — обаятельно улыбаясь, Журавлёв посмотрел на Милену, — мы тоже приглашаем всех на свадьбу!

— Ух ты!.. — Вадим протянул руку Журавлёву, — поздравляю! А когда?

— Дату уточним позже, — тот ловко открыл шампанское, — будет ещё один повод выпить!

Принимая поздравления, Милена не могла скрыть охватившей её радости. Встреча с Журавлёвым, возобновление их отношений, вспыхнувшие вновь чувства сделали её жизнь в последние несколько месяцев буквально наполненной счастьем, и единственным, чего ей не хватало, чтобы это счастье стало абсолютным, мог быть только их с Женькой ребёнок... Но его пока не было.

...Одной бутылкой шампанского, естественно, не обошлось, и Журавлёв, под общее одобрение, достал из той же сумки ещё две бутылки коньяка. Сам он практически не пил с того дня, как Милена переехала к нему, и сейчас только символически чокался с остальными.

— Слушай, Жека, ты хоть пьяного из себя изобрази, — Сашка укоризненно смотрел на «виновника» торжества, — как на фесте изображал.

— А сейчас-то зачем? — Женька разливал очередную порцию спиртного, и удивлённо поднял взгляд на Говорова, — На фесте я ради твоей Иры изображал, чтобы она тебя не пилила, что я трезвый, а ты — бухой. Сейчас-то ты один!

— А у меня уже рефлекс, — Говоров, выпив содержимое одноразового стакана, взял с тарелки бутерброд, — мне после каждой рюмки кажется, что я Иркин голос слышу... «Саша, не пей! Саша, не пей! Саша, не пей!»

— Пей, Саша, пей! — Мазур, гоготнув, пододвинул Говорову ещё один наполненный стакан, — Мы никому не расскажем!

Приехав в Москву около полуночи, ребята взяли сразу два такси и отправились в гостиницу, где были забронированы номера.

— Вадя, это чего получается?.. — оформившись у администратора, музыканты поднялись на нужный этаж, и Сашка в поисках своего номера заглядывал на дверные таблички, — Все с жёнами... Только мы с тобой как волки-одиночки. Надеюсь, нас не примут за гомиков?

— А ты что, стесняешься своей ориентации, шалун?.. — идущий сзади Витька не мог удержаться от ехидного тона, но, увидев свирепую физиономию Говорова, тут же приотстал, — Всё-всё!.. Я — могила!..

— Мазурик... — Юлия подошла к двери с нужным номером и остановилась, глядя на мужа, — Чует моё сердце, ещё пара слов, и я — молодая вдова.

Устроившись в своём номере, Милена решила достать и приготовить Женькину одежду для съёмок и для выступления. Повесив всё на плечики, она перерыла их дорожную сумку в поисках отпаривателя, но так его и не нашла.

— Это такая штучка с ручкой? — на вопрос, куда делся отпариватель, который она положила перед отъездом, Женька весело усмехнулся, — А я её выложил. Шампанское не влезало.

— Ну, ты даёшь! И что теперь делать? — Милена рассматривала его футболку с надписью «Ночной патруль», — Всё измятое...

— Как что? Как обычно... Идёшь к Наташке. У неё всё есть. В том числе и отпариватель.

— Да ну... Неловко как-то.

— Чего это неловко? Всё ловко, — Журавлёв взял в руки телефон, — Сейчас... Алло, Наташ, у тебя отпариватель с собой? Я утром возьму? Спасибо! Диме — привет.

— Конечно, неловко, — улыбнулась Милена, — она утром сама будет готовиться, а тут — мы.

— Она ещё с вечера готова, вот увидишь, — хмыкнул Журавлёв, — так что не волнуйся.

— А ты откуда знаешь? — Милена подозрительно прищурила красивые глаза.

— Оттуда, — Женька прищурился в ответ, — я каждый раз забываю этот самый отпариватель. И беру его у Наташки. Вернее, она сама приносит.

Кто-то неожиданно постучал, и Милена пошла открывать дверь.

— Я думала, что в этот раз вы с отпаривателем, — Наташка, улыбаясь, протягивала прибор, — вот, возьми, я уже Димкино приготовила, а моё платье не мнётся.

— Как-то неловко, — смутилась Милена, — да я бы сама утром пришла...

— Утром его Сашка с Вадиком будут искать. Я же их знаю! Сашка-то может ещё сказать, что «и так сойдёт», но Вадик любит быть «с иголочки». В общем, пользуйтесь!

— А я что говорил? — улыбнулся Журавлёв, когда за Наташей закрылась дверь, — Не пропадём!

— Всё равно неловко, — упрямо повторила Милена, — я так не привыкла...

— Зато шампанского выпили за нас с тобой!

* * *

Съёмки сорокаминутного телеэфира заняли около двух с половиной часов, но, увлечённые этой работой, ребята даже не заметили, сколько на самом деле прошло времени. Милена и Юля, на которых Морозов в самый последний момент тоже заказал пропуска в студию, наблюдали со стороны за процессом с нескрываемым интересом, а Юлькин интерес носил ещё и профессиональный характер — она в скором времени собиралась самостоятельно снять полнометражный фильм о «Ночном патруле», попробовав себя в качестве и сценариста, и режиссёра.

— Спасибо, ребята! Рад был познакомиться, — Варлам по очереди пожал всем музыкантам руки, — Передача выйдет в сентябре, точную дату сообщу дополнительно. А сейчас — прошу прощения, убегаю на небольшой перерыв, у меня через пол часа съёмка эфира ещё с одним коллективом... Через неделю лечу в отпуск, тороплюсь подготовить материал к осени.

Покинув студию, все отправились в небольшое кафе, находившееся неподалёку, а оттуда — снова в гостиницу, отдохнуть перед вечерним концертом.

— Ой, какое платье! — зайдя в номер к Морозовым, чтобы отдать отпариватель, Милена уставилась на короткий переливающийся наряд, который Наташа держала в руках, — Я такого ещё не видела!

— Это не платье, — усевшись в кресло, Дима скептически усмехнулся, — это какой-то рукав, при чём, короткий.

— Оно новое, — рассмеялась Наташа, — я его ещё ни разу не надевала. А Дима ворчит, что оно слишком короткое.

— Тебе можно носить короткое, — кивнув, Милена одобрительно улыбнулась, — с такой фигуркой можно носить что угодно.

— Мне оно очень нравится, и, самое главное, я в нём чувствую себя свободно, оно очень мягко облегает... именно облегает, а не обтягивает и не сдавливает, а это очень важно при живом пении. Ты меньше устаёшь.

— Оказывается, в вокальном искусстве столько премудростей! — Милена удивлённо посмотрела на Наташу, — Женька иногда рассказывает, я просто диву даюсь! Мне всегда казалось, ну, чего там такого, есть голос — пой! А, оказывается, это целая наука...

— Мне кажется, у тебя красивый тембр и широкий диапазон, — Дима перевёл взгляд с платья жены на гостью, — ты не пробовала петь?

— Нет, — та тихонько засмеялась, — вот что не моё, то не моё!

— А можно было бы попробовать.

— Нет... Лучше я буду воспитывать ваших детей.

— А ещё лучше — своих, — повесив платье в шкаф, Наташа закрыла дверцу, — хотя, если честно, Валерка без конца спрашивает, почему ты больше у нас не живёшь. Он так привязался...

— Я к нему тоже. Вернее, к ним обоим. У вас очень хорошие дети, и это даже не комплимент. Поэтому, если что — зовите!

— Думаю, позовём ещё, и не раз, — Морозов снова посмотрел на Наташу, — мы перед отъездом смотрели с Элеонорой гастрольный график на вторую половину года. Даже если отказываться от корпоративов и частных юбилеев, твоё новое шоу идёт вплотную с «патрулём».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я, конечно, не очень-то разбираюсь в музыке, — Милена тоже подняла на Наташку осторожный взгляд, — но мне кажется, что твой репертуар в группе намного серьёзнее, чем программа клубного шоу.

— И я, и Дима тоже так думаем, — кивнула Наташа, — но клубное шоу — это способ заработка... там я чисто зарабатываю деньги, а в «патруле» пою серьёзные вещи.

— Сначала я не относился серьёзно к её участию в группе, — подавшись вперёд, Морозов сцепил пальцы рук, — просто хотел, чтобы она всегда была рядом. Поставил её на бэк-вокал... Получилось здорово. Потом написал для неё пару композиций, которые она исполняла, чтобы дать мне передышку... Публика была в восторге. Теперь она поёт уже пять вещей, и, думаю, что репертуар мы расширим. Если честно, я мечтаю когда-нибудь закончить со всеми этими клубными развлекательными шоу в стиле диско, и петь с ней только рок.

— Димка, по-моему, мысленно ты ещё там, в съёмочном павильоне! — слушая мужа, Наташа довольно улыбалась, и теперь, когда он закончил свою мысль, радостно махнула на него рукой, — Ещё даёшь интервью!

— Нет... — он серьёзно покачал головой, — Просто я вспомнил всё, о чём мы сегодня там разговаривали... Я слишком мало рассказал о тебе.

— Ты рассказал всё, о чём тебя спрашивал Варлам, — присев на валик его кресла, Наташа ласково обняла мужа за шею и прижалась щекой к его волосам, — а больше тебе бы сказать всё равно не дали.

— Думаю, Наташа права, ты зря переживаешь, — кивнула Милена, — это же эфир, наверное, ещё много чего потом вырежут.

— Знаешь, всем, чего я добилась, я обязана только Диме, — Наташка говорила о муже с такой любовью, что Милена невольно улыбнулась краешком губ, — и всем, что у меня теперь есть, я тоже обязана только ему...

— Это она из-за платья так подлизывается, — Дима лукаво скосил взгляд на жену, — боится, что надеть не разрешу.

— Разрешит!.. — Наташа закрыла и тут же открыла глаза в знак подтверждения своих слов, — Всё равно другого платья с собой у меня нет!

...Рок клуб, в котором предстояло выступление «Ночного патруля», оказался расположенным в цокольном этаже здания, все остальные этажи которого, судя по всему,

были отданы фирмам, занимающимся самой различной деятельностью — от туризма до торговли музыкальными инструментами. По площади, клуб был довольно внушительных размеров, с просторным залом, вмещающим в себя не одну сотню человек, сценой, раздевалкой и гримёрными, а так же уютным кафе и баром. Когда ребята подъехали к клубу, до выступления оставался час, и у них было достаточно времени, чтобы осмотреться. Судя по группам посетителей, которые в ожидании концерта уже начали собираться у входа, публика там собиралась совершенно разная — и по возрасту, и по роду занятий, объединённая лишь одним обстоятельством — любовью к рок-музыке.

— Полтора часа — ваши, удачи! — напутствие администратора «патрули» встретили шестью поднятыми руками со знаком виктории из двух пальцев. Оставшись в зале, Милена с Юлей разглядывали огромную толпу, пришедшую на концерт «Ночного патруля».

— Представляешь, это же — Москва! — после первой композиции радостная Юлька приобняла Милену за плечи, — Ленка! Ты хоть понимаешь, что это — М о с к в а!.. И наши ребята выступают сегодня здесь!.. И все, кто пришли сегодня сюда, знают наш «Ночной патруль»! Прикидываешь?!

— Прикидываю, — Милена растерянно смотрела по сторонам, с непривычки немного напуганная количеством народа, запредельными децибелами и бешеным мельканием перекрёстных цветных лучей по силуэтам ребят.

— Боже мой!.. — раздавшийся сзади женский голос мог утонуть в громких звуках музыки, но какие-то знакомые нотки заставили Юлю обернуться, — Вот так встреча!..

— Ой!.. — казалось, она не верила своим глазам и с изумлением разглядывала окликнувшую её молодую, холёную женщину, — Кристина!.. ты, что ли?!

— Ну, вообще-то, я, — слегка надменно усмехнулась Кристина, — а мир всё же тесен...

— Тесен... — Юлька во все глаза уставилась на неё, — Нет... Это уму непостижимо!.. Встретиться через столько лет, и — где?! В Москве!..

— Ну, вообще-то, если откровенно, то ничего случайного. Этот клуб принадлежит брату моего мужа.

— Кстати, познакомься, — вспомнив про свою спутницу, Юля кивнула в её сторону, — Это Милена. Журавлёва помнишь?

— Если честно, то — нет, — Кристина пожала плечиком, а кто это?

— А, ну, да... Он пришёл уже после... Ну, в общем, это его жена, Милена. А это — Кристина, — Юля кивнула в другую сторону, — Года четыре назад «патрули» работали в её продюсерском центре. Кстати... помнишь, в поезде вчера ребята вспоминали, как они ездили в Москву снимать клип? «Не моя»... Так вот, Кристина тоже была с ними, и снялась в главной роли в этом клипе, вместе с Димой.

— Да! — Милена радостно кивнула, — Я видела этот клип... Я сразу подумала, что где-то видела вас!

— А я смотрю, состав поменялся, — Кристина снова усмехнулась, глядя на сцену, — Морозов теперь только поёт...

— Да, он только поёт, а вот на клавишах как раз Женька Журавлёв...

— Вижу... вижу... — чуть прищурившись, Кристина не сводила взгляда со сцены, — и бэк-вокалистка теперь у них есть... А раньше сами справлялись...

— А ты что, не узнала?.. — Юля осторожно скосила на неё глаза.

— Кого?..

— Бэк-вокалистку...

— Нет, — Кристина снова небрежно пожала одним плечом, — а кто это?

— Это Наташа, — понимая, что Кристина прекрасно узнала свою бывшую соперницу, но не хочет в этом признаваться, Юля не стала больше ничего говорить, ограничившись только именем.

— Ну, и Бог с ней, Наташа так Наташа, — всё ещё делая вид, что «не узнала», Кристина нахмурила брови, — мало ли на свете всяких Наташ..

— Так ты замужем? — Юля была рада сменить тему разговора, — И давно? Дети есть?

— Два года, — всё так же, не спуская глаз с музыкантов, ответила Кристина, — детей пока нет.

— Будут! — Юлька радостно махнула рукой, — Так ты знала, что «патрули» сегодня тут выступают? А чего в гримёрку не зашла?

— Узнала вчера, случайно. Но здесь я не по этому поводу, так совпало.

— Понятно... — Юля внимательно следила за собеседницей, — А кто твой муж, если не секрет?

— Муж?! — Кристина перевела на неё изумлённый взгляд, как будто не понимая, как можно не знать, кто её муж, — Мой муж — Дмитрий Гольдман, разве ты не знала?!

— Нет... — Юля растерянно развела руками, — Откуда?..

— Ну, да... я уже забыла, как новости попадают в провинцию...

— Постой!.. — Юлька аж схватила Кристину за руку, — Гольдман... Это... Т о т с а м ы й?!

— Ну, да, тот самый. Знаменитый продюсер.

— Ни-че-го себе!.. Ты вышла замуж за Дмитрия Гольдмана, а мы ничего об этом не знаем!..

— Да. И я теперь тоже продюсер. Мы работаем вместе.

— Ну, класс!.. Кстати, как тебе новый репертуар «Патрулей»?

— А я что-то не прислушалась. Но, уверена, что Морозов пишет только шлягеры.

— Ну, ты сказанула... Шлягеры, — Юля слегка обиженно посмотрела на Кристину, — Шлягерами можно обозвать попсу. А Дима серьёзный музыкант, и все ребята серьёзные музыканты. Они уже довольно известны, даже в Германии... Ты что, ничего о них не слышала?

— Нет, не слышала... Мы тут по горло своим заняты... — увидев, что Наташа вышла на середину сцены, Кристина тут же отвела глаза, — Ладно, была рада увидеться... Побегу, у меня дела. Впрочем, возможно, я приду в гримёрку после концерта. Так что, не прощаюсь...

— Кто это — вообще? — Милена удивлённо проводила Кристину взглядом, — Я так поняла, что она когда-то работала с «Ночным патрулём»... Она пела?

— Нет. Она писала им тексты. А ещё была дочерью их спонсора...

— Понятно... А теперь она — жена знаменитого Дмитрия Гольдмана... Слушай, Юля... он настолько знаменит, что даже я знаю о нём, — Милена покачала головой, — и его жена вот так, запросто, появляется в ночном рок-клубе?.. Я думала, такие люди ходят с охраной...

— Я не в курсе, может, у неё и есть охрана... Но она тут не просто так, не случайно.

— Думаешь?..

— Я не думаю... Я — знаю!..

—

Несмотря на желание Говорова «разбавить клубный тусняк», около полуночи, после концерта, все дружно отправились на стоянку такси.

— Слушай, Димыч, я, пожалуй, останусь, — дойдя до стоянки, Сашка резко повернулся на сто восемьдесят градусов, — Ну, что это за комендантский час?! Я хочу на «факторов» посмотреть. Ты хоть в курсе, что после нас «факторы» выступают?

— В курсе, — кивнул Морозов, — но я не один, а Наташка устала. Если хочешь, оставайся. Только потом отзвонись, когда вернёшься в гостиницу, ок?

— Да ладно, — хмыкнул Говоров, — Я что, тебя будить буду? И так никуда не денусь. Вадя, со мной?

— Не, Саня, — Вадим тоже отрицательно покачал головой, — у меня сегодня зуб разболелся, еле отработал. Таблетки в гостинице. Мне бы туда, да поскорее...

— Ну, как хочешь, — Сашка махнул рукой, — других даже не спрашиваю.

— Иди, оторвись там за всех, — гоготнул Мазур, — не забудь у Гвоздя автограф взять!

— Да пошёл ты... — Говоров громко заржал, — Пусть они у меня всем «фактором» автографы берут!

— Ну, всё, давай, — Дима хлопнул его по плечу, — а мы в гостиницу.

Разделившись на две машины, вся компания уже усаживалась в салоны, когда у Морозова зазвонил телефон.

— Да, — кивнув Наташе, чтобы она усаживалась на заднее сиденье, он остался стоять на улице, — Да, я... Нет, ещё не отъехали... А что случилось? А, понятно... Ну, хорошо, сейчас буду.

— Дим, что такое? — Наташа выглянула в открытую дверь.

— Это артдиректор... Просит, чтобы я вернулся на минуту. Зачем — не знаю.

— С тобой пойти? — Наташа с готовностью поставила ногу в изящной туфельке на порог авто.

— Не нужно. Я недолго. Вадим, — Дима подошёл к соседнему автомобилю, в котором устроились Витька с Юлей и Зимин, — вы езжайте, нас не ждите. Мы скоро подъедем.

— Дим, ну, только недолго! — крикнула ему вслед Наташа, но он только махнул на ходу рукой.

— Тогда можно ещё покурить, — Журавлёв снова вышел на улицу и оттуда обратился к водителю, — мы скоро, шеф! Сейчас, Дима вернётся, и поедем.

— Тут долго стоять нелзя, — мужчина средних лет, восточного типа, покачал головой, — место занимаем, другие ждут...

— Ну, три минуты, — затянувшись, Женька заглянул в салон, — простой оплатим. Всё равно у тебя других кандидатов на путешествие нет.

— Как нэт, как нэт?.. — мужчина поднял обе руки, — Вон сколько людей! Все ехат хотят!

— Да ладно, — хмыкнул Женька, — никуда они не хотят, видишь, просто курят. Это мы

устали и хотим домой.

— Э-хе-хе... — мужчина рассмеялся, — гулят устали? Значит, гуляли хорошо!

— Не, батя, не гуляли. Мы работали. Мы — музыканты. При чём, знаменитые!

— Знаменитые? — водитель удивлённо уставился на Журавлёва чёрными глазами, —

Почему я не знаю?

— А ты многих знаменитостей знаешь?

— Знаю, — мужчина утвердительно кивнул головой, — я тут давно работаю, многих возыл.

— А ты рок-музыку любишь? — Журавлёв явно заговаривал нетерпеливого водилу, —

Ты музыку, вообще, любишь?.. Ну, если не считать, что ты иногда музыкантов возишь?..

— Нэт! — тот сморщил рот и отрицательно замотал головой, — рок не лублу. Попса лублу.

— Ну, вот видишь, — Женька удовлетворённо развёл руками, — потому ты нас и не знаешь! Мы же не попсу поём, а рок!

Сидя на заднем сиденье, Наташка с Миленой весело переглядывались, зажимая рты ладошками, чтобы не прыснуть. Вспомнив о Димкином обещании скоро вернуться, Наташа вынула из сумочки айфон и посмотрела на часы.

— Дим... — не выдержав, она набрала его номер, — Ну, где ты там?!

— Наташ, я сейчас, — торопливо ответил Морозов, — уже почти иду!

Прошло ещё десять минут, а Димы всё не было. Заметно нервничающий водитель бросал сердитые взгляды в зеркало заднего вида, поджидая опаздывающего пассажира, и Наташа снова посмотрела на часы.

— Ну, что такое?.. — она укоризненно покачала головой, — Знает же, что его ждут... С кем там можно так долго общаться?!

— Наверное, с Саней завис... — Женька хитро посмотрел на неё, — Оторваться решил...

— Женька, я тебя убью... — она с отчаянием обернулась, пытаясь взглянуть в свете фонарей в заднее стекло, — Дима бы никогда...

— Ой, слушай!.. — вспомнив о сегодняшней встрече, Милена не дала ей закончить мысль, — Он, наверное, встретился с Кристиной! Ну, точно, как же я забыла!

— С кем?.. — Наташка медленно повернула к ней голову, — С Кристиной?..

— Ну, да, — кивнула Милена, — я совсем забыла рассказать! Когда вы выступали, к нам с Юлей подошла молодая женщина... Вся такая гламурная... Оказалось, что она и Юля знакомы, а ещё она, оказывается, работала с «патрулём»... как автор текстов, кажется... Юля потом рассказывала... Она ещё с вами вместе была в Москве, когда вы клип ездили снимать, вот!

— Но откуда она здесь?.. — Наташа моментально изменилась в лице, — Странно... Ничего не понимаю...

— А она сказала... она сказала, что этот клуб принадлежит брату её мужа. Да, точно! Она так и сказала. И ещё сказала, что зайдёт в гримёрную после концерта, но, видимо, не зашла. Вот, наверное, они с Димой и встретились... Разговаривают.

— Брату мужа?! — Наташка растерянно посмотрела на Милену, потом перевела взгляд на Журавлёва, — Выходит, что?.. Дима знал, в чьём клубе мы будем выступать?..

— Так, стоп, девочки, — Женька, который тоже только сейчас услышал о встрече с Кристиной, снова уселся на переднее сиденье, — никаких домыслов, только факты! Сейчас придёт Дима, и мы обо всём его расспросим. А пока спокойно ждём...

— Я больше ждать нэ могу, — водитель демонстративно повернул ключ в замке зажигания, — или едэм, или нэт.

— Едем-едем! — Наташа открыла дверь и выскочила из машины, — Сейчас я его приведу! Всего две минутки, ладно?!

— Да... — глядя, как она почти бегом направляется к зданию клуба, Женька невесело усмехнулся, — По-моему, сейчас будут жертвы...

— А что такое? — Милена непонимающе посмотрела на него, — Я что-то сказала не то? Я ничего не поняла...

— Знаешь, я тоже эту историю знаю лишь понаслышке... Но одно скажу тебе точно... Кристина — это бывшая Димкина невеста.

— Да ты что?! — глаза у Милены стали похожими на два огромных блюда, — А почему ты мне раньше не говорил?! Я бы сейчас просто смолчала, и всё...

— А смысл говорить о том, чего не видел? — Журавлёв пожал плечами, — Тем более, разве я знал, что мы её встретим здесь, в Москве?..

— Ну, всё, прошу у всех прощения! — Морозов неожиданно заглянул в салон, — Поехали!

— А Наташа?.. — Милена с удивлением уставилась на него, — Разве вы не встретились?

— Нет... подожди, а где Наташка?! — он только сейчас заметил, что жены в машине нет, — Где мы не встретились?

— Она побежала тебя искать...

— Искать?.. Зачем?!

— А... — Милена не знала, как сказать о том, что Наташа узнала о Кристине, — А водитель нервничал...

— Какой нэрвничал?.. Какой нэрвничал?! — мужчина снова воздел руки вверх, — Я два часа потерял!..

— Слушай, Арсен, отъезжай в сторону, — в свете ночных фонарей мужское лицо заглянуло в салон с водительской стороны, — ты пассажиров набрал, не занимай место!

— Какой — нэ занимай! — водитель возмущённо обернулся к говорившему, — Одын ушёл, пропал... потом другой ушёл — пропал...

— Ну, отъедь туда, — человек рукой показал куда-то вперёд, — там и жди своих пассажиров, кто там у тебя куда ушёл.

— Подождите, — Дима кинулся к водительской двери, — моя жена пошла меня искать, она сейчас придёт... Если вы отъедете, она не найдёт машину.

— Дима, а ты позвони ей на телефон, — догадался Журавлёв, — может, она до сих пор тебя там ищет.

— Сейчас... — Морозов торопливо достал телефон, — Звоню...

...Услышав сигнал Наташкиного айфона, тут же раздавшийся из сумочки, которую она

оставила на сиденье, все дружно переглянулись.

— В общем, так, — устало вздохнув, Дима снова посмотрел на Женьку с Миленой, — вы езжайте в гостиницу, я тут её подожду. Потом другую тачку возьмём и приедем.

— Нет, Дима, так не пойдёт, — Женька покачал головой, — вместе приехали, вместе и уедем. Извини, шеф, — он обратился к водителю, — мы выходим, чтобы тебя больше не подводить.

— Э, какой выходим?.. Какой выходим?.. — тот снова замахал руками, — Сейчас отъедём на пять мэтров, там подождём...

— Тоже резонно, — кивнул Женька, — Дима, садись, тут недалеко, просто ты должен знать, где будет стоять машина. Сейчас переедем, и ты сюда вернёшься... Дождёшься Наташку и приведёшь к нам. Я правильно говорю?

— Правильно, — едва улыбнувшись, Милена охотно кивнула, — Дима, садись!

— Ну, в принципе... — ещё раз оглянувшись на дорожку, ведущую к крыльцу ночного клуба, Дима присел рядом с ней и хлопнул дверью, — Давайте, переедем...

Переехать пришлось не на пять метров, как обещал водитель, а на все семьдесят пять, так как свободного места для парковки вдоль дороги поблизости не было. Выскочив из машины, Дима бегом вернулся на прежнее место. Прошло ещё минут десять, но Наташа так и не появилась. С отчаянием оглядевшись по сторонам, Морозов двинулся в сторону входа в рок-клуб. Вход был только по приобретённым заранее билетам, поэтому объяснения, что он артист, и только что выступал здесь, на сцене, действия не возымели. Спрыгнув с крыльца, Дима бегом обогнул здание и дёрнул ручку служебного входа для артистов и персонала, через который они сегодня сами входили в этот клуб. Дверь была закрыта изнутри. Позвонив и не дождавшись ответа, он снова направился к стоянке такси. Расспросы водителей о «девушке с длинными белыми волосами в блестящем коротком синем платье и таких же блестящих синих туфельках на высоком каблуке» ни к чему не привели — Наташу здесь никто не видел... Попытка позвонить Говорову тоже не удалась — тот ещё с вечера сетовал, что забыл поставить телефон на подзарядку.

...Попасть в клуб ему всё же удалось. Простояв ещё минут десять на улице, Дима вдруг вспомнил об артдиректоре, с которым разговаривал незадолго до этого. После звонка на мобильный, тот лично открыл перед ним служебный вход. Выслушав Морозова, он вместе с ним обошёл зал, гримёрные, расспросил бармена и официантку в кафе, гардеробщика... Но и здесь Наташку не видел никто... Говорова Дима тоже не нашёл, но, озабоченный исчезновением жены, не придавал этому большого значения. Поблагодарив артдиректора, он заверил его, что, видимо, произошло какое-то недоразумение, и Наташа, скорее всего, ждёт его где-то на улице.

— Ну, привет... — направляясь к выходу, он даже не обратил внимания на шедшую ему навстречу женщину.

— Привет... — от неожиданности Морозов едва не запнулся ногой о мягкий ковролин, покрывающий пол.

— Ты что, меня не узнал?.. — Кристина насмешливо наблюдала, как он пытается понять, кто перед ним.

— Узнал, конечно, — взяв себя в руки, кивнул Дима, — привет.

— Я думала, ты всё же придёшь...

— Куда?

— К Семёну в кабинет... Ах, да... — как будто вспомнив о чём-то, она наморщила лоб, — Я же им так и не сказала, где я буду...

— Прости, я не соображаю... Кто должен был что-то сказать, и кому ты что-то не сказала?..

— О-оо... — глядя на его растерянное выражение лица, Кристина поняла, что искал Морозов вовсе не её, как показалось в первое мгновение их встречи, — как тут всё запущено...

— Послушай, — он с какой-то непонятной ей мольбой смотрел в её серые, колючие глаза, — ты сейчас Наташу здесь не видела?

— Наташу?! — она второй раз за вечер сыграла искреннее изумление, услышав это имя, — Какую Наташу?!

— Мою Наташу, жену... Мы сегодня здесь выступали, а потом собрались ехать в гостиницу... Меня позвал артдиректор, я ушёл... А она пошла меня искать и сама потерялась. Я её найти не могу... — последние слова он произнёс как-то глухо.

— Нет, — Кристина, улыбаясь, развела руками, — Твою жену Наташу я здесь не видела. Я здесь по делам своего мужа. Вернее, по нашим общим делам.

— Жаль... — загоревшийся, было, огонёк надежды в его глазах потух так же внезапно, как и появился, — Прости, мне нужно идти... Рад был видеть...

— Ну, да, жаль... — она тоже разочарованно проводила его взглядом, — Ещё как жаль. Хоть потерялась сама Наташа, а всё равно — жаль!..

Покинув, наконец, клуб, Дима ещё раз обошёл стоянку и отправился за ограду, вдоль дороги, к месту новой парковки такси, в котором его ждали Журавлёв и Милена. Откуда-то появившаяся огромная толпа народа заполнила всё пространство — и пешеходную, и проезжую часть, и двор клуба, рассасываясь в разных направлениях. Многие были с флажками и шарфами известных футбольных команд, и Дима догадался, что это — болельщики, возвращающиеся с матча, проходившего на расположенном неподалёку стадионе. Такое обстоятельство его, отнюдь, не порадовало...

— Ребята, вы всё-таки езжайте... — на Димке не было лица; взяв с сиденья Наташину сумочку, он растерянно комкал её в руках, — Не надо больше задерживать водителя. Вот деньги, с учётом того, что он нас столько ждал. А я пойду искать Наташку...

— Ну, что ты, Дима, — Милена сама выглядела испуганной, — конечно, мы с тобой!

— Не нужно... — тот махнул рукой, — Вы устали и мне ничем не поможете. Я и сам не знаю, что мне делать.

— А Сашка? — Женька вспомнил про Говорова, — Он — там, в клубе? Может, он её видел?

— Сашку я тоже не нашёл. У него, видимо, всё же сел телефон. А искать его без телефона — что иголку в стоге сена.

— Это я в курсе, — кивнул Журавлёв, — если Саня пошёл в отрыв, его ни один глонасс не обнаружит. Главное, чтобы он сам себя потом обнаружил, к отправлению поезда...

— Что же делать... — Морозов потёр ладонями лицо, — Я всех спросил... На улице её нет... В клубе её не видели... Таксисты — тоже...

— Ай, ты видишь, как такси туда-суда гоняет... — водитель руками изобразил гоняющие «туда-сюда» такси, — Стадион рядом, болельщики с этой стоянка уезжают. Матч закончился, народ пошёл... Кто её видел, тот уже уехал давно!

— Сколько времени прошло с тех пор, как Наташка ушла? — Журавлёв посмотрел на Милену.

— Ровно час, — она в ответ тревожно подняла на него глаза, — ребята... Мне это совершенно не нравится. Что-то явно произошло.

— Я видела, девушка красивая. Плохо дело, — кивнув сам себе, философски заметил водитель, — платье сызна кароткий. Нэлза такой кароткий платье насыт.

— Слушайте, — Дима обратился к нему, — отвезите меня, пожалуйста, в полицию! Я вам в тройном размере оплачу!

— Э, слуший... Зачем в тройной?.. Жена пропала, мы что, звери?.. Панимат нада! Заплатишь по тарифу, и всё!

Дежурный ближайшего отделения полиции, выслушав Морозова, весело усмехнулся.

— Мы заявления в розыск принимаем, только, если разыскиваемый отсутствует более трёх суток, а вы говорите, что ваша жена пропала сегодня вечером.

— Ну, да, вечером... Мы — музыканты, отработали концерт, но мне пришлось задержаться...

— Это я уже слышал, — молодой парень в форме раздражённо кивнул головой, — но, к сожалению, заявления принять не могу.

— Ну, помогите, как-нибудь! У неё с собой ни денег, ни телефона, ни другой одежды... Она могла куда угодно попасть.

— Как говорите, выглядит? — в глазах полицейского Димке померещились проблески интереса.

— Среднего роста, глаза карие, нос такой, чуть вздёрнутый... Волосы длинные, ниже пояса... блондинка... в синем блестящем платье, оно такое, концертное, довольно короткое... Туфли такого же цвета, на высоком каблуке... Ну, что ещё сказать, — он пожал плечами, — вот, пожалуй, и всё...

— Короче, командир... — Журавлёв, который всё это время стоял молча рядом, облокотившись об узкую пластиковую панель под стеклянной перегородкой, решил дополнить Димкино описание, — Девушка очень красивая. И случиться с ней могло всё, что угодно. Поэтому, помоги, а?

— Ну, ребята, — дежурный развёл руками, — ну, вы сами-то хоть понимаете, как всё выглядит? Блондинка, с длинными волосами, красивая, в коротком блестящем платье, вдруг пропала в людном месте, а, вернее, в ночном клубе... да начальство, если прочитает то, что вы мне сейчас надиктовали, со смеху умрёт. Вернётся ваша жена, вот увидите! Дня три погуляет, и вернётся...

— То есть — погуляет?! Мы не москвичи, мы приехали сниматься в передаче и выступить в ночном клубе!.. Приехали буквально на один день, у нас утром поезд, а вы говорите — погуляет... Она вообще никогда и нигде не гуляет.

— Охотно верю! — парень лукаво улыбнулся, — И не гуляет, и на мужчин не смотрит, и не курит, и не пьёт!..

— Именно так, — вздохнув, Морозов устало кивнул, — И не курит, и не пьёт. У нас

дома двое маленьких детей.

— А что, вы думаете, женщины не люди?.. они тоже иногда хотят отдохнуть от семейного очага, а особенно, вырвавшись в столицу!

— Так что, вы заявление не примете? — Морозов не на шутку разозлился, — Или мне писать в вышестоящую инстанцию?

— Пишите, если хотите, — дежурный охотно кивнул, — вышестоящая инстанция тоже люди весёлые, посмеяться любят! А заявление... заявление я у вас, конечно, приму. Только послезавтра. Вернее, после-послезавтра, в это же самое время.

— И что теперь делать? — Милена, которая дожидалась парней в коридоре, испуганно смотрела на бледного Морозова, — Где нам её искать?

— Вы сейчас поедете в гостиницу, — Дима поднял глаза на Журавлёва, — ваши билеты у вас. Если до утра ничего не прояснится, садитесь в поезд и возвращайтесь домой.

— То есть, как это мы — в поезд? — Женька возмущённо развёл руками, — А ты?!

— А я... Я буду искать жену.

* * *

Стуча зубами от охватившего её озноба, Наташа испуганно рассматривала крашеные масляной тёмно-зелёной краской неровные стены. Деревянная лавка, на которой она сидела в компании нескольких девиц в ярком макияже, была вся исписана цитатами и репликами побывавших здесь людей, и её она рассмотрела в первую очередь. Когда эти современные «наскальные рисунки» были изучены, она невольно подняла глаза — народное творчество на зелёном «холсте» заслуживало не меньшего внимания, и при других обстоятельствах, она сама бы с удовольствием посмеялась над остроумием «авторов», но сейчас ей было вовсе не до смеха...

Всё произошло настолько быстро, что она не успела сообразить, что нужно делать в такой ситуации.

Оставив в машине Милену с Журавлёвым, она, полная праведного гнева, направилась к служебному входу ночного клуба, в надежде найти там Димку. Но служебный вход, через который она и другие артисты совсем недавно покинули клуб, оказался закрытым изнутри. Позвонив несколько раз в металлические двери и не дождавшись ответа, она подбежала к главному входу. Увидев, как тщательно проверяются входные билеты, она сразу же оставила мысль пройти в клуб через центральные двери... В надежде найти другой способ проникнуть внутрь, она решила обогнуть здание. Убедившись, что запасного выхода с той стороны нет, нехотя направилась назад, на стоянку такси, по дороге столкнувшись с компанией молодых разукрашенных яркой косметикой женщин в откровенных, броских нарядах. Не обратив внимания на их косые взгляды, Наташа пробежала к тому месту, где совсем недавно стоял автомобиль, в котором находились Милена и Журавлёв.

Но автомобиля на этом месте не было. Чувствуя, как что-то холодеет внутри, Наташа лихорадочно оглядывалась в поисках знакомой машины, но безрезультатно. Такси как сквозь землю провалилось! Внезапно откуда-то повалил народ, и просматривать окрестности стало очень сложно; люди шли сплошным потоком, часть из них задерживалась на стоянке такси,

садилась в машины и тут же уезжала; часть устремлялась в сторону станции метро, а некоторые, в основном молодёжь, задерживались у рок-клуба.

— Арсен, что ли? — единственным, ответившим на её вопрос, не видел ли он такси с двумя молодыми людьми в салоне, оказался пожилой мужчина, выглядывающий в окно своей «Калины», — Так он уехал!

— Как уехал?! — растерянно переспросила Наташа, — Он не мог уехать! Вернее, они не могли уехать без меня...

— Ну, не знаю, — мужчина пожал плечами, — я сам видел, как он отъезжал со стоянки.

— А вы не разрешите позвонить с вашего телефона?.. — Наташа почувствовала нервную дрожь во всём теле, — мой остался там, в машине... Там всё осталось, и телефон, и документы, и деньги.

— Простите, но у меня на счёте минус, — мужчина как-то заученно сказал эту фразу, — так что...

— Ладно, спасибо и извините... — она растерянно смотрела по сторонам, не в силах сообразить, что теперь делать. Понимая, что Дима никак не мог уехать без неё, Наташа, всё же, не на шутку испугалась. Время было уже за полночь, народ у клуба собирался довольно разгорячённый, и оставаться здесь, на виду, в её концертном наряде явно не стоило. Она попыталась разглядеть в толпе хоть одного полицейского, но тщетно — все блюстители порядка, похоже, куда-то исчезли. Кое-как поразмышляв, она пришла к выводу, что единственное, что она сейчас должна сделать, это каким-то образом позвонить мужу. Но телефон остался в машине, и, судя по реакции пожилого мужчины, одолжить его у кого-нибудь было крайне сложно. В отчаянии решив ещё раз попытаться попасть в служебную дверь, она снова оказалась на заднем дворе...

Результат был тот же — видимо, никого не ожидая к этому часу, администрация на звонок не отреагировала. Наташа растерянно отошла от крыльца... раздавшийся неподалёку женский смех заставил её обернуться.

— Девчонки, пожалуйста, одолжите кто-нибудь телефон, буквально на пару минут, — она жалобно смотрела на «жриц любви», к которым почему-то почувствовала намного больше доверия, чем к выпившим парням на крыльце клуба.

— А ты что это тут ошиваешься? — одна из девиц подошла поближе и уставилась на Наташу, — ты что, конвенцию не читала?

— Какую конвенцию?!

— Международную, — усмехнулась девица, — в чужом огороде не пасутся, ясно? Давай, проваливай, пока наши парни не подъехали...

— Ой, вы меня не поняли! — Наташа приложила руку к сердцу, — Я — артистка, мы только что давали тут концерт...

— Артистка? — девицы дружно засмеялись, — И телефона даже нет?!

— Есть, но он в сумке, в машине... Я мужа пошла искать, а машина...

— Мужа?! — все, как по команде, дружно прыснули, — Да уж... Мужа только здесь и искать!

— Да вы не поняли! Настоящего мужа... Мы с ним вместе поём...

— Так, что тут за веселье, — вышедшая из-за угла женщина лет тридцати пяти — сорока своим видом не предвещала ничего хорошего, — Это что за шалава?

— Говорит, артистка, — кто-то из девиц подал реплику, — мужа, говорит, ищет...

— Я вот сейчас ей космы на кулак намотаю... — женщина не успела показать наглядно, как она будет наматывать на кулак Наташкины волосы, как из-за угла показался свет фар автомобиля.

— Девки, менты! — Наташа не успела глазом моргнуть, как большинство девиц как ветром сдуло!

— Ну, что, красавицы, будем рассказывать, как тут семечками торговали, или сразу, добровольно, поедem в отделение? — несколько полицейских окружили оставшихся девиц, в том числе и Наташу.

— Ребята, — Наташка кинулась к полицейским как к спасителям, — я не с ними! Мне нужно позвонить, помогите мне, пожалуйста!

— Поможем, обязательно поможем, — подталкивая её к машине, молодой парень откровенно ехидничал, — как не помочь?!

— Куда вы меня собираетесь везти?! — Наташа попыталась выскользнуть из плотного кольца защитников правопорядка, но безуспешно, — Я никуда с вами не поеду! У меня утром поезд, и меня уже муж, наверное, ищет!

— Ищет, ищет... — в очередной раз заржал парень, — и муж ищет, и мама старенькая ищет... и дети голодные ищут... садись давай, пока электрошокер не применил!

В отделении, куда их привезла дежурная машина, Наташа в подробностях рассказала о том, как она «потерялась», оставшись без документов и мобильного телефона.

— Угу, — заполняя протокол, дежурный привычно хмыкнул, — сказки венского леса... Вы бы хоть что-то новенькое придумывали... А то уже слушать скучно.

— Я говорю правду, — Наташка размазывала по лицу слёзы, — я — певица, выступала сегодня в рок-клубе, вместе со своим мужем. Дайте мне телефон, я сейчас ему позвоню, и он привезёт мои документы!

— Знаешь, сколько вас здесь таких?! — дежурный оторвал взгляд от протокола, — за день человек двадцать позвонить просят, а у меня зарплата не резиновая... Вон, у своих подруг попроси!

— Это не мои подруги... Тем более, вы у них сами отобрали мобильники. Как я могу попросить?

— Отобрали — вернём... Вернём — тогда и попросишь...

— А когда вернёте?

— Когда установим все личности. Они же все вроде тебя — артистки да студентки... Заодно проверим на предмет причастности к преступлениям...

— И когда это всё будет?..

— Ну, завтра к вечеру...

— Мне нельзя к вечеру! У меня утром поезд!

— Слушай, как там тебя...

— Морозова... Наталья Морозова...

— Наталья, — парень снова усмехнулся, — хоть бы имена пооригинальнее придумывали... А то все Наташи да Ксюши... Давно в Москве?

— Со вчерашнего вечера.

— Регистрации, конечно, нет.

— Нет...

— Где живёшь?

— Я не москвичка... — называя свой домашний адрес, Наташа невольно наблюдала за реакцией дежурного, — Ну, почему вы мне не верите?!

— Работа у меня такая, никому не верить.

— Сергей, — в комнату заглянул другой парень в форме, — там футбольных фанатов привезли... Драка у клуба.

— Много?

— Человек двадцать.

— Так, давай её в обезьянник... Пусть там пересидит, пока мы с фанатами разбираться будем.

— Ну, пожалуйста, разрешите мне позвонить! Муж приедет и привезёт деньги!..

— О деньгах мы ещё поговорим, — выпроваживая Наташку из кабинета в сопровождении лейтенанта, дежурный охотно кивнул на слове «деньги», — а пока — в обезьянник. Для твоей же безопасности!

Дрожа не то от холода, не то от нервного озноба, Наташка шмыгала носом и разглядывала разрисованную стену, когда в коридоре послышался многоголосый шум.

— О, сейчас веселуха начнётся, — удовлетворённо подала голос одна из девиц, с которыми «забрали» Наташу, — Мальчики, мы ту-у-ут!

— Сиди, засохни, шкура! — полупьяные фанаты были настроены, отнюдь, не лирически.

— Слушай, командир, ну, меня-то какого хрена повязали?! — Наташа не поверила своим ушам... Голос был настолько знакомым, что она вскочила с лавки и, подбежав к решётке, схватилась за прутья, — Я вообще футбол не люблю и не смотрю... Я — музыкант, вкуриваешь?! Му-зы-кант!

— Саша!.. — со слезами в голосе Наташа пыталась перекрыть ревущую от несправедливого ареста толпу, — Саша!..

— Натаха?! — изумлению Говорова не было предела... Увидев её за решёткой обезьянника, он тут же повернулся к дежурному и, как будто потеряв дар речи, несколько раз жестом показал на зарешёченное помещение, но потом кое-как пришёл в себя, — Командир!.. Слышь, командир!.. Посади меня туда?! Ну, вон туда, к девчонкам?! Ну, посади, командир?! А я тебе автограф дам, как выйду... Где хочешь распишусь, хоть гвоздём на «чёрном воронке»... ну, посади меня туда?!

— Слушай, закрой этого с бабами, хоть на одного орущего будет меньше, — дежурный махнул рукой лейтенанту, — всё равно их распихивать придётся.

— Да он, вроде, как адекват, — сопровождающий «арестованных» кивнул на Говорова, — и, похоже, не врёт... Но взяли за компанию, мало и что?

— Ну, и закрой его с бабами. Потом туда же всех, более менее адекватных...

— Саша!.. — от избытка чувств, увидев знакомое лицо, Наташа не могла удержаться и с разбегу кинулась на шею к Говорову, — Сашка!..

— Натаха... — он растерянно сжимал её в объятиях под изумлёнными взглядами девиц и работников отделения полиции, — Ну, ладно — я... Но ты-то как здесь оказалась?! А где остальные?!

— Я не знаю, — Наташка редела у него на груди, — Я их потеряла... Дима меня, наверное, ищет... а у меня ни паспорта, ни телефона... Сашка... как ты сам сюда попал?!

— Долго рассказывать... Если коротко — приняли за футбольного фаната. А ты?!

— А я... — Наташа обернулась на вульгарно размалёванных девиц, — Я тут... с девочками...

Через пару минут помещение для задержанных, огороженное лишь металлической решёткой, заполнилось по максимуму — устроивших драку футбольных фанатов распределили по двум таким «обезьянникам», разделив их по понятному лишь самим полицейским принципу. Семеро неестественно оживлённых парней, попав в отсек, где «сидела» Наташа, тут же бесцеремонно расположились на свободных лавках, так, что ей и Говорову, стоявшим в это время на ногах, не осталось места, чтобы присесть. Громко гогоча и перекидываясь шуточками, молодёжь вела себя довольно развязно, и даже «девицы» старались не задевать их и не отвечать на реплики. Сашкину попытку согнать кого-то из фанов с места, Наташа сразу пресекла, в страхе, что разгоревшийся после этого скандал не поспособствует их скорейшему освобождению. Оттащив его за руку в угол, она сама встала рядом, собрав последние силы, чтобы тут же не скинуть туфли на высоком каблуке.

— Ты Диме уже позвонила? — выслушав её рассказ, Сашка нахмурился.

— Нет, — она грустно покачала головой, — я без телефона, и попросить не у кого, у девчонок тоже отобрали. А у тебя?.. Тоже?..

— Мой ещё вечером разрядился. Но ты могла попросить дежурного, чтобы он сам позвонил Димычу. Это твоё право.

— Я просила... Он сказал, что у него зарплата не резиновая, за всех звонить.

— Серьёзно?! — Сашкины брови поползли вверх, — Так и сказал?!

— Ага.

— Они что, думают, что все такие тупые? Звонок положен всем, тем более, что это задержание только на предмет проверки личности, а не по подозрению.

— Да ничё они не думают, — лениво протянула одна из девиц, сидевшая ближе всех, довольно плотного телосложения, в короткой юбке и полупрозрачной блузе, с крашеными под медь волосами, — просто её вместе с нами загребли. Приняли за проститутку. Тоже...

— Ну, и чё?! — возмущению Говорова не было предела, — Вам что, звонок родным не положен?!

— Кому это — вам?.. — другая девица, худенькая, с короткой модельной стрижкой, в довольно откровенном летнем сарафанчике и накинутой сверху лёгкой кофточке, закинув ногу на ногу, яростно месила челюстью жевательную резинку.

— Ну... Вам, — усмехнулся Сашка, — хотя, может, я и ошибаюсь.

— Ты ошибаешься, — челюсть не менее яростно заработала в другом направлении.

— Всё, девочки, понял! — Говоров поднял обе руки, — Вас всех ошибочно приняли за женщин нетяжёлого поведения. Несправедливо приняли. Тогда так. Им что, звонок не положен?

— Положен. В течение трёх часов.

— Ну, а я о чём?

— Только менты считают, что проституткам звонить некому. Маму с папой, что ли звать? — хихикнула полненькая девушка.

— Зачем маму с папой? — Сашка пожал плечами, — Скорее, мамочку, или свою крышу.

— Ну, крыше они сами и позвонят. У них одно ведомство, — под смех остальных сделала заключение девушка.

— А смысл тогда задерживать?

— А ты много видел в жизни смысла? — худенькая девица вытянула ноги и, засунув руки в карманы кофточки, зябко поёжилась.

— Понятно, — Говоров повернулся к решётке и, что есть силы, заорал на весь коридор, — Дежурный!

— Чего тебе? — тот высунулся из своего кабинета.

— Мне нужно сделать звонок.

— Вот очередь до тебя дойдёт, и сделаешь.

— А давай, она до меня прямо сейчас дойдёт?

— Вот когда дойдёт, тогда и дойдёт.

— Тогда почему вы не даёте позвонить вот этой девушке? — откинув руку назад, в сторону Наташки, возмутился Говоров, — Вы её уже оформили и не выпускаете.

— Какой ещё девушке?

— Которая без паспорта. Ты её что, на закусон себе оставил?

— Мы этих ещё не оформляли, — усмехнулся опер, — при чём тут закусон?

— Так интересно дело ведёте. Данные записали, выпустить не выпустили, позвонить не дали.

— Я смотрю, ты больно разговорчивый, — дежурный подошёл почти к самой решётке, — вот и поговорите тут пока. Придёт время — вызову.

Глядя, как Наташка стоит на одной ноге, высвободив из туфли другую и держа её на весу, Говоров снова обвёл взглядом помещение, раздумывая, кого бы «подвинуть».

— Не надо... — догадавшись о его намерениях, шепнула Наташа, — Постоим.

— Я-то постою... — он снова посмотрел, как она меняет уставшие ноги, — Да скинь ты их!

— Я бы скинула, но пол холодный, — она с сожалением вздохнула, — неизвестно, когда они с этими ребятами закончат разбираться и за нас примутся.

— А ты разуйся и встань на мои кроссеры...

— Ты что?! — она тихонько рассмеялась, — во-первых, тебе будет тяжело, а, во-вторых, я равновесие не удержу.

— Я буду тебя держать... — он с готовностью приобнял её за талию, — Давай...

— Ты что, пьяный? — убирая его руку, Наташа подозрительно посмотрела на него снизу вверх, — Когда успел?!

— Долго ли умеючи? — усмехнулся Говоров, снова заведя руку ей за спину, — Ты чего такая холодная? Замёрзла?

— Нет, — смущаясь от его бесцеремонности, Наташа на самом деле поёжилась от холода, — просто... просто холодная...

— А мне кажется... — повернувшись к ней всем корпусом, он упёрся ладонями в крашеную, зелёную поверхность стены, — Мне кажется, что ты совсем не холодная... в определённом смысле...

— Не твоё дело! — сердито прошептала Наташка, тем не менее, не пытаясь вырваться из невольного тёплого плена, чтобы не привлечь к себе внимания, — Сашка, ты пьяный, и только поэтому я слушаю твой бред!

— Ну, да, не моё, — он слегка наклонился и сделал глубокий вдох, — какие у тебя

духи... Хотя, нет... Это не духи. Это — ты... Подожди... У меня идея!

Неожиданно присев, он расшнуровал свои кроссовки, потом выпрямился и снял их с обеих ног.

— Зачем ты разулся? — Наташа смотрела на него с недоумением, — У тебя сейчас ноги замёрзнут. Почему-то здесь очень холодно.

— Не-а... Давай... Снимай туфли и обувай мои кроссеры, — видя, что она не собирается подчиняться его приказу, Говоров снова присел и, схватив её за щиколотку, стянул с ноги туфлю, — Наташа, ну, чего ты сопротивляешься? Ну, подумаешь, мужские... Зато тёплые и без каблука!

— Саша, прекрати... — пытаясь вырвать ногу, Наташа окинула взглядом помещение, — На нас смотрят... Что подумают?!

— А какая разница? Они всё равно нас не знают. Глупая ты, Наташка...

— Ну, Са-а-а-ш... — ей и правда стало легче, когда уставшая ступня оказалась в Сашкином тёплом кроссовке, поэтому она уже не сопротивлялась, когда он снял туфлю со второй ноги.

— Ну, нормально же? — глядя на неё снизу вверх, Говоров заулыбался, — У тебя такие ножки маленькие... и красивые...

— Дурак!.. — снова сердито прошептала Наташа, но тут же смягчила тон, — Нормально... Только теперь ты босиком.

— Слуш... А ты, правда, артистка? — девица, что сидела ближе всех, всё это время наблюдала за их вознёй.

— Да, мы оба — артисты, — кивнула Наташа, — мы давали концерт, я же сразу говорила. А потом мы с Димой как-то разминулись... и — вот... Он теперь меня по всей Москве разыскивает, наверное.

— Ну, спели бы чё-нить, — хмыкнула другая, со жвачкой, — всё веселее было бы.

— Да без проблем! — Сашка снова схватился за прутья решётки, — Э, командир!.. У вас гитара есть?.. А барабан?..

— Ты ещё не утомился? — опер в очередной раз высунулся из-за двери кабинета, — Ща оформлю, как сопротивление, будет тебе и барабан, и гитара, и флаг пиратский.

— Саша!.. — Наташка одёрнула Говорова за рукав, — Прекрати! Сейчас тебя заберут куда-нибудь, а я тут одна останусь?!

— Девчонки, нет у них гитары! — обернувшись, тот невозмутимо развёл руками, — И барабана тоже! Но мы всё равно приглашаем вас на концерт! Следующий наш концерт в Москве будет в Олимпийском, никак не меньше!

— Да? — один из фанатов, услышав название концертного зала, резко обернулся, — А чё, без барабана слабо сбацать? Руками по полу, типа...

— Мне?! — Говоров босиком прошлёпал на середину «обезьянника» и встал напротив ржущих фанов, — Мне ваще ничё не слабо, это чтобы ты запомнил знаменитого драммера Саню Говорова. А, чтобы не быть голословным, я на ваших бõшках сейчас и сбацаю... Вот ты, — он пальцем показал на крайнего парня, — ты будешь рабочим барабаном... Ты, — палец поменял направление и упёрся в другого фаната, довольно крупного, — ты будешь «бочкой», а ты, — подумав, он махнул рукой в сторону самого тощего, — ты будешь «хет»... А вы — «краш» и «чайна»... И сейчас я отожду на ваших безмозглых головах самый

беспредельный бластбит!..

Наблюдая за разошедшимся Сашкой и нарастающим возмущением его «противников» по словесной перепалке, Наташа от страха закрыла глаза. Говоров был явно нетрезв и возбуждён. Машинально сделав к нему шаг, чтобы утащить назад, в угол, она едва не упала, забыв, что стоит в его кроссовках сорок третьего размера.

— Вы, сынки, вы, хоть знаете, из какой я группы?! — Сашка явно не собирался утихомириваться и шёл в атаку на сидевших напротив парней. Видимо, такие задержания для них были не впервой, поэтому парни сидели пока на своих местах, лишь подавая грозные реплики.

— Да из какой-нибудь... — фанат, которому Сашка уготовил роль «бочки», нецензурно выругался и заржал, — широко известной в твоей вонючей деревне...

— Это ты — ... — на этот раз Говоров спокойно повторил слово, — а мы — рок-группа «Ночной патруль». Вкурил?.. Впрочем, где тебе, ущербному? У тебя же мозги мячом прессанутые.

— Ты чё сказал?! — не выдержав и вскочив с места, парень уже готов был кинуться на Сашку, но из кабинета снова высунулась голова — теперь уже Ильи.

— Так, задержанные! — нехилого телосложения опер от бессонной ночи выглядел довольно свирепо, и фанат нехотя попятился назад, к скамейке, — Устроите драку — всем обеспечу лишение свободы, сроки каждому установлю индивидуально!

— Как ты сказал?! — услышав название группы, одна из путан даже подалась вперёд, — «Ночной патруль»?

— А что, знакомое название? — обернулся к ней Говоров.

— Ну, в общем, да. Если это именно тот самый «Ночной патруль»... из моего родного города. Дима Морозов, Витька Мазур... Никита Белов... Правильно?

— Ну, в общем, правильно... — радостно кивнул Сашка, — только Никита с нами уже три года не работает... Но это неважно. А меня, что, не помнишь?.. Меня-то как раз и не назвала!

— Тебя?.. — девица встала и, подойдя к Говорову, внимательно посмотрела ему в лицо, — Хм... Ну, в общем-то я тебя сразу узнала, только не могла вспомнить, кто ты... А ты — меня?.. Помнишь?..

— Не-а... — тот развёл руками, — А что, есть что вспомнить?

— Если честно... — та как-то небрежно окинула его взглядом с ног до головы, — По большому счёту, вспоминать нечего. Был бы ты тогда потрезвее, мож, и вспомнилось бы чего...

— Видишь, Наташа, — кивнул Сашка на девушку, — оказывается, нас уже и в Москве знают!

— Ну, да... ну, да... — как-то загадочно усмехнулась девица и села на своё место, — Ладно, привет от меня городу... И «патрулям» тоже.

— Всем или кому-то конкретно? — молчавшая во время их разговора Наташа подала голос.

— Всем, — охотно кивнула девушка, — Ну, можно Морозову отдельный. Мы с ним и с

этим, — она кивнула на Сашку, — в одной школе учились. Правда, они на три класса старше. Вот он меня не помнит, а я их хорошо помню, по выступлениям. Ну, и ещё... по некоторым обстоятельствам, — она снова многозначительно посмотрела на Сашку и усмехнулась, — вот не ожидала встретиться в Москве, да ещё и в ментовке...

— Ну, Диме ты и сама привет передашь, — хмыкнул Говоров, — Думаю, он тебя ещё застанет, когда сюда приедет.

— А его, что, тоже должны сюда привезти? — рассмеялась девица, — Ну, и гастроли у вас!

— Дима — это и есть мой муж, которого я искала, — Наташка произнесла эти слова почему-то обиженным тоном, как-то по-детски.

— Ну, понятно, — снова усмехнулась девушка, окидывая взглядом теперь саму Наташу, — кто бы сомневался, что он женат...

— Ты что, Диму заревновала?! — окончив разговор, Говоров снова повернулся к Наташке, — Глупая ты... Это Ирке меня ревновать нужно.

— Я не глупая. Я — дура... — закусив губу, Наташа тяжело вздохнула, подумав о муже.

— Знаю, — охотно кивнул Сашка, — дура... А я до сих пор эту дуру...

— Всё! — она сердито закрыла ему рот ладошкой, — Ещё слово, и я попрошусь в другую камеру!

— Да ладно тебе, — Говоров, смеясь, взял её ладонь в свою руку, — Наташка... Ну, потерпи меня полчаса?... У меня больше никогда не будет такой ночи...

— Какой ночи?!

— Вот такой. Наедине с тобой...

— Ничего себе наедине... — она тихонько прыснула, — Ты сколько выпил?!

— Ты и правда, дура...

— Знаешь, меня даже Дима никогда душой не называл. А ты уже не в первый раз... По-моему, я имею полное право заехать тебе... — она уже хотела сказать, по чему готова заехать Говорову, но так и застыла со сжатыми губами, не решившись произнести обидного слова.

— Ну?... Ну?... — подбадривающим тоном, радостно прошептал Сашка, — Ну, чего ты говори!.. По роже... Да?

— Да! По роже! — она снова сердито стрельнула на него глазами, — по твоей наглой роже!

— Ты забыла сказать, что Димыч мне друг, — наклонившись, он прошептал ей в ухо, — а я — такая сволочь!

— Ну, что, говорун, — дежурный лязгнул замком решётки, — пошли, твоя очередь!

— Саша!.. — в Наташкином голосе было столько отчаяния, что Говоров, резко повернувшись у самых дверей, снова шагнул ей навстречу, — Сашка... А, вдруг, они тебя...

— Не бойся, — он несильно сжал её плечо, — я вернусь. И Диме сейчас позвоню.

— Подожди!.. — выпрыгнув из его кроссовок, она надела свои туфли, — Обуйся!..

— Это ты про неё говорил? — дежурный внимательно всматривался в Наташу, как будто что-то вспоминая.

— Да, про неё. Мы вместе приехали в Москву выступать.

— Какое-то нашествие гастрольных артистов сегодня, — хмыкнул дежурный, выпуская его в коридор, — с ума можно сойти.

Ещё раз махнув Наташке, Говоров проследовал за ним в кабинет. Усевшись за свой стол, оперативник окликнул сослуживца, на противоположной стороне кабинета «оформляющего» очередного футбольного фаната:

— Слышь, Илья, с этим закончишь, возьми из обезьянника женщину. Ту, что типа артистка.

— Угу, — не переставая печатать протокол, кивнул Илья, — что, документы нашлись?

— Нет, но, кажется, найдутся. Егоров звонил, из соседнего отделения, рассказывал, как муж жену приходил искать сегодня. Описание подходит. Тоже говорил, что они приезжие музыканты.

...Наташа с надеждой и страхом смотрела на телефонную трубку, по которой дежурный разговаривал с Морозовым.

«Где?!» — даже сидя поодаль, она услышала, как Дима выкрикнул это слово. Почему-то ни ей, ни Сашке позвонить не разрешили, но она даже была рада этому обстоятельству. Чувствуя себя ужасно виноватой, она боялась, что в этот раз получит от него непривычный, но очень справедливый нагоняй. Впрочем, это было не так уж и важно... Главное, что он сейчас приедет!

* * *

...Удобно устроившись в углу нижней полки мягкого вагона, Журавлёв через полуприкрытые веки наблюдал, как Милена, ловко набрав лекарство в шприц, не менее ловко сделала укол Наташке в плечо. Морозов, с чересчур серьёзным лицом, дождавшись, когда Милена отойдёт от жены, тут же присел рядом и положил той на лоб мокрое полотенце.

Утром, усевшись благополучно в поезд, вся компания дружно позавтракала и разбрелась — после бессонной и полной переживаний ночи Морозовы улеглись спать, Женька с Миленой устроились в том же купе на нижней полке, а все остальные, включая и Говорова, едва протрезвевшего к утру, отправились в соседнее купе, где и продолжили «отмечать» удачную поездку. Ближе к вечеру все в первом купе проснулись — все, кроме Наташи... Уже глядя на её пунцовые щёки, Дима понял, что с ней не всё в порядке. Лоб оказался горячим, а сама она еле открыла глаза. Кое-как приведя себя в порядок, Наташа снова без сил опустилась на полку. Морозов уже собирался через проводника вызывать врача на ближайшей станции, но тут на помощь пришла Милена...

— Ну, ты и Пилюлькин! — рассмеялся Журавлёв, глядя, как она достаёт из небольшой сумочки шприцы и лекарства, — У тебя там на все случаи жизни таблетки припасены?

— Нет, — она лукаво посмотрела на него, — всё есть, кроме таблеток от сердечных ран...

— Спасибо тебе, — кивнул Димка, когда она, выбросив использованный шприц, снова

вернулась в купе, — будем надеяться, что это не простудное...

— Не за что, — улыбнулась Милена, — это хороший укольчик, он сбивает температуру, но не резко, а постепенно.

— Когда я приехал в отделение, она была босиком, — Дима с тревогой смотрел на жену, которая лежала, прикрыв глаза, и держал в руках её ладошку, — туфли на высоком каблуке, она их сняла... Да и в помещении было прохладно. Могла застудиться.

— Всё хорошо, Дим... — открыв глаза, тихо пробормотала Наташка, — Сейчас всё пройдёт. Ты только здесь на меня не ругайся, ладно? Дома поругаешься...

— На тебя не ругаться надо, — чтобы увидеть её, Женька весело заглянул под столик, — тебе по одному месту надо надавать, а потом в угол поставить. Хотя... у Димы наказание на первом пункте и закончится...

— Женька... ну тебя... — слабо махнув на него рукой, Наташа тихо рассмеялась, потом перевела взгляд на мужа, — Дима, мне уже лучше... Сейчас я встану. Ты только прости меня, ладно?

Привстав, она села на полке и, обхватив Морозова руками за шею, прижалась к его плечу. Обняв в ответ её одной рукой, другой он гладил её по голове и целовал то в горячий лоб, то в висок...

Деликатно выйдя в коридор, Женька с Миленой закрыли дверь в купе и прильнули к окну напротив.

— А ты молодец, — приобняв её за плечи, Журавлёв потёрся лбом о её макушку, — настоящий Пилюлькин! Вон как быстро Наташку вылечила!

— Да это не я вылечила, — рассмеялась Милена, — а инъекция. А я... Не забывай, что я — педагог дошкольного воспитания, и мне просто положено знать азы медицины. Я и тебя вылечу, если что...

— Ты, главное, сама не болей. А я как-нибудь справлюсь.

— А Наташе помочь — это просто мой долг, — Милена понизила голос, — ведь, по сути, она тебя спасла...

— Да, если бы не Наташка... Перо в спину бы мне этот Славик загнал на раз-два. Да и Дима руку хорошо располосовал, когда нож отбирал. Хорошо, что сухожилие не задето, а то прощай, музыкальная карьера.

— Послушай... А его не могут отпустить? Суда ещё не было?

— Не должны. Во всяком случае, я надеюсь, что не отпустят и впаяют ему по полной.

— Женя... — она положила свою ладонь поверх его ладони, лежащей на поручне, — Я хочу тебя спросить... только ты ничего не подумай. Ты же будешь навещать Настю до того, как родится ребёнок?.. Я же понимаю, что ты будешь ей помогать...

— Н-ну... да... — Женька неуверенно пожал плечом, — А что? Ты против?

— Нет, конечно, нет, — торопливо произнесла Милена, — я, как раз и хотела... просто хотела уточнить. И попросить тебя, чтобы ты не делал из этих посещений тайны. Хорошо? Поверь, я не устрою тебе ни одного скандала.

— Н-ну, хорошо... — он снова пожал плечом, — В общем-то, я и не собирался делать из этого тайны. И частых посещений не предполагал. Мы расстались. Понимаешь? Расстались. Может, я и подлец. Но я по другому уже не смогу жить. Без тебя не смогу. Понимаешь?

— Понимаю, — она едва заметно, с облегчением, вздохнула и улыбнулась.

— Но ребёнок — он уже есть, и он мой. Понимаешь?

— Понимаю, — всё так же, улыбаясь, она кивнула, — Женя... Я даже не мечтала, что снова буду с тобой. Я даже не могла представить, что ты всё ещё любишь меня... Так разве может твой ребёнок помешать моему счастью?

— Не твоему... — он прижал её к себе ещё крепче, — Нашему счастью!

— Так! — вывалившись из соседнего купе, Говоров с ходу обнял их обоих сзади за плечи, — Кому тут помешать?.. Пришёл плохой мальчик Саша!.. И он сейчас всем будет мешать! А где Димыч?

— Вот Димычу точно не мешай, — усмехнулся Женька, — мешай тогда лучше нам!

— А ещё лучше — нам! — Юлька, тоже довольно нетрезвая, высунулась из своего купе, — Говоров, а ну-ка, давай возвращайся!.. Ты мне ещё не рассказал, чем «чайна» отличается от «хета»! Прикинь, Милен, — отчаянно жестикулируя руками, она перевела взгляд на Милену, — там, оказывается, столько интересного!.. И одна тарелка — шляпа... и другая — тоже шляпа... А звучат совсем по-разному!.. Да, Саня?!

— Да, Саня! — сзади неё появилась белёсая голова Мазура, — Хорошо тебе, Саня, ты один в поездке! А мне вот эта тарыхтелка все уши протарыхтела за трое суток! Лучше бы её в ментовку забрали, по чесноку!.. Я бы хрена с два по всей Москве мотался, как Димон, один бы уехал!

— Во-о-о-т, белобры-ы-ысая сво-о-олочь! — нараспев протянула Юля, — Ну, погоди, до дому только доедем...

* * *

Знакомство, а, вернее, возобновление знакомства с родителями Журавлёва произошло ещё до поездки в Москву, и Милен с удовольствием для себя отметила, как обрадовалась Женькина мать. Поэтому, на следующий же день после возвращения, она решила навестить будущую свекровь. Журавлёв с утра уехал в студию, и она, купив по дороге торт, взяла такси и приехала к дому, где жили его родители. Мать тоже обрадовалась — Милена нравилась ей всегда, с первого дня, как они познакомились много лет назад. Отец был на работе, и женщины, вскипятив чайник, устроились в кухне за столом.

Рассказав о поездке, Милена выслушала все новости из жизни Женькиных родственников и узнала диагнозы их болезней. Беседа уже подходила к концу, и она приготовилась прощаться, как в дверь кто-то позвонил.

— Алёнушка! — донеслось до неё из прихожей, — Ты что, одна?

— Да... — Милене показалось, что она услышала детский всхлип.

— Что случилось?! Почему ты плачешь?! — пожилая женщина за руку завела на кухню девочку лет девяти-десяти.

— Ма-ма сказа-ла, чтобы я слуша-лась дя-дю Ми-шу... — девочка всхлипывала и говорила прерывисто, размазывая слёзы по щекам.

— Какого дядю Мишу? — бабушка чистым полотенцем вытирала внучке слёзы.

— Он с на-ми жи-вёт... — едва успокоившись, Алёнка всё ещё не могла говорить нормально, — А мама сказа-ла, что я должна его слу-шать...

— Ну... А он — что?

— А он... — девочка опять всхлипнула, — Он на меня кри-чит!

— Как кричит?! — бабушка схватилась за сердце, — А мама?! Мама что?!

— А мамы нет... Мама уехала... Она приедет только завтра...

— А как ты сюда попала?! Ты папе позвонила?

— Нет... — Алёнка горько вздохнула, — Я хотела... А дядя Миша у меня отобрал телефон.

— Так ты — одна?! С другого конца города?! И он тебя отпустил?!

— Нет... он не отпустил...

— А как?!

— Я сбежала...

Разговор с Кирой оказался тяжёлым. Приехав из студии в родительский дом, Журавлёв сначала терпеливо выслушал причитания матери, всхлипы дочери, и только потом набрал номер бывшей жены.

— Миша — замечательный человек! — тон Киры был предельно нервным, и ударение на слове «замечательный» должно было лишней раз уколоть бывшего мужа, — А я в командировке, какие могут быть претензии?! Ребёнок остался под присмотром, а то, что она стала невыносимо капризной в последнее время — полностью твоя заслуга!

— В смысле?.. — Женька непонимающе нахмурил брови, — Почему — моя?

— Ты как праздник в последние пол года: появляешься редко, и начинаешь восполнять недостаток общения подарками. А она потом того же требует от меня, но, прости, твоих алиментов на все её прихоти не хватает!

— А на что же их хватает? — усмехнулся Женька, — На твои-то хоть хватает?

— В общем так, — Кира решила долго не разговаривать и перешла на ультимативный тон, — сейчас ты отвезёшь её домой, а я приеду, сама разберусь. И не вздумай хоть что-нибудь сказать Мише!

— В общем, так, — сидя за столом, Журавлёв сжимал и разжимал кулак свободной руки, как бы разминаясь перед боем, — Алёнку я никуда не повезу. До твоего приезда она будет у моих родителей. Или у меня... — бросив молниеносный взгляд на Милену, добавил он, — Приедешь — заберёшь. Но учти, я наведу все справки об этом Мише, и о его прошлом, и настоящем, а будущее будет зависеть от того, что я о нём узнаю.

Кира ещё несколько раз пыталась дозвониться, но Женька упрямо сбрасывал звонок. Милена молча наблюдала за ним, удивляясь твёрдости, с которой он принял решение оставить Алёнку у себя до приезда матери. Девочка с радостью согласилась переночевать у бабушки с дедушкой, которых уже давно не видела, а на завтра Журавлёв пообещал с утра взять её с собой в студию, а потом вместе с ней и Миленой провести остаток дня — Кира должна была приехать только поздно вечером.

— Видишь, какой я проблемный жених, — мрачно усмехнулся Женька, усаживаясь за руль своего «ровера», — так и передумаешь выходить за меня...

— Слушай... — не обращая внимания на его слова, Милена задумчиво смотрела, как он достаёт из пачки сигарету, — А ты, действительно, можешь узнать всю подноготную этого Миши? И, если да, то как?

— Да никак, — чиркнув зажигалкой, тот прикурил и повернул ключ в замке, — это я блефовал. Хотя... есть у меня один товарищ в ментовке... Любую инфу выудит. Просто лишней раз обращаться — лишней раз быть в долгу.

— А как теперь? Вдруг, он и вправду, груб с ребёнком?

— Ну, это узнать пара пустяков. Личная беседа — и все дела.

— И ты вот так, сразу всё поймёшь?.. Только из одной беседы?..

— Пойму, — кивнул Журавлёв, — человека можно определить сразу, во всяком случае, у меня чутьё звериное.

— А я тебя не знала таким... — ей вдруг захотелось запустить пальцы в его длинные волосы, приласкать, и, с трудом справляясь с этим желанием, Милена лишь улыбнулась.

— Мальчик-сюрприз, да? — он уже более весело посмотрел на неё.

— Любимый мальчик... — она всё же не удержалась и проехала ладонью по его голове, — Самый любимый на свете...

На следующее утро, вместе с Миленой и Алёнкой Журавлёв приехал в «Творческую деревню». Впервые попав в студию, девочка с интересом осматривалась, собственно, как и Милена — за все эти месяцы она была здесь лишь во второй раз.

— Вы тут погуляйте, сходите на второй этаж, посмотрите, как шоу-балет репетирует, — Женька рукой махнул в сторону лестницы, — а я в аппаратной буду, если что.

— А что ты там будешь делать? — девочка прильнула к отцу, обняв его за пояс, — Папа, ну, что?

— Мы новую песню репетируем. Я сейчас со своей партией работаю.

— А ты не говорил, что у вас новая песня, — лукаво улыбнулась Милена, — что за секреты?

— Никаких секретов, просто не успел...

— Ты плисла-а-а-а!.. — войдя в открывшуюся дверь вместе с Димой, Валерка со всех ног бросился к своей няне.

— Да, я пришла, — подхватив малыша, Милена ласково прижала его к себе, потом посмотрела на Морозова, — здравствуй, Дима!

— Здравсьте! — радостно кивнув ей в ответ, тот подал руку Журавлёву, — И вы семейством?

— Ну, да, — усмехнулся тот и положил руку на плечо Алёнке, — знакомься, это Елена Евгеньевна, а это — Дядя Дима.

Глядя, как взрослые здороваются и знакомятся, Валерка растерянно хлопал своими синими-пресиними глазёнками, в ожидании, что его тоже представят. Но, обменявшись приветствиями с девочкой, папа, кажется, про него совсем забыл.

— Ты чего, Валерик? — заметив, как жалобно сморщилась его мордашка, Милена присела возле ребёнка, — Что случилось?

— А я?.. — глядя на отца полными слёз глазами, как-то по-сиротски спросил Валерка, — Познакомиться-а-а-а...

— Так знакомься, — пряча улыбку, ответил Дима, — ты же мужчина, должен сам познакомиться!

— А я... а я... — шмыгая носом, Валерик перевёл взгляд на девочку, — А я — Валела Молозов! А тебя как зовут?

— А я — Алёна, — улыбнулась та и показала рукой на Журавлёва, — а это — мой папа.

— Папа?.. — малыш непонимающе уставился на Журавлёва, но потом решительно подошёл к Диме и схватился за его руку, — А это — мой папа, и он здесь главный!

— Так, — Дима шутливо нахмурился и положил ладонь на белую макушку сына, — ещё раз услышу про главного, тебя с собой не возьму. Понятно?

— Да! — Валерка охотно кивнул и снова посмотрел на Алёнку, — Он не главный, он —

музыкант и композитор, и плодюсел, и дилектол!

— А где ваша мама? — рассмеявшись вместе во всемирно, Милена посмотрела на Морозова, — Я вчера даже не позвонила, не узнала, как она себя чувствует.

— Наташа дома, с Аней, — ответил Дима, — завтра вечером летим в Сочи, решили, что нужно подлечиться, а заодно дать бабушке с дедушкой небольшую передышку. А Валерку я взял с собой, чтобы ей полегче было.

— Ой, и я как нарочно, занята, — Милена с сожалением покачала головой, — а то посидела бы с детьми.

— Нет-нет! Наташке уже совсем хорошо, это я для профилактики её оставил. А этому ребёнку пора привыкать к артистической жизни... — Дима снова потрепал Валеркины белые волосы, — Он себе место в «Ночном патруле» уже забил!

— А мне папа написал песню! — переводя взгляд с одного взрослого на другого, похвастался Валерик, — Я буду её петь на конкурсе!

— Что за конкурс? — Женька устроился за синтезатором и взял в руки нотную тетрадь.

— Юных вокалистов, — ответил Морозов, — проводит центр детского творчества. Наташка откуда-то узнала, давай, говорит, Валерку выставим в самой младшей группе. А он только услышал — и давай мне в уши звонить, «папа, хочу на конкурсе»!

— Папа, я хочу на конкурсе! — повторил за отцом Валерка, — Когда будет конкурсе?

— Осенью, успокойся уже. Ты участвуешь.

— А ты? — Женька посмотрел на дочь, — Хочешь участвовать в конкурсе?

— Не знаю, — девочка смущённо пожала плечами, но потом подняла на отца огромные светло-карие глаза, — хочу...

— Ну, значит, на этой неделе попробуем твой вокал.

— А чего на неделе? — Дима удивлённо приподнял брови, — Прямо сейчас и попробуем. Идём в репетиционную?

— Да!.. — казалось, Алёнка совсем не ожидала такого поворота событий и, всё ещё не веря своему счастью, снова посмотрела на Журавлёва, — А можно?..

— Ну, раз Дима говорит, значит, можно, — улыбнулся Женька, — идём!

Идя следом за всей компанией, Милена едва сдерживала смех, глядя, как Валерка, засунув в карманы шортиков ручки, с «деловым» видом старается идти в ногу с отцом, то и дело подстраиваясь под его шаг.

— Сначала — ласпевка! — повернувшись всем корпусом к Алёнке, малыш строго дирижировал указательным пальчиком.

— Видишь, какой у тебя педагог по вокалу, — обращаясь к дочери, рассмеялся Женька, — первое место считай обеспечено...

— Я вот сейчас этому педагогу... — Дима деланно нахмурил брови и посмотрел на сына, — Не ласпевка, а р-р-распевка... Забыл, как мы с тобой договаривались?

— Р-р-р-ас-пев-ка! — повторил малыш, старательно выговаривая трудную букву.

— Может ведь, а ленится. Пока не научишься выговаривать «Ночной патруль», в группу я тебя не возьму, — включив аппаратуру, Дима бросил смеющийся взгляд на сына, — Договорились?

— Догово-р-р-р-и-лись! — прорычал тот под улыбки взрослых, — Папа, я умею! Плавда!

Проба вокала прошла более чем удачно — у Алёнки оказался довольно сильный голосок и абсолютный музыкальный слух.

— Ну, вот, будешь приходить к нам и заниматься, — улыбнулся девочке Морозов, — песню мы подберём, на конкурс заявим от нашей творческой деревни.

— А с кем я буду заниматься? — Алёнка перевела взгляд с него на отца.

— У нас есть педагог по вокалу, — ответил Дима, — договоритесь по времени, и милости просим.

— Ну, что, хочешь научиться петь? — Женька улыбнулся дочери, — Не только для конкурса, конечно, а вообще.

— Хочу! — та радостно закивала, — Очень хочу!

— Ну, вот и договорились.

Остаток дня прошёл не менее удачно и весело — после того, как Журавлёв освободился, они втроём посетили кафе, детскую развлекательную площадку, походили по магазинам, и, как всегда, Алёнка не осталась без подарков...

Ближе к вечеру, вернувшись ненадолго домой, Женька заметил, что девочка резко погрустнела. На все расспросы она старательно отвечала, что «всё нормально», но смена настроения была настолько явной, что Милена, догадавшись в чём дело, увела Журавлёва на кухню.

— Мне кажется, она не хочет возвращаться домой, — тихо, чтобы не услышала Алёнка, сказала она Журавлёву.

— Я знаю, — ответил он, — у неё так каждый раз...

— Может, пусть останется у нас на ночь? Мать всё равно приедет уставшая... А завтра ты её отвезёшь.

— Не, — он покачал отрицательно головой, — она сейчас весь мозг выест. Будет звонить и требовать, чтобы я привёз ребёнка. Мы поедем к поезду, заодно и на этого самого Мишу посмотрю.

Поздно вечером, приехав на железнодорожный вокзал к приходу поезда, на котором должна была вернуться Кира, Женька вместе с Алёнкой и Миленой прошёлся по перрону.

— Вон он, папа... Во-о-о-н, видишь? В красной футболке... — Алёнка показала рукой на мужчину среднего роста, лет тридцати пяти, в очках, который в свете фонарей стоял на платформе, — Это дядя Миша.

— Понял... — Женька пожал плечо девочки, — постой пока с тётей Миленой, хорошо?..

«Дядя Миша» явно не ожидал такой встречи перед самым приходом поезда.

— Где Елена? — строго спросил он, когда Журавлёв представился, — Я не знаю вашего адреса, иначе бы...

— Иначе бы ты летел с лестничной площадки, — спокойно ответил Женька, — в

общем, так. Если я вдруг ещё раз узнаю, что ты повысил голос на мою дочь, у нас будет сугубо мужской разговор. Гораздо жёстче, чем сейчас.

— Ты выбрал не тот тон, которым можно обсуждать воспитание твоего ребёнка.

— Да, — слегка прищурившись, Журавлёв пристально посмотрел в глаза мужчине, — одного этого предложения уже достаточно.

— Достаточно — для чего? — «дядя Миша» разговаривал довольно вызывающе.

— Для того, чтобы иметь представление о тебе. Учитывая обстоятельства, повторяю ещё раз: если моя дочь хоть раз ещё пожалуется, что ты повысил на неё голос, разговор будет в другом месте и другого качества. Это я тебе гарантирую.

— Что?! — как-то нервно усмехнулся Михаил, — Ты — что-то гарантируешь?! Ты — алкоголик и любитель женского пола, угрожаешь мне?!

— А ты что, предпочитаешь мужской пол? — тут же нашёлся Журавлёв, — Только не говори, что это так... это будет последней каплей.

— Ты... — увидев, что в конце перрона показался долгожданный поезд, Михаил сделал шаг вперёд, но тут же презрительно обернулся к Женьке, — лабух... Какой-то лабух ещё будет качать права! Ты их давно потерял, а именно тогда, когда бросил и жену, дочь! Так что заткнись!

— Я своё слово сказал, — вложив руки в карманы джинсов, Журавлёв невозмутимо провожал взглядом проезжающие мимо вагоны, — и я его сдержу.

— Где она?! — сойдя с подножки, Кира возмущённо смотрела на Женьку, — Где Алёна?

— Она там, возле входа в подземный переход, — он кивнул головой в сторону, — в общем, так...

— Ты что, оставил её одну?! Ты в своём уме?!

— Я — в своём. Она не одна, сейчас ты её увидишь. Но прежде я хотел бы...

— А с кем?! — не дав ему договорить, перебила его Кира и, привстав на цыпочки, попыталась разглядеть сквозь толпу пассажиров дочь, — С кем?!

— Она с моей женой.

— Ты всё-таки женился на этой... буфетчице?.. — презрительно усмехнулась женщина, — Поздравляю!

— Послушай, — было видно, что Женька из последних сил старается сохранить спокойствие, — я минуту назад говорил твоему... вот этому... Теперь повторю специально для тебя. Если я ещё раз узнаю, что Алёнка от него плачет, разбираться буду, несмотря на чины и регалии.

— Ну-ну, — Кира снова усмехнулась, но уже как-то загадочно, — попробуй... Миша — гражданин другого государства...

— Поздравляю, — хмыкнул Журавлёв, — мы уже до иностранцев добрались... Твой бывший муженёк хоть русским был.

— Да, русским! — с вызовом ответила Кира, — И вы очень хорошо нашли общий язык! Представляешь, — она повернулась к Михаилу, — пили вместе несколько раз! Теперь ты понимаешь, что это за человек?! И как мне не везло в жизни, ты — понимаешь?!

— Успокойся, дорогая... — обняв её за плечи одной рукой, другой Михаил подхватил дорожную сумку, — Успокойся, скоро всего этого кошмара не будет, и ты даже не вспомнишь о нём!

— Да скорее бы! — недовольно пробормотала Кира и, вспомнив о дочери, снова уставилась на Журавлёва, — Ну, где моя дочь?!

...Несмотря на то, что она видела её всего один раз, Милена сразу узнала эту женщину... Тогда это была ещё совсем девочка... беременная девочка в свадебном наряде, вместе с которой Журавлёв приехал в тот вечер в ресторан... Она узнала её. Тогда, десять лет назад, рыдая за оградой городского парка, она думала, что жизнь кончена, и что счастье улетело навсегда вместе с лепестками отцветающей сирени... Если бы кто-нибудь, тогда, сказал ей, что пройдёт время, и новая встреча будет совсем другой, она бы не поверила. А вот — случилось!.. И даже Алёнка — «виновница» их тогдашнего разрыва с Женькой, стоит рядом с ней, боясь подойти к матери...

Кира что-то хотела сказать дочери, но, скользнув взглядом по лицу Милены, внезапно осеклась. По её резко побледневшему лицу было видно, что она поняла — та, которую Журавлёв назвал своей женой, вовсе не «буфетчица» Настя, с которой он был последние годы... Нет, она тоже узнала эту женщину с красивым, утончённым лицом, с огромными карими глазами и копной каштановых волос... Нет, она никогда не видела её «вживую»... Но однажды, ещё будучи женой Журавлёва, она нашла у него фотографию девушки, как две капли воды похожей на его нынешнюю спутницу... Да, это и есть — т а с а м а я Милена. Так было подписано фото. Женькина невеста, которой он изменил с ней, с Кирой. Которая его так и не простила — тогда...

Так что же, выходит, теперь — простила?

Все эти мысли пронеслись у Киры в голове с невероятной скоростью, так, что она напрочь забыла, о чём хотела сказать дочери.

Опомнившись, наконец, она сердито дёрнула девочку за руку.

— Немедленно едем домой!

— Мама, а я теперь буду ездить вместе с папой в студию, учиться вокалу! — первая новость, которой захотела поделиться Алёнка с матерью, была именно такой.

— Ни в какую студию ты ездить не будешь! — мать всё ещё сердилась, и девочка сразу как-то сникла от её тона, — Скоро у тебя будут совсем другие заботы. Всё, идёмте на стоянку!

— Какие заботы? — семеня рядом, Алёнка осторожно поглядывала на Киру, — Ну, мама... Какие?

— Вот придём домой, я тебе всё расскажу.

— Что-то не нравятся мне её новые заботы, — проворчал Женька, наблюдая, как Алёнка вместе с матерью и отчимом скрываются в подземном переходе.

— По-моему, ты слишком близко принимаешь к сердцу житейские проблемы своей прежней семьи, — Милена постаралась произнести эти слова как можно мягче, чтобы не обидеть Журавлёва.

— Знаешь, с Кирой мы прожили всего два года, и я бы даже не назвал это жизнью. Времяпровождение в одной квартире, и не более того. Она без конца пропадала у своих родителей, я... — он хотел что-то сказать, но, покосившись на Милену, запнулся на слове, — я... тоже у своих... Алёнка чаще оставалась у дедушек и бабушек, чем в своём родном доме.

По сути, семьи у нас не было, и меня совершенно не задевает, как устроилась жизнь Киры. Но Алёнка — моя дочь.

— А она очень на тебя похожа... особенно глаза...

— Ты ещё не раздумала выходить за меня замуж?.. — пассажиры разошлись, и они стояли, обнявшись, на опустевшей платформе, в свете ночных прожекторов, — Ленка?..

— Я никогда не раздумаю, — счастливо жмурясь, Милена прижалась к его плечу, — даже если окажется, что у тебя ещё целая куча детей...

— Правда, что ли?..

— Плавда... — вспомнив Валерика, она тихо рассмеялась, — плавда-плавда...

* * *

Несмотря на то, что он твёрдо пообещал Милене не скрывать от неё свои визиты к Насте, в этот раз Журавлёв решил смолчать. Обстоятельства складывались именно таким образом, что Милена должна была двое суток провести с детьми Морозовых, пока те гастролировали в сочинском пансионате. Анну Сергеевну срочно вызвали на работу, поэтому Наташе ничего не оставалось, как попросить Милену побыть с детьми до их возвращения. Присутствие Журавлёва ночью в доме Морозовых как бы не оговаривалось, но негласно «одобрялось» — и Димка, и Наташа прекрасно понимали, что Женька не усидит дома один и всё равно приедет к любимой женщине, поэтому этот вопрос даже не обсуждался, а оставался закрытым лёгкой ширмой «неразглашения». И он, естественно, собирался приехать ночью, когда Милена уже уложит детей. Проводив её вечером к Морозовым, он отвёз их самих в аэропорт, а затем вернулся домой. Время было ещё не совсем позднее — часы показывали восьмой час вечера, и Женька, послонявшись по квартире, на всякий случай позвонил Милене, а затем решительно вышел в прихожую...

Подъехав к Настиному дому, он ещё издали увидел свет в кухонном окне. На его звонок она вышла довольно быстро, и, увидев, кто стоит на пороге, широко распахнула дверь.

— Заходи, — каким-то непривычно грубым голосом произнесла Настя и, резко развернувшись, прошла в кухню.

Ещё переступая порог квартиры, Женька почувствовал какой-то странный запах... Настя всегда была страшной чистюлей, и порядок в доме не зависел ни от её настроения, ни от её самочувствия. Но теперь что-то явно было не так... Нет, беспорядка не было, но всё же что-то настораживало... Какой-то дискомфорт чувствовался в каждом уголке небольшой квартиры, и в первый момент Журавлёв никак не мог понять причину этого дискомфорта.

— Садись, — Настя как-то размашисто махнула рукой на кухонный стул и сама плюхнулась напротив, — чего пришёл?

— Просто пришёл, — Женька пожал плечами, — узнать, как ты. Денег принёс.

— Выпить хочешь? — не глядя на него, она тяжело поднялась из-за стола и, пройдя к шкафу, достала оттуда начатую бутылку вина и два стакана.

— Подожди... — меняясь в лице от осенившей его догадки, Женька не сводил глаз с

бутылки, — Ты что, пьёшь?!

— Пью, — она, как ни в чём не бывало, пожала плечами, — а что тут такого?

— Ты что, дура?! — он попытался вырвать у неё бутылку, но она вцепилась в неё обеими руками, — Настя!..

— А что, умная что ли? — усмехнулась она, и Журавлёв только сейчас понял, что она не совсем трезвая, — Была бы умная, разве с тобой связалась бы?

— Да при чём тут это?! Ты о ребёнке подумала?!

— А ты?.. — она впервые подняла на него глаза, — Ты — подумал?

— Я подумал. Я вот к тебе сейчас пришёл, деньги принёс... Хотел узнать, может, что-то ещё нужно... А ты?! Ты что творишь?!

— Ты — сволочь, Журавлёв, — Настя старательно выговаривала обидные слова, — я столько лет на тебя угробила... А ты... ты один раз меня бросил... Потом второй раз меня бросил... Славика посадил... От тебя одно горе, Журавлёв. Вот ещё — горе... — она показала на свой живот.

— Ты зачем пьёшь? — приглушённым голосом спросил Женька, пристально глядя ей в глаза, — Ты же его калечишь... Настя... Ты кого родишь?!

— А никого не рожу! — она вдруг рассмеялась, — Ни-ко-го! Оно тебе — надо? Нет, не надо... А мне?.. И мне не надо.

— Ты совсем пьяная, — он осторожно взял в руки бутылку, которую Настя поставила на стол, — сколько ты сегодня выпила?

— Ну, вон... видишь, сколько? — она кивнула на бутылку.

— Не ври. Здесь максимум грамм сто не хватает, а ты совсем пьяная. Ты что, уже целую выпила? Говори!

— Нет, — она отрицательно покачала головой, — я не пила...

— А это — кто пил? — открыв дверцу под мойкой, Журавлёв вытащил из мусорного ведра пустую бутылку из-под такого же вина, — Это ты сегодня всё выпила?! Настя, отвечай!

— А это тебя не касается.

— Так, вставай, — он поднялся сам и потянул её за руку, — идём.

— Куда? — несмотря на настроение, она всё же подчинилась и встала вслед за ним.

— Спать.

Он только сейчас понял, что за запах витает в квартире — это был запах алкоголя, смешанный с запахом табака, видимо, Настя много курила в последнее время. Она не сопротивлялась, когда он уложил её на диван и накрыл одеялом — видимо, состояние опьянения было настолько сильным, что она и сама почувствовала необходимость в сне.

— Подожди... — он уже хотел отойти от дивана, когда она поймала его руку, — Сядь со мной...

— Ну, что? — нехотя присев рядом, вопросительно кивнул Журавлёв.

— Женя... — Настина ладошка неуверенно съехала с его плеча дальше — по руке, — Женечка...

Ему показалось, что он почувствовал, как сжимается сердце, когда из её замутнённых алкоголем глаз одна за другой стали скатываться слёзы...

— Настя... — едва справляясь с собой, чтобы не поддаться искушению и не утереть ей слёзы, Женька старался говорить как можно строже, — Сейчас ты уснёшь, а утром, когда проснёшься, ты приведёшь себя в порядок и никогда... слышишь?! Никогда больше не выпьешь ни капли алкоголя. Ты меня поняла?!

— Останься со мной... — еле слышно прошептала Настя, прижимая к щеке его руку — он чувствовал, как горячая влага скатывается в его ладонь, — Женечка... останься...

— Спи... — так же шёпотом ответил он ей, глядя, как смыкаются её припухшие веки, — Пожалуйста, спи...

Дождавшись, пока она окончательно уснёт, Журавлёв ещё какое-то время сидел рядом с ней на диване, уронив голову на руки. Потом встал и, забрав из кухни бутылку, тихо покинул квартиру, заперев снаружи её на ключ и спрятав его в карман.

Выйдя на улицу, сел в машину, но заводить не торопился. Откинувшись на подголовник долго смотрел вперёд, в ночную темноту, местами рассеянную светом фонарей, пока зазвонивший телефон не отвлек его от тяжёлых мыслей.

— А я уже уложила детей, — многозначительным тоном проворковала в трубку Милена.

— Да, я сейчас... я скоро подъеду... — он не смог скрыть упавшего голоса.

— Что-то случилось?

— Нет, всё нормально... Я по тебе соскучился.

— И я... Жень... что-то у меня так тревожно на душе... С тобой всё в порядке?

— Со мной всё в порядке. И я уже к тебе еду...

* * *

Он всё же не смог скрыть от неё своего состояния. Да и сама Милена сразу поняла, что на душе у Журавлёва тяжело, как только взглянула ему в глаза.

— Димкины родители не придут? — сразу заключив её в объятия, Женька вспомнил о Морозовых старших.

— Нет, они уже были, и Алиса была, и они знают, что дети уже спят, так что никто не придёт.

— Можно я на них посмотрю? — разжав руки, он кивнул в сторону детской, — На детей...

— Конечно, — улыбнувшись, Милена потянула его из прихожей, — идём.

— Ну, смогла же Наташка всё пережить, когда Дима от неё ушёл, — глядя, как сладко спит Валерик, Журавлёв не смог удержать свои эмоции, вспомнив события почти пятилетней давности, — ни в загул не ушла, ни в петлю не полезла, ни ещё куда... Ну, почему же здесь всё — так?!

Видя, в каком он состоянии, Милена не торопила его с рассказом, терпеливо ожидая откровения. Не выдержав, Журавлёв признался ей, что был сегодня у Насти, и в каком состоянии застал мать своего будущего ребёнка.

— Женя, это очень плохо... — Милена и сама встревожилась, услышав все подробности, — Это может обернуться катастрофой. Она не просто убивает ребёнка, она делает его инвалидом ещё до рождения. Нужно что-то делать!

— Что? — горько усмехнулся Женька, — Ну, что я могу сделать?! Она — взрослый человек. Я не могу приказать, я вообще ничего не могу... Я ничего не могу, кроме как чувствовать себя последним гадом... Понимаешь?!

— Понимаю... — Низко опустив голову, Милена слабо кивнула, — Я понимаю, что ты не можешь чувствовать себя по другому... Миллионы мужиков бросают свои семьи, своих детей... и живут прекрасно. А ты не можешь... Ты всё берёшь на себя.

— Ты меня упрекаешь?..

— Нет. Я ещё больше тебя люблю.

Официальное замужество в планы Алисы не входило ни под каким соусом, во всяком случае, именно сейчас, и уж, конечно, не за Пашу Рулёва. При всех его положительных качествах, в число которых входили спокойный характер, довольно брутальная внешность и собственная квартира недалеко от центра, Пашка имел огромный недостаток в глазах своей любимой девушки — он не имел высокого общественного статуса, а именно этот фактор мог быть решающим для принятия Алисой предложения его руки и сердца.

Влюбился Паша конкретно — рыжеволосая, зеленоглазая родственница Морозовых напрочь помутила его рассудок, к тому же оказалась довольно опытной любовницей, чего он никак не ожидал. Он даже был готов явиться домой к Анне Сергеевне и Александру Ивановичу, чтобы просить её руки, и Алисе стоило больших трудов уговорить его не делать этого, во всяком случае, пока. В то же самое время ей совершенно не хотелось терять его — Пашка абсолютно устраивал её в роли ухажёра, не жалеющего для неё ни денег, ни подарков. Поэтому, сказав ему неопределённое «быть может», при этом стрельнув загадочным взглядом зелёных глаз, Алиса обеспечила себе Пашкино ни к чему не обязывающее присутствие в своей жизни ещё на какое-то время.

Если с этим вопросом как-то утряслось, то другая проблема, никак не дававшая ей покоя в последнее время, всё ещё оставалась нерешённой. Проблема эта заключалась в непонятно как и куда пропавшей пустой бутылке, содержащей следы её преступления, которую она спрятала в шкафу Морозовых-младших. В тот же день забрать её Алиса не смогла, не смогла и на следующий. Каково же было её удивление, когда, выбрав, наконец, момент, она заглянув в шкаф, но спрятанного вещдока там не нашла... Обследовав мусорное ведро и все уголки прихожей, она сначала испугалась, но потом, поразмыслив, решила, что Наташа делала уборку и просто выбросила эту бутылку, ведь «ничего такого» Алиса не слышала — ни удивления по поводу неизвестно откуда взявшейся бутылки, ни объяснений, ни разборок. Почему-то Алиса всегда была уверена, что держит отношения всех своих родственников «под контролем», без конца выпрашивая и подслушивая все подробности и разговоры и у Анны с Александром, и у Наташи с Димой.

Но, даже успокоившись, она всё равно нет-нет, да и проверяла по возможности все уголки Димкиной квартиры. Вот и сегодня, когда хозяева улетели на двухдневные гастроли, она не преминула заглянуть в гости к Милене, оставшейся с детьми. Поболтав ни о чём, она уже собралась уходить, но, услышав телефонный звонок, задержалась в прихожей.

— Да, Иринка... — голос Милены звучал несколько удивлённо, видимо, она не ожидала звонка, — Да, улетели... Что-то срочное? Нет, я сейчас буду дома, мы уже погуляли... Ну, конечно, удобно. Во всяком случае, я думаю, что Наташа сама с удовольствием пригласила бы тебя... Да?.. Ну, конечно, приезжай.

Сделав вид, что забыла что-то сказать, Алиса снова вошла в гостиную, где находилась Милена.

— Я совсем забыла, у меня что-то с ноутбуком... Я чуть позже приду, воспользуюсь Наташкиным... Не помешаю?

— Ну, что ты, Алиса, — улыбнулась Милена, — ты здесь — своя, могла бы не спрашивать. А ко мне сейчас тоже гостя придёт, Ира Говорова. Как ты думаешь, Анна Сергеевна не рассердится, что я тут гостей принимаю без Наташи?

— Наверяд ли, — Алиса торопливо махнула рукой, — Говоровы здесь тоже, как свои, а что, случилось что-то?

— Не знаю, — Милена пожала плечами, — но Ира сказала, что это срочно.

Сходив ненадолго домой, Алиса снова вернулась в квартиру Морозовых-младших. Уединившись в гостиной, она притихла как мышка, когда услышала звонок.

— Ты одна? — вместо приветствия спросила Ирина, когда Милена открыла ей дверь.

— С детьми, — улыбнулась та, — ещё Алиса здесь, но она в гостиной, у неё важное дело.

— А дети?.. У меня к тебе важный разговор.

— Дети пока спят. Так что идём на кухню.

Дождавшись, пока женщины устроятся за кухонным столом, Алиса тихонько вышла из гостиной и затаилась в коридоре, неподалёку от двери. Разговор был негромким, и ей пришлось буквально выставить ухо в сторону кухни.

— Послушай, Милена, — судя по тону, Ира нервничала и торопилась, — я понимаю, что я не во время, и вопрос у меня очень такой... деликатный... Но я знаю, что от тебя этот разговор никуда не уйдёт, и ты меня не обманешь.

— Ира, можешь не сомневаться. Всё, что я услышу, останется только между нами.

— Спасибо... Я хотела тебя спросить... ты же была вместе с ними в Москве, ты должна знать... Как случилось, что Говоров оказался в полиции вместе с Наташей? Милена, ты только скажи мне правду... Он что-то мямлит о том, что они там случайно встретились, но я уверена, что это не так!

— Я думаю, что Саша тебя не обманывает. Всё, действительно, произошло случайно: Дима задерживался, и Наташа побежала его искать. Сумку с паспортом и телефоном оставила в машине. Диму не нашла, но попала под облаву, и её вместе с девочками лёгкого поведения увезли в полицию. А Саша... Он ещё раньше ушёл, сказал, что хочет встретиться с ребятами из какой-то группы. И тоже попал под облаву — но только вместе с футбольными фанатами. Его привезли в то же самое отделение, что и Наташу... А в чём дело? Тебя что-то смущает?

— Смущает... — голос Ирины стал сердитым, — Понимаешь, не верю я, не верю! Ну как это — и она попала, и он попал... Очень странное совпадение.

— А почему ты сомневаешься? Разве есть повод?

— Да... есть... — Ира ещё больше приглушила голос, и Алиса затаила дыхание, — Он ведь её любит... понимаешь?

— Кто?! — похоже, это признание Милену изумило, — Кто любит?!

— Говоров. Он Наташку любит уже давно. Я точно знаю...

— Он что, сам тебе сказал?!

— Нет. Но я знаю. Он в неё влюбился, как только увидел. Давно, они ещё в университете учились... Но Морозов оказался первым.

— Да ну, Ириш... При чём тут первым? Наташа Диму любит. Мне кажется, ты зря себя накручиваешь.

— Ничего не зря. Ты просто всего не знаешь. Я сколько раз за ними наблюдала... Она, конечно, его не любит. Но... ей нравятся его знаки внимания! Понимаешь, она избалована.

— Кто?! Наташа?..

— Да, Наташа... Ты только не суди меня... Я понимаю, что сейчас я в её доме, но мне больше никак с тобой не встретиться. А я вся извелась... Говоров — он же врёт мне на каждом шагу, он же ни одной юбки не пропускает, понимаешь?! Но то, что на гастролях, это несерьёзно... я знаю всё, и закрываю глаза. Но Наташа — это уже не шутки...

— Ты ошибаешься, Ира...

— Хорошо бы... но душа болит, Милена... Понимаешь?! Я вот знала, что между ними ничего нет, но всё равно... как они вместе на гастролях — у меня истерика!.. И знаю, что там Морозов, и что Сашка с фанатками там спит — всё знаю! Но ничего поделать не могу с собой. Ни к одной девке так не ревную, а вот к ней...

— Ира, послушай. Ты совершенно зря себя накрутила. Поверь мне. Я уже несколько месяцев наблюдаю, как они ладят между собой — Наташа с Дмитрием. У них, действительно, любовь. Такое редко бывает. Они живут, как дети. Так что выброси всё плохое из головы. А Саша... Я тоже наблюдала за вами. Он любит тебя.

— Тебе легко говорить... А я, как узнала, что они вместе в полиции оказались, чего только не передумала. Она же избалована, понимаешь?! У неё всё есть... муж замечательный, дети... проблем — никаких, свекровь помогает... Сама из себя... всегда выглядит... одета, обута, как с подиума. Живёт, как у Бога за пазухой. Дима за ней трясётся... Такая жизнь ведь когда-то начинает надоедать! Хочется чего-нибудь остренького... А тут и искать не надо — Саша-дурачок...

Закусив губу, Алиса старательно прислушивалась — ей показалось, что Ирина всхлипнула.

— В общем так, — Милена заговорила более твёрдым голосом, — Ириш, я говорю тебе со всей ответственностью. Ничего между твоим мужем и Натальей нет, и просто не может быть.

— Да?.. — новый всхлип прозвучал уже более явственно, — А зачем она побежала якобы Диму искать?! Ну, вот зачем?! А, может, она не его побежала искать, а Говорова?! Может, они договорились?!

— Ира, ты больше таких вещей не говори, хорошо? Ты же не знаешь ничего...

— А что?.. что я не знаю?..

— Это я виновата. Ещё когда они выступали, мы с Юлей стояли в зале, и к нам подошла молодая женщина. Я её не знала, но Юля оказалась с ней знакома... Эту женщину звали Кристина.

— Как?! Кристина?..

— Да, Кристина. И я ляпнула это, когда мы все ждали Диму в такси. Наташа услышала и... в общем, Юля потом мне сказала, что это бывшая невеста Димы.

— Вы встретили Кристину?.. В Москве?..

— Ну, да. Оказалось, что она замужем за известным продюсером, а клуб, в котором выступали ребята, принадлежит брату её мужа. Вот только поэтому Наташа побежала искать

Диму. Всё остальное — цепочка случайных событий и совпадений.

— Надо же... — судя по тону, Ирина была потрясена услышанным, — Вот это совпадение... И что?.. Морозов и вправду задержался с Кристиной?

— Нет, он задержался у артдиректора. Видишь, до чего доводит беспочвенная ревность? — Милена тихо рассмеялась и, судя по звуку, встала из-за стола, — Я пойду, посмотрю, как там дети...

Услышав её слова, Алиса метнулась в гостиную... Присев у компьютера, сделала вид, что что-то ищет в интернете. Она нисколько не пожалела, что потратила целый час времени, чтобы удовлетворить своё любопытство. Новость о том, что Морозов встретился в Москве с Кристиной Лапиной, показалась ей знаковой... Она ещё не знала, какую выгоду можно извлечь из этой информации, но где-то в глубине души чувствовала, что встреча с двоюродной сестрой должна состояться, и что встреча эта совсем не за горами.

* * *

Весь полёт Наташа демонстративно смотрела в иллюминатор, даже ни разу не повернувшись в сторону мужа. Тот тоже сидел с закрытыми глазами, изображая спящего. Ссора произошла буквально перед поездкой, практически на ровном месте. Спроси сейчас обоих, на что конкретно обиделся каждый из них, оба не смогли бы даже припомнить всех нюансов, но, тем не менее, с той самой минуты молодые супруги не проронили друг другу ни слова.

Всё началось с безобидной шутки — глядя, как Наташка затягивает молнию на дорожной сумке, Дима постарался придать голосу как можно больше строгости.

— Надеюсь, в этот раз без приключений?

— В смысле? — она подняла на него глаза.

— В том смысле, что мне не придётся разыскивать тебя по всем значным местам курортного города?

— А разве ты разыскивал меня по значным местам? — почему-то Наташке это слово показалось обидным.

— Наташ, ну, согласишься, что один раз попасть в нехорошую историю — это недоразумение, но когда ты попадаешь в эти истории постоянно — это уже система.

— Если бы ты не задержался там, в клубе, в Москве, я бы...

— Это я уже слышал. И разговор не обо мне.

— А почему не о тебе?! Давай, поговорим и о тебе.

— Ну, давай, — он присел напротив, — интересно, что ты скажешь.

— А что, претензии предъявлять можно только ко мне?!

— Наташа... согласишься, что глупо, услышав одно единственное имя, тут же нарисовать себе картину... Ты слышала про Кристину и тут же полетела меня разыскивать! Это не ревность, это — глупость.

— Да?! — она не ожидала от него этих слов, и застыла в возмущении, — Глупость?! И с Никой — тоже глупость?!

— При чём тут...

— При том, что я простила тебя, даже не дождавшись твоего алиби! Но я до сих пор не уверена, правильно ли я поступила!

— Прощают тех, кто совершил какой-то поступок. Я же ничего не совершал.

— А я не уверена.

— То есть, ты мне не веришь? — Морозов подошёл к жене и, взяв её за плечи, пристально уставился ей в глаза, — Ты живёшь со мной, мы вместе едим, пьём, спим, ты улыбаешься, говоришь мне ласковые слова... и в тоже время не уверена в моей честности?! Я правильно тебя понимаю?!

— Нет.

— Тогда — как?..

— Никак, — резко повернувшись, она высвободилась из его рук и отошла к окну.

— Это не ответ.

— Это вариант ответа.

— Ты хочешь поссориться?..

— Мы уже поссорились.

— Ты уверена?

— Да.

После такого диалога Наташа ещё какое-то время ждала, что Димка, как всегда, придёт к ней мириться... ведь ничего серьёзного не произошло, просто у обоих немного сдали нервы. Но он не шёл. Погремев чашками на кухне, сходил в душ, оделся и, в ожидании такси, просидел вместе с Валериком за компьютером. Ей ничего не оставалось, как сохранять обиженный вид и демонстративное молчание.

Наташа с внутренней ревностью наблюдала в аэропорту, как он весело здоровается с подъехавшими танцорами и Элеонорой, болтает с парнями, шутит с девушками... Несколько раз Наташка ощущала резь в глазах от накаत्याющих слёз, но усилием воли сдерживала себя, тоже стараясь весело отвечать на приветствия и вопросы. В самолёте она какое-то время разглядывала фото детей в айфоне, краем глаза наблюдая за реакцией Димки. Но он демонстративно уставился в дисплей своего телефона. Улучив момент, Наташа мельком заглянула туда и с удивлением увидела свою фотографию. Морозов тут же свернул изображение и отключил телефон.

— Элеонора, — обернувшись назад, он обратился к концертному директору, — насчёт второго концерта что-нибудь прояснилось?

— Дима, всё в порядке, — разговаривая с ним, та слегка привстала со своего кресла, — завтра вечером в пансионате, а послезавтра на базе отдыха, база частная, я так поняла, принадлежит самому Прохорову. Вот там, в шесть вечера мероприятие, Наташа отпоёт свои полтора часа, и нас увезут в аэропорт. Деньги перечислили ещё позавчера, я всё перевела на ваши карты.

— Да, я видел. А что за мероприятие, ты не в курсе?

— Нет, — Элеонора развела руками, — не в курсе. Но они звонили несколько раз, всё уточняли, получается у нас остаться ещё на один день или нет. А за такие деньги, почему бы не остаться, правда?

Ночью, прилетев и устроившись в пансионате, Наташа с досадой укладывалась спать в трёхместном женском номере вместе с танцовщицей Лерой и Элеонорой.

«Простите, ради Бога, у нас накладка, — администратор пансионата при встрече артистов виновато сложила руки домиком, — вместо двухместных у нас два трёхместных, один двухместный и одноместный номера... Либо девочек в один номер, либо мальчиков, сами решайте. Но по-другому не получается».

«Давайте, девочек в один, а мальчики как-нибудь разберутся, правда?» — Наташа достала свой паспорт и подала его администратору. По логике вещей, двухместный номер заняли парни из подтанцовки, а одноместный достался Морозову.

«А ты что, к Диме не пойдёшь?» — глядя, как Наташа укладывается спать, Элеонора удивлённо наклонила голову.

«Нет. Вдруг, нельзя», — отвернувшись к стене, Наташа незаметно вздохнула... В другой ситуации она, конечно, осталась бы в Димкином номере. Но после их вечерней ссоры она сама ни за что не пошла бы к нему... Она не пошла, а он не позвал.

Проснувшись утром, Наташка вспомнила, что с собой у неё только сумочка и небольшой пакет, а все вещи остались в дорожной сумке, которая сейчас находится в Димкином номере. Открыв дверь на её стук, он с удивлением наблюдал, как она торопливо собирает в охапку свою одежду и обувь.

— Наташа, — она уже собиралась открыть дверь, когда Дима её окликнул.

— Что? — резко повернувшись всем корпусом, она в упор смотрела на него, сидящего на краю постели.

— Может, всё же поздороваемся?

— Доброе утро, — бросила она и скрылась за дверью.

После завтрака все артисты пошли на пляж. Глядя, как краснеет Димкина спина, Наташа не выдержала и накрыла полотенцем его плечи.

— Вдруг сгоришь, — не дожидаясь его вопросов, она сердито посмотрела на него, — а ухаживать за тобой некому.

— Совсем некому? — поймав её руку, он многозначительно улыбнулся.

— Ну, если не найдётся кто-нибудь... из числа поклонниц, — Наташка старательно отобрала у него свою ладошку.

— Хорошая идея, — охотно кивнул Морозов, хитро прищурившись, — спасибо, что подсказала. Я обязательно воспользуюсь.

Обед, послеобеденная прогулка — день пролетел незаметно, и, немного отдохнув, Наташа приготовилась к предстоящему концерту. Площадка была уже знакомой, и она выступала совсем уверенно. Публика встречала ранее неизвестную певицу довольно оживлённо — отдыхающие танцевали и хлопали, и после окончания программы Наташа ещё несколько раз выходила на сцену исполнять заключительную песню.

— Наташа, с вами хотят поговорить, — женщина-администратор схватила Наташку за руку, когда та уже направлялась со сцены в сторону входа в пансионат, — идёмте, я вас провожу.

— Поговорить?.. — удивлённо остановилась Наташа, — Кто?

— Там увидите, — женщина загадочно улыбнулась, — идёте.

— Но я... — Наташа растерянно оглянулась, ища глазами Димку, но его почему-то нигде не было видно — отработав за звукорежиссёра, он куда-то сразу исчез, — Но я сейчас не могу...

— Пожалуйста... Мне велено вас доставить, а там вы сами договоритесь, — администратор говорила так убедительно, что Наташа нехотя сделала шаг вперёд.

— Ну, хорошо... Только недолго, меня будут искать.

— Там и договоритесь...

Идти пришлось недалеко — в примыкавшее к основному корпусу пансионата двухэтажное здание, в котором располагался офис администрации.

«Хорошо, хоть не в спальный корпус», — усмехнулась про себя Наташа, поднимаясь по лестнице на второй этаж. Здание было явно опустевшим, и она испытала настоящий страх, когда, подведя её к одной из дверей, женщина остановилась, явно не собираясь туда заходить.

— Вот сюда, пожалуйста, — нажав на ручку, она приоткрыла дверь и отступила в сторону, — идите, вас ждут.

«Господи... Димка оказался прав... какая я дура...» — пронеслось у Наташки в голове, когда она машинально открыла дверь и перешагнула порог комнаты.

— Добрый вечер! — Прохоров, улыбаясь, встал с кожаного дивана ей навстречу, — Наташенька, я ужасно рад тебя видеть!

— Добрый вечер, — отнюдь не излучая радость, ответила Наташа, — я тоже рада вас видеть...

— Ты прости меня за такую конспирацию, но, сама понимаешь, я тут инкогнито, даже охрану отпустил.

— Охрану?.. — она непонимающе смотрела на него, — У вас есть охрана?

— Конечно, — он рукой показал на диван. — присаживайся... Я тебя не задержу. Ну, во-первых, я повторяю — очень рад тебя видеть! Летом ты ещё красивее, чем зимой!

— Спасибо, — она без особой охоты присела на край дивана.

— Во-вторых, я видел концерт, и хочу выразить своё очередное восхищение! Ты — талантище, — он неожиданно взял её руку и поднёс к губам, — я получил истинное удовольствие, правда!

— Спасибо... — повторила Наташа, невольно вытягивая ладошку из его кисти.

— А, в третьих, как вас устроили? Всё нормально?

— Да, нормально.

— Мне сказали, что что-то с номерами получилось... Не так, как было оговорено, это правда?

— Нет, всё хорошо... Ничего страшного.

— Тебя поселили в одноместный номер?

— Нет, я с девочками, в трёхместном.

— Всё, я понял. Сейчас я распоряжусь, и тебе предоставят одноместные апартаменты.

— Не нужно, — Наташа отчаянно замотала головой, — я очень хорошо устроилась.

— Ну, что ты такое говоришь... — ей показалось, что Прохоров как-то странно возбуждён, она даже подумала, что он слегка пьян, — Такая красивая женщина должна жить одна... Вдруг, кто-то захочет прийти в гости?

— Вряд ли, — Наташа пожала плечами, подумав, что пора бы уже уходить, — Андрей Викторович, спасибо вам большое за заботу, но меня всё устраивает. И я, наверное, уже пойду... Хорошо? Меня ребята потеряют.

— Да-да, конечно... — он снова взял в руку её ладонь и сжал, — Но, если тебе вдруг станет скучно... вот мой телефон.

— Спасибо, — взяв у него визитку, Наташа уже в который раз поблагодарила Прохорова, — но я пойду спать...

— Не торопись! Не забывай, что сейчас тебя переведут в одноместный номер... И... я не прощаюсь.

Она еле увернулась от его поцелуя, и, вскочив с места, тут же направилась к двери. Прохоров и действительно был слегка пьян, о чём свидетельствовал слабый запах алкоголя вперемешку с дорогим мужским парфюмом.

— Вы уже уходите? — администраторша вынырнула откуда-то, когда Наташа уже собиралась выходить на улицу, — Андрей Викторович приказал вас на эту ночь поселить в одноместный номер, я распорядилась приготовить комнату на втором этаже.

— Не нужно, пожалуйста! — Наташа на ходу махнула ей рукой, — Я туда не пойду!

— Не могу, с меня спросят, — женщина улыбнулась, — я вас переведу, а там вы сами... как захотите, хорошо?

Выскочив во двор, Наташа почти бегом добежала до крыльца основного корпуса и, поднявшись по высоким ступеням, рванула на себя стеклянную дверь. Пройдя быстрым шагом через холл, свернула в полутёмный коридор. Дверь в Димкин номер оказалась закрытой, и, пробежав несколько метров, она оказалась у своего номера.

— Тебя Дима искал, — Элеонора тревожно смотрела, как Наташа достаёт из сумки сарафанчик.

— Его нет в номере... — та испуганно подняла глаза.

— Так позвони.

— Сейчас... — вспомнив, что она ещё не включила телефон после концерта, Наташа снова полезла в сумочку.

— Ты где была? Тебя что, к Прохорову вызывали?

— Ага. Ой... — услышав в дверь громкий стук, Наташа побледнела, — Если это меня, то скажи, что я ушла...

Нырнув в ванную, она притаилась там, одновременно прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Судя по разговору, её, действительно, искали — чтобы проводить на второй этаж, в отдельный номер. Сказав, что её нет, Элеонора захлопнула дверь за дежурной.

— Он что, приставал к тебе?.. — сочувственно наморщив лоб, Элеонора устала на Наташу.

— Пока нет, — усмехнулась та, выйдя из своего укрытия, — но, по-моему, у него сегодня романтическое настроение. Вот уж не было печали... И я не хочу, чтобы Дима знал... Будут неприятности.

Была уже ночь, но все артисты не собирались спать и разбрелись по укромным уголкам ночных аллей пансионата. Элеонора тоже вскоре убежала и, оставшись одна, Наташа повернула изнутри ключ на два оборота. Димка почему-то не звонил и сам не отвечал на звонки. Кто-то несколько раз стучался в дверь её номера, и по доносившимся репликам она поняла, что это дежурная, вновь ищет её, чтобы сопроводить на второй этаж, в выделенные ей апартаменты. Ей стало почему-то очень страшно... страшно было и выйти на улицу, ей казалось, что Прохоров везде поставил своих людей, чтобы найти её... В глубине души понимая, что она сама себя излишне накручивает, тем не менее, Наташка не могла избавиться от нахлынувшего чувства страха. Она даже боялась выглянуть в коридор, чтобы посмотреть, не пришёл ли Дима... В отчаянии она снова достала телефон.

— Да, — он, наконец, ответил, и ей показалось, что Димка только и ждал её звонка.

— Ты где?

— В своём номере...

В считанные доли секунды оказавшись у его дверей, Наташа потянула ручку на себя...

— Где ты была? — схватив её в охапку, Морозов зарылся лицом в её распущенные волосы, — Я весь пляж обошёл... всю площадку...

— А почему ты мне не позвонил? И сам не отвечал? — обвив руками его шею, Наташа подставляла лицо для поцелуев, — Я сейчас сидела в своём номере...

— У тебя телефон был заблокирован. А потом... Странно, — достав из кармана мобильник, он посмотрел на дисплей, — действительно, пропущенные от тебя... Но я не слышал звонков. Где ты была?! Я не мог найти тебя после концерта...

— А ты?! Ты сам куда пропал?!

— Я... я — вот... — он за плечи подвёл её к столу, на котором лежал букет цветов, — Оказывается, вечером здесь очень сложно найти цветы...

— Дима... я так тебя люблю...

— Я тоже тебя очень люблю...

— Давай больше никогда не ссориться... Никогда в жизни?..

— Давай... Где ты была?..

— Ой!.. она осторожно провела ладонью по его спине, — Ты всё-таки обгорел?! Спина такая горячая...

— Немного... Но меня ведь некому лечить...

— Я тебя вылечу...

Когда утром в их дверь раздался громкий стук, они не сразу проснулись. Открыв, наконец, глаза, Дима кое-как встал и выглянул в коридор.

— Доброе утро, — дежурная испуганно смотрела на него из-за очков. — у вас, кажется, ЧП... пропала Наталья, ваша певица. Её нигде нет...

— Как нет... — после бессонной ночи Морозов туго соображал, — А кто её ищет?

— Ну... ищут... — дежурная многозначительно откашлялась, — Ей выделили одноместный номер, но я её не нашла нигде, и в прежнем номере тоже нет... Девочки посоветовали спросить у вас...

— Дим, что случилось?.. — Наташа, до подмышек завёрнутая в простыню, сонно вышла из комнаты, — Кто пропал?..

— Наша певица, — тот практически спал стоя.

— Ой!.. — дежурная уставилась на Наташку, — Вот же она!..

— Кто?

— Певица.

— Это не певица.

— Как... А кто?!

— Моя жена...

* * *

Ей всё же пришлось рассказать Димке о встрече с Прохоровым. Наташка не любила врать, и даже умалчивание некоторых деталей их вечернего randevу отдавалось кошачьим скрежетом на душе, но она решила не вдаваться в подробности, списав некоторые вольности Андрея Викторовича на его нетрезвое состояние. Сам же Прохоров, протрезвев, тоже почувствовал некоторое смущение, что было видно из его сбивчивых извинений, которые он принёс ей на базе отдыха, принадлежавшей ему, куда артистов привезли на следующий день.

— Наташенька, прости меня, пожалуйста, если я чем-то тебя обидел, — улучив момент, когда рядом никого не было, Андрей Викторович приложил руку к груди, — я не знал, что ты с мужем на гастролях... Впрочем, это дела совершенно не меняет. Прости...

Концерт проходил в сугубо «семейном» кругу — в гостях у Прохорова в этот день были все высокие чины городской курортной администрации, крупные бизнесмены и ещё много влиятельных людей. Было заметно, что в этом городе он фигура известная. Отработав программу, Наташа уже собиралась покинуть сцену, как к ней подошёл невысокий, шустрый человек лет сорока пяти, в чёрных очках и абсолютно лысый.

— Я много слышал о вас от Андрея, — держа в руках стакан с алкоголем, мужчина пытливо осматривал Наташу с ног до головы, — а сегодня послушал вживую... Сказать, что я в восторге — не сказать ничего. Оставьте мне телефон своего концертного директора, и я созвонюсь насчёт выступлений на наших городских площадках.

— Вы... вы это — серьёзно?! — Наташа даже не ожидала такого приглашения — в разгар курортного сезона, в таком многолюдном городе дать несколько концертов — о таком мог мечтать каждый артист!

— Вполне... — мужчина широко улыбнулся, — и не только в нашем городе. Я приглашаю вас выступить в окрестных городах, относящихся к нашему административному

округу. С вами обязательно свяжутся мои люди.

— А на каких условиях вы предлагаете свои площадки? — услышав их разговор, Морозов какое-то время слушал молча, но потом решил подать голос, — У нас насыщенный репертуар, со спецэффектами, нужна соответствующая аппаратура, к тому же, Наташа поёт живую, если вы заметили, а таким могут похвастать далеко не все звёзды...

— Пришлите мне ваш райдер, я думаю, что мы договоримся, а техническое обеспечение я вам гарантирую, — мужчина шутливо поднял обе руки вверх, — кстати, познакомимся? Я — Михаил, устроитель городских праздников, мероприятий, и ещё много всяких полномочий... и прочая, а вы — насколько я понял, концертный директор Натальи Морозовой?

— Нет, — пристально глядя Михаилу в глаза, Дима покачал головой, — я композитор, продюсер и прочая... Дмитрий Морозов.

— Однофамилец?

— Муж. Если вас не смущает этот факт, то жду вашего звонка.

— Ну, что вы, — несмотря на эти слова, было заметно, что мужчина слегка растерян, — это замечательный факт!

— Дим, — уже по дороге в аэропорт Наташа слегка толкнула того локтем в бок, — ты зачем дяденьку так сразу напугал? Вдруг он теперь меня не позовёт?

— Да куда он денется, — усмехнулся Морозов, — только вот летать без меня ты не будешь.

— Да, — она весело посмотрела на него, — только с тобой, пристегнувшись наручниками...

— Хорошая идея. Нужно будет купить...

— Валера! — Анна Сергеевна в поисках внука заглядывала во все двери квартиры сына, — Ты где? Мама с папой уже подъехали, иди скорее, встречать будем!

— Бабушка! — дверь встроенного шкафа в прихожей неожиданно приоткрылась и оттуда выглянула хитрая Валеркина мордашка, — Я сплятался! Не говори, сто я тут!

— Ой, он теперь любит в этом шкафу прятаться, — рассмеялась Милена, которая вместе с Анечкой тоже вышла из детской встречать Диму с Наташей, — я в прошлый раз чуть с ума не сошла, пока его искала.

— Ну, ладно, — Анна Сергеевна понимающе кивнула внуку, — прячься, а то уже слышно, как к дверям подходят!

Возвращение в родной дом Морозовых, как всегда, было радостным и шумным — время ещё было не совсем позднее, и их дети, и родители не спали и вместе поджидали своих любимых «гастролёров». Держа за обе ручки маленькую десятимесячную Аню, которая уже довольно уверенно перебирала ножками по полу, Милена бросила тревожный взгляд на Журавлёва. Встретив Морозовых, он вернулся и вместе с ними вошёл в квартиру. От Милены не укрылось, что он чем-то подавлен, несмотря на все попытки шутить.

— А где Валера? — радостно подхватив на руки дочь, Наташа обернулась в поисках сына.

— А его нет, — Анна нарочито говорила громко, — он ушёл вас встречать. Разве вы его не видели?

— Не-а, не видели, — догадавшись, где может быть Валерка, Дима тоже повысил голос, — ну, и ладно, ушёл, так ушёл. Правда, мы ему тут подарки привезли...

— Ну, чё, Дима, раз Валерки нет, давай, я подарки заберу, — подмигнув Морозову, Женька включился в игру, — что за подарки-то хоть?

— Микрофон, — Дима забрал у Наташи дочку и, расцеловав её в розовые щёчки, весело обвёл взглядом окружающих, — тебе нужен микрофон?

— Ясный перец, нужен, — Журавлёв говорил тоже громко, чётко произнося каждое слово, — давай сюда, где он у тебя?

— Папа, я ту-у-ут!.. — не выдержав, Валерик распахнул дверь шкафа и, развернувшись спиной, пыхтя, вылез наружу, — Не отдавай миклофон, я ту-у-у-т!

Рассмеявшись вместе со всеми, Милена, тем не менее, тревожно продолжала наблюдать за Женькой. Он пробыл с ней весь день, уехав лишь полтора часа назад в аэропорт, чтобы встретить Морозовых, и произошедшая с ним за это короткое время перемена, по всей видимости, имела под собой очень серьёзные основания.

— Что-то случилось? — «сдав» детей и распрощавшись с их родителями, Милена устраивалась на пассажирском сиденье их «ровера».

— Ну, в общем... да, — он не стал отнекиваться, и, отъехав со двора, решил рассказать ей о причине своей тревоги, — По дороге в аэропорт я позвонил Насте... Ты ничего не подумай, я просто хотел узнать, не нужно ли ей чего.

— И... что?.. — несмотря на то, что она сама поощряла его заботу о бывшей невесте, Милена почувствовала, как внутри что-то предательски холодеет.

— По-моему, она снова пила, — глядя исподлобья вперёд, Журавлёв нервно поджал губы, — мне так показалось по голосу.

— Может, ты преувеличиваешь? — Милена осторожно взглянула на него, — Может, тебе просто показалось?

— Да нет... Не показалось. Ленка, если честно, я не знаю, что делать.

Ничего не ответив, всю оставшуюся до дома дорогу Милена так и молчала, уставившись невидящим взглядом куда-то вперёд себя. Она и понимала Журавлёва, и, в то же самое время, не могла принять до конца его обострившееся чувство вины перед Настей, которое выливалось в самоистязание, так изощрённо подогреваемое легкомысленным поведением бывшей невесты... Неразрешимость ситуации была налицо, и Милена понимала, что любые слова сейчас ничто иное, как пустой звук. С головой уйдя в обиду, Настя совершенно не думала о последствиях своих поступков. Сваливая полностью вину на одного Женьку, она буквально упивалась своим горем, совершенно забывая о ребёнке, которого носила под сердцем. Судя по подсчётам, шёл уже шестой месяц беременности, но это не останавливало будущую мать, которая не собиралась отказываться ни от сигарет, ни от алкоголя.

Сама Милена в душе тоже чувствовала свою вину перед этой несчастной женщиной за то, что буквально вырвала у неё Журавлёва, и эта вина не позволяла ей быть искренней с ним до конца... Вместо того, чтобы поговорить с ним откровенно, она самоотверженно «благословляла» Женьку на помощь и поддержку, каждый раз с замиранием сердца провожая его к Насте... Несмотря на видимое одобрение его участия в дальнейшей судьбе Насти, Милена каждый раз испытывала настоящие душевные муки, зная, что в этот момент Журавлёв находится у той в квартире. Сам же он, видимо, не догадывался о её терзаниях, становясь всё откровеннее и откровеннее в разговорах. Милену эта его откровенность и радовала, и мучила одновременно, но она мужественно терпела, стараясь погасить в душе всё чаще возникающую ревность.

За последние двое суток, что она провела в доме Морозовых с детьми, её ни на минуту не покидало какие-то странное предчувствие чего-то нехорошего. Анна Сергеевна несколько раз предлагала ей поехать домой, но Милена почему-то не согласилась, «отстояв» свою вахту до конца. Теперь же нервное напряжение и усталость выливались в несвойственное ей раздражение.

— Женя, — придя домой, Милена сразу прошла в гостиную и уселась в кресло, — я долго думала... я не вижу другого выхода из сложившейся ситуации...

— Какого выхода? — уловив её интонацию, Журавлёв прошёл следом и уселся напротив.

— Ты должен вернуться к Насте. И не спорь!.. — заметив, что он готов возразить, Милена подняла вверх обе ладони, — на кону — жизнь и здоровье твоего ребёнка!

— Что за глупости ты говоришь?.. — по Женьке было видно, что он ожидал чего угодно, только не этих слов.

— Это не глупости, — Милена медленно покачала головой, — она ведь пьёт нарочно, в отместку тебе.

— Я это знаю. Но при чём тут наши с тобой отношения? Лена, я сделал свой выбор, и он

окончательный.

— Да, я тоже так думала... я старалась поддерживать тебя в этой ситуации, но... это становится невыносимым. Ты просто изводишь себя чувством вины, и я... я тоже чувствую себя виноватой! — она подняла на него полные искреннего страдания глаза, — Да, я виновата в том, что ты ушёл от Насти... Наверное, я виновата больше, чем ты... И... я больше так не могу. Прости меня...

— Ленка!.. — подойдя к ней, Журавлёв присел на корточки и взял в руки её ладони, — Ты ведь говоришь совсем не то... И вина эта — только моя, и перед Настей, и перед тобой... Прощу тебя, не усугубляй её, пожалуйста! Я обещаю тебе, что больше ты не услышишь о моих проблемах, я тебе клянусь!.. Ленка!..

— Ну, что ты... — она ласково провела рукой по его волосам, — Это не твоя вина. Это — наша с тобой вина... Но ты не сможешь... я знаю, что ты не сможешь не думать о Насте и о том, что происходит с ней и твоим будущим ребёнком. Я тоже не смогу спокойно спать, зная, что она губит своё дитя, и что виной тому — я... Мы оба не сможем спокойно спать, Женя!

— Глупости!..

— Мы не можем повлиять на ситуацию. И мы не сможем чувствовать себя счастливыми.

— Глупости...

— Нет... Женя, это не глупости. Ты должен вернуться к ней... — Милена с трудом произнесла эти слова, — Хотя бы до того момента, пока она не родит.

— Всё, прекрати, — нахмурившись, Журавлёв встал во весь рост и отошёл к окну, — Лена, прекрати. Ты говоришь и сама себе не веришь. Куда и почему я должен вернуться?! Ты вообще — о чём?!

— А как ты представляешь нашу с тобой дальнейшую жизнь?! Ты каждый день будешь дёргаться, потому, что твоя бывшая женщина ежедневно, в отместку тебе, убивает твоего ребёнка! Женя!.. — Милена вскочила с места и подошла к нему почти вплотную, — Ты добрый, благородный человек!.. Я горжусь, что ты — такой... я люблю тебя ещё больше за это!.. но все эти качества делают нашу с тобой жизнь просто невыносимой! Да, ты вправе обвинить меня в том, что я не смогла понять тебя, хотя это совсем не так — я тебя понимаю. Да, ты вправе упрекнуть меня в том, что я разрушила наши с тобой отношения... Но отбрось эмоции и загляни в наше с тобой будущее.

— Что ты хочешь этим сказать? — Журавлёв был мрачнее тучи, и, говоря с ним, Милена внутренне сжалась.

— Я представила себе, что будет, когда ребёнок появится на свет... — она заговорила тише, с оттенком горечи в голосе, — Да, Женя... ты — замечательный отец. Это огромное достоинство, и я сама была бы счастлива иметь от тебя детей.

— Лена... — он повернулся к ней и, глядя прямо в глаза, взял её за плечи, — Я тоже очень хочу наших с тобой детей. Разве нам что-то мешает?!

— Нам мешает твоё прошлое, — она буквально прошептала эти слова, изо всех сил борясь с нахлынувшими слезами.

— Ленка... прости меня... — Женька прижал её к себе изо всех сил, — Я — дурак... Я — самый настоящий дурак... Я клянусь тебе, что ты больше не услышишь о моих проблемах.

— Женя! — отстранившись, она буквально выкрикнула его имя, — Ты можешь больше не говорить о своих проблемах, но они от этого не исчезнут! Потому, что они — внутри тебя!

Понимаешь?! Внутри! И я в любом случае буду всё знать и видеть! Но я ничем, понимаешь?.. ничем не смогу тебе помочь!.. Эта ситуация — она неразрешима!

— Ну, что мне делать?! — взяв в ладони её лицо, он вглядывался в огромные карие глаза, — Ленка... Скажи, я послушаю тебя. Ты же знаешь, что я без тебя уже не смогу. Скажи, что мне делать, и я послушаю.

— Ты не слушаешь... — она снова ответила с горечью, — Ты не слушаешь, ведь для этого тебе придётся перестать быть самим собой. А я... я — слабая женщина... Я не справилась.

— Ну, ты ведь говоришь не своими словами!

— У нас ничего не получится... — подбородок предательски задрожал, и слёзы, так тщательно сдерживаемые ею до сих пор, горячим потоком хлынули по щекам.

— У нас уже получилось. Всё, — прижав её лицо к своей груди, он чувствовал, как тонкая ткань рубашки наполняется влагой, — всё... Сейчас мы успокаиваемся, ужинаем и ложимся спать. А утром встаём, бодрые и весёлые. И у нас всё хорошо!

— Прости меня... — неожиданно обвив руками его шею, Милена стала целовать его лицо, — Прости... Я не знаю, что со мной произошло... Я совсем не думаю так, как наговорила тебе сейчас...

— Я знаю, — Журавлёв лихорадочно целовал её в ответ, — я знаю... Это моя вина. Это ты меня прости, хорошо?.. Ленка... Я тебя очень люблю.

— И я тебя... Только не скрывай от меня ничего, ладно? Пожалуйста, не скрывай...

Ночью Журавлёв долго не мог уснуть. Глядя на спящую рядом Милену, он мысленно ругал себя на чём свет стоит за то, что был с ней так откровенен в тех вопросах, в которые он не должен был её посвящать, во всяком случае, так ему казалось в этот момент. Понимая, что взвалил на неё, по сути, непосильную ношу, он старательно убеждал себя в том, что с прошлым нужно завязывать окончательно — раз и навсегда.

«Настя — взрослый человек, я не должен ставить свою жизнь в зависимость от её желаний отомстить... В конце концов, она — мать, и, в первую очередь, должна думать о ребёнке...»

Он уже в который раз мысленно проговаривал эти слова, пытаясь убедить себя в своей правоте... но, в то же самое время, в глубине души чувствуя, что слабо поддаётся убеждению. В конце концов, решив, что постарается как можно реже звонить Насте и навещать её, ещё крепче сжал в объятиях прильнувшее к нему женское тело и закрыл глаза...

* * *

— Валера, зачем ты снова вытащил из корзины все свои игрушки?! — Наташа, торопясь закончить уборку, завезла в детскую пылесос и теперь укоризненно смотрела на сына и на разложенные на полу, вокруг огромной корзины, мячики и мягкие игрушки.

Сам же Валерик стоял посреди комнаты с микрофоном в руках и громко распевал новую песню, которую Дима написал специально для него и Наташи — вскоре планировалось сделать звукозапись, а потом снять на эту песенку летний видеоклип.

— Пу-у-у-хлые ссёцьки, смеснаа-а-я пана-а-а-ма, а у неё из ломасек вено-о-о-к... — старательно выводил Валерик, краем глаза кося на маму, которая терпеливо дожидалась окончания «концерта».

— Валера, быстренько собирай назад игрушки, мне нужно у тебя пропылесосить. Скоро бабушка Анечку приведёт, а у вас ещё не убрано! — невольно улыбаясь, сказала Наташа, как только юный вокалист замолчал.

— Мама, а когда мы будем записывать эту песню? — Валерка нехотя поднял с пола мячик.

— Скоро. У нас с папой подряд два концерта, вот как выступим, так сразу и займёмся записью.

— А клип когда будем снимать?

— В августе.

— На моле?

— Да, на море. Я поеду выступать, и вы с папой со мной поедете.

— А мы долго будем на моле?

— Неделю. Валера, не заговаривай мне зубы, а собирай игрушки!

— А папа сказал, сто с нами дедуска Валела поедет.

— Да, и дедушка Валера, и бабушка Света.

— Ула-а-а!.. — радостно закричал Валерка, подпрыгивая на месте, — Я есё никогда с дедуской Валелой не ездил!

— Вот и поедешь, — видя, что от сына помощи ждать придётся долго, Наташа сама начала поднимать с пола раскиданные игрушки, но, заглянув за корзинку, удивлённо уставилась на какой-то предмет, — а это — что такое?.. Валера, откуда у тебя эта бутылка?..

— Какая? — Валерик вприпрыжку приблизился к маме.

— Вот эта, — Наташа держала на весу пустую бутылку наклейкой «Велкопоповицкий козел», — откуда она у тебя?

— А я насол в шкафу.

— В каком шкафу? — нахмурившись, Наташа подозрительно смотрела на сына.

— Там, в плихозей, — малыш выбежал из детской в прихожую и ручкой показал на встроенный шкаф для одежды, — я там сплятался и насол.

— То есть, бутылка была в шкафу?!

— Да! — судя по искреннему взгляду синих-пресиних глазёнок, Валерик не обманывал, и Наташа, пожав плечами, унесла бутылку в кухню, но решила пока не выбрасывать, а, дождавшись Димку, спросить его. Пивные бутылки в квартире Морозовых появлялись крайне редко, и Наташа не помнила, чтобы они когда-то покупали пиво этой марки.

— И когда это было?

— Давно, тли дня, а потом есё тли дня, и есё один день...

— Понятно, — Наташа понимающе кивнула, — значит, давно.

— Где ты взяла эту бутылку?! — уставившись на пустую тёмно-зелёную посуду, стоящую в раковине, удивлённо спросил Морозов, как только вошёл в кухню.

— Спроси у своего сына, — рассмеялась в ответ Наташа, — это его находка, которую он тщательно от нас прятал.

Выслушав ещё раз рассказ Валерика, Дима какое-то время вертел его странную

«находку» в руках.

— Очень интересно, — усмехнувшись, он посмотрел на жену, — это точно такая же бутылка, как и та, что я отвозил на анализ. Но в той ничего не нашли...

— Может, ты привёз её назад?

— Нет, я оставил ту в лаборатории. Это — совершенно другая бутылка, — он понюхал горлышко, а потом посмотрел её на свет, — знаешь, у меня такой впечатление, что на дне какой-то белый налёт. Что-то вроде осадка...

— Может, это и есть именно та бутылка?

— Не знаю... Но её появление в нашей квартире очень странно...

— А ты можешь договориться с лабораторией насчёт исследования ещё раз?

— Ну, в принципе... думаю, не откажут. Может быть, тогда ты мне окончательно поверишь? — посмотрев на Наташку, Дима улыбнулся краешком губ.

— Да ладно, не вози, — она подошла к нему, положила руки на плечи и, привстав на цыпочки, дотянулась до его губ, — Я тебе и так верю.

— Ну, уж нет, теперь это дело принципа, — целуя её в ответ, Морозов качнул головой, — правда, если всё подтвердится, ещё одной загадкой станет больше.

— Какой?

— Как эта бутылка попала в наш шкаф.

Вечер был свободным от выступлений, и Анна с Александром, как теперь это бывало чаще, коротали время в гостях у семьи сына. Всё внимание было приковано к маленькой Анечке — судя по всему, она вот-вот должна была пойти, и взрослые наперебой подбадривали девочку, пытающуюся встать самостоятельно на ножки. Получалось лишь отчасти — держась за край манежа, Анечка поднималась во весь рост, но, отпустив ручки, тут же шлёпалась на мягкий матрасик. Жалобно посматривая на родителей, малышка изображала искреннее горе, заранее рассчитывая на сочувствие в виде маминых или папиных ласковых объятий и поцелуев.

— Ну, совсем зацеловали ребёнка, — смеялся Александр Иванович, — так она у вас ходить никогда не научится!

— Дедуска, а я ведь не плакал? — Валерик, не дождавшись к себе внимания, вскарабкался на колени к дедушке, — Если падал?

— Ты-то? — тот ласково потрепал внука по белой макушке, — Ты никогда не плакал, ты у нас настоящий мужчина! Это Анютка — рёва!

— Не-е-е-т! Она не лёва! — заступаясь за сестрёнку, Валерка отчаянно замотал головой, — Она плосто маленькая!

Мелодии вызова то и дело раздавались в Димкином мобильнике, и он едва успевал выходить, чтобы ответить на очередной звонок.

— Наташа, — после очередного разговора он радостно заглянул в детскую, — только что звонили из Сочи. Помнишь, с тобой разговаривал Михаил, он там что-то вроде организатора концертов... Помнишь?

— Да, а что? — повернулась к нему Наташа.

— В общем, у них в конце августа будет проходить заключительная часть фестиваля «Песни нашего лета». В ней будут участвовать победители региональных туров.

— Да, я знаю, у нас в городе проходит такой конкурс... И — что?

— Да, конкурс проходит. Ты в нём не участвуешь, но по правилам фестиваля любой из спонсоров может выставить от себя внеконкурсного исполнителя, за отдельную плату. Этот исполнитель, по решению жюри, потом сможет принять участие в гала-концерте. Так вот, этот самый Михаил сказал, что Прохоров хочет оплатить твоё участие в финале... И спрашивает, сможешь ли ты приехать.

— И что ты ответил? — у Наташки аж дух перехватило от радости, — Ди-и-им?!

— Ну, а ты как думаешь? — рассмеялся тот, — Кстати, фестиваль по датам совпадает с нашими запланированными съёмками клипа... В общем, готовься!

— Дима-а-а!.. — тихонько визжа, Наташка повисла на шее у мужа.

— Господи, ну и лето у вас, — Анна Сергеевна покачала головой, — никакого продыху!

— Это же хорошо, мама, — прижимая к себе жену, улыбнулся Дима, — значит, мы чего-то достигли.

— Ничего себе, «чего-то», — Анна возмущённо подбоченилась, — насколько я понимаю, вы — настоящие звёзды эстрады!

— Сейчас это называется «шоу-бизнес», — Димка шутливо поднял указательный палец вверх.

— Да какая разница, — Анна Сергеевна нетерпеливо махнула рукой, — главное, что вы — известные артисты!

— Да не очень мы и известные.

— Как это?! И в Германии выступаете, и в Москве, и фильм о вас снимали, и радиопередача была... Дима, это же настоящая слава!

— Мам, тут всё намного сложнее. Настоящая слава приходит тогда, когда ты даёшь концерты на стадионах, и все места забиты, потому, что твоё имя на слуху. А мы не настолько на слуху. Во всяком случае, в Москве о нас не слышали.

— Как?! Димочка, но вы же выступали там в клубе!

— Ну, да, — усмехнулся Морозов, — выступали... Но на нас пришли не потому, что знали, а потому, что нужно было куда-то пойти в тот пятничный вечер. А настоящая слава, это когда идут только потому, что там выступает любимая группа. И день недели не имеет никакого значения.

— Но вас же сами пригласили...

— А вот тут ты права. И это — очень высокая ступенька на пути к настоящей славе, когда устроители начинают приглашать тебя на свои площадки, даже заведомо зная, что ты пока неизвестен, но будучи уверенным в том, что ты понравишься публике и уж в следующий раз эта публика пойдёт именно на тебя. И мы эту ступеньку преодолели! Вот, Наташа — подтверждение тому. За её участие в финале крупнейшая промышленная корпорация готова заплатить деньги, при чём, без наших просьб, а самостоятельно.

— Ты думаешь, это бескорыстно?.. — Анна как-то недоверчиво pokrutila головой, — А меня именно это как-то настораживает.

— Почему?.. — Наташа растерянно смотрела на свекровь, — Они меня уже не в первый раз приглашают дать концерт, и моё участие в финале, возможно, имеет какое-то значение для них, как для спонсоров фестиваля.

— Ну, может быть, и так, — пожалала плечами Анна Сергеевна, — я только переживаю,

не придётся ли вам быть у них в долгу...

— Отработаем! — Наташа весело махнула рукой, — Лишь бы только работа была!

* * *

С тех пор, как Женька не звонил и не навещал Настю, прошло уже около двух недель. После того, как они чуть не поссорились с Миленой, он решил больше не испытывать судьбу, а принять всё, как есть. В конце концов, он будет помогать Насте и своему ребёнку, он постарается сделать так, чтобы они ни в чём не нуждались... Да, это будет его плата за своё счастье. За счастье, которое он когда-то потерял и снова обрёл. Он не собирается больше терять Милену... А Настя... ей он будет помогать.

В то же самое время он никак не мог забыть последнюю встречу с Алёнкой. После того, как Кира вернулась из командировки, она больше не позволила ему видеться с дочерью, постоянно ссылаясь на свою или её загруженность. Женька несколько звонил и напоминал о том, что он обещал девочке участие в конкурсе, но Кира в конце концов резко ответила, что не собирается растить из дочери певицу, и чтобы Журавлёв оставил эту идею раз и навсегда.

Он уже почти смирился с этим и почти успокоился на предмет нового отчима Алёнки, но неожиданный звонок от Киры заставил его снова вернуться к этой проблеме.

— Нам нужно срочно увидеться, — голос бывшей жены был резким, а тон — раздражённым.

Договорившись о встрече, уже через полчаса Журавлёв подъезжал к небольшому кафе в центре города. Вопреки его ожиданиям увидеть дочь, Кира пришла одна.

— У меня мало времени, поэтому я сразу о деле, — от него не укрылось некоторое волнение, с которым она обращалась к нему.

— Слушаю, — положив локти на стол, Женька уставился на свои скрещенные пальцы.

— Мне нужно твоё официальное согласие на то, чтобы Алёна выехала за границу.

— Прости... а за какую границу? — он поднял на неё свои светло-карие глаза.

— Ты не можешь без своих дурацких шуточек? — да, он не ошибся — Кира, действительно, нервничала.

— Могу. Куда ты собралась и как надолго?

— Мы уезжаем в Вильнюс. Навсегда.

— То есть?..

— Что непонятного?! Мы с Мишей официально женимся. Он — гражданин Литвы, у него там свой дом, бизнес... мы уезжаем к нему. Но по нынешним дурацким законам нужно согласие второго родителя на то, чтобы вывезти ребёнка.

— Знаешь, я сейчас засомневался в том, что законы у нас дурацкие... Всё же, не совсем они дурацкие.

— Что ты хочешь этим сказать?! — Кира повысила тон, — Женя, я повторяю, у меня мало времени! Давай, договоримся, когда ты сможешь выделить время, чтобы оформить все документы! У меня в запасе всего две недели, поэтому нужно поторопиться. Когда ты будешь свободен?

— Никогда.

— То есть?!

— Никогда, это значит — никогда.

— Ты что, не дашь своего согласия?!

— Не дам, — Женька невозмутимо пожал плечами.

— Я так и знала, что ты — последняя сволочь!

— Если знала, зачем пришла?

— Прекрати!.. Мне нужно твоё согласие на выезд дочери!

— А я не согласен.

— Ты что, хочешь, чтобы я подключила Мишу?!

— Ой, — сморщился Журавлёв, — подключай хоть Мишу, хоть Машу. Согласия на Алёнку я не дам.

— Ты пожалеешь!.. — Кира покрылась пунцовым румянцем, — Ты даже не представляешь, как ты пожалеешь!

— У тебя ко мне всё? — Женька спокойно встал из-за стола, — Тогда прости, я побежал.

— Сволочь!.. — он был уже у входной двери, когда услышал злой окрик бывшей жены, — Козёл!..

По дороге домой он созвонился с Миленой — она была в курсе его встречи с Киной.

— Ты уверен, что поступаешь правильно? — помня о последней ссоре, Милена постаралась придать своему голосу как можно более доверительный тон.

— Если честно... то даже не знаю, — он и действительно ответил честно, — боюсь, что мне будет нужен твой совет...

— Я думаю, что ты и сам примешь правильное решение, — Милена улыбнулась на том конце, — приезжай скорее, у меня горячий обед... И я по тебе соскучилась.

Сославшись на необходимость посетить студию, Женька пообещал приехать домой где-то через час, и на первом же светофоре свернул с привычного маршрута.

— Привет, Дима, — заглянув в аппаратную, с ходу кивнул он Морозову, — Наташка здесь?

— Да, в репетиционной, — тот удивлённо посмотрел на друга, — она тебе нужна?

— Ага, — ничего не объясняя, Журавлёв захлопнул за собой дверь и быстрым шагом направился дальше по коридору.

Наташа и вправду была в репетиционной — вместе с Валериком они разучивали свою новую песню под минусовку. Дождавшись, наконец, заветного часа, малыш почему-то разволновался и забывал слова, и Наташе стоило больших усилий успокоить его так, чтобы он больше не путался.

— Наташа, у меня к тебе огромная просьба, — поздоровавшись, Журавлёв сразу перешёл к делу, — но она деликатная, и хотелось бы, чтобы всё осталось между нами.

— Ты пой, а я с Женей поговорю, — включив минусовку, Наташа дала сыну микрофон и

отошла к Журавлёву, — Жень, всё, что смогу...

— Ты не могла бы съездить к Насте? Ленка что-то стала волноваться в последнее время... А я этого совсем не хочу.

— Да, конечно, — с готовностью кивнула Наташа, — обязательно съезжу! Только сегодня не получится... Если послезавтра — нормально?

— Нормально. Спасибо тебе. Вот... — Журавлёв вытащил из кармана конверт, — Отдай ей, пожалуйста, деньги. Она сейчас не работает и постоянно дома.

— Я могу сказать Диме, куда поеду?

— Я ему сам сейчас всё скажу... А то он, кажется, очень удивился, что я приехал именно к тебе.

* * *

Наташа уже несколько минут звонила в ставшую уже знакомой квартиру, но никто не открывал. Она бы ушла сразу, решив, что Насти нет дома, но какое-то странное чувство, что за дверью что-то происходит, не давало ей покинуть лестничную площадку.

Этим «что-то» были какие-то странные звуки, которые слышались где-то внизу, на уровне пола... Ей казалось, будто кто-то тихо стонал и ползал по прихожей...

— Настя! — присев на корточки, громко позвала Наташа, — Настя, ты дома?!

Прозвучавший в ответ стон не оставил сомнений — Настя дома, и с ней что-то явно произошло. Наташа ещё раз громко постучала в двери, но результат был тем же — тихий стон и шорох... Достав телефон, она уже хотела звонить Женьке, но с досадой вспомнила, что сегодня они с Миленой уехали за город.

Неожиданно шорох за дверью усилился — Наташе показалось, что кто-то бьёт ладонями по двери изнутри... в тот же момент она услышала, как в замочной скважине повернулся ключ и что-то тяжело упало на пол...

Рванув на себя дверь, Наташка в ужасе застыла... Настя без сознания лежала на полу — видимо, собрав последние силы, она смогла дотянуться до ключа и открыть дверь, после чего силы окончательно покинули её. Растекающаяся под ней лужа крови не оставляла сомнений — с ней и с ребёнком произошла беда.

— Дима! — набрав номер мужа, который ожидал её в машине, отчаянно прокричала Наташа, — Скорее поднимайся, с Настей что-то случилось!

Появившийся через минуту Морозов застал жену, стоявшую на коленях возле лежащей на полу Насти...

— Дима, срочно — скорую... — Наташа подняла полные страха и сострадания глаза, — она умирает...

Вот уже целый час Милена практически не сводила глаз с Журавлёва. Проснувшись утром, она сразу поняла, что всю ночь он не спал — пепельница в кухне была полна окурков, а начатая накануне банка растворимого кофе оказалась опустошённой на добрую треть. Сам Женька, на первый взгляд, выглядел нормально — бодро поздоровавшись, тут же отправился в ванную комнату и вышел оттуда через четверть часа свежим и побритым, благоухающим дорогим мужским парфюмом.

Постороннему человеку могло показаться, что у Журавлёва всё прекрасно. Но Милена душой почувствовала и его внутреннее напряжение, и нешуточное переживание.

Наташкин звонок, раздавшийся вчера ближе к вечеру, застал их в дороге — Женька с Миленой возвращались домой с дачного участка его родителей, где отдыхали целый день. Впрочем, по настоящему отдыхал один Журавлёв — Милена весь день помогала будущей свекрови на огороде, и присела только тогда, когда подоспело время шашлыков.

На ходу выслушав Наташу, Женька нажал на тормоз и вырулил на обочину.

«Повтори ещё раз, что ты сейчас сказала?..» — до него не сразу дошёл смысл её слов.

«Настя в больнице, в тяжёлом состоянии. У неё травмы головы и живота, а ещё угроза выкидыша...»

Вернувшись в город, он сразу хотел ехать в роддом, куда доставили Настю, и снова позвонил Наташке, чтобы уточнить адрес, но та отсоветовала — к Насте никого не пускали, только велели вызвать близких родственников.

«Ты же не близкий родственник. Тебя вряд ли пропустят, ну, если только скажешь, что ты гражданский муж. А я нашла в её телефоне номер матери...»

«Может, тебе всё-таки поехать?» — глядя, как ходят желваки на его лице, Милена осторожно положила свою ладонь на его руку.

«А что толку... — бросив на неё взгляд, Журавлёв пожал плечами, — Я уже ничем не помогу. Позже позвоню врачу».

Уговаривать его она не стала, понимая, что ни он, ни кто бы то ни было другой, не смог бы сейчас помочь его бывшей невесте. Уже практически ночью Журавлёв позвонил в отделение, где находилась Настя, но ничего конкретного так и не узнал.

«По телефону мы никаких сведений не даём, — отчеканила дежурная медсестра, — только при личном контакте, и только близким родственникам».

Понимая, что вся его напускная бодрость вызвана лишь желанием не нагружать её своими проблемами, Милена и сама не могла успокоиться. Всё, что рассказала им Наташа, никак не шло у неё из головы, и только таблетка успокоительного, от которого сам Женька отказался, позволила ей уснуть. Судя по Наташкиному рассказу, Настю без сознания увезли на скорой, поэтому о том, что же случилось на самом деле, никто пока не знал. Перед тем, как уехать, врач скорой помощи отзвонился в полицию, и Морозовым пришлось дожидаться

опергруппу и давать показания. Ничего подозрительного в квартире обнаружено не было, везде царил порядок, но, судя по кровоподтёкам на лице и животе пострадавшей, кто-то явно был у неё в гостях.

— Жень... мне кажется, тебе лучше съездить в больницу и самому всё узнать, — Милена больше не могла смотреть на то, как Журавлёв вынужденно изображает спокойствие, то и дело роняя то зажигалку, то сигарету.

— Да, пожалуй, нужно... — он тут же согласно кивнул и, выйдя в комнату, открыл створку шкафа для одежды, — Я недолго...

— Ты только себя не вини... Слышишь?! — Милена тревожно смотрела, как он что-то ищет на полке, — Только не вини!

— Хорошо... ты не видела мою зелёную рубашку?

— Конечно, видела, — подойдя к шкафу, Милена закрыла дверцу и открыла соседнюю, — все твои рубашки здесь, на плечиках.

— Точно... — нервно вздохнув, Журавлёв окинул взглядом внутреннее пространство шкафа, — Что-то не вижу...

— Ну, вот же она, — Милена достала и подала рубашку, — надевай.

— Я недолго, правда... — одевшись, он махнул ей рукой с порога, — Не переживай!

Приехав в больницу, Женька через справочное узнал, что Настя сейчас находится в реанимации, и туда ему попасть нельзя, но можно поговорить с лечащим врачом.

— Вы кто — муж? — молодая женщина в салатном костюме подняла голову от истории болезни, когда Журавлёв, заглянув в ординаторскую, объяснил цель своего визита.

— Нет... — окончательно войдя в кабинет, он приблизился к столу, — Я не муж, но я отец её ребёнка.

— Понятно, — врач смерила его пронзительным взглядом, — к сожалению, для вас плохие новости. Отцом вы уже не станете, во всяком случае, отцом этого ребёнка.

— А, что... почему?..

— Ребёнка спасти не удалось. Хорошо, что спасли саму мать. Правда, шансов стать матерью в следующий раз у неё теперь немного. К моему глубокому сожалению, практически нет.

— А что с ней — вообще?.. — Женька почувствовал, как губы мгновенно пересохли, — Она будет жить?

— Жить — будет. Рожать — вряд ли.

— Что произошло? — чувствуя, как мелкая внутренняя дрожь овладевает всем телом, Журавлёв невольно сжал кулаки.

— Я правильно понимаю, что вместе вы не жили?

— Нет. У меня другая семья.

— Понятно, — голос докторши стал строже, — Я могу лишь обрисовать картину последствий. Черепно-мозговая травма в лёгкой степени и повреждения других частей тела — в том числе и живота и некоторых внутренних органов — в более тяжёлой степени. Проще говоря, её избили.

— Кто?! — заранее зная, что не получит ответа на этот вопрос, Женька всё же не мог сдержаться.

— Этого я не знаю, этим занимаются органы. Думаю, больная сама скажет, как только

придёт в себя.

— Я могу её увидеть?

— К сожалению, нет.

Выйдя из ординаторской, он не смог сразу покинуть больницу и присел на диван, стоящий в холле отделения. Посидев какое-то время, он уже собрался уходить, но его внимание привлекла женщина лет пятидесяти, в цветном летнем брючном костюме, торопливо семенящая в его сторону по коридору. Женщина была несколько полноватой, и быстрый шаг давался ей с трудом — она шла, слегка раскачиваясь и тяжело дыша. Глядя на зачёсанные назад волосы и такие же, как у Насти, черты лица, Журавлёв сразу её узнал...

— А... И ты — здесь?.. — вместо приветствия она уставилась на него полными слёз глазами, — Что, явился, женишок?!

— Здравствуйте, Ольга Семёновна, — поприветствовав Настину мать, Женька встал с дивана, — когда вы приехали?

— Сегодня я приехала! — женщина разговаривала с вызовом, по всему было видно, что в её глазах Журавлёв — основная причина всех несчастий её дочери, — А ты?! У тебя ещё совести хватает сюда приходить?!

— Ольга Семёновна, успокойтесь, пожалуйста...

— Бессовестный! — не выдержав, Ольга расплакалась, — И как тебя земля только носит?! всю жизнь ты ей искалечил!.. Что с ней?!

— Настя сейчас в реанимации, но врачи говорят, что самое страшное позади.

— А ребёночек?.. — достав платок, Ольга Семёновна вытерла мокрые глаза.

— Ребёнка не спасли... — Женька ещё больше помрачнел и опустил глаза, — Я не знаю, что произошло, честное слово.

— Ой, боже-боже... — схватившись руками за щёки, она страдальчески прикрыла веки и закачала головой, — деточка ты моя!..

— Если бы я только знал, что случилось...

— Что-что... С кобелём связалась, вот что!.. — присев на диван, женщина окончательно разрыдалась, — Говорила я ей... брось... на черта тебе эти артисты, мы не одного поля ягоды... Нашла бы себе хорошего мужчину, и жила бы припеваючи. Так нет же!..

— Это вы про меня? — тяжело вздохнув, Журавлёв присел рядом.

— А про кого же?! — платок снова скользнул по заплаканному лицу, — Она же тебя любила... А я сразу поняла, что ты за фрукт! Каждый раз, как звонила, всё её отговаривала, а она — нет! Люблю, и всё! Вот, долюбилась. Осталась одна, с пузом... да теперь и пуза нет... Господи, бедненькая... доченька моя... как же она тут одна-то...

— Я старался помогать, чем мог, — Женька угрюмо рассматривал носки своих туфель.

— Боже-боже... — Настина мать, не переставая, тихо причитала, — Ведь говорила же... говорила...

— К ней сейчас не пускают. Если хотите, поедemте ко мне.

— Да нет уж... — с сарказмом усмехнулась Ольга Семёновна, — Я к дочери поеду. Вот только с врачом поговорю, и поеду.

— У вас же ключей нет...

— Всё у меня есть! — она достала из сумки ключи, — Вот они!.. Добрые люди помогли! И позвонили, и встретили, и ключи отдали!

— Понятно. Морозовы.

— Не знаю, парень с девушкой. Такие вежливые!.. она — Наташа, а он — Дмитрий. Это они вчера Настеньку спасли... Если бы не они...

— Давайте, я вас до дома довезу.

— Нет уж, — Ольга Семёновна обиженно качнула головой, — свою кралю новую вози, а я с тобой, с кобелём, даже если и приспичит, рядом не сяду!.. Иди, брякай на своей балалайке!

Попрощавшись с матерью Насти, Женька направился к выходу, но в конце длинного коридора неожиданно замедлил шаг. Вход в реанимационное отделение был прямо перед ним. Двери были плотно закрыты, и он, оглянувшись и убедившись, что за ним никто не наблюдает, осторожно потянул на себя ручку. Небольшое помещение, по обеим сторонам которого находились четыре палаты, было пусто, и он наугад шагнул к дверям одной из них.

— Вы — кто?! Сюда нельзя!.. — увидев его, девушка в медицинском костюме с бейджиком на груди испуганно пробежала через небольшую палату.

— Анастасия Харитонова здесь лежит? — пытаюсь разглядеть из-за её плеча, кто лежит на кровати возле стены, шёпотом спросил Журавлёв.

— Вы — кто вообще?! — девушка возмущённо попыталась вытолкнуть его из помещения, — Сюда вход посторонним воспрещён!

— Я не посторонний, — не сдвинувшись с места, он перевёл взгляд с кровати на медсестру, — это же она... Настя.

— Выйдите немедленно! Я сейчас позову заведующего!

— Я сейчас выйду, — Женька с готовностью кивнул, — можно, я на неё только посмотрю?

— Вы — муж? — уже более мирным тоном спросила девушка.

— Нет... то есть, да... Бывший.

— Ну, хорошо... три секунды смотрите, и на выход.

То, что увидел Журавлёв, заставило его сердце сжаться в твёрдый комок. Настя была бледная, как мел, от чего фиолетовая гематома на лбу казалась ещё более ужасной. Небольшие гематомы и ссадины проглядывали и на её тонких руках, и даже на шее. Сама она спала, видимо, ещё под действием наркоза, плотно прикрыв синеватого оттенка веки.

— Всё, уходите, — медсестра легонько подтолкнула Женьку к выходу, — не дай Бог, врачи зайдут.

— Она не приходила в себя? — чуть придержав дверь, он обернулся к девушке, — Она же должна помнить, кто это сделал?

— Пока не приходила, — та покачала головой, — но, как только придёт, мы сразу сообщим следователю. Наше дело — спасти, а расследует пусть полиция.

Вернувшись домой, Журавлёв вкратце рассказал Милене о визите к врачу, при этом умолчав о разговоре с Ольгой Семёновной. Услышав о том, что Настя потеряла ребёнка, Милена не смогла сразу найти слова для Журавлёва... Она не знала, какие слова сейчас она должна произнести... Ей по-женски было искренне жаль Настю, и именно ей она бы смогла

высказать своё сочувствие и оказать помощь, которая была бы в её силах. Но вот для Женьки таких слов она найти не смогла. В то же самое время, она с ужасом прислушивалась к себе, понимая, что в глубине души испытывает какое-то подобие облегчения от того, что ушла серьёзная проблема, мешающая их счастью. Она боялась признаться самой себе в том, что рада тому, что Журавлёв теперь принадлежит только ей, ей одной... Она прислушивалась к своим ощущениям и приходила от них в настоящий тихий ужас...

— Женя, — отчаянно борясь с собой, Милена положила ему на плечи ладони, — я понимаю, что в том, что произошло, есть и моя вина. Она даже больше, чем твоя, и не спорь. Я не знаю, что сказать. Правда, не знаю... Но я хочу, чтобы ты знал. Я всю свою жизнь буду помнить о том, какой ценой мне досталось моё счастье.

— Не надо, Ленка... — он накрыл рукой её ладошку, — Не надо тебе ничего помнить. Что случилось, то случилось... А вина — она только моя. И... ты была права. Я слишком близко принимаю всё, что происходит вокруг меня. А это — неправильно. Кстати, это касается и тебя. Поняла? — он впервые за последние сутки улыбнулся и, обернувшись к ней, легко притронулся пальцем к кончику её носа.

— Поняла, — она кивнула не совсем уверенно, — только, Жень... мы всё равно должны что-то сделать, как-то помочь Насте, когда она выйдет из больницы. Она осталась жива — и это самое главное.

— Да... — Журавлёв задумчиво опустил глаза, — Ещё бы узнать, кто это сделал.

Вечером, приехав в «Золотой Лев», где «патрули» в последние полгода стали практически штатной группой, Журавлёв был как никогда молчалив. Отыграв первое отделение, он сразу вышел в зал и присел у барной стойки.

— Привет! — знакомая девушка-бармен игриво улыбнулась из-под каштановой пышной чёлки.

— Привет, — хмуро кивнул Женька.

— Слушай, что там с Настей случилось? Девчонки сказали, она в больнице...

— Да, — выпив глоток водки, Журавлёв мрачно сидел за стойкой, положив на неё локти и уставившись в широкий стакан.

— Так что с ней?! Говорят, её чуть не убили?

— А ты откуда знаешь? — не поднимая глаз, он что-то выстукивал пальцами по гладкой поверхности стойки.

— У нашей посудомойки сестра в том роддоме уборщицей работает, они с Настей из одного города. Вот она рассказала. Так что случилось-то?

— Не знаю, — Женька покачал головой и снова уставился на чуть подрагивающую прозрачную поверхность алкогольного напитка, — пока ничего не знаю.

— Так это правда, что вы больше не живёте? — по тону девушки было件нятно, что она заранее знает ответ на свой вопрос.

— Можно подумать, что ты не знала? — усмехнулся Журавлёв, — Мы уже месяца четыре не живём.

— Н-нуу... я слышала... — она слегка замялась, — Но наверняка не знала.

— Теперь узнала? — он, наконец, поднял на неё глаза.

— Ну, да, — девушка улыбнулась, как ни в чём не бывало, — а ты, говорят, женишься?

не сама себя ударила, и уж не Наташка Морозова.

— Очень на это надеюсь, — следователь тоже, наконец, усмехнулся и бросил взгляд на опустевшую сцену, — Разберёмся.

Вернувшись домой, Женька сразу прошёл в ванную, но даже тщательная чистка зубов и мятный спрей не помогли — Милена сразу почувствовала запах алкоголя.

— Ты что, пьяный? — она удивлённо застыла перед ним.

— Я совсем чуть-чуть, — он попытался отшутиться, но она ещё больше нахмурилась.

— Ты же за рулём!

— Да ладно тебе, — он старательно колотил чайной ложкой в чашке с кофе, — я же всё-таки звезда, так что встреча с гайцами, это просто лишний автограф...

— Женя, это плохие шутки!

— Ну, всё, Ленка, всё. Больше не буду.

— Обещаешь?

— Конечно...

Ночью, дождавшись, пока она уснёт, Журавлёв тихонько встал и вышел на кухню. Бутылка виски в потайном уголке кухонного шкафа стояла нетронутой уже несколько месяцев, и он, тихонько достав её оттуда, уселся за стол. Когда Милена, проснувшись ближе к утру, вышла к нему, бутылка была уже почти пуста, а сам Женька дремал, положив голову на сложенные локти. Кое-как растолкав, она увела его в постель, решив промолчать и ничего не говорить, во всяком случае, пока он был в нетрезвом состоянии.

— Жень, — она присела рядом, когда он, проспавшись к обеду, открыл глаза, — ну, зачем ты напился? Разве водкой проблемы решаются?

— А я водку не пил, — соскользнув с узкого плеча, его рука задержалась на её небольшой груди.

— Как не пил? — Милена укоризненно бросила на него взгляд, — А кто ночью за столом уснул? Бутылка почти пустая.

— Так бутылка не из-под водки, — он попытался отшутиться, — а из-под виски!

— Какая разница, — она грустно улыбнулась, — Жень... не нужно пить. Я прошу тебя.

— Да всё нормально, не переживай, — Журавлёв поднялся и сел в постели, — больше не буду, правда. Так что-то, накатило вечером...

— Ты винишь себя в том, что произошло, вот и накатывает.

— Да, наверное. Но ты не переживай, — обхватив её руками, он уткнулся лицом в тёплое женское плечо, — Ленка... Спасибо тебе.

— За что? — улыбнувшись уголками губ, она прислонилась щекой к его голове.

— За то, что ты всё понимаешь. И что ты — рядом. Ленка... Я дурак по жизни. Я не умею прощаться со своими ошибками... Но я хочу, чтобы ты знала. Ты — самое дорогое, что у меня было и есть.

— Самая дорогая ошибка? — прикрыв глаза, Милена тихо рассмеялась, — Да?

— Нет... Самая дорогая ошибка — это я для тебя. И не потому, что я такой дорогой. А потому, что слишком дорого тебе обхожусь. Впрочем, не только тебе. Я всем слишком дорого обхожусь.

Несмотря на данное Милене обещание все последующие дни Журавлёв не обходился без алкоголя. Сначала он старался держаться в «рамках», выпивая лишь по вечерам, после выступлений. Попытка навестить Настю в больнице не увенчалась успехом — Ольга Семёновна, увидев несостоявшегося зятя, буквально выгнала его взащей, не подпустив к Настиной палате.

— Чего пришёл?! — она выходила от дочери как раз в тот момент, когда туда направлялся Журавлёв, — Оставь её в покое!

— Я хотел просто узнать, как она, — тот нерешительно протянул женщине пакет, — вот, принёс...

— От тебя ей ничего не нужно! — взмахнув рукой, отрезала Ольга Семёновна, — Ты её бросил, так не тревожь! Пусть, наконец, в себя придёт!

— Как она? — в глубине души понимая, что Настина мать права, Женька решил не идти на пролом.

— А как она может быть?! Плохо!

— Она встаёт?

— Встаёт, — видя, что Журавлёв не собирается ей перечить, более мирно ответила женщина, — ещё недели две тут пролежит.

— Я знаю, кто это сделал, Вы ей скажите, чтобы она не молчала и не выгораживала этого подонка.

— Какого подонка? — несмотря на то, что Ольга решила изобразить неведение, Женьке показалось, что она в курсе всего, что произошло с Настей.

— Того, кто её избил.

— Она не знает ничего. Забыла, — судя по тону, каким женщина произнесла эти слова, его догадка имела под собой все основания — Настя всё рассказала матери, но по каким-то причинам, обе решили молчать.

— Вы зря это делаете, — Журавлёв угрюмо кивнул на дверь в палату, — передайте Насте, что она должна всё рассказать следователю.

— Тебе-то какое дело?! — Ольга Семёновна перешла на громкий сердитый шёпот, — Тебя никто не трогает, у тебя же алиби?! Вот и живи и радуйся. Чеши на свои гастроли. А Насте нужно теперь свою жизнь строить!

— Только не с этим подонком, — он произнёс эти слова сквозь зубы, привычно сжимая кулаки, — если я узнаю, что он снова ходит к ней...

— А ты кто такой?! — Ольга тоже разозлилась не на шутку, — Ты — кто такой?! Ты её бросил?! Сам свою жизнь устроил?! Чего тогда к нам лезешь?!

— Если он ей угрожает, пусть она всё расскажет следователю, — поставив пакет с передачей на диван, Женька упрямо посмотрел на женщину, — передайте ей, пожалуйста.

— Смотри, какой храбрый, — Ольга Семёновна чуть смягчила тон, — без тебя разберёмся! И больше сюда не приходи, дай ей жить спокойно!

Выйдя из больницы, Женька ещё какое-то время стоял возле своей машины, потом, решительно открыл дверь и уселся за руль. Он и сам не знал, зачем попёрся сегодня к Насте.

В душе он понимал, что окончательную точку пора поставить уже давно, и продолжение их общения ничего, кроме лишней боли не принесёт, ни ему, ни ей, особенно ей. Да и Милена... Она вообще тут — ни при чём, но так отважно приняла все обстоятельства, связанные с его прошлыми ошибками, что он и сам не знал, чего в нём сейчас больше — чувства вины перед ней или чувства благодарности.

Ленку он любил... это было бесспорно... Себя он видел только рядом с ней, и ни одна женщина на свете не смогла бы занять её место. Но Настя... Он боялся признаться в этом себе самому, но окончательно стереть её из своей души он так и не смог. Это не была любовь в чистом виде, ведь больше не было любовного влечения к этой женщине из его прошлой жизни... Он не мог сказать, что это — лишь жалость... Он вообще не мог найти объяснения своему чувству, и лишь одно было для него неоспоримым фактом: чувство это — есть.

...«Творческая деревня», несмотря на летний сезон, жила своей полной жизнью — уже на крыльце Журавлёв встретил группу молодых, мускулистых парней из шоу-балета, что-то весело обсуждающих с Наташкой.

— Привет! — несмотря на подавленное настроение, Женька весело кивнул всей компании.

— Привет! — в числе прочих, радостно ответила Наташа, — А у нас разве сегодня есть репетиция?

— Нет, я к Диме. Он здесь?

— Да, он у Алисы. Несколько вокалистов подали заявки в наше агентство, они там видео просматривают.

— Понял, — кивнул Женька, — а ты, значит, пока муж занят...

— Да-да! — подхватив его шутку, рассмеялась Наташка, — А я с мальчишками отчаянно флиртую!

Журавлёву совершенно не хотелось встречаться с Алисой, и он, к своему огромному удовольствию, встретил Морозова в коридоре. Поздоровавшись, Женька вместе с ним вошёл в студию. У него не было никакого конкретного дела к Диме, но почему-то в это утро ему захотелось поговорить именно с ним.

— Дима... — оседлав задом наперёд стул, Женька положил локти на его узкую спинку, — У тебя было такое, что вот ты любишь женщину... искренне любишь... а у тебя другая из головы не идёт?

— Вот так прямо сразу?.. Прямо с утра?.. — рассмеялся было Морозов, но, увидев выражение лица Журавлёва, тут же стал серьёзным, — Понял. Значит, прямо с утра...

— Не в том смысле не идёт, что ты жить без неё не можешь или хочешь просто переспать... Ничего этого нет. А всё равно — она у тебя постоянно в мозгу сидит.

— Не знаю, — Димка пожал плечами, — такого не припомню, если честно. Скорее, было наоборот. Был у меня такой период. Женщину, что была рядом, я не любил. А ту, что из головы не шла — любил.

— И как ты вышел из этой ситуации?

— Я вернулся.

— К Наташке?

— Да.

— А как с той... другой?

— Никак. Во всяком случае, с моей стороны. К тому времени отношений уже не было, и, в общем, всё произошло естественным путём.

— А вот у меня никак не получается естественным... Столько женщин было... встретились, разбежались... Никогда не переживал и не вспоминал. А теперь так перекрутилось, что концов не найду. Ленку любил всю жизнь... Теперь встретил, живи и радуйся. Настю, по сути, не любил никогда... а вот выкинуть из головы не могу. И перед ней виноват, и перед Ленкой... Может, и правда, не нужно было им жизнь портить? Бабы были, да и сейчас есть... без обязательств и последствий...

— Не знаю, что тебе и сказать, Жека. Я по натуре немного другой...

— Да уж, немного, — засмеялся Журавлёв, — совсем чуть-чуть... А, если честно, то я тебе завидую белой завистью. Ты всегда знаешь, чего хочешь, и женщина у тебя любимая — одна...

— Любимая женщина всегда — одна.

— А если — нет?

— Знаешь... — Морозов слегка замялся, как будто подбирая слова, — Мне кажется, что одна. Любимая женщина может быть только одна. Всё остальное — определённая зависимость от каких-то обстоятельств. Например, от чувства вины. У меня была девчонка, ещё со школы. Первая любовь. Мы расстались потому, что я оказался в постели с другой девушкой. Первая меня не простила, а вторая любила уже давно. У меня было жуткое чувство вины перед обеими, и я целых два года встречался со второй девушкой, именно из-за этого чувства, и даже думал, что я её люблю. Через несколько лет она мне призналась, что всё подстроила сама, и ничего у нас с ней в ту ночь не было... и первая меня не простила зря... Но вот что такое любить по-настоящему, я понял, только когда встретил Наташку.

— Да, Дима... ты и вправду — другой. Ты, наверное, и с фанатками никогда не спал?

— Для меня женщина может быть только одна. Я не могу спать с женщиной, которая вчера спала с другим. Я не могу спать с женщиной, к которой у меня нет чувств.

— А физиология? — Журавлёв пожал плечами, — Природа берёт своё, как ты с ней не борись.

— У меня был период, когда с Кристиной уже не было никаких отношений, и даже физиология была бессильна, — Морозов усмехнулся, — я тогда недолго встречался с одной женщиной, которая была старше меня лет на семь... Меня хватило буквально на пару месяцев.

— А потом?

— А потом я вернулся к Наташке. Знаешь, Жека, я думаю, что тебе нужно сделать для себя выбор. Окончательный выбор. И — жить.

— А если не получается?

— Что не получается? Выбрать?

— Нет. Выбор я сделал.

— Тогда что не получается?

— Не получается жить...

Вопреки обещаниям и клятвам, данным Милене, «норма», которую поначалу старался соблюдать Журавлёв, с каждым днём увеличивалась, так, что к концу первой недели он твёрдо напивался каждый вечер, а спустя ещё несколько дней прочно вошёл в «штопор», со всеми последствиями, в виде постоянного «опохмела» и стирания из памяти подробностей всех событий. Если первое время он старательно приводил себя в порядок перед очередным концертом и, слегка похмелившись, отработывал всю программу, то последнее выступление чуть не завалил, явившись в невменяемом состоянии в ночной клуб. Увидев, как Женька неуверенно пробирается через толпу поклонниц к сцене, Морозов сразу всё понял и, встретив его, собрался отправить домой, но тот упрямо пёрся к установке, спотыкаясь о провода. Концерт уже должен был вот-вот начаться, и клуб был полон народу, поэтому всё происходило на глазах у публики. Говорову кое-как удалось увести Журавлёва в гримёрку и уложить спать, поэтому Димка весь вечер пел, стоя за клавишами. Милена буквально чуть не сгорела со стыда, когда поздно ночью Сашка притащил так и не проспавшегося Журавлёва домой. На следующий день она сама позвонила Морозову и предупредила, что Женька вряд ли сможет работать.

Сама она совершенно не знала, что ей делать. Никогда не видевшая запойных алкоголиков, первое время она наивно уговаривала его не пить, выливая в раковину водку, которую он прятал то в холодильнике, то в шкафу, отнимала у него деньги, но все эти меры не имели за собой никаких последствий — он, в любом случае, находил способы и средства, чтобы купить очередную бутылку и опохмелиться. Глядя на его небритое, потемневшее лицо, Милена пыталась воззвать и к его совести, и к его чувствам, но безрезультатно: бродя по квартире шатающейся тенью, тот без конца просил прощения, обещал «завязать», послушно ложился в кровать, но, чуть проспавшись, снова принимался за старое. В угаре, между «сериями» болезненного алкогольного сна, он без конца твердил ей, что виноват в смерти своего не родившегося ребёнка. Милене казалось, что в его мозгу теперь сидят всего две мысли — мертворожденный ребёнок и алкоголь. Она совершенно измучилась, без конца выслушивая покаянные исповеди Журавлёва и глядя на то, как на её глазах их ещё недавнее счастье тонет на дне очередной бутылки. Ей казалось, что жуткий запах перегара напрочь въелся во все уголки квартиры, которая, несмотря на чистоту, уже не казалась такой уютной. Она уже была готова всё бросить и уйти, куда глаза глядят, но страх, что любивший курить в постели Журавлёв подожжёт и дом, и самого себя, ещё удерживали её рядом с ним. Она с каждым днём всё больше и больше чувствовала усталость, и моральную, и физическую, и совершенно не знала, что говорить Морозову, и Говорову, которые приезжали к ним в последние дни. Ни ругать Женьку, ни защищать его Милена была не в силах, поэтому только молча уходила из комнаты, когда гости пытались завести с ним какие-нибудь разговоры.

Чаша терпения переполнилась после визита его матери. Сидя в кухне, Милена отчётливо слышала разговор Валентины Васильевны с сыном. Видимо, от переживаний, женщина выдала ему всё, что было у неё на душе.

— Что же ты за паразит такой?! — сквозь плач приговаривала мать, — Зачем я тебя тридцать шесть часов рожала да сама чуть Богу душу не отдала, если ты так свою жизнь не ценишь?!

— Мам... перестань... — пьяно промычал Журавлёв, лёжа плашмя на кровати.

— Что — перестань?! Ты хоть раз подумал, как я людям в глаза смотрю?! Кире жизнь испортил, Алёнка без отца растёт... Настю загубил... а сколько девок у тебя было?! Ты погулял да отвалил, а нам с отцом сколько раз краснеть приходилось?! И звонили, и домой приходили, и Генку подкарауливали! С тебя взятки гладки, а мы оправдывайся, почему Женя Дашу или Машу бросил!

— А зачем вы оправдывались?.. — еле шевеля языком, спросил Журавлёв.

— А мы что, совсем без совести?! — мать перешла на крик, — Был бы ты чужой, мы бы не краснели, так ты же сын родной, мы же тебя воспитывали! Да только разве я тебя учила так жить?! Разве я тебя учила водку жрать и таскаться?! Одной жизнь испоганил, другой, третьей... А теперь — нашёл, наконец, своё счастье, да собственными руками и убил! Что, думаешь, Миленка тебя терпеть будет? — в порыве гнева мать рукой показала в сторону кухни, где затаилась Милена, — Уйдёт ведь, уйдёт!.. И я ей ни слова не скажу, потому, что права она будет, права!..

— Знаю, что уйдёт... — снова промычал Женька, — Ленка уйдёт...

— И что, так и будешь ждать, что уйдёт?! Так и будешь пить?!

— Не буду...

— Встань и поклянись мне, как матери, что бросишь пить!

— Мам... ты иди...

— Иди, да?! — мать снова расплакалась, — И это всё, что ты можешь мне сказать?! А как мне идти?! Как мне жить теперь?! Что отцу говорить?! Вся душа за тебя изболелась, сколько лет уже покоя нет, думала, на Насте женишься, буду спать спокойно... Так на ровном месте сам всё перечеркнул! Ну, ладно, не вышло. С Миленкой решили расписаться, я снова обрадовалась, дура старая... Так и тут — снова что-то помешало!.. Когда ты перестанешь нам с отцом кровь-то пить?! Сынок... — она вдруг смягчила тон, — Я прошу тебя... Пожалуйста... Не пей больше! Посмотри, как на дворе-то хорошо! Лето, солнышко... А жизнь-то проходит! Сынок!..

— Мам... ты иди... — снова пьяно повторил Журавлёв, уткнувшись в подушку.

— Знай, — мать снова заговорила с обидой, — если я или отец раньше времени сдохнем, это будет только твой грех!

Не услышав в ответ ни звука, мать в сердцах вышла на кухню.

— Миленочка, прости меня, что накричала тут... — вытирая глаза, Валентина Васильевна глубоко вздохнула, — Так бы и убила своими руками паразита!

Попрощавшись, она ещё раз заглянула в комнату и, горестно покачав головой, покинула квартиру.

— Получил? — скрестив руки на груди, Милена показалась в дверном проёме комнаты, — А ведь она права! Во всём права! А теперь вот я за тебя краснею!

— Все вы правы... — уткнувшись в подушку, Женька говорил глухо, заплетающимся языком, — Один я — сволочь... Лучше бы мне сдохнуть... никого не мучить...

— Ты, наверное, думаешь, что я сейчас начну тебя жалеть?.. Уговаривать?.. — Милена подошла вплотную к дивану, на котором валялся Журавлёв, — Нет, Женя!.. Я не собираюсь

тебя ни жалеть, ни уговаривать, ни кидаться в бутылку. Ты — мужчина, и твоя слабость тебя вовсе не украшает.

— Уходишь, да?.. — промычал Журавлёв.

— Да, ты всё правильно понял. Я ухожу, — развернувшись, Милена быстро подошла к шкафу и начала доставать из него свои вещи.

Складывая в сумку одежду, она то и дело бросала взгляды на Журавлёва, но, судя по всему, он снова забылся пьяным сном. Затянув молнию, она вышла на кухню и, присев в изнеможении у стола, расплакалась.

Собственно, идти ей было некуда... Своя квартира была занята жильцами, да она и не решила ещё — оставаться ли ей в этом городе... Журавлёв не давал ей тратить ни копейки «из своих», поэтому почти все деньги, что она заработала у Морозовых, были целы, и позволяли ей на какое-то время взять тайм-аут, чтобы подумать о своей дальнейшей судьбе.

Милена ещё посидела какое-то время, в глубине души чувствуя слабую надежду на то, что Женька сейчас проснётся...

«Проснётся, и — что?.. Снова заведёт песню о Настинном ребёнке, а потом пойдёт в ближайший магазин за «добавкой» — в смятой футболке... с опухшим лицом?.. Всё будет происходить точно так же, как в последние две недели. Этому ужасу просто нет конца...»

— Наташа, — решительно достав телефон, она набрала знакомый номер, — мне неловко спрашивать... Но, всё же... Если нужно побыть с детьми, то я с радостью, и без оплаты. Мне нужно где-то пожить несколько дней, а кроме вас — нигде...

Она ни на минуту не сомневалась в ответе. Наташка с радостью позвала её к себе, тем более, что они с Морозовым собирались на гастроли в ближайшие дни.

— Я бы хотела сказать, что рада твоему возвращению, если бы не знала, почему ты вернулась, — вечером, уютно устроившись вместе с Миленой за кухонным столом, Наташа размешивала ложечкой сахар в чашке с кофе.

— Вот так закончилась моя лав стори... — печально ответила Милена, — И мне даже некого упрекнуть, что всё так вышло. Некого... кроме самой себя...

— Ты ни при чём... — начала было Наташа, но Милена перебила её:

— Как раз я и при чём. Я ведь сознательно пошла на это, понимаешь? Я знала, что он хочет жениться... но я всё равно пошла напролом. Если честно, теперь я совершенно не понимаю себя. Это — не в моём характере... И даже известие о том, что она беременна меня не остановило. Это — мой грех...

— Я так не думаю. Это просто стечение обстоятельств.

— Вся наша жизнь — стечение обстоятельств. Понимаешь, я просто и тупо отомстила...

— Отомстила?! — Наташа непонимающе уставилась на собеседницу, — Кому?!

— Получается — Насте... Отомстила за свою неудавшуюся жизнь.

— Господи, Милена... О чём ты?!

— Ты удивляешься? — Милена чуть улыбнулась уголком губ, — У тебя очень чистая душа, Наташа. Ты даже представить себе не можешь... Впрочем, я тоже не могла представить... Понимаешь, когда мы расстались с Женькой, я ждала... Ждала, что он

вернётся ещё раз... Но он больше не пришёл. Тогда я вышла замуж — без любви. А это — большой грех, когда без любви. Это я только сейчас поняла. Это всё равно, что спать с чужим человеком... штамп в паспорте ведь не даёт права на взаимность. И ты живёшь с человеком, к которому у тебя нет никаких чувств, а, если и появляется какое-то подобие привязанности, то это — лишь твоя фантазия. Я помню эти семь лет. Дежурные дни и дежурные ночи. Я не виню нисколько своего бывшего мужа, что он, в конце концов, меня бросил. Видеть рядом с собой куклу, а не любящую женщину — такое мало кто выдержит. Но у куклы тоже есть сердце...

— Он одумается... Вот увидишь!

— Женька? Возможно. Но сейчас дело не в нём, а во мне. Я хотела взять реванш за все свои несчастливые годы... И пошла напролом. Моё счастье обернулось слезами для другой женщины... И, что ещё хуже — он так и не выкинул её окончательно из своей души.

— Это из-за ребёнка...

— Не только. Понимаешь, я наблюдала за ним. Он считает себя ответственным за её судьбу. Я знаю, что у него было очень много женщин. Но он о них даже не вспоминает... А вот о ней...

— Милена, это всё из-за ребёнка! — Наташа не оставляла попыток успокоить Милену, — Если бы не ребёнок, Женька бы так не дёргался!

— Нет, — та отчаянно замотала головой, — сначала и я так думала... Но потом поняла... Он, действительно, не может её забыть!

— Он любит тебя.

— Он любит и меня, и её...

— Не думаю...

— К сожалению, это так. Поэтому он всю жизнь будет мучиться. И я буду мучиться рядом с ним.

— Но он никогда не вернётся к Насте...

— Это уже его дело, не моё. Я не могу так жить, понимаешь?.. Я ушла не потому, что он сейчас так пьёт... Я понимаю, что рано или поздно это прекратится. Но он не сможет изменить себя... я не смогу изменить его...

— Вы любите друг друга.

— Да... Но мы слишком долго были врозь. За эти годы произошли непоправимые события... Я думала, что, наконец, встретила своё счастье, о котором даже не мечтала. Но оказалось, что счастье это — уже совсем не то, каким было раньше... и оно вовсе не моё.

— Что ты хочешь теперь делать?

— Пока не знаю. Но одно я знаю точно. К нему я больше не вернусь...

* * *

Журавлёв совершенно потерялся в пространстве и во времени. Тяжёлые, болезненные пробуждения чередовались с порциями не менее тяжёлого алкогольного сна, сопровождаемые различными видениями, и он был не в состоянии понять — где кончался сон и начиналась явь... Как будто издалека являлись лица и голоса — знакомые и незнакомые... Вспоминалась мать с её причитаниями...

Морозов — приходил он действительно, или это тоже была галлюцинация? Кажется, он

что-то говорил о временной замене клавишника... Впрочем, ему, Женьке, сейчас всё равно...

Говоров... Он тоже, кажется, появлялся... Во сне или наяву?.. «Кончай бухать!..» — его голос почему-то продолжился эхом... как будто кто-то включил ревер на полную катушку...

Почему-то особенно запомнилось лицо Киры... Она что, и вправду заявила к нему домой?! Кажется, она что-то говорила о его согласии на выезд Алёнки... «Ты — сволочь и скотина!..» — ничего нового от неё он не услышал...

Много... много лиц и голосов... И — неизменная бутылка водки. Он и сам не помнил, где и как он добывал очередную порцию алкоголя, но заветная бутылка то и дело появлялась на журнальном столике. Впрочем, в последние пробуждения бутылка уже стояла на полу, возле дивана...

...Тяжело повернув голову, Женька разлепил глаза и тут же снова сомкнул веки — солнечный свет болезненно отразился от замутнённых зрачков. Привычно пошарив рукой вниз по полу, снова замер в постели. Бутылки под рукой не оказалось, но это обстоятельство его не огорчило — искал выпивку скорее по инерции, уже заранее зная, что выпить не сможет ни капли.

— Ленка!.. — позвав её, он не узнал своего голоса, — Ленка!..

— Чего? — несмотря на то, что женщина отозвалась на имя, это был голос не Милены.

— Ты — кто?.. — он снова кое-как открыл веки.

— Не узнал? — девчонка усмехнулась и, присев рядом, сложила на коленях руки.

— Узнал, — с трудом перевернувшись на спину, он снова закрыл глаза, — А где Ленка?

— Не знаю, — Ленка, его давняя поклонница, пожала плечами, — Ушла, наверное.

— Куда?..

— А я откуда знаю?

— А ты... Давно здесь?.. — Журавлёву с трудом давались слова, казалось, что опухло не только лицо, а и язык.

— Да дня три... Ваши играют без тебя уже третью неделю. Говоров сказал Маре, что ты заболел, и что сейчас живёшь один. Я и приехала.

— А дверь?..

— Была открыта, — девушка встала с дивана и направилась в кухню, — может, хочешь чего?

— Хочу...

— Чего?

— Застрелиться.

Он всё же кое-как поднялся. Ленка помогла добраться до кухни и прикурила сигарету — Журавлёв не мог даже вставить её в рот негнушимися пальцами. Выпив с литр воды, тут же нагнулся над раковиной...

Терпеливо убрав за ним, Ленка так же, поддерживая, помогла ему снова добраться до дивана.

— Бухать ещё будешь? — глядя, как он, свернувшись клубком, замер на постели, она присела в кресло напротив.

— Нет... — еле выдавил он из себя.

— Ну, и правильно.

— Слушай... Побудь со мной... Хорошо?

— Ладно, — она снова пожала плечами, — побуду.

До самого вечера Журавлёв лежал, не в силах больше встать. Почти трёхнедельный запой выливался в жуткую интоксикацию всего организма, и Ленка то и дело бегала на кухню то за сигаретами, то за водой, то за тряпкой...

— Она тебя совсем бросила? — глядя, как он пытается встать, девушка не выдержала и подхватила его под локоть.

— Совсем, — он ещё плохо соображал, но на этот вопрос ответил уверенно.

— Ну, конечно, — она ехидно усмехнулась, — подарки получать да по границам разъезжать приятнее...

— Помолчи, поняла?.. — он прошаркал на кухню и взял пачку сигарет, — Ванну мне лучше набери...

— Да запросто! — повернувшись на одной ножке, девушка бодро выбежала из кухни.

Горячая ванна и прохладный душ немного облегчили состояние, и Женька на ночь выпил чашку чая, порадовавшись уже тому, что его не стошнило.

Ленка пробыла с ним все первые несколько дней «отходняка», вливая в него то куриный бульон, который приносила из дома, то чай с мёдом, то молоко... Женька впервые был искренне благодарен этой девчурке, единственной живой душе, оказавшейся рядом в тяжёлые, болезненные дни.

— Что, всё ещё плохо? — приехав к нему в очередной раз, девушка участливо смотрела, как он лежит на постели.

— Не плохо, а... — Журавлёв нецензурно выругался.

— У меня такого не было...

— И не надо, — он повернул к ней голову, — никогда не пей, слышишь?.. И траву курить бросай.

— Так я много и не курю, — она весело уселась рядом с ним, — и пью только пиво...

— Так с пива и начинается... — почувствовав близость женского тела, он невольно провёл рукой по её спине, — Думаешь, я сразу так бухать начал?

— Ой, щекотно!.. — она нарочно поёжилась под его рукой, потом, повернувшись, прилегла рядом, — А хочешь, я тебе массаж сделаю?

— А хочешь, я — тебе?.. — его рука уже всю мяла её грудь, — Раздевайся...

* * *

Он понял, что Милена ушла от него... Смутно вспоминая все прошедшие дни, он не винил её ни в чём, скорее, даже оправдывал, понимая, что редкая женщина смогла бы принять все обстоятельства, которыми сопровождались их отношения. Звонить он ей пока не стал, отложив разговор на потом, когда он совсем выйдет из этого жуткого состояния... Три недели беспробудного пьянства — такое с ним было впервые. Все предыдущие «загулы» ограничивались несколькими днями, а вот теперь...

Единственный, кому он решился позвонить, как только стало немного легче, был Димка Морозов.

— Привет, — вопреки ожиданиям, тон Морозова был скорее радостным, чем строгим.

— Я понимаю, что оправдываться не стоит, — Журавлёв всё ещё разговаривал с трудом, но тут собрал все силы, — ты меня уже уволил?

— Пока нет.

— Кто за клавишами?

— То я, то Наташка. Кого-то со стороны брать с нашим репертуаром временно — нет смысла, ты же сам понимаешь. Или на постоянно, или никак. Ты как — в порядке?

— Не совсем, но выхожу из коматозы.

— Когда выйдешь окончательно?

— Дня через два, думаю, совсем оклемаюсь. Если ты меня ещё не уволил...

— Жека, тебя никто не уволил. Но поговорить надо.

— Понял. Поговорим.

После разговора с Морозовым Женька почувствовал некоторое облегчение. Работа пока не потеряна. Если он ничего и нигде не натворил в эти дни... Впрочем, если бы натворил, уже бы знал.

Настя... Воспоминание о бывшей невесте внезапно обожгло, отдаваясь во всё ещё затуманенном мозгу жуткой болью... Он никак не мог сообразить: эта боль — физическая или душевная?.. Звонить он ей не стал, понимая, что сказать нечего, а слова утешения казались ему сейчас бессмысленными. Вот уже третье утро просыпаясь вместе со своей фанаткой Ленкой, он всё больше и больше убеждал себя в том, что к прошлому возврата нет и не будет — во всех его проявлениях. Не будет... Если не считать одного обстоятельства.

Он очень удивился раздавшемуся звонку в дверь, раздавшемуся на следующий вечер после разговора с Морозовым. Первым порывом было выскочить в прихожую... Но надежда, что это Милена, вспыхнула в душе так же внезапно, как и погасла: на кухне всю хозяйничала другая Ленка...

— Привет, — он с облегчением впустил неожиданную гостью, — проходи.

— Привет, — Наташка улыбнулась и, разувшись, прошла следом за Журавлёвым, — я ненадолго, меня Димка отпустил на полчаса.

— Он что, с детьми?

— Нет... — она хотела сказать, что с детьми — Милена, но потом решила промолчать, — Он ждёт меня в студии, я машину взяла и к тебе приехала.

— А кто с детьми? — он спросил это как-то отвлечённо, но Наташа уловила напряжённость в его голосе.

— Здравствуйте... — не ответив на его вопрос, она как вкопанная остановилась у двери в кухню.

— Здравсьте, — не очень приветливо ответила Ленка, у плиты помешивая в кастрюле суп.

— В общем, я ненадолго, — моментально сменив тон, Наташка резко повернулась к

Журавлёву, — и, если честно, не знаю, нужно ли было приезжать вообще...

— Иди сюда, — он за руку утащил её в комнату и насильно усадил в кресло, — Наташка, я ужасно рад тебя видеть.

— Кто это? — кивая головой в сторону кухни, Наташа не сводила с него строгого взгляда, — Только не говори, что сестра...

— А ты сама не узнаёшь? — он усмехнулся, — Ты же сама всё знаешь.

— Ну, да. Девочки-фанатки, всегда готовые прийти на помощь...

— Ну, в общем, — да. Но это ни о чём не говорит.

— Конечно, — Наташа с сарказмом кивнула на коробочку из-под презервативов на спинке дивана, которую Журавлёв забыл убрать, — и это тоже ни о чём не говорит...

— Подожди, — заметив, что она готова вскочить и уйти, Женька положил ей руку на плечо, — ты ведь не просто так пришла? Наташа?.. И Дима тебя на просто так отпустил к холостому мужчине, правда?.. Была ведь причина?..

— Была, — она снова присела на кресло, — я думала, что ты тут страдаешь в одиночестве...

— А кто тебе сказал, что у меня полный айс на душе? — затолкав в карман злополучную коробку, он присел напротив Наташки, — Хреново мне, Наташка. Так хреново, что вот сейчас сижу и жалуясь тебе... Впервые в жизни — жалуясь.

— Женья...

— Подожди, — перебив её, он ещё несколько секунд помолчал, — И не просто жалуясь... А жалуясь — женщине. А это для Жени Журавлёва — верная смерть.

— Мне кажется, тебе нужно сменить бренд.

— Как?

— Женю Журавлёва — на Евгения Журавлёва.

— Ты думаешь, поможет? — он усмехнулся, — А как быть с прошлым?.. Все ошибки Жени падут на голову Евгения... И в этом обречённость моей судьбы.

— Это ерунда.

— Нет, Наташа, не ерунда. Слишком много всего накопилось. Слишком много ошибок для одного человека. Рядом было много людей. Любимых... но которым я с непонятным упрямством портил жизнь. И ни одного — прикидываешь, ни одного! — кто мог бы сказать мне спасибо.

— Есть, — тихо произнесла Наташа, — один такой человек есть...

— Кто?

— Я.

— Ты — мне?! Спасибо?.. За что?

— А помнишь... Однажды ты позвонил мне... и спросил, соглашусь ли я записать с тобой песню... Помнишь?

— Ну... помню. Если спасибо только за это, то...

— Не за это, — теперь она его перебила, — спасибо не за это.

— А за что?

— Знаешь, что я делала в тот момент, когда раздался твой звонок?

— Что же ты делала? — он едва улыбнулся уголками губ.

— Я сидела за столом и открывала пачки с таблетками... Одну за другой... Я складывала их в кучку, чтобы выпить... Их было уже больше двадцати... а, может, и тридцати... И я бы их выпила, если бы в этот момент мне не позвонил один замечательный

парень... Женька Журавлёв...

— Серьёзно? — Журавлёв слегка смутился от услышанного.

— Серьёзно. Ты спас мне жизнь. И не только мне... ещё — Валерке. Если наши жизни хоть что-то стоят, то считай, что часть твоих ошибок исправлена.

— Стоят... ещё как стоят, — он тяжело вздохнул, — но у меня этих ошибок... Тысячи спасённых жизней не хватит...

— Иногда хватает даже одной. Ты спас меня, моих детей... может, даже не только Валерку с Аней...

— Вы что, собрались с Димкой ещё родить? — он удивлённо уставился на гостью, — Серьёзно?!

— Пока нет, — рассмеялась в ответ Наташа, — но Дима сказал, что ему двоих мало.

— Счастливые вы...

— И ты тоже счастливый. Только не умеешь счастьем своим распоряжаться... — Наташа немного помолчала, как бы прикидывая, что ещё сказать Журавлёву, потом снова подняла на него глаза, — В общем, я к тебе вот зачем. Послезавтра — день города. И день рождения Димки. Намёк — понял?

— Понял. Завтра с утра буду в студии.

— И выбрасывай всё из головы. Милена сейчас у нас. Она собирается уезжать, но пока здесь.

— Я так и думал, — Женька угрюмо опустил голову, — я не знаю, что сказать, Наташка... Мне нужно завязать с прошлым, а пока я не разберусь, кто избил Настю, завязать я с ним не смогу. Вот разберусь — и тогда...

— Без тебя разберутся. Ты свою жизнь налаживай.

— Ты ничего не знаешь?

— Знаю только, что Настя всё ещё в больнице. Нас с Димой опять вызывал следователь, буквально позавчера.

— Она так и не сказала, кто это был?

— Нет. Вопрос остаётся открытым.

— Значит, закрыть его должен я. Иначе нет смысла начинать новую жизнь.

— А как с этим? — Наташа снова кивнула в сторону кухни, — Это — из какой жизни?

— Это — тоже из прошлого. Только ты Милене не говори...

— Не скажу.

— Обещаешь?

— Обещаю. А ты сможешь сегодня же завязать с этим прошлым? Ну, хотя бы — с этим?..

— Смогу, — он уверенно кивнул, потом как-то странно посмотрел на Наташку, — слушай... А помнишь, как мы с тобой танцевали на дне рождения Димы?.. тогда, пять лет назад?..

— Помню, — она удивлённо смотрела на него, — а что?

— Я у тебя ещё номер телефона спросил...

— Помню...

— И чего я тебя тогда проглядел?

— Знаешь, кто ты? — Наташка не знала, смеяться ей или сохранять серьёзное выражение лица.

— Знаю, — обречённо кивнул Женька.

— И кто? — она ехидно прищурила свои карие глаза.

— Бабник...

Играть на гитаре Журавлёв научился, когда ему было семь лет. При чём, научился самостоятельно, в те недолгие часы, когда ни его старшего брата Генки, ни отца не было дома. Заветный инструмент, подаренный Генке их любящей тётушкой на десять лет, практически валялся без дела в их комнате, но брать его в руки Женьке категорически не разрешалось. Зачем сестра Валентины Васильевны сделала такой подарок десятилетнему мальчишке, который никогда не проявлял никакого интереса к музыке, не знал никто, даже сама дарительница. Видимо, решив, что из машинок и пистолетов племянник «вырос», а до бритвенных принадлежностей ещё не дорос, она не придумала ничего более оригинального, чем шестиструнный музыкальный инструмент, в надежде, что «авось, да пригодится»!

Пощипав для приличия струны, именинник положил подарок в дальний угол и с удовольствием занялся радиоуправляемой машинкой, подаренной менее изобретательными родственниками. Обычно Женьке, как младшему, разрешалось принять участие в разборе подарков, а так же, в их частичном присвоении... Но в этот раз он даже не посмотрел ни на один из них, и даже настольный хоккей, о котором он сам давно мечтал, не привлёк его внимания... Оно, это самое внимание, было приковано лишь к одному единственному предмету — той самой шестиструнной гитаре, так равнодушно отставленной Генкой. Его светло-карие глазёнки на смазливой мордашке буквально пожирали этот неожиданный подарок, сделанный старшему брату...

Женька едва дождался, пока мать поставит на стол сладости, и Генка усядется уплетать свои любимые пирожные.

«А где у нас Женька-то?» — первым спохватился отец, заметив, что младшего сына нет уже добрых полчаса за праздничным столом.

Каково же было удивление взрослых, когда, открыв дверь в мальчишескую спальню, они обнаружили его, сидевшего на полу, в обнимку с заветной гитарой...

То ли из вредности, то ли по какой другой причине, но в этот раз Генка почему-то был категорически против делиться подарком с братом. Отобрав у него инструмент, он положил его на свою кровать и накрыл одеялом.

«Ещё сломаешь чего-нибудь!»

Так и не поняв, что он может сломать, Женька обиженно насупился и, не проронив больше ни слова, ушёл в ванную. Он даже не притронулся ни к пирожным, ни к именинному пирогу... Ночью он долго ворочался в своей кровати, и Генка, не выдержав, нарушил молчание:

«Хочешь, я отдам тебе хоккей?»

«Не хочу».

«А что ты хочешь?»

«Гитару».

Напрасно Генка уговаривал его, ссылаясь на то, что играть на гитаре он всё равно не умеет, а в хоккей они будут играть вдвоём... Женька упрямо шмыгал носом и повторял: «Не хочу я твой хоккей. Сам играй...»

Родители Журавлёва жили не бедно и не богато. Были они совершенно простыми людьми, и профессии имели тоже совершенно простые: мать работала диспетчером в автопарке, а отец был прорабом на стройке. Начало девяностых ознаменовалось повальными

сокращениями, тотальным дефицитом и постоянной нехваткой денег, поэтому «разориться» на вторую гитару для семилетнего сына ни Владимир, ни Валентина не решились, уговаривая Генку позволить брату иногда «побрякать» в своё удовольствие. Но Генка был неумолим: «Что угодно, только не гитару!»

Давить на него родители не стали, парень был отличником в школе и имел примерное поведение, а Женька, даже учась ещё в первом классе, был его полной противоположностью. Гитара так и осталась пылиться в углу, но отец решил превратить её в инструмент воспитания младшего отпрыска, который, в силу своего шкодливого характера, частенько заставлял напрягаться всех членов семейства.

«Будешь слушаться — разрешу взять Генкину гитару!»

Это отцовское условие не успело выполниться ни разу... Старательно сохранявший послушание с утра, к вечеру Женька обязательно находил все мыслимые и немыслимые приключения на свою «пятую точку», и стабильно, вместо аккордов, «вкушал» отцовской ремень. Впрочем, и ремень тоже не имел длительного воздействия — почесав ушибленное место, мальчишка недолго пребывал в состоянии покоя, и мечта о гитаре снова отодвигалась на неопределённый срок...

Но так было только на первый взгляд. На самом деле, Женька сразу нашёл выход из сложившейся ситуации. Однажды, будучи с родителями в гостях у их знакомых, он увидел, как хозяин квартиры складывает пальцы на грифе и извлекает звуки из струн. Почему-то он сразу же и навсегда запомнил эти комбинации... И теперь, как только за отцом и братом закрывалась дверь, заветная гитара тут же оказывалась в его руках... Он сам, без помощи взрослых, научился брать свои первые аккорды... В один из таких дней мать, случайно придя домой раньше обычного, услышала звуки, доносящиеся из комнаты сыновей и, войдя туда, обомлела: её семилетний Женька, задумчиво поджав красивые губки, своими детскими ручками совершенно правильно наигрывал какую-то известную мелодию!..

«Кто тебя научил, сыночек?!» — ошарашенная Валентина Васильевна застыла в дверях.

«Сам», — просто ответил ребёнок, ещё с трудом переставляя пальцы на грифе.

Зная упрямый характер отца, мать решила ему ничего пока не говорить, но играть Женьке втихаря разрешила... Он и играл потихоньку, очень аккуратно и бережно относясь к инструменту, несмотря на свой малый возраст. Конец его занятиям пришёл неожиданно. Отчего лопнула струна, он так и не понял... Он лишь решил её слегка подтянуть, каким-то десятым чувством уловив не заметную для простого уха фальшь, и лишь слегка подкрутил колок. Издав глухой звук, злополучная струна нелепо разорвалась на две части... Скрыть «косяк», естественно, не удалось, и скандал разразился нешуточный. Отца возмутила не лопнувшая струна, которую, в конечном счёте, можно было заменить. Коллективное непослушание — вот что стало причиной семейной ссоры, поэтому досталось и самому Женьке, и матери, которая «покрывала» непослушного сына, тем самым «дискредитируя» отцовскую волю. В сердцах схватив инструмент, отец вприпрыжку выскочил на балкон и швырнул гитару через перила... Раздавшаяся внизу брань не оставляла сомнений: инцидент, явно, имел продолжение. В подтверждение тому через пару минут раздался звонок в дверь...

...Для компенсации убытков от небольшой вмятины на припаркованном под их балконом автомобиле соседа, наличных средств, имеющихся в доме, было не совсем достаточно, но сосед согласился на те деньги, которые ему смог заплатить Владимир, прихватив в возмещение недостающего ту самую злополучную гитару...

Ревели все: и Генка, и мать, и «виновник торжества» Женька... Выпив «на горестях» с

пострадавшим соседом бутылку водки, отец неожиданно расчувствовался.

«Через две зарплаты куплю я вам новую гитару, — слушая семейный всхлипывающий «хор», он виновато насупился, — но не раньше!»

Сбыться обещанию было не суждено. Вскоре мать попала под сокращение, и мечта о новой гитаре стала воистину несбыточной... Журавлёвы еле сводили концы с концами, и Женька, который и раньше ничего не выпрашивал у родителей, теперь решил забыть о своей мечте навсегда.

Близился его собственный день рождения, но родители предупредили заранее: денег нет, и — либо приглашаем друзей, либо покупаем подарок.

«А на гитару денег хватит?» — несмотря на свои почти восемь лет, Женька с пониманием относился к семейным проблемам.

«На гитару не хватит, — мать виновато развела руками, — вот мука у меня есть, пирогов вам напеку, если ребят позовёшь... А гитара дорого стоит, сынок... Вот если что-нибудь другое...»

«Тогда ничего не надо, — Женька грустно вздохнул, — тогда лучше пироги...»

...Старую, обшарпанную гитару он заметил ещё днём, когда возвращался домой из школы. Она сиротливо стояла возле мусорного бака, без единой струны, но с совершенно целым корпусом и грифом. Даже колки были на месте... Видимо, это была очень старая гитара, с наклейками в виде улыбающихся девушек в купальниках, такими же, какие были на гармони, в деревне у бабушки, куда он с родителями ездил каждое лето.

Он еле дождался вечера, чтобы пойти и забрать этот беззвучный инструмент, и всю дорогу переживал, что кто-то его уже опередил... Но, на его счастье, гитара так и стояла, прислонившись к баку, и Женька, оглянувшись, торопливо схватил её за гриф...

Денег на то, чтобы купить струны, у него не было, да он и не знал, сколько они стоят и где продаются. Поэтому он решил спрятать свою находку до поры, до времени.

«А это ещё что такое?!» — убираясь в их комнате, мать удивлённо вытащила гитару из-под его кровати.

Выслушав сына, она не стала его ругать, а только вздохнула как-то жалостливо и прижала к себе.

«Мам, подарите мне на следующий день рождения струны?» — его глаза смотрели на неё так трогательно-просяще, что Валентина Васильевна не выдержала и расплакалась...

«А разве эту гитару можно сделать?» — вытерев слёзы, она кивнула на инструмент.

«Да! — он обрадованно кивнул головой, — Я спрашивал мальчиков, они сказали, что нужно только струны натянуть, и всё!»

«Думаешь, будет играть?»

«Будет! Я же умею!...»

«И откуда она на нас свалилась, эта нищета проклятая?!» — ещё раз вздохнув, мать вышла из комнаты.

Она рассказала всё отцу, и на следующий день, придя с работы, тот сразу прошёл в комнату сыновей. Женька делал уроки, и, увидев отца, внутренне приготовился к очередному «нагоняю» — просто так отец к ним с Генкой не заходил, а только, если нужно было отругать кого-то из них, и чаще всего, этим «кто-то» был именно Женька.

«Ну, показывай, чего ты там домой приволок, — вопреки ожиданиям, Владимир был настроен миролюбиво, — доставай свою бандуру...»

Он несколько минут разглядывал «бандуру», хмыкая и покачивая головой, потом, достав из кармана упаковку новеньких гитарных струн, посмотрел на Женьку.

«Пап, это что, взаправдошные?!» — у того аж дух перехватило, и отец ещё раз хмыкнул.

«Взаправдошные».

«Ты что, купил?!»

«Ну, не украл же. Сейчас к дяде Сергею поеду, он сказал, что сможет натянуть».

Домой отец вернулся поздно ночью, довольно навеселе и с готовой гитарой. Не спавший в ожидании его Женька радостно выскочил в прихожую...

«Папка!.. Только не порви!..» — не смея даже прикоснуться к заветному инструменту, он терпеливо ждал, пока отец не «наиграется», бряцая по струнам как попало.

«На, держи! — Владимир протянул гитару сыну, — будешь плохо себя вести — отберу!»

Эта, практически самодельная, гитара прослужила ему верой и правдой несколько лет. Приходя из школы домой, Женька тут же брал инструмент и, усевшись на своей кровати, старательно разучивал аккорды. Если раньше мать с отцом каждый день со страхом отпускали его гулять — как бы опять чего не натворил, то теперь у них была одна забота — оторвать его от музыки хотя бы на пару часов в день, чтобы заставить сделать уроки.

Гитара стала ему родным существом. Все наклейки с неё он тщательно удалил, нарисовав на их месте подобие заплаток. Поступив самостоятельно в музыкальную школу, Женька окончил её легко, правда, уже по классу бас-гитары. Там же он научился играть на клавишах, но уже не официально, а «самоучкой», что позволил сделать его незаурядный талант. Музыку сам он не писал и не пытался, но исполнителем был поистине гениальным. Глядя на его успехи и на то, как он весь уходит в музыку, родители не могли нарадоваться... И только возникший с годами повышенный интерес к женскому полу, подкрепляемый его незаурядной внешностью и причастностью к творческой аудитории, вызывал у них совсем не беспочвенную тревогу...

* * *

Ночью Журавлёву приснилась гитара. Старая, когда-то найденная им буквально на помойке, гитара... Во сне он пытался брать на ней какие-то аккорды, но струны отвечали ему лишь странным скрежетом, как будто он водил по ним напильником, а не перебирал пальцами. Проснувшись, он всё ещё находился под впечатлением от сна, ему казалось, что этот скрежет так и стоит в его ушах...

Снова закрыв глаза, он вдруг вспомнил своё детство, и история с его первой гитарой нарисовалась в его мозгу разноцветными картинками. Он не мог понять, почему именно сейчас он вспомнил об этом своём самом первом инструменте... Удивительно, но та самая гитара до сих пор была цела! Ещё учась в последних классах средней школы, Женька купил себе новый инструмент, но старый не выкинул. Аккуратно завёрнутая в полиэтиленовый пакет, гитара лежала на антресолях в родительском доме. Вот уже несколько лет он о ней совершенно не вспоминал, но был уверен: она — там. Ему вдруг ужасно захотелось достать

её, взять в руки и что-нибудь сыграть. Решив, что так и сделает в первый же визит к родителям, он откинул одеяло и сел на постели.

Родители... пока к ним лучше не соваться, иначе часовой монолог отца типа «я тебя породил, я тебя и убью», был бы ему обеспечен. Матери он позвонит... обязательно позвонит. А вот навестит чуть позже.

Вспомнив о родителях, Журавлёв помрачнел лицом...

Милена... Ещё будучи в пьяном угаре, он уже понял, что снова потерял её, и в этот раз, видимо, навсегда. Он так ни разу не позвонил ей с тех пор, как пришёл в себя... Она, наверное, ждала... Она, конечно, ждала. А что он мог ей сказать? Снова наобещать не пить и завязать с прошлым? Ну, пить он теперь точно бросит! После того, что он пережил, борясь с интоксикацией, он даже пива в рот не возьмёт!.. Ему вполне хватило этих трёх недель запоя и двух недель тяжёлого «отходняка»... Недаром говорят — сколько пьёшь, столько и болеешь... Нет, с алкоголем покончено раз и навсегда...

Но как быть с прошлым?

Пока он знает, что этот подонок Славик спокойно ходит по городу и запугивает Настю, он не сможет жить спокойно. А, самое главное, он не сможет поехать к Ленке... Он не сможет сказать ей «прости», пока не освободится от этого груза. Это — только его груз. И справиться с ним должен только он сам. Да, он — дурак... Он дурак и ещё раз дурак. Вместо того, чтобы давно решить эту проблему, он ударился в пьянку. Он потерял столько времени... подвёл ребят... изменил Ленке... Но он обязан сначала рассчитаться со Славиком. А потом возвращать Ленку. Он не может пойти к ней, пока... пока...

А если он не успеет? Если она уже уехала?..

— Наташка, — вечером, набрав номер, он прислушивался к тому, что происходило в доме Морозовых, надеясь услышать голос Милены, — ты можешь со мной поговорить, но так, чтобы никто не знал?

— Да, — она немного удивилась, — конечно, тем более, что я одна.

— Совсем? А где... — он хотел произнести имя Милены, но почему-то не стал, — Где Дима?

— Дима в нашей студии, Ане песни поёт, — рассмеялась Наташа, — А я на кухне.

— А Милена... Она где?

— Она у Анны Сергеевны, вместе с Валерой.

— Уффф... — не выдержав, он с облегчением выдохнул, — Я боялся, что она уехала.

— Я бы тебе сказала... Да, она собирается уезжать.

— Наташа... Задержи её у себя ещё хотя бы на недельку! Ну, придумай что-нибудь... А, Наташка?!

Собственно, придумывать было ничего и не нужно. Морозовы летели на съёмки клипа в Сочи, где Наташа должна была ещё принять участие в заключительном туре всероссийского конкурса «Песни нашего лета», которое оплатило предприятие Прохорова. Они брали с собой Наташкиного отца вместе с его женой. Валерию не рекомендовалось долго находиться на солнце, по состоянию здоровья, поэтому предполагалось, что днём он и Светлана Петровна будут отдыхать в прохладных «покоях» пансионата, где Наташа приобрела для них

путёвки. Валерик должен был принимать участие в съёмках, поэтому был полностью «на совести» родителей. Вечера же предполагалось проводить в дружной семейной компании. Но ради Журавлёва Наташа была готова пойти на маленькую хитрость...

— Милена, у меня к тебе одна маленькая, но важная просьба, — придав лицу как можно более невинное выражение, завела Наташка разговор, — ты не смогла бы полететь вместе с нами на съёмки?

— В Сочи?! — кажется, Милена совершенно не ожидала услышать такое предложение.

— Да... Понимаешь, всё же с нами Валерка, он не сможет целый день работать так, как мы, ему нужен будет и тихий час, и регулярное питание, а папа очень быстро устаёт... Путёвку мы тебе купим, жить будем все рядом... Там море... солнце...

— Наташа... — Милена впервые за много дней искренне улыбнулась, — Меня не нужно уговаривать!.. Я согласна!

* * *

Услышав звонок, Настя осторожно подошла к двери и посмотрела в глазок.

— Проходи, — щёлкнув замком, она посторонилась, пропуская гостью, — здравствуй.

— Добрый вечер! — Наташа, улыбаясь, прошла в квартиру, — Извини, что я так поздно, но готовимся к отъезду, только из студии...

— Едете на гастроли? — Настя говорила негромко, с оттенком напускного равнодушия в голосе.

— И да, и нет, — пройдя на кухню Наташка поставила на стол коробку с тортом, — едем снимать клип.

— А здесь что, нельзя снять? — Настя шумно налила в чайник воды и поставила его на плиту, — Нужно обязательно куда-то ехать?

— Здесь нет нужной природы, моря нет.

— Море, — Настя тихо усмехнулась, — Хоть бы раз съездить на то море...

— Ты не была?

— А что, удивительно?

— Нет, — Наташа внимательно наблюдала, как Настя, открыв навесной шкаф, достаёт оттуда рюмки, — не удивительно. Я бы тоже вряд ли побывала, если бы не Дима.

— Вот видишь... — сходяв к холодильнику, Настя вернулась с бутылкой коньяка в руке, — У тебя такой вот хороший Дима...

— Ну, в общем-то, мы с ним только один раз и ездили, два года назад... А сейчас едем работать.

— И работа у тебя хорошая.

— Это тоже — благодаря Димке... — Наташа растерянно смотрела, как Настя разливает в рюмочки коньяк, — Если ты мне, то я не буду...

— Почему? — взяв в руку рюмку, та посмотрела на свою собеседницу, — Давай, отметим моё возвращение домой.

— Ну... хотя бы потому, что я за рулём.

— О, — Настя сделала удивлённое лицо и, выпив коньяк, подцепила вилкой небольшой

треугольник торта, нарезанного Наташкой, — и машину ты водишь...

— Настя... — понимая, что сейчас в той говорит лишь обида, Наташа как можно больше постаралась смягчить тон, — Сейчас никого не удивишь машиной... Тем более, что она у нас с Димкой одна на двоих. Вот я к тебе приехала, а он меня у Говорова ждёт...

— Так ведь ждёт же.

— Ну, да...

— А ты знаешь, — наливая вторую рюмку, Настя заговорила немного бодрее, — ты вот думаешь, что у тебя сейчас всё хорошо, да? Но это тебе только так кажется. Потому, что ты живёшь совсем в другом мире.

— В каком мире?

— Где всё красиво, но лишь на первый взгляд, — Настя проглотила вторую порцию коньяка и, слегка сморщившись, снова потянулась за тортом, — где красивые и верные мужья... где все одеваются в модную одежду... где даже лень расчесать самому себе волосы, поэтому нужно посетить салон красоты... где даже самая последняя шлюха ездит на дорогой тачке...

— Это ты сейчас о ком? — нахмурившись, Наташа смотрела на свои, сложенные на столе руки с дорогим маникюром.

— Не о тебе, — потянувшись за сигаретой, Настя слегка привстала со стула, — а о тех, кто тебя окружает.

— Ну, в общем, я не согласна, — настроение окончательно испортилось, и Наташа сосредоточенно думала, как повернуть в нужное русло разговор, ради которого она и приехала сюда, — во всяком случае, меня окружают совершенно нормальные люди.

— Такие, например, как Журавлёв, да? — Настя слегка опьянела после трёх стопок и, выпуская дым, слегка закашлялась, — Так вот, чтобы ты знала... Это — подонки. Пока они с тобой — у тебя есть всё... Деньги, наряды, тачки... Но стоит ему найти себе другую шалаву, и у тебя сразу — ни-че-го! Голый ноль!.. И ты сама — ноль... Разве не так?

— Ну, какой же ты голый ноль, Настя? — несмотря на коробящий тон собеседницы, Наташа старалась сохранять дружелюбие, — Ты — молодая, красивая девушка...

— А вот сейчас я не о себе, — Настя снова затянулась, улыбаясь уголком губ, — я, как раз, о тебе...

— Ты зря сейчас так говоришь.

— Зря?! — усмехнувшись, Настя налила себе ещё коньяка, — Да ты сама только что говорила, что у тебя всё благодаря твоему Диме... И поешь ты благодаря ему, и одеваешься благодаря ему, и вообще, всё у тебя только благодаря ему! А если он тебя захочет бросить, что у тебя останется, а?!

— Останусь я. А ещё — мои дети. Разве этого не достаточно?

— Дети, — Настя снова усмехнулась, — Он и детей у тебя заберёт. Сейчас это модно... Потому, что все они там — подонки, вроде Журавлёва...

— Знаешь, Настя, — Наташке всё труднее было разговаривать с пьянеющей на глазах Настей, но она мужественно продолжала этот разговор, — Женьку я не оправдываю... Я вообще никого не виню и не оправдываю... И я понимаю твою обиду... Но ведь нужно жить дальше...

— Жить... Разве это будет жизнь?!

— Если ты будешь пить, то это будет, действительно, не жизнь.

— А если мне так легче?! — Настя кивнула на опустошённую наполовину бутылку, —

А, если у меня другого выхода нет?!

— Выхода? То есть, ты сама поставила себя перед выбором — пить или не пить, и говоришь, что нет выхода?!

— А если у меня не душа, а месиво кровавое?! — Настя почти выкрикнула эти слова, схватившись за воротник халата, — Ты знаешь, что такое, когда ты любишь человека столько лет... и он, наконец-то, говорит — выходи за меня... А сам на следующий же день бросает... а ты стоишь над этой проклятой раковиной... и тебя наизнанку выворачивает, потому что ты, бл...ь, беременная!..

Наташа слушала Настину исповедь, которая становилась всё истеричнее, и не знала, что ответить... С одной стороны, ей было, что сказать, и сказать отнюдь не елейным тоном... Но, с другой стороны, её доброе сердце сжималось от того отчаяния, с которым Настя так и не могла справиться... Она хотела остановить её, когда та снова наполнила свою рюмку, но потом не стала, заранее догадываясь, что это бесполезно.

— Насть... Я не знаю, что тебе сказать. Я тебя и понимаю... и не понимаю...

— Да где тебе уж понять...

— Если ты помнишь, то мне как раз и понять. Я ведь тоже оставалась одна. Ты помнишь, как я работала в ресторане? Я тоже была совсем одна, мне нужно было учиться, и приходилось работать, потому, что помогать мне было некому. И всё это — со второго по шестой месяц беременности. И Диму я любила больше жизни... Но ни разу не сказала о нём ни единого плохого слова, потому, что всё плохое отразилось бы на его сыне.

— А я не такая... Я не могу желать Журавлёву добра, понимаешь?! Он — подонок!

— Но не он же тебя избил...

— Ну, и что, что не он! Из-за него всё!..

— Почему из-за него?

— Потому, что... — Настя снова закурила и заговорила уже тише, — Я ждала, что он вернётся, понимаешь? Первые дни — всё ждала... Дура... Он не вернулся. А тут — Славка... Я назло Журавлёву оставила его на одну ночь. Только... понимаешь, утром встала... Не могу на себя в зеркало смотреть, и всё тут! Ну, не могу я с ним... После Женьки — не могу... понимаешь?..

— Понимаю...

— Я ему — вали отсюда, а он не уходит. Говорю, я беременная... Думала, сразу сбежит, а он — нет! Говорит, люблю, всё равно, мол, чей ребёнок... Я ему — я спать с тобой сейчас не могу... А он — ну, и что, подожду, мол... ну, я и подумала, а, вдруг, и правда, любит? Он же в первые дни нормально себя вёл...

— А потом?

— Потом... — тряхнув волосами, Настя пьяно усмехнулась, — А потом он стал каждый вечер пить. Я ещё в клубе работала... Так, чтобы он мои деньги не тратил, с каждой смены ему по бутылке приносила. А он выпьет, и меня в постель тащит... Знаешь, как противно было?.. А выпью с ним — и ничего, вроде... Правда, из клуба ушла, из-за Журавлёва... В другой бар устроилась. Славик оттуда не вылезал. А тут ревизия и у меня — недостача... Только я ни при чём, чем хочешь поклянусь!.. А сменщица всё на меня свалила, мол, это я своего любовника поила каждый вечер за счёт заведения!.. В общем, работу я потеряла... А тут Журавлёв — опять со своей помощью... Я с самого начала брать не хотела, а Славка

настоял, говорит, бери, раз даёт, его же ребёнок...

— Настя, он просто жил за твой счёт!

— Ты думаешь, я такая дура, что не поняла? — Настя едко ухмыльнулась, — Да только сделать уже ничего не могла. Работы нет — живот уже заметно, никто меня не берёт... А тут и Славика снова закрыли... Ну, за то, что он там, в клубе, с ножом... ты же знаешь...

— Знаю. Настя, — Наташа осторожно посмотрела на собеседницу, — а что произошло в тот день? Когда мы к тебе с Димой приехали?..

— В тот день?.. — Настя глубоко затянулась сигаретой, потом выпустила струйку дыма половинкой рта, — В тот день Славик заявился. Под амнистию попал.

— Зачем ты егопустила?

— А я и не пускала. Сам вошёл. У него был ключ от моей квартиры.

— И, что?..

— А ничего... Стал спрашивать, где живёт Журавлёв. Я, естественно, не сказала. Он стал требовать деньги... Нету, говорю... А он достаёт из кармана перчатки... знаешь, такие, медицинские... надевает и начинает в столе шарить, в тумбочках... Я стала его выгонять — он меня ударил. Увидел, что я телефон взяла, и... в общем, он по животу нарочно бил... Говорил — твоего пидора не достал, так его выб...ка достану. А дальше я ничего не помню...

— Господи... — Наташа прикрыла ладошкой рот в приступе сострадания, — Почему ты следователю ничего не рассказала?! Настя, его должны посадить!..

— А я хотела, — помрачнев лицом, Настя снова наполнила рюмку и залпом выпила, — Только в первый день и вправду ничего не вспомнила после наркоза... А потом... Он как-то прошёл через пост... Я ещё не вставала, и позвать никого бы не смогла... Увидела его, очень сильно испугалась. А он сказал — если ты меня сдашь ментам, выйду — из-под земли достану.

— Господи, Настя, — Наташа от возмущения вытаращила на ту глаза, — Да это он просто тебя запугивал! Это он на свободе опасен, разве ты не понимаешь?!

— Все вы такие умные... со стороны... Влезла бы в мою шкуру, тогда бы сама поняла, что это такое... Я маме рассказала, она мне тоже — молчи! У нас защиты нету.

— А если он снова к тебе придёт?! Вот сюда придёт?! Я ведь и сама сегодня шла к тебе и боялась, что он здесь... Поэтому и позвонила заранее. Но я не знала, что у него есть ключ...

— Не придёт, — Настя покачала головой, — он сказал, что уедет.

— И ты ему поверила?

— А, мне уже всё равно, — отчаянно махнув рукой, девушка вдруг привстала со стула и выглянула в тёмную прихожую.

— Что там?.. — проследив за ней взглядом, Наташа вдруг почувствовала, как внутри разливается ледяной холод.

— Показалось... — Настя с размаху уселась на место.

— Да?.. — Несмотря на уверения хозяйки, Наташе явно послышался какой-то шорох. Подняв глаза на дверной проём, она так и застыла с широко раскрытыми от страха глазами...

— Оказалось — не показалось!.. — упершись руками в боковые наличники, Славик с ухмылкой перевёл взгляд с неё на Настю, — Оп-паньки!.. А ведь я предупреждал... Ни одной

живой душе!..

Первым желанием было вскочить и убежать, но, понимая, что это невозможно, Наташа так и осталась сидеть на месте, оцепенев от охватившего её страха. Попытку вытащить из сумочки телефон Славик пресёк сразу.

— А ну, положи на стол, — догадавшись, что она хочет сделать, он кивнул на её руку и тут же обернулся к Насте, — какая у тебя подруга хорошая: и бабки приносила, и скорую вызвала, и приходит всегда вовремя...

— С какой стати ты командуешь, что я должна делать? — несмотря на испуг, Наташка старалась сохранить невозмутимый тон и, молниеносно проведя пальцем по дисплею, нажала на «горячую» кнопку вызова.

— На стол положила, быстро! — Славик сделал шаг вперёд, но она упрямо держала телефон в руке, дожидаясь спасительного ответа от Димы.

Было слышно, как играет мелодия, и, отчаянно прислушиваясь к ней, Наташка ощутила, как в собственных висках стучат молоточки: тук-тук-тук... Прошло всего несколько секунд... Димка не успел снять трубку...

— Не заставляй меня делать глупости, — приподняв край футболки, Славик совершенно неожиданно вытащил оттуда пистолет и направил на Наташку, — выключила и положила на стол!

Чувствуя, как кровь отливает от лица, она покорно нажала на кнопку и положила телефон на стол, потом подняла на него немигающий взгляд:

— Что тебе нужно?

— В принципе, ничего, — Славик взял в руки её телефон и, проверив, действительно ли он отключился, сунул его в задний карман брюк, потом снова повернулся к Насте, — И ты свой давай.

— Мой в комнате, — процедила она.

— Тогда сиди! — он направил пистолет уже на неё.

— Чё тебе надо? — Настя смотрела на него тяжело, с ненавистью, — Чего пришёл? Ты же сказал, что уедешь!

— Попрощаться решил, — усмехнулся Славик.

— А ключ?.. ты же его вернул ещё там, в больнице... Как ты вошёл в квартиру?!

— Дура ты, Настька... как была душой, так и осталась, — парень нагло рассмеялся ей в лицо, — Долго было сделать дубликат?

— Ты — подонок, — несмотря на направленный на неё пистолет, Настя смотрела на него с пьяным вызовом, — мразь!..

— Заткнись...! — грязно выругавшись, он невольно подался в её сторону и сделал замахающийся жест рукой, в которой держал пистолет, — лабуховская подстилка! Ещё хоть слово вякнешь, череп размозжу!

— Да убивай!.. — Настя неожиданно вскочила и кинулась на него — стул, на котором она сидела, шумно опрокинулся на пол, — Может, я и сама жить не хочу!..

Наташе, которая с замиранием сердца наблюдала за этой сценой, показалось, что Настя, действительно, нарочно бросилась на пистолет, в надежде, что Славик и впрямь выстрелит.

Но он не выстрелил. Размахнувшись, он с силой впечатал пятерню свободной руки в её лицо и толкнул в противоположный угол: издав какой-то хрипящий звук, она отлетела как пушинка и упала, стукнувшись спиной о холодильник. Так и оставшись сидеть на полу, пьяно завывала, то ли от боли, то ли от накатившей обиды.

— Что ты делаешь?! — кинувшись к ней, Наташа попыталась её поднять, но Настя только поджала под себя ноги и закрыла руками лицо...

— Разве я что-то сделал?! — Славик равнодушно пожал плечами, — Ты же видела, что она сама упала?

— Ну, да, — возмущение было настолько велико, что Наташка на какое-то время забыла, что в руке у Славика — оружие, и повысила голос, — и упала — сама... и избилась себя — сама... и ребёнка потеряла — тоже сама!..

— Ну, а я-то тут при чём? — посмотрев на неё, парень презрительно скривил пухлые губы, — Пусть со своего дружка спрашивает. И вообще... Славик — не мокрушник. Чего ты так перепугалась? Если не разозлишь меня, никто тебя и пальцем не тронет. Поёшь красиво... и сама так... на уровне... видел тебя в клубе...

— Ах, ты, мразь!.. — услышав его последние слова, Настя попыталась подняться на ноги, но, потеряв равновесие, тут же снова рухнула на пол, — Мразь!.. Мразь!.. Ты думаешь, никто не знает, что это ты меня избил?! Это ты!.. ты!.. Ты убил моего ребёнка, ты!..

— А ты докажи, — ухмыльнувшись, Славик переложил пистолет из одной руки в другую, потом зачем-то достал из кармана свой телефон.

— И докажу! — Настя ещё раз попыталась встать, и уже более удачно, — Думаешь, не докажу?!

— Не докажешь. Свидетелей у тебя нет. Лучше водичкой холодной умойся, слышала?! — он снова поднял руку с пистолетом, — Привела себя в порядок, быстро!

— Да пошёл ты... — Настя, тем не менее, шагнула к раковине, — Докажу, если спросят...

— Ну, и чем ты докажешь? — несмотря на насмешку, в его вопросе послышался едва уловимый интерес, — Ну, чем?

— Так я тебе и сказала, — открыв кран с холодной водой, она начала умывать заплаканное лицо, — тем более, у меня свидетели есть.

— Это вот подруга твоя — свидетель? А что она знает? Слово к делу не пришьёшь!

— Зато синяки пришьёшь и травмы, — не удержалась от реплики Наташа, — у неё вся спина синяя, наверное, и головой она ударилась, а я... я видела, как ты её толкнул.

— Видела, говоришь... — усмехаясь, он что-то делал в телефоне, потом, поднял голову и посмотрел на Настю, — Подойди!..

— Что тебе надо? — умывшись, она слегка успокоилась и протрезвела.

— Ты что, не слышала?! Подойди, я сказал!.. — он снова направил на неё пистолет, и она нехотя подчинилась.

— Держи, — он протянул ей свой телефон, — когда скажу, будешь снимать.

— Что снимать? — нахмурившись, Настя смотрела на его руку.

— Всё, что увидишь, — снова ухмыльнувшись, Славик повернулся к Наташе, — мы

сейчас снимем эротический ролик!

— В смысле? — та невольно отступила назад.

— В том смысле, если вдруг меня нечаянно закроют, и ты дашь какие-нибудь показания, этот ролик тут же окажется в почте у твоего муженька... и не только. Он тупо появится в интернете, и тебя увидит весь мир... У тебя будет ещё один клип, правда, без музыки!

— Сейчас сюда приедет мой муж, — стараясь сохранять спокойствие, ответила Наташа, — он уже, наверное, не может мне дозвониться. Он знает, где я, поэтому, скоро будет здесь.

— А мы ему дверь не откроем... — он снова посмотрел на Настю, — Правда, Настя?..

— Она тебе правду сказала, — глядя на него исподлобья, та навела на него камеру телефона, — он сейчас приедет.

— Ты что, уже снимаешь?! — ещё раз выругавшись, Славик злобно поджал губы, — Меня на хрена снимаешь, тварь?! Когда скажу, тогда снимать будешь!

— Да не снимаю я, — угрюмо отозвалась Настя, — жду, когда скажешь...

— Смотри, сука... потом запись увижу — если меня снимала, убью, на...

— Да хоть сейчас убивай... — начала, было, Настя, но увидев направленный на неё пистолет, тут же замолчала, закусив нижнюю губу.

— Так, давай... Время не теряем! — Славик снова повернулся к Наташке: пистолет почти упёрся ей в живот, — Раздевайся!

— И не подумаю... — побелевшими губами прошептала она.

— Этот пистолет не убивает, — приблизившись к её лицу, зловеще проговорил Славик, — он делает калеккой. Ну?!

— Ну, отстань от неё, — Настя держала телефон в поднятой вверх руке, — слышишь?!

— Заткнись, кому сказал?! — рука с пистолетом в очередной раз резко повернулась в её сторону, потом так же резко приняла исходное положение, — А ты раздевайся!.. Две-три позы в стиле эротик, и все свободны...

— Сам раздевайся... — Наташке показалось, что все ощущения исчезли в один момент, оставив лишь одно-единственное — холодно-тупое вжатие дула в кожу живота за тонкой тканью платья.

— Я бы с удовольствием, — дуло скользнуло вверх и, зацепив за край выреза, чуть оттянуло его вниз, — но мало времени.

— А я одна не буду... — понимая, что единственное спасение для неё сейчас — оттянуть время, Наташа упрямо покачала головой.

— Считаю до трёх... Ну?!

— Нет.

— Раз...

— Раздеваемся вместе.

— Два...

— Нет... — этого слова Славик не расслышал — заметив, как её взгляд вдруг остановился у него за спиной, он моментально обернулся...

...Она поняла, что выстрел будет не в неё уже в тот момент, когда почувствовала, что он убрал дуло от её тела. Последнее, что отпечталось в её глазах перед тем, как она их зажмурила, была Настина рука, схватившая за ручку всё ещё горячий чайник и, как

показалось Наташке, медленно описывающая этим чайником овальную траекторию по направлению к лицу Славика... То есть, всего полёта белой, с ярко-розовым цветком на боку, посуды Наташа проследить не могла, но могла предположить цель, которую эта посуда преследовала...

«Сук-к-аааа!...» — выкрикнув это одновременно с каким-то странным стуком, раздавшимся непонятно откуда, Славик неожиданно издал гортанный звук. Снова приоткрыв глаза, Наташа с ужасом увидела, как он медленно заваливается набок.

— Это... это кто его убил?! — глядя, как из головы бывшего сожителя вытекает струйка крови, Настя выронила из рук чайник, который несколько секунд назад хотела, но не успела выпустить в свободный полёт, — ой, мама!..

— Это не я... — Наташка подняла на неё не менее перепуганный взгляд, — Честно, не я!..

— Надо скорую вызвать!..

— Мой телефон у него... — опустив глаза, Наташа не решалась залезть к Славiku в карман, чтобы вытащить свой телефон, — Настя, я боюсь...

— Так вот же, — догадавшись, что можно позвонить с телефона самого Славика, Настя протянула его Наташке, — набери, а то у меня руки трясутся...

Вызвав скорую, она тут же отзвонилась Димке — тот уже сидел в машине Говорова, чтобы вместе с ним ехать на её поиски. Они подъехали одновременно: и скорая, и Морозов с Сашкой.

— Живой, — пощупав пульс, врач взглянул на перепуганных девчонок, — полицию вызвали?

— Я вызвал, — кивнул Дима, рассматривая вмятину в чайнике, — насколько я разбираюсь в баллистике, пуля срикошетила. Стрелял в Настю, а попал себе в голову.

— Вы тут случайно не сериал снимаете? — хмыкнул следователь, записывая показания Насти и Наташи, — опять те же лица... Только пострадавший уже другой.

— Вот этот пострадавший и есть — преступник, — внутренняя дрожь от пережитого ещё не прошла, и Наташка говорила, слегка постукивая зубами, — это он Настю избил в прошлый раз.

— Санта-Барбара отдыхает, — Настя, напротив, казалась совершенно спокойной и, закурив, отошла к окну, — совпадения, да?

— В жизни ничего не бывает случайного, — философски заметил следователь, — если будет доказано, что это он, действительно, сам себя ранил, то, считайте, что это справедливое возмездие за ваше здоровье и жизнь вашего ребёнка.

— А что, может быть и не доказано?! — у Наташка от возмущения окончательно прошёл озноб, — Как это?! А кто, по вашему, в него стрелял?! Я?! Или Настя?! У него и пистолет в руке остался!

— Пистолет в руке ещё ни о чём не говорит, — следователь поднял глаза от протокола, — пистолет в руку и вложить недолго.

— Так это... — Настя выпустила струйку дыма в открытую фрамугу, — У него в телефоне запись осталась!..

— А вы всё же снимали?

— Да, — она кивнула и взяла со стола телефон Славика, — даже когда чайником замахнулась, всё равно снимала...

* * *

Осознание того, что произошло, и, ещё страшнее — того, что м о г л о произойти, выстрели Славик чуть под другим углом, пришло намного позже, когда были сняты все показания, подписан протокол и отпущены понятые. Глядя на лужу крови, оставшуюся на полу, Настя вдруг ощутила реальное чувство страха.

— Подписку о невыезде я с вас обеих брать не буду, — собирая в папку все бумаги, следователь посмотрел сначала на Настю, потом на Наташу, — но, если бы не эта видеозапись, то вы обе были бы подозреваемыми.

— С какой стати? — Морозов бросил возмущённый взгляд, — Разве не видно, кто стрелял?

— Видно, — усмехнулся следователь, — тут видно, в кого попала пуля. А стрелять теоретически мог каждый из них. Могла стрелять Харитоновна — направление пули, попавшей в потерпевшего, как раз от неё. Но могла стрелять и Морозова — пуля, действительно, срикошетила от чайника, и в этом случае, могла быть выпущена как потерпевшим, так и ею самой.

— А отпечатки пальцев? Если девчонки не притрагивались к пистолету, то их там и нет! А баллистическая экспертиза? Всё равно покажет, кто стрелял на самом деле.

— Покажет. Но пока всё выяснится, на это время я должен оставить всех подозреваемых в городе. К счастью, на видеозаписи всё хорошо видно, как потерпевший обернулся и выстрелил сам.

— Ничего себе потерпевший, — Говоров, который всё это время исподтишка не сводил глаз с Наташки, покрутил недоверчиво головой, — он не то, что на потерпевшего, он на подозреваемого уже с трудом тянет. Он сам — преступник.

— Ну, это не нам с вами решать. Решит суд.

— Ой, мама... — Настя вдруг с силой сжала сцепленные кисти рук, — Ой, мама!..

Глядя, как трясутся не только её плечи, а всё тело ходит ходуном, Морозов оставил жену, с которой сидел рядом, и присел возле Насти.

— Настя, — взяв её ладони в свои руки, он попытался заглянуть ей в глаза, — Настя, ты меня слышишь? Успокойся... Всё уже позади...

— З-з-зна-чит... я м-мог-ла его у-уби-ть... да?.. — не обращая внимания на Димку, она в упор смотрела на следователя, — А т-то, чт-то он хотел м-ме-ня уб-бить... это — н-ни-чего?..

— Вы успокойтесь, — следователь невозмутимо захлопнул папку, — он мог травмировать не только вас. Выстрели он чуть левее, он попал бы в вас. А стой он чуть правее, то пуля могла бы срикошетить в вашу подругу. Так что шансы у всех троих были одинаковые. Я с прискорбием констатирую этот факт. И хорошо, что я его только

констатирую относительно вас и Морозовой. Пистолет травматический, но лишить жизни из него можно. И это как раз тот самый случай, учитывая расстояние между вами троими.

— Завтра вечером мы улетаем на съёмки, — бросил Морозов в спину уходящему следователю, — мы не понадобится вам в течение недели?

— Если понадобится, я позвоню, — уже взявшись за ручку двери, ответил тот из прихожей, — если честно, я сам уже душой в отпуске. Думаю, если потерпевший выживет, лечение всё равно будет долгим, так что времени отдохнуть хватит.

— Он может не выжить?.. — Наташку снова заколотило, но только мелкой дрожью.

— Может, — кивнул следователь и шагнул через порог.

На дворе была уже ночь, и, собираясь покинуть Настину квартиру, Морозов с сомнением смотрел на неё саму, и, как будто угадав его мысли, Наташа глазами поймала его взгляд.

— Её нельзя оставлять одну, — она сказала это одними губами, но он всё понял.

— Настя, — он снова присел рядом, — одевайся, поедешь к нам.

— А можно?.. — она даже не стала отнекиваться. Страх сделал своё дело: несмотря на то, что она так вызывающе вела себя со Славиком, теперь, протрезвев и по-другому оценив ситуацию, совершенно сникла.

— Конечно, и не можно, а — нужно.

— Слышь, Натаха, — Говоров наклонился к её уху, — а ничего, что Милена у вас?

— Саш, я ничего не знаю... — она говорила, всё ещё еле справляясь с нервной дрожью, — Но её нельзя оставлять одну... Главное, увести её отсюда, а там — как-нибудь...

— Можно было бы к нам, но Ирка в ночь. Каринка у матери, я один... Ирка не поймёт.

— Не надо к тебе, — замотала головой Наташка, — у нас будет лучше...

* * *

Милена с печальным удивлением смотрела на Морозовых, вернувшихся за полночь в сопровождении бывшей невесты Журавлёва. Она уже вкратце знала о том, что произошло — увидев «картину», представшую перед его взором, Дима сразу позвонил домой и предупредил её, что вернутся они с Наташей не скоро, потому, что произошёл несчастный случай на квартире у Насти. Она знала, но не могла даже предположить, что Морозовы привезут Настю к себе. Впрочем, судя по её бросающемуся в глаза состоянию, Милена подумала, что на их месте поступила бы точно так же.

Впустив всех троих, она тут же пошла разогревать ужин.

— Милена, прости нас, но мы не могли оставить её одну, — усадив Настю в гостиной, Наташа прошла на кухню и в подробностях рассказала обо всём, что произошло.

— Всё в порядке, это же ваш дом! — Милена понимающе кивнула, — Но ей нужно сейчас уснуть... Я могу сделать успокоительное. Тебе, кстати, тоже не помешает.

— Мне не нужно, — Наташа покачала головой, — я как-то держусь...

— Если что — без проблем.

Настя была в таком ступоре, что сопротивляться инъекции успокоительного не стала; казалось, что её даже не смутило, что в роли медсестры выступила Милена... От ужина она отказалась и сразу после укола легла в приготовленную для неё постель.

Выключив в гостиной свет, Наташа зашла в детскую. Милена тоже собиралась спать, но глядя, как Наташка плачет, сидя на кровати Валерика, решительно открыла свою «докторскую» сумку.

— Тебе я тоже сделаю укол, — не дожидаясь согласия, она достала шприц и ампулу, — ты сейчас перевозбуждена и можешь не уснуть.

— Не надо, — та покачала головой, — я в порядке.

— Наташа, я тоже думаю, тебе нужно успокоиться, — Димка стоял в дверях, наблюдая за женой, — пусть Милена тебя уколёт.

Услышав его, Наташка тут же вскочила и бросилась к нему на шею.

— Димочка... — целуя его лицо, приговаривала она, — Димочка... прости меня... прости... я опять... опять...

— Это ты меня прости, — одной рукой прижимая её к себе, другой он гладил её волосы, — не нужно было отпускать тебя одну... это я виноват...

— Дим... — позже, после дозы успокоительного засыпая в его объятиях, бормотала Наташа, — Я ему нарочно сказала, чтобы он раздевался... я знала, что он не будет... я нарочно... Ты мне веришь?.. И я ни за что бы не разделась... Веришь?!

— Глупенькая... да разве это важно?.. Ты жива, и больше мне ничего не нужно...

— Глупенькая... — сонно повторила Наташа, — Значит, глупая... Дим... ты меня душой назвал?.. да?..

* * *

Проснувшись утром, Настя не сразу сообразила, где она находится, и только спустя несколько минут с трудом смогла вспомнить всё, что случилось вчера вечером. Полежав какое-то время, она села в постели — после всего, что пришлось пережить накануне, организм ещё не пришёл в норму, да и принятый алкоголь давал о себе знать. Она огляделась: висевший на спинке дивана женский халатик, судя по всему, был предназначен именно для неё. Надев его, Настя неуверенно вышла из гостиной. Судя по тишине, царившей в квартире, она была пуста. Первым посетившим её желанием было желание принять ванну или хотя бы душ, и она нерешительно приоткрыла одну из дверей в небольшом холле. Дверь, действительно, вела в ванную. Выйдя оттуда через четверть часа, она хотела снова пройти в гостиную, но, проходя мимо кухни, неожиданно остановилась...

— Чай будешь? Или лучше кофе? — Милена смотрела на неё как-то настороженно, как будто ожидая какой-то определённой реакции на свои слова.

— Можно просто воды? — она так и не перешагнула порог кухни, то ли из стеснения,

то ли из нежелания оказаться в одном помещении со своей соперницей.

— Зачем воды? — Милена удивлённо посмотрела на неё, — Я только что сварила кофе, проходи?

— А где Наташа? — всё-таки войдя в кухню, угрюмо спросила Настя.

— Они с детьми все у родителей. Ушли, чтобы не мешать.

— Кому?

— Тебе... Чтобы ты могла хорошо выспаться.

— Зачем?.. Неудобно как-то... — Настя присела на край стула и обвела глазами кухню, — Я и так хорошо выспалась.

— Настя, — поставив перед ней чашку с дымящимся кофе и тарелку с бутербродами, Милена устроилась напротив, — пока никого нет, я хотела бы сказать тебе кое-что... Я прошу меня выслушать.

— Говори, — Настя равнодушно пожала плечами.

— Я хочу попросить у тебя прощения, — Милена говорила тихо, глядя куда-то вниз.

— Если за Журавлёва... то уже не нужно... — Настя ощутила жуткое желание закурить, но тут же вспомнила, что вчера не взяла с собой сигареты.

— Почему? — Милена осторожно подняла на неё взгляд.

— Слушай... — не ответив на её вопрос, Настя повернула голову сначала вправо, потом влево, как бы ища чего-то, — У них тут нет никаких сигарет?

— Не знаю... — Милена, в свою очередь, растерянно оглядела кухню, — Подожди... кажется, где-то я видела...

Она с неожиданной для Насти готовностью вскочила со стула и открыла стеклянную дверцу навесного шкафа. Привстав на цыпочки, заглянула наверх и, потянувшись рукой, достала пачку сигарет.

— Вот, — положив их перед Настей, она снова уселась на своё место, — это, кажется, Дима иногда курит. Но очень редко...

— А зажигалка?.. — Настя старалась не смотреть на свою собеседницу и, достав сигарету, ещё раз посмотрела вокруг себя, — Зажигалка есть?

— Зажигалка... зажигалка... — теперь Милена как будто нарочно оттягивала нелёгкий, затеянный ею же самой, разговор, с готовностью разыскивая зажигалку, — В шкафчике нет...

— Да ладно, — Настя подошла к газовой плите и прикурила от неё, — я на лоджию выйду...

— Ты всё-таки прости меня, — Милена вышла следом за ней, — я давно хотела тебе это сказать, но не знала — как... А вот, видишь, как случай помог...

— Уже не нужно, — глубоко затягиваясь, Настя замотала головой, — ничего не нужно...

— Почему? — опустив глаза, Милена повторила свой вопрос.

— Вчера следак интересные слова сказал... — едва улыбаясь уголками губ, Настя смотрела куда-то вдаль, — И, знаешь, слова обыкновенные... я их и сама не раз говорила, а уж слышала...

— Что же это за слова?

— Что в жизни ничего не происходит просто так. Простые слова, да?

— Ну, да, — грустно усмехнулась Милена, — куда уж проще.

— А я сегодня проснулась, вспомнила всё... и поняла. Действительно, не просто так...

Знаешь, я никак не могла его простить... Сначала хотела сделать аборт, избавиться от его ребёнка — назло... Потом решила оставить — тоже назло... Славка появился, с ним переспала — назло... оставила его у себя — назло... Пила, курила, всё — назло Журавлёву. А что вышло?.. Он в шоколаде... а я в своей ненависти утонула. Ребёнка потеряла... работу потеряла... А вчера чуть жизнь не потеряла...

— Настя... — Милена хотела что-то сказать, но не успела.

— Знаешь, сегодня я проснулась и поняла, — перебив её, та на несколько секунд упрямо сжала губы и глубоко вздохнула, — я поняла, что мне плевать... Плевать и на Журавлёва, и на работу, и на этот город... Я просто хочу жить. В другом городе... или в своём захолустье — мне всё равно. Я хочу жить и быть счастливой... Я хочу выйти замуж за того, кто меня, действительно, будет любить... я хочу ждать его домой каждый день, а не тогда, когда он сам соизволит заявиться, пьяный и только что с чужой бабы... и, самое главное... знаешь, что для меня самое главное?.. — она подняла на Милену полный тоски взгляд, — Самое главное — я хочу в е р т ь этому человеку...

— Прости меня, Настя... — слушая её, Милена почувствовала, как внутри что-то предательски переворачивается, — Ради всего святого, прости... Это я во всём виновата...

— Сейчас для меня нет ничего святого. Пока — нет. Был мой ребёнок... но его больше нет. А тебя мне прощать не за что... всё, что происходит, происходит не просто так. Рано или поздно Журавлёв всё равно меня бы бросил.

— Это только моя вина. Это я разрушила твоё счастье.

— Нельзя разрушить то, чего нет, и никогда не было... Я уеду. Живите спокойно.

— Ты ничего не знаешь... — несмотря на искреннее раскаяние и жалость к Насте, Милена ловила себя на мысли, что ей больно смотреть на эту худенькую, симпатичную женщину... Больно не от того, что она чувствовала себя перед ней виноватой... не от сострадания... Эта боль была отголоском ревности... Даже несмотря на то, что между Настей и Журавлёвым произошёл разрыв, ревность не исчезла полностью... не сгорела в Женькиных объятиях... она лишь слегка потухла, когда они были вместе... а вот теперь, когда она сама решила расстаться с ним, ревность вновь затеплилась при виде его бывшей невесты.

— А зачем мне что-то знать? — Настя второй раз за утро посмотрела ей в лицо, — Живите и будьте счастливы.

— Мы расстались... — Милена буквально выдавила из себя эти слова. В свою очередь глядя на Настю, она вдруг отметила для себя и её хорошенькую фигурку, и красивые глаза... В груди опять что-то заныло...

— Расстались — встретитесь, — усмехнулась Настя, — он тебя любит.

— Не всё так просто.

— Конечно, не просто, — Настя снова посмотрела на свою собеседницу — чуть наклонив голову, исподлобья, — разве бывает просто?

— Да, не бывает. Я очень виновата перед тобой, — Милена низко опустила голову, — я не справилась с твоим счастьем... Да-да, с твоим. Я его отняла, но не справилась. Если только можешь, прости...

...Если первое «прости» она сказала Насте относительно легко и с огромным желанием, то теперь с каждой минутой ей становилось всё труднее и труднее говорить слова раскаяния... и не только их. Ей становилось говорить труднее — вообще. Она не видела Журавлёва вот уже много дней, не слышала его голоса, и ей уже начинало казаться, что она стала его забывать. А вот теперь, рядом с Настей, Милена снова ощутила прилив любви к Женьке... любви давней и до конца так и не испытанной...

— Прощать мне тебя не за что, — как-то грубовато ответила Настя, — это ты не моё, это ты своё счастье забрала. Журавлёв его привык раскидывать, где попало... я и подобрала. Но оно всегда было твоим. Так что успокойся. Помирись, будете жить дальше...

* * *

В обед, съездив с Морозовым на квартиру и собрав вещи, Настя уехала к матери.

— Спасибо вам за всё, — сказала она Димке перед посадкой в междугородний автобус, — приеду, скажу маме, чтобы сходила в церковь, поставила свечи за ваше здоровье.

— Спасибо, — улыбнувшись, в свою очередь поблагодарил Дима, — как приедешь, позвони, хоть мне, хоть Наташе. Мы ещё будем в городе. А, когда вернёшься, заходи в гости, в любое время.

— Хорошо. Но это — вряд ли.

— Почему?

— Я не скоро приеду.

— Всё равно будут к следователю вызывать.

— Ну, это будут просто набегу. Приехала — уехала... — Настя протянула билет контролёру и поставила ногу на ступеньку автобуса.

— Ну, тогда, когда совсем вернёшься... — подавая ей сумку, улыбнулся Морозов.

— Нет, — уже стоя в салоне, Настя покачала головой, — совсем я уже не вернусь!

О том, что произошло в квартире Насти, Журавлёв узнал только утром следующего дня от Сашки Говорова. Выступлений у «Ночного патруля» на ближайшую неделю заявлено не было, и Женька на выходные укатил за город, на родительскую дачу — там, у дедушки и бабушки, уже целую неделю гостила его дочка Алёнка. Визит Киры к нему домой оказался вовсе не пьяным бредом — она, действительно, почти месяц назад, приходила к нему, чтобы ещё раз попытаться получить от него согласие на выезд их дочери за границу, но, увидев, в каком он состоянии, привычно обозвала сволочью и хлопнула дверь. Её новый муж Михаил настаивал на немедленном отъезде, и Кира была вынуждена временно оставить дочь у своих родителей. Узнав об этом, Журавлёвы «выпросили» внучку к себе, и теперь вместе с ней жили в своём дачном доме, благо, до начала учебного года оставалась ещё целая неделя.

Явившись под родительское око, Женька долго и терпеливо выслушивал нравоучения отца по поводу его прошлого, настоящего и будущего, а так же будущего Алёнки.

«Вот что ты за человек такой?! — вопрошал отец, энергично размахивая правой ладонью перед Женькиным носом, — И сам не живёшь, и женщинам своим не даёшь! Зачем Алёну не отпустил?! Она с тобой, что ли, жить будет?! Или с нами?! Ей мать нужна, мать, понимаешь?!»

«Ну, что же ты, сынок, и правда, натворил? — вторила Валентина Васильевна, сложа на груди руки, — Что ж ты думал, Кира останется? Так она взрослая женщина, ей судьбу надо устраивать. Что ж ты думаешь, нам Алёнушку не жалко отпускать?! Жалко, сердце кровью обливается... Только ведь она не с дедом и бабкой жить должна, а с мамой и папой... Не понравился тебе этот самый Миша, так что ж, зато Кира его любит, а мать она хорошая. А Алёнушка просто к нему ещё не привыкла... Я со свахой говорила, и не такой он плохой, как ей показалось... Сам-то ты намного лучше? Он хоть не пьёт! Не надо было разводиться, раз так, жил бы с семьёй, дочку бы сам воспитывал... А теперь — что? Ни себе, ни людям... Кира уехала, у неё там работа хорошая теперь, а Алёнушка тут в школу пойдёт, а могла бы уже на новом месте привыкать... Ты спроси её — она же по матери скучает! Ну, что ж ты наделал, сынок?»

Он и сам уже жалел, что не дал своего согласия. Что им двигало в тот момент, когда он отказывал Кире?.. Любовь к дочери? Ревность к её новому «папе»? Или обыкновенная глупость?.. Размышляя над этим, Женька всё больше и больше склонялся к последнему.

Телефонный разговор с Кирой немного его успокоил. Несмотря на новый поток претензий и упрёков, она всё же обрадовалась, что он изменил своё решение и готов подписать все нужные документы.

«Сам понимаешь, я только вышла на работу, здесь все русскоязычные, поэтому это огромная удача. Учитывая то, что я пока не владею языком, мне нужно держаться за это место. Выехать сейчас я, естественно, не могу, поэтому Алёне придётся идти в свою школу, и вообще — этот учебный год провести в России».

«Папа, а, можно, я буду учиться петь? Ну, помнишь, мы ездили с тобой и тётёй Миленой?.. Ну, там где твоя студия?..»

«Конечно. Только до первого сентября всех распустили «на каникулы». А в сентябре, как раз, и начнёшь учиться».

«Так уж лучше в музыкальную школу отдать её, Жень, — услышав этот разговор, Валентина Васильевна решила высказать своё мнение, — на фортепиано и на вокал, там всё же настоящие преподаватели, а у вас-то кто?»

«У нас тоже профессиональный преподаватель есть. Хотя... посмотрим... Да?» — улыбнувшись, Женька слегка тронул Алёнкин кончик носа.

«Да!» — радостно ответила девочка.

...Услышав от Говорова «последние новости», Журавлёв сразу хотел ехать к Морозовым, но Сашка тут же вспомнил, что Настя тоже у них, и Женька решил пока туда «не соваться»...

Вечером, созвонившись с Димой и уточнив время отлёта, он сел в свой «ровер» и повернул ключ в замке.

Да, у него оставалось совсем немного времени, чтобы поговорить с Миленой... Если ехать по объездной дороге, минуя город, то он доберётся от дачи до аэропорта приблизительно за час... Через город было бы быстрее, но в это время возможны пробки, и лучше не рисковать. У него будет примерно полчаса на то, чтобы всё ей сказать. Если бы он знал, что всё так обернётся... Он сам просил Наташку задержать Ленку на какое-то время, чтобы успеть разобраться со Славиком. Но найти его оказалось делом сложным, учитывая то, что Женька не знал где его искать — вообще. Славик, как и Настя, был не местный, и постоянного места жительства не имел. Журавлёв уже собрался использовать свои старые связи в полиции — через бывшего тестя, отца Киры, с которым поддерживал хоть и не очень горячие, но и не совсем враждебные отношения. Но вчерашний инцидент расставил все точки над «i», и ждать было уже нечего. Так или иначе, Славик получил по заслугам... Хотя и ценой нервного шока ни в чём не повинных девчонок...

Полчаса на разговор... Если бы знать, что всё так обернётся... Он мог бы улететь вместе с Морозовыми и с Миленой. Он и сейчас может купить билет на ближайший рейс... Но сначала он должен увидеть её. Посмотреть ей в глаза... Прочитать в них всё, что его может ожидать...

...Объездная дорога шла, огибая городские кварталы, через лесопосадки, мимо таких же дачных посёлков, и Женька, включив музыку, привычно жал на газ. Последний указатель с перечёркнутым названием остался позади — ещё несколько километров, и он выйдет на финишную прямую, ведущую в аэропорт...

Стоящее на обочине легковое транспортное средство он заметил ещё издалека — дорога была почти пустынной и хорошо просматривалась. По этой же причине Журавлёв выжимал из своего «ровера» всё, что мог выдать его хоть и далеко не новый, но, благодаря стараниям хозяина, бывший в очень приличном состоянии автомобиль. Когда до припаркованной у обочины легковушки оставалось метров сто, из неё неожиданно выскочил человек в длинном чёрном одеянии и, выбежав на середину дороги, встал с распростёртыми по обе стороны руками. Стараясь затормозить как можно более плавно, Женька нервно сжал губы. Уже почти останавливаясь возле странного мужика, хотел тут же выскочить и обматерить того, на чём свет стоит, но с удивлением разглядел, что чёрное одеяние — не что иное, как ряса, а сам мужик — настоящий священник, с пышной гривой светло-русых волос, затянутых на затылке в «хвост».

— Ты чё, батя?! — решив всё же исключить нецензурные выражения, Журавлёв не нашёлся, что ещё спросить у высокого, довольно крепкого телосложения, служителя церкви, — Ты чё, не видал, с какой скоростью еду?! А, если бы не новые колодки?.. Мне или в тебя, или в кусты!..

— Помогите... Ради Господа, помогите! — «батя», на вид Женькин ровесник, выглядел растерянным и испуганным одновременно, — Не оставьте!..

— Что случилось? — глядя на мужчину, Журавлёв и сам невольно поддался его настроению.

— Матушка рожает, — показывая рукой на свой автомобиль, проговорил священник, — ехали домой, колесо спустило... А у неё схватки начались...

— Матушка?! — Женька недоверчиво посмотрел на старенькое авто, потом перевёл взгляд на мужчину, — Чья?!

— Жена моя, жена... — поправился тот, — едем из аэропорта, родственников провожали, а тут её прихватило... Думал, до города быстрее доедем, чем скорую по дороге вызывать, да вот, колесо подвело...

— Да... тут не только колесо может подвести, — Журавлёв скептически прищурился на выдавший виды транспорт, — кто же на такой рухляди ездит, да ещё с беременной женой?

— Ну, вот... — священник развёл руками, — Другой-то Бог пока не дал... Ездим на том, что есть. Вы не откажите! Боюсь, вот-вот родит...

— Как же ты не вовремя, святой отец, — не удержался Женька, с тоской посмотрев вдаль.

— Господь наградит!

— Да уж... Я уже вижу, как награждает, — несмотря на ворчливый тон и нервозность, Журавлёв всё же вылез из машины, — А что с колесом-то?

— Да пробило, видать... — священник виновато кивнул на распластавшуюся по земле покрышку, — хорошо, скорость малая...

— Да куда ж ей ещё и гонять? А если поменять колесо? — Женька посмотрел на часы, — Пара минут... Или не дотерпит матушка?

— Да пару минут бы дотерпела... Да нечем менять-то! — мужик отчаянно махнул рукой.

— В смысле? Домкрата нет, что ли? Так давай, я дам, — Женька с готовностью обернулся к своему багажнику, — можно без возврата!..

— Да не в домкрате дело, — священник окончательно смутился, — хотя, и его тоже нет...

— А в чём дело?

— Запаски нет...

— Ну, батя, ты даёшь... — сжав губы, Журавлёв ещё раз с тоской посмотрел на дорогу, ведущую в аэропорт, потом на часы и отчаянно махнул рукой, — Давай свою матушку!..

...Матушка оказалась молоденькой и очень хорошенькой, даже несмотря на своё положение и состояние. Пока супруг упрашивал Журавлёва, она смиренно сидела в салоне их стареньких «жигулей», но, как только услышала заветное «поехали», тут же покорно вылезла и, бережно поддерживая живот, просеменила к Женькиной машине. Ни её беременность, ни длинная юбка, ни повязанный на светло-рыжих кудряшках платок не помешали Журавлёву оценить её, как женщину, с его собственной, «профессиональной» точки зрения.

«Врождённый кобелизм» — вспомнив диагноз, который частенько ставила ему Настя, он невесело усмехнулся про себя...

— А как с машиной-то? — уже тронувшись, Женька кивнул на одиноко стоящий «жигуль».

— Бог даст, не угонят, — священник с нескрываемым сожалением бросил взгляд в ту же сторону, — завтра что-нибудь придумаю.

...Ещё по дороге будущий счастливый отец пытался всучить Журавлёву деньги, но безуспешно.

Весь путь невольно посматривая в салонное зеркало, тот наблюдал, как женщина прикрывает от боли глаза и кусает губы. Слушая, как она старается сдерживать стоны, он, как можно аккуратнее, проезжал все ямы и выбоины.

Доставив матушку в ближайший роддом, Женька ещё раз грустно посмотрел на часы: самолёт с Миленой вот-вот должен был взмыть в небо, и возвращаться в аэропорт не было никакого смысла. Он попробовал набрать её номер — телефон был уже отключен. Выехав с территории роддома, он остановился недалеко от небольшого фирменного кондитерского магазина. Алёнка любила сладкое, и Женька решил купить ей чего-нибудь к вечернему чаю. Набрав конфет и шоколада, вернулся на стоянку.

Он уже собирался трогаться с места, как заметил знакомую фигуру в рясе: развеивая полы, батюшка торопливо шагал со стороны роддома.

— Ну, что, как дела? — весело окликнул его Журавлёв.

— А вы ещё не уехали? — тот тоже улыбнулся, как старому знакомому, — Пока не знаю, велели звонить.

— А подождать? Никак?

— Подождал бы, да дети дома одни. Мы и так уж задержались.

— Дети? — Женька удивлённо качнул головой, — Ещё есть?

— Есть! — добродушно рассмеялся священник, — Как не быть!

— Садись, подвезу, — Журавлёв потянулся вправо и открыл пассажирскую дверь.

— Так это... — мужчина слегка замялся, — Мне — за город.

— Так и мне за город, — кивнул Женька, — садись.

Оказалось, что отец Александр, как звали священника, живёт со своей семьёй в пригородном посёлке, недалеко от того, где находилась дача Женькиных родителей.

— А по-настоящему тебя как зовут? — познакомившись, Женька решил от скуки продолжить разговор.

— По-настоящему? — улыбнулся Отец Александр, — Так и зовут, Александр.

— Так вам, вроде бы, другое имя дают?

— Это тем, кто монашеский постриг принимает. А при рукоположении имя не меняют.

— Ну, а монахам-то зачем второе имя? — Журавлёв недоумённо пожал плечами, — Нельзя, что ли, звать, как мама с папой называли?

— А у вас, музыкантов, разве не так? — решив на радостях пошутить, батюшка развёл руками, — Вот ты, говоришь, что ты рок-музыкант. У меня одноклассник бывший — рок играет, так у него тоже есть сценическое имя, даже не имя, кличка какая-то...

— У меня нет сценической клички. И ни у кого из наших нет.

— У вас — нет, у других-то есть? — священник хитро прищурился, — Вот зачем?

— По мне, так для понтов. Но религия — не рок. У вас понты не катят. Так для чего, всё же?

— Принимая монашеский постриг, человек отказывается от земных утех, начинает новую жизнь, ангельскую, — отец Александр стал сразу серьёзным, — поэтому, вместе с земными грехами оставляет и своё земное имя.

— Как у вас всё жёстко, — усмехнулся Журавлёв, — утехы — значит, грехи... А почему грехи-то? Раз уж Бог дал удовольствия, то какие же это грехи? Они же, вроде, от Бога?

— Господь много чего дал. Только человек меры не знает. Хочет взять больше, чем может унести.

— Не, ну, погоди... — незаметно для себя, Женька «завёлся», — Давай по порядку. Воровство, убийство там, подставы разные — это непреложные грехи, я согласен. На мой вкус, они на утехы и не тянут. Но как быть с остальным? С женщинами, например?

— А что с женщинами? С ними что-нибудь не так? — снова пошутил священник.

— Наоборот. И с ними всё норм, и со мной всё норм. Если я нормальный парень, и меня тянет к женскому полу, это что, грех? Меня таким сделала природа, а, оказывается, это — грех.

— Грех — прелюбодеяние.

— То есть, свободные отношения, да?

— И свободные отношения, и отношения с замужними.

— Ну, тогда вся моя жизнь — сплошной грех, — хмыкнул Журавлёв.

— Тебе же разум дан? — отец Александр повернул к нему голову, — Я уже сказал — Господь много чего нам даёт. В том числе и разум. Думай.

— А чего думать, если природа требует?

— Природа требует продолжения рода человеческого. Женись, рожай детей.

— Наверное, со мной что-нибудь не так.

— Это почему же?

— Дети есть. А вот, как ты говоришь, жениться... Господь... не даёт.

— Так уж и не даёт?

— Получается, не даёт...

Всю остальную дорогу к дому отца Александра они проехали молча. Женька мысленно ругал себя, что завёл этот разговор. Почему-то рядом с этим парнем, своим ровесником, он чувствовал себя не в своей тарелке. Такое с ним было впервые в жизни, чтобы вот так — не в своей тарелке, да ещё и с незнакомым, по сути, человеком. Он не мог понять, в чём кроется причина этого чувства — в том, что он никогда не общался со священниками, или в том, что по вине Александра он не успел к самолёту...

Дом, к которому они вскоре подъехали, на первый взгляд, ничем не отличался от других домов поселкового частного сектора: одноэтажное строение с крыльцом и верандой, выкрашенное в салатный цвет. Но только на первый взгляд... Дорожка, по бокам которой находились грядки с зеленью, была усыпана мелким гравием, а калитка, от которой эта дорожка брала своё начало, была сбита из шлифованных досок и раскрашена в русском стиле — точно так же, как и наличники на окнах. Весь двор производил впечатление какого-то

сказочного места — площадка с небольшим турником, песочницей и качелями была огорожена небольшим красочным заборчиком, а уличная беседка имела вид затейливого теремка. По всему было видно, что хозяева свой дом любят и заботятся о нём.

— Прощу в гости, — отец Александр сделал радушный жест рукой.

— Да нет, спасибо, я поеду, — Женька через редкий цветной забор разглядывал внутреннее убранство двора.

— Нет-нет, я должен отблагодарить, хотя бы накормить ужином, — священник распахнул калитку, — очень прошу зайти, хотя бы ненадолго.

— Ну, если ненадолго, — согласился Журавлёв из чистой вежливости.

То, что он увидел в доме, поразило его не меньше, а даже больше... И поразило даже не чем-то необыкновенным. Едва он переступил порог, ему показалось, что его окутал покой... Этот покой шёл отовсюду — и от резных окон, и от цветных, с необыкновенным вкусом подобранных занавесок, и от мебели — светлой, абсолютно простой, но настолько гармонично вписывающейся в общий колорит убранства, что, казалось, поменяй что-нибудь местами, и уже не будет этого ощущения уюта.

— Всё делал сам, своими руками, — заметив, как Женька разглядывает комнату, пояснил Александр, — и дом сам строил. А жена шила и вязала.

— Слушай... — Журавлёв ещё раз замороженно обвёл глазами комнату, — Вот не хоромы... а так здорово!

— На хоромы у нас денег не было, — рассмеялся священник, — да и сейчас нет. Наше богатство — вот, — он приобнял подбежавших к нему девочек лет трёх, видимо, близнецов, с такими же, как и у его жены, светло-рыжими вьющимися волосами. Тут же из другой комнаты вышли ещё две девочки постарше — одной было лет восемь, а другой около пятнадцати. Она тоже была очень похожа на жену священника, но, судя по возрасту, никак не могла быть её дочерью.

— Привет, — улыбнулся им Женька, — я — Женя.

— Дядя Женя, — поправил его Александр, потом обратился к дочерям, — ну, что же вы? Знакомьтесь!

— Оля, — негромко произнесла самая старшая.

— Юля, — та, что помладше, была, судя по всему, побойчее.

— А это — Анфиса и Пелагея, — учитывая малый возраст, отец сам представил самых маленьких.

Засмущавшись, обе девчушки прижались к нему с двух сторон.

— Я сейчас, — Женька стремительно вышел из дома и, вернувшись через минуту, протянул им пакет с конфетами, которые купил для Алёнки, — держите!

— Спасибо! — хором ответили девчонки.

— Зачем? — Александр попытался возразить, — Это же я в долгу, а у них всё есть с Божьей помощью.

— Да какой там долг. Я всё равно ничего не делал бы. А так — со священником познакомился. У меня каких только знакомых нет. А вот священника не было.

От ужина и даже вечернего чая Журавлёв отказался. Почему-то ему было неловко

садиться за стол в этом доме... Ему вдруг пришло в голову, что он знает причину своей неловкости...

— Я как-то всё же должен отблагодарить, — отец Александр достал с полки книгу и подошёл к Журавлёву, — вот, возьми. Это — Евангелие.

— Спасибо, — понимая, что от такого подарка отказываться нельзя, Женька взял книгу, — только я некрещённый.

— А ты почитай. Может и появится желание покреститься. Только читай не тогда, когда делать будет нечего, и не потому, что надо типа полистать, — Александр улыбнулся, — а тогда, когда душа запросит.

— Такое может быть?

— Такое у всех бывает. Главное, вовремя понять. То, что некрещённый, плохо, я за тебя в церкви не смогу молебен отчитать. Но вот дома буду поминать в молитвах.

— За меня молиться не стоит, — усмехнулся Журавлёв, — пустая затея.

— Это почему ж так?

— Грехов много наделал. Не отмолить.

— Отмолить можно любой грех. Было бы искреннее раскаяние.

— Боюсь, мне и это не поможет.

— Что ж ты такого натворил, сын мой? — вполне серьёзно спросил священник.

— Всего и не рассказать.

— А ты расскажи...

...То ли это отец Александр так сказал эти слова... то ли собственная душа Журавлёва устала носить в себе эту ношу... Но желание излить... вывалить... обрушить... какие там ещё могли пригодиться эпитеты... он не мог придумать... это желание вдруг оказалось настолько велико, что он, неожиданно для себя, выдал всю свою жизнь — от начала и до сегодняшнего дня... Выдал, ничего не утаивая и не сглаживая, а преподнося как есть, не щадя ни собственных амбиций, ни собственной совести.

— Вот такие дела, — окончив свою исповедь, Женька так и сидел, положив на колени локти и сцепив пальцы рук, — никому от меня никакой радости.

— Уже то хорошо, что ты это понимаешь, — отец Александр, впервые за весь Женькин монолог, вставил своё слово.

— Да чего хорошего? Никому от этого не легче. Вот даже вчера... один подонок чуть не поубивал двух ни в чём не повинных девчонок... К счастью, сам себя пристрелил. А это я должен был его наказать... Понимаешь? Я! А я даже этого сделать не смог.

— Значит, так было угодно Богу. Не твоё было дело его наказывать. Ты эти мысли из головы выброси.

— Я всё понимаю... Но хотел хотя бы раз в жизни что-то сделать на благо... И тут не получилось.

— Так разве наказать кого-то — благо? Чем ты будешь лучше того, кого накажешь?

— Я не знаю... Но энтузиазма, как ты понимаешь, мне этот факт не добавляет.

— А благо... Вот ты мне сегодня помог, и ценой собственных интересов помог, во это и есть — благо!

— Да разве это помощь? Это — мелочи... Интересы... Ну, позвоню я завтра этому

интересу. Выслушаю очередное «прощай»...

— Это почему же так? Откуда ты знаешь, что она тебе скажет? — в очередной раз улыбнулся Александр.

— Судьба у меня такая. Ты сам сейчас слышал... Если бы знал, чем смогу свои грехи отмолить...

— А ты голову не ломай. Доверься Богу.

— Так я не крещёный...

— Господь и некрещёных слышит... Ты ему доверься, он сам тебе подскажет, что нужно делать.

Уже собираясь уходить, Женька вдруг вспомнил об оставленной на дороге машине священника.

— Поехали, притянем твой агрегат, — он всё же не удержался, чтобы не съязвить по поводу старенькой машины, — чего ждать до утра?

— Да мне и запаску надо где-то ещё найти... — Александр смущённо развёл руками, — Вернее, она есть, да перебортировать всё времени не хватает...

— Ничё, мою докатку поставим, — Женька решительно шагнул к выходу, — ты будешь удивлён, но у меня в багажнике ещё от прежнего хозяина докатка осталась, не знаю, с какой модели, но к жигулям подходит идеально, так что поехали!

— Посмотришь, как ваши соплеменники живут, те, что саном повыше, и диву даёшься, — бросив взгляд на пассажира, Женька усмехнулся, — что дома в четыре этажа... что машинки за три-четыре ляма... А ты всё своими руками, про этот агрегат вообще молчу... Почему же такая несправедливость?

— Господу виднее, — добродушно улыбнулся тот, — кому что посылает.

— Ты сам-то в это веришь?

— Я в Господа верю. А он, в конечном счёте, всем даёт — по справедливости. Ведь как бывает? Человек живёт, и всё у него как по маслу... И думает он — значит, я достоин! И не смотрит на других. А, если и смотрит, то свысока... И всё ему мало... И не думает, что это Господь ему авансом благодать свою даёт, чтобы он этой благодатью с другими делился...

— Золотые слова.

— А у кого-то ничего нет, а он последним куском поделиться готов.

— Да знать бы, с кем поделиться...

— И знать не надо. Оглянись вокруг... Всегда есть, кому помочь. Сам не увидишь — Господь подскажет, знак пошлёт.

— Видимо, я не умею распознавать эти самые знаки. Уж сколько мне их посылалось... За каждый хватался... — впервые за весь вечер засмеялся Женька, — Пока хватался, свой собственный упустил.

— Потому, что без любви, — отец Александр сразу понял, что тот имел в виду, — без любви, да ещё без венца — это грех...

— А что, и у вас тоже — по любви?

— Конечно. Я свою жену встретил, когда она совсем девочкой была. Ей только шестнадцать лет исполнилось.

— И — что? — заинтересованно спросил Журавлёв, — неужели до свадьбы — ни-ни?

— Конечно, — улыбнулся священник, — более того, ждал два года, пока ей восемнадцать лет не исполнилось.

— А она? Тоже... — поняв, что задал не совсем корректный вопрос, Женька тут же прикусил язык.

— Тоже, — ничуть не обидевшись, Александр кивнул головой, — мы оба с ней детдомовские. Только я старше. Она туда попала после гибели родителей, а я уже и отслужил, и в семинарию поступил. Случайно приехал навестить воспитателей... А тут — она. Когда поженились, сразу забрали к себе её сестрёнку, Олю. Ты видел её. Первые годы своих детей не было. Господь не давал. Построили дом... А тут у соседей несчастье — девочка осталась сиротой... Её ты тоже видел, это Юля. Удочерили. А после этого уже и Пелагея с Анфисой родились... А вот сегодня... — он достал телефон, — сегодня тоже кто-то должен родиться. Так что видишь — Господь знает, что делать. Он людей друг другу посылает.

— А сегодня кого ждёте? Сына? — улыбаясь, Журавлёв посмотрел на собеседника.

— Кого Бог даст...

— Что, и не знаете? Сейчас это просто...

— Мы решили заранее не узнавать. Кого пошлёт Господь, тому и рады будем!

Они уже ехали назад — ведя свой «ровер», Журавлёв то и дело поглядывал в зеркало заднего обзора на старенький «жигуль», «ковыляющий» на его докатке, в салоне которого сидел отец Александр, не выпуская из руки телефон. Где-то на середине пути, услышав сигнал, Женька плавно затормозил у обочины и, открыв дверь, посмотрел назад.

— Сын!.. Сын!.. — буквально вывалившись из машины, батюшка пустился в пляс, воздев к небу руки, — Сын у меня родился, сы-ы-ы-ын!..

— Только теперь не говори, что ты не мечтал о сыне, — Женька радостно протянул ему руку, — а то — кого Бог пошлёт... кого Бог пошлёт...

— Мечтал! — крепко сжимая его ладонь, священник тряс её с такой силой, что Журавлёв невольно переступил с ноги на ногу, — Мечтал!.. Прости, Господи!.. — подняв глаза к небу, он отпустил Женькину руку и перекрестился, — Слава тебе Господи!.. Сын!..

Вернувшись домой уже ночью, Женька долго не мог уснуть. Встреча со священником, нарушившая все его планы, почему-то совершенно не огорчала, а, наоборот, вселяла какую-то надежду...

Только вот надежду на что?

Перебирая в памяти события своей жизни и подробности сегодняшнего вечера, он так и не смог этого понять.

«Знаки... знаки... — крутилось в его мозгу, — опять ничего не понял... Судьба».

«С ветерком морским играет светлая копна,
Отражается в глазёнках синяя волна.
Мама — словно королева,
Взгляды справа, взгляды слева!
И полуденное солнце море пьёт до дна!

Пухлые щёчки, смешная панама
(А у неё из ромашек венки!) —
Очаровательной солнечной мамы
Солнечный маленький чудо-сынок.

Удивлённо смотрит с неба солнышко на них —
Ведь на синем побережье нет других таких!
Улыбается прохожий —
До чего ж они похожи,
Мама с сыном — в том сомнений нету никаких!»

Эту весёлую песенку, раздающуюся из динамика, который привозила с собой съёмочная группа клипа «Солнечный мальчик», отдыхающие одного из «диких пляжей» в окрестностях курортного города слушали целых три вечера подряд. С трудом находя «натуру» без купающихся курортников, видеорежиссёр Руслан, с недавних пор работающий в «творческой деревне», без конца «гонял» любопытных граждан, то и дело попадающих в кадр. Граждане вяло возмущались, но из кадра уходили, с интересом поглядывая на разворачивающееся действие. Впрочем, их было не очень много. Пляж, на котором остановились Морозов и видеореж, находился довольно далеко от мест скопления основной массы народа, к тому же был усыпан довольно крупными камнями, поэтому и был малолюдным. В первый день Наташа, с непривычки тихонько ойкая, осторожно ставила на гигантскую гальку свои маленькие ступни, шутливо требуя, что Димка носил её к месту съёмки на руках. Но уже на второй день она довольно уверенно передвигалась по горячим камням и весело позировала то на берегу, то в воде. Полторы минуты брызг и плескания в море вылились в целых три дня съёмки: приезжая на пляж во второй половине дня, группа оставалась там до самого вечера. Съёмки проводились на послеполуденном солнце, до тех пор, пока оно не начинало откровенно скатываться к морскому горизонту. Остальную, большую часть времени вся съёмочная команда купалась и загорала, на радость маленькому Валерке. Вопреки опасениям родителей, он прекрасно перенёс акклиматизацию и с удовольствием и большой ответственностью «работал» наравне со взрослыми, так, что Милене особых хлопот не доставлял. Она тоже весело проводила время на берегу вместе со всеми, и со стороны могло показаться, что у неё всё замечательно.

Но кажущаяся на первый взгляд беспечность, на самом деле, была лишь маской. После разговора с Настей она снова, не переставая, думала о Журавлёве...

...Он позвонил ей на следующий день. Она только что проснулась в своём номере и

собиралась на завтрак, когда услышала сигнал телефона.

«Ленка, я ужасно хочу тебя увидеть...»

«Ты мог меня увидеть. Ещё до отъезда мог...»

«Мне нечего было тебе сказать».

«А сейчас?..»

«Сейчас — есть. Я прилечу к тебе».

«Не нужно».

«Почему?..»

«Ты мог меня увидеть раньше. Но не захотел. Мы всё это уже проходили, Женя...»

«Лена!..»

«Нет. Даже если бы ты и пришёл раньше... Всё равно — нет...»

«Нам нужно поговорить!..»

«Поздно. Мы опоздали на девять лет».

Она ещё долго смотрела на телефон. Её слова, сказанные ему, вовсе не были капризом...

Они, действительно, опоздали. Да, все эти годы они любили друг друга... Но любили тех — прежних... и прежней, юношеской любовью. А в это время жизнь неумолимо накладывала на них свои необратимые изменения...

Да, она и сейчас любит его. Любит так, как, наверное, не сможет полюбить никого и никогда. Но эта любовь сродни мечте. Детской, прекрасной мечте, которой, увы, не суждено сбыться. Смазливый парень с гитарой, оставшийся в её сердце, превратился в мужчину, отягощённого прошлыми ошибками, новыми привязанностями, творческими привычками и дурной зависимостью.

Нет... Она совершенно не готова к такому повороту в своей судьбе. Рано или поздно она устанет от такой жизни. Любовь... Она жива только рядом с верой... Настя права. Жить с человеком, которому не веришь — страшно. И даже любовь не спасёт от этого страха.

Тем более, он больше не перезвонил.

...Концерт Наташи, проходивший, как обычно, в пансионате предприятия Прохорова, был назначен на первый же свободный от съёмок вечер — зная заранее число, Морозов специально так спланировал поездку, чтобы в первые дни снимать видео на море, в свободный день дать Наташкин концерт, а уже после перейти на «натуру» в городских условиях.

«Водные» съёмки были окончены. На фоне песни, которую Наташа пела вместе с Валериком, они плескались в море, строили фигуры из песка, гуляли по набережной под «взглядами справа и слева». Музыкальная часть видеоклипа была готова полностью, и Валерка уже не раз намекал, что не против спеть эту песню вместе с мамой на её концерте.

— Дима, а что, если и правда, попробовать? — ещё утром, в день концерта, спросила Наташа, — Лишних четыре минуты погоды не сделают.

— В принципе... почему бы и нет? — Дима потрепал волосы сына, — Споёшь? Не забудешь слова?

— Не забуду! — Валерка так убедительно замотал своей белой головой, что сомнений не оставалось: не забудет!

Репетиция в номере прошла удачно: ребёнок пел так старательно, что у присутствовавших при этом дедушки Валеры, и даже бабушки Светы, на глазах заблестели слёзы.

— Какие слова-то хорошие, — Светлана Петровна уважительно покачала головой, — Дима, а кто слова написал? Неужели тоже ты?

— А он сам все тексты пишет, — улыбнулась Наташа, — он вообще — талантище! Я не знаю, зачем он раньше искал авторов?

— И когда же ты всё успеваешь? — Светлана не сводила восхищённого взгляда с зятя, которого в буквальном смысле боготворила за то, что благодаря его стараниям, Валерию не приходилось помогать дочери, а, наоборот, Наташа без конца что-нибудь дарила отцу с мачехой, а заодно и сводной сестре — Алине.

— Да Наташка преувеличивает, — усмехнулся Дима, — мы вместе с ней пишем, по строчке, а она мне всю славу готова отдать.

— Так она и в детстве стишки писала, — подал голос Валерий, — только музыка всё победила, забросила это дело.

— Пап, ну, взял и выдал мои секреты, — рассмеялась Наташа, — какие там стишки, ерунда всякая.

— А ты мне никогда не говорила, — Морозов удивлённо уставился на жену.

— Дим, ну, о чём говорить? Если бы и правда, стихи, а то так, детские шалости, не более того.

— Так-так-так... — он весело потёр руки, — Попалась... А я ещё удивился, как у тебя складно выходит... А ты, оказывается, поэт со стажем!

— Ну, хватит уже, — Наташка почему-то смутилась и махнула рукой, — говорю же, ерунда.

— И совсем не ерунда. Это она от скромности, — Валерий посмотрел на Диму, — А песенка хорошая получилась.

— Надо ещё пло папу написать! — Валерик подбежал к Наташе и, забравшись ей на колени, обвёл взглядом всех присутствующих, — И пло дедуску, и пло бабуску... И ещё пло дедуску... и ещё пло бабуску!..

— Короче, тебе заказ на песни обо всех родственниках, — рассмеялся Дима, — так что не отвертись!

— И ещё пло Анечку!

* * *

Этот вечер Милене предстояло частично провести вместе с Морозовыми на концерте, из-за Валерки. Песню «Солнечный мальчик» Дима решил поставить в первой половине программы, пока Валерик будет не очень уставшим, а сразу после выступления планировалось отправить его вместе с Миленой в пансионат. В этот раз, по причине более длительного пребывания на гастролях, Морозовы вместе с няней и Наташиными родителями жили в другом пансионате, расположенной на противоположном конце города, откуда было ближе ездить к месту съёмок на арендованном автомобиле. У Милены был свой, отдельный,

номер с детской кроваткой, чтобы она, в случае необходимости, могла забирать к себе Валерика. До сегодняшнего дня все её вечера были совершенно свободными — днём ребёнок был с родителями, а, вернувшись со съёмки, с удовольствием гулял вместе со взрослыми по недалёким окрестностям.

«И как он не устаёт?!» — удивлялась Светлана Петровна, глядя, как четырёхлетний малыш бодро вышагивает по ночному бульвару.

«Зато в ванне он сразу засыпает, — смеялась Наташа, — туда он залезает сам, а оттуда мы его достаём сонного».

...Времени до концерта оставалось ещё достаточно, и Милена не знала, чем себя занять. Она не была загружена практически никакими обязанностями, но статус няни заставлял находиться в постоянной «боевой готовности». В другой раз, попади она на курорт, она, конечно, не стала бы сидеть в номере, а нашла бы себе развлечения в виде прогулок, экскурсий, новых знакомств... Но сейчас, несмотря на буквально родственные отношения с Морозовыми, она всё же чувствовала себя «на работе».

В ожидании поездки на концерт, она немного поболтала с Валерием и Светланой, которые оставались дома, потом вернулась в свой номер. Включив телевизор, прилегла на кровать.

...Возникшее желание позвонить Журавлёву подавила сразу, как только почувствовала, как сильно ей хочется услышать его голос.

«Ни к чему... Всё в конце концов окончится расставанием. Ни к чему...»

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, решила сделать причёску. Она умела замечательно делать причёски, в том числе и себе самой. Даже Наташа несколько раз просила её уложить свои длинные белокурые волосы. По её словам, у Милены получалось не хуже, чем у её личного стилиста.

Подойдя к зеркалу, взглянула на своё отражение. «Королевская осанка»... О ней так говорили всегда: кто-то с восхищением... кто-то с неприкрытой завистью... Она и сама прекрасно знала, что выглядит великолепно. Расстегнув заколку, движением головы раскидала по плечам светло-каштановые пряди, потом взяла расчёску и осторожно провела ею по волосам. Почему-то сегодня захотелось их распустить. Уложив волосы с помощью плойки лёгкими локонами, слегка сбрызнула их лаком. Чуть подкрасила ресницы — карие глаза стали ещё выразительнее... добавила небольшой штрих — лёгкий, почти невидимый слой пудры... и тёмная, с перламутром, помада... Стильное воздушной платице, в тон лёгким летним туфелькам... Окинула внимательным взглядом своё отражение: на вид не больше двадцати пяти... Ещё раз грустно улыбнувшись, повернулась на одной ноге и вышла из номера.

* * *

Выступление должно было начаться уже через десять минут, и, находясь в небольшой гримёрной, Наташа совершенно не ожидала каких-либо визитёров.

Дима на сцене готовил звук, подтанцовки в этот раз не было совсем, и поэтому в помещении они были всего втроём: Валерик, Милена и Наташа. Давая последние наставления Валерке, Наташа волновалась больше, чем он сам. Это был первый

«официальный» выход на сцену их с Димкой сына, и выход серьёзный: Валерик самостоятельно должен был спеть весь второй куплет и сольно повторить припев в самом конце песни.

. — Сначала я спою две песни, а потом твой выход! — поправляя напоследок его «сценический» костюм, состоящий из яркой футболки и клетчатых шортиков, напутствовала Наташа сына, когда дверь неожиданно отворилась.

— Добрый вечер!

Она так и осталась сидеть на корточках, подняв изумлённый взгляд на неожиданного гостя.

— Здравствуйте, — увидев, что Наташа в замешательстве, Милена поздоровалась первой.

— Ой... здрасьте, Юрий Евгеньевич... — опомнившись, Наташка вскочила и смущённо одёрнула платье.

— Извините, что без стука, — она была, скорее, готова увидеть здесь самого Прохорова, чем его начальника отдела по связям с общественностью, — Наташенька, вижу, что вы удивлены! — неожиданно мужчина замолчал, как будто только сейчас заметив ребёнка, который тоже не сводил с него округлившихся глазёнок, — А это... неужели сын?!

— Да... — кивнула Наташа, — Это мой сын Валера...

— Валела Молозов, — чётко представился Валерка.

— Так у вас семейный ансамбль! — Юрий развёл руками, — Вот что значит, талантливые люди!

— Спасибо... — Наташа смущённо улыбнулась, — Если честно, не ожидала вас увидеть.

— Да мы все здесь, — мужчина озабоченно махнул рукой, — всё руководство. Скажу вам по секрету, что этот заезд — не совсем обычный. В этот раз одно начальство...

— И Андрей Викторович тоже здесь?

— Да, конечно. Только что кончилось совещание, народ ждёт концерт, а я — к вам...

— Он так часто бывает в Сочи? — Наташа удивлённо приподняла брови.

— В последнее время не вылезает из субтропиков, — Юрий Евгеньевич говорил в своей обычной манере — быстро и чётко проговаривая слова, — Олимпиада на носу, Наташенька.

— Олимпиада?! А вы к ней тоже имеете отношение?!

— Представьте себе. У нас в стране нет отрасли, которая бы, так или иначе, не имела бы отношения к Олимпиаде. И мы не исключение. И у нас здесь есть свои олимпийские объекты. И к вам я как раз по этому поводу.

— Да, я слушаю...

— Завтра у одного хорошего друга Андрея Викторовича событие — сдача одного такого объекта. Очень важного объекта. И по этому случаю, естественно, будет банкет. Так вот, огромная просьба от самого Андрея Викторовича — выступить на банкете.

— Наташа, всё уже готово, мо... — стремительно войдя в помещение, Морозов запнулся на полуслове, — Добрый вечер!

— Добрый вечер, — Юрий приветливо кивнул головой и снова обратился к Наташе, — это очень серьёзно, так что я прошу не отказывать.

— Дима, — обратилась к мужу Наташа, — завтра просят выступить на банкете...

— А репертуар? — тот уставился на гостя, — К тому же, у нас днём съёмки.

— Репертуар как обычно на вип-выступлениях, — Юрий Евгеньевич посмотрел на Наташу, — не больше десяти вещей.

— А аппаратура там какого уровня? — Димка подбоченился, — Для этого репертуара нужен качественный звук, впрочем, как и для любого другого. Но для этого — особенно.

— Всё на уровне, — Юрий выставил вперёд правую ладонь, — это полностью оснащённый банкетный зал. Вы можете приехать заранее и всё посмотреть. Машину мы пришлём.

— Ну, хорошо, давайте созвонимся прямо с утра, а сейчас нам пора на сцену...

— Да-да! — гость поднял обе ладони вверх, потом, как бы вспомнив о чём-то, тронул Наташку за локоть, — Кстати, после концерта вас отвезут домой на нашей служебной машине. Это приказ Прохорова.

— Спасибо, — кивнула Наташа, — не беспокойтесь, мы доберёмся... Нам, главное, сына с няней после его выступления отправить. А сами мы как-нибудь...

— Это не проблема, я думаю, — Юрий Евгеньевич, покачал головой, — скажите, когда, и их тоже отвезут.

— Ой, правда, можно? — обрадовалась Наташа, — А то на такси как-то страшно их отправлять...

— Можно, — ещё раз кивнул Юрий, — доставят в лучшем виде!

...Автомобиль, и действительно, уже ждал Милену с Валериком: в назначенное время Юрий Евгеньевич появился за кулисами. Пользуясь тем, что Наташа пела, Дима ненадолго отошёл от пульта, чтобы проводить сына с няней.

— Папа, я холосо выступил? — запрокинув голову, Валерка семенил рядом с отцом к стоянке.

— Во-первых, не «холосо», а хорошо, — тот взял его за обе ручки, — а во-вторых, ноги подожми.

— Хор-р-р-о-ш-шо, — Валерка послушно поджал под себя ноги, чтобы Дима смог перенести его через небольшую лужицу.

— В общем, ты хорошо спел. Но завтра я тебе скажу, где у тебя были ошибки.

— Хор-р-р-о-ш-шо! — Валерик кивнул с готовностью, видимо, «разбор» пения был для него обычным делом.

— Так строго? — улыбнулась Милена, — По-моему, они отлично спели!

— Похвала без критики — это беда для творческого человека, — выйдя вслед за Юрием Евгеньевичем на автостоянку, Дима с удовлетворением оглядел шикарный «мерс», на котором Милену и Валерика должны были доставить в их пансионат, — поэтому, хвалить надо, но заодно указывать на ошибки. Он же собирается стать артистом, а артист это не только аплодисменты и пирожные, а что?..

— Это нелёгкий труд! — кивая себе самому на каждом слоге, привычно выговорил Валерка.

— Ещё раз... — Дима хитро прищурился, глядя на сына.

— Тр-р-р-уд! — отчаянно рыча, громко выкрикнул ребёнок и снова запрокинул голову к отцу, — Да, папа?

— Да, сынок! — рассмеялся тот, по привычке взъерошив белую пушистую макушку.

Усадив Валерку с Миленой, Дима махнул им рукой и торопливо вернулся на площадку.

Пока водитель выслушивал наставления Юрия Евгеньевича, Милена с интересом осматривалась в салоне. Ей ещё никогда не приходилось ездить в таких дорогах, комфортабельных автомобилях, и она уже в который раз про себя подивилась, что такой высокий чиновник, как Прохоров, так печётся об обыкновенной, на первый взгляд, певице, развлекающей работников его предприятия.

«Если бы не знала Наташу лично, могла бы подумать...»

Милена сама улыбнулась своим мыслям. Да, если бы она не знала Наташу лично... Наверное, многие так и думают, что за всей этой заботой стоит не обыкновенное человеческое бескорыстие, а какие-то личные интересы. Ну, кто, на самом деле, поверит, что такая важная персона не имеет никакого интереса к молодой, красивой, талантливой женщине? Это же так модно сейчас — иметь в «подругах» певицу или балерину...

За этими мыслями она даже не заметила, как водитель тронулся с места: двигатель работал абсолютно бесшумно, и автомобиль ехал настолько плавно, что не ощущалось абсолютно никакой тряски. Глядя на выбритый затылок водителя, Милена почему-то подумала о том, какой у него должен быть голос.

«Наверное, он разговаривает громким басом. И то не со всеми... На нас даже не оглянулся... Естественно, таких персон возит!..»

— Ничего, что кондиционер работает? — водитель задал вопрос так неожиданно, что Милена даже не успела сообразить, о чём он спрашивает.

— Что?.. — чуть подавшись вперёд, переспросила она, на самом деле удивляясь лишь тому, что оказалась не права насчёт его голоса — мужчина разговаривал приятным тенором.

— Я говорю, кондишен не мешает? В смысле — не холодно?

— Да нет, — снова откинувшись на спинку сиденья, подала голос Милена, — всё нормально.

— Нет, если боитесь, что ребёнок простудится, то скажите, я выключу.

— Нет-нет... нам тепло...

— Это так кажется, — добродушно усмехнулся водитель, — знаете, как можно простудиться? Запросто! Супруга шефа всё время заставляет отключать, даже днём, в жару. Семь потов сойдёт, пока её доставишь.

— А если окно открыть? — Милена подумала, что нужно как-то поддержать ни к чему не обязывающий разговор, хотя бы потому, что, вопреки её опасениям, водитель оказался нормальным мужиком, без «околозвёздных» амбиций.

— Про окно и речи нет, — мужчина разговаривал, не отрывая глаз от дороги, так, как будто они были давно знакомы, — в окно пыль залетает.

— А мне нравится, когда в автомобиле открыто окно, — мечтательно произнесла Милена, — ветерок так славно обдувает! Особенно летней тёплой ночью, на каком-нибудь загородном шоссе...

— Может, ей когда-то это тоже нравилось... А теперь вот по статусу капризничать положено.

— Вы говорите о жене Прохорова? — решив, что автомобиль принадлежит «самому», спросила Милена.

— Нет, — он коротко рассмеялся, — Прохоров — фигура временная, прилетел,

улетел... Это автомобиль нашего, местного депутата.

— Да?.. — она слегка растерялась и машинально посмотрела в боковое стекло, — А нам сказали, вроде, Прохоров распорядился...

— Ну, да, — охотно кивнул водитель, — он и распоряжается, когда прилетает. Ему этого «мерина» в пользование выделяют, вернее, не ему, а тем, кто с ним, вот как Юрию Евгеньевичу в этот раз.

— А как же жена депутата?

— Это авто не единственное в депутатском гараже.

— Интересно, — Милена покачала головой, — насколько я знаю, Прохоров — гендиректор компании, живёт в северном городе, а у него здесь нешуточные интересы...

— Так они же все поручканы, — снова усмехнулся водитель, — у них и предприятия, и свой бизнес, и общий бизнес, и государственные дела... и хрен разберёшь, кто кому кум, сват и брат. Одно слово — начальство! Только и шныряют друг к другу в гости.

— Это же далеко...

— Да ладно... Они на рыбалку на Сейшелы могут улететь, и то для них недалеко.

— Вы так откровенно о них рассказываете, — Милена укоризненно качнула головой, — не боитесь?

— Вас? — он впервые за всю поездку посмотрел на неё через салонное зеркало.

— Нет, конечно, но, всё же...

— Гостайну я вам не раскрыл, а то, что рассказал — ни для кого не секрет.

Решив, что она и так узнала слишком много от разговорчивого водителя, Милена слегка улыбнулась и поудобнее устроилась на сиденье. Ей было почему-то неловко от того, что она услышала пусть и небольшие, но, всё же, подробности из жизни «начальства», как привычно называл водитель сильных мира сего. Заметив, что Валерик уснул, она аккуратно сняла с него сандалии и уложила рядом. Несмотря на позднее время, городская магистраль была запружена автомобилями, и кое-где даже образовывались пробки. На одном из перекрёстков светофор почему-то уже битых пять минут горел красным и, судя по всему, менять цвет не собирался.

— Заело, что ли? — мужчина что-то выстукивал подушками пальцев на руле.

— Сломался, наверное, — Милена, чуть подавшись влево, выглянула из-за передней спинки.

— Это надолго.

— А как теперь быть?..

— Разъедемся как-нибудь, — флегматично ответил водитель.

— А у вас мигалки нет?

— Есть. Но сейчас её бесполезно включать. Будем ждать, когда перекрёсток рассосётся.

— А долго?

— Да кто его знает. Видите, какой поток со всех сторон. Кто влево, кто вправо... кто прямо... Некому регулировать.

— Вот это попали... ни вперёд, ни назад...

— Почему, — мужчина посмотрел влево, — назад-то как раз и можно. Только нам туда не нужно...

Решив, что торопиться всё равно некуда, тем более, Валерик спит, Милена и сама устало прикрыла глаза. Подумалось, что в таком роскошном авто выспаться можно даже сидя...

— Да... Нет, ещё не доехал, — из накатившей дремоты её вывел голос водителя, говорившего по телефону, — да тут светофор завис на красном... Не знаю. Помаленьку рассасывается... Срочно? А что, там нет такого лекарства? Где?! Понятно... Так аптеки все закрыты... Знаю, где ночная, но она как раз по ходу, а я ещё из пробки не вылез... Ну, хорошо...

— Что-то случилось, — встревоженно спросила Милена, как только водитель окончил свой разговор.

— Да... Лекарство нужно срочно.

— Какое?

— Да я не знаю... — он неожиданно хмыкнул, — Вот всё в нашей стране через... гм... Пансионат, куча врачей, а лекарства нужного нет!

— Пансионат — не больница... мало ли какое нужно лекарство.

— Так ведь знают, что он хроник, неужели не могут для такого случая пару ампул про запас иметь? Уж для таких людей не только виски в баре, а и лекарства положено держать!

— А кому плохо?

— Прохорову. Видать, что-то съел, а у него же язва...

— Неужели проблема с лекарством? — Милена недоверчиво покосилась на мужчину, — Такая персона...

— И у персон бывают земные проблемы.

— Я думала, что у таких персон и врачи личные.

— Есть, — водитель кивнул головой, — и врач, и медсестра штатная... Только дома. А здесь — тоже есть, но, говорят, дозвониться не могут. Нужно за ней ехать, а я ещё вас не отвёз.

— Так он в пансионате?

— Если бы.

— А где? — она ещё не договорила, когда поняла, что задала не совсем деликатный вопрос.

— В гостях... Позвонил в пансионат, а там такого лекарства нет.

— А скорую вызвать?

— У него личный врач — светило науки, а вы про какую-то скорую...

— А что, за лекарством больше некого послать?

— Ну, как вам сказать... человек известный, не хочет своё местоположение раскрывать всем подряд. Либо я, либо Юрий, но Юрий сейчас не может пансионат покинуть — там другие персоны...

— Понятно, — Милена решительно кивнула головой, — ехать далеко?

— Куда, за врачом? Так врача как раз и не могут найти. То ли уехала куда, то ли сама... гм... в гостях...

— Нет, туда, где он... в гостях...

— Нет, недалеко...

— Едемте!

— А у вас с собой аптечка? — усмехнувшись, он тронулся вперёд и, проехав около двух

метров следом за маршрутной «Газелью», снова остановился.

— Может, это вас удивит, но — да, — Милена открыла свою сумочку и достала из неё небольшой плоский «портфельчик» с красным крестом, — я работаю с детьми, и привычка носить с собой универсальную аптечку у меня уже очень давно.

— Вряд ли ему помогут детские препараты...

— Знаете, я немного знакома с азами медицины. Приступ язвы в первую очередь блокируют обезболивающими препаратами.

— А у вас есть?

— Есть, и очень хороший препарат.

— Не знаю... — водитель как-то недоверчиво покрутил головой, — Согласится ли он...

Вы же даже не медсестра.

— В общем-то я не настаиваю. Просто знаю, как купировать приступ. Ему сейчас, главное, боль облегчить, а там, глядишь, и доктор найдётся.

— Не знаю... — мужчина снова нервно затарабанил пальцами о руль, — С одной стороны, вас и охрана может к нему не пустить. С другой, Юрий под горячую руку попадёт, за то, что автомобиль не на приколе...

— Так он же сказал, что Прохоров сам так распорядился...

— Ну, он-то распорядился... Только в гневе может об этом типа и забыть.

— Смотрите сами... Помощь я вам предложила.

— Да, — телефон снова зазвонил и водитель снова взял трубку, — нет, ещё не вырвались. Да тут каких-то двадцать метров... Евгеньич, ну, и что толку, что я врублю мигалку?! Там на перекрёстке по беспределу разруливают!.. Да я в левом ряду! Мне в правый перестроиться нереально... Что? Слушай, тут такой вариант...

Рассказав Юрию о предложении Милены, мужчина ещё около минуты выслушивал своего собеседника, потом решительно повернулся к ней.

— А точно поможет?

— Должно, — она пожала плечами, — я своим знакомым это лекарство вводила, помогало.

— В общем, дела плохи... Прохоров погибает, ему уже и скорую предлагали вызвать, а он наотрез... Сейчас Юрий ему перезвонит...

— Ну, хорошо... — Милена снова пожала плечами, — В принципе, мы скоро и выедем отсюда, да?

— Да! — сначала она подумала, что он ответил ей, но потом догадалась, что это был ответ на очередной телефонный звонок, — Да, понял! Хорошо!.. Ладно... Ну, всё...

— Что он сказал? — глядя, как мужчина, уловив момент, разворачивается, чтобы выехать на встречную полосу, Милена сразу поняла, что Прохоров дал «добро» на её визит.

— Сказал, что согласен... Но учтите... Ему сказали, что вы — медсестра, при чём, личная.

— Я?! Личная?! Чья?..

— Какого-то продюсера...

— Продюсера?!

— Ну, да. Того, что продюсирует эту певицу... ну, которая сегодня поёт.

— Димы, что ли?! Морозова?! — она еле удержалась, чтобы не рассмеяться, но вовремя остановилась, решив, что, несмотря на его явную откровенность, все карты семьи Морозовых открывать она ему точно не будет.

— Да, точно! Морозова! — утвердительно кивнул водитель.

«Ну, что ж... Это даже интересно... — она сразу перехотела спать, — Побывать в курортном городе и приехать без воспоминаний — это несерьёзно! А тут — хоть какое-то приключение!..»

О причине непонятной, на первый взгляд, ситуации Милена догадалась сразу, как только попала в дом, в котором, по словам водителя, назвавшегося Алексеем, находился «в гостях» Прохоров. Судя по тому, что он лежал на огромной кровати в спальне, расположенной на третьем этаже коттеджа, сюда он прибыл отнюдь не попить чайку и не поговорить о делах. Отсутствие охраны, которой так опасался Алексей, говорило о том, что в этот дом Андрей Викторович прибыл совершенно инкогнито.

Милене пришлось разбудить Валерика — проснувшись, тот никак не мог понять, почему они приехали не в свой, ставшим уже привычным, пансионат, а в чужой дом. Кое-как объяснив ему, что нужно помочь одному дяде, Милена взяла в ладонь протянутую детскую ручку и следом за Алексеем прошла к дому.

Встретившая их в дверях женщина показалась ей уставшей и чем-то недовольной. Вместе с тем, Милена не могла не отметить про себя все признаки высокого социального статуса, который эта женщина могла занимать: холёное лицо, ухоженные руки, уложенные в стильную причёску волосы, неброская, но подобранная с особым вкусом, дорогая бижутерия... Одета она была в выходную одежду, но Милене показалось, что платье надето наспех — слишком небрежно был повязан пояс, а слегка помятая юбка говорила о том, что одевалась она в то, что лежало ближе всего, в тот момент, когда автомобиль подъехал к её двору. На внутренне убранство дома Милена едва обратила внимание, но даже нескольких, вскользь брошенных взглядов, хватило для того, чтобы иметь представление о финансовом положении хозяев.

Невольно рассмотрев хозяйку, Милена подумала, что издалека той можно было бы дать не более тридцати лет. Вблизи же впечатление о возрасте приближалось к истине — и морщинки у глаз и на лбу, и складки на шее говорили о том, что женщина уже давно переступила сорокалетний рубеж.

Об отношениях между ней и её гостем можно было даже не догадываться — разобранная постель, в которой лежал больной Андрей Викторович и её откровенное замешательство при виде незнакомки красноречиво свидетельствовали о том, что отношения между ними были очень близкими.

Войдя в спальню, Милена сразу отметила бледность мужчины, лежащего на кровати. Судя по выражению лица и позе, в которой он находился, боль он испытывал нешуточную. Тем не менее, поздоровавшись, он попытался успокоить свою подругу.

— Лера, — держась за верхнюю часть живота, Прохоров бросил взгляд на женщину, — это медсестра от Юрия, ты не беспокойся.

— Вы разрешите, я посажу мальчика в кресло? — Милена посмотрела на хозяйку, потом на Андрея Викторовича, — Мы не успели доехать до дома...

— Да, конечно, — Лера сделала жест рукой, — устраивайте.

— Когда начался приступ? — посадив Валерика, Милена достала свою «походную» аптечку.

— Пару часов назад, — несмотря на то, что он сам только что успокоил свою любовницу, Прохоров посмотрел на гостью с едва заметным недоверием, — вы, действительно, медсестра?

— Не волнуйтесь, медицина — это мой конёк, — Милена постаралась улыбнуться как можно очаровательнее.

— Так вы медсестра или нет? — нахмурившись, он бросил на неё ещё один взгляд, на этот раз исподлобья, — Юрий сказал, что вы личная медсестра продюсера Морозова...

— И не только его, — уверенно кивнула Милена, а так же его жены, детей и родителей. То есть, всей семьи.

— Ну, хорошо... — его лицо исказилось от нового приступа боли, — Он сказал, что вы можете сделать обезболивающее...

— Да, — Милена достала шприц и ампулу и положила на столик, — где я могу помыть руки?

— Здесь, — женщина подошла к двери, выполненной из рифлёного пластика, и распахнула её почти настежь, — пожалуйста.

Вымыв руки, Милена набрала лекарство в шприц, смочила ватку спиртом и обернулась к больному.

— А... куда вы собираетесь меня колоть?.. — несмотря на боль, Прохоров явно не желал оголять перед незнакомкой свои интимные места.

— В принципе, я могу и в руку... Но, в этом случае, укол подействует не так быстро, — она многозначительно посмотрела на мужчину, — а вам нужно как можно скорее избавиться от мучительной боли.

Шумно выдохнув, тот изобразил недовольство и нехотя лёг на живот, одной рукой припустив брюки. Ловко втыкая иглу в мышцу, Милена подумала, что брюки он тоже надевал наспех — судя по всему, под ними не было нижнего белья. Вытащив иглу, она на несколько секунд прижала ватку к телу.

— Спасибо, дальше я сам, — он практически оттолкнул её руку и тут же натянул брюки обратно.

— Ну, вот и всё, — снова улыбнулась Милена, — надеюсь, что очень скоро вам станет легче. А нам пора...

— Нет, — перевернувшись на спину, Андрей Викторович пристально посмотрел на неё, — я вас не отпускаю.

— То есть?.. — Милена удивлённо чуть склонила голову вбок.

— Я вас не отпускаю, пока не подействует лекарство.

— Вы боитесь, что я вам вколола яд?! — она сказала это с деланно весёлым возмущением, чувствуя, как в душе, действительно, закипает протест.

— Нет. Иначе я просто не позволил бы вам сделать мне укол.

— Тогда почему?! Тем более, я показывала ампулу!

— Ну, хорошо, — он внезапно смягчил тон, — я прошу вас подождать несколько минут, пока не подействует лекарство.

— Что ж, — она присела в кресло рядом с Валериком, — подождём.

— Я писать хочу... — тот жалобно поднял на неё свои глазёнки.

— А сводить ребёнка в туалет вы позволите? — Милена спросила это с поистине величественной полуулыбкой, какая появлялась у неё в минуты незаслуженных обид.

— Да, пожалуйста, — женщина снова показала на ту же дверь в санузел. Милене ужасно захотелось съязвить по поводу её лексического запаса — судя по репликам, она знала всего три слова: «здесь», «да» и «пожалуйста», но, по понятным причинам, промолчала.

Уже помогая Валерке одеться и помыть ручки, она вдруг ужасно пожалела, что решила помочь этому человеку, которого совершенно не знала.

«Ничего бы с ним не случилось... — думала Милена, — Вызвали бы скорую, а потом и доктор пропавший бы нашёлся... А мне теперь ещё и перед Морозовыми отчитываться, куда я пропала с их ребёнком...»

Вернувшись в комнату, она со страхом достала из сумочки звонящий телефон — как будто услышав её мысли, Наташа решила узнать, как они с Валериком добрались домой. Она уже начала что-то сбивчиво объяснять Наташе, когда Прохоров, слегка привстав, протянул руку, жестом прося у неё телефон.

— Это родители мальчика?

— Да, — обернувшись, кивнула Милена, — Это Наташа... Наталья Валерьевна.

— Наташа...э-э-э... — он деланно нахмурился, как будто с трудом вспоминая, кто такая Наташа.

— Наташа Морозова, певица, вы её знаете.

— Дайте... — кивнув, он взял протянутый телефон, спустил ноги с кровати и сел, держась свободной рукой за живот — Добрый вечер! Это Прохоров... Ваша медсестра сейчас у меня... Как — какая?.. Ваша... э-э-э... — он снова посмотрел на Милену, — Как вас зовут?

— Милена, — догадавшись, что Наташу смутило слово «медсестра», та внутренне сжалась от опасения, что обман с медсестрой вскроется.

— Ваши Милена и мальчик сейчас у меня в гостях. С ними всё хорошо... Да, не беспокойтесь, очень скоро их привезут.

Дождавшись окончания разговора, Милена снова взяла телефон. Убедившись, что Наташа успокоилась по поводу Валерика, она не стала рассказывать все подробности в присутствии хозяйки дома и Андрея Викторовича. Она справедливо решила, что при прощании её обязательно попросят не распространяться о том, где и с кем находился Прохоров, когда ему потребовалась медицинская помощь.

Для пущей убедительности Милена дала трубку Валерке, и, пока он говорил с мамой, подняла глаза на больного... Она хотела поинтересоваться его самочувствием, но, заметив, что он смотрит на неё как-то странно, тут же смутилась и отвела взгляд.

...Он смотрел на неё, не мигая, но это был не взгляд удава... Милена не зря смутилась. В своей жизни она испытала много мужских взглядов... страстных, влюблённых, откровенно раздевающих...

Она очень хорошо знала э т о т взгляд. Таким взглядом смотрели только очень серьёзно настроенные мужчины: он был не просто оценивающим... а оценивающим по достоинству — смесь мужского интереса с уважением.

— Как вы себя чувствуете? — быстро справившись с охватившим её смущением, спросила Милена, хотя уже сама догадалась, что он испытывает облегчение.

— Действительно, меньше болит, — он так и не сводил с неё своих серых глаз, — я бы

сказал, что уже совсем не болит.

— Замечательно, — слегка улыбнувшись, Милена встала с кресла, — теперь мы можем ехать?

— Да, конечно, — он едва кивнул, — завтра я вас отблагодарю.

— Не за что. Вы уже отблагодарили, — Милена говорила строго и коротко, с поистине королевской интонацией.

— Чем? — в его взгляде было неподдельное удивление.

— Тем, что предоставили автомобиль. Мы замечательно прокатились по ночному городу.

— Как тебя зовут? — Прохоров перевёл взгляд на ребёнка.

— Валела Мор-р-р-озов, — представляясь незнакомому человеку, Валерик решил показать, что он выговаривает все буквы, во всяком случае, своей фамилии.

— А сколько тебе лет, ты знаешь?

— Четыле! — кивнул Валерка, — Я сегодня выступал на концерте.

— Ты хотел бы получить подарок?

— Да!

— Какой?

— Котёнка...

...Спустившись по лестнице в сопровождении Леры, Милена уже собиралась пересечь холл, как хозяйка дома, идущая чуть сзади, тронула её за руку.

— Вот, возьмите... — глядя ей в лицо, Лера протягивала небольшой конверт.

— Что это? — Милена даже не подумала протянуть за ним руку, хотя заранее догадывалась, что внутри.

— Это деньги. За визит.

— Денег я не беру, во всяком случае, за экстренную помощь.

— Считайте, что это не за помощь.

— Если вы имеете в виду неразглашение какой-то тайны, то можете не беспокоиться. Я не привыкла рассказывать о том, где была. К тому же, я не местная, родители этого мальчика приехали на гастроли, — Милена кивнула на Валерку.

— Это не имеет значения, — несмотря на снисходительную улыбку, с которой женщина произнесла эти слова, по её лицу было хорошо заметно, что молчание вынужденной гостьи имеет для неё гораздо больше значение, чем хотелось бы ей самой, — Возьмите.

— Не нужно.

— Любые услуги оплачиваются.

— Это не услуга. Это — мой долг!

Уже сидя в салоне авто, она чуть было не расхохоталась, вспомнив, с каким пафосом произнесла последнюю фразу.

«Да, пожалуй, перебор... Но зато роль личной медсестры продюсера мне, кажется, удалась! Кстати... интересно, на самом деле у продюсеров бывают личные медсёстры?»

Помня об обещании доставить Наталью и Дмитрия после концерта домой, Алексей сначала заехал за ними — выступление закончилось, и смысла ездить дважды не было.

— Мама, а мы катались! — увидев родителей, радостно сообщил Валерик, — А потом мы дяде помогали, а потом снова катались!

— Ты устал? — Наташа расцеловала и ласково прижала к себе сына, — Мы чуть с ума не сошли...

— Нет! Я спал!

— Всё хорошо, что хорошо кончается! — улыбнулся Морозов, обернувшись с переднего сиденья, когда все устроились, чтобы ехать домой, — Вообще-то я не сильно волновался, это Наташа...

— Простите меня, Дмитрий Александрович... — Милена кусала губы, чтобы спрятать улыбку, — Больше такого не повторится...

— А мы что, уже на вы и по отчеству? — тот вытаращил на неё глаза, — Что-то произошло?

— Я вам дома всё расскажу...

Дома, уже успокоившись, молодёжь ещё какое-то время весело смеялась, вспоминая рассказ Милены. Валерию и Светлане все подробности сегодняшнего вечера решили не передавать, за исключением удачного дебюта Валерки. Помня, что отец еле отошёл от событий, которые предшествовали поездке, о которых он узнал поневоле, Наташа переживала за его здоровье. Чтобы не заставлять внука обманывать дедушку, было решено рассказать Валерию всё, как есть, за исключением того, что поездка «к дяде» не была запланирована заранее, а случилась спонтанно.

— Дима, — покосившись на уснувшего сына, Наташа тихонько позвала мужа, — ты теперь вообще крутой, да?..

— Почему? — он уже почти спал, поэтому ответил совершенно сонным голосом.

— Ну, как... личная медсестра... осталось завести личного водителя, повара и горничную...

— А я уже завёл...

— Уже?!

— Угу.

— Интересно, — привстав на постели, она шутливо нахмурилась, — и где они все?

— Не они, а она...

— Она?! То есть, это одна единственная женщина?!

— Угу.

— Ну, и где же она?..

— Рядом лежит, спать не даёт... — приподняв голову от подушки, он чуть открыл глаза, — Наташка, спи!

— Интересное дело! — она окончательно села на кровати и подбоченилась, — Значит, водитель, повар, горничная... Вот как ты меня, звезду... ну, почти звезду шоу-бизнеса, воспринимаешь дома!

— А ещё подпевка и подтанцовка... — он перевернулся на бок и, притянув её к себе, крепко обхватил обеими руками так, что она уткнулась лицом ему в шею.

— Вот, значит как, да?! — попытка высвободиться из крепких объятий не принесла успеха, и её голос звучал сдавленно, — А медсестру, значит, со стороны берём, да?!

- Ты спать будешь или нет? — Димка неожиданно захихикал от щекотки, — Наташка, прекрати!.. Ну, всё-всё!.. Возьму тебя в медсёстры!.. Ну, честное слово!..
- Коварный!.. Мне сегодня такие персоны аплодировали!..
- Ну, и что... — от ёрзал от щекотки, но рук не разжимал, — Подумаешь!.. Им похлопать, что ли, жалко?..
- Ах, так?! Я тебя сейчас укушу...
- Кусай... А-а-а!.. Между прочим, мочка уха — эрогенная зона... Так что, смотри...
- Что — смотри?..
- Докусаешься...

* * *

Следующее утро началось с сюрпризов. Два шикарных букета цветов, врученных курьером Милене и Наташе, казалось, меркли перед огромным, в человеческий рост, плюшевым тигром. Валерик буквально застыл с открытым ртом, когда игрушку внесли в их номер.

- Вот это тигр! — Наташа восхищённо развела руками, — Как живой!
- Да... — Морозов потрепал тигра за пушистое ухо, — Не тигр, а тигрище! Не зря вчера Валерка с Миленой дядю лечили!
- Это не тигл! — Валерик переводил округлившиеся от восторга глазёнки с мамы на папу, — Это — котёнок!
- Котёнок?! Ничего себе котёнок! — рассмеялся Дима.
- Это тиглячий котёнок!..

Вечером, выступив на банкете, Наташа уже не удивилась, когда её пригласили к Прохорову — вместе с мужем. Разговор в этот раз вышел вполне деловой: финал конкурса, в котором ей предстояло выступить, должен был состояться через несколько дней, и нужно было оговорить некоторые нюансы.

— Я понимаю, что одного «спасибо» за такую протекцию Наташе будет мало, — Морозов впервые виделся с «высоким» почитателем таланта своей жены, поэтому спешил сказать слова благодарности, — поэтому приглашайте нас в любое время. Выступим.

— А если я поймаю вас на слове? — после вчерашнего приступа Прохоров выглядел всё ещё несколько бледным, но, несмотря на это, пытался шутить.

— Да хоть завтра, — в ответ улыбнулась Наташа, — перед фестивалем это как репетиции.

— Вот если бы ты пела романсы, то завтра бы я точно пригласил тебя выступить перед небольшой, но очень благодарной аудиторией.

- Я пою романсы, — она с готовностью кивнула головой, — так что...
- Неужели?! — Прохоров искренне изумился, — А есть что-нибудь, что ты не поёшь?
- Есть, — снова весело кивнула Наташа, — я не пою оперные арии. Вернее, не пробовала петь...

— Наверное, стоит попробовать, — в тон ей ответил Дима, — вернёмся домой,

обязательно займётся.

— Ну, в таком случае, считайте, что я вас приглашаю.

— А куда? — Морозов тут же принял серьёзный вид, — завтра у нас последний день съёмки...

— На мою базу отдыха. Наташа, ты там уже выступала... Нужно будет спеть несколько романсов... Но спеть так, чтобы народ расчувствовался.

— Ну, хорошо, — Наташа смущённо пожала плечами, — мы сейчас вернёмся и порепетируем...

— А там есть рояль? — спросил Дима, — Гитару мы с собой, естественно, захватили. А вот рояль не догадались...

— Вот рояля нет... Но есть пианино!

— Ну, и замечательно.

— Да, кстати, — Прохоров несколько замешкался, — это будет очень узкий круг лиц, ценителей классического романса... в основном мужчины... У меня просьба. Вы не могли бы взять с собой эту девушку, вашу медсестру?.. Я вчера не смог её отблагодарить, а цветы не считаются... Пусть просто присутствует, разбавит наше мужское общество, так сказать... Это возможно?

— Ну, в принципе... — Наташа пожала плечами, — Мы ей, конечно, передадим Ваше приглашение. Но ехать или не ехать, это будет решать только она сама.

* * *

Поехать к Прохорову Милена согласилась сразу. Ей было всё равно, чем занимать себя, лишь бы не оставаться один на один со своими мыслями. К тому же, она сама очень любила романсы, и ей было интересно услышать, как их исполняет Наташа.

— Ты, действительно, универсальный талант, — укладывая Наташкины длинные пряди в причёску, Милена улыбнулась той через зеркало, — всё поёшь!

— Дима говорит, что я талант... А я просто очень люблю петь.

— Многие любят петь. Но их почему-то не приглашают выступать перед VIP-персонами.

...Оказалось, что их пригласили на очередное заседание «Клуба аристократов» — сидя за столиком в банкетном зале, Милена насчитала около пятнадцати членов этого клуба, среди которых не было ни одной женщины. Ни одной, кроме неё. Наташу она не считала, по причине того, что та была приглашена как певица.

Сначала Милена чувствовала себя не в своей тарелке — судя по всему, все гости были достаточно высокопоставленными особами, и ей казалось, что каждый из них обязательно должен задаваться вопросом, что тут делает никому не знакомая женщина... Но, видимо, незнакомые женщины не были для них в диковинку, а, может, так действовала её красота... так или иначе, вскоре она совершенно успокоилась. Особого внимания на неё никто не обращал, тем более, сидела она за крайним столиком, куда её и Наталью с Дмитрием усадили в самом начале вечера.

Оказалось, что одному из членов «Клуба аристократов» недавно исполнилось пятьдесят

лет, и теперь его поздравляли в тесном «клубном» кругу. Милена весело смеялась вместе со всеми, когда четверо мужчин разыгрывали небольшую сценку в честь юбиляра. Хлопая в ладоши, она подумала, что не зря захватила с собой это длинное вечернее платье цвета ночного южного неба...

Юбиляр — небольшого роста, слегка полноватый мужчина с усами и аккуратной бородкой, благодушно принимал поздравления, время от времени сам выходя на сцену и говоря слова благодарности.

— Пётр Вениаминович, — Андрей Викторович, который, судя по всему, и был учредителем этого самого «Клуба аристократов», поднялся со своего места за столиком, — мы с вами знакомы уже много лет, и знаем друг о друге если не всё, то почти всё... О вашем благородстве, честности и прочих добродетелях сегодня уже говорили. Я хочу сказать ещё об одном вашем качестве. Вы — настоящий ценитель искусства! Поэтому, когда я готовился к этому нашему заседанию, я долго думал, что же вам подарить... Я перебирал всевозможные подарки, пока не вспомнил, что вы — отчаянный любитель романсов... Поэтому я решил подарить вам — целый небольшой концерт!..

Оставшись за столиком одна, Милена с удовольствием слушала, как поёт Наташа под аккомпанемент Дмитрия. Она ни разу не слышала романсы в её исполнении, и теперь сидела, как зачарованная... Наташа пела так, как будто рассказывала о собственных чувствах — нежно, и в то же время предельно эмоционально, поистине виртуозно владея голосом...

— Разрешите?.. — заслушавшись, она не заметила, как к её столику подошёл Прохоров.

— Конечно, — повернувшись, Милена подняла на него свои огромные глаза.

— Простите, что вчера не отблагодарил вас сразу, — присев напротив, он смотрел на неё тем же самым, вчерашним взглядом.

— Не нужно меня благодарить, — она слегка улыбнулась уголками губ, — мне ничего не стоило сделать вам укол. Я рада, что вам помогло моё лекарство.

— Мне очень помогло ваше лекарство... — он сказал это как-то задумчиво, не сводя с неё взгляда.

— Я рада... — не зная, о чём говорить, она снова повторила эти слова.

— Чем я могу вас отблагодарить?

— Ничем... — ей вдруг стало не по себе. Пятидесятилетний мужчина выглядел довольно молодо, и Милена подумала, что в молодости он покорило не одно женское сердце. Он и сейчас мог покорило не одно женское сердце...

— Я буду чувствовать себя неловко, пока не отблагодарю вас. Вы, действительно, вчера мне очень помогли. Я бы сказал — спасли...

— Я облегчу ваши угрызения совести. Сегодняшний вечер — самый лучший подарок.

— Серьёзно?!

— Вполне, — Милена говорила со своей «коронной», королевской полуулыбкой, — я не большая любительница тусовок и дискотек, поэтому такая камерная обстановка мне намного ближе... Мне, действительно, здесь очень комфортно. И интересно...

— Надеюсь, вы говорите не из обычной вежливости?

— Я всегда говорю то, что думаю.

— И, всё же... Я хотел бы сделать вам что-то приятное.

- Вы уже сделали.
- Если вы имеете в виду этот вечер...
- Я имею в виду не только этот вечер.
- А что ещё?
- Вы прислали цветы.

Разговаривая с ним, Милена не заметила, как прошло около получаса. Исполнив последний романс, Морозовы ненадолго вернулись за столик и вскоре вместе с ней собрались домой — официальная часть вечера была закончена. Попрощавшись с членами клуба, они покинули базу отдыха и уехали домой.

— Ну, как тебе наш концерт? — по дороге Морозов привычно обернулся с переднего сиденья.

— Замечательно!.. Вы такие талантливые, ребята!.. — говоря эти слова, Милена слегка смутилась. Ей, действительно, очень понравилось, как Наташа пела... Первые два романса она слушала, затаив дыхание... Но вот потом... Потом — она уже ничего не помнила. Поистине магический взгляд Прохорова и его завораживающий, негромкий голос совершенно отвлекли её внимание... Она не помнила больше ничего... Только его взгляд и его голос.

...На следующий день, вернувшись со съёмок, все разбрелись по своим номерам — отдыхать перед вечерней «программой», в которую входили длительная прогулка по городской набережной, посещение кафе, где подавали любимые Валеркины пирожные, непринуждённые разговоры и созерцание ночного южного неба.

Дневная жара навевала сон... Постояв под прохладным душем, Милена легла на кровать и незаметно уснула.

...Автомобиль, который ей приснился, был похож на Женькин... Сидя на заднем сиденье, она не видела лица водителя, но почему-то знала, что это — он... Они ехали по улицам какого-то незнакомого города, в потоке других машин. Их было так много, что они не успевали проехать на зелёный свет, собираясь в огромную очередь...

«Зачем ты поворачиваешь назад?»

«Ты же видишь — вперёд не пробиться...»

«Я не хочу назад!»

«Другого пути нет...»

«Есть! Нужно лишь немного подождать...»

«Это долго... Я знаю короткий путь...»

«Я хочу ехать только вперёд!»

«Мы и едем вперёд...»

«Но ты повернул назад!»

«Это только кажется, что назад. Когда мы повернём, мы снова будем ехать вперёд...»

«Я не хочу так. Я выхожу...»

...Она, действительно, вышла... Автомобили сновали туда-сюда, не давая ей ни малейшего шанса перейти дорогу...

«Садитесь!» — незнакомый водитель проезжавшего мимо авто притормозил и открыл

перед ней дверь.

«А почему бы и нет? — пронеслось у неё в голове, — Всё равно нужно ехать... Какая разница — с кем?..»

Проснувшись оттого, что кто-то стучит в дверь, она тут же встала и, поправив перед зеркалом волосы, торопливо повернула ключ в замке.

— Добрый день! — Прохоров, одетый совершенно в «неофициальный костюм», состоящий из белых летних брюк и цветной рубашки, улыбаясь, стоял в дверях.

— Вы?! — от неожиданности Милена чуть не потеряла дар речи.

— Всё-таки я решил вас отблагодарить, — он развёл руками, — как вы смотрите на морскую прогулку?

— Морскую прогулку?.. — она как будто не сразу поняла, что он имеет в виду.

— Ну, да. На моей личной яхте...

— Я даже не знаю... — растерянно теребя ворот лёгкого халатика, Милена на несколько секунд замолчала, но потом подняла на него свои большие карие глаза, — Хотя...

Со дня встречи со священником прошла уже почти неделя, а Журавлёв всё ещё находился под впечатлением. Вроде бы ничего особенного в тот вечер не произошло: ну, подвёз отца Александра с его «матушкой» к роддому, потом его одного — домой... Ну, поговорили по дороге... Обычное, ни к чему не обязывающее знакомство. Скорее, вынужденное знакомство, повлекшее за собой его, Женькино опоздание к рейсу, которым улетала Милена. По сути, у него должно было сложиться неприятие к этой ситуации... Ленку не проводил, разговора, о котором он мечтал, не состоялось... Она теперь даже не отвечает на его звонки — после его нескольких попыток поговорить по телефону, просто не снимает трубку.

И, всё же, странное чувство, оставшееся в его душе после того вечера, не покидало. В мыслях Женька снова и снова возвращался к этой встрече со священником, всё больше приходя к убеждению, что встреча эта не была случайной.

После самого первого, неудачного разговора с Миленой он тут же кинулся собираться, чтобы лететь за ней, но грустный взгляд Алёнки охладил его порыв. Узнав о том, что папа хочет куда-то уехать, та сначала просто сидела, потупившись, но потом вдруг часто-часто заморгала... Женька присел перед ней на корточки и долго и безуспешно вытирал слёзки, прозрачным ручейком вытекающие из светло-карих глаз.

«Я не хочу, чтобы ты уезжал...» — горестно наморщив тёмные бровки, девочка говорила тихо и печально.

«Мне очень нужно, правда...»

«Прямо сейчас?..»

«Нет... завтра... — глядя, как дрожат её губки, он не смог сказать «да», — Но я ненадолго... Честное слово! Слетаю к Милене, а потом мы вместе вернёмся... может быть».

«Правда, ненадолго?»

«Правда».

«Ну, ладно, — вздохнув, уже спокойнее ответила Алёнка, — если ненадолго, то ладно».

Уехал он и правда, ненадолго. На следующий день, примчавшись в аэропорт и узнав, к своему искреннему удивлению, что билетов до Адлера нет ни на сегодня, ни на ближайшую неделю, Журавлёв снова подхватил сумку и обречённо отправился на стоянку такси.

«Ты чё, Жека?! Первый раз, что ли? — Говоров, которому он тут же позвонил, захихикал в трубку, — Через неделю — первое сентября, все рейсы перегружены... ну, и что, что на юг... Говорю тебе — все перегружены... Так что вали домой, распрягай коней... Если хочешь, приезжай ко мне, Ирка в ночь, вискарь выдыхается...»

Вискаря не хотелось. Совсем не хотелось. После прошлого запоя прошло ещё не очень много времени, и из памяти и крови ещё не окончательно исчезли следы алкогольного дурмана. Тем более, на родительской даче ждала Алёнка... Вспомнив о дочери, Журавлёв невольно улыбнулся. Вот единственный на свете человек, ради которого можно и нужно жить... И, даже если Кира в конце концов заберёт её к себе... всё равно, он всегда будет

знать, что где-то есть девочка — его плоть от плоти, кровь от крови...

«Вот видишь, как я быстро вернулся», — подхватив на руки бросившуюся к нему дочь, Женька буквально ощутил, как в груди разливается что-то тёплое и щемящее...

«Ты больше не уедешь?» — обхватив отца за шею своими нежными ручками, Алёнка смотрела на него с такой неподдельной радостью, что Журавлёв неожиданно почувствовал облегчение от того, что ему так и не удалось улететь.

«Не-а! — он весело замотал головой, — Завтра поедем с тобой в город. Пойдём, куда захочешь».

«Я хочу... я хочу туда... в твою студию!»

«Там пока никого нет».

«И тебе туда нельзя?»

«Почему? Можно. Просто там никого нет, ну, разве что рабочие, которые ремонт заканчивают».

«Ну, папа...»

«Ты так хочешь туда?»

«Да!»

«Ну, хорошо. Завтра заедем, посмотрим, что там делается. А сегодня будем загорать!»

Вечером того же дня он с интересом разглядывал старый отцовский «жигуль», навечно припаркованный к забору дачи. Машина стояла на приколе уже около трёх лет — взяв автокредит, Владимир Сергеевич теперь с удовольствием разъезжал на новеньком, бюджетного варианта «шевроле», без конца козыряя перед младшим сыном, который, по его мнению, «сделал пальцы веером», купив себе «бэушный» и далеко не дешёвый «ровер». Продать старую машину не удалось — упёртый до невозможности отец не соглашался отдавать за бесценок своего старого «железного коня», а стоимость, в которую он его оценил, не соглашался давать ни один покупатель. Впрочем, покупателей было не так уж и много, и, поразмыслив, Владимир Сергеевич перетащил «жигулёнка» на дачу — ржаветь, но зато на глазах у хозяина.

Походив вокруг авто, Женька открыл багажник и с удивлением обнаружил среди прочего «хлама» запаску — колесо было не новое, но вполне ещё приличное.

«А зачем она тебе?» — на просьбу отдать запаску, отец тут же озабоченно нахмурился.

«Не мне, а одному человеку. Священнику».

«С каких это пор священники стали на «жигулях» ездить? — Владимир ехидно хмыкнул, — Или это колесо к его «мерсу» подходит?»

Убеждать главу семьи пришлось вместе с матерью — оказывается, та немного знала об отце Александре от соседки по даче, прихожанке церкви, в которой тот служил, и поэтому пришла на помощь сыну.

«Володя, он и правда, бесребреник, — беспрестанно кивая, говорила Валентина мужу, — все так говорят! Говорят, он и дом своими руками построил, и всё что в доме, сам смастерил, и половина детей у него — усыновлённые... Живут небогато, но, говорят, что он детскому дому помогает!»

Выслушав супругу и сына, Владимир Сергеевич недоверчиво повертел головой, не

«добро» всё же дал — в обмен на Женькино обещание помочь с покупкой навигатора. Переложив колесо в свой багажник, уже через полчаса тот подъезжал к соседнему посёлку.

«Папа у себя, в мастерской», — Юля, приёмная дочь отца Александра, вышла из дома навстречу Журавлёву.

Мастерская, на которую указала девочка, находилась за домом, в задней части большого двора, и представляла из себя большой сарай. Впрочем, сараем помещение казалось лишь снаружи: попав вовнутрь, Женька тут же отметил про себя и обитые древесноволокнистой плитой стены, и электрическую батарею, служащую, судя по всему, для отопления в зимний период, и небольшой деревообрабатывающий станок, и хорошее освещение.

«Я недавно с вечерней службы, и сразу сюда, — оторвавшись от верстака, батюшка радостно поприветствовал Журавлёва и жестом показал тому на единственный стул, — присядьте, я сейчас...»

«Да тут целое производственное предприятие! — Женька уважительно качнул головой, — Обалдеть!»

«Всё здесь мастерю, — священник обвёл рукой помещение, — столы, табуретки, полки».

«Один?!»

«Есть у меня помощник, — добродушно рассмеялся отец Александр, — но он сейчас уехал. Паренёк знакомый, Олин приятель. Помогает».

«А это — на продажу?» — Женька кивнул на сложенные в углу детские стульчики и несколько небольших обеденных столиков. Половина из них была разукрашена яркими цветами и покрыта лаком, остальные, видимо, дожидались своей очереди.

«Нет, что вы! Это для детишек, бесплатно. Я мастерю, а мои старшие девочки красят».

«Бесплатно? — Журавлёв перевёл удивлённый взгляд на хозяина дома, — А материал? Доски, краска... Это же дорого».

«Господь помогает. Люди находятся добрые. Вот недавно кубометр доски пожертвовали, несколько листов фанеры, а один прихожанин, директор магазина, краску прислал и мебельный лак. Всё с Божьей помощью!»

«Неужели ещё есть бескорыстные люди? — Женька удивлённо-недоверчиво пожал плечами».

«Есть, слава Богу! Жертвуют, и на церковь, и на другие благие дела».

«В общем-то, я тоже... — Журавлёву вдруг стало ужасно неловко: по сравнению с чужой благотворительностью, его бывшее в употреблении колесо выглядело как-то несерьёзно, и он смущённо улыбнулся, — Я там колесо привёз, хочешь, поставь, хочешь, на запаску возьми... Правда, оно не новое, у отца со старой машины взял, но целое...»

Теперь пришла очередь смущаться Отцу Александру. Оказалось, что с позавчерашнего вечера он так и не удосужился подумать о своём транспортном средстве: до церкви было рукой подать, а в город он собирался только через пару дней.

«А к матушке?» — усмехнулся Журавлёв.

«Звоню, ежечасно, — священник развёл руками, — говорит, пока не приезжай, всё»

равно не пускают, а кормят, говорит, хорошо...»

«Нет, ну, хоть под окном постоять-то нужно!»

«Так служба каждый день... Хотя... — он снова смущённо поджал губы и почесал затылок, — Если уж совсем честно, то, была бы машина на ходу, между службами бы поехал, конечно... видит Бог бы поехал...»

«Так старое колесо перебортировать пара пустяков — попросил кого-нибудь из прихожан, чтобы до шиномонтажа довели, и делов-то...»

«Ну, да... — святой отец ещё больше смутился, — Видишь, я вот дом смог построить... а в автомобильных делах не силен... Не дал Господь!.. Ездить — езжу... а что касается ремонта — полный ноль».

«Заметил. Ладно, — поднявшись, Женька прошёл к выходу, — идём, заберёшь колесо. Сам поставишь?»

«Поставлю, — охотно кивнул священник, — только чем тебя отблагодарить? Возьми стульчик? Ты говорил, что есть детки...»

«Есть, дочка, — кивнул Журавлёв, — только этот стульчик ей уже мал, да и не взял бы я».

«Чего ж так?»

«Ты не для себя их делаешь, для сирот. А я купить могу».

«Так разве в том дело, можешь ты купить или нет? — отец Александр улыбнулся, — Вот ты носки тёплые носишь — из магазина?»

«Ну, да».

«А мама свяжет? Неужто, не наденешь?»

«Ну, в принципе... — Женька пожал плечами, — Надену... Кстати, а не проще эти стулья и столы для детей просто купить? Допустим, жертвования не фанерой и лаком брать, а деньгами? И тебе никакой мороки, и детям польза?»

«Так я же с молитвой мастерю».

«А есть разница?»

«А как же! От моей мебели тепло идёт. Потому, что она не казённая, а домашняя... А детки эти... они и так семейного тепла лишены, заботы родительской, им всё, что с любовью сделано — только на благо!»

«Много в тебе любви... — Женька как-то грустно улыбнулся, — Завидую по хорошему».

«Так любви много у всех! Только все по разному её тратят...»

Отдав священнику колесо, Журавлёв засобирался домой. Летние сумерки густой пеленой упали на посёлок, и в них как-то по-особому уютно светились окна дома отца Александра.

«Ну, раз взять ничего не хочешь, то у меня одна благодарность — молитва», — пожав на прощание руку гостю, тот раскрыл калитку.

«Мне большего и не надо. Кстати, если возникнут проблемы по машине — вот мой телефон, — Женька протянул визитку, — звони, в любое время».

«Спаси тебя Господь, — Александр с благодарностью кивнул и перекрестил его, — возможно, обращусь».

«Я тут, у родителей до первого числа буду, ещё с неделю, так что, если что-то срочное,

не стесняйся. Потом тоже обращайся, просто гастроли начнутся, выступления, сложнее будет со временем».

«Да у меня самого со временем проблемы, — рассмеялся священник, — служба два раза в день, к жене нужно ехать, да вот собираюсь готовую мебель отвезти, нужно транспорт искать...»

«Грузовик, что ли?»

«Да, «газельку», хотя бы грузопассажирскую. Найти-то не проблема... Проблема с оплатой».

«Телефон мне свой скажи?»

«Могу записать...»

«Не, просто — скажи...»

* * *

Даже сам себе Журавлёв не смог бы точно сформулировать, зачем он взялся помогать этому священнику. Они не были ни друзьями, ни родственниками, их не связывали общие интересы — не в пример Женьке, отец Александр был равнодушен к року и автомобилям, но желание помогать этому случайному знакомому было настолько реальным и сильным, что Женька даже не стал задумываться — зачем он это делает. Где-то, в глубине души, он понимал — т а к н у ж н о.

Каждый день звоня Милене и натыкаясь на бесконечные длинные гудки, он почему-то больше не рвался лететь за ней сломя голову... вместе с тем чувствуя, что любовь к этой женщине не угасает, а только разгорается, с каждым днём всё сильнее и сильнее... разгорается, принимая совершенно другое качество... Это была не просто страсть, не тяга одинокого мужчины к женщине, не память о первой любви... Это чувство было гораздо более сильное, чем то, что он испытывал к Милене раньше. Оно заполнило его настолько, что, казалось, места для других не осталось вовсе... Даже на одну ночь... на мимолётную встречу... даже на один поцелуй с другой женщиной — отныне его просто не могло хватать!

Журавлёв чутко прислушивался к этим своим новым ощущениям и не узнавал себя... Вот уже почти неделя, как улетела Милена... она не отвечает на его звонки... Но он почему-то уверен, что им нужно пережить эту разлуку... Он почему-то совершенно спокоен... Скоро она вернётся домой, и они встретятся... Скоро... совсем скоро... А пока он проводит время со своей дочерью — впервые за много лет, так тесно и так долго... Они каждый день бывают в городе, и он видит, что Алёнка просто счастлива. Он сдержал своё обещание — визит в «Творческую деревню» вдохновил девочку, которая явно тяготеет к музыке и пению...

Вспомнив, как Алёнка с удовольствием пела под его аккомпанемент в репетиционной, Журавлёв тепло улыбнулся. Оказывается, ни одна бурная ночь с очередной «подругой», ни одна весёлая пьянка с друзьями, не стоят и секунды вот этой счастливой улыбки твоего ребёнка! Единственное, чего ему не хватало в этот момент, было Ленкино присутствие... её ласковые руки... страстные губы... глаза, в которых можно натурально утонуть...

Ленка... Алёнка... Если бы собрать их обеих — двух Ленок... чтобы они всегда были рядом... большего счастья и не пожелать...

Он соберёт. Обязательно соберёт... У них с Миленой будут ещё дети. Обязательно будут!.. Ему ужасно хочется любить — свою жену, своих детей... Прав священник — любви

у всех хватает, только тратят её по-разному... Он не тратил. Он — растрачивал... Теперь он знает, как нужно любить. Он уже любит... Священник прав...

— Юрок, привет! — вспомнив о священнике, Женька набрал номер знакомого водителя маршрутного такси, время от времени арендуемого «Ночным патрулём», — Нужна твоя помощь...

...Посетить детский дом он решил сам — отцу Александру даже не пришлось предлагать поехать вместе с ним. Загрузив в арендованную «газель» детские столы и стульчики, Журавлёв уселся вместе со священником рядом с водителем. Детский дом-интернат, куда они направлялись, находился на другом конце города, и все сорок минут езды Женька весело смеялся шуткам разговорчивого водителя, время от времени размышляя, правильно ли сделал, что не взял с собой дочь — в последние дни они были не разлей вода, на радость Женькиным родителям, которые после долгих лет его бестолковой жизни буквально не узнавали своего сына. Узнав о том, что папа едет в детский дом, Алёнка умильно подняла на него просящий взгляд, но взять с собой он её не решился.

«Может, и нужно было взять...»

Подъехав к воротам детского дома, автомобиль остановился. Пока отец Александр созванивался с директором, Женька с удивлением оглядывал через ажурную ограду трёхэтажное светлое здание, расположенное в глубине большого двора. Вопреки его представлениям о детдомах, двор был покрыт зелёным травяным ковром, на котором уютно располагались беседки, качели, карусели, деревянные фигурки сказочных героев. От священника он уже знал, что здесь живут и учатся дети, оставшиеся без родителей, в возрасте от семи до четырнадцати лет, и поэтому удивился, что убранство двора напоминало убранство обыкновенного детского сада.

Выгрузив «подарки», Женька и священник ненадолго задержались в небольшом уютном зале. Судя пол всему, здесь проходили музыкальные занятия — в углу стояло пианино, а большой плазменный телевизор на стене, ноутбук на столике и несколько микрофонов служили для караоке.

— Не знаю, как вас благодарить! — директор, молодая, высокая, голубоглазая женщина, с уложенной на затылке светлой косой, прижала руки к груди, — отец Александр, вы — наш ангел-хранитель! Спасибо вам!

— Во славу Божию! — улыбаясь, тот совершил в воздухе крестное знамение, — Следующий раз привезу мебель для старших.

— Знаете, недавно приезжала комиссия, так они всё спрашивали, где мы взяли такие «весёлые» шкафы, — женщина рассмеялась и перевела взгляд на Журавлёва, — сказали, что ни в одном учреждении такой расписной мебели не видели!

— А пианино тоже кто-то разукрашивал? — Женька кивнул на инструмент, который, как и остальные предметы вокруг, был расписан в «стиле отца Александра».

— Ну, конечно! — директор кивнула, — Всё наш дорогой батюшка!

— Обалдеть... — пробормотал Журавлёв, подойдя к пианино, — сколько играю, такого не видел.

— А вы умеете играть?! — женщина радостно-удивлённо округлила голубые глаза.

— Ну, так... немного... — открыв крышку, Журавлёв привычно пробежал по клавишам,

потом взял несколько аккордов и сыграл подобие короткого марша.

— Я бы не сказала, что это — «немного»... Вы — музыкант? — она пригляделась к нему внимательнее, — Мне кажется, я где-то вас видела...

— Возможно, — он улыбнулся ей в ответ, — если вы любите рок и ходите на наши концерты. Группа «Ночной патруль», слышали?

— Ну, точно! — всплеснув руками, воскликнула женщина, — Я видела вас по телевизору, а ещё в интернете. Ну, когда вас зимой захватили в заложники... Помните?

— Ещё бы, — усмехнулся Журавлёв, — помню.

— Да-да!.. — она всё ещё разглядывала его, как будто хотела убедиться в своей правоте, — Точно — вы!

— Точно, я! — Женьке стало неловко от такого пристального внимания, незаслуженно переключенного на него с отца Александра.

— Буквально две недели назад мы с нашими воспитателями как раз вспоминали этот случай, и нашли в интернете все ролики с вашими интервью... Представляете?! И тут — вы, собственной персоной! — директор перевела восторженный взгляд с Журавлёва на священника, — Представляете, какое совпадение?!

— А что за случай? — судя по всему, тот был не в курсе событий полугодовой давности, и теперь с интересом смотрел то на Женьку, то на директрису.

— Как?! Вы не знаете?! — та искренне удивилась, — Эти ребята ехали на гастроли, и по дороге их взял в заложники мужчина с гранатой... Не слышали?!

— Нет, — отец Александр смущённо развёл руками, — упустил что-то... И, что?

— Так вот же!.. — женщина потрепала Женьку за локоть, — Вот!.. Он же и обезвредил преступника!.. А потом ещё и деньги перевёл на лечение его дочери!

— Ну, во-первых, обезвреживал не я один, — уточнил Журавлёв, — а, во-вторых, деньги перевели все ребята. Так что герой не я. Да и вообще никто не герой. Всё нормально.

— Я, действительно, ничего не слышал об этом случае, — священник растерянно развёл руками, — да я и телевизор-то почти не смотрю...

— Ой, тогда по всем каналам показывали, даже по центральным, — директор никак не могла успокоиться, — а потом о них ещё и фильм сняли, я тоже смотрела!

— Кстати, — закрыв крышку инструмента, Женька снова повернулся к собеседникам, — можно узнать, по какому случаю вы пересматривали все интервью?

— Дело в том... — оглянувшись на входную дверь, женщина внезапно понизила голос, — Дело в том, что три недели назад к нам поступила девочка... Дочь того самого преступника, ради которой он и пошёл на это преступление... Мама умерла, отец — в тюрьме... Родных, которые хотели бы и могли взять её к себе, у девочки нет. В этом году она должна пойти в первый класс, её и определили к нам. Её зовут Маша. Маша Васильченко...

— К вам?! — Женька удивлённо посмотрел ей в глаза, — Как — к вам?.. Они живут в другом городе...

— Да! — директриса почти перешла на шёпот, — Но у неё была онкология... Отец требовал для неё операцию, помните? Так вот, после этого случая её, действительно, прооперировали, и всё прошло удачно... Но нужен постоянный контроль и наблюдение у детского онколога, а ближайшая клиника — только в нашем городе. Поэтому после выписки её и отправили сюда — у нас самые лучшие условия. Мы следим за её здоровьем, но, сами понимаете... Одно дело, когда ребёнок дома, с мамой и папой... Другое дело — интернат.

— А где она сейчас? — Женька вовсе не собирался задавать этот вопрос, он слетел с его

губ сам собой, — Её можно увидеть?

— Да, конечно... Но я прошу вас — не говорить, кто вы... Она не знает, что произошло на самом деле с её отцом. Мы говорим, что он уехал в длительную командировку... Девочка очень скучает... Она никак не может привыкнуть, всё время просится домой. Мы опасаемся, что кто-то из старших проговорится... А ей лишний стресс только во вред.

— Я хочу её увидеть.

— Хорошо, сейчас приведу...

...Девочка оказалась худенькой, маленького роста — несмотря на её полные семь лет, на вид можно было дать не больше пяти. Повязанная назад косынка чуть сбилась, обнажив стриженную, с коротким ёжиком волос, головку. Хорошенькое личико было очень бледным, отчего печальные карие глаза казались просто огромными.

— А вот и наша Машенька, — держа ребёнка за тоненькую ручку, представила директор, — она у нас умничка, только очень стесняется...

— Здравствуй! — не дожидаясь остальных, Журавлёв присел перед девочкой, — Тебя зовут Маша?

— Да, — тоненько и печально ответила та.

— А меня — Женя. Что ты любишь?

— Не знаю... — она отвечала, опустив взгляд в пол.

— Может, ты чего-нибудь хочешь?

— Я хочу домой... — Маша подняла на него свои огромные глаза... Глядя в них, Журавлёв почувствовал, как внутри что-то предательски переворачивается... Он очень хорошо знал это ощущение... Оно возникало всегда внезапно и именно тогда, когда он совершенно не был к нему готов... Это ощущение означало только одно: жизнь преподносит ему очередную ситуацию, с которой он не в силах справиться...

Всю обратную дорогу он ехал молча, прикрыв глаза. Он нарочно прикрыл глаза... Пусть его попутчики думают, что он спит. Он не в силах сейчас поддерживать никакой разговор. Эти бесконечные совпадения... Они начались не так давно, но он уже к ним привык... привык настолько, что сейчас даже не удивляется этой встрече...

Отец Александр прав?..

«Доверься Господу. Он сам укажет дорогу...»

Да, священник прав... И он уже не удивляется никаким совпадениям...

Никаким.

Кроме одного.

Глаза... Глаза у девочки были большие, карие... такие же, как у Ленки... Только очень печальные. И сама девочка... она, действительно, похожа на Милену...

Нет... так не бывает. Он, конечно, уже не удивляется ничему. Но...

Т а к н е б ы в а е т.

...Вернувшись домой, он тут же позвонил ей. Телефон по прежнему не отвечал... Сколько они ещё будут там, в Сочи? Три дня?.. Нет, кажется, четыре... Чёртов фестиваль... Если бы не этот фестиваль, Наташка с Димой уже были бы дома, а с ними и она — Ленка...

Они вернутся лишь к первому числу...

— Наташка, привет, — поздно вечером, после долгих раздумий Журавлёв набрал знакомый номер, — мне нужно срочно поговорить с Ленкой, а она трубу не берёт... Ты её позови и просто поднеси телефон к уху... Если спит — разбуди... Мне нужно, чтобы она меня услышала...

— Привет, Жень! — Наташин голос был одновременно и радостным, и несколько растерянным, — А её нет...

— Как — нет?.. А сколько времени?.. — он зачем-то посмотрел на часы, хотя отлично знал, что уже половина одиннадцатого вечера.

— Ну, так... она гуляет, — Наташка добавила это так поспешно, что у него закралось сомнение в её искренности.

— Гуляет? Так поздно?.. Наташ, скажи правду... Где Ленка?

— Жень, она, правда, гуляет. Вечер замечательный, тут такие ароматы, море...

— Наташка, не заговаривай мне зубы... — У неё кто-то появился?..

— Ой, Жень... — Наташа судорожно вздохнула, — Она меня, может, убьёт... и Дима тоже, наверное, убьёт... меня все убьют... Ну, и пусть...

— Наташка, что?! Говори...

— Приезжай. Как хочешь, чем хочешь... И, чем быстрее, тем лучше. Прямо завтра...

— У неё кто-то появился?

— Женька, ты не спрашивай. Ты лучше приезжай...

Всё-таки она согласилась не сразу.

«Не знаю... Хотя...»

Вот это самое её «хотя» и обнадёжило Прохорова, правда, ненадолго — буквально на несколько секунд. Слегка подавшись вперёд, он чуть склонил голову и уже ждал заветного «да», но, подумав ещё с мгновение, Милена вдруг снова подняла на него опущенный перед этим взгляд и с сожалением вздохнула.

«Хотя... хотя, нет. Дмитрий Александрович с Натальей Валерьевной собирались куда-то пойти, я должна буду остаться с ребёнком».

Произнося эти слова, Милена удивилась сама себе — зачем было говорить неправду, если она вполне могла отказать честно, не ссылаясь на выдуманные обстоятельства. Ей вообще не нужно что-либо объяснять, какая ему должна быть разница, почему она не может составить ему компанию на вип-прогулке? Они совершенно разные люди, из разных социальных и возрастных слоёв... Какой интерес к ней, обыкновенной молодой женщине, может возникнуть у такого мужчины?.. Он уже в серьёзных годах, привык к женщинам своего круга — она видела его любовницу... Даже в домашней обстановке, в надетом наспех платье образ Леры носил откровенный отпечаток абсолютного достатка и власти.

Ясное дело — интерес в таких случаях бывает один: весёлое времяпровождение с доступной дамочкой... Ни к чему не обязывающее, но безусловное. Какая же дурочка посмеет отказать такому «крутому мужику»?

«Дмитрий Александрович и Наталья Валерьевна ничего не имеют против вашего отсутствия на сегодняшний день и вечер, — лукаво улыбаясь, произнёс Прохоров, — прежде чем пригласить вас, я спросил их разрешения».

Вот так!.. Оказывается, он всё предусмотрел! Слегка опешив, Милена лихорадочно придумывала, что бы ещё сказать в оправдание своего отказа. Мысли перебил сигнал телефона.

«Простите...» — повернувшись, она быстро прошла в комнату и взглянула на «входящего» абонента на экране лежавшего на столе мобильного. Журавлёв... Третий звонок от него за сегодняшний день... Милена с тоской поймала себя на мысли, что каждый его пропущенный звонок невольно подтачивает её нерушимый настрой — не отвечать ему больше никогда... Она вдруг подумала, что, если она сейчас срочно не займёт себя чем-нибудь, то в следующий раз проявит слабохарактерность и нажмёт на клавишу «ответ»...

«Ну, так что?.. — глядя, как она, закусив губу, отчаянно сбрасывает звонок, весело уточнил Андрей Викторович, — Моё предложение принимается?»

«Ну... хорошо... — она всё ещё колебалась, произнося эти слова, поэтому и в её тоне, и во взгляде была явная нерешительность, — Принимается...»

«Я жду у входа», — он загадочно улыбнулся и, кивнув ей, закрыл за собой дверь.

Милена ещё какое-то время стояла перед зеркалом, рассматривая своё отражение, как будто видела его впервые. Она прекрасно понимала, что эта внезапная прогулка может закончиться чем угодно... даже вопреки её желаниям или нежеланиям. И, тем не менее, она

уже знала, что сейчас соберётся и выйдет...

«Отступать некуда», — почему-то на ум пришли именно эти слова.

Всё дальнейшее происходило как во сне. Как будто не она открыла шкаф и, перебрав платья, сняла с вешалки розовый, воздушный сарафан... достала такие же, в тон, розовые босоножки... Она прекрасно знала, как идёт ей розовый цвет.

Нет, она совершенно не собиралась покорять сердце своего неожиданного «кавалера»... Скорее всего, занятие это бесполезное — такой импозантный мужчина просто не может быть один. Скорее всего, она для него — как плитка шоколада на десерт, средство от дежурной скуки, очередное приключение старящегося, но всё ещё держащего великолепную форму джентльмена...

Ну, что ж... В постель с ним она, естественно, не собирается, а он не похож на тех, кто может воспользоваться неравенством физических сил. Почему бы и не согласиться? К тому же, она свободна...

Свободна...

Милена ещё раз произнесла про себя это слово. Она никогда не думала, что в нём столько горечи.

«Одинока» — вот печаль... вот горечь...

«Свободна» — это же должно быть прекрасно!.. Это — полёт!..

Для кого-то, может, и так. И для неё было — так, ещё совсем недавно, после развода с мужем... Но теперь «свобода» и «одиночество» оказались совершенно идентичными по ощущениям.

«Ну, что ж... Какая теперь разница — свободна я или одинока... В любом случае, я ни перед кем не обязана держать ответ за свои поступки. Клин клином...»

* * *

На третью прогулку с Андреем Викторовичем Милена собиралась как на привычное дежурство. Первые две прошли абсолютно спокойно — вопреки её предположениям, мужчина вёл себя как истинный джентльмен, ухаживая за своей спутницей. Рукам воли он не давал, лишнего не спрашивал, а, напротив, сам очень интересно рассказывал — о своём родном городе, о крае, в котором жил, о музыке, в которой неплохо разбирался... У Милены сложилось мнение, что в ней он нашёл замечательную собеседницу, а, вернее, слушательницу, которой можно долго рассказывать о сокровенном...

Что-что, а слушать она умела. Но и Прохоров был неплохим рассказчиком. Про себя Милена не раз подумала, что, скажи кому-нибудь, что два вечера подряд, находясь вдвоём на его огромной яхте, они только разговаривали, ей не поверил бы никто. И, тем не менее, это было именно так. И в первый, и во второй раз, дождавшись вечера и полюбовавшись морским закатом, они спускались в одну из кают, по своему убранству похожую на уютную гостиную, где их ждал накрытый стол. В первый день она даже хотела отказаться от ужина, внезапно ощутив прилив страха. Но искренние заверения Прохорова в том, что ей там ничто не угрожает, подействовали успокаивающе — в конце концов, Милена согласилась покинуть палубу.

Она впервые была на такой огромной яхте — по своим размерам та, скорее, напоминала небольшой корабль. Молодой мужчина, которого она сразу про себя окрестила «капитаном», ловко управлял судном и был единственным «свидетелем» их с Прохоровым встреч. Когда под его управлением яхта оказалась в открытом море, Милена ожидала, что испугается этой тёмной волнисто-кипящей массы, распростёртой до самого горизонта... Но неожиданный восторг, охвативший всё её существо, вытеснил все остальные чувства... Она нарочно не оглядывалась в сторону берега, чтобы не нарушить ощущения необыкновенного покоя на фоне мягкого, как ей казалось, шелеста волн и этой огромной, завораживающей душу водной перспективы.

Через пару часов, сделав разворот, судно направилось в сторону берега, где встало у своего собственного причала.

Почти то же самое происходило и на следующий день, с той лишь разницей, что прогулка затянулась, прихватив собой южную чарующую полночь... Милена даже стала забывать, кем на самом деле является её спутник — настолько просто было с ним общаться. Он совершенно никаким образом не подчёркивал ни свой социальный статус, ни своё положение в обществе, так, что ей казалось, что она общается с самым обыкновенным мужчиной — но на редкость вежливым и деликатным. Он не делал ей ни вольных комплиментов, ни откровенных намёков, и она время от времени удивлялась про себя этому странному интересу с его стороны, а, вернее, отсутствию традиционного в таких случаях интереса... Он, улыбаясь, что-то рассказывал, а она, совершенно раскрепостившись к концу второго дня, искренне удивлялась, восхищалась услышанным и смеялась его шуткам. Он был дружески гостеприимен... Она — радостно-благодарна...

И только пристальный взгляд, который Андрей Викторович время от времени бросал на свою гостью, говорил о том, что не только гостеприимство и дружелюбие движет им... Правда, смотрел он так исключительно тогда, когда её собственный взгляд был устремлён в другую сторону...

Она, конечно, не замечала...

Возможно, не замечала.

Почти...

...Дожидааясь условленного звонка, о котором он предупредил её при вчерашнем прощании, Милена вышла из своего номера и постучала в соседнюю дверь.

— Наташа, вы, правда, на меня не обижаетесь? — несмотря на то, что Морозовы прекрасно справлялись и без неё, она всё же чувствовала неловкость, хотя бы оттого, что её пребывание здесь было за их счёт, — Я так нахально пользуюсь тем, что вы меня отпускаете вот уже третий день подряд...

— Господи, Милена, что за глупости! — всплеснув руками, Наташа улыбнулась гостье, — Мы же на море! Отдыхай, как тебе хочется!

— Всё-таки, я здесь в роли няни...

— Ерунда, — Наташа ещё раз махнула рукой, — если честно, мы просто хотели, чтобы ты развеялась, поэтому и позвали тебя с собой. Ты и так нам очень помогла с Валеркой, и это мы чувствуем себя в долгу. Кстати... — она лукаво прищурилась, — Ты даже внешне изменилась за эти два дня. Вот что значит, морские прогулки, да ещё в компании с таким

мужчиной!

— С каким же это «таким» мужчиной?.. — услышав последние слова жены, Морозов выглянул из соседней комнаты.

— С таким! — рассмеялась Наташа, — Высокопоставленным!

— На самом деле, он очень простой, — пожала плечами Милена, — и совершенно не наглый. Иначе бы я не согласилась на эти прогулки. А так... Пусть будут воспоминания... Единственное, что смущает меня в этой ситуации, это то, что я использую своё рабочее время в личных целях...

— Ладно, девчонки, — взяв за руку Валерика, Дима шагнул к двери, — пока вы тут болтаете, мы пойдём кормить голубей.

— Представляешь, Валерка уже третий день ходит кормить голубей! — дождавшись, пока за мужем и сыном закроется дверь, Наташа посмотрела на Милену, — То дедушку тащит, то меня, то Диму... А они его уже ждут здесь, недалеко, в парке...

— Он очень добрый мальчик. Мечтает о котёнке...

— Да, говорит об этом без конца. Даже сказал, что тигр, которого ему подарили — не тигр, а «тигрячий» котёнок!

— В общем-то, он прав, — улыбнулась Милена, — когда Андрей Викторович спросил, что бы Валерик хотел получить в подарок, тот так и сказал, что хочет котёнка. На следующее утро Андрей послал своего водителя, чтобы тот купил игрушку — кота... Но тот кота не нашёл, поэтому купил тигра. А Валерик сразу всё понял...

— Вот оно что! — воскликнула Наташа, — Прохоров сам рассказал, что посылал водителя покупать игрушку?

— Да, — чуть смутившись, ответила Милена, — я поблагодарила его за цветы и от вашего имени — за тигра... Он и рассказал...

— Значит, я не ошиблась...

— В чём?

— В том, что он хороший человек. Понимаешь, когда я в первый раз летала выступать на его предприятие, оказалось, что это был его день рождения. И я выступала сначала перед его подчинёнными, а потом перед довольно узким кругом лиц. Понимаешь?.. Первый раз... никому неизвестная певица... Потом меня провели к нему и, если честно, я боялась, что он будет вести себя... ну, понимаешь, о чём я?.. — Наташа подняла глаза на Милену, — А он только поблагодарил и пригласил с ним поужинать. И — всё! А потом ещё завалил цветами машину, в которой меня отвезли в аэропорт. Не знаю, что про меня подумали наши ребята, но всё это было совершенно бескорыстно с его стороны. Точно так же было и во второй, и в третий раз. Только однажды он позволил что-то типа вольности, уже здесь, в Сочи... но он был слегка пьян. А на следующий день извинился... я удивилась ещё больше — он мог бы вообще ни слова мне не говорить... Кто я, и кто — он...

— Он порядочный человек, — кивнула Милена, — знаешь, я его почувствовала... Иначе бы я ни за что на свете не согласилась на эти прогулки. Он порядочный человек и... замечательный рассказчик... остроумный, с тонким чувством юмора...

— Ты о нём так рассказываешь... — Наташа исподлобья бросила на свою собеседницу пыливый взгляд, — Как будто вы уже давно знакомы...

— А мне, действительно, кажется, что мы давно знакомы...

— Смотри, не влюбись... — пошутила Наташа, но шутка получилась с тревожными нотками.

— А я бы влюбилась... — Милена говорила тихо, как будто сама с собой, — Влюбилась бы с радостью... Только не получится.

— Ты ведь Женьку любишь... Да?

— Да... Я его любила всю жизнь... И сейчас люблю. Люблю так, как не смогла бы полюбить никого другого... И не смогу.

— Так, может...

— Не может, — Милена перебила Наташку, — к старому возврата нет и не будет. Да, я люблю Женю... Но, если я снова буду с ним, то рано или поздно возненавижу... Мы всё равно расстанемся, Наташа.

— Но почему?..

— Он не сможет быть другим. А я не могу быть с ним — таким, какой он есть...

— А если он изменится?..

— Нет, — Милена горестно покачала головой, — он не изменится.

— Но ты его любишь... Вы оба любите друг друга...

— Люблю... Но, лучше я буду любить, чем ненавидеть. Такая вот ситуация, Наташа. Судьба.

— Это неправильно... — Наташа покачала головой, — Неправильно...

— Не знаю... Но по другому не получится. А Прохоров... Конечно, всё это несерьёзно с его стороны... но, если бы ты знала... Если бы ты знала, какая тоска у меня на душе... — закрыв лицо ладонями, Милена судорожно вздохнула, — Я держусь... но, если честно, из последних сил. А вот эти два дня, что я провела с Андреем... Андреем Викторовичем... эти два дня меня буквально окрылили... Понимаешь?.. Это — как обезболивающее... пусть ненадолго, но боль ушла... Мне стало так тихо и спокойно...

— А, вдруг, он в тебя, действительно, влюбился?

— Кто?.. — Милена подняла полные печали глаза.

— Прохоров... Он совсем не похож на ловеласа...

— Это вряд ли. К тому же, у него есть женщина...

— Но почему тогда он не с ней все эти дни? Он же здесь по своим делам... скоро снова улетит, а проводит время не с ней, а с тобой?

— Я не знаю. Я стараюсь не думать об этом. Он не пристаёт... а мне с ним комфортно. Во всех смыслах — комфортно. К тому же, мы тоже скоро уедем, и останутся лишь приятные воспоминания.

— Ты и вправду изменилась за эти дни.

— Я и сама это чувствую. Если совсем откровенно, то до встречи с Андреем я не могла отвлечь себя. Я смотрела, как вы снимаетесь, а сама была где-то далеко... знаешь, я не могу не думать о Женьке... Я возилась с Валерой, разговаривала с тобой, с Димой, с твоими родителями... а все мысли были о нём... Я не знала, куда мне деться, мне нигде не было спасения, понимаешь? А он всё звонил и звонил...

— Ты так ему и не ответила?

— Ни разу... Сначала это получалось легко. Но потом приходилось делать невероятные усилия над собой... И тут — эта встреча. Знаешь, Андрей — это моё спасение. Хотя бы на эти последние несколько дней...

— Ну вот... — Наташа грустно улыбнулась, — Ты уже называешь его просто по

имени...

— Да, действительно... Я даже не заметила. Это получилось само собой...

— Но мы вернёмся, и ты снова встретишься с Женькой... Он всё равно к тебе придёт.

Как тогда?

— Мы не встретимся...

— Почему?

— Не знаю... Но в душе я чувствую, что сделаю всё возможное, чтобы наши пути больше не пересеклись.

...Проводив Милену, Наташа сама быстро переоделась в яркое летнее платье и, второпях поправив свои длинные волосы, выбежала на улицу. Диму с Валериком она нашла в длинной пальмовой аллее, примыкавшей ко двору пансионата — покормив Валеркиных «подопечных», те неторопливо прохаживались по дорожке и о чём-то серьёзно беседовали.

— Мама! — увидев её, ребёнок со всех ног бросился навстречу, — Папа сказал, сто я буду ходить на уроки по вокалу!

— Серьёзно? — присев на корточки, Наташа обняла малыша, — Папа сам тебя будет учить?

— У меня не получится, — Дима ответил за сына, — времени и так не хватает. Мне тут идея пришла в голову, нужно обсудить. Может, пойдём куда-нибудь? В кафе, например...

— Пойдём, — согласно кивнув, Наташа поднялась на ноги, — мне тоже нужно с тобой поговорить, при чём, срочно.

— В кафе!.. — подпрыгивая, Валерик радостно переводил свои синие-пресиние глазёнки с одного родителя на другого, — Мне — молозеное!

— О мороженом придётся забыть, — Дима привычно потрепал его белую пушистую макушку, — ты же видишь, мы с мамой мороженого не едим. Или петь, или мороженое лопать. Выбирай.

— А сегодня?.. — ребёнок расстроено наморщил бровки, — Я сегодня не буду петь!

— Ну, и что? — пряча улыбку, Дима развёл руками, — Певцы не едят мороженое, хоть поют, хоть нет.

— Дим, — Наташа укоризненно посмотрела на мужа, — ну, зачем ты его дразнишь?

— Ну, ладно, ладно, — рассмеявшись, тот поднял обе руки вверх, — сегодня можно! Только тебе и мне!

— А маме? — запрокинув голову, спросил Валерка.

— А у мамы завтра фестиваль, — скосив глаза на Наташу, съехидничал Димка, — ей мороженого точно нельзя!

— А я?.. И я хочу на фестиваль!

— И ты пойдёшь!

— А я хочу внизу смотлеть, в зале...

— Будем смотреть внизу, — Дима согласно кивнул.

— А ты меня на плечи возьмёс?

— Возьму!

— Показы — как?

— Вот хитрюга! — рассмеявшись вместе с Наташкой, Дима подхватил сына и, подняв над собой, усадил того к себе на плечи, — Вот так — нормально?

— Да! — счастливый Валерка обхватил ручонками шею отца, — Нолмально!

Воспользовавшись тем, что ребёнок довольно помалкивает на Димкиных плечах, Наташа решилась на разговор уже по дороге.

— Дима, я сказала Женьке, чтобы он срочно прилетал...

— Когда ты успела? — тот удивлённо посмотрел на жену.

— Позавчера. Он звонил Милене, но она не взяла трубку. Тогда он позвонил мне...

— И — что?

— Я сказала, чтобы он срочно прилетал... — Наташа осторожно подняла глаза на мужа, — Ты только не ругайся, ладно?.. Я знаю, что ты не любишь лезть в чужие дела... Но я не могла по-другому...

— Ну, сказала и сказала... А в чём проблема?

— А он не может улететь. Билетов нет на неделю вперёд.

— И?..

— И — всё... Я ничего не говорила ему о Прохорове, я просто сказала, чтобы он приехал поскорее. А у него не получается.

— Мы что-то можем сделать?

— Думаю, да... ты можешь позвонить Элеоноре, у неё есть свои каналы по билетам...

— Наташка, ты уверена, что я должен так поступить? Я, действительно, не люблю лезть в чужие дела, а уж решать чужие судьбы — точно не моё.

— Дима, я долго думала... У меня есть предчувствие, что Прохоров серьёзно запал на Милену.

— Наташа... И Милена, и Женька, и, тем более, Прохоров — все они взрослые, самостоятельные люди. Они сами знают, что им делать, а что не делать.

— Это Прохоров знает! — Наташа отчаянно забежала вперёд и схватила мужа за руку, — А Милена просто решила плыть по течению! Дима, пойми, что Женька без неё пропадёт... Понимаешь?! Он уже не поднимется, понимаешь?!

— Ну, почему ты так думаешь? Он — нормальный парень, талантливый музыкант, мозги работают. Пить не будет — всё будет нормально.

— Вот именно!.. Дима, вот именно!.. Чтобы всё было нормально, Милена должна быть рядом с ним! Она, возможно, проживёт без него... будет несчастлива, но — проживёт... А он без неё — нет! Он погибнет, вот увидишь!..

— Господи, Наташка... Как вы, женщины, любите всему придавать окраску! Ну, хорошо, хорошо... — увидев отчаянный взгляд жены, он смягчил тон, — Допустим, я договорюсь с Элеонорой, и он прилетит сюда. Ты уверена, что они помирятся с Миленой?

— Не уверена... Но это будет его единственный шанс... Димка, понимаешь?! Единственный!

— Да почему — единственный?!

— Потому... Мы с ней сейчас разговаривали... Мне показалось, что она готова на всё, лишь бы не вспоминать про Женьку. А всё только потому, что она его любит... Понимаешь?! Любит! Просто она боится, что он не изменится.

— В принципе... она правильно боится...

— Но он изменится!.. Дима, я его знаю!..

— Ты так просишь, что я даже не знаю, что делать, — усмехнулся Морозов, — нет, мне

не сложно позвонить Элеоноре... Просто я не знаю, имею ли я право вмешиваться в чужую жизнь... Тем более, что это ты просишь, а не сам Женька.

— Дима... — Наташка умоляюще сложила ладони, — Это будет долго... Пока я поговорю с ним, пока он перезвонит тебе... Зачем такие сложности?! К тому, же мы не будем лезть в чужую жизнь! Я могла бы придумать тысячу причин, чтобы оставить Милену дома с Валеркой, и она бы не отказалась. Я не стала этого делать, потому, что это будет самый настоящий обман... и вторжение в чужую жизнь... А я только прошу тебя помочь Женьке купить билет, и всё!

— Но через три дня мы уже прилетим домой! Что решат эти три дня?

— Решить всё может даже одна единственная сегодняшняя ночь... Дима, Женька должен быть здесь уже сегодня вечером.

— Сегодня?! — Морозов удивлённо посмотрел на часы, — Уже полдень... Когда он успеет прилететь?

— Успеет!.. Рейс в семнадцать десять... ты забыл?! Димочка... ну, если что, то скажем, что это я звонила Элеоноре! Я, ведь, и вправду могу ей позвонить сама, и она мне не откажет! Просто я не хочу это делать за твоей спиной. Но для дела... для дела валите все шишки на меня! Пусть Милена меня ругает... Мне не привыкать...

— Наташка... — Дима неожиданно рассмеялся, — Знаешь, кто ты? Ты — велика собирательница шишек!

— Ну, и пусть... Ди-и-и-м... Звони...

— Ну, хорошо, — снова повторил он, — допустим, прилетит Жека... А Милены всё равно нет...

— Мы что-нибудь придумаем... Димочка!.. — Наташка машинально схватила Валеркины ноги, свисавшие Димке на грудь, — Пусть он только сядет в самолёт!.. А мы тут что-нибудь придумаем!..

— И это вместо того, чтобы готовиться к завтрашнему выступлению, — сняв сына на землю, тот достал из кармана брюк телефон, — кстати, за него заплатил Прохоров... А мы ему такую подставу готовим...

— Если честно... То ради того, чтобы Женька помирился с Миленой, я готова отказаться от выступления на фестивале. Так что, пусть валят всё на меня.

— Нет уж, — Дима пальцем «крутил» номера в телефонной книге своего мобильного, — пусть лучше меня побьют... Главное, чтобы сейчас Элеонора ответила...

* * *

Когда Андрей Викторович назначал время, Милена подумала, что на вечер у него другие планы, и поэтому сегодняшняя, третья по счёту, прогулка на его яхте состоится не ближе к вечеру, как вчера и позавчера, а в полдень. Это обстоятельство её даже обрадовало: несмотря на его джентльменское отношение, с наступлением темноты она ощущала некоторое замешательство... Южное звёздное небо, море, шелест волн — всё это было настолько красиво и романтично, что невольно навевало мысли о возможных намерениях стоявшего рядом с ней мужчины... и оба раза она с искренней благодарностью смотрела на него при прощании... благодарностью за то, что их отношения снова остались чисто дружескими.

Прохоров оказался самым настоящим джентльменом. За обе довольно длительные

прогулки он не сделал Милене ни одного недвусмысленного намёка, более того — он даже не дотронулся до неё и пальцем, не говоря уже об объятиях, которых она опасалась и, как оказалось, совершенно напрасно. Поэтому сегодня она совершенно безбоязненно приняла его очередное приглашение и, покинув пансионат, смело уселась в ожидавшее её авто.

Она даже взяла с собой купальник! Ещё вчера она и не подумала бы загорать вместе с Прохоровым на одной палубе... Впрочем, он и не предлагал, видимо, не желая оказаться в пикантной ситуации. В её присутствии он не позволял себе разгуливать по палубе даже в шортах, а был в лёгких светлых брюках и светлой летней рубашке навыпуск, застёгнутой на все, кроме верхних двух, пуговицы.

Но сегодня она всё-таки положила купальник в сумочку...

«Почему бы и нет?.. Провести три дня на такой шикарной яхте и не позагорать?.. Если он предложит, то отказываться будет глупо...»

Ещё в машине она отметила для себя его какое-то необычное настроение — оно было несколько приподнятым, и, в то же самое время, в нём улавливалось едва заметное волнение. И одет он был как-то торжественно — абсолютно белый летний хлопчатобумажный костюм явно молодил пятидесятилетнего мужчину. Подаренный же при встрече букет из алых роз был настолько шикарным, что некоторые мысли упрямо закрадывались ей в душу с самой первой минуты сегодняшнего свидания.

— Миленочка, — взойдя вместе с ней на палубу, Андрей Викторович внезапно повернулся к ней всем корпусом и впервые за всё время взял её за обе руки, — у меня к вам огромная просьба.

— Просьба?! — она удивлённо подняла на него карие глаза.

— Да, просьба. Давайте спустимся сразу в каюту. Не беспокойтесь, — увидев, как округляется её взгляд, он улыбнулся и слегка покачал головой, — это совершенно ненадолго. У меня к вам есть небольшой, но очень важный разговор.

— Хорошо, — улыбнувшись в ответ, она пожала плечами, — как скажете.

Спустившись в каюту, Милена увидела, что стол, за которым они обычно ужинали, ещё не накрыт, но бутылка дорогого шампанского и два бокала служили верным признаком того, что повод для разговора, действительно, серьёзный и торжественный.

— Вы, наверное, подумали, что можно было бы поговорить и на палубе, — пригласив её к столу, Прохоров присел напротив, — но на палубе очень шумно... а то, что я скажу вам сейчас, говорится в тишине...

— Я слушаю вас... — она смотрела на него слегка растерянно, даже в глубине души боясь признаться себе самой, что догадывается о смысле этого разговора.

— То, что вы сейчас услышите, я готов был сказать уже в первый наш вечер... — несмотря на его видимое спокойствие, Милена поняла, что её спутник очень взволнован, — но я подумал, что вы должны ко мне хоть немного привыкнуть.

— Привыкнуть? Зачем?.. — удивлённая полуулыбка так шла ей, что мужчина замороженно смотрел на неё ещё несколько секунд, прежде чем ответить.

— Чтобы не сказать сразу «нет». Милена, — он ещё немного помолчал, — я предлагаю тебе руку и сердце.

— Мне?! — она догадывалась, что услышит что-то подобное... Но, услышав,

окончательно растерялась.

— Да, тебе, — он так естественно перешёл на ты, что она даже не заметила этого, — я хочу, чтобы ты стала моей женой.

— Но мы с вами почти не знакомы...

— Мне хватило одного единственного вечера, проведённого с тобой, чтобы всё узнать о тебе.

— Да?.. Но я ничего не рассказывала о себе... — в глубине души мелькнула мысль, что, вместо того, чтобы отказать решительно и бесповоротно, она выясняет какие-то обстоятельства...

— Мне не нужно было слышать твой рассказ. Мне достаточно было твоего молчания...

— Это как в стихотворении... Кажется, Андрея Дементьева... да? — она подняла на него свои огромные карие глаза, — «Но ещё гениальнее слушали вы»...

— Именно, — он не спускал с неё своего пронизательного взгляда, — ты слушала меня так, как не слушал никто другой.

— Вы считаете, что этого достаточно, чтобы сделать предложение? Но вы даже не знаете, свободна ли я...

— Знаю, — он улыбнулся, — я уже всё знаю о тебе... И даже то, что ты не медсестра, тоже знаю.

— Откуда? — она слегка смутилась, — Откуда вы знаете?

— Милена, — он накрыл ладонью её руку, и она снова удивилась себе, даже не подумав её убрать, — выслушай меня. Выслушай внимательно, прежде чем что-либо ответить. Мне пятьдесят лет. Я не женат... моя жена умерла чуть больше года назад... дети мои давно живут своей жизнью... Я не всемогущ, но многое мне под силу. Например, узнать всю подноготную... нет-нет! — он весело помахал рукой из стороны в сторону, — Я не запрашивал твоё досье и не выяснял мельчайшие подробности твоей жизни! Мне было достаточно узнать, что ты в разводе, и живёшь одна. Ну, и что ты не медработник, а воспитатель...

— Простите меня за этот обман, — она снова смутилась, — но, иначе я не смогла бы вам помочь... вы просто не приняли бы мою помощь.

— Я прошу тебя называть меня на ты... Это — во-первых... А, во-вторых, я счастлив, что в тот вечер встретил тебя... и благодарен за твою помощь.

— Мне, правда, неловко...

— Я, действительно, счастлив. Милена... я ещё раз прошу тебя: выходи за меня замуж. Я понимаю, что тебе сложно сразу принять решение... И, скорее всего, сейчас ты думаешь, как бы вежливее отказать... Я всё понимаю. Но прошу вот именно сейчас ничего не говорить. Давай сделаем так... До вечера просто побудем вместе. Всё то же самое, что и вчера... Я расскажу о себе. Отвечу на все твои вопросы, если ты захочешь о чём-нибудь спросить... Независимо от твоего решения, всё будет, как и вчера... солнце, закат... морская прогулка... ужин.

— Когда я должна сказать вам свой ответ?

— Когда захочешь... Ты можешь уйти в любое время... но я был бы счастлив, если бы ты осталась со мной до следующего утра... и на всю жизнь. Пусть тебя не пугает разница в возрасте. Ты получишь всё, что должна иметь такая женщина, как ты. Ты можешь сказать «нет» прямо сейчас и уйти сразу — мы ещё не отчалили. Но я прошу остаться и подумать. Что ты скажешь?

— Я... — она вдруг снова подумала, что за всё время, проведённое с Прохоровым, практически ни разу не вспомнила о Журавлёве, — Я останусь... и подумаю...

Новые попытки заполучить заветный билет до Адлера оказались безрезультатными, и даже его обаятельная улыбка в этот раз оказалась не всемогущей. Журавлёв даже представить себе не мог, что может возникнуть такая ситуация — всю свою творческую жизнь, а, особенно в последние три года, он без конца летал самолётами — на гастроли, на отдых, но никогда не сталкивался с подобными трудностями. Впрочем, всему находилось объяснение: летая на отдых, все заботы о билетах и прочей сопутствующей «ерунде» он неизменно поручал своим спутницам — пару раз это была Настя, в остальных случаях — «дежурная» поклонница или девушка из творческой аудитории. На гастролях было ещё проще — всем заведовала Элеонора, концертный директор «Ночного патруля».

Ехать поездом ему даже не пришло в голову, да и не было смысла — он успевал лишь на последний день пребывания Милены в Сочи. Какой прок трястись туда около двух суток, если она к тому времени уже вот-вот вернётся в город...

Несмотря на Наташкино отчаянное «приезжай, как хочешь», Женька практически свыкся с мыслью, что это ему не удастся. Но сегодняшний сон снова растревожил его, было, улёгшуюся душу...

Приснилась ему не Ленка.

...Настя... Она шла по берегу моря, оставляя за собой отпечатки босых ног на влажном песке, но набегающая волна тут же смывала её следы. Она шла молча, уверенно, как будто точно знала, куда и зачем идёт. Ему не хотелось ни окликать её, ни догонять... Он лишь молча смотрел ей вслед, а она всё шла и шла... В какой-то миг, остановившись, Настя обернулась к нему всем корпусом... Она была от него довольно далеко, но он отчётливо расслышал её слова.

«Никогда не ходи за мной! — Настя подняла руку и, показывая на бескрайнее морское пространство, сделала ею полукруг в воздухе, — Иди туда!..»

Она снова повернулась к нему спиной и пошла дальше, снова что-то сказав ему на ходу, но теперь её слова были едва различимы в шуме прибоя...

«Не опоздай!» — ему послышалось?.. Или она сказала именно это?.

Повернув голову в сторону моря, он неожиданно увидел недалеко от себя маленького мальчика, одиноко стоявшего на берегу, лицом к воде.

«Валерка, что ты здесь делаешь?.. — в свете яркого солнца волосы мальчика казались очень светлыми, и Журавлёв решил, что это — сын Наташки и Димы, — А где мама с папой?»

«Я не Валера, — повернувшись, ребёнок внимательно смотрел на него большими карими глазами, — а моя мама — там!»

Журавлёв снова устремил взгляд туда, куда указала детская ручка: где-то в морской дали, едва различимое на линии горизонта, виднелось судно белого цвета. Казалось, что оно не плывёт, а стоит на месте...

«Почему ты не с мамой?»

«Я буду с ней потом».

«А где твой папа?»

«Пока не знаю...»

Проснувшись, Женька добрую половину утра находился под впечатлением этого сна. Приснившийся мальчуган был до боли похож на Милену — каждой чёрточкой своего трогательного детского личика, а особенно глазами... Чем больше Журавлёв вспоминал этот сон и этот взгляд, тем больше закрадывалась в душу какая-то непонятная тревога...

Неожиданно для самого себя, около полудня, он собрался и, запрыгнув в свой «ровер», выехал со двора родительской дачи в направлении соседнего посёлка.

Отца Александра дома не оказалось — вышедшая на крыльцо Юля сказала, что он ещё не вернулся с утренней службы.

Ударив по газам, Журавлёв пролетел вдоль улицы и, свернув в самом её конце направо, остановился у церковного подворья. Оглядевшись, решительно взбежал на крыльцо и потянул на себя ручку высокой резной двери.

— Батюшку-то? — на его вопрос, где найти отца Александра, пожилая женщина в белом платочке, повязанном назад, ответила очень приветливо, — Он сейчас подойдёт. Только ты, сынок, вернись да снова войди.

— Зачем?! — Женька недоумённо уставился на прихожанку.

— Так перекреститься ж забыл... В храм без креста не входят.

Выскочив снова на улицу, Журавлёв уже приготовился неумело перекреститься, как услышал знакомый голос.

— Добрый день! — отец Александр торопливо приближался к нему со стороны церковной лавки, расположенной тут же, на подворье, — Вот уж не ожидал!

— Добрый... — едва поздоровавшись, Женька шагнул ему навстречу, — Слушай, можешь меня благословить?

— Благословить? — радушно улыбаясь, тот подал руку, — На доброе дело — чего ж не благословить?

— Да я не знаю, насколько оно доброе... — смутившись оттого, что в спешке не подал первым руку, Журавлёв крепко пожал протянутую священником ладонь, — Но точно, что не злое.

— Что ж за дело у тебя?

— Понимаешь, сон мне приснился... — Женька уже не в первый раз ловил себя на том, что, общаясь с отцом Александром, испытывает потребность говорить предельно искренне, не утаивая никаких подробностей, — Очень странный сон. Теперь покоя нет... одно чувствую — надо срочно ехать.

— Снам верить не стоит, — заложив руки за спину, священник чуть склонил голову вбок, — простым смертным не дано понять истинной сути посылаемых сновидений. Потому, как посылать их может не только Господь, но и дьявол.

— Нет... — Женька покачал головой, — Дьявол такого точно не пошлёт...

— Если бы всё было так просто...

— Но я всё равно чувствую — нужно ехать. Никогда такого не было, как сейчас. Благослови?.. Знаю, что некрещёный... Но, может, в порядке исключения?

— Ну, что ж... благословить можно, — задумчиво улыбаясь, произнёс отец Александр, — только — на что?

— Мне к ней нужно. К любимой женщине. Она сейчас на юге, а билетов туда нет... Я её теряю... понимаешь?.. Совсем теряю.

— Так ты думаешь, от благословения билеты появятся? — добродушно рассмеялся священник.

— Не знаю... — Женька отчаянно посмотрел тому в глаза, — Я так чувствую... Понимаешь?.. Я что хочешь сделаю... С машиной снова помогу, пожертвую что-нибудь... Не знаю, что...

— Господь с тобой, — уже более серьёзно ответил отец Александр, — благословение — не товар, у него цены нет.

— Прости... — догадавшись, что сморозил глупость, Журавлёв пожал крепкое плечо под рясой, — Прости, сказал, не подумав...

— Господь простит, — кивнул священник, — а я вижу, что всё у тебя серьёзно...

— Серьёзнее некуда.

— Ну, что ж, — священник положил левую ладонь на Женькину голову, а правой перекрестил его, — благослови тебя Господь! А от себя скажу: удачи!

— Спасибо! — тот протянул руку для рукопожатия, — Вот не поверишь, а надо мне это было — и всё! Душа сама просила.

— Во славу Божью, — отец Александр ещё раз перекрестил Журавлёва, — езжай с Богом.

— И ещё прости, что не называю тебя никак... Надо бы «святой отец»... А мне хочется по имени...

— Так зови, как душа прикажет. Имя моё знаешь. Можешь — Саша, можешь — Саня, — совсем просто рассмеялся отец Александр, — мы же, вроде, уже друзья.

— Не... Саня — нет, — в ответ рассмеялся Женька.

— Чего ж так?

— У меня уже есть друг — Саня... По святости твоя полная противоположность. Язык не повернётся тебя Саней назвать. Буду звать Саша.

— Ну, вот и замечательно.

— Минуту! — сделав жест рукой, Женька вытащил из кармана сигналивший телефон, — Да, Наташа! Привет... Элеонора?! Да без проблем, я как раз на машине... Наташка, приеду — расцелую, куда хочешь!

— Хорошие новости? — с добродушной улыбкой выслушав монолог Журавлёва, священник поднял на него свой лучистый и в то же время пронизательный взгляд.

— Не то слово, что хорошие! — тот и сам сиял, как медный таз, — Сейчас еду за билетом! Вечером улетаю... Прикинь?!

— Ну, и с Богом!

— А ты говорил, благословение не поможет!.. Помогло ведь, Сашка!.. Помогло!..

Слегка перегнувшись через металлические перила, Милена пыталась всмотреться в волнующуюся, тускло отражающую палубный свет, воду. Андрей Викторович ненадолго покинул её, чтобы отдать распоряжение «капитану». Стоя в одиночестве, она уже в который раз за сегодняшний день перебирала в памяти события последних трёх дней.

«Ты — моя судьба. Я понял это, как только увидел тебя в самый первый раз».

Судьба... Она и сама уже склонялась к этой мысли. Столько неожиданных совпадений... И то, что Морозовы внезапно позвали её с собой... И то, что Валерик захотел спеть свою песенку на концерте вместе с мамой... И то, что их отправили домой на машине Прохорова... И даже эта неожиданная пробка на дороге и его, Андрея, болезнь, которой приспичило обостриться именно в тот момент, когда он находился в гостях у своей давней подруги инкогнито... и именно в тот момент, когда в его собственном авто ехала она — Милена...

Лера... Сегодня он всё рассказал о себе. Лера — его первая любовь... Когда-то она предпочла Прохорову его собственного друга... Со временем она сильно пожалела, но разводиться не стала — к тому времени Андрей уже тоже был женат. Судьба развела их по разным городам, но, прилетая в южный город, он всегда встречался с Лерой... Об их встречах знали и молчали абсолютно все... Все, включая и её мужа. Дружба с Прохоровым у того сошла на нет — по причине, известной им обоим. Не вступая в открытый конфликт, высокопоставленный супруг Леры терпеливо переносил эти свидания своей жены со своим бывшим товарищем... Причиной такой, на первый взгляд, не свойственной мужчинам мягкотелости, была его необыкновенная по своей силе любовь к жене, подстёгиваемая её собственным равнодушием к нему, как к мужчине. Здесь было всё: и страх, что она когда-нибудь его оставит, и благодарность за то, что до сих пор не оставила... Лера не была ни Золушкой, ни бесприданницей, поэтому разрыв с супругом ей мало чем грозил — и морально, и материально, и этот фактор тоже играл решающую роль в его всепрощении. Она не была от него зависима, и, тем не менее, его не бросала, возможно, именно потому, что никогда не услышала от него ни одного оскорбительного для себя слова.

Это была самая настоящая трагедия. Трагедия двух семей, которые изначально не были счастливы, но не распадались — каждая по своим причинам... Трагедия, от которой все они ужасно устали, но прекратить которую ни у кого не хватало сил...

...Об отношениях Прохорова с Лерой, которая занимала довольно высокое положение в обществе не только благодаря своему мужу, но и своей собственной должности, знали все, кто входил в круг их друзей и знакомых — и в Сочи, и в городе Прохорова, но тема их отношений уже давно горячо не обсуждалась: все привыкли, и делали вид, что ничего не происходит. И, хотя сплетен ему не доносили, а его собственная супруга, как и муж Леры, предпочитала тихое молчание разводу, Андрей догадывался, что о его второй личной жизни знают все. Тем не менее, он никогда не компрометировал свою любовницу и, посещая её в отсутствие мужа, отказывался от охраны и отпускал свой автомобиль, чтобы тот не «светился» возле её дома — помимо общего с супругом, у неё был свой собственный дом, куда она время от времени уезжала без прислуги и повара. Впрочем, в последние годы эти встречи стали более редкими, а после смерти жены Андрея Викторовича, как ни странно,

практически сошли на нет...

Но в этот раз, узнав, что во время его визита в Сочи супруг Леры на несколько дней «улетел на объекты», Прохоров, впервые за последний год, решил нанести ей визит. Что спровоцировало приступ — обильный ужин, желание показать былую прыть в постели, или то и другое?.. Теперь это было уже неважным.

Именно благодаря этому приступу он встретил Милену... Она в один миг перевернула всю его жизнь. Увидев её, он больше не мог думать ни о ком и ни о чём... Даже не зная о ней абсолютно ничего, он уже понял, что она — именно та женщина, которую он ждал всю свою жизнь.

Наташа?.. Нет... Пусть она, Милена, не думает, что довольно зрелый мужчина, пользуясь своим положением, решил развлечься с молоденькой певичкой, и поэтому устраивает ей концерты и оплачивает участие в фестивалях. Всё не так. Наташа — очень талантливая певица, которую он запомнил девочкой, участвовавшей в конкурсе... Она, действительно, очень талантлива, и он, как неплохой знаток музыки, считает своим долгом помогать таким одарённым людям. Нет, Наташа — всего лишь девочка, которой он хочет искренне помочь.

...Он рассказал ей о себе абсолютно всё. Она не спрашивала из деликатности, но он говорил так ненавязчиво и искренне, что в конце его рассказа она подумала, что и спрашивать уже не о чем — вся его жизнь была у неё перед глазами.

...Она обещала дать ему ответ, как только на небе загорится первая звезда... Она сама так придумала, настолько романтичным было его предложение, и этот день, и этот вечер — всё было поистине волшебным, что и ответ подразумевал под собой какие-то волшебные обстоятельства...

«Наверное, я скажу ему «да»...»

Она уже знала, что скажет ему «да», когда говорила про первую звезду... Другого ответа быть не может. Отказ может прозвучать без каких-либо условностей. Сказать «нет», когда загорится первая звезда?! Это жестоко по отношению к нему... Он такого не заслужил.

Да, она не любит его... Но она всё равно никогда и никого не полюбит.

Никогда.

Никого.

Но с ним она будет иметь всё, о чём мечтает любая женщина...

Он порядочен. Не скуп. У него хорошее чувство юмора...

Он всё ещё красив, несмотря на возраст... Он ещё долго будет привлекателен, как мужчина. Она привыкнет... К нему легко будет привыкнуть.

И его должность... В конце концов, она слишком высока, чтобы не учитывать это обстоятельство.

И главное: он её любит. Он устал от прошлого — это сквозит в каждом его слове... Он говорит, что, наконец-то, встретил своё будущее.

Она, наконец-то, сможет родить ребёнка... Возможно, сможет. С ним это будет не страшно.

Да, она не любит его.

Но, если ей суждено остаток своей жизни провести с нелюбимым человеком, то пусть

это будет именно о н...

И он прав. Это — судьба.

* * *

— Жень, ты не волнуйся... — наливая ему в чашку свежий чай, Наташа уже в который раз посмотрела на часы, — Она скоро уже придёт... Она всегда в это время возвращается.

Сидя в номере у Морозовых, Журавлёв что-то нервно выстукивал носком туфли по полу. Он прилетел полтора часа назад, и, взяв такси, приехал к ним в пансионат. По дороге он пробовал дозвониться до Ленки, но её телефон был вне зоны доступа. Он предполагал, что её не окажется в номере... но время приближалось к одиннадцати вечера, а она так и не вернулась с прогулки.

— Наташа, скажи честно, у неё здесь кто-то появился? — сделав небольшой глоток, Женька отставил чашку.

— Ну, что же ты?.. — глядя, как Наташа нерешительно кусает губы, не зная что ответить Журавлёву, Дима, как обычно, поставил локти на колени и сцепил пальцы рук, — Давай, рассказывай... Заварили кашу, будем расхлёбывать.

— Жень... — та, наконец, подняла глаза на гостя, — И да, и нет.

— Как это? — приподняв брови, так, что над ними образовались продольные складки, Женька положил на стол локти и, чуть наклонившись вперёд, посмотрел на Наташку.

— Она очень понравилась одному человеку...

— Кому?

— Какая разница?.. Жень, не он ей понравился, а она — ему...

— И?..

— Между ними ничего серьёзного нет, во всяком случае, со стороны Милены.

— Наташка... — Журавлёв не сводил с неё пристального взгляда, — Она со мной рассталась. У неё передо мной никаких обязательств... Поэтому говори мне всё, как есть. А я буду решать, что делать.

— Она уже вот-вот придёт! — Наташа махнула рукой в знак успокоения, — И сама тебе всё расскажет... Сейчас, ты только подожди, хорошо?..

Прошли ещё полчаса томительного ожидания, а Милена всё не возвращалась. Телефон её по-прежнему был то ли отключен, то ли вне зоны доступа. Испуганно поглядывая то на Женьку, то на Диму, который, заразившись нервозностью, тоже сидел, постукивая носком тапочка по тёмно-синему ковровину, Наташка кусала свои красивые губки в ожидании взбучки за «заваренную кашу».

— Если что, я позвоню е м у... — не выдержав нависшего молчания, она решительно встала и взяла в руки телефон, — У меня есть его номер. Надеюсь, он симку не меняет...

— Ему — это кому?.. — Женька бросил на неё пытливый взгляд.

— Ну, этому... с кем она... гулять пошла...

— Ну, всё... — хлопнув ладонями по коленям, Морозов тоже решительно встал, — Что

мы, как маленькие дети, в конце концов?.. Женя, — зачем-то взяв у жены из рук телефон, он повернулся к Журавлёву, — Это Прохоров. Милена, действительно, просто приняла его приглашение прогуляться, и не более того. Но у него, кажется, намерения более серьёзные. Поэтому я предлагаю сделать так... Сейчас Наташка набирает его номер и просит позвать Милену. Но говорить с ней будешь ты. По-моему, это единственный вариант...

— Давай! — с ходу кивнул Женька и тоже было поднялся из-за стола, но вдруг, как будто о чём-то вспомнив, на мгновение замер и снова рухнул на стул, — Нет. Так нельзя. Вы подставьте себя перед Прохоровым. Вернее, я подставлю вас...

— Мы подумаем об этом потом, — Морозов поймал Наташкин взгляд, — звони!

Пока Наташа искала номер Прохорова, и Журавлёв, и Морозов не сводили глаз с заветного телефона, как будто от этого звонка, действительно, зависела судьба всех троих.

— Недоступен... — Наташка обвела растерянным взглядом парней, — Здесь очень плохо со связью... Не все операторы принимают... В городе ещё ничего, а вот...

— Что — вот?.. Где она?.. — Женька снова уставился на неё как удав, — Говорите уже всё, как есть...

— Скорее всего, они в море, на яхте. Или...

— Что — или?! Где?!

— Подожди... — Наташа сделала жест ладонью и посмотрела на дисплей, — Кто-то звонит... номер засекречен... Да! Добрый вечер, Андрей Викторович... Что?.. До утра? Подождите... Вы не могли бы дать трубочку Милене? Буквально на одно слово...

— Ленка!.. — рванувшись к ней, Женька буквально вырвал телефон из её руки, — Лена!.. Алло!.. Слышишь меня?! Лена!..

— Дай!.. — Наташа снова отняла у него телефон, — Алло!.. Милена!.. Андрей Викторович!.. Алло!.. Отключились... — она растерянно посмотрела на Журавлёва, потом на мужа, — мальчишки... они отключились...

— Дай, я ему позвоню! — Женька снова решительно протянул руку, — Наташка, дай!..

— Ты не позвонишь, — она грустно покачала головой, — номер засекречен.

— Что он тебе сказал?!

— Он... Он сказал, что крадёт Милену до утра... пожелал нам доброй ночи и передал трубку ей. Она тебе так ничего и не сказала?

— Нет.

— Как ты думаешь, она тебя услышала?

— Судя по всему, да... Она просто не стала разговаривать.

— Что теперь делать?.. — Наташа всё ещё смотрела на телефон, как будто ожидая, что он снова зазвонит.

— Где эта его яхта?

— Я не знаю... Возможно, у его базы отдыха... А, может, и в другом месте.

— Что за база?.. Где?..

— Его личная, vip-база. В сторону Лазаревского.

— Я у вас сумку оставляю... — Женька размашисто шагнул к входной двери.

— Постой, — взяв со стола свой телефон, Дима двинулся следом, — я с тобой.

— Не надо, Дима... Я сам.

— Что значит — сам?! — Наташка не менее решительно потянула пояс халатика, — Отвернись!

— Зачем? — отвернувшись, хмуро спросил Женька.

— Я переоденусь, — скинув халат, она тут же открыла шкаф и достала оттуда джинсы и футболку. Молниеносно надев всё на себя, скрутила сзади волосы в тугий узел и заколола шпильками.

— Вы что, со мной собрались?

— Так ты всё равно не знаешь, где его база, — усмехнулся Дима, невольно любясь стройным телом жены, — я тебя одного не отпущу, а уж её — тем более. Так что пропадать будем все вместе.

— А Валерка? — не совсем уверенно привёл последний аргумент Журавлёв.

— Он в номере родителей, они уже спят, — управившись за две минуты, Наташа уже стояла у дверей, — ну, что, вперед?..

— Сейчас, — как будто вспомнив о чём-то, Дима достал телефон, — только такси вызову!

* * *

Она снова не заметила, когда и кто мог накрыть стол в каюте — спустившись вниз, чтобы поправить растрепавшиеся от вечернего ветра волосы, она уже не в первый раз за этот день с удивлением обнаружила, что, кроме шампанского, которое они почти не пили, на столе появились закуски, но уже не те, которые были в обед и ужин. Милена всё время казалось, что на судне они находятся втроём — она, Андрей и «капитан». Но парень всё время не отходил от штурвала, и, совершив обычную морскую прогулку, поставил яхту к причалу, затем попрощался с хозяином и Миленой и сошёл на берег.

«Значит, стол накрывал Андрей, когда я днём дремала в шезлонге, а вечером ходила в душ», — улыбнувшись, Милена отметила, что про себя она уже называет своего спутника по имени.

Сам он опять куда-то отлучился, и, глядя на лунную дорожку, расстелившуюся вдоль тёмной глади, она вдруг услышала знакомый звук — кто-то запустил мотор. Почти тут же судно снова отчалило от берега. Милена быстро поднялась наверх и, пройдя по палубе в рубку, удивлённо замерла: у штурвала стоял сам Прохоров.

— Я совсем недалеко, — увидев её, он радостно улыбнулся, — чуть отплывём, и всё. Иди сюда?..

Она осторожно подошла к нему и стала сбоку. Ночное море завораживало не меньше, чем дневное, и, в отличие от дневного, казалось поистине бесконечным. Милена вдруг подумала, что теперь она часто будет совершать такие прогулки... Теперь у неё будет всё... Даже то, о чём не смеет мечтать обыкновенная женщина... Рядом с таким мужчиной можно быть уверенной во всём.

Она ему ещё не сказала «да». Но она согласилась остаться до утра... Она скажет «да» за ужином. Пусть всё будет красиво... Теперь в её жизни всё будет красиво!

Как будто прочитав её мысли, Андрей Викторович обнял одной рукой её за талию... Это было первое объятие, которое он позволил себе за эти три дня. Его рука показалась ей

на удивление лёгкой. Вдруг он повернулся к ней и, прижав покрепче, другой рукой пригладил её волосы...

...Когда он начал её целовать, она не почувствовала ничего — ни малейшего отклика в душе. Ей запомнился только слабый запах дорогого мужского парфюма. Она даже удивилась про себя — видимо, он улучил момент и успел посетить душевую кабину...

Никаких ответных чувств поцелуй не вызвал, но она радовалась уже тому, что он не был ей неприятен. Она даже попыталась положить ему руки на грудь, изобразив тем самым ответные объятия.

— Можно, я буду звать тебя Лена?

Она вдруг почувствовала, как внутри что-то сильно обожгло...

— Нет!.. — она как-то слишком поспешно избавилась от его рук и губ.

— Что-то не так? — он немного растерянно улыбнулся.

— Нет... — почувствовав неловкость, Милена замотала головой, — Всё хорошо. Только... Не надо называть меня так.

— Как ты хочешь, чтобы я тебя называл? — он не стал выпытывать причины её отказа.

— Как угодно, только не Лена.

— Тогда я буду звать тебя полным именем. Оно мне очень нравится.

— Хорошо, — кивнув, она снова улыбнулась.

— Мне так нравится, когда ты улыбаешься... — он снова привлёк её к себе и начал целовать. Она не отвечала на его поцелуи, лишь позволяя ему касаться губами её губ, щёк, шеи... Когда его губы коснулись её плеча, она почувствовала, как с него съезжает узкая лямка сарафана... В тот же момент его рука, скользя от талии вверх, сжала грудь: сначала слегка, а потом довольно крепко... Невольно отстранившись, Милена поправила лямку на плече. Несмотря на её движение, мужчина и не думал убирать руки с её тела.

— А зачем мы снова отошли от причала? — смутившись, она не смогла поднять на него глаз.

— Мне показалось, так будет романтичнее, — он перевёл дыхание и нехотя убрал руку с её груди, — видишь — берег совсем близко... Но на него не сойти. Мне захотелось остаться вдвоём с тобой. Чтобы никто не смог нас потревожить...

— Мне... мне нужно позвонить, — она вдруг нахмурилась, вспомнив, что не предупредила Морозовых о том, что не вернётся до утра, — меня будут ждать и волноваться, а мой телефон здесь не берёт...

— Это не проблема, — он улыбнулся уголком губ, — идём в каюту. Позвоним с моего.

— У вас есть связь?.. — она обрадовалась, что сможет позвонить Наташе.

— Спецсвязь, — всё так же, улыбаясь, уточнил Андрей Викторович, — идём.

— Спецсвязь?! А не заругают?.. — она спросила это машинально и как-то по детски, даже не сообразив, насколько уместен этот вопрос.

— Кого?! Меня?! — он расхохотался так заразительно и по-молодому, что Милена невольно рассмеялась вместе с ним, — Миленка, ты — прелесть!.. Это будет первый анекдот из нашей с тобой жизни!

Глядя на то, как он искренне смеётся, Милена ощутила, как что-то тёплое растекается

внутри неё, снимая последнюю скованность перед этим симпатичным во всех отношениях человеком.

Поставив яхту на прикол, он за руку провёл её вниз, в каюту и, достав откуда-то телефонную трубку, протянул ей.

— Набирай номер, а поговорю я сам.

Слушая, как он буквально в двух словах объяснился с Наташей, Милена уже в который раз за этот вечер подумала, что надёжнее, чем Андрей, в её жизни вряд ли кто-нибудь встретится.

— Тебе хотят что-то сказать, — он неожиданно протянул ей трубку.

— Да... — она ожидала, что услышит голос Наташи... она могла предположить, что услышит голос Морозова...

«Ленка!..»

Нет. Этого не может быть... Этого просто не может быть!..

Это был голос Журавлёва... Откуда он здесь?!

Зачем он здесь?!

Может, она ошиблась?.. Может, это был Дима?..

Нет... Так называть её мог только один человек на всём белом свете. Это бы его голос!..

Так нельзя!.. Это нечестно!.. Она уже почти успокоилась... Она нашла лекарство от этой болезни!..

Если она ответит ему, всё начнётся сначала...

Н е т!

Всё это пронеслось у неё в голове с невероятной скоростью — она даже ещё не успела нажать на отбой.

Он что-то ещё крикнул в трубку... но его голос внезапно оборвался — нажимая на клавишу, Милена подумала, что нажимает на курок...

— Что с тобой? — заметив, как она изменилась в лице, Прохоров озабоченно нахмурился, — Что-то случилось?

— Нет, — Милена постаралась изобразить улыбку, — всё в порядке!

— Мне показалось, что...

— Всё в порядке. Спасибо.

— За что?!

— За звонок. Теперь никто не будет переживать за меня.

— Я буду всегда переживать за тебя... — его руки снова сомкнулись у неё на талии, — Даже когда ты будешь рядом.

Снова оказавшись в его объятиях, она вдруг поняла, что сейчас случится то, что окончательно разорвёт ту нить, которая всё ещё связывала её с Женькой. Она уже когда-то поступила точно так — просто заменила память о нём другим мужчиной. Счастья это не принесло, но на целых семь успокоило.

— Знаешь... я очень тебе благодарна... — по его шумному дыханию и силе, с которой он сжимал её тело, можно было догадаться, что все эти дни он просто сдерживал себя, не давая воли чувствам.

— За что?.. — уткнувшись губами в её шею, он машинально задал этот вопрос, не вдаваясь в смысл сказанных ею слов.

— Мне больно... — она подумала, что, такой деликатный до этой минуты, Андрей в порыве страсти совершенно не рассчитывает силы.

— Я хочу тебя прямо сейчас... — он произнёс эти слова каким-то низким голосом, с придыханием, в промежутке между поцелуями — Милена почувствовала, что её шея буквально горит от прикосновений его губ. Почему-то сейчас он целовал только её шею... Его рука соскользнула с её талии вниз и, съехав по бедру, снова устремилась вверх — задирая подол её розового воздушного сарафанчика и норовя проникнуть под тонкую кружевную ткань белья... Почувствовав его ладонь на интимной части своего тела, Милена едва не ударила его по руке, но, потом, решив, что нужно идти до конца, обречённо прикрыла глаза.

Распалаясь всё больше, мужчина сделал шаг вперёд — Милена не успела шагнуть вместе с ним и потеряла равновесие. Она не упала — крепко сжимая её тело, Прохоров упрямо сделал второй шаг по направлению к двери. Милена поняла, что он хочет увести её в другую каюту. Она не ошиблась — тяжело переступая широко расставленными ногами, он тащил её, как добычу, по небольшому коридорчику, а она едва успевала перебирать ногами, поневоле пятясь назад... Когда он резко остановился, Милена кое-как оглянулась — каюта, к которой так стремился Андрей, была настоящей спальней, с довольно широкой кроватью и большим настенным зеркалом. Ей вдруг пришло на ум, что Женька никогда не таскал её в кровать вот так — по-мужицки, чуть ли не волоком... Туда он носил её на руках.

Скрепя сердце, она приготовилась и дальше терпеть ласки — совсем непривычные для неё... Она вдруг подумала, что совершенно не помнит ласки мужа... За семь лет их супружеской жизни с Николаем у неё не осталось никаких воспоминаний...

Но она отчётливо помнила Журавлёва... С ним всё было не так... В интимных делах он отличался удивительной нежностью... И даже после их встречи, тогда, весной, его страсть не носила такого медвежьего характера.

И — что?.. Теперь она всегда будет вспоминать Журавлёва, оказываясь в постели с Андреем?..

«А ведь буду...»

Переключившись на эти мысли, она даже не заметила, как оказалась на кровати — Прохоров уложил её туда сразу, как только завёл в помещение.

— Сейчас... — оставив её, он торопливо стягивал с себя брюки, — Сейчас...

Глядя как он раздевается, Милена не знала, что делать ей самой — раздеваться самостоятельно, или ждать, когда мужчина освободится от одежды и примется за неё...

«С Женькой всё было не так...»

Опять она вспомнила про Журавлёва!..

Ну, да, с ним всё было не так! Его руки были настолько умелыми, что она даже не замечала, как оказывалась без платья... Всё летело в разные стороны — её платье, его рубашка, брюки, бельё... Она чувствовала, как каждая клеточка её тела стремится к нему... а каждая клеточка его тела стремится к ней...

«Господи!.. Как же избавиться от этих мыслей?!»

Она ненадолго прикрыла глаза — буквально на несколько мгновений...

— Миленочка... — по всколыхнувшейся кровати она поняла, что мужчина уселся рядом с ней, — Давай, снимем сарафанчик...

Догадываясь, что сам он разделся полностью, она не стала открывать глаза и, чуть приподнявшись, выдернула из-под себя заднюю часть подола. Его руки тут же потянули вверх лёгкую ткань... Решив ему помочь, она сама расстегнула бюстгальтер... Совсем теряя голову, он прижался к ней всем телом и страстно приник к её губам, потом спустился ниже... Чувствуя его губы на своей груди, а руки — на бёдрах, Милена вдруг поняла, что, если и дойдёт сейчас до завершения, то только через силу... Сжав ноги, она, тем не менее, покорно лежала, принимая его ласки. Сам мужчина, казалось не замечал её оцепенения, продолжая попытки овладеть её телом.

— Миленочка... ну, что же ты... — выдохнув ей это куда-то в ключицу, Андрей Викторович внезапно поднял голову, — Я ведь чуть не забыл...

— Что? — она впервые за всё это время подала голос.

— Презерватив... — привстав, он дотянулся до рубашки и, проверив нагрудные карманы, положил её на место и потянулся к брюкам, — Сейчас...

Милена молча наблюдала, как он обшаривает свои карманы в поисках презерватива. Она даже не подумала об этом средстве защиты... А он, оказывается, и это предусмотрел. Или только хотел предусмотреть...

Не найдя нужного предмета в карманах одежды, мужчина нехотя встал и, виновато улыбнувшись, быстро вышел из каюты. Милена нарочно старалась не смотреть на него, когда он невольно повернулся к ней всем корпусом, но всё же скользнула взглядом по его обнажённой фигуре, когда он оказался лицом к двери.

Неожиданно оставшись одна, она присела на кровати, опершись на спинку, и натянула на себя тонкую простынь.

Осознание того, что романтическое настроение, не покидавшее её все эти дни, растворяется, как утренний туман, стало приходить к ней уже тогда, когда руки Прохорова в первый раз коснулись её тела. Теперь же, увидев его со спины, без одежды, она вдруг поняла, что эту совершенно неродную ей спину она будет видеть теперь каждый день... И что шансов стать родной у этой спины практически нет...

Она вдруг подумала, что, купаясь в роскоши днём, ей придётся терпеть эту чужую спину каждую ночь... Да что там спину — терпеть придётся все части тела, которыми обладает Андрей Викторович...

Она думала, что она готова ко всему.

Оказалось, что это не так...

Она совершенно не готова...

И даже не его непривычные для неё ласки тому виной... К ним, как и к другим, можно привыкнуть — в конце концов, она женщина.

Всему виной тень, которая всегда будет стоять между ними.

Тень Журавлёва.

Ни оборвать связующую их нить, ни выстроить между ними стену в этот раз не получится.

«Господи... Он же здесь...» — прикрыв глаза, она ощутила физическую боль оттого, что не может справиться с собственными чувствами. Мысль о том, что он где-то совсем рядом... где-то здесь, на берегу, с Морозовыми, забила, запульсировала где-то в висках...

«Он же здесь!»

Неужели она до сих пор не поняла?!

Он — здесь!

«Господи... что я тут делаю?!» — она обвела непонимающим взглядом стены каюты, скользнула им по мебели, по двери... Торопливо надев бельё, схватила свой розовый сарафанчик и, путаясь в подоле и бретельках, натянула его на своё разгорячённое чужими поцелуями тело...

Они, действительно, были чужими — его, Андрея, поцелуй... Они горели, но не так, как горят поцелуй любимого мужчины...

От них оставались ожоги, они саднили и вызывали желание встать под холодный душ, а потом, когда боль успокоится, натереть себя мыльной пеной.

— Ты оделась?.. — вопреки её ожиданиям, тон Андрея Викторовича всё ещё был виноватым. Вернувшись, он выглядел растерянным, завёрнутый до пояса в большое махровое полотенце. Любовный пыл, с которым он выскочил искать средство контрацепции, судя по всему, в процессе поиска его покинул, отчего он явно испытывал неловкость перед оставленной им дамой.

— Да, я оделась... — надев босоножки, Милена встала с кровати и решительно посмотрела ему в глаза, — Знаешь, я подумала...

— Прости... — он не знал, куда девать глаза, и, кое-как справившись с собой, подошёл к ней вплотную, — Мне так неловко... Но ты не подумай, что я уже настолько стар... Это совершенно случайно...

— Нет, ты меня не понял... — Милена тоже старалась не смотреть на него, — Вернее, нет... Я всё поняла...

— Ты неправильно поняла, — он попытался обнять её за плечи, — я, конечно, виноват, что ничего не получилось... сам куда-то задевал этот чёртов презерватив... я подумал, что в первый раз тебе так будет комфортнее... но, пока искал, в общем...

— Всё нормально... — ей вдруг стало его жалко, — Всё нормально!.. Ты — замечательный человек... Вернее, вы...

— Миленочка... — он сжал её плечи, — я не думал, что это так повлияет на наши отношения... Я, конечно, не так молод, и в моём возрасте такие проколы не редкость, и нужно какое-то время, чтобы снова... ну, ты меня понимаешь...

— Я всё понимаю, Андрей Викторович... — ей захотелось его успокоить, но она не знала — как, и поэтому с трудом находила слова, — И вы меня поймите... Хорошо?

— Миленочка... — догадавшись, что она хочет покинуть его прямо сейчас, Прохоров изменился в лице, — Ради Бога... прости!.. ты — молодая женщина, и я понимаю тебя... Но я клянусь, что ты ни в чём не будешь знать нужды!

— Мне ничего не нужно! — осторожно сняв его руки со своих плеч, она с отчаянием

посмотрела на него, — Правда!.. Спасибо вам за всё, и... простите меня!

— Я не думал, что для тебя это так серьёзно...

— Как мне попасть на берег?! — мысль о том, что Женька где-то в городе, всего в нескольких километрах от неё, с новой силой забила в висках...

— Прошу тебя... — он схватил её за руки, — Остайся!.. Миленочка!.. Всё равно мы сейчас не у берега...

— Нет... — отступая назад, она отчаянно покачала головой, — Нет...

— Я не думал, что это так серьёзно...

— Это очень серьёзно — думая о Женьке, произнесла Милена. Резко повернувшись, она выбежала из каюты и так же, бегом, поднялась по ступенькам на палубу.

— Я тебя не отпущу... — Андрей устремился за ней следом, — Милена!

— Мне нужно на берег... — остановившись посреди палубы, она умоляюще смотрела на него своими огромными глазами.

— Остайся... — в его голосе мольбы было не меньше, а, пожалуй, даже больше... Её было столько, что в какой-то момент Милена заколебалась в своём решении покинуть яхту немедленно, но, снова вспомнив о Журавлёве, она повернула голову в сторону берега. Захотелось прыгнуть за борт и бежать, прямо по волнам, туда — к нему...

— Я не могу... — внезапный порыв морского ветра откинул назад её шелковистые волосы и подол сарафана, так, что тот прилип к её длинным стройным ногам. Сделав шаг назад, она схватилась руками за металлические перила борта.

— Милена... — мужчина шагнул ей навстречу. Она снова пожалела его — завёрнутый в полотенце, он выглядел как-то трогательно, всем своим видом выражая истинное горе.

Снова резко повернув голову в сторону берега, Милена замерла... Показалось?.. Заглушаемый шумом набегавших волн, со стороны берега явно послышался чей-то крик...

— Лена!.. вглядываясь в тускло освещённый матовыми круглыми фонарями кусок песчаного пляжа, примыкающего к базе отдыха, она никого не заметила.

Видимо, послышалось... Просто она очень хотела услышать его голос. Вот и послышалось.

— Ле-е-ен-ка-а-а!..

Нет, это совершенно нереально — услышать чей-то крик на расстоянии, при таком шуме волн...

— Мне нужно на берег!.. — понимая, что Андрей сейчас сделает всё возможное, чтобы она осталась, Милена уже и сама не верила, что он сейчас встанет к штурвалу, но просьба всё равно сорвалась с её губ.

— Я не отпущу тебя... — он сделал к ней ещё один шаг, — Слышишь?.. Не отпущу...

— Я не могу... — она вдруг проворно перелезла через верхние перила и, держась за них обеими руками, стала с другой стороны носками на край палубы, — Андрей... я не могу...

— Милена! — он бросился к ней, опасаясь, что она сейчас сорвётся вниз...

Она и сама испугалась этой почти чёрной, волнующейся массы, и, хотя до берега было не так уж и далеко, оглянулась на него теперь уже со страхом.

— Не подходи ко мне... — её голос звучал жалобно, — Пожалуйста... не подходи...

— Иди ко мне... — остановившись, он сказал ей это как маленькому ребёнку, — Ну?..

Перелезай...

— Нет... — она снова посмотрела сначала в сторону берега, потом — вниз.

— Ты можешь поскользнуться и упасть!..

— Мне нужно на берег!

— Утром я отвезу тебя на берег...

— Мне нужно сейчас!..

— Ты обещала остаться!..

— Ле-е-е-н-к-а-а-а-а!.. — снова показалось?.. Нет, она явственно слышала мужской голос!

— Я не могу... — она сама не поняла, кому сейчас она ответила — Андрею или тому, кто на берегу выкрикивал её имя.

— Я сейчас тебе помогу выбраться на палубу, — не выдержав, Прохоров решительно шагнул в её сторону.

— Нет!.. — отчаянно крикнула Милена и, резко оттолкнувшись от перил, прыгнула в тёмную, пенящуюся воду.

— Не надо!.. — подскочив к тому месту, на котором только что стояла женщина, Андрей с облегчением вздохнул: вынырнув через несколько секунд в нескольких метрах от точки падения, Милена уверенно поплыла к берегу. Окликать её не было смысла.

Спустившись назад, в каюту, Прохоров взял лежащий на столе телефон и набрал номер.

— Артур, это я. Включи береговой прожектор. Увидишь, там женщина плывёт к берегу. Выйди навстречу, проследи. Ну, и что, что мелко. Сказано — проследи. Предложи обсохнуть и поужинать, если не захочет, отвези, куда скажет. Что?! Какое происшествие?.. Что значит — проникли?! Вы что там, базу охраняете или спите?! Нет, я появлюсь только утром. Да, пусть до утра сидят под замком, утром разберёмся, какие они музыканты...

Доехать до посёлка, на территории которого находилась база отдыха Прохорова, было делом двадцати минут. Рядом с поворотом находился пост ДПС, а на въезде стоял шлагбаум с дежурившим полицейским, судя по всему, для обеспечения безопасности жителей элитного населённого пункта. Отпустив такси, троица молодых людей направилась к шлагбауму, уже предвкушая объяснения, куда и зачем они идут в такой поздний час. Но, то ли представитель правопорядка принял их за «золотую молодёжь», то ли он руководствовался инструкцией проверять только автомобили, так или иначе, к своему удивлению, через этот барьер они прошли совершенно беспрепятственно. Преодолев примерно с пол километра асфальтовой дороги вдоль посёлка, Журавлёв и Морозовы остановились у огороженной территории базы отдыха Прохорова.

Сама база представляла собой довольно обширный участок берега, на котором располагалось двухэтажное жилое здание, дом для прислуги, лодочная станция с разного рода плавсредствами, домик для охраны, гараж на несколько авто, теннисный корт, площадка для гольфа, причал и довольно большой пляж.

— Каков план действий, господа подельники? — Дима обвёл взглядом высокий металлический забор, вдоль которого горели ночные уличные светильники, вместе с забором опоясывающие всю интересующую молодых людей площадь.

— Нужно сначала узнать, здесь они или нет, — привстав на цыпочки, Наташа издали пыталась через прутья разглядеть очертания дома, снаружи освещённого по периметру фонарями — свет их шарообразных плафонов пробивался сквозь пушистые ветви деревьев, судя по всему, елей, растущих по ту сторону ограды. В отличие от фонарей, окна дома были тёмными. Более подробно разглядеть внутренний двор не удалось — мешали мощные прожекторы, освещающие подъезд к территории базы.

— А почему база, а не дача? — Женька разговаривал сдержанно, было заметно, что он крайне взволнован.

— Да кто их, олигархов, разберёт, — Дима сделал шаг по направлению к воротам, — видишь, какая территория? Дача звучит несолидно.

— База — потому, что здесь всё для отдыха, — Наташка старалась говорить негромко, вполголоса, как будто боясь, что её кто-то услышит, — у него тут и пляж, и лодки, и катамараны, и яхты, и спортивные площадки, и свой причал.

— А ты откуда знаешь? — Дима с шутливым подозрением посмотрел на жену.

— Я ещё в прошлый раз заметила, когда мы тут с тобой выступали. Вон с той площадки очень хорошо всё просматривается, — она показала рукой в направлении дома и обернулась к Журавлёву, — видишь, за фонарём площадку? За ней начинается лестница, она ведёт к пляжу, ну, к берегу, в общем... Это в темноте кажется, что территория небольшая, а на самом деле — огромная! Забор этот по всему периметру, до самого моря, имеет трапециевидную форму, вниз расширяется... А вон туда — левее — за кустарником, дорожка от дома к бассейну...

Наташа решила не говорить сейчас при Женьке, что всё это рассказала ей Милена, которой, кроме яхты, Андрей Викторович показывал и свои береговые владения.

— Мало ему моря... — пробурчал Женька, следя за Наташиной рукой, — Олигархи хреновы...

— Ну, что будем делать? — повторил свой вопрос Морозов, — Я почему-то уверен, что нас туда не пустят.

— Давайте, так, — Наташа повернулась к парням, — звоним и спрашиваем Андрея Викторовича. Если он выходит...

— Он не выйдет... — угрюмо перебил её Журавлёв, сверля глазами тёмный силуэт дома.

— Почему?

— Потому, что он, сука, почувствовал, что я здесь...

— Перестань! — Наташа слегка потрясла его за руку, — Откуда он может знать?

— Убью... — сжав кулаки и губы, Женька вдруг задышал шумно и глубоко, — Убью, козла...

— Так, Жека, всё... — Дима, обернувшись, положил руку ему на плечо, — Стоп музыка...

— Женька... — Наташа попыталась обхватить ладошками его сжатые кулаки, — Успокойся!.. Сейчас что-нибудь придумаем.

— Всё... — ещё раз шумно выдохнув, тот, в свою очередь пожал её кисти, — Всё, ребята... я спокоен...

— Тогда предлагаю для начала позвонить и узнать, здесь ли хозяин, — Дима снова шагнул к воротам, — если окажется, что нет, будем думать дальше.

— А если здесь? — Наташа двинулась следом.

— Если здесь, попробуем позвать Милену. Других вариантов у нас нет. Хотя, если честно... всё это очень плохо...

— Если бы я не была уверена, что она делает это против своей воли, я никогда бы не позволила себе такой поступок.

— Ребята, — оставшись стоять на месте, Женька окликнул своих товарищей, — давайте так. Вы вообще не светитесь, если что — ждёте здесь. Я сам буду с ними разговаривать.

— Не пойдёт, — Морозов покачал головой, — ты на взводе, а мы всё же тут были на днях. Может, этот фактор и сыграет в нашу пользу. Нам ведь главное — увидеть Милену. А, вот когда мы её увидим, тогда и состоится твой индивидуальный выход.

Дима оказался прав в своих предположениях.

— Слушаю, — в ответ на его звонок, из расположенного где-то рядом динамика раздался мужской голос.

— Нам нужен Андрей Викторович, — догадавшись, что микрофон тоже находится где-то рядом, произнёс Дима, — мы могли бы его увидеть?

— Представьте, пожалуйста.

— Дмитрий... Дмитрий Морозов, я со своей женой, Натальей. Мы музыканты, на днях выступали здесь...

— Андрея Викторовича сейчас нет.

— Нам очень нужно с ним связаться...

— Ничем не могу помочь.

— А где он?

— Я таких сведений не даю...

Было совершенно очевидным, что встретиться с Прохоровым, а, тем более, с Миленой нет никаких шансов. Не сговариваясь, все трое пошли прочь, но через некоторое расстояние свернули в аллею, тянущуюся вдоль высокого забора вниз — как им показалось, к морю. Стоящий в самом начале аллеи шлагбаум их совершенно не смутил. Аллея была довольно широкая, и по ней вполне можно было проехать на легковом автомобиле. Возможно, шлагбаум служил лишь препятствием на пути сбившихся с курса водителей — решив, что это именно так, путники обогнули его и направились дальше. Фонари вдоль аллеи хорошо освещали забор, и ребята шли в полной уверенности, что дорога приведёт их к его окончанию у самого моря...

— Засада... — Женька, идущий первым, остановился, как вкопанный.

— Чего там? — Дима попытался рассмотреть то, что увидел Журавлёв.

— Видишь? — тот кивнул на точно такой же забор, расположенный слева, отгораживающий от внешнего мира соседнюю элитную территорию — чем ближе было море, тем меньше было расстояние между оградами, — В конце ограды почти сходятся... Похоже, нам туда не попасть...

— Да... — взглядевшись, Морозов упёрся руками в бока, — там что-то типа перегородки, и, судя по всему, она глухая.

— Наташка, ты — как? — Женька обернулся к Наташе.

— Я нормально, — улыбнулась она, — под горку идти весело!

— Дима, — теперь Журавлёв посмотрел на Морозова, — езжайте домой... Тут связь есть, я сейчас посмотрел... Вызывай такси, вези Наташку. Я сам буду её искать.

— Ты больше ничего не придумал? — Наташа возмущённо уставилась на него, — Вместе приехали, вместе и уедем.

— Я не поеду. Я буду Ленку искать.

— Значит, и мы будем искать.

— Интересно... — Дима, запрокинув голову, смотрел на острые верхушки ограды, — сверху будет виден дом? Отсюда его кустарник загораживает... А если с верхушки забора посмотреть, горят окна с этой стороны или нет?

— Дим, смотри, какие они острые, — Наташа недоверчиво покачала головой, — а забор весь плоский, даже выступов нет, чтобы ногу поставить...

— Так... — Морозов задумчиво продолжал смотреть вверх, — Забор метра два с половиной...

— Дима, у тебя какой рост? — догадываясь, что тот имеет в виду, Женька тоже задрал голову.

— Сто восемьдесят пять...

— Ну, ты и рельс... у меня всего сто восемьдесят три...

— Всего... — тихонько прыснула Наташа, снизу вверх поглядывая на обоих.

— Есть надо было лучше, — Дима зачем-то провёл ладонью по металлической поверхности забора — если у ворот ограда была резной, то в этой части состояла из широких вертикальных прутьев, оканчивающихся острыми наконечниками, — в принципе... у Наташки сто шестьдесят...

— Это во весь рост сто шестьдесят... Ты же её на плечи не поставишь...

— Нормально будет... Иди сюда, — присев на корточки, Дима махнул рукой жене, — садись...

— Как?.. — она нерешительно встала рядом с ним.

— Как Валерка... на плечи мне садись.

— Ой!.. — тихо пискнула Наташа, когда он, держа её за бёдра, распрямился во весь рост, — Хоть раз в жизни посижу у мужа на шее...

— Смотри, что там? — Дима сделал небольшой шаг к забору, — Видно что-нибудь?

— Видно... — схватившись руками за наконечники, Наташка завороченно уставилась вперёд, — Ребята... Какая красота!.. Даже ночью...

— Дом видно? — нетерпеливо спросил Журавлёв.

— Видно, — она кивнула, — окна все тёмные...

— Что ещё видно?

— Двор... лестницу... пляж... Везде пусто.

— В море никто не купается?..

— Вроде нет... Судно вижу.

— Далеко? Какое?..

— Нет, недалеко... совсем недалеко... Какое — не знаю... Наверное, яхта. Вот на ней — огни есть.

— Плывёт?..

— Да, вроде, нет... на месте стоит...

Рассматривая берег по ту сторону забора, Наташа не могла надыхаться — запах моря вперемешку с ароматом листвы, травы, ночной фиалки и Бог знает ещё какой зелени, на фоне мягкого шума волн в буквальном смысле заполняли организм и кружили голову...

Внезапно вспыхнувший свет автомобильных фар заставил всех троих резко обернуться.

— Добрый вечер, — из бесшумно подъехавшего сбоку автомобиля одновременно вышли четверо мужчин крепкого телосложения, — объясните причину вашего присутствия на охраняемой территории.

— Вот это — охраняемая территория?! — Журавлёв рукой показал на аллею.

— Естественно, — мужчина, который разговаривал с ним, был предельно вежлив, — здесь вся территория охраняемая. Шлагбаум видели?

— А где таблички? — не успокаивался Женька, — Где менты?

— И таблички есть, — усмехнулся второй, — и менты, как ты говоришь, есть. Вопрос задан, ответа не слышу.

— Нам нужен Андрей Викторович, — Наташка так и сидела на плечах у Димы, — очень нужен! А, вернее, девушка, которая у него в гостях.

— Вам придётся пройти с нами, — невозмутимо сказал первый.

— Куда? — Дима, наконец-то, присел, чтобы Наташа смогла слезть с его плеч.

— Куда скажем, — второй кивнул головой в сторону, откуда они пришли, — только предупреждаю: сопротивляться бесполезно, бежать тоже.

— В общем-то мы не сопротивляемся, — Морозов взял жену за руку, — тем более, если нас ждёт встреча с господином Прохоровым.

Они, действительно, не собирались ни бежать, ни сопротивляться. Охранники, которые их «задержали» были тоже предельно вежливыми, и лишь одно обстоятельство никак не входило в планы молодых людей: впустив их в небольшое помещение в домике для охраны, мужчина, судя по всему, старший по должности, тут же запер за ними дверь на ключ.

— Э, друг!.. — Женька подёргал дверную ручку, — Мы так не договаривались!

— А мы вообще не договаривались, — усмехнулся тот из-за дверей, — и вашего визита не ждали.

— Так позвони своему хозяину!

— У меня приказ, до утра не тревожить, ни по какому случаю.

— Сука... — не сдержавшись, Журавлёв со всей силы припечатал кулак к двери.

Нервно сделав круг по помещению, он внезапно остановился, прислушиваясь к разговору в соседней комнате.

— Слышь, Артур, может, отпустить их? Вроде ничего такого... подумаешь, за шлагбаум зашли...

— А завтра чего скажем? Сигнализация сработала, видеочамера сняла, как они через забор лезли...

— Да не лезли... девчонка только смотрела.

— Ну, и что? С какой целью смотрела?

— Так допроси и отпусти. Криминала, вроде, нет.

— Помнишь, как в мае отпустили? Рому с Толиком сразу уволили.

— Так то, стопудово, воры были. Эти на воров не похожи, музыканты, говорят, тем более, говорят, что уже были тут.

— Не помню.

— Может, не наша смена была?

— Да какая разница, наша или не наша? Попытка проникнуть на территорию есть? Есть. Какие вопросы?

— Так, может, позвонить хозяину?

— Ты видишь, он яхту от причала отвёл? Мне приказано не беспокоить до утра. Если что, действовать по своему усмотрению. Пусть посидят. Утром вернётся, доложу.

— Может, он на бабе, а мы ему названивать будем, — громко заржал ещё один из охранников, ранее не участвовавший в разговоре.

— С такой бабы слезать грех, — в тон ему ответил четвёртый, — третий день на яхте резвятся.

Заметив, как при этих словах напрягся Журавлёв, Наташа быстро шагнула к нему и потянула за руку.

— Не слушай!.. — пытаюсь усадить его на стул подальше от двери, она говорила шёпотом, — У Милены с ним ничего не было, я точно знаю... Садись...

— Жека, успокойся, — кивнул Морозов в знак согласия с Наташкой, — у нас сейчас

один выход — успокоиться. И, главное, что мы попали по адресу. Они здесь, на яхте. В любом случае, утром они вернутся.

— Утром?! — тот снова вскочил со стула, на который его усадила Наташа, — Да он там до утра...

— Я не знаю, как отсюда выбраться, — Морозов с сомнением посмотрел на пластиковое окно, — здесь фрамуга, которая открывается, очень узкая. Точно не пролезешь.

— Может, я пролезу? — Наташа подошла к окну и встала боком, как бы примериваясь.

— До пояса, возможно, — тихо рассмеялся Дима, — но одним круглым местом, скорее всего, застрянешь.

— Нет, Наташка... — Женька отодвинул её от окна, — Сиди тут, с Димой. Выбраться нужно мне.

От попытки выбраться через окно ему пришлось отказаться окончательно: открытая фрамуга оказалась ещё уже, чем была в закрытом состоянии. Свежий морской воздух ворвался в помещение и все трое невольно вздохнули полной грудью.

— Смотри, Жень, — встав сбоку, Наташа рукой показала куда-то вдаль и наискосок, — отсюда виден кусочек яхты...

— Где? — он подвинулся к ней и, заглянув вбок, высунул лицо в открытое пространство, — Ле-е-е-н-ка-а-а-а!..

— Она тебя отсюда не услышит, — Дима грустно улыбнулся, — и даже с берега не слышала бы.

— Плевать... — Журавлёв снова вдохнул полную грудь морского воздуха, — Ле-е-е-н-к-а-а-а-а!..

— Вы чего тут шумите? — щёлкнул замок, и один из охранников возник на пороге, — Зачем окно открыли?

— Здесь очень душно, — поспешила объяснить Наташа, — и оно очень узкое, мы не сбежим.

— Вы бы нас открыли, — попросил Морозов, — мы, и правда, не сбежим.

— У вас есть гитара? — Наташка обаятельно улыбнулась охраннику, — Мы можем спеть.

— Гитары здесь нет. И правда, что ли, музыканты? — тот недоверчиво усмехнулся, но дверь запирать не торопился.

— Правда. Группа «Ночной патруль». Слышали?

— Нет, — мужчина покачал головой.

— А интернет? Есть?

— Ну, есть...

— Наберите в поиске... Посмотрите, послушайте...

— Как-нибудь на досуге...

— А туалет у вас есть? — засунув руки в карманы брюк, Журавлёв повернулся лицом к двери.

— Приспичило? — снова усмехнулся охранник.

— Ну, в общем, да.

— Ну, пойдём...

Туалет оказался в этом же здании. Закрывшись в небольшом помещении, Женька осмотрел его — с пола до потолка. Помещение было без окон, что очень огорчало. Помыв руки, он вышел наружу. Путь к комнате, в которой они находились до сих пор, лежал через небольшой коридор, в конце которого была входная дверь, распахнутая сейчас настежь. Соблазн оттолкнуть мужика и броситься на улицу был очень велик, но, понимая, что тот, возможно, будет стрелять, Журавлёв с трудом отказался от этой мысли.

— Макс, — Артур высунулся навстречу из дежурного помещения, — иди на берег, я этого сам закрою.

— Чего там? — судя по тону, которым Макс задал вопрос, идти ему никуда не хотелось.

— Там баба плывёт, с яхты. Сам только что позвонил.

— В смысле — плывёт? — тот удивлённо вытаращил глаза, — Сама, что ли?!

— В смысле — по морю плывёт.

— Нахрена?!

— Откуда я знаю? Велено проследить, как доплывёт... накормить, обсушить...

— Больше ничего? — ухмыльнулся Макс, — Заодно уж...

— Заодно возьмишь лопату, там, у двери, отнесёшь Сергеичу. Он уже три раза спрашивал, когда вернём.

— А сам чего не заберёт?

— Ты Сергеича не знаешь? Будет нудить, пока и то, что не брали, не принесём.

Слушая их разговор, Женька стоял в коридоре, рядом с Максом. Видимо, его спокойствие окончательно вселило уверенность, что он никуда не сбежит, и охранники переговаривались, почти не обращая на него внимания.

Но спокойствие его были лишь видимым... Слова Артура о том, что к берегу плывёт женщина, в одно мгновение смели и усталость, и растерянность, и злость...

Милена!.. Это могла быть только она!..

Не дожидаясь, пока Макс пойдёт выполнять распоряжение, Журавлёв вдруг резко повернулся и двумя большими прыжками достиг входа.

— Стоять! — метнувшись за ним, Макс всем телом встретился с захлопнувшейся перед ним дверью, — Открой, слышишь?.. Открой, козёл! Хуже будет!..

— Назад!.. — Артур бросился на помощь своему коллеге, но, попытка распахнуть дверь с разбегу не увенчалась успехом, — Чем ты там держишь, сука?!

— Мужики, — раздался Женькин голос из-за двери, — простите, мужики... Я вернусь, честно!.. Наташка!.. — судя по всему, выкрикнул он в открытое окно комнаты, в которой всё ещё находились Морозовы, — Дима!.. Я скоро!.. Потерпите немного!.. Потом я сам сдамся!..

— Чем он там дверь подпёр? — Артур всё ещё пытался выбить дверь, — Не пойму!..

— Так лопатой и подпёр, — Макс со злостью отряхнул руки, — вот сучонок... зря он это сделал, ох, и зря...

...Он и сам не понял, как всё произошло — стремительно и неожиданно выскочив на улицу, Женька захлопнул дверь и, схватив стоящую рядом штыковую лопату, воткнул кончик острия между досками деревянного крыльца, а конец черенка плотно прислонил к двери,

поддев его под рельефный выступ. Когда Макс в первый раз пытался открыть дверь, он ещё пристраивал черенок, одновременно прижимая дверь своим телом. Осознание того, что Ленка вот-вот будет здесь, на берегу, придавало невероятные силы и ловкость, настолько невероятные, что он и сам не заметил, как проделав все манипуляции, уже бежал вниз, к пляжу, навстречу — к н е й!..

* * *

...Оказавшись в тёплой ночной воде, Милена вдруг успокоилась. Она замечательно плавала, и страх, который испытала вначале, перед тем, как прыгнуть в воду, носил характер другого толка: она понимала, что, покидая комфортную яхту Прохорова, не просто бросает всё то, что он практически сложил к её ногам, но и возвращается в неизвестность, от которой хотела убежать...

Уже в воде она вдруг вспомнила, что и её сумочка, и телефон, и кошелёк — всё осталось там, в каюте, и теперь, выйдя на ночной берег, она не сможет самостоятельно добраться домой... Жаркий день, напряжённый вечер, пережитый разрыв с Андреем давали о себе знать: к середине пути она почувствовала сильную усталость, но всё равно продолжала плыть, благо до берега было не так уж и далеко. Несмотря на небольшой ветерок, море было относительно спокойным, и время от времени набегающая волна только подталкивала её к берегу. Внезапно включился мощный прожектор, освещающий весь пляж и большую часть водного пространства. Проплыв ещё пару десятков метров, Милена решила попробовать достать до дна... Берег был пологий, и море здесь было мелкое — по шею; она без труда встала на ноги, тут же увязнув каблучками босоножек в морском песке и тине. Проплыв ещё немного, встала снова — вода на этот раз доходила лишь до талии. Потянувшись, сняла одну за другой босоножки и дальше побрела босиком...

Вспомнила голос, зовущий её с берега... Конечно, ей всё показалось... Хоть и не очень далеко, но вряд ли можно различить крик на таком расстоянии в шуме волн...

Но ведь он здесь, в городе... Она слышала его голос в телефонной трубке...

Господи... как она хочет его увидеть... После всего, что было с ней сегодня вечером... после всего, что не случилось между ней и Андреем...

К а к х о ч е т с я е г о у в и д е т ь !

Последние силы оставляли, казалось, что тело налито невероятной тяжестью... Мокрое платье... мокрые волосы... она не может ни позвонить, ни уехать... чужой дом, чужой пляж... она — одна во Вселенной... мокрая, одинокая... уставшая...

Босоножки... Она даже не заметила, когда выпустила их из рук!..

— Женька... Женечка... — впервые в жизни она ревела вот так, в голос, по колено бредя в воде...

Он даже не знает, где она... он даже не догадывается, какая она сейчас несчастная и одинокая...

— Ленка!.. — кто-то с берега бежал ей навстречу...

Всплеск!.. и громкие хлюпающие звуки — кто-то с разбегу ворвался в воду и теперь пробирался навстречу ей, шумно разгребая длинными ногами тёмно-серую прибрежную гладь...

— Ленка!..

— Босоножки... — всё ещё всхлипывая, она почему-то произнесла именно это слово.

— Что — босоножки?.. — он на мгновение замер, и веря, и не веря, что это — о н а...

— Утонули...

— Я куплю тебе тысячу босоножек...

Она почувствовала, как его руки подхватили её обмякшее тело... Уткнувшись в его шею, она закрыла глаза... Мгновенно захотелось спать... она подумала, что уже спит, потому, что всё, что происходило здесь и сейчас, могло быть только во сне...

* * *

...Женька уже выходил на берег с Миленой на руках, когда увидел четыре несущиеся на него фигуры охранников, каким-то образом освободившихся из невольного плена.

— Мужики, дайте, я отнесу её в дом, а потом делайте со мной, что хотите...

Видно, было что-то такое в лице и фигуре Журавлёва, что зацепило «мужиков» — несмотря на свои явные намерения, те молча остановились и дали Женьке пройти. Поднявшись по лестнице, он вошёл в домик для охраны и усадил Милену на невысокий диван. Вошедшие следом охранники молча остановились у дверей.

— Отпустите её и моих друзей... — Женька повернулся к ним лицом, — А я останусь.

— Насчёт неё у меня особые поручения, — Артур исподлобья смотрел на него, — а вот твоим друзьям, а, особенно тебе, придётся отвечать.

— Какие же у вас поручения на счёт меня? — присев поудобнее, Милена посмотрела на мужчину.

— Накормить ужином, обсушить, и отвезти домой, если вы захотите.

— Это сказал Андрей Викторович?

— Да, он, — понимая, что хозяин не просто так велел позаботиться о сбежавшей гостье, Артур сохранял вежливый тон.

— О каких друзьях он говорит? — она перевела взгляд на Женьку.

— Наташка с Димой здесь. Под замком...

— Почему?

— Я потом расскажу...

— Вы что-то натворили?

— В общем, нет.

— Тогда почему они под замком?

— Ленка, я потом всё расскажу... — он снова уставился на Артура, — Слушай, отвези их всех... Ну, пожалуйста. А я останусь.

— Вы можете мне набрать Андрея Викторовича? — Милена поднялась с дивана и посмотрела на охранника своим обычным взглядом — ни мокрое платье, ни мокрые волосы, ни босые ноги, ни смертельная усталость не могли отнять у неё эту природную королевскую осанку и поистине королевский взгляд...

Помня о словах хозяина относительно этой женщины, Артур набрал номер Прохорова, и, сказав, что Милена хочет с ним поговорить, передал ей трубку.

Она не стала говорить при всех. Выйдя на улицу, вскоре вернулась и снова передала трубку Артуру.

— Понял, — выслушав хозяина, тот тут же вышел в коридор и открыл соседнее помещение.

...Положив голову на плечо Диме, Наташа дремала. Сам он, обняв жену, задумчиво смотрел куда-то в окно, невольно прислушиваясь к происходящему за стеной.

— Выходите, — Артур нехотя кивнул головой куда-то вбок, — свободны.

Увидев Милену, Наташка радостно кинулась её обнимать, как будто давно не видела.

Было уже пять утра, когда подъехавшее такси забрало всех четверых.

— Что ты ему сказала? — тихо спросил Женька, сидя рядом с Миленой на заднем сиденье.

— Я сказала правду...

* * *

Войдя в свой номер, Наташа разулась и, обернувшись, виновато посмотрела на мужа.

— Дим... — руки скользнули по его груди, — Прости меня... Опять я кашу заварила... да?..

— Угу... — он добродушно усмехнулся и посмотрел ей в глаза, — Знаешь, самое страшное, это то, что я по своей собственной воле принимал участие в заваренной тобой каше... И даже нисколько не жалею.

— Правда? — в её глазах появились весёлые искорки, — И ты не сердишься?

— Сержусь, конечно... — пряча улыбку, он стянул с неё футболку и, прижимая её к себе одной рукой, другой расстегнул пуговицу на джинсах, — и ещё как сержусь...

— Наказывать будешь?.. — буквально стряхнув с себя джинсы, она привычно подпрыгнула и повисла у него на шее.

— Буду, — держа её, как ребёнка, он шагнул в ванную, — при чём, очень жёстко...

— А как? — уже в ванне, пока его руки освобождали её от остатков одежды, она сама

расстёгивала его рубашку.

— Я буду мыть тебя своей губкой...

— Нет! — шутливо уворачиваясь от его губ, Наташа попыталась изобразить ужас на смеющемся лице, — Всё, что угодно, только не твоя губка!.. Она такая жёсткая...

— Тогда у тебя один выход...

Позже, уже в постели, обнимая засыпающую жену, Дима привычно прижался губами к её макушке.

— Наташка... Я так тебя люблю...

— И я тебя очень люблю... даже больше, чем ты...

— Это я больше люблю...

— Нет, я...

— А я говорю, что — я...

— А, давай, кто больше любит, тот и встанет в восемь, Валерку от родителей забирать...

Обязательное прослушивание «внеконкурсных» артистов, выступающих на заключительном гала концерте, было назначено на двенадцать часов дня, в помещении банкетного зала отеля, в котором остановились члены жюри. Приехав туда к назначенному времени, Дима с Наташей с трудом нашли мало-мальски соображающего представителя судейской бригады, который на вопрос, кто именно будет слушать их песни, долго смотрел в упор на Наташку, а потом, достав телефон, ещё минут десять кому-то названивал, то и дело попадая негнуцимися пальцами не на те клавиши. Характерный «аромат» перегара, который не смогли перебить ни зубная паста, ни мятный спрей, убедительно говорил о причине такого неуверенного состояния «жюриста».

— А вам точно сказали приехать к двенадцати? — отчаявшись найти кого-нибудь из коллег, мужчина то и дело бросал заинтересованные взгляды в сторону бара.

— Точно, — Морозов с усмешкой наклонил голову, — господин Акулов сказал, что лично будет ожидать нас здесь.

— А!.. — облегчённо вздохнул мужчина, водружая чёрные очки на макушку, — Так это вас Акулов позвал!

— Вообще-то нас позвал не он. За наше выступление заплатил один из спонсоров фестиваля. А он лишь сказал, чтобы мы подошли сегодня, ровно в двенадцать.

— Ну, ясно, — мужчина охотно кивнул и снова достал телефон, — сейчас попробую его вызвонить.

На всеобщее счастье, господин Акулов, один из организаторов фестиваля, ответил незамедлительно, и после разговора с членом жюри довольно быстро появился в помещении банкетного зала.

— Добрый день, — мужчина, которого Наташа запомнила ещё по июльским гастролям, торопливо вошёл в зал, — вы уже здесь?

— Да, и уже давно, — усмехнувшись, Дима отметил про себя характерную бледность и покрасневшие глаза Михаила, говорившие о том, что вчерашний вечер и, возможно, ночь он провёл совсем не грустно. Судя по тому, что появился он довольно быстро, ночевал он в этом же отеле, скорее всего, в компании остальных членов жюри.

— Сейчас подойдёт Гольдман, прослушивать будет именно он.

— Гольдман?! — Дима удивлённо поднял глаза на собеседника, — Случайно не Дмитрий?

— Дмитрий, — кивнул Акулов, — именно он... Тот самый. Известный деятель российского шоу-бизнеса, и заодно председатель жюри нашего конкурса. Вы что, не в курсе?

— Нет. Наталья выступает вне конкурса, поездка у нас рабочая, график плотный, так что интересоваться подробностями как-то было некогда.

— Хм... — Акулов покрутил головой, — звучит немного нагло... Такое впечатление, что такие выступления сыплются вам, как горох на голову.

— Не сыплются... Но и дома не сидим.

— Понятно... Ну, тогда официально сообщая вам, что председатель жюри

всероссийского конкурса «Песни нашего лета», Гольдман Дмитрий Анатольевич, будет лично прослушивать ваш репертуар. Так что можете гордиться знакомством.

Ждать знаменитого продюсера пришлось ещё минут сорок. Михаил и его соратник, которого он называл Борисом, оккупировали барную стойку, и, судя по громкому разговору, активно поправляли своё самочувствие. Не спавшие всю ночь, Морозовы мужественно боролись с желанием уснуть, и, не выдержав, Наташа придвинула стул и, уютно устроившись, прикорнула на Димкином плече. Склонившись к ней головой, он тоже устало прикрыл глаза.

Проснулись они одновременно от дружного хохота — мужчины за барной стойкой, видимо, вспоминая подробности вчерашнего веселья, довольно бурно проявляли эмоции, подогреваемые очередной порцией виски.

— О, Дима! — широко разведя руками, Борис уставился в сторону входа, — Х-ха!.. Ну, и кто кому проспорил?!

— Ты — мне, а разве нет?! — мужчина лет тридцати пяти, чуть выше среднего роста, с бледными, даже какими-то бескровными чертами лица, казавшегося слишком тяжелым для его довольно худощавого телосложения, стремительно шёл через зал, улыбаясь своим знакомым.

Одновременно открыв глаза, Морозовы проводили его удивлёнными взглядами: человек, известный доброй половине страны, чья фамилия была на устах у каждого, кто так или иначе имел отношение к шоу-бизнесу, вблизи совершенно не производил впечатления: напротив, его длинные негустые волосы совершенно не шли ему и служили, видимо, лишь одной цели — откинутае назад, они прикрывали едва заметную, но, судя по всему, прогрессирующую лысину на его затылке.

Присоединившись к Михаилу и Борису, Гольдман, как ни в чём не бывало, весело болтал с ними, совершенно не обращая внимания на сидящих неподалёку Дмитрия и Наталью. Наконец, не выдержав, Морозов встал и подошёл к нему сам.

— Добрый день, — несмотря на желание сделать замечание по поводу пунктуальности, он довольно вежливо поздоровался.

— Добрый день, — мэтр шоу-бизнеса скользнул по нему равнодушным взглядом и снова повернулся к своим собеседникам.

— Вы назначили время на прослушивание Наталье Морозовой.

— Я?! — казалось, что Гольдман слышит об этом впервые.

— Дима, ты назначал, — Борис, грызя лимонную корочку, согласно закивал головой.

— А кого и зачем я должен прослушивать? — не обращая внимания на Морозова, тот непонимающе уставился на Бориса.

— Это внеконкурсное выступление. Ну, что спонсор оплатил... Забыл? Ты сам позавчера при мне говорил Мише, — тот кивнул на третьего собеседника, — чтобы тот позвонил и пригласил...

— Так мы уже всех прослушали, — нахмурившись, Гольдман уставился куда-то в пол, — вчера же мы кого-то слушали?..

— Это мы слушали тех, кто под фонограмму будет петь.

— Ну, — пожав плечами, Гольдман кивнул, — я же помню... мы фанеры и слушали.

— А Морозова поёт вживую, — Михаил объяснял ему, как ребёнку, — ты и сказал, чтобы она сегодня пришла к двенадцати.

— А она поёт вживую?.. — Гольдман, наконец-то, соизволил бросить на Наташу взгляд, полный жалости и недоверия.

— Да-да, — закусывая спиртное, Михаил энергично двигал челюстью, — вживую. Хорошо поёт!

— У тебя все поют хорошо, даже рыбы в аквариуме.

— Так, может, мы пойдём? — заложив руки в карманы брюк, Дима исподлобья обвёл взглядом членов жюри, — Вам, я вижу, не до нас.

— Если бы она участвовала в самом конкурсе, я бы так и сказал: и д и о т с ю д а, — источая откровенное хамство, изрёк Гольдман, — но, так как за неё заплатили, я, к сожалению, вынужден прослушать ваш рэ-пэр-ту-ар...

— Дим, идём отсюда, — Наташа встала и, подойдя к мужу, взяла его за руку, — моё участие оплачено, значит, я, в любом случае, должна отработать, или пускай возвращают спонсору деньги.

— Вы бы ещё перед самым концертом пришли. Да ещё с живым исполнением.

— В общем-то, я тоже удивился, что утверждение репертуара происходит в день концерта, — Морозов пожал плечами, — но вы сами назначили время. Если вам некогда, давайте без прослушивания.

— Прослушивание — обязательное условие, — металлически отчеканил Гольдман, — мало ли, какую хрень вы там петь собираетесь.

Собрав волю в кулак, чтобы не нагрубить в ответ, Наташа прошла к небольшой сцене, находившейся в углу зала и имеющей форму треугольника. Пока Дима настраивал аппаратуру, Гольдман успел позвонить по телефону и, поставив недалеко от сцены стул, уселся на него, всем своим видом выражая обречённость. Но, прослушав первый куплет одной из трёх песен, которые должна была исполнить Наташа, невольно подался вперёд и, положив локти на колени, сцепил пальцы. Теперь его устремлённый на неё взгляд из обречённого превратился в открыто удивлённый. Чуть выдвинув вперёд большие, бледные губы и высоко подняв брови, отчего его широкий лоб наполнился продольными морщинами, он буквально буравил её своими светло-голубыми глазами, так, что, случайно посмотрев на него, она смутилась.

— Секунду, — как только стих последний аккорд первой песни, он тут же сделал рукой предупредительный жест и потянулся за телефоном; набрав номер, поднёс его к уху, — Кристина, спустись? Я хочу, чтобы ты тоже послушала... Ну, спустись на одну секунду! — нервно выкрикнув последнее предложение, он отключился и снова посмотрел на Наташу, — Сейчас подойдёт Кристина, и продолжим.

— Ну, как вам эта композиция? — не спрашивая, кто такая Кристина, Морозов сам уже понял, кому только что звонил его тёзка, но виду не подал, — Аппарат не совсем профессиональный, хороший звук не обеспечивает.

— Здесь это неважно, — отмахнулся Гольдман и снова уставился на Наташку, — ты из какого города?

Едва успев ответить на его вопрос, Наташа невольно повернула голову в сторону открывшейся двери.

От Юли Мазур Морозовы знали, что владелец московского клуба, в котором они выступали не так давно, никто иной, как родной брат нынешнего мужа Кристины Лапиной, известного продюсера Дмитрия Гольдмана, поэтому сегодня, услышав имя председателем жюри, оба были вполне готовы к этой встрече.

И, тем не менее, в сердце похолодело.

— Добрый день, — Кристина вошла в помещение банкетного зала и сдержанно поздоровалась со всеми. За эти несколько лет она почти не изменилась, лишь поменяла причёску и цвет волос: теперь они были не чёрными, а светло-русыми, пышно струящимися по узким плечам.

Увидев свою бывшую невесту и коллегу, Дима тут же отметил про себя и её обычный колючий пронзительный взгляд, который она немедленно отвела, как будто не заметив его самого, и извечную надменную усмешку на красивых, накачанных рестилайном губах.

— Я хочу, чтобы ты тоже послушала, — поставив рядом с собой ещё один стул, Гольдман кивнул ей и тут же снова уселся, — кстати, это из твоего города...

— Серьёзно? — сделав вид, что она не узнала Наташку и всё так же не замечая Морозова, Кристина опустила рядом с супругом.

— Вполне, — тот посмотрел на Диму, — давай следующий минус.

Усмехнувшись про себя, Морозов нажал на плей.

Встретившись с Кристиной этим летом в Москве, Дима был так взволнован и испуган Наташкиным исчезновением, что перекинулся с бывшей подругой лишь парой слов. Сегодня же, видимо, в отместку, та демонстративно сделала вид, что его не узнала.

В тон ей, Морозовы тоже не стали демонстрировать своё давнее с ней знакомство.

Пока Наташа пела, Кристина сидела, закинув ногу на ногу и равнодушно разглядывая носок своей туфли. Ни один нерв на её лице так и не дрогнул, ни одного взгляда не было брошено ни на исполнительницу, ни на её спутника...

— Хорошо, — прослушав все три композиции, Гольдман тут же встал со стула и подошёл к Наташе, — утверждаю все три песни. В программу они уже включены, не забудьте узнать очередность выхода, и на будущее: все прослушивания назначаются задолго до выступления...

— Так вы сами... — начал было Дима, но тот уже стремительно направлялся к выходу вместе с Кристиной, которая так и не проронила ни единого звука.

— Возможно, вечером я с тобой встречусь! — выкинув вперёд указательный палец левой руки, Гольдман обернулся у самой двери к Наташке, — Возможно!..

— По-моему, нас не узнали, — выходя из отеля, Наташа обняла мужа за пояс и иронично улыбнулась уголкем губ, — или сделали вид, что не узнали...

— Тебя это задевает? — обхватив её за плечи, он улыбнулся в ответ.

— Это ужасно, но... Ни капельки! — тихо рассмеялась она и, бросив на него озорной взгляд, добавила, — Тем более, со мной обещали встретиться!..

— Воз-мож-но! — напомнил ей Дима, подняв кверху указательный палец.

...Её выступление на гала концерте завершилось бурей аплодисментов — она не подозревала, но, оказывается, и «Колыбельная», и «Ты заплетал мои косы» были известны многим зрителям и даже некоторым членам жюри. Сразу после её блока к Наташе подошла Ирэна Самарина — известная радиоведущая, работающая на одном из популярных российских каналов.

— Наконец-то мы встретились! — Ирэна радостно схватила Наташку за плечи, — Я случайно увидела в интернете твой ролик, и с тех пор слежу за твоим творчеством, а как раз перед отъездом сюда разговаривала с главным редактором, чтобы сделать о тебе радиопередачу! Но позвонить не успела, торопилась, и — о, какая удача! Теперь буду с тобой на связи! Жди звонка!

Немного ошеломлённая, Наташа только успевала кивать головой и благодарить за оказанное ей внимание и восхищение зрителей, под взглядами других артистов, среди которых были и довольно известные.

Сойдя с огромной сборной площадки, она уже хотела идти к Диме, который, согласно данному обещанию, держал на плечах Валерку и смотрел вместе с ним выступление их любимой мамы — внизу, неподалёку от края сцены, за верёвочным барьером, отделяющим от зрителей небольшое пространство, вдоль которого располагались представители прессы и телевидения. Чуть сбоку толпилась часть артистов, а так же постоянно прибегающие и снова куда-то убегающие организаторы фестиваля.

— Секундочку! — невесть откуда вынырнувший Акулов на ходу схватил Наташку за руку, — Тебя искал Гольдман, срочно подойди к нему!

— А где он? — Наташа огляделась вокруг в поисках знаменитого продюсера.

— Он там, за сценой, — рукой указывая куда-то назад, Акулов уже бежал дальше, по своим делам, — только срочно!.. Сегодня — твой день!

Пробравшись сквозь толпу самых пронырливых зрителей, несмотря на ограждение и окрики администраторов просочившихся к самой сцене, Наташа завернула за угол конструкции. Там, на задворках, разбившись на кучки, в стороне от посторонних глаз курили и что-то оживлённо обсуждали более маститые творческие личности.

Гольдмана она увидела сразу — ни на кого не обращая внимания, тот нервно жестикулировал руками и явно ссорился с Кристиной.

— Дима, я не понимаю, зачем тебе она?! — судя по всему, скандалы были привычным занятием для именитых супругов, потому, что они, совершенно не стесняясь посторонних, бурно выражали свои эмоции.

— А я не понимаю, что тебя так задевает?! — тряся ладонями, Гольдман тарачил на

Крестину глаза, — Мне нужна замена для Греты, по-моему, лучшего варианта не придумать! Ты слышала её вокал?!

— У тебя есть замена для Греты, — Кристина всё же снизила тон, видимо, не желая посвящать присутствующих в их творческие проблемы, — у тебя есть замечательная замена для Греты!

— У меня нет замены для Греты, — сквозь зубы процедил Гольдман, — и я не понимаю, почему ты так против?!

— Просто потому, что я — против! — отчеканила Кристина, — Кто угодно, только не она!

— Вы меня искали? — по выражению повернувшихся к ней лиц Наташа поняла, что спор шёл именно о ней.

— Не искал, а хотел видеть, — не обращая внимания на гнев Кристины, мужчина взял Наташу за локоть и отвёл в сторону, — Сразу к делу. Вот мой телефон, — порывшись в кармане, он достал визитку, — Позвонишь мне пятого числа, я скажу, когда нужно будет приехать.

— Приехать — куда?

— В Москву, естественно.

— Зачем?..

— Я хочу сделать с тобой сольный проект.

— А моё желание?.. Оно — не в счёт? — Наташа удивлённо улыбнулась.

— Ты что, не понимаешь?! — в его взгляде сквозило недоумение: а в своём ли уме девушка? — Я предлагаю тебе контракт!

— Это я поняла. Но что я буду у вас делать? — всё так же улыбаясь, она слегка наклонила голову.

— Петь!.. — в его взгляде было столько неподдельного изумления, что Наташка чуть было не рассмеялась.

— Так я пою... И у меня уже есть контракт с моим продюсером.

— Кто продюсер? — нахмурившись, Гольдман задавал вопросы отрывисто, сердито.

— Дмитрий Морозов. Вы его видели сегодня. Он музыкант. Группа «Ночной патруль». Я пою и в группе, и у меня своя сольная программа, — Наташа не стала вдаваться в подробности и говорить, что Димка — её муж, и что Кристина отлично знает их обоих, тем более, что та пыталась создать именно это впечатление.

— Слышал что-то краем уха... — мужчина недовольно поморщился, — Когда заканчивается контракт?

— Надеюсь, что никогда...

— Срок! — Гольдман начинал терять терпение, — Какой срок указан в контракте?!

— А срока нет. Он — пожизненный...

— Ну, тогда привет твоему селу, — он насмешливо скривил губы и тут же отвернулся, взглядом ища кого-то, скорее всего — Крестину.

— Передам обязательно, — она всё же рассмеялась, — а за предложение спасибо.

— Шанс в этой жизни выпадает всего лишь один раз! — вытянув указательный палец, он всё-таки ещё раз обернулся в её сторону, — И ты его упустила!

...Поставив Валерку на землю, Дима ждал, когда, спустившись со сцены, Наташа

подойдёт к ним, но она, после короткого разговора с Акуловым только махнула им рукой и скрылась за углом. Решив, что она сейчас вернётся, он решил подождать её здесь же, чтобы потом не разминуться.

— Дима, привет! — две незнакомые девушки лет восемнадцати, обе в белых шортах, белых коротких футболках и белых кепках с козырьками, держась за руки, очаровательно улыбались ему.

— Привет, — улыбнулся он в ответ.

— А мы тебя узнали, — прохихикала одна из девчонок.

— А можно взять у тебя автограф? — вторая кокетливо смотрела чуть исподлобья.

— Можно, только у меня ручки с собой нет, — похлопав себя по карманам, Морозов виновато развёл руками.

— А мы дадим, дадим!.. — хором загалдев, девушки одновременно полезли в свои белые сумочки — одна из них, достав чёрный маркер, протянула его Диме, — Вот!

— Где расписаться? Он с готовностью поднял руку.

— Вот здесь, — сняв с головы кепку, одна кивнула на козырёк, — прямо на козырьке!

— А мне тут — вторая подставила свою сумочку.

— А не жалко? — Дима обвёл взглядом обеих.

— Не-е-ет! — обе радостно засмеялись, — Наоборот, прикольно!

— Ну, тогда... — он размашисто вывел свою подпись сначала одной, потом другой.

— Ой, а это твой сын или брат? — любопытничала одна из девушек, разглядывая Валерика, — На тебя похож!

— Это мой внук, — Дима придал лицу как можно более серьёзное выражение.

— Папа!.. — Валерка недоумённо поднял на него свои синие-пресиние глазёнки, — Я не внук!.. Я же сын!..

Рассмеявшись вместе с девчонками и окружающей их толпой, Дима снова посмотрел в сторону, куда перед этим прошла Наташа.

— Слава находит своего героя? — сначала он узнал только этот насмешливый тон и голос, и лишь потом разглядел торопливо идущую в его сторону Кристину, — У тебя уже берут автографы?

— Бывает иногда, — глядя в её колючие глаза, Морозов ответил сдержанно.

— Ты так изменился.

— Разве? — он удивлённо пожал плечами.

— Я даже не узнала тебя там, в отеле, — Кристина говорила спокойно-снисходительно, но, судя по её взгляду, Дима понял, что в душе её бушует настоящий ураган.

— Да ничего страшного, — усмехнулся он в ответ на её явную ложь, — и я изменился, и программу ты тоже не читала...

— Читала... — она чуть скривила губы, — Но я не подумала, что Наталья Морозова — это твоя Наташа.

— И в отеле ты её не узнала... Видимо, она тоже изменилась?

— Я даже подумать не могла, что вы всё ещё вместе, — отпустив колкость, она опустила взгляд на Валерика, — он уже такой большой...

— Мне четьле года! — запрокинув голову, ребёнок посмотрел на незнакомую тётю.

— Вот как? — улыбаясь уголком губ, Кристина слегка качнула головой, — И совсем не похож на тебя...

— Раньше ты говорила другое, — понимая, что она хочет его зацепить, усмехнулся Морозов.

— Я похо-о-ож! — расстроено протянул Валерик, — Я похож на папу, а Анечка — на маму! Только у Анечки глазки синие!

— Анечка? — судя по тому, как Кристина снова колкоче посмотрела на Диму, эта новость ещё больше подлила масла в огонь, — Значит, теперь у тебя ещё и Анечка?..

— Анечке скоро будет годик, она уже умеет ходить, а говолить ещё не умеет, только «мама» и «папа», — Валерка продолжал выдавать семейные «тайны».

— Интересно, как она будет всё совмещать?.. — глядя исподлобья, Кристина нервно «играла» губами, сдвигая их уголки то вправо, то влево, то чуть поджимая, то покусывая...

— Кто? — Морозов непонимающе уставился на неё.

— Твоя Наташа... — судя по частому, шумному дыханию и раздувающимся ноздрям, взрыв должен был произойти вот-вот, — Как она собирается совмещать семью и творчество?!

— Она уже совмещает. Всё нормально.

— Похоже, ты ещё не в курсе, — она всё же сдерживала из последних сил гнев, готовый прорваться наружу.

— В курсе чего?

— Сейчас т а м, — пристально глядя в глаза Морозову, Кристина показала большим пальцем левой руки куда-то себе за спину, — Гольдман делает ей предложение.

Она говорила, чётко разделяя слова, как будто вкладывала смысл в каждую букву, как будто от сказанного ею должна была зависеть судьба всей вселенной...

— Какое предложение?.. — Дима непонимающе перевёл взгляд с неё в сторону, куда показывал её палец.

— Он хочет предложить ей сольный проект, — взгляд стал по-настоящему злобным, — и я хочу тебя предупредить...

— Проект?..

— Да. Сольный проект. Звёздный. Гольдман это умеет.

— А! — Морозов с облегчением кивнул, — Я понял! Ты боишься, что Наташа согласится!

— Я ничего и никогда не боюсь, — это она процедила уже сквозь зубы, — но, если вдруг...

— Мама идёт! — Валерка, вырвав ладошку из отцовской руки, бросился навстречу Наташе, появившейся из-за дальнего угла сцены.

— Я тебя предупредила, Морозов, — пользуясь тем, что ребёнок убежал, Кристина повысила голос.

— Успокойся. Наташа не согласится.

— От такого предложения может отказаться только последняя дура!

— Ты, действительно, боишься?! — удивление вышло слишком искренним для того, чтобы она его простила.

— Я — боюсь?! — она истерично вытаращила на него глаза, — Морозов, ты, кажется, забыл, кто — я?!

— Если честно, стал забывать в последнее время. К сожалению, ты сама напомнила о себе...

— Я?! — от новой волны гневного возмущения у неё перехватило дыхание, — Я — напомнила о себе?! Да я тебя видеть не могу!.. Ни тебя, ни твою матрёшку!.. Это вы вторгаетесь в мою жизнь!

— А ты совсем не изменилась, — Дима невозмутимо заложил руки в карманы брюк.

— А ты... — в приступе истерики она не могла подобрать для него оскорбительных слов, — Ты даже сейчас мешаешь мне жить!.. Ты даже здесь возник на моём пути!.. Ну, откуда вы здесь взялись?!

— Вообще-то мы здесь клип снимали, — увидев, что Наташа с Валериком уже совсем близко, Димка сделал им шаг навстречу, одновременно обращаясь к Кристине, — заодно выступали. Мы многого добились.

Его спокойный тон окончательно вывел её из себя.

— Ты добился?! — несмотря на грохот музыки из огромных динамиков, её крик был слышен стоящей рядом толпе, — Ты сам всего добился, Морозов?! Да если бы мой отец не вложил в тебя кучу денег, ты до сих пор сидел бы в своём грязном подвале!.. Но он тебя вытащил на свет! А ты?! Как ты отблагодарил его?!

— Он спас тебе жизнь... Ты забыла? — в отличие от Кристины, Наташа произнесла это негромко, не на публику, окружавшую их и невольно переключившую внимание с концерта на разгоревшийся скандал.

— Что случилось?.. — внезапно возникнув, Гольдман непонимающе смотрел то на супругу, то на Морозовых, — Кристину, в чём дело?

— Ни в чём!.. — бросив на Морозова испепеляющий взгляд, та обернулась к мужу, — Едем в гостиницу!

— Какая гостиница?! — тот раздражённо приподнял плечи, — Ещё концерт не закончился, ещё заключительное слово, и, вообще, что вы здесь устроили у всех на глазах?! Ты опять лезла в мои дела?! — он едва заметным кивком показал на Наташу, которая, при его появлении вместе с Димой и Валериком предпочла отойти в сторону, — Я тебе сколько раз говорил, в мои дела не вмешиваться!

— Ты едешь в гостиницу?! — Кристину всё никак не могла успокоиться и, нервно сжав губы, дышала тяжело и часто.

— Нет! — выкрикнул в ответ Гольдман.

— Значит, я поеду одна! — резко развернувшись, она стремительным шагом пошла прочь.

— Да пошла ты!..

...На обратном пути Наташа со смехом рассказывала Димке, какие были глаза у знаменитого продюсера, когда он, наконец, понял, что она не собирается падать в обморок от такого заманчивого супер-пупер-предложения. Даже намекнув на «село», Гольдман так и не смог до конца осознать, как эта областная певичка предпочла перспективе звёздной карьеры своё «серое», вялотекущее в его понимании творчество.

— Как думаешь, не пропаду? — уже в номере, уютно устроившись у мужа под мышкой, Наташа подняла на него лукавый взгляд.

— Думаю, что нет, — Дима тоже хитро скосил на неё глаза, — хотел тебе дома сказать, но...

— Дим, что?! — она приподнялась на постели в ожидании новости, — Ну, говори, Ди-и-и-м!..

— Сегодня, пока ждали твоего выступления, разговаривали с директором одного местного музканала. Они берут наш клип «Тебя здесь нет». Три месяца бесплатной прокрутки.

— Правда?! — глаза у Наташки округлились до невероятных размеров, — Дима!.. Это же такой пиар!..

— Это ещё не всё. В октябре едем на недельные гастроли по всему черноморскому побережью. И «Ночной патруль», и ты со своей сольной программой. Акулов сам предложил проложить маршрут. Не разгар сезона, конечно, но в это время народ больше по клубам как раз и тусуется. Засветим «Ночной патруль» ещё и в курортных городах. Так что, точно не пропадём!

— А наш гастрольный график?

— Я уже всё посмотрел, вписываемся.

— А дети? Милена уйдёт от нас...

— А Светлана Петровна с Валерием Фёдоровичем? Они же согласились, наконец переехать в наш город... Или передумали?

— Не передумали. Но скоро родит Алинка... у них сразу столько внуков прибавится, выдержат ли? — улыбнулась Наташа.

— Бабушка Аня с дедушкой Сашей... Они тоже никуда не денутся.

— Перед твоими мне уже стыдно. Они столько для нас сделали!

— Не переживай... Две бабушки, два дедушки, да и Милена пока нас не бросила... В крайнем случае, будем Валерку с Аней с собой брать на гастроли.

— Вместе с бабушками? — рассмеялась Наташа.

— И вместе с дедушками. Пусть мир посмотрят... У нас же ещё другие континенты не освоены!

— И планеты... Дим, а мы с тобой не очень размечтались?..

— Ты же сама сказала, что у нас с тобой пожизненный контракт. А жизнь, она — длинная...

— Дим... — Наташа снова прильнула к мужу, положив голову ему на грудь, — А ты хотел бы повенчаться?

— Не знаю, — он слегка пожал плечами, — никогда об этом не думал. Да и в церкви мы с тобой были всего один раз, когда Валерку крестили.

— Значит, ты в себе не уверен, — обиженно закусив губу, она пальчиком водила по его груди.

— В чём не уверен?

— В том, что хочешь прожить со мной всю оставшуюся жизнь... Ведь венчанным нельзя разводиться...

— Нельзя? Почему?

— Они же дают обет перед Богом...

— Ну, раз так... давай, обвенчаемся...

— Ты серьёзно? — она приподняла голову.

— Серьёзно. Свадьба у нас была спонтанная... А сейчас мы подготовимся и сделаем большой праздник...

— Ты, правда, этого хочешь?

— Хочу.

— И ты согласен жениться на мне во второй раз?!

— Согласен.

— А предложение... сделаешь?... — она лукаво улыbnулась в темноте.

— А разве я не сделал?.

— Что-то я не расслышала...

— Наташка... — повернувшись, он обхватил её руками и уткнулся лицом куда-то в макушку, — выходи за меня замуж?

— Ну, хорошо... — счастливо вздохнув, она устроилась поуютнее и закрыла глаза, — Я подумаю...

* * *

Домой Журавлёв летел один — купить для него обратный билет на тот же рейс, которым улетали Морозовы и Милена, Элеоноре не удалось. Его самолёт вылетал на следующий день. Только встретившись, им снова пришлось расстаться, но не эти сутки, проведённые в одиночестве, тревожили его...

Придёт ли Милена встречать его в аэропорт?

Несмотря на радость встречи, она не сказала ему ничего конкретного. Он не спрашивал, а она молчала на счёт их будущих отношений... Он видел, что она мучается, и от этого мучился сам. Он чувствовал, что в его сознании произошли необратимые изменения... Трагический разрыв с Настей, вина перед которой никогда не уйдёт из его сердца... Уход Милены... Встреча с отцом Александром... Все эти события перевернули его внутренний мир, его сознание, его отношение к жизни — своей, и, что ещё важнее — к чужой...

А ещё — эта девочка... Семилетняя Маша из детского дома, который курирует отец Александр. Дочь того самого «террориста», Романа Васильченко, захватившего их автобус в январе...

По дороге в аэропорт, глядя на нарядных школьников с букетами в руках, Женька подумал о своей дочери — сегодня первое сентября, и Алёнка, которую он перед отъездом отвёз к бывшим тестю и теще, тоже, наверное, в нарядном школьном костюме и белых бантах крутится перед зеркалом. Несмотря на то, что Кира пока не смогла забрать дочь к себе — по его, Женьки, вине, Алёнка ничем не обделена: ни подарками, ни вниманием.

...На память снова пришла эта девочка с огромными карими, как у Милены, глазами... Интересно, как проходит первое сентября в детском доме-интернате? Ведёт ли кто-нибудь за ручку малышей в первый класс?..

Вряд ли...

...Ленка... Её можно понять. После стольких лет разлуки он предстал перед ней совершенно другим человеком. Сказать, что она должна была быть разочарована — ничего не сказать.

Он виноват перед ней. Тысячу раз виноват. Они посланы друг другу самой судьбой, а судьба не прощает, когда кто-то идёт ей наперекор. Он — шёл... Он потерял Ленку один раз, но судьба смиростивилась, и снова подарила им новую встречу... Подарила — ценой разбитого Настиного сердца. И снова он не понял, что подарки такой цены нужно беречь, как зеницу ока.

Он тысячу раз виноват перед Ленкой.

И он до сих пор не знает, простила ли она его...

С тех пор, как она вчера улетела, он звонил ей, кажется, миллион раз. Она отвечала, но он каким-то десятым чувством улавливал тень сомнения, не покидающего её... улавливал и понимал, что она дала себе эти сутки на то, чтобы принять окончательное решение.

Она не знает, насколько перевернулся его внутренний мир. Он не стал ни клясться, ни бить себя в грудь. После всего, что случилось по его вине, все клятвы — ничтожны. Он это знает...

Она сможет почувствовать только сама.

Они не договаривались о встрече в родном городе, она не обещала приехать в аэропорт. Но он знал — если она приедет, это будет означать лишь одно: она окончательно его простила.

...Отстегнув ремень, он не торопился вставать с кресла. Подождав, пока большинство пассажиров покинут свои места, Журавлёв не торопясь встал и, достав небольшую дорожную сумку, направился к выходу. Он как будто нарочно не спешил, оттягивая момент, когда, выйдя в зал прибытия, окончательно убедится, что его никто не встречает...

Боясь разочарования, в душе он нарочно не оставлял себе никакой надежды, и, всё же, увидев толпу встречающих, невольно скользнул по ней глазами, пытаясь разглядеть знакомую фигуру...

После недолгих августовских «каникул» «Творческая деревня» начала оживать довольно бурно: уже вечером первого сентября из открытых окон второго этажа звучала ритмичная музыка — репетировал шоу-балет.

Проходя мимо аппаратной, Алиса заглянула в открытые настежь двери — Мазур и Говоров, сидя на полу, дружно копошились в огромной куче проводов, вываленной из картонной коробки, валяющейся тут же, неподалёку.

— Вы чего? — Алиса кокетливо облокотилась о дверную коробку, — клад ищите?

— Типа того, — хмыкнул Сашка, бросив на неё взгляд, — Иди, помогай...

— Вот ещё, — она манерно трянула своими рыжими волосами, — у меня своя работа есть.

— Обалдеть... Я думал, ты сюда отдыхать ходишь... А у тебя тут, оказывается, работа!.. — сделав губы «подковой», он понимающе кивнул.

— Между прочим, завтра начинаем разрабатывать костюмы для вашей рок-оперы, — несмотря на «свою работу», Алиса и не думала уходить. Усевшись на стул, она облокотилась о спинку и закинула ногу на ногу.

— А сценарий-то готов? — Сашка невольно скользнул взглядом по её бёдрам, едва прикрытым коротким платьем.

— Вроде бы — да. Наташа сегодня окончательно его перепроверит, а завтра все собираемся на обсуждение.

— И когда Димыч всё успевает? — Мазур уважительно покачал головой, — Это не человек, это робот какой-то.

— Название только никак не придумают, — заметив недвусмысленные взгляды Говорова, Алиса в воздухе чертила носком туфельки округность, — всё готово, а названия — нет...

— Вот ты где, — Паша Рулёв с порога кивнул Алисе, — ты телефон у меня на столе оставила, а тебе Анна Сергеевна названивает.

— Сейчас... — она невозмутимо продолжала сидеть на месте.

— Паша... — повернувшись лицом к Рулёву, Витька вытаращил свои светлые глаза, — Вот как ты думаешь, почему каждый раз, перед тем, как спрятать шнуры, ты их сматываешь... сматываешь... А, когда назад достаёшь, они все в косичку!..

— Потому, что смотать мало... — при Пашкином появлении Сашка снова переключил внимание с ног Алисы на перекрученные затейливыми узорами провода, — Надо ещё перевязать... но у некоторых тямы не хватает... Пошвыряют всё в одну кучу и сваливают, довольные...

— Попрошу без намёков! — Мазур снова запустил длинные пальцы в «паутину», — Тем более, вместе складывали.

— Помочь? — присев рядом с парнями, Рулёв потянул наугад один из шнуров, — Где тут конец-то?

— Если бы знать... — философски ответил Витька, — Кстати, Димон-то сегодня подойдёт?

— Он здесь, — Сашка радостно держал на весу распутавшийся шнур штекером вниз, —

первый есть!

— Здесь?! — Мазур поднял на него голову, — Где?! Чего я не видел?

— Мы вместе приехали, только он сразу к Элеоноре двинул, график согласовывать...

— Чего его согласовывать? Всё расписано...

— Он тебе чё, не говорил? — Говоров взял в руку новый моток.

— Нет. А что?

— В октябре черноморские гастроли. Недельные. Дима договорился.

— Класс... Молодец, Дима. И там всё успел... — снова повторил Мазур.

— Угу... — Сашка задумчиво вертел в руках найденный конец провода, — Всё успели...

И клип сняли... и концерт дали... и романсы пели... и на фестивале засветились... и с музканалом шуры-муры закрутили...

— Они там море-то хоть видели? — Мазур с сомнением посмотрел на друга.

— Видели... И не только море... — Сашка как-то странно ухмыльнулся, — Прикинь, кого встретили?..

— Элиса Купера? — «догадался» Витька.

— Если бы...

— Кого?

— Кристину...

— Лапину, что ли?

— Угу... Ты в курсе, кто её муженёк?

— Ну, так... слышал краем уха, — Мазур как-то загадочно улыбнулся.

— Ну, вот... Дима говорит, он был председателем жюри. Лично Наташку прослушивал.

Предлагал контракт...

— Нормально... — Витька уважительно покрутил головой, — И чё?

— И ничё. Натаха сказала, чтобы он шёл со своим контрактом...

— Круто... А Кристина чё?

— Димыч говорит, закатила скандал прямо на площадке.

— Тоже нормально... В своём репертуаре, — хмыкнул Витька, — а ты в курсе насчёт

Лапы?

— Нет... А что там с Лапой? — пришла очередь спрашивать Говорову.

— Так это... Он же, говорят, на какой-то танцовщице подженился... Она, вроде, у него в клубе гоу-гоу танцевала... ну, он и запал на молоденькую. Год пожила с ним, и говорит, типа — я беременная, буду рожать тебе наследника... всё такое... Ну, он на радостях ей бабах, отписывает имущество, пару своих клубов, бабла на счёт переводит немеряно... типа, я раньше помру, пусть тебе и ребёнку всё останется...

— И — чё?..

— И — ничё. Она ему через пару месяцев — прости, ошиблась, разлюбила и всё такое...

Развожусь.

— Беременная — разводиться?.. — Алиса недоверчиво качнула головой, — Подождала бы, пока ребёнок родится...

— Там, по ходу, ребёнком и не пахло.

— Так он что, даже брачный контракт с ней не подписывал? На Лапу не похоже.

— Не в курсе. Но, судя по тому, как развивались события — нет.

— Чего делаец-ца... — Сашка смотал последний из шнуров и, отряхнув руки, уселся на диван, — И чего теперь Лапа?

— А Лапа вчера себе пулю в сердце...

— Ты чё?! — Сашка медленно поднял на Мазура вытаращенные глаза, — Насмерть?!

— Не, — Витька замотал белёсыми кудрями, — в последний момент рука всё же дрогнула, только лёгкое прострелил. Спасли.

— Ф-фу-у-у-у... — Сашка облегчённо вздохнул, — Никогда к нему любовью не пылал... но всё-таки...

— Вот и я так же... Всё-таки сколько лет у него в клубах работали.

— А ты откуда это знаешь?

— Юлька рассказала. У неё подруга в ментовке работает, так вот они выезжали на место происшествия.

— Да-а... Никогда бы не поверил, что Лапа способен так лохануться...

— Я бы тоже не поверил, но у Юльки данные из первых рук, — Витька со всего размаху плюхнулся рядом, — А самое смешное знаете, что?

— Что? — одновременно спросили Говоров с Рулёвым.

— Самое смешное, что эта его танцовщица свалила в Москву, к его закадычному приятелю. Тот тоже владелец клубов... Коллега, так сказать...

— Молодец, деваха... В одном лице отомстила за всех, обиженных и оскорблённых Лапой.

— Угу... — по выражению лица Витьки можно было догадаться, что он рассказал ещё не все новости, — А знаете, как зовут московского друга?

— Как? — снова хором спросили Сашка с Пашей.

— Ростик Гольдман... — Мазур многозначительно прищёлкнул языком, — Хозяин клуба, где мы летом выступали...

— Погоди... — Говоров задумчиво сдвинул брови, — Гольдман... Это же...

— Да-да... — улыбаясь уголками губ, кивнул Витька, — Родной братец Димы Гольдмана, известного шоумена, заодно муженька Кристины Лапиной... Она, кстати, с ним так и познакомилась — когда уехала в Москву, то жила у этого самого Ростика первое время, пока Лапа ей там квартиру не прикупил... И через Ростика познакомилась с Димой-продюсером. У Юльки знакомая журналистка как раз для жёлтой прессы пишет о жизни звёзд. Когда Юлька в Московском клубе встретила Кристину, она потом у этой знакомой все справки навела.

— А чего ты раньше не рассказывал?

— А оно мне надо? — Витька пожал плечами, — Случай выпал — рассказал...

— Нормально, — хмыкнул Сашка, — папина молодая жёнушка обобрала папу и свалила к его другу, а заодно брату муженька доченьки... Весело там Кристине!

— А ей и правда весело, — охотно кивнул Мазур, — Юлькина подруга говорит, что этот Дима-продюсер без конца изменяет ей с певичками, которых раскручивает... И, в общем-то, развод у них совсем не за горами.

— Я всегда знал, что они там, как пауки в банке друг друга жрут... — Сашка никак не мог успокоиться от полученных известий, — Но, чтобы так... Слушай, ну, а Лапа-то... он-то как повёлся?! Чтобы его так вокруг пальца обвести, да я бы сроду не поверил!.. Отписать всё на какую-то тёлку...

— Любовь, Саня... — Витька философски закатил глаза под потолок, — Она конкретно торкает. Особенно в таком возрасте.

...Домой к Анне Сергеевне Алиса ехала под впечатлением услышанного. За всё время, что она прожила в семье Морозовых, она так и не оставила мысли познакомиться со своим родным дядей. Ей упорно казалось, что такой состоятельный родственник обязательно поучаствует в её судьбе. Случая всё никак не представлялось, а ехать к нему и заявлять в лоб, что она его племянница, Алиса не решалась. Теперь выходило, что смысла знакомиться с ним больше нет.

— Алисонька, здравствуй, моя хорошая! — Анна у порога радостно обняла племянницу, которую теперь видела не каждый день — девушка большую часть времени жила у Паши.

— Здравствуйте, тётя Аня, — та в ответ чмокнула тётушку.

— Я не стала говорить по телефону, это не телефонный разговор, — пройдя в кухню, Анна Сергеевна тут же начала разогревать ужин, — кстати, а где Паша? Почему ты без него?

— Он ещё в студии, — махнула рукой Алиса, — они с Димкой постановку новой рок-оперы обсуждают. Я хотела подождать, чтобы Дима меня довёз, но, по-моему, они там надолго...

— Да, — рассмеялась Анна, — Наташа тоже говорит, что Диму сегодня не дожидаться. Дорвался до своей творческой деревни.

— Она сегодня не приезжала...

— Да, решила остаться дома, с детьми. Да и дел много... У женщины всегда полно работы, даже несмотря на то, что она артистка. А от домработницы отказывается наотрез.

— А где дядя Саша?

— Он у них, вместе с Наташиными родителями. Они все прилетели вчера. Наташе всё же удалось уговорить Валерия со Светланой на переезд. У Светы скоро заканчивается отпуск, и нужно подыскивать здесь работу.

— А где они собираются жить? — Алиса слегка нахмурилась.

— Пока в Наташиной квартире. Правда, это на другом конце города... Но на первое время пойдёт. А потом они собираются продать свой дом... Ну, в общем, как-нибудь всё решится. Наташе так спокойнее, здесь всё-таки кардиологический центр, Валерию не нужно будет ездить за тридевять земель.

— Как всегда, — в последнее время Анна слишком часто повторяла вслух имя невестки, и в голосе Алисы послышались нотки ревности, — все собираются вокруг вас...

— Да это же хорошо! — Анна рассмеялась, — Когда-то мы с Сашей очень переживали, что Дима у нас один, и нас ждёт одинокая старость. А видишь, как получается? И Дима с Наташей, и внуки — все рядышком! И Наташины родные... вот и ты с нами, а замуж выйдешь, разве бросишь нас?

— Вы так хотите выдать меня замуж? — зелёные глаза удивлённо распахнулись.

— Мне очень нравится Паша, — выключив плиту, Анна достала тарелку и стала накладывать в неё голубцы, — жаль, что он не приехал с тобой, сейчас бы обоих накормила.

— Много не кладите! — увидев, что Анна наполняет тарелку от души, Алиса замахала рукой, — Мне и одного хватит!

— Да разве одним наешься? — женщина удивлённо обернулась, — ты же любишь мои голубцы!

— Люблю, — неожиданно смутившись, Алиса пожала плечами, — но сегодня почему-то есть не хочется... Правда, тётя Аня, не обижайтесь... А Пашку в следующий раз накормите.

— Обязательно накормлю, — Анна нехотя переложила голубцы назад в сковороду, — он очень хороший мальчик. Я бы хотела, чтобы вы поженились.

— Вы со мной об этом хотели поговорить?

— Нет, конечно, — Анна присела напротив племянницы, — только ради этого я не просила бы тебя приехать так срочно.

— Что-то случилось? — встревожилась девушка, — Мама звонила?

— Нет, — успокоила её Анна, — мама не звонила, и у них всё в порядке. Разговор о другом.

— О чём?

— Помнишь, ты спрашивала меня о Леониде Лапине?

— О моём дяде?.. — уже начиная догадываться, о чём хочет сказать Анна, Алиса медленно опустила глаза, — Да, помню, конечно...

— Ты переживала, не нужна ли ему помощь... Помнишь?

— Да, конечно...

— Я тогда сказала, что помощь ему вряд ли нужна.

— Я помню.

— Дело в том, что с ним случилось несчастье.

— Несчастье? — уже зная, о чём будет идти речь, Алиса попыталась изобразить тревогу, но получилось лишь лёгкое удивление.

— Да, — кивнула Анна, — Он в больнице, с тяжёлым огнестрельным ранением. У него прострелено лёгкое, и, скорее всего, он останется инвалидом.

Алиса вкратце уже знала всё, о чём сейчас рассказывала Анна, но старалась не подавать виду. Перспектива знакомства с родственником, который из богатого здорового мужчины теперь превратился в больного одинокого человека, отнюдь не радовала, но отказаться она не могла.

— Откуда вы узнали, что произошло? — она задала этот вопрос просто потому, что нужно было что-то спросить.

— Мне позвонила Мила, — Анна говорила негромко, было видно, что она переживает, — это первая жена Леонида, мать его дочери Кристины. Они разошлись около трёх лет назад, у Милы другой муж, но она очень расстроена. Она позвонила из-за Саши. Саша с Леонидом — одноклассники и бывшие друзья...

— Друзья?! — вот этого Алиса как раз не знала.

— Да. Я не стала тебе тогда говорить... Три года назад Саша очень поссорился с Леонидом.

— Почему?

— Из-за Димы. Леонид не совсем хорошо поступил с Димой. Когда мы узнали, Саша поехал и высказал всё Леониду. Больше мы не виделись. Но сейчас совсем другая ситуация. Завтра мы с Сашей едем к нему в больницу. Я вспомнила, что ты хотела его увидеть... ты поедешь с нами?

— Н-ну, хорошо... — она произнесла это нехотя, как бы ещё раздумывая над предложением, но потом, встретившись со взглядом Анны, быстро кивнула головой, — Поеду.

Когда вчера, по дороге из аэропорта автомобиль повернул в сторону дома, где жили Морозовы, Милена сзади тронула Говорова за плечо.

«Саша, высади меня здесь, пожалуйста», — она кивнула на троллейбусную остановку.

«Как — здесь?!» — одновременно удивились Морозовы.

«Мы ещё не приехали!» — Валерка поднял на неё свои синие глазищи.

«Я уже приехала», — улыбнулась ему Милена.

«Мы тебя никуда не отпустим, — Наташа решительно посмотрела на Говорова, ведущего автомобиль, — Саш, не останавливайся, мы все едем к нам домой!»

«Понял, — кивнул тот, — едем к вам домой».

«Ну, пожалуйста, — понимая, что одной ей их всех не переспорить, Милена решила привести единственный аргумент в пользу своей просьбы, — у вас и так целый дом гостей, Валерий Фёдорович со Светланой Петровной сзади едут с Александром Ивановичем, ещё и я...»

«Ты что, наши хоромы не видела? — Дима весело обернулся с переднего сиденья, — Всех родственников можно пригласить и разместить!»

«Ну, куда ты собралась? — негромко спросила Наташа, — Ты же сказала, что ещё ничего не решила. У тебя и ключей от его квартиры нет... Ведь нет?»

Улыбнувшись, Милена молча открыла сумочку и сунула туда руку.

«Вот... — на разжатой ладони лежал золотистого цвета ключ, — Женька положил, пока я не видела...»

«Что ты будешь там делать одна? И холодильник, скорее всего, пустой... Он же у родителей жил последнее время, — Наташа взяла ключ и бросила его назад, в сумочку Милены, — побудешь у нас, а, ещё лучше, переночуешь. Дети всё равно сегодня с нами уснут... Я так по Ане соскучилась, что, кажется, с рук не спущу...»

...Днём, за столом у Морозовых Милена вместе со всеми весело вспоминала их десятидневное путешествие, наперебой с Наташей и Валериком рассказывая Димкиным родителям историю появления огромного тигра, еле уместившегося в багажнике автомобиля Александра Ивановича.

— Жаль, что укол был только один, — Светлана Петровна, которая, как и Валерий, знала об этом приключении лишь в общих чертах, под смех остальных встала в обнимку с тигром во весь рост, — нужно было этому дяденьке курс лечения назначить, был бы у Валерика целый зоопарк!

— Нас бы тогда точно в самолёт не пустили, — улучив время между звонками, которые начали раздаваться один за другим, как только он переступил порог дома, Дима навёл объектив фотокамеры на тещу, — Светлана Петровна, вы его нежнее обнимите... Я вас для истории сфотографирую...

— И меня!.. — Валерик вприпрыжку подбежал к бабушке Свете.

— Ой, тогда и Анечку! — Наташа, которая не спускала дочь с рук, встала с ними рядом — почему-то, оказавшись вблизи от огромной игрушки, девочка громко расплакалась, и все дружно кинулись её успокаивать.

— А давайте, я вас всех вместе сниму, — Милена протянула руку за камерой, — Дима, и ты становись, и родители... Вся ваша семья...

— И тигл! — напомнил Валерик.

— И тигр...

— А как же ты? — Наташа отдала дочку папе и махнула рукой, — Поставь на таймер и иди к нам!

— Правда, Миленочка! — Анна тоже кивнула в знак согласия, — Иди к нам, вместе сфотографируемся, ты ведь тоже член семьи!

— Нет, — улыбнувшись как-то грустно, Милена отступила назад, — я сегодня не в форме.

Она искренне радовалась вместе со всеми... Она, действительно, чувствовала себя своей в этой дружной семье. Она, возможно, и сфотографировалась бы с ними.

Если бы не этот тигр...

Они весь обед дружно делились впечатлениями с Анной и Александром, в мельчайших подробностях рассказывая о поездке, и даже о её знакомстве с Прохоровым — Валерий добродушно подшучивал над тем, как тому понравилась молодая красивая женщина, и он три дня подряд приглашал её покататься на его яхте... И он, и Светлана знали, с кем уезжала Милена в последние дни — она и не скрывала этого. Единственное, чего они не знали и не должны были узнать, это подробности ночи, когда прилетел Журавлёв.

«Свят-свят!.. — утром, увидев Женьку, выходящего из номера Милены, Светлана перекрестилась, и, улучив момент, тревожно припала к её уху, — А тот-то?! Директор!.. Того куда дели?! Они хоть друг друга не поубивают?!»

Успокоив женщину, что никто никого убивать не собирается, Милена, тем не менее, очень переживала, что после её отъезда Журавлёв ещё сутки будет находиться в Сочи... Зная его, она вполне могла опасаться, что он будет искать встречи с Прохоровым, чтобы поговорить по-мужски.

Она всё ему рассказала. Почти всё...

«Ленка... Почему ты решила убежать от него?»

«Мне показалось, что ты зовёшь меня».

«Я и, правда, звал».

«На самом деле я не могла тебя услышать. Это просто невозможно».

«Но ведь ты слышала...»

«Да. Я слышала твой голос. Ты звал меня по имени».

«Я не могу без тебя».

«Обещай мне, что ты ни с кем ничего не будешь выяснять».

«Я обещаю, что никогда ничего не буду выяснять с тобой».

«Не смей... Слышишь?»

«Как я тебя люблю...»

...Днём, после того, как курьер привёз ей её сумочку, она тут же набрала номер Андрея. Их разговор длился не более пяти минут. Да, он, действительно, настоящий мужчина. Даже после её ночного бегства она не услышала и нотки упрёка в его голосе... Она ему искренне благодарна. И, возможно, потом, спустя время, она сможет уже спокойно вспоминать эти три чудесных дня, проведённых в его обществе...

Три самых волшебных дня в её жизни. Несмотря ни на что.

А сейчас... Сейчас всё настолько болезненно и неловко, что она чувствует свою вину даже перед этим плюшевым тигром.

...Телефон лежал в сумочке, в прихожей, и, достав его, Милена увидела несколько пропущенных звонков. Все они были от Журавлёва. Перезвонить?.. Он спросит, где она... И, хотя в том, что она приехала к Морозовым, не было ничего плохого, почему-то ей не хотелось объяснять, почему она не поехала к нему.

Скорее всего, он надеется, что она поехала к нему...

Милена вспомнила его вчерашнее выражение глаз. Она никогда не видела их такими. В них не было радости от встречи... Не было боли от нового расставания... Не было ни счастья, ни горя...

В них был страх. Страх потерять её. Она прочла это в первую же секунду, как только встретила с ним взглядом.

Она как будто снова увидела перед собой его светло-карие глаза. Ужасно потянуло к нему...

Нестерпимо захотелось губами дотронуться до губ...

Просто взять в руки какую-нибудь его вещь — рубашку, его любимый высокий стакан, пачку сигарет...

«Наташа, прости меня... я поеду... потом позвоню...» — забежав на секунду в детскую, где Наташа укладывала Анечку, Милена на ходу расцеловала их обеих и, не дав опомниться, тут же скрылась за дверью.

...Перед тем, как войти в квартиру Журавлёва, она на секунду прикрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Чистота, поразившая её в прихожей, была абсолютно везде, как будто хозяин только что закончил генеральную уборку. Холодильник был, действительно, пуст, но это обстоятельство её ничуть не огорчило... Поход в ближайший магазин замечательно займёт её время... время, которого до завтра остаётся ещё слишком много...

Чудовищно много...

Она отправится за продуктами прямо сейчас. Вот только поправит причёску.

А ещё — раздвинет на окнах портьеры... Солнечный свет вольётся в дом и окончательно растворит остатки грусти и сомнений...

...В первый момент она не поняла, что это... Стёкла за прозрачным тюлем оказались исчерченными какими-то странными линиями... Линии были золотистого цвета и удивительно ярко выделялись на фоне солнечных лучей. Отогнув тюль, чтобы разглядеть рисунок получше, Милена ахнула...

Это был её портрет.

Портрет во всё оконное стекло... Несколько штрихов... но она узнала себя.

...Она вдруг ощутила неведомую ей ранее лёгкость. Как будто с плеч упала огромная гора.

...Оказывается, он встречал каждое утро, глядя на её черты.

...Он нарисовал её сам?..

Конечно, сам. Он никому бы не доверил рисовать её портрет.

И зря она боится за него.

Всё будет хорошо.

Он никуда не пойдёт. Он ни с кем не будет выяснять отношения.

Она это знает. Она чувствует какую-то небывалую уверенность в нём. Уверенность и покой...

Она вдруг представила его... как он лежит сейчас в номере, подложив руки под голову... родной, любимый... он лежит и думает о ней. О ней — одной... и больше ни о ком.

И так будет всегда. Он будет думать только о ней. И любить — только её. Любить и заботиться...

Осознание этого пришло к ней откуда-то свыше... Она сама до конца не могла понять, откуда взялась эта уверенность, что всё будет именно — т а к...

Но она знает: в с ё б у д е т и м е н н о т а к.

Нет, звонить ему она сейчас не будет. Если он позвонит снова, она ответит... Но сама звонить пока не будет. И говорить ничего не будет. Ей нужно привыкнуть к этому новому чувству... А он... завтра он увидит всё сам.

Только бы дождаться этого завтра.

* * *

...Она нарочно встала в стороне. Она видела, как он напрасно блуждает взглядом по толпе встречающих... Его взгляд был настолько растерянным, что, не выдержав, Милена негромко произнесла:

— Женья!

Обернувшись, он на мгновение замер... Сумка выпала из руки... В голове почему-то зашумело...

Несколько шагов в её сторону...

Сомкнуть руки за её спиной... прижаться лицом а волосам, вдыхая их неповторимый запах... и стоять так целую вечность... стоять, сжимая в объятиях самое дорогое... нет, самое бесценное, что только могла подарить судьба...

- Я боялась опоздать...
- Это я боялся опоздать.
- Сегодня везде школьники... пробки...
- Как же я боялся опоздать...

Он чуть не забыл про брошенную на пол сумку. Разжать объятия было выше его сил... но, всё-таки ему пришлось это сделать.

- Может быть, успеем к Алёнке? — уже в такси спросила Милена, — В разных школах линейки в разное время.
- Я утром, перед вылетом с ней разговаривал. Всё нормально.
- Она не обижается, что ты не смог проводить её в школу?
- Нет, не обижается, — Женька внимательно посмотрел Милене в глаза, — я сказал, что завтра приду забирать её вместе с тобой... Ты не против?
- Конечно, нет, — она улыбнулась, — я даже не против забирать её каждый день.
- Я не сомневался, — он всё так же смотрел ей в глаза.
- Почему ты на меня так смотришь?.. И куда мы едем? Ты назвал какой-то странный адрес...
- Сейчас ты всё увидишь...
- И пойму? — пошутила она.
- И поймёшь... — Журавлёв, напротив, был абсолютно серьёзным и взволнованным.

...Детский дом-интернат, куда они вскоре подъехали, сегодня был праздничным — повсюду висели воздушные шары, а плакат «Здравствуй, школа!» над учебным корпусом был виден издали.

Машенька, которую вывела к ним воспитательница, была уже не такая бледная, как несколько дней назад, и только худенькое телосложение и повязанная вместо белых бантов косынка напоминали о её болезни. Купленные Женькой по дороге пакеты со сладостями её, казалось, совершенно не интересовали: всё внимание было приковано к неожиданным гостям... Узнав Журавлёва, девочка перевела взгляд на Милену... Казалось, она не может оторвать от неё своих огромных карих глаз...

- Вы так похожи на мою маму...
- А я и есть твоя мама...

...Она знала, что так говорить нельзя! Она совершенно ничего не знала ни об этой девочке, ни о том, зачем Женька привёз её сюда... Он ничего не говорил ей дорогой, а она не спрашивала, где-то в глубине души чувствуя, что то, что он сейчас делает, очень важно для них обоих...

...Она знала, что не имеет права говорить эти слова вот так — сразу, без беседы с воспитателем, без предварительного знакомства с ребёнком, без совета с Журавлёвым... Она вообще впервые видела этого ребёнка, она не была готова к такому повороту событий, и — всё же...

...Эти слова вырвались сами собой. Как будто кто-то свыше сказал их её сердцем и губами...

— Я сейчас всё объясню... — Женька за локоть отвёл в сторону изумлённо-возмущённую воспитательницу.

Слушая его, она то и дело посматривала на девочку: обхватив тонкими ручками шею Милены, та буквально прилипла к ней всем своим худеньким тельцем. Ласково обнимая ребёнка, Милена даже не вытирала слёз, капающих на детскую косынку.

— Я знаю эту историю, — кивала воспитательница, — девочка круглая сирота...

— Почему круглая? — удивился Женька, — Отец жив, просто в тюрьме...

— Он умер, — шёпотом произнесла женщина, — Маша ничего не знает.

— Когда умер?

— Не так давно. От сердечной недостаточности. Так нам сообщили.

— Мы с женой хотим забрать её к себе. Что для этого нужно?

— Ваш брак зарегистрирован?

— Пока нет... — Женька смущённо пожал плечами.

— Начните с этого, — улыбнулась воспитательница.

— Мы начнём... Но это долго... Вы же видите... — он кивнул головой на Милену — улыбаясь, та держала девочку за руки и что-то говорила ей вполголоса.

— Как вариант, вы можете оформить гостевое пребывание ребёнка в вашей семье, — женщина тоже повернула голову, — хотя бы, для того, чтобы вы к ней привыкли, а она — к вам.

— По-моему, мы уже привыкли... — Журавлёв протянул руку идущей к нему Маше.

— С ума сойти... — воспитательница переводила взгляд с ребёнка на Милену, — Они, действительно, похожи!..

* * *

— Прости меня... — добравшись, наконец, домой, Милена в прихожей подняла на него свои огромные карие глаза, — Может быть, ты имел в виду что-то другое, когда вёз меня туда... Но я почувствовала... Я должна была так сказать...

— Всё правильно... — он отвёл с её лба светло-каштановую прядку, — Ты всё правильно сказала. Мы за этим и ехали...

— Знаешь... Когда она сказала «мама», я поняла, что это — моя дочь! Понимаешь?! Я не знала о ней... Я видела её всего минуту!.. Но я поняла... Женька... Я поняла, что это — моя родная девочка!.. Так не бывает!.. Но это — т а к!

— Недавно я познакомился с одним священником, — прижав её к себе за плечи, Журавлёв прижался щекой к её волосам, — он мне сказал слова, смысл которых я начинаю понимать только сейчас.

— Что же он тебе сказал?

— Он сказал, что грехи нужно замаливать не словами, а делами...

— Ещё бы знать, какими делами, — улыбнулась Милена.

— Я сказал то же самое...

— А он?

— А он ответил, что Господь подскажет...

Вечером они долго не могли уснуть — несмотря на трудный день, сон не шёл, отгоняемый событиями последних недель и дней.

— Как ты думаешь, Машка с Алёнкой подружатся? — Женька в темноте накручивал на палец волосы Милены.

— Думаю, да, — она улыбалась в темноте, — они же девочки. Девочки легче сходятся. Тем более, у Алёнки добрый характер...

— Две девочки... — многозначительно произнёс Журавлёв, — С тобой — три! А я — один...

— И — что?

— Нужно подумать о мальчике...

— А ты уверен, что будет мальчик? — привстав на локте, она провела рукой по его откинутому на подушку волосам.

— Уверен. Мне сон приснился...

— Какой сон?

— Ребёнок на берегу моря... Сначала я подумал, что это Валерка... Но, когда он повернулся...

— У него были мои глаза?..

— Откуда ты знаешь?! — Женька от удивления сел на постели.

— Он мне тоже приснился... Сегодня ночью. Я уснула под самое утро... Мне снилось море, и маленький мальчик на берегу... Я тоже, как и ты, подумала, что это — Валерик... Но он обернулся ко мне и сказал: «Мама!»

— И — всё?..

— Всё...

— Ты просто не расслышала.

— Что — не расслышала?

— Он сказал... он сказал: «Мама, вставай, а то проспишь папкин самолёт!»

* * *

Подперев одной рукой щеку, другой Алиса лениво вырисовывала на листке бумаги набросок мужского костюма. Вот уже несколько дней она вместе с другим модельером придумывали наряды для героев рок-оперы, которую собирался ставить Дима. Если предыдущие эскизы Алиса делала с удовольствием и в творческом порыве, то сегодняшней ей не удался никак. Вернее, ей ужасно хотелось сделать его уродским... Она рисовала детали одежды, а потом, под натиском собственных эмоций превращала их в карикатуры...

Объяснение этому было. Костюм должен был принадлежать герою, которого играл Журавлёв. Нет, она давно не строила на него планов, напротив, теперь она была к нему по-женски равнодушна... Но осознание того, что он когда-то не захотел продолжения их отношений, не давало ей покоя все эти месяцы — её несбывшиеся капризы не были отомщены, а для Алисы это обстоятельство было равноценно гвоздю в пятке.

Она с внутренним злорадством приняла известие о Женькином разрыве с Миленой; теперь же их окончательное примирение не давало ей покоя...

Знакомство с братом её родного отца, к которому она так стремилась ещё недавно, оптимизма тоже не придавало... Когда она вместе с Анной и Александром навестила Лапина в больнице, то окончательно поняла, что её мечты рухнули. Лапин предстал перед ней совершенно больным и добитым обстоятельствами человеком. На неожиданную племянницу он мало обратил внимания, то ли из-за плохого самочувствия, то ли из-за навалившихся на него собственных бед. Из разговоров родных Алиса узнала, что его дочь Кристина к нему не приехала, сославшись на неотложные дела, и что у неё самой намечаются не совсем приятные события в виде развода со своим знаменитым супругом.

Вместе с тем, личная жизнь самой Алисы, на первый взгляд, поворачивалась в нужное русло: Паша Рулёв, бывший Наташин одноклассник, а ныне режиссёр-постановщик студии Морозова, уже неоднократно предлагал ей руку и сердце, искренне влюбившись в её зелёные глаза и рыжие волосы... Но Алису больше устраивали свободные отношения. Паша ей нравился... Но роль жены её совершенно не устраивала... Она считала, что ещё не всё взяла от жизни.

— Мои девчонки сюда не заходили? — лёгко на помин, Журавлёв заглянул в помещение.

— Какие девчонки? — Алиса сделала вид, что усердно работает.

— Алёнка с Машей.

— Нет, не заходили... — ей вдруг ужасно захотелось сказать ему что-нибудь дерзкое и она бросила на него колючий взгляд, — Хочешь посмотреть на эскиз своего костюма?

— Покажи... — он с небольшой охотой переступил порог комнаты, — А что это за тряпьё тут нарисовано?

— Почему тряпьё? — придвинув к нему листок бумаги, она ехидно улыбалась, — Замечательный костюм!

— Платье придурка... — он собрался уходить, — Надеюсь, это была шутка.

— А если нет? — она, прищурившись, смотрела ему вслед, — Тебе будет как раз к лицу...

— Знаешь, что будет к лицу тебе? — оглянувшись, Женька искренне рассмеялся, — Ступа! Останешься такой злой, через несколько лет превратишься в бабу Ягу. Будешь без грима выступать...

— А если Милена кое-что узнает от этой самой бабы Яги?.. — разозлившись на его шутку, Алиса не сводила с него прищуренного взгляда, — Мне-то пофиг... А вот тебе, как молодому многодетному отцу, очередной развод будет очень неприятен...

— А если Дима кое-что узнает? — он тоже продолжал улыбаться, — Мне-то тоже пофиг, А вот тебе, как близкой родственнице, которая хотела угробить семейную жизнь своего троюродного брата, который для тебя много чего сделал, придётся объясняться...

— Да Дима случайно это пиво... — уже выговорив эти слова, она вдруг поняла, что невольно выдала себя с потрохами, — И вообще... Докажи сначала!

— Без проблем! — Женька снова обаятельно улыбнулся, — Дима второй раз отдавал бутылку на экспертизу. И там нашли остатки лошадиной дозы снотворного. А это — статья... Покушение на убийство!

— Ничего он не отдавал!

— Значит, ты не в курсе всех событий, — Женька явно её дразнил, но она, разволновавшись, этого не замечала, — отдавал... И он знает, кто и зачем подсыпал снотворное в пиво. Просто не хочет выносить сор из избы.

— Откуда он знает?! — в её голосе послышалась явная тревога, — Если бы он знал, он бы сказал...

— Он и сказал... — Женька подал плечами, — Не веришь? Спроси у него сама. Скажи ему: Дима, правда, что ты знаешь, что это я подсыпала снотворное? Он ответит...

— Врёшь!..

— Да чего мне врать?.. Мне-то пофик... — рассмеявшись, Журавлёв скрылся за дверью.

Оставшись одна, Алиса со злостью скомкала лист с эскизом и бросила в мусорную корзину. Конечно, Журавлёв мог просто блефовать... Она сама хотела его позлить, вот и нарвалась... Но, с другой стороны, он мог говорить правду.

Когда Валерик случайно нашёл спрятанную ею бутылку в шкафу, он утащил её в свою комнату и положил в корзину с игрушками... Случайно обнаружив её, Наташа отдала бутылку Димке... Он запросто мог отдать её на повторную экспертизу... Помирившись, супруги больше не упоминали о злосчастной бутылке и вообще — об этом случае, и Алиса стала потихоньку забывать обо всём... А, вдруг, они и правда всё знают?.. Нет!.. Доказать её вину невозможно. Прошло столько времени... Но она сама сейчас случайно проговорилась Журавлёву...

Нет... С планом мести, судя по всему, придётся расстаться. Лучше не ворошить... Мало ли что всплывёт... Тем более, с богатым дядюшкой вышел откровенный облом. И ссориться с Морозовыми — рубить сук, на котором сидишь...

Да и Пашка... Хоть она и сказала Журавлёву, что ей «пофик», на самом деле, ей совсем не «пофик»...

Пашка — это как запасной аэродром.

Нет. Пашка — это броня...

* * *

Не найдя Алёнку с Машей в здании, Журавлёв выбежал на улицу. Он был очень встревожен. Ему очень хотелось показать Маше студию, чтобы они с Алёнкой скорее подружились, и вместе занимались музыкой... Милена не смогла поехать с ними сегодня, и он сам взял с собой девчонок. Оставив их в репетиционной, ненадолго отлучился, но, вернувшись, не нашёл их обеих.

...Девочки, действительно, оказались на улице. Алёнка, Маша и Валерик, который тоже был сегодня здесь вместе с родителями, дружно присев на корточки, разглядывали что-то на земле.

— Валера! — видимо, тоже потеряв сына, Наташа выбежала во двор следом за Женькой, — Ты почему мне не сказал, что идёшь на улицу?!

По обернувшимся детским мордашкам было видно, что их несанкционированный уход

имеет под собой очень веские причины.

— Чего вы тут делаете? — Женька первым подошёл к детям, — А это что за зверь такой?..

— Это котёнок, — Маша подняла на него свои большие глазищи, — мы нашли котёнка!

— Откуда он здесь взялся? — Наташа тоже подошла поближе и с интересом разглядывала дымчатое, в тёмную полоску, маленькое существо.

— Он потелялся! — Валерка взял котёнка на руки и, трогательно прижимая его к себе, посмотрел на маму, — Мама, он потелялся!

— Нашлись? — выйдя на крыльцо, Дима облегчённо вздохнул, — Я даже на чердак заглянул!

— Нашлись... — Наташа многозначительно посмотрела на мужа.

— Папа!.. — Валерик перевёл взгляд на отца, — Он потелялся!..

— И что из этого следует? — Дима пальцем провёл у котёнка между ушей.

— А ты не догадываешься? — рассмеялась Наташа, с любовью глядя на сына.

— Нас часто не бывает дома... — понимая, что все его аргументы бесполезны, Дима говорил не совсем уверенно, — Что он будет делать один?

— А он... — Валерик на несколько секунд задумался, — А он будет ходить к бабушке!

— А бабушка работает... Так что нужны другие варианты... — увидев, что Наташа хочет встать на сторону сына, Дима, улыбаясь, поймал её взгляд и приложил палец к губам. Судьба пушистого малыша была решена сразу же, как только Морозовы увидели его в Валеркиных руках.

... Не замечая, как взрослые с интересом наблюдают за его искренним желанием решить проблему, ребёнок ещё какое-то время озабоченно хмурил свои бровки. Наконец, решительно вздохнув, Валерка поднял на родителей свои синие-пресиние глазёнки:

— Я плидумал! Нам нужна няня!..

ЭПИЛОГ

— Девчонки, вы всё? — заглянув в репетиционную, Журавлёв вопросительно посмотрел на Машу и Алёнку, — Закончили? А то мне сегодня некогда вас ждать, дел по горло.

— А у тебя что, нету репетиции? — аккуратно прицепив микрофон к стойке, Алёнка подошла к вешалке.

— Сегодня без меня репетировать будут, — Машин микрофон Женька пристроил сам, — и вас тоже сейчас к бабушке отвезу.

— А тётя Милена? — нехотя натягивая тёплый пуховичок, Алёнка явно тянула время.

— Она поедет со мной. Мы до вечера будем заняты.

— А вечером? Ты нас заберёшь, или мы у бабушки будем ночевать?

— Заберу, — Женька потянул на себя круглую дверную ручку, — вы сейчас одевайтесь и выходите, а я ещё в аппаратную загляну, к ребятам.

— А почему ты маму называешь тётей Миленой? — Маша подняла на Алёнку свои карие глазки.

— Потому, что она мне не мама. Мою маму зовут Кира, просто она сейчас уехала. А почему ты папу зовёшь дядей Женей?

— Потому, что он не настоящий папа... Моего папу зовут Роман...

— А где он?

— Он тоже уехал. Надолго... Сначала мама уехала... Потом папа уехал. А теперь мама вернулась!

— Но она тоже не твоя настоящая мама... — Алёнка с сомнением покачала головой.

— Настоящая! Только раньше её звали Вера... а теперь — Милена.

* * *

— Ну, что, парни, всё нормально?.. — Женька быстрым шагом вошёл в аппаратную, — ленты, шарики, бантики...

— Иди уже!.. — хором, не сговариваясь, рывкнули Говоров и Мазур, на секунду оторвавшись от компьютера, на котором монтировали какое-то видео.

— Женька! — стоя рядом с ними, Наташа тоже обернулась на Журавлёва, — ты ещё здесь?! Тебя Милена сейчас убьёт, а ещё хуже, передумает замуж за тебя выходить!

— Не, ну, вы точно ничего не забыли?! — пятясь к выходу, тот озабоченно смотрел на друзей.

— Да не забыли! — уже втроём выкрикнули друзья, повернув к нему свирепые лица.

— Ну, всё, я побежал... — одной ногой он переступил через порог, — А то мне ещё девчонок к матери нужно отвезти!

— Женька! — догнав его в коридоре, Наташа подошла ближе и заговорила вполголоса, — Подожди... Знаешь, я всё же думаю, нам с тобой завтра не стоит эту песню в ресторане петь.

— Почему?..

— Ну, понимаешь... На нашей свадьбе с Димкой она звучала уместно... Но на вашей — не очень...

— А чего делать? — он растерянно застыл, — Мы, вроде как собирались...

— Ничего не делать, — улыбнулась Наташа, — сюрприз тебе будет.

— Наташка... — он слегка приобнял её за плечи, — мне и так от вас сплошные сюрпризы!

— Перестань! У вас и так сейчас забот полно... Многодетные родители, — рассмеялась Наташа, но потом посерьёзнела, — Кстати... Как Машуня? Так и зовёт тебя дядей Женей?

— Так и зовёт, — Женька грустно улыбнулся, — Ленку сразу мамой стала называть, а вот со мной — засада... И привыкла уже, и не стесняется вроде... А как папой назвать — сразу ступор...

— Назовёт! — Наташа ободряюще кивнула, — обязательно назовёт!

Вернувшись в аппаратную, Наташа застала там ещё и Диму — присоединившись к Сашке с Витькой, тот тоже принимал участие в творческом процессе.

— Говорила вам — надо всё заранее делать! — она шутливо погрозила мужу пальчиком, — Двойной праздник всё же! И подарки и поздравления — двойные!

— Да... — Говоров старательно водил мышкой, — Угораздило Жеку жениться в свой день рождения!..

— Совмещать праздники стало традицией, — усмехнулся Морозов.

— Угу, — кивнул Мазур, — седьмого сентября вашей Анютке год праздновали, и крестины заодно... Как только ваша дача уцелела!..

— Наша дача и не такое видела, — засмеялся Дима, — а вот как студия уцелела, когда десятилетие «Ночного патруля» отмечали, и заодно Сашкин день рождения!..

— Студия студией, — подхватил Говоров, — как всё черноморское побережье уцелело, когда мы седьмого октября там, на гастролях одновременно Путина поздравляли и мою Ирку... — он покачал головой, — Это ж надо до такого додуматься... Хорошо, что её с нами не было, а то лежал бы я сейчас на дне морском.

— Хорошо, что там не было Путина, — усмехнулся Морозов.

— Да, картинка была что надо, — заржал Витька, кивая на Сашку, — и, главное, этот подлец так виртуозно всё сплёл, что народ запутался, за что пить — за президента, за олимпиаду или за девушку Иру...

— Кстати, Наташка предлагает премьеру рок-оперы приурочить к восьмому марта, — почесав макушку, Дима оглянулся на жену, — опять двойной праздник?..

— А почему именно к восьмому марта? — Говоров удивлённо пожал плечами, — Почему не к первому апреля, например?

— Потому, что восьмое марта — женский день, — Наташа загадочно улыбнулась, — а главная героиня — девушка, если ты ещё помнишь содержание!

— Содержание помню... и, даже эту девушку знаю, — Сашка украдкой бросил на неё недвусмысленный взгляд.

— Ну, это — не ко мне, — она покачала головой, — это была Димина идея. Я только написала по ней сценарий.

— Молодец, Димыч, — кивнул Витька, — другие любимым женщинам стихи посвящают, в крайнем случае — песни... А ты — сразу оперу!

— А ещё он обещал на мне жениться... — Наташа лукаво посмотрела на мужа.

— В смысле?! — вытаращился Говоров, — Как — жениться?..

— По церковному обряду, — Дима по очереди посмотрел на друзей, — Венчаться будем на Рождество.

— И опять два повода... — Сашка обречённо почесал кадык.

— Не два, — Наташа загадочно посмотрела на ребят, — а целых три!

— Не понял, — Витка поднял на неё глаза, — а третий что за повод?

— Алиса с Папкой подаёт на днях заявление, — шёпотом произнесла Наташа, оглядываясь на дверь, — но это пока секрет, и день ещё не назначен, просто мы так прикинули, что как раз на Рождество, ну, в крайнем случае, на Новый Год!..

— Эх вас всех торкнуло! Свадьба за свадьбой!

— Точно... — Наташа испуганно всплеснула руками, — Свадьба!.. Работаем, мальчишки!.. А то на жениха наорали, что он за всё переживает, а у самих ничего не готово!..

Внезапно отворившаяся дверь заставила оглянуться всех четверых. Хорошенькое детское личико с огромными карими глазами робко заглянуло в помещение аппаратной.

— Маша, ты чего? — приветливо воскликнула Наташа.

— А папы здесь нет?.. А то мы с Алёной его ждём, ждём...

— Папы? — услышав это слово, Наташа радостно просияла, — Папы нет... Подожди... — она вдруг озабоченно нахмурилась и тут же, как по команде, четыре изумлённых физиономии повернулись к двери:

— Так он ещё не уехал?!

* * *

— Ленка... — после застольного шума и грохота музыки тишина, окутавшая их, казалась настоящим наслаждением, и имя, произнесённое в этой тишине, слышалось по-особому, не так, как обычно.

— Что? — прошептала она в ответ, в полумраке комнаты не сводя с него счастливых глаз.

— Ровно десять лет назад закончилась моя жизнь.

— И моя.

— Сегодня она воскресла... Мы потеряли десять лет...

— Но ведь это мало? Правда?..

— Это ничтожно мало... и ужасно много.

— У меня из головы не идёт этот романс, который пела Наташа...

— Это композиция из новой рок-оперы. Она спела её специально для нас...

— Как она называется?

— Так же, как и сама опера. «Ты услышишь мой голос».

— Там такие слова... Я слушала, и мне казалось, что их говорит моё собственное сердце...

— И мне. Это и есть сюрприз, о котором она говорила...

- Я хотела бы услышать его ещё раз...
- Он есть в записи. Сейчас включим...

...Слушая завораживающий Наташин голос, Милена думала, что вся её жизнь уместилась в этих нескольких строках... Она смотрела на Женьку, и ей казалось, что каждое спетое Наташей слово, словно нить, проходит через её сердце и устремляется дальше — к нему... И там, в его душе, такой же нитью проникает в самые сокровенные уголки, оставаясь в них навсегда...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ты услышишь мой голос в полуденном шорохе листьев.
Ты увидишь мой след на краю уходящего дня.
И в полночной тиши позабытое имя, как выстрел.
Прозвучит и напомнит — такую родную — меня.

Приведёт на заброшенных нами дорог перекрёсток.
Где бесспорные истины на удивленье просты...
Где сентябрь, запоздало согрев опустевшие гнёзда,
Золотистые платья берёз будет рвать в лоскуты...

Где рассвет, второпях застыдив обнажённую рощу,
Пожалеет потом, посулив ей наряд по весне...
Где простуженно ветер вздохнёт, будто старый извозчик...
...Ты иди по любой... Все отныне дороги — ко мне.

Эвелина Пиженко. 2014 год.